

Библиотека
исторической
прозы
для детей
и юношества

М. Езерский

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

М. Езерский

Гракхи

Марий

и

Сулла

Scan Kreyder - 20.04.2015
STERLITAMAK

Древний мир

Древний Рим

Милий Езерский

Гракхи

Марий и Сула

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

МОСКВА
Издательство «ТЕРРА»
Издательство «УНИКУМ»
1999

УДК 82-93
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Е42

Оформление Б. Киреева
Иллюстрации В. Кузнецова

Езерский М.
Е42 Гракхи; Марий и Сулла: Романы. — М.: ТЕРРА; Уникум, 1999. — 832 с. — (Библиотека исторической прозы для детей и юношества).

ISBN 5-300-02780-4

ISBN 5-86697-003-1 (сер.)

УДК 82-93
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02780-4

ISBN 5-86697-003-1 (сер.)

© М. Езерский, 1999

© В. Кузнецов. Иллюстрации, 1999

© Издательство «Уникум», 1999

ГРАКХИ

**МАРИЙ
И
СУЛЛА**

П Р О Л О Г

Третья Пуническая война кончилась полным разгромом неприятеля. На месте разрушенного Карфагена плуг римского жреца взрыл последнюю борозду, и тотчас же вспаханную землю засеяли солью и предали вечному проклятью.

Римские легионы, выстроившись, не сводили глаз с огромного пустыря, где совсем недавно шумел богатый торговый город, грозный соперник Рима, краса финикийских гаваней.

Победоносный полководец Публий Корнелий Сципион Эмилиан Младший, окруженный сподвижниками, выехал верхом на середину поля и произнес речь, поздравляя воинов с окончанием Ливийского похода. Он объявил, что легионарии, вернувшись в Италию, получают заслуженный отдых и награду, и, повернув коня, отъехал к преторию*. Легионы прокричали громогласным хором благодарность вождю и сенату и стали расходиться.

Знойное африканское небо казалось добела раскаленным, и жаркое, как полыхающая печь, солнце чудовищным глазом разъяренного циклопа висело над потрескавшейся землей и сухими песками, которые вздымал морской ветерок. Вспотевшие люди бежали в тень палаток и к морю, чтобы на ветру окунуться в соленую воду.

В одной из палаток сидели два старых легионария, тихо беседуя:

— Не радуется меня отдых, — говорил широкоплечий воин с темно-багровым лицом, исполосованным в боях, — приехали земляки из Арпина, говорят: «Тяжело жить, патриции разоряют пахарей, отбирают за долги земли...»

— Басни, Тит, басни!..

---

* Смотри словарь античных слов в конце книги.

— Клянусь Марсом, земляки говорят, что в виллах работают только рабы, а свободнорожденных не берут. Куда же нам идти? В город? А что там делать? Ремеслом заняться? Эх, трудно отвыкнуть от земли! Молчишь, Марий?

— Теперь возделывать хлеб невыгодно. Разве не знаешь, что привозной: египетский и сицилийский — дешевле нашего? В виллах разводят виноград, сажают оливки: поняли, видно, что это — прибыльнее.

— Что же ты спорил? — удивился Тит.

— Нет, я не спорил. Я думал так: возвращусь на родину — для себя буду сеять хлеб, а виноград и оливки пойдут на рынок.

Тит засмеялся:

— Эх ты, чудак! Вспомни, что говорил Маний: и ты, и я, и он — все мы разорены, и нам теперь не подняться.

Марий прищурился:

— У Мания язык вертится, как спица в колесе.

— Он сказал, — продолжал Тит, — что твоя жена продает утварь.

Нахмурившись, Марий молчал. Не дождавшись ответа, Тит встал и вышел из палатки.

Земляки из Арпина, приплывшие в Африку, были их соседями, и Тит хотел расспросить подробнее о жизни разоряющихся земледельцев.

Их было человек восемь — все в заплатанных туниках, в грубой, самодельной обуви из воловьей шкуры, в накинутых на плечи плащах. Они полулежали в палатке, переругиваясь.

— Молчи, чтобы гром тебя поразил! — крикнул человек с бронзовым лицом и быстрыми черными глазами. — Слыхали?

— Голодны мы, с утра не ели, а ты — слыхали?! — ответил седой бородач со впалыми щеками.

— Опоздали в легион, понял? Воины поедут на отдых...

— На отдых? Ха-ха-ха... На какой отдых? Они разорены. Ни крова, ни пожитков. Слышишь, Маний? Видно, женам и дочерям идти в Субурру.

— Молчи, бородатый Тифон!

В это время в палатку вошел Тит, и спор прекратился:

— Садись, садись, — заторопился Маний, подстилая свой плащ. — Что один? А где Марий?

— Марий упрям. Он поверит, когда увидит.

— А мы спорили с Аэцием — он свое да свое...

— О чем? — спросил Тит, повернувшись к Аэцию, которого уважал, как и все соседи, за помощь по хозяйству и за отливку разных вещей из бронзы и меди.

— Что, Камилл, — не ответив, обратился тот к младшему сыну, почти юноше, который сидел в стороне, — видно, в батраки нам идти.

— В батраки, батраки? — крикнул Маний. — Кто возьмет?

— Что же нам делать? — задумался Аэций.

— Требовать земли, — твердо сказал Тит, — пусть народные трибуны подумают о бедняках...

Марий лежал в глубине своей палатки, и сомнения не давали ему покоя; если земли больше нет, если же на все распродала, то как жить дальше? Если бы республика помогла, он поправил бы свои дела и поборолся бы еще с патрициями.

На другой день легионы отплывали в Италию на карфагенских судах, захваченных победителями, на римских триремах и квадриремах. Гребцы пели хвалебные гимны в честь Сципиона Эмилиана, величая его Африканским, превознося его подвиги, храбрость, честность.

Марий, Тит, Маний и Аэций, подпевая, смотрели на пустынные берега Африки, на спокойное море, солнечно-лазурное, на небеса, радующие глаза, и забывали о трудностях предстоящей жизни. А когда, после нескольких дней пути, они увидели зеленые берега Италии, леса и рощи, деревеньки и виллы, когда услышали медью звенящую римскую речь, они воздели руки к небесам и воскликнули:

— Хвала богам за счастливое возвращение к ларам! Пошлите нам, боги, мир и благополучие на родине!..

* * *

Все, что рассказывали земляки, оказалось правдой: разоренные земледельцы метались между виллами и городами в поисках работы, а патриции и всадники жили в довольстве и роскоши, которую не в силах были сдержать ни суровые законы римских магистратов, ни строгое наблюдение цензоров. Деревенская беднота шла в города, увеличивая огромное число плебса, приспособляясь к жизни ремесленников; количество землевладельцев падало, и республике неоткуда было вербовать на военную службу здоровых духом и телом воинов, подобных тем, которые столетиями стояли на страже Рима, воевали и расширяли его владения.

В полях работали *орегаріі* — рабы, закованные в кандалы, на виллах — тоже рабы и невольницы, и только на время полевых работ нанимались свободно-рожденные, а те, что оставались на круглый год, были немногочисленны.

Фульциния, жена Мария, встретив мужа на пороге ветхого домика, расплакалась. Из-за спины ее выглядывал крупный мальчик с хмурым лицом.

— Подойди, Марий, — сказал отец, обращаясь к сыну. — Дай на тебя посмотреть. Как ты вырос!

Они обнялись.

— Это не жизнь, — с внезапной злобой вымолвил мальчик. — Все кричат: «Когда же плебс соберется с силами?»

— Что ты говоришь? — засмеялся отец. — Сенат позаботится о нас...

Работая однажды с сыном в поле, он увидел Тита, пахавшего свою полосу.

— Боги и республика — за нас, — весело сказал Марий своему другу. — Увидишь, Тит, как заживем, увидишь!..

Тит недоверчиво покачал головой.

— Нам с тобой удалось взять поля в аренду, поскольку мы — воевали, — ответил он, — а Маний и Аэций ничего не добились: одному пришлось ехать в Рим, а другому — в Капую...

— А что они там будут делать?

— Что придется. Вот почему я не верю в помощь республики. Подумай: кто во главе ее? Патриции. Кому платим за землю? Патрициям. Кто разоряет нас? Они, они, все они! Понял теперь? Землю нужно завоевывать...

Марий задумался. Речи Тита напомнили ему слова сына: «Когда же плебс соберется с силами?». Тогда сын не договорил, но отец понял, что он хотел сказать.

Г Р А К Х И

КНИГА ПЕРВАЯ * ТИБЕРИЙ

Глава I

В доме Сципиона Эмилиана вставали чуть свет: сперва подымались рабы — бронзовый язычок медного колокольчика возвещал о наступавшем утре; через несколько минут слышался голос матроны, возгласы рабынь, властная речь хозяина. И дом оживал, наполнялся звоном посуды, топотом ног, шорохами.

Сципион сидел в таблиниуме перед этрусским зеркалом, и молодой раб, грек из разрушенного Коринфа, старательно покрыв его щеки смесью масла и золы, взял со стола полукруглую бритву и принялся брить господина. Эмилиан видел отражение своего полного лица, румяного, как у юноши, без морщин, несмотря на преклонные годы, видел быстрые, живые глаза, виски, убеленные серебром старости, и думал, что ему уже под пятьдесят (так старый Хронос, владыка вечности, торопливо сгонял в кучу мгновения, часы, дни и месяцы, нагромождая годы), а республика как будто забыла о нем, предоставив его жизнь и досуги наукам, литературе, философии, спорам о политике в любимом кружке; там собираются умные, даровитые мужи, приятно проводят быстролетные часы, обсуждая Ксенофонта, Платона, Аристотеля, римских поэтов и писателей. Потом мысли его перенеслись на Полибия, греческого историка, друга и мудрого советника, попавшего в неволю в числе многих ахейян, обвиненных в измене, и он подумал, что для него нужно что-то сделать, вознаградить за труды, отпустить на свободу.

«Да, отпустить, но ведь он отказывается, — с радостью, вызвавшей стыд, подумал Сципион, — а отказывается оттого, что афиняне считают его изменником: “Привязался к Риму, подружился со Сципионом”, — и ехать ему как будто некуда... На родину, в Мегалеполис? А что он там будет делать? Сам говорил, что нет там ни родных, ни друзей, — кто умер, а кто продан в рабство... В Ахею? Но там его не любят и хотя терпят, когда он приезжает, то потому только, что связь с ним им выгодна. А станет жить в Ахее — умертвят его исподтишка. Греки хитры, мстительны и злопамятны». И как он ни прикидывал — все сводилось к тому, что Полибия отпустить нельзя, что историк прав, отказываясь, и останется, быть может, навсегда гордостью и украшением кружка.

Он не заметил, когда раб выбрил ему щеки и подбородок; теперь брадобрей стоял перед ним с глиняной чашкой и грубым полотенцем.

— А, уже? — очнулся Сципион и принялся умываться, фыркая и разбрызгивая теплую воду.

Войдя в атриум, он подошел к жене, поднявшейся ему навстречу, и поцеловал ее в лоб. Она, зардевшись, как девочка, схватила его руку, чтобы поцеловать, но Сципион отдернул и спросил ровным голосом:

— Как спала, Семпрония?

Жена улыбнулась, кивнула в знак благодарности. На ее щеках проступил бледно-розовый румянец. Лицо ее, усеянное круглыми, как зернышки, неглубокими ямочками после неизвестной болезни в детстве, было некрасиво.

Сципион прошел в таблиум, раскрыл домашнюю книгу, в которую заносились все поступления, начиная с денег и кончая плодами, а также расход по дому, спросил о хозяйстве, справился о съестных припасах и сказал:

— Распорядись, чтобы рабы закупили, что нужно, в лавках Сульпиция и Герания по своей цене.

Когда Семпрония вышла, он сел у водоема. Занавеси, служившие обыкновенно днем для защиты атриума от солнца, были раздвинуты вверху, у отверстия в

крыше, и бледное утро проникало в дом, дыша прохладой. Напротив, во всю боковую стену, проглядывало из-за колонн изображение пожара Трои: огненные змеи вздымают красные языки к черному небу, храмы и дома, объятые пламенем, рушатся, голые женщины и дети в ужасе мечутся на улицах, бросаются под ноги разъяренных лошадей, а на развалинах, залитых морем огня, идет страшный последний бой.

«Так же, как сгорела некогда Троя, разрушен мною Карфаген». Он вспомнил о своих слезах на пепелище сильного, богатого города и беседу с Полибием о гибели в будущем Рима:

Будет некогда день и погибнет священная Троя.
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

Семпрония вернулась, села рядом с мужем. Вслед за нею в атриум вошли рабы и невольницы. Они низко кланялись, приветствуя господина, а госпоже целовали руку. Так было заведено самим Сципионом: он не хотел подражать патрициям, рабы которых бросались к их ногам, целовали руки господина, потому что считал себя другом угнетенных: человеческое отношение его к невольникам было известно всему Риму.

Не успела удалиться Семпрония, а за нею рабы, как у входных дверей слышались голоса. Сципион знал, что это пришли клиенты с утренним *salutatio*¹, что они стоят перед дверью и смотрят который уже раз на надпись с добрым предзнаменованием: «*Felix hic locus*»², на имя господина, вырезанное на дереве, и на рисунок, изображающий Валетиду, богиню здоровья, сидящую у ног Юпитера, и он приказал впустить клиентов.

Черный эфиоп, сверкая желтоватыми белками глаз, распахнул двустворчатую дверь, открывшуюся внутрь, и в атриум ворвались голоса, утренний ветерок.

Клиенты входили медленно, с порога кланялись и, проходя мимо вставшего с лавки патрона, приветствовали его громкими выкриками:

---

¹ Приветствие. (*Лат.*)

² Счастливо это жилище. (*Лат.*)

— Ave domine!¹

Сципион был высокого роста, плечист и теперь, стоя среди атриума, казался выше клиентов на голову. Приветливо улыбаясь, он жал им руки, беседовал с ними: одного спрашивал о здоровье, другого — о родах жены, третьего — о женихе дочери, четвертого — о судебном решении по его делу; каждого клиента он знал по имени, помнил его службу и ценил, сообразуясь с тем, насколько тот был честен, полезен и предан ему.

— Скажи, Афраний, — обратился он к седому клиенту со слезящимися глазами и взлохмаченной бородою, — как твое дело с Назикою? Разбиралось уже?

— Нет, господин, все откладывается, — сказал старик и прибавил вполголоса: — Думаю, Назика подкупает судей. А что может сделать неполноправный человек? Ты знаешь, я лишен возможности владеть землею.

Это была тяжба со Сципионом Назикой из-за клочка земли, арендованной Афранием у Фульвия Флакка: жадный оптимат привлек к суду обоих, заявив, что участок по праву принадлежит ему, и ссылаясь на то обстоятельство, что земли, расположенные рядом, возделывались его рабами, и хотя этот клочок составлял общественную собственность, владеть которой все отказывались, в том числе и сам Назика, он заявил в суде, что передумал и решил взять землю, но Фульвий Флакк “похитил” ее из-под самого носа. Это был пустырь, заросший сорными травами, и никому не приходило в голову, а меньше всего Сципиону Назике, что, возделав эту землю, можно извлечь из нее пользу. Сам Афраний, как клиент, не мог тягаться в суде с сильным оптиматом и надеялся на помощь патрона.

— Не беспокойся, Афраний, — сказал Сципион Эмилиан, окинув быстрым взглядом толпившихся в атриуме и на улице людей (все они принадлежали к роду Корнелия, и кроме своего имени, назывались Корнелиями, потому что род патрона переходил на

---

¹ Привет господину! (Лат.)

них): он сразу увидел, что большинство были любопытные, пришедшие пожелать доброго утра и узнать новости, и только небольшая часть состояла из преданных людей, сопровождавших его ежедневно на форум, а несколько человек — самые близкие и преданные друзья — не оставляли его ни на минуту, когда он находился вне дома, и считались членами семьи наряду с родственниками.

Афраний принадлежал ко второму разряду: у него были свои дела, мало свободного времени, и он мог сопровождать патрона только на форум.

Сципион позвал к себе вольноотпущенников Сульпиция и Герания и спросил, как идет торговля. Это были молодые люди, любимые патроном за честность и привязанность к нему.

— Дела идут хорошо, — молвил Сульпиций, — лавка у храма Кастора дала за вчерашний день двести ассов прибыли, таверна у Мугонских ворот — четверста, потому что я стал продавать вино на унцию и секстанц дешевле, и народ повалил ко мне. С овощной же лавки на Палатине имеем пятьдесят чистых ассов по вине раба, который поздно доставил бобы, горох, лук и чеснок.

— Ты наказал его?

— Я велел дать пятнадцать ударов.

Сципион вспыхнул: на правой щеке задрожал мускул, что служило признаком раздражения.

— Чьей властью? — спросил он свистящим шепотом. — Ты узнал, почему раб опоздал? Говори.

Сульпиций молчал.

— Говори же! — бешено крикнул Сципион, и лицо его налилось кровью.

В это время чья-то рука легла ему на плечо, и старческий голос нарушил тишину, охватившую атриум.

— Умей умерять гнев; берегись, чтобы злой демон не испортил тебе дня.

Сципион обернулся; сзади стоял Полибий в светлом хитоне. Спокойное лицо друга, обросшее белой густой бородою, греческая речь, голос, в котором слышалось порицание, подействовали на Сципиона умиротворяю-

ще. Он смутился, лицо его смягчилось, приняло обычное выражение холодного равнодушия.

— Ну, а твои дела? — обратился он к Геранию, но Сульпиций, от которого Сципион отвернулся, бросился к его ногам, охватил его колени.

— Не гневайся, господин, — шептал он, — лучше накажи недостойного раба твоего!

— Встань, Сульпиций, — погорячился я, но и ты виноват. Если раб опоздал не по своей вине, исправь зло...

И резко повернулся к Геранию.

— Мои дела шли не так хорошо, как у Сульпиция. От продажи оливок я получил прибыль в сто ассов, а вино дало сто двадцать три асса.

Не успел он договорить последних слов, как толпа расступилась, и в атриум проник маленький горбун с мрачными колючими глазами на лице, обросшем рыжим волосом. Одежда его состояла из дорогой хламиды, усыпанной золотыми и серебряными блестками, похожими на звездочки, голый череп желтел, как спелая тыква.

Горбун бросился к ногам Сципиона, схватил край его тоги, прижал к губам.

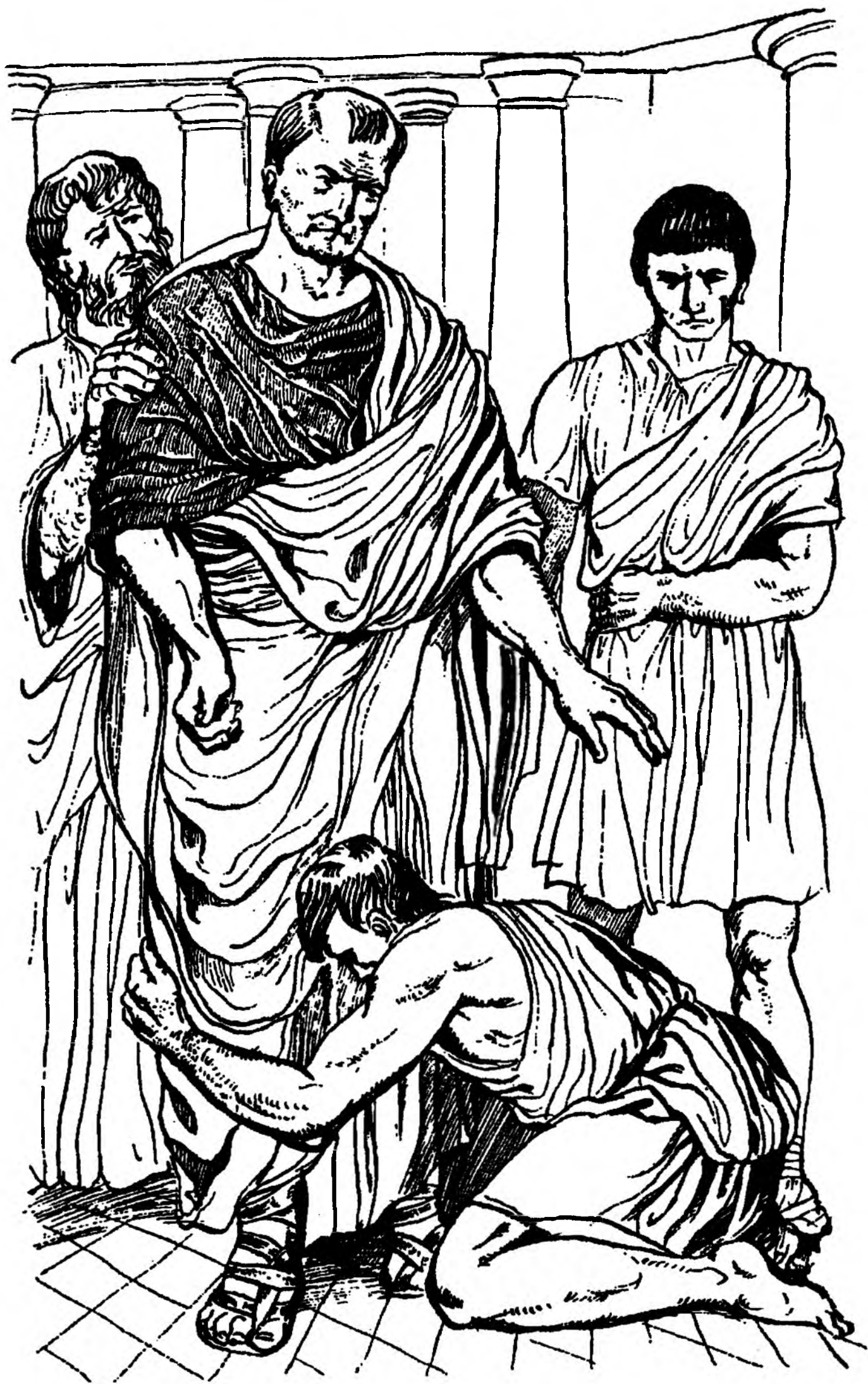
— О, господин мой, — крикливым голосом заговорил он по-гречески, — я чужеземец и обращаюсь к твоему высокому, великодушному покровительству. Прими меня под свою защиту, не дай попасть в рабство. Ты — величайший полководец, поразивший ливийских пунов, слава и гордость державного Рима...

— Кто ты и откуда? — прервал его Сципион, не любивший лести. — Да встань же! Я такой же человек, как и ты...

— О, господин мой! Я бедный изгнанник из Пергамского царства... Нет, даже не изгнанник, а беглец. Я бежал от гнева Аттала... Я — купец, резчик по драгоценным камням, геммам, я подарю тебе...

— Замолчи, бесстыдный человек, — послышался старческий голос Полибия. — Разве не знаешь, что Сципион Эмилиан делает добро не ради подарков?

Мрачные глаза горбуна сверкнули злобой. Улыбка мелькнула на тонких губах:

— Не гневайся, господин, лучше накажи недостойного раба твоего!

— О, прости меня, великий римлянин, за глупость, которую выговорил мой язык! О, прости, прости, заклиная тебя именем Юпитера-Статора! — и зашептал, приблизившись к Сципиону: — Я не только купец, но и чародей. Я знаю тайны неба и земли, предсказываю будущее, излечиваю недуги, приготавливаю любовные напитки.

— Молчи, — с презрением прервал его Полибий. — Ты все знаешь и все можешь, а не знаешь к кому попадешь клиентом, и не мог повлиять на Аттала, чтобы он не выгнал тебя из своего царства.

Ненависть загорелась в мрачных глазах горбуна.

— На все воля богов, — смиренно произнес он, наклонив лысую голову. — Мой корабль плывет теперь по морю и через несколько дней будет в Риме. Я везу древние папирусы времен Трои, доспехи Александра Македонского, купленные мною у Селевкидов за сто талантов, филиппики Демосфена и... — быстро взглянул он на Сципиона, — и... «Анабасис» Ксенофонта...

Лицо Сципиона загорелось: в глазах сверкнула радость, и Полибий подумал: «Хитрый горбун ловко попал в Ахиллесову пяту».

— Ксенофонт почитаем мною, — услышал он голос Сципиона, — и если мы сойдемся в цене...

— О, господин мой, — страстно вскричал горбун. — Все мое — твоя собственность, и я сам с красавицей женой и афродитоподобной высокоподпоясанной дочерью — твои рабы.

— Ты еще не назвал своего имени...

— Я — Лизимах, родом из Родоса. Мой покойный отец оказал услугу победителю Ганнибала: когда не хватило у римских войск продовольствия, он доставил в лагерь при Заме много медимнов пшеницы...

— Если ты говоришь правду...

— О, господин мой! Взгляни на этот перстень: сам Сципион Африканский Старший вручил его моему отцу.

И он протянул тяжелый золотой перстень с широким топазом, на котором было высечено: «P. Cornelius Scipio». Сципион Эмилиан смотрел на перстень и думал о том недалеком прошлом, когда сражался и побеждал, веря в великое будущее Рима, знаменитый

полководец: его доблестных легионов уже нет, но слава побед переживет века, докатится до чуждых поколений.

Голос Полибия вывел его из задумчивости:

— Мы можем легко узнать, принадлежал ли этот перстень Сципиону Старшему.

— Каким образом?

— Покажем его благородной Корнелии. Если дочь видела перстень своего отца — всякие сомнения отпадут.

— Тогда я приму Лизимаха под свое покровительство. Пошли кого-нибудь к Корнелии.

Отпустив клиентов, кроме близких и верных друзей, Сципион прошел в таблиниум, вынул из архива свиток папируса, озаглавленный «Чужеземцы», и кликнул раба-писца.

— Впишешь этого человека, — указал он на Лизимаха, молча стоявшего у водоема и озиравшегося исподлобья по сторонам, — в число моих клиентов. Не забудь расспросить его подробно о семье, состоянии, рабах.

Писец, юноша-александриец, низко поклонился.

В это время вернулся Полибий.

— Я побывал у благородной Корнелии, — сказал он, возвращая перстень Лизимаху, — и матрона, заплакав, признала драгоценность собственностью отца.

— Я не сомневался в этом, — кивнул Сципион и шепнул другу: — Но скажу тебе по совести — не нравится мне этот горбун.

— Ты прав, — также шепотом ответил Полибий, — я сразу увидел, что у него низкая, коварная душа.

Сципион обернулся к греку:

— Скажи, Лизимах, известны ли тебе обязанности клиента и будешь ли их честно исполнять?

— О, господин мой! — вскричал грек, взмахнув рукой. — Будь во мне уверен. Я — человек исполнительный, был послом в Каппадокии, управлял городами Пергамского царства...

— Однако ты бежал из Пергама...

— Пусть Немезида накажет царя!.. Он хотел мою жену и дочь запереть в своем гинекее...

Зазвенел колокольчик, трижды, с перерывами.

— Уже три часа¹, время завтрака, — удивился Сципион, — этот горбун задержал нас.

Завтрак Сципиона был прост: свежий хлеб, который обмакивали в вине с медом, финики, оливки. За большим столом сидели Сципион, Семпрония, Полибий, клиенты, пребывавшие постоянно при патроне, а также Сульпиций и Гераний; оба вольноотпущенника отлучались по делам, когда Сципион спал или у него собирался кружок, а в лавках торговали надежные рабы, которым за старательную службу была обещана свобода; за вторым столом сидели клиенты, сопровождавшие патрона только на форум, и в их числе — Афраний и Лизимах; за третьим — рабы и невольницы.

Солнце, продираясь сквозь густые листья дикого винограда, цепко тянувшегося вверх, играло на каменных плитах у входа, когда Сципион и Полибий, окруженные толпой клиентов, вышли из дому.

Лизимах шел сзади, с любопытством озираясь по сторонам: неприглядны были постройки, мрачны здания богачей. «И это — всемогущий Рим, гроза народов, — с презрительной улыбкой думал грек, сравнивая Рим с Афинами, — и это народ, покоривший Карфаген и Грецию! Какая бедность!»

Но когда он увидел гору и на юго-западной вершине ее Капитолий, казалось, подпиравший прозрачно-голубое небо, а кругом мраморные сооружения, воздвигнутые Сципионом Назикой, величественный храм Юпитера и посередине — *Asylum Romuli* (убежище Ромула), в смуглом золоте орнаментов; когда увидел в стороне темный Табулярий, в котором находились архив и сокровищница, а на северных склонах горы крепость с храмом Юноны и *Auguraculum*, откуда авгуры наблюдали небесные затмения; когда эта громада зданий приблизилась, возносясь в солнечном сиянии, как бы собираясь улететь, он с недоуменным восхищением остановился; форум кипел: разрозненные голоса клиентов, крики торговцев из соседних улиц, возгла-

---

¹ Три часа по летнему римскому времени соответствуют 8 ч. 13 мин. 30 с. утра (Европейское время).

сы плебеев, рабов — все это сливалось в многоязыкий говор, где нежная, приятная для слуха греческая речь пресекалась медно-грубой латинской или быстрым гортанным языком варваров-вольноотпущенников.

Форум находился между Капитолием, Эсквилином и Палатином.

Лизимах смотрел на храмы, здания и базилики, в которых толпился народ, и глаза его разбегались.

«Да, хорош Рим, — подумал Лизимах, — конечно, это не Афины, а все же после них он займет первое место в мире. В Александрии прекрасна и обширна библиотека — и только, в Пергаме — сады и царский дворец, а здесь и набережная, и доки, заново отстроенные Гермодором, и холмы с храмами, и форум».

Между тем Сципион, приветствуемый возгласами: «Vivat»¹, обошел весь форум. Он встретил Назику, дерзкого великана с грубым голосом, и, отозвав его в сторону, заговорил о тяжбе с Фульвием Флакком и Афранием:

— Ведь ты знаешь, что это дело несправедливое, Афраний — мой клиент, и я...

Полное лицо Назики налилось кровью: он ненавидел Фульвия Флакка и готов был на все, чтобы досадить ему, но против Эмилиана идти не решался.

— Если хочешь, я прекращу тяжбу, — молвил он с нескрываемым сожалением, — я затеял ее для того, чтобы...

— Знаю, — усмехнулся Сципион, — но поверь, если это дело будет проиграно Фульвием, он ничуть не опечалится, и только мой клиент потеряет много.

Сципион Эмилиан взял Назику под руку и повел в Basilica Aemilia, где решались судебные дела.

Афраний, узнав, что тяжба прекращена, тотчас же отправился обрадовать Фульвия Флакка, думая, в простоте душевной, что и патриций будет доволен не менее его, но тот равнодушно пожал плечами. У него были иные заботы: он сидел над свитком папируса, края которого придерживал вольноотпущенник Геспер, и писал что-то.

---

¹ Да здравствует! (Лат.)

Послеполуденный отдых Сципион Эмилиан провел, лежа на постели, раздумывая, сколько запросит хитрый грек за «Анабасис» Ксенофонта: «Если книга в золотом переплете, с застежками, написана четко, красиво и грамотно, то не жаль заплатить двадцать тысяч сестерциев, да горбун, наверно, запросит один талант, хотя и хитрил, обещая подарить. Ну, а если захочет сделать подарок, взять или нет? Ведь получится, что я за книгу принял его в клиентелу... Нет, откажусь. Не пристало Сципиону Эмилиану получать подарки, когда он сам может дарить». Но тут он поймал себя на гордости и подумал, что бы сказал Полибий, узнав об этом, и ему стало стыдно. «Разве я могу дарить вещи стоимостью в талант? Много я подарил Полибию, Луцилию, Гаю Лелию, Спурию Муммию, Фурию Филлу, Панецию? Чем отплатил покойному Теренцию за представление его «Братьев» и «Тещи» во время торжественных похорон отца моего Павла Эмилия? Подарил виноградники, домик, оливковые насаждения. Но ведь этого мало, а брат мой Фабий не поскупился и отдал ему богатую виллу близ Брундизия, со всем имуществом и рабами. А я пожалел. Полибий, Гай Лелий и Луцилий достойны награды за свои труды; они лучшие мои советники и друзья. Но если я — скряга, то уж не буду вдобавок к этому подлым — не имею я права принять Ксенофонта от Лизимаха». Он встал, прошел в таблиниум, кликнул писца:

— Говори, что записал о Лизимахе.

Юноша прочитал высоким, женоподобным голосом:

— Лизимах — сын Дионисия, родом грек из Родоса, пергамский купец, сорока пяти лет, семейный: жена Кассандра, тридцати, и дочь Лаодика, четырнадцати лет. Состояние — корабль с имуществом, рабами и невольницами, стоимостью в пятьсот талантов.

— Сколько?! — не поверил своим ушам Сципион.

— Пятьсот талантов, — равнодушно повторил александриец, точно это было пятьсот медных унций.

— А где он думает жить?

Писец покраснел: он получил от Лизимаха двадцать сестерциев, и ему казалось, что господин знает об этом или догадывается. Но Сципион ничего не знал.

— Лизимах обещал сказать завтра утром, — смущенно проговорил александриец, — а сегодняшнюю ночь проведет в гостинице на Via Appia¹.

Сципион встал:

— Можешь идти, да передай госпоже, что я желаю говорить с нею.

Семпрония быстро вошла, остановилась у порога.

— Садись, побеседуем о важном деле.

Сципион рассказал о клиенте Лизимахе и его состоянии.

— Если тебе нужны драгоценности, — не стесняйся, этот грек — купец, и я давно уже собираюсь сделать тебе подарок.

Густая краска залила лицо, изборожденное ямочками, уши и шею матроны.

— Ты добр, — шепнула она, сжав его руку, — но я хотела бы, чтобы ты сам для меня выбрал.

Лишь только жена вышла, Сципион отомкнул огромным ключом окованный сундук, вынул из него без труда тяжелый ларец и поставил на стол. Выдвинув одновременно на палец боковые стенки, он потянул к себе крышку: стенки вернулись на прежние места, крышка легко открылась: груды золота и драгоценных камней, тронутая легким налетом пыли, засверкала тусклым блеском.

— Что это приходит мне в голову? — прошептал он. — Какие мысли? Видно, прав Полибий: злой демон испортил мне день.

Схватив медный колокольчик, он позвонил и, не впуская раба в таблиниум, приказал позвать госпожу.

Семпрония прибежала испуганная, дрожащая.

— Что случилось?

— Я вспомнил, что не сказал тебе самого главного: ты не знаешь, что хранится в этом сундуке; в нем — ларец, а в ларце — состояние Сципионов. Взгляни.

Семпрония вскрикнула:

— И это...

— Все твое... Ключ хранится в потайном месте, которое я тебе покажу.

---

¹ Аппиева дорога. (Лат.)

— Почему ты говоришь об этом?

— Если я умру раньше тебя, то ничто не должно пропасть.

— Я не понимаю... — пролепетала Семпрония.

— У моего менялы скопилось очень много денег: лучше обратить их в золото, чем держать в медных ассах или серебряных сестерциях.

— Да, да, — рассеянно выговорила жена. — Но почему тебе пришло это в голову сегодня?

— Я сам не знаю, — сознался Сципион, — иногда в голову приходят мысли, которых и не ожидаешь.

Он встал, убрал ларец в сундук, а ключ понес в ларарий и положил под бронзовую статую Юпитера.

— Никто не подумает искать его здесь, — молвил он, повернувшись к Семпронии. — Все мои драгоценности — безделица по сравнению с тем, что вывозят из ограбленных городов полководцы. Но я не жалею об этом: я не взял ни одного асса из добычи, принадлежавшей государству, ибо Рим — наша родина, и я люблю его так же крепко, как презираю и ненавижу злодеев, грабящих отечество.

— Зачем ты мне это говоришь? — с гордой радостью на лице сказала Семпрония. — Ты великий, величественнее Сципиона Старшего, ибо ты с корнем вырвал вечную угрозу нашему благополучию, растоптал Карфаген; ты честен, честнее Сципиона Старшего, потому что на нем была тень подозрения в сокрытии добычи, а на тебе никогда; ты умен, умнее его, ты учишься в кругу друзей наукам, переводишь с греческого, ратуешь за чистоту нашего языка, ты привлек к себе поэтов, ученых и писателей, и мне ли, глупой женщине, сомневаться в твоих доблестях и добродетелях? Вчера, входя в наш дом, я прочитала на дверях: «*Felix hic locus*» — и задумалась: я поняла, что рядом с этой надписью должна быть другая — простые слова, отмечающие твои достоинства. И я приказала — прости, что не посоветовалась с тобою, — прибавить еще три слова: «*Nic habitat virtus*»¹.

---

¹ Здесь обитает добродетель — храбрость. (Лат.)

Сципион обнял ее:

— Благодарю тебя. Но ты сделала это больше для себя. Правда, я выше всего ценю добродетель, но она свойственна тебе, *domina uxor!*¹

Взволнованная, вся дрожа от радости и переполнявшего сердце счастья, Семпрония обвила его шею руками, прижалась к грубой, обветренной щеке воина.

— Я обожаю тебя, Публий! И если ты умрешь раньше меня, я буду молиться тебе, чтобы ты охранял меня, одинокую женщину, от всего злого, как охраняешь нашу республику от врагов!

Глава II

В десять часов² в атриуме стали собираться гости, члены кружка. Сципион и Полибий обсуждали события в провинциях, а Семпрония (она любила присутствовать на вечерах, но никогда не принимала участия в мужской беседе) слушала, вышивая коврик для ларария.

— Понимаешь ли ты, почему Рим, разрушивший Коринф и Карфаген, не в силах справиться с Нуманцией? — говорил Полибий, с любовью сжимая руку Сципиона. — Ведь если меры не будут приняты, государство пострадает.

Сципион вздохнул.

— Не мы покорили Македонию, а она нас, — заговорил он после долгого молчания, — я всегда был против завоеваний, но что поделаешь, когда власть посылает сражаться? Должен ли рассуждать воин? В таком положении были мы — и я и Люций Муммий. Мне жаль было разрушать богатый, цветущий город, купцы которого подрывали торговлю наших всадников и оптиматов, а Муммий долго колебался, получив при-

---

¹ Госпожа-жена. (*Лат.*)

² Десять часов по летнему римскому времени 5 ч. 2 мин. пополуночи (*Европейское время*).

казание сената разграбить Коринф за свободомыслие. А что получилось? Наплыв невиданных богатств породил стремление к восточной роскоши, лени, разврату.

— Да, Рим — гнездо пороков: роскошные яства, дорогие вина, пьянство, погоня за удовольствиями и развлечениями, покупка вавилонских ковров, красивых рабынь и мальчиков, восточные оргии — вот чем мы можем похвалиться, а еще совсем недавно Рим был иным. Железные легионы побеждали, были суровы, не знали изнеженности.

— Ты прав, Полибий, вчера я видел легион, который отправлялся в Испанию; я дрожал от негодования, скорби и презрения, видя воинов, за которыми рабы несли снаряжение, видя толпы всякого сброда — волшебников, прорицателей, блудниц, следовавших за войском. И я не мог удержаться, чтобы не остановить претора и не крикнуть ему о подлой распущенности, червем подтачивающей войска.

— Напрасно ты погорячился, Публий! Претор, легат, трибун — все они боятся своих подчиненных, которые нередко богаче своих начальников, имеют связи с семьями сенаторов, видных публиканов. И неудивительно, что воинам разрешается поступать, как придет в голову.

— Все это дурно, но поправимо. Хуже всего у нас в провинциях: восстание рабов в Тринакрии расширяется, некий чудотворец Эвн объявлен рабами сирийским царем Антиохом, весь остров волнуется, рабы жгут виллы, убивают господ, разбегаются... Подумай, Полибий, грубые варвары наносят поражения римским легионам!

— А в Испании лучше? — вкрадчиво заметил старик. — Разве четыре тысячи нумантийцев не разбили несколько лет назад сорок тысяч римлян?

— Не напоминай о позоре, прошу тебя!

В это время вошли почти одновременно Гай Лелий и Луцилий.

Гай Лелий, муж пожилой, с сединой на висках и совершенно лысый, старше Сципиона не только летами, но и лицом, изборожденным морщинами, был полной противоположностью своего великого друга: не-

твердый в поступках, помышлявший больше о собственном благополучии, дерзкий с лицами, стоящими ниже его по общественному положению, он не отличался гибкостью ума, и если выступил несколько лет назад с законом о разделе общественных земель, захваченных частными лицами, но принадлежавших государству, то потому только, что эта мера давно назрела в республике как единственный выход из создавшегося положения: деревенский плебс разорялся, продавал за долги свои земли, которые переходили в собственность крупных землевладельцев, и в поисках заработка шел в города. Нужно было улучшить положение плебса, из гущи которого набирались легионы, остановить новыми наделами его разорение, и Гай Лелий предложил свой полезный для республики закон. Однако ни он, ни сам Сципион, который горячо поддерживал своего друга, не учли того, что земли были захвачены сенаторами и публиканами, бравшими их на откуп. Оптиматы выступили против закона. Кружок Сципиона заколебался, растерялся, и Лелий взял свой закон обратно. В благодарность за это сенат дал ему прозвище “Мудрого”, но это слово звучало скрытой насмешкой, и Лелий обижался, когда Луцилий величал его этим именем.

Луцилий, родом латинянин, а потому бесправный (союзники не пользовались правами), был моложе Сципиона на пять лет, но казался гораздо старше: у глаз, губ и на лбу залегали морщины, седина серебрилась в редких волосах. Но лицо его, хитрое, лисье, и бегающие, беспокойные глаза поражали постоянным насмешливым выражением, веселые речи — неожиданными колкостями, громкий, трескучий смех — презрительными нотками. Это был талантливый сатирик, и Сципион ценил его за ум и природные дарования, но не любил, называя про себя «Двуликим Янусом»

Гай Лелий и Луцилий приветствовали матрону низкими поклонами. Луцилий, взглянув на коврик, рассыпавшийся в похвалах, восклицая:

— Как это прекрасно! Эти цветы напоминают мне поля, окружающие родную Суэссу, на которых я рез-

вился босоногим мальчиком. Хвала лучезарному Фебу: он позаботился о цветах больше, чем о людях!

И, засмеявшись, повернулся к Сципиону:

— Взгляни, Публий, на искусство твоей благородной супруги! Ты согласишься со мною, что сам Феб уступил ей в умении создавать такую красоту.

Сципион понял Луцилия: латинянин намекал на свое бесправие.

— Ты ошибаешься, Луцилий, — шутливо возразил Сципион, — скупой Феб ревнует поля Суэссы к холмам всемирного города. Разве на этих полях не вырастают в чистоте иные цветы, Луцилий, — быстроногие девы, смелые, как воины, гордые, как орлицы?

— Твоя речь возвышенна, Публий, — усмехнулся сатирик, — в ней мне послышался гекзаметр, — да, да, не удивляйся, гекзаметр гомеровых песен! Но избегай, прошу тебя, этой напыщенности. Она скорее к лицу нам, поэтам, чем тебе, полководцу.

— А разве я тоже не писатель? Разве мы с Гаем Лелием не перевели с греческого несколько комедий? Лелий, кроме того, пишет воспоминания о событиях в Африке и Риме...

— Это хорошо, но напыщенность — мать празднословия; чистый римский язык, пусть даже грубый, звенит медными раскатами...

— Может быть, ты прав, — вмешался Лелий, — но язык Гомера приятнее для слуха и красивее по оборотам речи, — и повернулся к Семпронии: — Искусство твое в рукоделии известно, но мужи мало ценят женскую работу; зато высоко восхваляют твое пение под звуки кифары. Прошу тебя — не откажи нам в удовольствии.

Семпрония взглянула на мужа.

— Да, да, — сказал Сципион, — ты давно не пела и не играла.

— Как тебе угодно, — молвила матрона и, хлопнув в ладоши, приказала вошедшей девушке-рабыне подать кифару.

Отложив коврик, Семпрония тронула струны: нежные звуки медленно растворялись в атриуме. И вдруг она ударила плектром, запела по-гречески:

Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельных невольниц;
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани же
Были так плотны, что в них не вбивалось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье: их богиня Афина сама научила.
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.¹

Она замолчала. Звуки умирали в безмолвном атриуме.
Все сидели неподвижно. Первым очнулся Луцилий.

— Клянусь Юпитером, — прошептал он, — ты,
Публий, счастливейший из смертных!

Сципион не успел ответить. В атриум входил груз-
ный, огромный, с широким лицом, обросшим бородой,
Сципион Назика.

— Приветствую благородную матрону и ученых му-
жей, — загудел его густой бас.

— Привет любителю искусств, — ответил Сципион,
вставая ему навстречу. Он не любил Назику за темные
дела, которые тот вел совместно с престарелым сена-
тором Титом Аннием Луском через своих вольноотпу-
щенников (ходили слухи, что они скупают рабов на
Делосе и продают в Риме у храма Кастора), но уважал
за любовь к искусствам; Назика, внук Сципиона Аф-
риканского Старшего, описал по-гречески войну с
Персеем, вместе с Фульвием Нобилиором поощрял Эн-
ния создать римский эпос, воздвиг на Капитолии мраморные здания и на форуме.

— А я к вам, коллеги, ненадолго, — говорил он,
усаживаясь рядом с Полибием, — хочу прочесть и
обсудить с вами стихи старика Пакувия; только что
получил их из Брундизия.

Он положил несколько навощенных дощечек на
стол, оглянул собеседников угрюмым взглядом.

— Ты позволишь? — обратился он к Сципиону
Эмилиану. — Я задержу вас, коллеги, на короткое
время, тем более, что тороплюсь по государственным
делам. Я прочту только два отрывка: слова автора и
ответ читателя.

---

¹ Одиссея, VI.

Семпрония тронула струны.

Он взял дощечки и стал читать:

*Quadrupes tardigrada agrestis humilis aspera
Capite brevi, cervice anguina napectu, truci,
Eviscerata inanima cum animali sono¹.*

Читатель отвечает:

*Ita saeptuosa diction abs te datur
Quod conjectura sapiens aegre contuit;
Non intellegimus, nisi si aperte dixeris².*

— Это не стихи, — вскричал Луцилий, — а набор слов! И читатель верно говорит, что не понимает.

— Настоящая загадка сфинкса, — улыбнулся Полибий, — а кто будет Эдипом?

Но Сципион Эмилиан был иного мнения.

— Луцилий неправ, — решительно сказал он, взглянув на сатирика. — Это стихи...

— Загадка, — перебил Луцилий, волнуясь.

— Ну и что ж? Разве аттические трагики не позволяли себе загадочных описаний? Это стихи, повторяю я, но не блестящие.

— Плохие! — крикнул Луцилий, но в это время заговорил Лелий, и сатирик с досадой замолчал.

— Друзья, я согласен с Луцилием. Ты же, Публий, слишком снисходителен к старику. Эти стихи не влияют на душу — все равно что прочитал вывеску на улице. Если сравнить обе части — то вторая, конечно, лучше.

Но Сципион Эмилиан не сдавался.

— Когда будет разгадка, — говорил он, — содержание примет определенный смысл. Это, несомненно, и имел в виду Пакувий.

— Правда, — поддержал его Назика, — кто понимает прекрасное, тот должен разгадать, что хотел сказать поэт.

Все молчали.

---

¹ Четвероного, неворотливо, шероховато, приземисто, водится в полях. С короткой головой, змеиной шеей, дико на вид. Выпотрошено, безжизненно, с звуком живым.

² В туманных выражениях описываешь то, что с трудом уразумел бы и мудрец: если не будешь говорить ясно, мы не пойдем.

Послышался смех, и Семпрония, продолжая улыбаться, отложила свой коврик:

— Если благородные мужи позволят женщине вмешаться в их беседу, то я, думаю, разгадала бы.

Сципион Эмилиан улыбнулся:

— Говори.

— Мне кажется, Пакувий разумел под животным черепаху.

На смущенных лицах промелькнули улыбки, и атриум наполнился смехом.

— Правда, правда, — кричали все, — а мы и не догадались!

Назика заговорил среди наступившего молчания:

— Ты оказалась умнее мудрых мужей, благородная Семпрония! Старик Пакувий недаром мне пишет:

«Стихи, с виду безобразные, таят в себе красоту, а красота, по словам божественного Платона, порождает Эрос, что значит любовь, а любовь ведет к познанию истины, которая состоит в стремлении знать, размышлять и учиться».

— Не понимаю, — засмеялся Луцилий, — то, что Пакувий считает красотой, для нас безобразно. Поэтому говорить о красоте не имеет смысла. Напиши старику, — повернулся он к Назике, — что не ему в его годы говорить об Эросе.

— Да ты рехнулся! — грубо ответил Назика. — Изучи Платона, а затем и рассуждай об Эросе. Если хочешь, я поучу тебя, как школьника.

Луцилий вспыхнул, но сдержался.

— Эрос есть влечение, врожденное человеческой душе, — продолжал Назика, наслаждаясь бешенством Луцилия, — и оно, по своей природе, занимает середину между миром чувственных восприятий и миром идей...

Не владея больше собой, Луцилий встал и пошел к двери.

— Куда же ты? — вскричал Сципион Эмилиан.

— ...душа же, сопричастная идее жизни, бессмертна и вечно стремится прорваться через телесную оболочку к истинно действительному миру образов.

— Я не хочу его слушать, — с бешенством шепнул Луцилий, — если б я не был неправым, я бы...

— Успокойся, прошу тебя... Сципион Назика известен всем своей грубостью, но он не хотел тебя обидеть.

Между тем, Назика, видя, что Луцилий не желает его слушать, встал в свою очередь.

— Подожди! — закричал он с грубым смехом. — Молча уйти — это не значит опровергнуть Платона. Что бы ты ни говорил, а истина — сущий идеал, превосходящий чувственную действительность, в которой бытие смешано с небытием...

— Есть только положительное бытие, — с раздражением перебил Луцилий, — и никакого небытия нет вовсе. Поэтому нет множества вещей, разделенных пустым пространством, нет небытия во времени, нет движения. А чувственный мир явлений есть только мнимый, кажущийся...

— Софизмы Ксенофана! — презрительно усмехнулся Назика. — Истина есть сущая истина, живое всеединство, мировая совокупность идей, в которой Единое от века осуществляется в своем Другом... А чувственный мир отличается от Истины и подобен ей — иначе его бы не было вовсе: он свойственен по существу — прекрасен и безобразен...

— «Генезис» Гераклита! Вот откуда позаимствовал Платон эти мысли... И это не все: а метампсихоз Пифагора? А примеряющее объединение идей Сократа, Пифагора и Солона, выраженное в его «Законах»? Разве это не отход от этических и политических идеалов «Республики»?..

— Ты лжешь! — грубо прервал его Назика. — Никогда Платон не отказывался от своего учения...

— А ты согласен с идеями его «Республики»? — ехидно спросил Луцилий.

— Конечно. Какой дурак будет их оспаривать? — насторожился Назика, почувствовав ловушку.

— Значит, ты согласен, что республикой должны управлять философы...

— Конечно...

— ...что должна быть уничтожена семья, собственность; все твое и мое переходит во владение общины?

Назика молчал.

— А так как ты утверждаешь, что согласен с Платоном, то почему же ты владеешь землями, богатствами, виллой-музеем в окрестностях Брундизия, отчего не отказываешься от семьи?..

Все засмеялись.

Назика побагровел, глаза его беспомощно замигали, кулаки сжались.

— Дурак! — загремел он и бросился на Луцилия.

Но сильная рука Сципиона Эмилиана удержала его:

— Успокойся. Не забывай, что ты в моем доме.

Назика круто повернулся, собрал дощечки со стихами Пакувия, завернул их в кусок льняной материи и сунул себе запазуху.

В это время вошли в атриум молчаливый Фурий Фил и щеголь Спурий Муммий, брат разрушителя Коринфа. Рабы принесли светильни, запахло бараньим жиром.

Беседа возобновилась, как только ушел Назика.

Луцилий вернулся на свое место и, указывая на дверь, сказал Полибию:

— Какой неприятный человек!

— Да, он был неправ, — согласился Полибий, — но и ты не лучше его. Бери пример с Эмилиана, — вот идеальный человек. У него мера соблюдена во всем, он умеет владеть собой в несчастье, потому что он привил своей душе все правила древне-эллинской и стоической нравственности.

— Сципион — велик, — улыбнулся Луцилий, и потому, как это сказал, и по насмешливому выражению лица было непонятно, смеется он или нет.

К ним подошел Сципион.

— Каков Назика? — молвил он со смехом. — Умен и хитер. Нужно сознаться, что Платона он знает...

— Зато Пакувий хромает на обе ноги, — прервал Луцилий.

— Повторяю: Назика хитер, я не верю, чтобы Пакувий мог утвердить красоту своей черепахи Платоном. По-моему, Назика все это выдумал.

— С целью?

— С целью задеть тебя, Луцилий! Скажи, не встречался ли ты с ним прежде?

— Никогда. Он напал на меня всего лишь потому, что я — латинянин.

Дверь распахнулась: в атриум ворвался ветер, и светильни замигали, чадя и потрескивая. Вошел молодой человек, в новой тоге, с коротким мечом у пояса. На безбородом лице его тихо светились кроткие голубые глаза, на губах блуждала улыбка, от которой лицо казалось еще привлекательнее. Он был несколько похож на Семпронию, а когда заговорил, приветствуя Сципиона и его друзей, голос его приятно прозвучал.

— Садись, садись, Тиберий, — ласково сказал Сципион, обнимая гостя и подводя к жене. — Теперь ты довольна?

Семпрония улыбнулась и, приподнявшись, нежно поцеловала Гракха. Это был ее родной брат, и она, встречаясь с ним, каждый раз испытывала нежность сестры к продолжателю славного рода Семпрониев.

— Что у тебя нового? — спросила она.

— Я пришел сказать, что послезавтра уезжаю в Испанию с Гостилием Манцином.

— Под Нуманцию? — встрепенулся Сципион.

— Да, квестором при консуле.

— Счастливого пути, Тиберий, — ласково сказала сестра, — да хранят тебя всемогущие боги и да покровительствует тебе Минерва так же, как покровительствовала на стенах Карфагена!

Со всех сторон посыпались пожелания. Гракх кланялся и благодарил. Он думал об Испании, где некогда сражался его отец, о Нуманции, под стенами которой гибнут римские legionеры.

Рабыни внесли стол и поставили посредине атриума. Сципион всегда оставлял друзей ужинать, зная, что собеседования нередко затягивались за полночь.

Тиберий остановился у колонны и смотрел на окружающих его людей. Это были все мужчины образованные, умные, и он думал о Гае Лелии, который беззаботно шутил со Сципионом, забыв о своем полезном законе.

«Мудр ли он в самом деле? И если мудр, то не труслив? Предложить закон и взять его обратно в угоду жадным оптиматам — подло. Но ведь Эмилиан мог поддержать Лелия, мог провести закон, а этого не сделал. Почему? Человек честный, он допустил подлость, храбрый воин, он допустил трусость».

— О чем задумался? — услышал он голос зятя и поднял голову: перед ним стояли Сципион и Лелий.

Тиберий горько улыбнулся:

— Я не понимаю тебя, благородный Лелий, ты предложил закон и...

— Какой закон? — удивился Лелий. — Не понимаю, о чем ты говоришь.

Тиберий горько улыбнулся:

— Ты уже успел забыть о том, что не раз обсуждалось в кружке, вызывало споры... Клянусь Юпитером, или ты не хочешь говорить, или для тебя благо республики — пустой звук. Речь идет об отнятии у патрициев неразделенных общественных земель. Почему ты покорился воле сената?

Лелий побагровел, быстро взглянул на Сципиона.

— Не тебе меня было спрашивать и не мне тебе отвечать, — выговорил он, задыхаясь. — Сенат римской республики сам заботится о благе народа, и если мы, граждане, предлагаем закон, то сенат вправе принять его или отвергнуть.

— Сенат заботится о благе республики? Да ты шутишь, благородный Лелий! Прежде ты говорил иначе. Хочешь, я припомню тебе?.. Развращенность знати и нищета земледельцев ведут республику к гибели.

— Сенат лучше знает, что делать!

Тиберий вспыхнул:

— Тебя называли Мудрым, но я не понимаю, в чем твоя мудрость? Если в том, что ты отказался от своего закона, то это...

— Молчи! — крикнул Лелий, сжав кулаки и подступая к Тиберию. Но Сципион встал между ними.

— Глупый! — молвил он, обращаясь к Тиберию. — Ты не можешь понять, что закон пришлось бы проводить насильственно, а это угрожает республике внутренними волнениями.

— И вы испугались?

— Испугались. Но не за себя, а за отечество.

Тиберий не унимался:

— Неужели, по-твоему, лучше, чтоб республика разлагалась, как смердящий труп? Взгляни на сенаторов, всадников, воинов, земледельцев: такие ли они, как были во времена Сципиона Старшего? Одних развратила роскошь, удовольствия, жадность, другие пренебрегают дисциплиной, не хотят воевать, помышляют о грабежах, а земледельцы разоряются. Скажи, откуда будет вербовать республика воинов, чтобы создавать непобедимые легионы? Деревни обезлюдели, разоренные земледельцы станут нищими. Они пополнят голодные толпы безработного плебса.

— Я ненавижу настоящее время, — нахмурился Сципион и, вздохнув, прибавил: — О, если бы возможно было вернуться к цветущим временам, когда существовал один закон для римских воинов — побеждать или умирать! Римское государство уже достаточно блестяще и велико, и я молю богов, чтоб они сохранили его целым на вечные времена.

Лелий потихоньку отошел от них.

— Нет, ты скажи, что делать, — волновался Тиберий. — Где выход? А ведь ты, первое лицо в республике, мог бы провести закон Лелия. Пусть даже и насильственно, лишь бы спасти государство.

— По-твоему, создать охлократию? Да она развалит республику, не удержит в руках своих бремени власти! Я всегда стоял за смешанную форму правления.

— Аристократия и плебс? И предпочтение сенату?

— Конечно. Посади гончара, сыромятника или медника в сенат, что получится?

Мысль об этом показалась Сципиону настолько дикой, невозможной, что он рассмеялся. Тиберий был того же мнения, однако сказал:

— Почему ты заговорил об охлократии? Кто о ней думает? Может быть, одни только рабы, восставшие в Тринакрии. Ну, что ж! Если римская республика будет в дальнейшем так же разваливаться, как разваливается теперь, они создадут свое государство, покорят и подчинят нас, владык мира, своему господству.

Полибий давно уже прислушивался, и когда разговор стал чересчур громким, он вмешался:

— Все это хорошие мысли, но как их осуществить? Во главе республики стоит сенат, состоящий из граждан, лишенных личной доблести, только один человек обладает древней *virtus*: это ты, благородный Эмилиан! (Сципион замахал на него руками, поправил сползшую с плеча тогу.) Но что может сделать один против легиона? Мы давно говорим о задержании роста крупного землевладения, о сохранении прежнего войска, которое состояло из средних и мелких земледельцев. Гай Лелий предложил закон, но...

— Струсил? — перебил Тиберий.

Старик строго взглянул на него:

— Зачем ты вызываешь ссору? Я смотрю на вещи иначе: не наступило еще время для этих законов.

— Но если оно будет медлить, мы его подгоним!

Сципион и Полибий переглянулись.

— Да, подгоним! — воскликнул Тиберий. — Плебс ждет улучшения своей участи...

— Начать борьбу — значит идти против власти, — твердо сказал Сципион, — а власть есть священная основа государства.

— О какой власти ты говоришь? — возмутился Тиберий. — Ты сам себе противоречишь: то утверждаешь, что ненавидишь наши постыдные будни, то начинаешь защищать власть, единственную виновницу тяжелого положения плебса.

Сципион молчал, не зная, как опровергнуть обвинения в двойственности суждений, и досадовал, что нарушена гармония души, испорчено настроение, а члены кружка вяло ведут беседу, бродят бесцельно по атриуму и дремлют, как этот молчаливый Фурий Фил.

Полибий неуверенно сказал:

— Пока выход для нас — в учении стоиков. Разве тебе не по душе древне-эллинская добродетель, которая отвлекает человека от общественной жизни, погружая его в личные переживания?

— Ты противоречишь себе, повторяешь слова Спурия Муммия.

— Да, но идея всеобщего братства, общин, отречения от семьи настолько отдаленна, что приходится выбирать между ней и бездействием.

— Я не рожден для такой скучной жизни. Мне нужна общественная деятельность, исполнение гражданского долга по отношению к родине. Я хочу бороться за восстановление мелких земледельцев, за создание доблестных легионов, я хочу...

Он не договорил: рука Семпронии, тихо подошедшей сзади, легла ему на губы.

— Ужин на столе, — молвила внучка Сципиона Старшего, улыбнувшись мужу, — проси, Публий, гостей.

Глава III

Геспер, молодой вольноотпущенник Фульвия Флакка, выехал глухой беззвездной ночью через Эсквилинские ворота, которые охранялись преданной Фульвию стражей из легионариев, служивших некогда под его начальством. Геспер бросил им мешочек с золотыми, крикнул: «По приказу сената!» — и погнал лошадь, стараясь поскорее выбраться из предместий Рима.

Было так темно, что он в двух шагах ничего не видел. В воздухе чувствовалась гроза. Но Геспера это не пугало, он был в дорожном плаще и в полусапогах. Только беспокоила его темнота, мешавшая быстрой езде, и он подумал, что до грозы будет ехать медленно, а когда засверкают молнии, освещая дорогу, поедет быстрее.

Он ехал далеко на юг, с остановками в нескольких городах. Вспомнил, что осторожный господин сам зашил в его пилос четырехугольную дощечку, величиной с ладонь, и сказал шепотом, почти на ухо: «Будь осторожен, не затевай ссор и драк, много не болтай. Помни, чем южнее, тем беспокойнее: в городах и виллах Кампании и Лукании рабы волнуются, ожидая нашествия своих соплеменников, которые восстали в Тринакрии. Спросят куда едешь — говори: «В имение

Скавра. По пути остановишься в Капуе у отливщика бронзы Аэция и в Велии у живописца Флавия. Обоим покажешь этот перстень, и они передадут тебе, что нужно. В Велии разошьешь свой пилос — узнаешь, куда ехать. Вернешься благополучно — получишь награду».

Следующие ночи не были похожи на ту грозовую. Тогда он промок насквозь и чуть не лишился пилея, который сорвал с головы сильный ветер; к счастью, все обошлось благополучно: пилос лежал в канаве, и защитая дощечка чувствовалась наощупь.

Помня наставления Фульвия Флакка, Геспер погонял лошадь, стараясь не терять времени. Он ехал круглые сутки, изредка останавливаясь, чтобы поесть, несколько часов соснуть, и мчался по военной дороге, опережая всадников войска и обозы, двигавшиеся на юг.

В Капую он приехал вечером на взмыленной лошади. Усталый, покрытый пылью с ног до головы, он отправился в западную часть города, населенную ремесленниками и пирожниками, мелкими торговцами. Молоденькие блудницы, почти девочки, зазывали прохожих в свои бедные деревянные домики, расположенные наискось от домов гончаров и сырмятников.

Геспер спешил и быстро пошел вперед, ведя лошадь под уздцы и расспрашивая прохожих, где живет отливщик бронзы.

Аэций, живой белобородый старик, одетый в запятнанную жиром тунику, работал в деревянной пристройке позади дома, несмотря на сгущавшиеся сумерки. Грубые светильники, установленные на бронзовых подставках, горели ярко, почти не мигая. Три сына, смуглые, бородатые, молчаливые, усердно работали и не повернулись, услышав голос чужого человека: один стоял перед плавильной печью и размешивал прутом медь, в которую, по указанию отца, лил расплавленное олово. Другой — оттискивал мечи и наконечники копий во влажном песке, в ожидании, когда брат крикнет, что бронза готова и можно наливать в формы. Третий — младший — трудился, под наблюдением старика, над глиняной формой: он приготовил

слепок вазы из мягкого воска и вырезал на одной стенке похищение Европы, а на другой — бой гигантов с Юпитером.

Геспер протянул старику перстень.

Взглянув на топаз, Аэций вскочил, низко поклонился гостю:

— Рад тебя видеть. Посланник господина — всегда найдет у меня приют.

Он взял Геспера под руку и повел в атриум, где у очага хлопотала старуха с невестками:

— Жена! Вот гость издалека. Накорми и уложи спать.

— Чуть свет я уеду, — сказал Геспер, — не забудь передать что надо.

— Перед отъездом — получишь.

Солнце еще не всходило, когда Геспер проснулся. Он поспешил в пристройку, где уже работал старик с младшим сыном. Увидя гостя, Аэций подошел к нему:

— Торопишься? А то бы остался поесть. Оливки хороши, хлеб мягок, свеж и пахуч.

— Пора ехать.

— Как хочешь. А я встал, снарядил сыновей за медью и оловом. А с ним (он указал на младшего) работаю. Подожди.

Старик смотрел, как воск, расплавляясь, вытекал через боковые отверстия. Потом бросился к печи, зачерпнул ковшом расплавленную бронзу и стал наливать в форму.

— Послушай, Камилл, когда остынет бронза — разбей глину и принимайся за отделку.

— Хорошо, отец!

Лишь теперь старик повернулся к Гесперу.

— Не сердись, что я задержал тебя, — молвил он, улыбнувшись, — но это наш хлеб. Передай господину, что нас триста человек. Уставшую лошадь твою я обменял на крепкую, выносливую. А теперь возьми, что приказано.

И он протянул ему широкий меч, блеснувший при свете огня смуглым золотом.

— Ты делаешь мечи? — удивился вольноотпущенник.

— Я делаю все, — перебил его Аэций, — смотри...

Он подвел гостя к полкам, на которых лежали бритвы, пилы, крючки для рыбной ловли, наконечники для стрел, удила, гвозди, косы.

— Выработка из бронзы обходится дешевле, а хорошее норийское железо намного дороже меди. Работаем искусно, а чинить сломанные вещи не научились: все эти ножи (он указал на землю) придется расплавлять и отливать заново. И вот я все думаю: не может быть, чтобы не было металла, который не скреплял бы сломанной вещи (он помолчал, задумался). Хочешь посмотреть, как мы пользуемся для отливки камнем? Эта работа потруднее.

— Мне пора, — решительно прервал его Геспер. — Будь здоров.

— Прощай.

Вольноотпущенник вышел на безлюдную улицу, вскочил на резвую лошадь, едва удерживаемую под уздцы миловидной невесткой старика, и вскоре скрылся за храмом Минервы, который заслонял богатые дома патрициев.

В Нолле и Салернуме, небольших городках, Геспер останавливался ненадолго, а Пестум проехал галопом, стараясь выбраться поскорее в поля.

Морской ветер наливало тело бодростью, солнце ласкало лицо и руки, виноградники, оливы, колосающиеся хлеба радовали глаз, но когда у дороги он увидел рабов, закованных в цепи, услышал брань надсмотрщиков, свист бичей, крики избиваемых людей; когда толстый бородатый вилик верхом на горячем, как огонь, жеребце, врезался в гущу рабов и стал топтать их, а надсмотрщик ударил одного бичом по лицу; когда закованные невольники закричали что-то на своем языке и принялись в отчаянии разбивать свои цепи о цепи товарищей, — Геспер ухватился за меч, скрытый под плащом, чтобы расправиться с виликом, но вовремя сдержался: вспомнил слова Фульвия: «Не затевай ссор и драк», вспомнил, что Велия недалеко, поручение еще не выполнено — и, отвернувшись от жуткого зрелища, погнал лошадь.

В Веллии он нашел без труда живописца Флавия и с любопытством смотрел, как ученики его старательно разрисовывали черно-лаковые сосуды бледными прямыми полосками с затейливыми завитушками, а на белых вазах изображали черных кентавров и свирепых киклопов. Поливная посуда не понравилась Гесперу, и он прошел мимо нее, не заметив, что обидел своим невниманием хозяина. Он остановился перед полкой, уставленной пестрыми вазами, залюбовался ими.

— Эти вазы, — смягчившись, сказал Флавий, уловив на лице гостя восхищение, — образцы давно прошедших времен. Правда, это подражание аттическому искусству, но работа хороша. Белые и красные вазы куплены мною в Апулии, а этот апулийский кратер с золотистой краской подарен мне Сципионом Младшим, тонким ценителем прекрасного, когда я был два года назад в Риме. Скажи, здоров ли великий гражданин, хранят ли его боги, не лишают своих милостей?

— Сципион здоров, — суховато ответил Геспер, не любивший, как и Флакк, знаменитого полководца. — А эти вазы?

— О, эти, — с любовью взглянул на них Флавий, — эти — красота! Вот ваза Gnathia¹: взгляни.

Геспер смотрел. На черной вазе, как живая, выделялась нагая женщина: приподнятые груди, тонкие руки и ноги, выпуклый живот; она стояла, улыбаясь, закинув руки за голову, и как бы потягивалась в одолевающей истоме.

— Какие очертания тела, изгиб бедер! — шептал Флавий. — Скажи: разве можно в нее не влюбиться?

Он подошел к вазе и задрожавшими руками погладил голое тело. Он что-то шептал, и Геспер, прислушавшись, уловил бессвязную, прерывистую речь:

— О, Венера моя... я люблю тебя... умоляю...

Геспер кашлянул: любовь Флавия поразила его, он не знал, что думать, и чтобы скрыть смущение, громко спросил:

— Скажи, благородный Флавий, что ты думаешь об этих вазах?

---

¹ Gnathia, или Egnathia — городок в Апулии.

Флавий растерянно взглянул на него.

— Это — александрийские вазы, — тихо вымолвил он, — их называют Надга, но ведь они — подражание древнему милетскому искусству, которое отжило давно и едва ли возродится...

Переночевав у Флавия, Геспер получил от него маленькую вазу, в которой хранился тонкий свиток папируса, перевязанный ниткой.

— Отдашь, кому следует, — сказал Флавий и не удивился, когда Геспер, расшив свой пилос, вынул из него навощенную дощечку.

«Путь твой в Тринакрию, город Тиндарис, а оттуда в лагерь Эвна. Передай ему меч, вазу со свитком и уезжай. Узнай о силах рабов и римских легионов».

Геспер понял, повернулся к Флавию.

— Когда отплывает корабль в Тиндарис?

— Завтра утром, но тебя едва ли возьмут. Нужно иметь разрешение сената.

— Оно у меня есть.

На другой день вольноотпущенник отплыл в Сицилию. Ветер был попутный, и бирема, подгоняемая дружными силами гребцов, весело плыла по морю. Геспер был все время настороже: в случае опасности он готов был броситься в море, лишь бы не выдать доверенной ему тайны. Но все было спокойно. Его окружали моряки и воины, возвращавшиеся после выздоровления в свои легионы, раненые, мало пригодные к службе, подгоняемые надеждой выслужиться. Все эти люди не обращали на него внимания, занятые беседой о восстании рабов.

— Чего им нужно? — говорил кривой на левый глаз легионарий, пожимая плечами. — Хозяева кормят их, поят, одевают, а они бунтуют... Чего им нужно? — повторил он, окинув собеседников одиноким взглядом, и наклонил голову сбоку, по-птичьи.

— Чего надо? — усмехнулся моряк со шрамом на щеке. — Свободы. Без нее жизнь хуже смерти.

— Ого, — вскричал сиплым басом старый воин и сжал кулаки. — Раб на то, чтобы работать, легионарий, чтобы сражаться, патриций, чтобы управлять,

плебей, чтобы повиноваться, сенат, чтобы владычествовать...

— Гм... по-твоему, раб — не человек? — спросил моряк, презрительно взглянув на старика.

— Раб — вьючное животное.

— Скажи, старик, — заговорил моряк, и шрам на его щеке налился кровью, — какая разница между тобой и рабом? Разве ты не животное, которое шлют на убой? Ты тридцать лет служишь по закону да годы поневоле. Сколько тебе лет? Шестьдесят, говоришь? Ну и что ж? Тебя ожидает смерть в бою или нищенство, если останешься калекой...

— Врешь! — вскипел старый воин. — Республика позаботится о нас... Сенат...

— Ха-ха-ха... А кто у нас в сенате? Кто будет защищать плебея?

Беседа становилась опасной, и многие поторопились уйти. Оставались только легионарий, моряк и старик. Геспер, сидевший в стороне, слушал, не ввязываясь в разговор.

— Мы, легионарии, — сказал старый воин, — привыкли не рассуждать, а повиноваться. Вот ты: наболтал глупостей — и все разошлись.

— Не потому, что я говорил глупости, — вспыхнул моряк, — а оттого, что боятся начальства. А рабы не испугались, восстали: Эви бьет римские легионы тех воинов, которые разрушили Коринф, взяли и сожгли Карфаген.

— Войска уже не те, — вздохнул старик, — теперь воин помышляет более о пьянстве и девках. Что ему слава и могущество республики?

— А ты забыл, старик, кому обязана республика славными победами? Вам, земледельцам. Это вы завоевали много стран, а сами остались без клочка земли. А кто имел этот клочок, тот должен был продать его за долги. Ведь жить не на что, жена, дети, старики-родители есть хотят, а где возьмешь? Бился я, бился, как рыба на песке, чуть не подох и пошел служить республике...

— И хорошо сделал! — воскликнул старик. — Стоять на страже родины — святое дело...

Моряк хрипло рассмеялся:

— Ну и чудак же ты, старик! Как не поймешь, что мы боремся за благо оптиматов, стоим на страже сената, а не родины?

— Нет, ты что-то не так говоришь...

Кривой легионарий горько усмехнулся:

— Я скажу о себе: я — земледелец, пошел добровольно в войска, а почему? Земли лишился. Куда было идти? Соседи разъехались кто куда: одни в Испанию, другие в Ливию, третьи в Тринакрию. А я записался в легион. В бою с рабами потерял глаз, меня не хотели принимать в войско, я упросил легата и квестора, которые наградили меня за храбрость.

— Не говорил ли я? — вскричал моряк. — Вот вам забота республики: забота оптиматов!

— У нас есть народные трибуны, комиции, — неуверенно пробормотал старик, — и я не знаю, чего вы хотите? Я честно служил, честно сражался у Пидны, под начальством Павла Эмилия, был награжден за разрушение Коринфа, меня отличил как лучшего Люций Муммий. Ну, а если я погибну за родину — тем лучше: смерть в бою желаннее, чем в постели.

— Врешь ты все, старик! — не поверил моряк. — Что тебе дали эти завоевания?

— Я получил землю, обрабатывал, потом ушел на войну. А сын не сумел повести дело: землю пришлось продать...

— А почему не сумел?

— Молод был... в долгах запутался...

— А где он теперь?

— Марий-то? Что поделаешь? — поник старик головой. — Пошел в батраки к богатому патрицию...

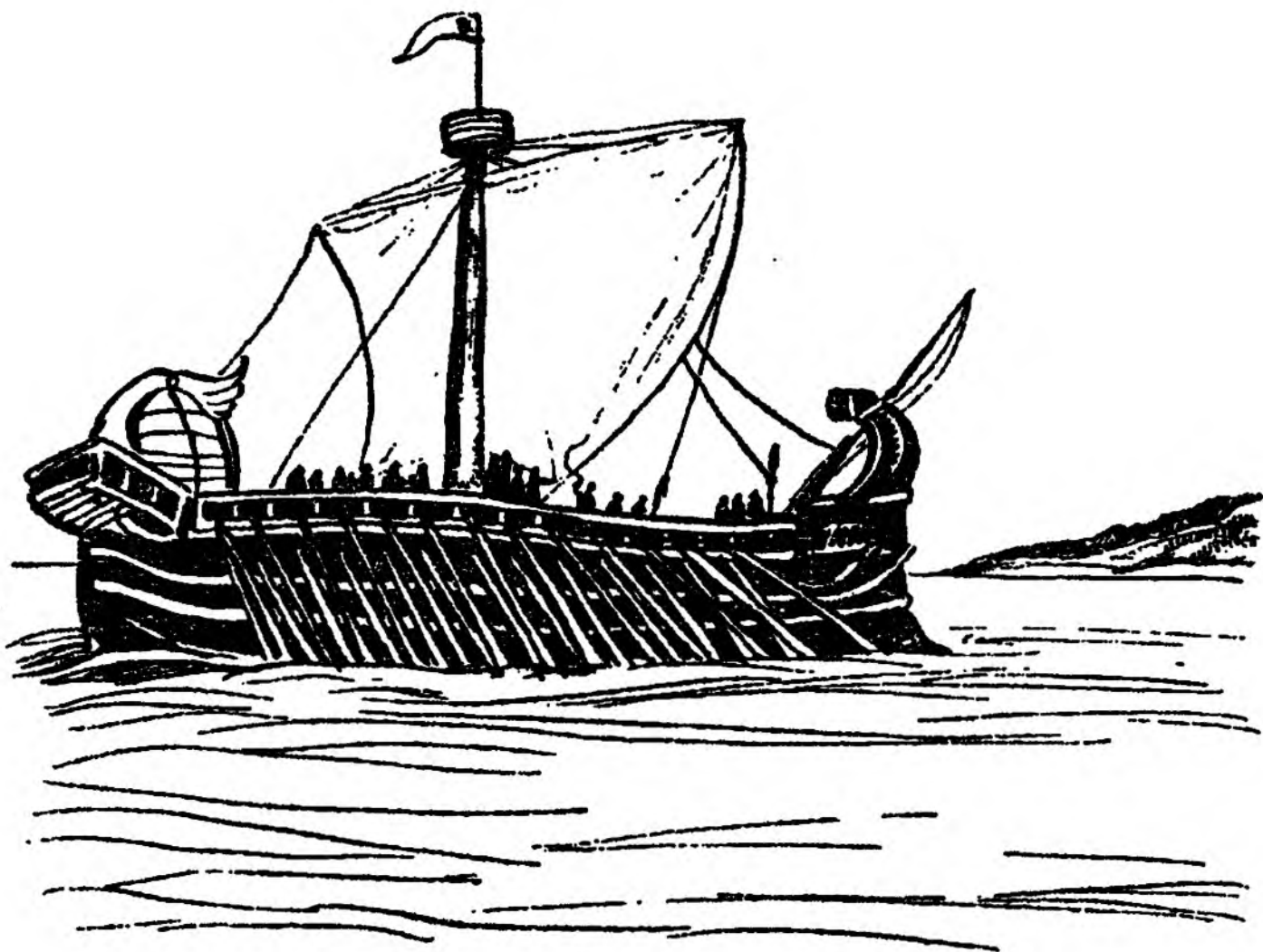
Моряк злобно рассмеялся.

— Я так и знал, — резко сказал он. — Наши враги не рабы, а — оптиматы. Зачем же ты защищаешь их?

— Замолчи! — вспыхнул старик. — Я не знаю ни патрициев, ни плебеев. Я знаю римский народ и служу ему. Разве сенаторы не мозг республики?

— Будь в сенате плебеи, народ жил бы лучше.

— Какой народ?

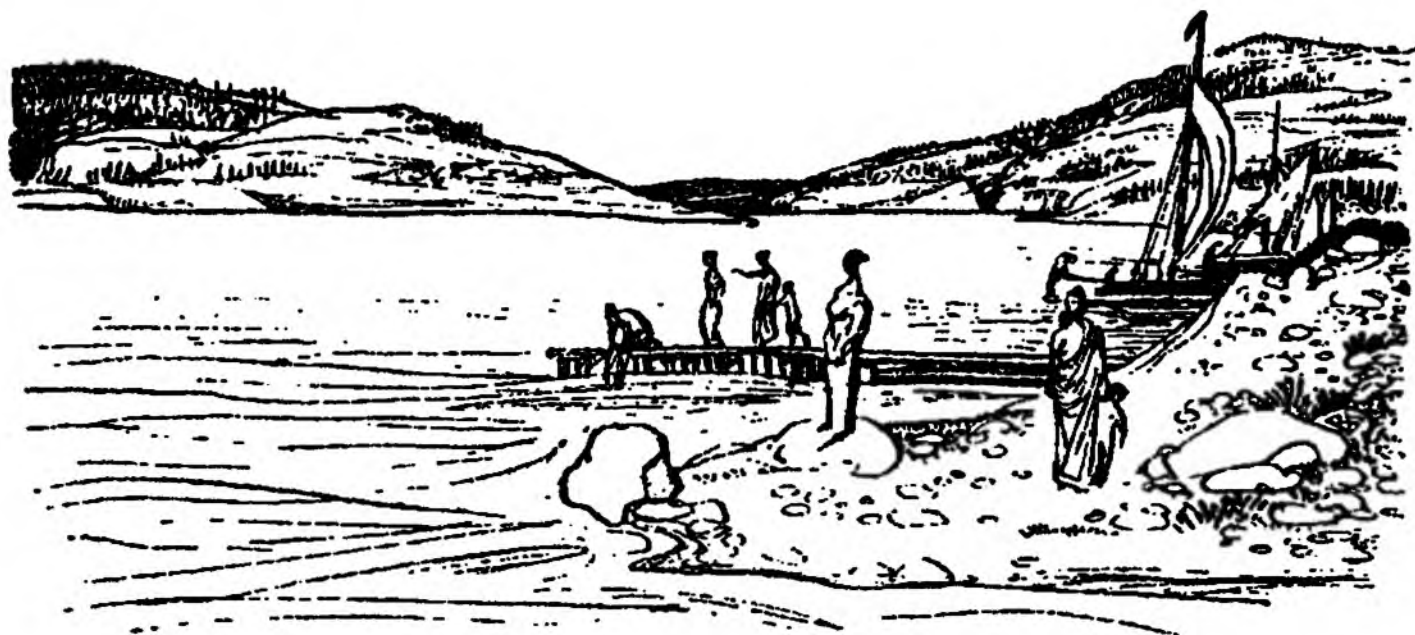
— Рабы, чужестранцы, воины, клиенты.

В это время громкий крик воинов и моряков заставил их броситься к борту судна:

— Липарские острова!

Впереди, в зеленоватой дымке, сливавшейся с голубыми волнами моря, открылись гористые острова. Небо опрокинулось широкой чашей, облитой солнечным светом, и справа от корабля зашумела листва деревьев Стронгиле, веселого островка. Геспер смотрел на высоких полногрудых женщин, стиравших одежды, на девушек и детей, и ему приятно было думать, что на этом островке спокойно, нет войн, и жизнь течет мерно, безмятежно, как ручеек в чаще леса, — годы, годы, — и Пан приходит на бережок, чтобы подремать под ласковое журчание. Когда на горизонте возникли Дидима, Липара и Гиера, такие же солнечные, такие же мирные, как Стронгиле, Геспер подошел к моряку, заглянул ему в глаза:

— Взгляни, какая тихая жизнь на этих островах! Разве тебе не хотелось бы жить здесь, ловить рыбу, петь песни, благодарить богов за счастливую жизнь?

Моряк презрительно усмехнулся:

— И это ты называешь жизнью? Жизнь там, в Тринакрии... Там борются люди. Они восстали, они освободились от ига врагов. И суждено им умереть в боях. А это (он указал на островок Гиеру, оставшийся позади) скучная, мышиная жизнь; она доводит человека до самоубийства. Но и на этих островах не без невзгод: много жизней уносят землетрясения и извержения.

— Кто ты? — шепнул Геспер.

— Зови меня Аврелий. Я — воин, а теперь моряк. Сначала я служил под начальством Люция Муммия, с ним разрушал Коринф, потом вернулся на свою землю, но меня стали душить налогами, и я, распродав имущество, стал нищим. Я отправился в Рим, пристал к толпе бездельников; они жили случайным заработком... Я многое, многое понял... Если сам плебс плохо стоит за себя, то кто же будет стоять за него?

— Но рабы и свободнорожденные восстали...

— Это другое дело! В Тринакрии можно создать такую крепкую республику, с сенатом из рабов, с победоносными легионами, что сам Рим содрогнется от ужаса.

И вдруг взглянул прямо в глаза Гесперу:

— А ты кто? Много уж меня расспрашиваешь...

Но вольноотпущенник был настороже и повторил то, что говорил о своей поездке каждому.

— Ну что ж, — оживился моряк, — тогда поедем вместе, только молчи. Я знаю кое-кого в Тиндарисе...

Он отошел от Геспера и больше к нему не подходил. Когда же впереди всплыла из морской пучины дымящаяся Этна, а за нею пристань, вся в пене, как Анадиомена, и ближе придвинулись зеленые сады и темная громада храма Нептуна, моряк оглянулся на Геспера, как бы призывая его в попутчики. Вольноотпущенник не колебался. И лишь только бирема причалила, он схватил сумку и поспешно сошел на берег, чтобы не потерять моряка в многочисленной толпе.

Глава IV

Тиберий с тяжелым чувством ушел от Сципиона тотчас же после ужина. Он видел, что Эмилиан и члены его кружка, на которых он возлагал надежды, не в силах облегчить положение плебса.

«И в самом деле, что они могли сделать, — думал он, — после того, как отказались от борьбы с сенатом, и Лелий, трусливо поджав хвост, как побитая собака, взял свой закон обратно? А теперь? Они занимаются литературой, философией, слушают умные речи Полибия, который боготворит Сципиона. С ними мне не по дороге».

Его потянуло в кварталы бедняков-ремесленников; он хотел обдумать наедине, где выход из тяжелого положения. Но тут он вспомнил, что едет послезавтра в Испанию, оторвется надолго от Рима, и опечалился: «Я не плохой оратор, усовершенствуюсь в этом искусстве, буду защищать плебс от посягательств оптиматов и, если угодно богам, вернусь с обдуманном законом, который предложу в комициях; я подниму плебс на борьбу. Разве не внушал мне мой отец стоять за справедливость, разве он сам не боролся с олигархией?»

Вечер был теплый, несмотря на легкий ветерок. Тонкая печаль исходила от лунного сияния, тихо проникая в смятенную душу. Осеребренные храмы, мосты и здания дремали в отдалении. Голоса людей плескались в воздухе, падая и вздымаясь.

Гракх вышел на форум, освещенный светильнями; они находились под медными навесами и чадили от дуновения ветра; пламя, часто мигая, рождало бесформенные тени, пробегавшие по каменным плитам.

Тиберий шел в глубокой задумчивости, не обращая внимания на попадавшихся навстречу женщин: римлянки проходили в тогах, с разрезом спереди, *toga-tae*¹, шурша сандалиями; неслышно проплывали, как видения, изящные чужеземки в прозрачных туниках, сквозь которые проглядывали молодые тела. Те и другие были в желтых париках, с наброшенными поверх светлыми капюшонами. Рабы сопровождали блудниц, исполняя их любовные поручения.

— *Vonae meretrices*², — донесся чей-то голос, и Гракху показалось, что он где-то его слышал. — Я люблю их, особенно чужеземок.

— Пойдем в Субурру, — ответил другой голос, низкий, грубый. — Ночь тепла, как страстное дыхание девственницы. (Они захохотали.) Клянусь Юноной, у Целийского моста в лупанарии, который сегодня открывается, будет веселое торжество...

— Ты верно смеешься, Люций, какое торжество может быть в лупанарии?

«Люций Кальпурний Пизон», — с отвращением подумал Тиберий и ускорил шаги; он хотел выбраться поскорее из этого места, но ответ Пизона удержал его:

— Уверяю тебя, Марк, что это так. Неужели Марк Эмилий Скавр откажется посмотреть на такое зрелище? Девственница вступает на путь любви, ее моют, одевают, украшают, лено взимает с похитителя невинности полфунта серебра, а затем девушка продается кому угодно за одну золотую монету.

— Не пойду, далеко.

---

¹ Название блудниц, которые носили тогу, подобно мужчинам.

² Изящные блудницы. (*Лат.*)

— Послушай, я расскажу тебе, как всё происходит, я бывал не раз на этих празднествах, — говорил Пизон, сладостно хихикая.

— Главным участником? — засмеялся Скавр.

— Вовсе нет. Я люблю наблюдать нравы, ведь я пишу «Анналы» — большой исторический труд от основания Рима до нашего времени.

— И ты вписываешь туда все лупанарии и торжества в них? — издевался Скавр.

— Брось, Марк! Если хочешь послушать, то не мешай. Это понадобится для твоего же жизнеописания. Ведь ты пишешь, правда?

— Пишу, — неохотно ответил Скавр.

— А записал ли, как ты заразился в плебейском лупанарии и как лечила тебя старая сводня?

Скавр вспыхнул, но сдержался:

— Язычок у тебя, Люций, как жало...

Гракх был раздражен невольно подслушанным разговором. Он прошел мимо храма Кастора и направился в темную улицу, которая зияла, как черная яма.

«Куда я иду и зачем? — задумался он. — Искушать судьбу? Плебс отдыхает от тяжелых трудов, а я хожу по улицам, не зная, чем ему помочь. Когда я добьюсь трибуната, я не остановлюсь ни перед чем».

Он вернулся на форум и медленно пошел домой.

Молодая девушка, почти подросток, подбежала к нему, смело ухватила за его тогу:

— Пойдем, господин?

Тиберий хотел прогнать ее, но не решился.

— Не нужно, — тихо молвил он и сунул ей в руку монету.

Девушка отпустила тогу и с недоумением смотрела на него. Тиберий шел, не замечая ее. Она следовала за ним, прячась за выступы домов. В темном переулке догнала его, и снова схватила за руку.

— О, господин мой, — всхлипывала она, — ты так добр, возьми меня к себе. Сжался над бедной девушкой.

— Кто ты? Рабыня или свободная?

— Я римлянка. Мать моя умерла... Мы очень нуждались... Куда мне деваться? Я голодна. И сегодня я вышла, прости господин, первый раз...

Голос ее дрожал.

— У тебя есть *lisenia stupri*¹?

— О, нет.

Гракх задумался. «А ведь таких девушек много... тысячи... И это республика?..»

Он взял ее руку, сжал в обеих ладонях.

— Как тебя звать?

— Тарсия...

— Ну, пойдём...

В атриуме был еще свет, когда Тиберий вошел с девушкой.

Он сразу увидел недовольство на лице жены и рассмеялся:

— Вот, Клавдия, привел я тебе помощницу. Приюти ее. Она одинока. Я нашел ее на ступенях храма.

Жена не удивилась; она привыкла к неожиданностям со стороны мужа: то он приводил несчастных рабынь и стариков, которые ни на что не были пригодны, то девиц, оказывавшихся потом дерзкими лентяйками или хуже того — воровками, то, наконец, избитых рабов, которых покупал у жестоких господ. Когда Клавдия упрекала его, что рабыня сбежала, совершив кражу, или сказала дерзость, он неизменно отвечал: «Чего же ты от них хочешь? Бедные, несчастные, забитые, они ищут для себя лучшего и если берут чужое, то не потому, что жадны, а оттого, что для них составляет удовольствие иметь вещь, которой владели господа, держать ее в руках. Что же они украли?» — «Рабыня унесла зеркальце, а раб золотое сердечко — *bulla* — которое носил наш умерший мальчик. Увы! — всхлипывала она. — Эта булла не предоохранила его от смерти!» — «Что делать? Жаль, конечно, как память, но пойми, милая Клавдия, одно: рабы, как дети: что блестит — то и берут».

Вспоминал: спустя несколько дней жена, проходя мимо таблинума, увидела золотую буллу на столе; удивившись, она позвала рабынь, и те объяснили: раб узнал, что госпожа плачет, жалея сердечко, как па-

---

¹ Разрешение, выдаваемое эдиллом на право заниматься проституцией. (*Лат.*)

мать о сыне, и передал его через девочку-рабыню, а на другой день вернулся и сам. Он раскаивался в своем поступке, валяясь у ног Клавдии.

Тиберий всегда находил слово оправдания: он жалел человека, любил его, и ему больно было, когда раба наказывали. В городе говорили, что Гракхи обращаются с невольниками лучше, нежели сам Сципион Эмилиан.

И теперь, когда муж привел неизвестно кого («Может быть, блудницу», — подумала Клавдия), девушку, которой никто не знает, она захотела отказаться от этой скромной («С виду, конечно», — подумала опять) девушки, топнуть ногой, выгнать ее за дверь, но, взглянув украдкой на нее, а затем на Тиберия, на его строгое лицо, с добрыми, кроткими глазами, она устыдилась своих мыслей и, подойдя к мужу, весело сказала:

— Ты хорошо сделал, что не бросил ее на ступенях храма.

Тиберий покраснел: он солгал, но так было лучше.

Обняв жену, он поцеловал ее в губы.

— Не сердись, что я тебе надоедаю своей жалостью.

— Разве ты надоедаешь? Я горжусь, что у тебя великая душа римлянина.

...Его тянуло в кварталы бедноты, а зачем — он сам не мог себе объяснить. Было ли это смутное желание ближе соприкоснуться с действительностью, слиться с тяжелой жизнью плебса или стремление уже теперь начать свою деятельность, заручиться поддержкой ремесленников и земледельцев, толпами приходивших в город?

Встав чуть свет и, предупредив жену, что принимать клиентов в этот день не будет, Тиберий вышел на улицу.

Рим медленно пробуждался. Дома, мимо которых он проходил, оживали: голоса рабов, визгливые возгласы невольниц летели за ним, как испугнутые птицы, и, не успев утихнуть, сменялись свежими звуками; вольноотпущенники открывали свои лавки, переругиваясь с крупными торговцами; продавцы зелени

толкали перед собой двухколесные тележки, нагруженные луком, чесноком, горохом, бобами; быстроглазые, растрепанные рабыни второпях покупали зелень, торгуясь из-за каждой унции; метельщики подметали улицы у домов своих господ.

Выйдя на *Via Sacra*¹, Тиберий остановился. Солнце не всходило, а улица кипела уже народом: открывались таверны, кабачки с пестрыми вывесками (одинаковое изображение бородатого раба с амфорой), красильни, лавки обуви, готового платья, золотых изделий, палатки менял. Высокие двухэтажные дома, неуклюжие и грязные снизу, оглашались говором, смехом, криками, ссорами; они были переполнены (наплыв хлебопашцев, потерявших землю и ищущих заработка, был велик), а управляющие-вольнотпущенники взимали плату за помещение «по одежде и облику» людей, вовсе не заботившись о добросовестности. Дома приносили громадную прибыль, и вольнотпущенник наживался, обманывая нередко своего патрона.

Кутилы, по двое и по трое, шли заплетающимися шагами, поддерживая друг друга; после бурно проведенной ночи глаза у них были мутные, опухшие. Они ругались, задевая прохожих, и щедро получали от них пинки и тумак.

У булочных толпился народ. Пирожники зазывали покупателей, всю расхваливая свой товар. Дети шли в школу; они покупали второпях пирожки с вареньем и бежали вперегонки со смехом и шутками. Рабы-проводящие едва поспевали за ними.

Гракх, как солдат, шагал быстро. Не останавливаясь, он пересек форум, на котором собирался уже народ, миновал храм Кастора и очутился в части города, заселенной беднотой.

Грязные улицы поражали нечистотами: нога утопала в соре и густой жиже помоев, которые выливались прямо на улицу. В мастерских кипела работа: в кузнице, устроенной почти на улице, кузнец и молотобойцы, в одних туниках, раздували горн, бухали тяжелыми молотами; портной, с огромными ножницами,

---

¹ Священная дорога. (Лат.)

болтавшимися у пояса, шил желтоватую тунику, ловко работая длинной иглой; сапожник и подмастерье тачали женские полусапожки, поплеывая себе на пальцы; горшечники обжигали горшки чуть ли не на середине улицы, не заботясь о том, что прохожие могли задеть миски, уложенные в высокие колонны; а жены их, зазывая покупателей, продавали скопившиеся изделия.

На Тиберия не обращали внимания: каждый был занят своей работой. Он подошел к кузнецам.

Старик, с багровым лицом, исполосованным мечами, раздувал горн; он искоса взглянул на Гракха, на его сияющую белизной тогу и, усмехнувшись, отвернулся. Взгляд его, казалось, говорил: «Не туда, видно, попал господин! Посмотри же, посмотри, как живут плебеи».

Тиберий, смущаясь их взглядов, в которых светилось недружелюбие, спросил:

— Как живете, граждане? Давно от земли?

«Не то нужно было сказать, — закружились мысли, — конечно, этот старик никогда не видал земли, а работники...»

Дружный смех будто плетью стегнул его по лицу, он вспыхнул, растерялся.

— Как живем? — заговорил старый кузнец, не переставая смеяться. — Разве не видишь — впроголодь!.. Работы нет, хлеба не накупишься. Все мы пришли в город, кто когда: я раньше, а они, — указал он на молотобойцев, — в прошлом году. Все мы разорились. А ведь я воевал под Карфагеном и в Греции...

— Что же республика?

Старик дерзко засмеялся:

— Республика трещит, как туника на быке. Так я говорю, Маний?

Портной вскочил, ножницы закачались, ударяясь об его колени, быстрые черные глаза остановились на Гракхе.

— Республика? Дело не в ней, а в сенате. Засели там жадные пауки, сосут кровь из плебеев. Жизнь перевернулась. Завоевания убили нас, господин!

Тиберий удивился. Портной рассуждал не хуже любого сенатора, и вдруг мысль об охлократии, о которой презрительно отзывался Сципион, кольнула его: «Посади этого человека в сенат, и он докажет, что не Рим разрушил Коринф и Карфаген, а эти города разрушают нашу республику».

— Ты говоришь верно, Маний, но как найти выход из этого положения?

— А ты кто?

— Ты меня не знаешь. Я — Тиберий Гракх.

— Гракх? — вскричал старый кузнец, и улыбка растянула шрамы на лице. — Да я тебя помню. Ты сражался под Карфагеном. Когда мы брали предместье города, — повернулся он к молотобойцам, — Тиберий Гракх, во главе молодых воинов, взял башню, очистил стены города от неприятеля, открыл ворота, впустил консула с отрядом. Так был взят Карфаген. А Гасдрубал, карфагенский полководец, рассвирепел на нас и казнил римских пленников на стенах города. Мы видели казнь, а помочь ничем не могли.

Тиберий протянул старику руку:

— Я рад, что встретился с воином, который был под Карфагеном. Как тебя звать? Тит? Ты помнишь, конечно, Сципиона Эмилиана. Обратись к нему.

— Нет, Сципион — плохой помощник плебсу.

Тиберий опустил голову: он был того же мнения.

— Вот ты, — продолжал старик, не выпуская руки Гракха из своих заскорузлых рук, — ты должен был бы знать о земельном законе Лелия. А почему не поддерживал его?

— Что ты, Тит, разве я — народный трибун, чтобы проводить законы или налагать на них veto¹.

— Но ты за нас! — крикнул портной, оглядываясь на ремесленников, сбежавшихся отовсюду послушать патриция, который пожимал руку кузнеца. — И мы тебя поддержим... отдадим тебе свой голоса...

— Увы, граждане, я уезжаю завтра с Манцином...

— Ну и что ж? Ты же вернешься! — крикнул Тит.

---

¹ "Запрещаю" (*Лат.*) — слово, которым пользовался народный трибун для отмены решения по делу в коллегии народных трибунов.

— С каким это Манцином? — засмеялся портной, сверкнув зубами и глазами. — Ты говоришь о Гостилии Манцине?

— О ком же другом? — с недоумением спросил Тиберий.

— Этот Гостилий, когда был еще эдилом, любил совершать обходы лупанариев, преследовать “волчиц”¹, разыскивать тайные притоны. Эдилы ходят с ликторами, а он решил, что ликторы — ненужные свидетели; в одиночку легче обижать блудниц, требовать бесплатных ласк. Однажды Манцин вернулся из обхода не пешком, а на носилках: он хотел силой ворваться к Мамилии, но грудастая “волчица” угостила его камешком, величиной с твою голову.

Все засмеялись, и Гракх тоже: Манцин не нравился ему своей заносчивостью, самохвальством, дерзостными речами.

— Квириты, — сказал Тиберий, оглядев столпившихся вокруг него ремесленников, — я вижу, большинство из вас, особенно молодежь, земледельцы, которые были вынуждены бежать в Рим в поисках работы и пропитания. Ваши участки проданы, вы разорились. Ваши семьи лишены куска хлеба и голодают. Рим наводняется толпами земледельцев: каждый день они приходят с юга, востока, запада и севера. Их труд заменяется дешевым трудом рабов. Справедливо ли это? Справедливо ли лишать римлянина его же хлеба, отнимать у него землю, которую он же завоевал? Скажите, квириты, так ли я говорю?

— Верно, верно! — закричала толпа. — Земля была нашей кормилицей.

— Земля одевала нас!

— Наши овцы свободно паслись...

— Так вот, землю вы должны получить обратно...

— Эдилы! — воскликнул кто-то.

Толпа бросилась врассыпную, и вскоре застучали опять молоты, началась торопливая работа.

Стоя у горна, Гракх дожидался эдила, сопровождаемого впереди ликтором. Эдил, толстый, потный чело-

---

¹ Название блудниц с берегов Тибра. (Лат.)

век, с багровым лицом, приблизился к кузнице, оглядел ее и, увидев патриция, наблюдавшего за работой старика, подошел к ним.

— Кто ты? — спросил он. — И по какому праву собираешь вокруг себя народ?

Тиберий назвал себя.

Эдил поклонился и заискивающе улыбнулся:

— Как здоровье благородного Сципиона Эмилиана? Я давно не был у него, занятый на службе.

Гракх нехотя ответил, что Сципион здоров, и, отвернувшись, пошел к форуму. Он был доволен сегодняшним утром: теперь он был уверен в себе и смотрел радостными глазами на встречавшихся по пути плебеев.

Он вошел в атриум с улыбкой на лице.

— Ну где ты был, Тиберий? — вскричала Клавдия, бросаясь к нему. — За тобой приходили от консула Гостилия Манцина.

Гракх вспомнил презрительное отношение плебса к его начальнику и сказал:

— Пошли сказать, что я буду у него вечером, а этот остаток дня хочу провести с вами.

В атриуме находилось несколько близких друзей: Диофан Миттеленский и Блоссий — оба старика, в светлых хитонах, один — задумчивый, медленный в движениях, и другой — веселый, подвижный; Квинт Элий Туберон, племянник Сципиона Эмилиана, с надменным лицом и презрительным взглядом; Гай Фанний, участник взятия Карфагена, сверстник Тиберия, хитрый, льстивый притворщик, и Гай Семпроний Тудитан, историк, работавший над «*Libri magistratum*»¹, человек честный, прямой и приятный в разговоре.

Тиберий ласково приветствовал друзей и, обратившись к жене, спросил, почему не вышла мать.

— Она занята переводом трагедии Еврипида, — ответила Клавдия, — но если желаешь, я скажу ей, что ты пришел.

— Прошу тебя.

Вошла Корнелия в сопровождении Гая, пылкого и стремительного юноши. Женщина седая, но еще креп-

---

¹ "Книги магистров". (Лат.)

кая, она держалась прямо, несмотря на свой преклонный возраст, и гордо закидывала голову, как будто была супругой первого лица в сенате.

Младшая дочь Сципиона Африканского Старшего, победителя Ганнибала, она, выйдя замуж за Тиберия Семпрония Гракха, родила ему двенадцать детей, из которых девять умерли в младенческом возрасте, и только трое остались в живых: два сына и дочь. Она любила детей той глубокой материнской любовью, которая была присуща матронам седой древности, а на сыновей возлагала огромные надежды, мечтая об их исключительной для республики деятельности. «Они — мое украшение», — говаривала она друзьям, — “*haec ornamenta sunt mea*” — повторяла она, расхваливая Тиберия и Гая, и в ее взгляде сверкала гордость матери, родившей таких детей.

Младший сын — Гай, был более привлекателен, нежели Тиберий: высокий ростом, хорошо сложенный, он пленял сердца римских красавиц. Ему недавно исполнилось семнадцать лет, и на нем была мужская тога, складки которой он то и дело оправлял, любясь собой в большом зеркале. Щеголь, как большинство новой молодежи, он делал крупные издержки на одежду, золотые украшения, драгоценные камни, и Корнелия безропотно покорялась воле младшего сына, не желая, чтобы он был одет хуже других и казался беднее сверстников.

Корнелия подошла к Тиберию.

Склонясь, он поцеловал ее руку.

— Я вышел так рано по одному делу. — И, целуя Гая в губы, прибавил: — А вчера ночью, возвращаясь от Эмилиана, привел в дом девушку. Ты видела ее, мать?

Корнелия кивнула и, кликнув рабыню, сказала:

— Позови Тарсию, я хочу видеть, хорошо ли ее вымыли и как одели.

Девушка робко вошла и остановилась среди атриума. На ней была новая туника и сандалии, лицо вымыто, волосы гладко причесаны.

— Скажи, Тарсия, довольна ли ты? — спросил Тиберий.

— О, господин мой, ты сделал для меня все... Ты спас меня...

— Что ты умеешь делать?

— Умею ткать и прясть, занималась рукоделием.

Когда она ушла, Корнелия обратилась к Блоссию:

— Сегодня я кончаю перевод «Медеи», не будешь ли так добр просмотреть со мной начало?

— Я очень рад, что ты доверяешь мне ознакомление с этой работой.

— А теперь, друзья, посоветуйте мне, что перевести из Аристофана.

— «Облака», конечно, «Облака»! — единогласно воскликнули Диофан, Блоссий и Тиберий.

А Гай Семпроний Тудитан заметил:

— В «Облаках» осмеяны софисты, а это для нас, римлян, особенно важно: меньше будет увлекаться наша молодежь Карнеадом.

Тиберий провел этот день в семье, беседуя с матерью и друзьями, а вечером пошел к Гостилию Манцину. Консул объявил ему, что он отправляется в путь ровно в два часа¹, и приказывал явиться на форум без опоздания.

Собирая мужа в дорогу, Клавдия всхлипнула.

— Приезжай поскорее, — шептала она, целуя его руки и обливая их слезами, — я отвыкла от твоих путешествий и буду очень скучать.

Глава V

Аврелий и Геспер шагали по улице. Моряк говорил вполголоса:

— Надоела мне эта морская жизнь — всюду распущенность, пьянство, побоища. И отчего только Нептун не потопит все корабли вместе с людьми?

---

¹ Два часа по летнему римскому времени — 6 ч. 58 мин. утра (Европейское время).

Навстречу валил народ: римляне в тогах, греки в хитонах, сицилийцы в разноцветных одеждах,

похожих на хламиды. Рабыни, с детьми на руках, неряшливо одетые, злые, переругивались друг с дружкой, торопясь поскорее втиснуться в боковую улицу, до того запруженную народом, что всякое движение остановилось. Улицы возбужденно шумели.

Геспер спросил стоявшего рядом ремесленника, куда бежит народ.

— Раба ведут на казнь, — ответил рослый бондарь, протискиваясь вперед.

Аврелий окинул глазами улицу и вместо того, чтобы присоединиться к толпе, направился в противоположную сторону. Геспер последовал за ним.

Аврелий шел быстро, как видно, торопясь. Геспер заметил, что город он знал: свернул в боковую улицу, прошел несколько шагов и остановился перед ветхим

домиком (черепитчатая крыша зияла большими дырами; гнили и обваливались балки, и неизвестно было, как он еще держится).

Толкнув дверь, Аврелий проник внутрь — темный атриум был завален старьем; пахло потом, грязными, давно немытыми одеждами, кожей. Геспер, остановившись на пороге, увидел дряхлого старика, поднявшегося им навстречу.

— Кто такие? — говорил старьевщик, щуря красные, воспаленные глаза. — Кого посылает ко мне добрый Меркурий, радетель о нуждах моряков?

— Неужели не узнал меня, дедушка?

— Это ты? А я было подумал, что...

— ...что меня перевез Харон через Стикс.

— Ты угадал... Э, да ты, кажется, не один...

— Со мною друг. Наш путь в виллу Скавра...

Старик покачал головой.

— Куда вы поедете? — зашептал он, озираясь. — Вся Тринакрия кипит на огне Этны, как горшок с водой. А вилла Скавра находится как раз по дороге в Тавромений, — там расположился лагерь Эвн.

— А Клеон? Разве он не с Эвном?

— Клеон стоит поближе к Гэнне, а римляне наступают на Тавромений. Не знаю, как вы проберетесь.

— Мы подумаем, — молвил Аврелий, осматривая атриум. — Мне, дедушка, нужна одежда вольноотпущенника и старый пилос.

— Разве тебе надоело морское дело? — усмехнулся старик. — Кормят вас хорошо, в вине не отказывают, платят исправно, а приплыло судно к месту — ступай на берег, пей, веселись...

— Это, дедушка, не жизнь.

— Что же ты задумал?

Аврелий покосился на Геспера:

— А задумал то, о чем говорил когда-то с тобой.

— И не страшно? — осторожно спросил старик.

— А чего бояться? — пожал плечами Аврелий.

Он не договорил и стал рыться в старье, подняв тучу пыли. Переодеваясь, прислушивался: с улицы доносился глухой шум, голоса. Аврелий надел на голову пилос, шепнул:

— Что у вас делается в городе? Народ торопится, бежит; насилу мы к тебе продрались...

Старик вздохнул.

— Собираются казнить раба; он ударил своего господина, повалил на землю, стал душить.

— Задушил?

— Нет, оторвали его, — с явным сожалением произнес старик. — А раба теперь водят по улицам, бьют, а затем распнут.

Шум приблизился.

Геспер и Аврелий выскочили на улицу. Прямо на них двигалась толпа, сдерживаемая легионерами: острия копий вспыхивали на солнце огоньками, начищенные песком шлемы ослепительно сверкали.

Впереди шел голый раб. Лицо его, потное, окровавленное, обросшее густой бородой, с прядями черных волос, слипшихся на лбу, было дико. Он шел, припустив голову, и озирался исподлобья: шея его была заключена в тяжелый кусок дерева, в виде длинной балки, и раскинутые руки пригвождены к нему. Сзади шли рабы, его товарищи, которые, по закону, должны были ответить за то, что не помешали покушению на жизнь господина: их ожидало строгое наказание — плети, пытка огнем. Но сын пострадавшего патриция обещал смягчить им наказание, если они будут бить преступника, ведя его по улице от дома до места казни. Однако большинство рабов отказалось от постыдного предложения, и только несколько человек, самых низких и малодушных, согласились.

Раб медленно шел, и сзади, подобно граду, сыпались на него жгучие удары тонких ивовых прутьев. Смуглая спина превращалась в ошметки мяса, и кровь стекала длинными нитями на запыленные ноги.

Это был образованный грек, попавший в плен вместе с Полибием в числе тысячи знатных ахейцев; гордый, он нигде не мог ужиться, и его наказывали за непокорность, переводили из одного предприятия в другое, пока, наконец, он не попал к патрицию, поселившемуся в Тиндарисе.

Легионарии шли бесстрастно, с копьями наперевес: они спокойно следили за порядком и не препятствова-

ли выбегавшим на середину улицы римским гражданам и гражданкам наносить удары преступнику. Куральный эдил подскочил к осужденному и ударил его в зубы. Раб отшатнулся, чуть не упал от неожиданного удара, но не растерялся: густой плевком залепил старичку лицо.

Визжа и ругаясь, римлянин бросился к центуриону, сопровождавшему раба: он требовал подвергнуть преступника самому жестокому наказанию тут же, на улице, но центурион объяснил, что ему приказано идти к месту казни, не останавливаясь, что он не имеет права истязать злодея своей властью. Тогда толпой овладело бешенство; она бросилась к преступнику, чтобы растерзать его, но легионарии остановили разъяренных мужчин и женщин копьями.

— Назад! — крикнул центурион, взмахнув мечом, сверкнувшим огненной полосой на солнце. — Еще один шаг...

Толпа отхлынув, осыпала раба бранью, кидала в него камни, глиняные черепки.

Раб шел. Это был сильный, выносливый человек. Деревянный ошейник давил шею, пригвожденные руки оцепенели, он их не чувствовал, кровь бросалась в лицо обжигающим жаром, туман застилал глаза. Сердце колотилось так сильно, что он задыхался.

— Воды...

Легионарий, шедший рядом, поспешно поднес баклагу с уксусом к его губам. Раб глотнул, замотал головой. Рот и окровавленные губы побелели, но мысли прояснились, — стало легче.

— Не давай ему пить! — заревела толпа.

— Пусть издохнет, подлая собака!

— Смерть ему! Смерть!

В глазах раба просветлело. Он благодарно глянул на воина, но тот, не замечая его умоляющих глаз, шел, зорко смотря по сторонам.

— Друг...

Легионарий чуть повернул голову. В шепоте раба ему почудилось не то приказание, не то призыв..., но воин, не моргнув глазом, продолжал шагать, прислушиваясь.

— Мое имя — Ахей... если ты меня спасешь...

Легионарий шел молча; лицо его пылало.

— Если ты ночью...

Раб пошатнулся: опять потемнело в глазах.

— Пей, — как сквозь сон, донесся до него ободряющий голос воина. — Идти уже недалеко.

Раб шел. А удары сыпались; вскоре к ним прибавилась острая разъедающая боль: он застонал.

Легионарий обернулся: молодые матроны бросали рабу в спину щепотки соли. Воин подумал, дозволено ли это законом, и спросил подошедшего центуриона. Но тот сам не знал. Взглянув же на матрон, на окровавленную спину раба, на его бледность, он крикнул:

— Запрещено законом. Пеня.

Женщины отстали.

Впереди темнели городские ворота. Рабам и чужеземцам было запрещено выходить в военное время за город, и только римские граждане и вольноотпущенники пользовались этим правом.

От ворот до места казни было недалеко: предстояло пройти два стадия по дороге и свернуть в сторону, где чернело несколько крестов.

Солнце медленно склонялось к западу, но лучи его сильно пригревали землю. Слева дымилась Этна. Центурион, поглядывая на солнце, торопился. Он боялся, что не успеет. Он приказал идти быстрее. Люди ускорили шаг. Геспер и Аврелий шли почти рядом с легионарием. За спиной они слышали голоса рабов и свист прутьев. Оба молчали.

— Кого бьете, жалкие ехидны? — послышался сзади шепот, и Геспер, оглянувшись, увидел Аврелия, который, ругаясь, шел уже рядом с рабами.

Шествие внезапно остановилось. Протяжный крик метнулся и замер. Раб упал.

Он лежал посреди пыльной дороги, с тяжелой колодкой на шее; окровавленная спина стала черной, как земля, — пыль, попавшая в раны, превратилась в густую липкую грязь, и она, эта грязь, жгла тело, вызывая зуд, доводящий до бешенства.

— Пить...

Третий раз легионарий снял с себя баклагу. Приподняв голову осужденного, он влил ему в рот уксусу, помог встать.

— Дойдешь?

Раб не ответил. Он собрал последние силы, сделал несколько шагов, зашатался.

— Кто хочет помочь преступнику? — крикнул центурион.

Геспер и Аврелий молча подошли, в нерешительности остановились.

— Как помочь? — растерянно спросил Геспер. — Под руки не возьмешь, пригвождены...

— Может, донесем его? — прервал Аврелий. — Мы сильные, а идти осталось недалеко.

Они подняли раба, приготовились нести, но сын патриция воспротивился:

— Он ударил моего отца, едва не задушил, — и его нести? — закричал он, бросившись к Гесперу и Аврелию. — Пусть ползет! Пусть, как хочет, добирается до смерти!.. Вставай, вставай!

Но раб не шевелился.

— Встанешь ты, скотина? — ударил его молодой патриций ногой в бок, но видя, что раб обессилел, сказал: — Пусть несет его, кто хочет.

Геспер и Аврелий подняли Ахея и понесли, один — обхватив ноги, а другой — спину; легионарий шел сзади, поддерживая окровавленную колодку с раскинутыми руками.

С полей дул ветер, принося запах разлагающихся на крестах трупов; орлы и еще какие-то хищные птицы кружились над крестами с клекотом; голодные собаки, привлеченные мертвечиной, бродили неподалеку, но заслышав голоса людей, скрылись.

Геспер, шагая впереди, видел кресты — они возвышались, раскинув свои руки, черными призраками, мрачными, как тени Эреба.

Геспер насчитал пятнадцать крестов. Вид одного из них поразил его, вызвав ненависть к палачам. Висел мальчик; его остекленевшие глаза смотрели прямо на людей, нагое тело было бело, и ступни малы, как у девочки.

Не спуская глаз с этого мальчика, Геспер подходил к крестам, позабыв о своей ноше.

— Налево! — крикнул центурион, и Геспер увидел рядом с крестом, на котором был распят мальчик, толстый кол, вбитый в землю.

Раб тяжело вздохнул, встал с трудом на ноги. Глаза его встретились с глазами легионария, но он не увидел ни тени надежды на суровом лице воина. Только в глазах его помощников вспыхивало не то обещание, не то тихая радость людей, долго искавших и нашедших, наконец, средство к спасению.

— Не бойся, мы тебя спасем, — шепнул Аврелий, но так тихо, что сам едва уловил свой шепот.

Раб задрожал, но овладел собой.

Между тем центурион позвал нескольких воинов и кузнеца. Легионарии принесли лестницу, приставили к колу и, взобравшись на нее, потянули раба на веревке; кузнец сильными ударами молота прибил его ноги к колу.

— Удержится? — спросил центурион, раскачивая тело и не замечая, что гвозди разрывают ладони и ступни несчастного.

Легионарий, поивший раба уксусом, сказал:

— Тело прибито крепко, спроси кузнеца.

— Хорошо. Ты останешься сторожить его до второй стражи. Можешь развести костер, а огонь возьмешь в караульне у городских ворот.

Ночь надвигалась, сопутствуемая прохладой. Тишина окутывала сицилийские поля. Люди пропадали во тьме, и легионарий, опершись на копье, долго смотрел им вслед.

Потом он подошел к кресту, позвал:

— Ахей...

— Пить...

Воин оторвал лоскут от своей туники, смочил его в баклаге и, надев на копье, поднес к губам раба. Слышно было, как раб чмокал губами.

— Друг,ними меня... спаси... и ты получишь такую награду...

— Ты не дойдешь, Ахей, до деревни. Вторая стража обнаружит бегство...

Две тени выросли рядом с легионарием.

— Кто вы? — испуганно вскрикнул он.

— Не бойся, мы друзья осужденного, — сказал Аврелий. — Мы пробираемся в лагерь Эвна.

Легионарий задумался: с некоторого времени в войске участились случаи перебежек легионариев на сторону неприятеля; привлекала раздача Эвном земель, свободная жизнь без притеснений и непосильных налогов. Воин решительно потрянул головой: «И я с вами».

Они отогнули с трудом гвозди, вбитые в ноги раба, вынули их и, опустив тело на землю, освободили ему руки, сняли с шеи колодку.

Раб был в беспомощности. Он лежал неподвижно, как труп. Геспер влил ему в рот родосского вина. Раб пошевелился, вдохнул.

— Мы тебя понесем до деревни. Не знаешь, далеко ли идти?

— Пять стадий, — шепотом выговорил раб.

— Ты очень страдаешь, Ахей?

— Руки отнялись. Чем я буду мстить?

— Руки отойдут: ты истек кровью, ослабел. В лагере Эвна ты выздоровеешь.

Они подняли Ахея, завернули в плащ легионария и понесли. Раб стонал, метался: все его тело было в ранах, они кровоточили, голову охватывал шум, видения мглой проносились перед глазами, и он забывался тяжелым сном, нет — не сном, а каким-то отупением, от которого не хотелось освободиться. Он был мокр, точно искупался в реке, и, стиснув зубы, молчал, сохраняя силы. Лишь недалеко от деревни попросил:

— Друзья... дайте мне нож... на случай, если...

— Не бойся. Мы знаем, что делать.

В деревне они пробыли недолго: наняли земледельца и тотчас же выехали, стараясь добраться поскорее до военной дороги, которая соединяла Мессану с Тавромением.

— Мы поедем напрямик, — успокоил друзей Аврелий, — нужно узнать место, где еще нет римских легионов; там и проскочим в лагерь Эвна.

Дорогой они нагнали нескольких рабов, которые поспешно скрылись в ущелье гор. Аврелий громким голосом позвал их, успокоил и, расспросив, узнал, что Эвн стоит к северу от Тавромения, в ожидании римлян.

Они ехали весь день и всю ночь. Впереди полыхали величественные пожары — казалось, горит вся Сицилия, открылись все вулканы, и никому нет спасения. Навстречу попадались разрозненные стада овец, коров, табуны лошадей, — восставшие отпустили на волю даже животных, и гордый клич: «Всем свободу» — носился по виллам, деревням и городам, сбросившим ярмо угнетения.

К утру они выехали на проселочную дорогу, смятую проходившими стадами и копытами римской конницы, и увидели вдали обугленные развалины вилл, кресты с распятыми на них патрициями и публиканами, и, подъехав ближе, — нагие семьи людей, которые недавно еще владычествовали и издевались над рабами: женщины, мальчики и девочки бродили среди разрушенных жилищ, стыдясь своей наготы, искали пропитания, но все было сожрано огнем, опустошено.

Увидев путников, они бросились к ним, со слезами на глазах, умоляя о помощи, но Ахей лишь хрипло рассмеялся:

— Взгляни, благородная матрона, на мое тело! Взгляни на мои руки и ноги и подумай: справедливо ли покарал вас Юпитер?

В глазах его горела такая ненависть, что люди испуганно отшатнулись.

— Вот отлежусь, соберу войска, пойду по всей Тринакрии. Никому не будет пощады!

Он не мог больше говорить и, задыхаясь, опрокинулся навзничь.

Телега уезжала. Женщина с воплем упала на колени, и крики ее долго неслись им вслед. Люди угрюмо молчали. Только Ахей сказал с полубезумным смехом:

— Будет еще не то: трупами насильников станем удобрять поля!

Вечером они наткнулись на конный дозор пастуха Крития и были задержаны.

Говорил один Ахей. Он рассказал обо всем, ничего не утаивая, и, указав на друзей, спасших его, крикнул:

— Едем к Эвну! А этот человек из Рима... Мы и там имеем друзей...

Критий вызвался проводить их к царю Антиоху, как он называл Эвна, и телега быстро покатила, окруженная всадниками.

Глава VI

Геспер и Аврелий ожидали увидеть лагерь, погруженный в сон, караулы, возникающие внезапно рядом, услышать их тревожный оклик и грубые голоса военачальников. Но совсем не то открылось их глазам: множество разбросанных по полю костров, издали похожих на пылающие угольки, а ближе к дороге, огибая лагерь, возвышался укрепленный вал со рвом. Тысячи людей работали дни и ночи без отдыха: одни, по римскому обычаю, воздвигали на валу прикрытие из толстых бревен, другие устраивали ограждения, чтобы уменьшить давление насыпи на откосы, третьи вырубали с внутренней стороны ступени, иные рыли ямы, вбивая в них копья, острием вверх, и покрывая сверху прутьями — ловушки для неосторожного в бою пехотинца.

Кожаные шатры, разбитые не в строгом римском военном порядке, а как попало, чернели, вырисовываясь неуклюжими тенями на темном небе.

Остановив телегу у лагеря, Критий предложил путникам пройти пешком до шатра царя Антиоха. Не возражая, они подняли Ахея и понесли вслед за Критием. У шатра, самого высокого и просторного, где стоял караул, они остановились. Критий назвал себя страже и прошел внутрь. Через несколько минут он вернулся и крикнул Аврелию:

— Войдите! Царь желает вас видеть.

Они проникли в шатер, освещенный огромными факелами, и остановились, опустив свою ношу на землю. Ахей застонал.

Это и был Эвн — вождь рабов.

Низенький приземистый человек, толстый, с желтым лицом и быстрыми подозрительными глазами, в царской диадеме, сидел на некоем подобии трона. Это и был Эвн — вождь рабов. Услышав стоны, он несколько привстал, крикнул высоким голосом евнуха:

— Зачем принесли раненого?

Аврелий выступил вперед и стал рассказывать: по мере того, как он говорил, лицо Эвна багровело (толстая жила вздулась поперек лба), челюсть подергивалась.

— Не врешь?

И, вскочив, подбежал к Ахею:

— Огня! Я хочу сам посмотреть.

Он взглянул на руки и ноги Ахея, ощупал ему спину.

— Будешь бороться за наше дело? Будешь мстить за себя, за наших братьев?

Ахей смотрел на толстого человека, на сверкающую диадему и думал, что теперь, быть может, рабы добьются освобождения, начнут жить человеческой жизнью. И ему больно было сознавать, что он лежит без пользы: когда еще заживут раны и кто будет о нем заботиться?

— Царь, ты добр и милостив, но я болен... я не могу сейчас бороться. Но когда выздоровею, я соберу тысячи рабов и пойду на римлян. Я храбр, жизнь для меня — плевок: смерть душила уже меня...

— Ты останешься в моем шатре. Я сам буду тебя лечить... Вчера я беседовал с богами; они сказали мне: «Принесут к тебе человека, больного, избитого, приюти его, излечи». Это — ты. Я ждал тебя...

— На тебе, царь, милость богов, — сказал Критий.

Эвн усмехнулся, самодовольно оглядев приближенных, которые толпились у входа в шатер.

— Пусть подойдет гонец из Рима, — сказал он.

Геспер вышел на середину шатра.

— Вождь, — молвил он, избегая называть Эвна царем, — потерпи немного. Я должен говорить с тобой наедине.

— Подойдите вы оба. Как звать? Аврелий? А тебя, воин? Сервий? Вы желаете бороться за дело рабов? Почему вы бежали из римских войск?

— Царь, — сказал Аврелий, — Рим стал не тот, чем был. Жить невозможно... доблесть иссякла... народ голодает... богачи грабят... Я пришел помогать тебе...

— Говори.

— Я помогу тебе уничтожить публиканов, купцов и патрициев...

Эвн расхохотался: смех его был похож на кудахта- нье испуганной курицы.

— Хорошо сказал! Ох, как хорошо! Ха-ха-ха... Что скажешь, Критий? Такие люди нам нужны. Ну, а ты, Сервий?

— Я не мог терпеть зло и жестокости римлян: моего отца посадили в тюрьму за долги, землю взяли, скот угнали, жизнь испортили...

Эвн задумался:

— Куда мне вас назначить? В пехоту или конницу?

Ахей, лежавший посреди шатра, приподнялся на локте:

— Царь! Я беру их себе. Они будут первыми людьми в моей коннице.

Эвн засмеялся:

— Больной и бессильный, ты уже принялся за дело. Это хорошо. Боги знали, кого мне присылать.

И, повернувшись к Критию, воскликнул:

— Позови писца и вождей... Посланец из Рима скажет, что хотят от нас враги...

— Вождь, я хотел говорить с тобой наедине, — возразил Геспер.

Но Эвн замахал руками:

— У меня нет тайн от моих людей. Пусть все знают, о чем мы будем говорить.

Вскоре шатер наполнился вооруженными военачальниками: входили бородатые рабы с копьями и мечами, старики с луками и дротиками, безусые юноши с дубинами и пращами. Большинство были сирийцы.

— Все собрались? — крикнул Эвн, усаживаясь на возвышении. — Где же писец?

Геспер удивился: рядом с Эвном стоял не раб, а человек свободный, в тоге, с виду римлянин.

— Вождь, — заговорил вольноотпущенник Фульт-

вия Флакка, оглядывая рабов быстрым взглядом, — я выехал из Рима с поручением от моего господина. Называть его я не буду, да и незачем: ты его не знаешь. Мой господин приказал передать тебе этот меч и вазу со свитком папируса. Он сказал так: «Отдай Эвну и уезжай обратно. Привези что-нибудь от него в доказательство того, что ты выполнил поручение».

И он протянул меч и вазу вождю рабов.

— Меч хорош, — улыбнулся Эвн, пробуя лезвие на ноге, — и ваза не плоха, но важнее всего для нас — письмо твоего господина.

Он вынул из вазы папирус, подал писцу:

— Читай.

Писец развязал льняную нитку, развернул свиток:

«Патриций, друг рабов и плебса, вождю Эвну.

Наступило время, дарованное богами несчастным рабам: вы восстали. Да поможет вам Юпитер и Минерва в вашей борьбе. Помните, что в Риме, Минтурнах и Синузессе есть у вас друзья: мы подготовим там восстания. А ты, вождь, возмуди рабов в Аттике и на Делосе: пошли туда верных людей. Постарайся завоевать поскорее всю Тринакрию, изгнать оттуда римлян и греков, а с жестокими господами расправься так же, как они расправлялись с рабами. Попытайся захватить римские корабли в Сиракузах, чтобы охранять берега Тринакрии. Держись, не сдавайся, борись до конца. Я постараюсь, чтобы римский сенат послал меня для усмирения вас, восставших: помни, я буду бездействовать; это даст вам возможность укрепиться. Когда ты станешь владыкой Тринакрии, когда у тебя будут корабли, захвати Липарские острова, иди на Италию: высади войска в гаванях, которые я подготовлю для борьбы, а в каких — уведомяю тебя. Следи, чтобы в войсках твоих не было пьянства, разврата, непослушания: пьяных строго наказывай, блудниц изгони из лагеря, дерзких, своенравных и непослушных рабов выдавай римлянам. Помни, что следствием всех этих зол бывает в войсках измена. Страшись се. Не доверяй людям, которых не знаешь.

Прощай».

Молчание воцарилось в шатре.

— Что скажете, братья? — спросил Эвн, окидывая собрание подозрительным взглядом. — Всем по сердцу советы друга? Что молчите?

Выступил Критий:

— Царь, советы римлянина умны; видно, что писал друг, а не враг.

У шатра послышался топот ног, прерывистый говор: полы запахнулись, и в шатер ворвался раб в оборванной тунике:

— Царь! Римляне...

Лицо Эвна преобразилось: он порывисто вскочил, легко пробежал, несмотря на свою полноту, через шатер, схватил меч и щит, крикнул высоким пронзительным голосом:

— Братья, вперед! Давайте бить врага, как били уже не раз!

И как был, в диадеме, выскочил из шатра, взобрался без посторонней помощи на низенькую, выносливую лошадку и помчался к воротам лагеря.

Глава VII

Римляне наступали вдоль проселочной дороги, по которой несколько часов назад проехала телега с беглецами.

Уже светало, и в предутренних сумерках звуки казались обновленными, приобретая звонкую свежесть. Солнца еще не было, но уже на востоке заалела полоска, похожая на край юношеской тоги.

Два легиона, построенных в три ряда, шли ровным шагом: впереди двигались гастаты, за ними, на расстоянии фронта одного легиона, за промежутками между манипулами первой линии, велиты, и наконец, задний ряд составляли триарии, воины, испытанные в боях. Всадники находились на флангах.

Военные трибуны и центурионы шли, наблюдая за передвижениями рабов. Они видели огромные толпы,

которые строились в широкий четырехугольник, внутри которого находился обоз, шатры и скудное имущество рабов, видели готовые к бою тесно сомкнутые колонны, очевидно для того, чтобы прорвать римский строй, но когда появилась многочисленная конница —

поняли, что благоразумнее было бы отойти за высокий вал и ждать подкреплений. То же подумал и претор Луций Гипсей, ехавший верхом между первым и вторым рядом воинов, но отступить было уже поздно.

По знаку претора войско остановилось. Знамена манипул, с изображением кистей рук и различных животных, заколебались. Не успела римская труба заиграть призыв к наступлению, как из гущи рабов выскочили пращники и осыпали римлян дождем камней.

В ту же минуту заиграла труба, послышался рев рабов, претор взмахнул знаменем, римляне ответили бо-

евым кликом и побежали на неприятеля. Вдруг в рядах произошло замешательство: на флангах, против которых Эвн с умыслом выставил слабые силы, чтобы отвлечь внимание римлян, рабы сомкнулись в тесную колонну, прорвали строй, и претор немедленно бросил в бой манипулы второго ряда. Засвистели копья, зазвенели мечи.

Критий, начальник конницы, разделил ее на две части: одну послал против правого фланга, а сам, во главе другой, бросился на левый фланг.

Началась жестокая сеча. Охватываемые с обеих сторон, едва успевая выбивать то и дело прорывавшиеся колонны рабов, римляне продержались недолго: после дружного натиска Крития началось постыдное бегство. Рабы, обезумев от радости, расстроили свои ряды и бросились неудержимой лавиной; истребляя людей, добывая раненых, не щадя сдававшихся в плен, они мстили за долгие годы мучений, издевательств, пыток и побоев. Кое-где римляне переходили в наступление, но, не имея сил удержаться, отходили или обращались в бегство.

Битва мощно шумела топотом ног пехотинцев и всадников, звенела ударами мечей о панцири, свистела камнями и дротиками, гремела боевыми кличами, возгласами трибунов и центурионов, воплями, стонами, проклятиями, ржанием лошадей. И все эти звуки то сливались в один нарастающий гул, то, замирая, выделялись разрозненно, проникновенно и страшно.

Эвн бился в передних рядах, стараясь прорваться к Гипсею; дважды, во главе храбрецов, бросался он в гущу неприятеля (он хотел убить претора и захватить знамя) и дважды отступал. Но когда началось бегство римлян и Гипсей приказал играть отступление, Эвн закричал. Голос его, высокий, пронзительный, метнулся над легионами, над конницей Крития:

— Знамя, знамя!

Критий догадался. Стегая горячего вороного жеребца плетью и призывая всадников в бой, он помчался за бегущими легионарями; он видел перед собой ускользящее знамя — то знамя, которое требовал царь Антиох, и не в силах взять его, закричал:

— Братья, за это знамя — мешок золота!

Но знамя было уже далеко — римляне добрались до своего лагеря, где, укрывшись за валом, могли выдержать длительную осаду. Подъехав к Эвну, Критий соскочил с коня.

— Царь, — молвил он твердым голосом, в котором звучало недовольство, — почему ты не приказал этого раньше?

Эвн усмехнулся, похлопал его по плечу.

— Я видел твою храбрость, ты уцелел, урон у нас невелик — чего же больше? А знамя (он махнул рукой) не убежит. У нас будет много римских знамен, и я прикажу поставить их под ярмом у каждого шатра.

— Золотые слова, — сказал подошедший Аврелий.

Он находился в обозе, видел бой и удивился той храбрости, с которой рабы бросились на неприятеля, и той быстроте, с которой они разбили его.

— А много легло римлян?

— Они потеряли половину бойцов, — ответил Критий. — Прикажи броситься на приступ. Мы победим. Знамя и голова претора будут у твоих ног.

Эвн усмехнулся.

— Ты горяч и безрассуден. Нужно сохранить войска для больших битв. Завтра же мы пойдем вперед и прогоним неприятеля: он уйдет, как побитая собака. Сейчас этого делать нельзя. Будем хоронить павших, дадим отдых живым.

Увидев Геспера, он поманил его движением руки:

— Возвращайся в Рим и скажи своему господину: «Царь Антиох благодарит за дружбу и за советы; он хотел послать тебе знамя разбитого легиона — это не удалось: претор поспешно бежал. Но к прибытию твоему в Тринакрию Антиох захватит много знамен и пошлет тебе». А пока передай ему это.

Эвн снял с шеи золотую тяжелую цепь и протянул Гесперу.

— Царь награждает своих друзей по-царски.

Принимая цепь из рук Эвна, Геспер подумал: «Хотел бы я знать, у кого из убитых публиканов взял он это золото. И если он так легко расстаётся с этим богатством, то у него золота, наверно, груды».

Но Геспер ошибался: кроме этой цепи, отнятой в Генне у публикана Дамофила, истязателя рабов, подавшего своими жестокостями повод к великому восстанию, Эвн больше ничего не имел.

Глава VIII

Проезжая через Этрурию, Тиберий еще больше убедился в необходимости начать борьбу.

Плодородные поля, богатые урожаями, звенящие песнями земледельцев, собирающих золотую жатву, которые он видел, возвращаясь из Карфагена несколько лет назад, обезлюдели, были в полном запустении: кое-где виднелись рабы на отдельных клочках земли, а дальше простирались огромные пустоши, и до них никому не было дела. Грубые окрики надсмотрщиков и пьяных виликов, стоны истязаемых невольников — все это доводило Гракха до отчаяния.

Лошадь под ним была горячая, и он сдерживал ее, стараясь ехать рядом с консулом.

Гостилий Манцин, бородатый человек, с темно-красными, как пурпур, губами и орлиным носом, болтал без умолку, рассказывая о своих любовных удачах: правду ли он говорил или врал, но создавалось впечатление, что он неотразим. Он рассказывал второй уже раз, только с иными подробностями, как жена всадника Манилия надоедала ему своей любовью, а он, не зная, как отвязаться от нее, послал на ночное свидание своего друга, вместо того, чтобы пойти самому: матрона узнала об обмане и поклялась жестоко отомстить Манцину. Он говорил, что на него готовилось несколько покушений, но он каждый раз умело расстраивал их; наконец, это ему надоело, и он решил помириться с мстительной любовницей. Матрона приняла его приглашение на прогулку по берегу Тибра, и когда они проходили над кручей (внизу шумел опасный водоворот), толкнула его. Он упал, но успел каким-то чудом ухватиться за деревце. Взобравшись на узкую тропинку, он не нашел уже матроны: убежден-

ная, что Гостилий погиб, испуганная, не зная, что говорить мужу (Манилий знал, что она отправилась на прогулку с Манцином), который ожидал их, желая сыграть с Гостилием в кости, она убежала.

— Что же было дальше?

— Прибежала она домой испуганная, кричит: «Гостилий Манцин оступись в омут», а я уже стою за дверью, слушаю. Только закончила она — отворяю дверь, вхожу. Как увидела она меня, вся затряслась, забила: плачет и смеется. Насилу успокоили.

— Что же Манилий?

— А ему что? Видит, что жена успокоилась, спросил, как я выбрался из беды, и говорит: «Сыграем, а?»

Консул расхохотался. Но Гракх не очень верил хвастливым рассказам Манцина и, желая прервать скучную беседу, указал на поля Этрурии:

— Посмотри, благородный Гостилий, что делается: наших земледельцев не видно, точно вымерли. Скажи, что будет дальше?

Манцин сделал удивленное лицо:

— Как что? Обрабатывают понемногу землю... Торопиться некуда. А наши земледельцы — лентяи: плохо работали, влезли в долги, а потом осталось одно — продавать пожитки, отправляться в город.

— Но ты знаешь, что такое город для земледельца?

— Знаю: гибель. А что делать?

Тиберий не ответил: или Гостилий был глуп, или просто притворялся, что ничего не понимает.

В стороне от дороги показалась вилла, скрытая наполовину деревьями разросшейся рощи. Квестор предложил консулу заехать на виллу:

— Позавтракаем, отдохнем, а в это время рабы с кладью нас догонят...

— Их ослы, наверно, заупрямились, и мы сможем, в ожидании их, соснуть на душистом сене...

Гракх усмехнулся; беззаботность Манцина удивляла его.

Подъезжая к ограде виллы, они слышали блеяние овец, рев быков, голоса людей.

— Э-гей! Кто там? — крикнул Гостилий, стуча рукояткой плети в ворота.

Несколько рабов появились из-за деревянного здания и тотчас скрылись. Рыжебородый вилик, увидев военачальников, бросился отворять ворота.

— Чья вилла? — спрашивал между тем Тиберий. — И где господин?

— Вилла принадлежит Фульвию Флакку, а господин живет в Риме.

— Мы его друзья. Принимай гостей да пошли раба на дорогу, чтобы остановил наших людей с ослами...

Гракх осмотрел виллу и нашел ее в крайнем запустении: господин, видно, бывал очень редко, предоставив распоряжаться всем хозяйством вилику, и хитрый раб мнил себя единственным хозяином и требовал от подчиненных, чтобы они величали его господином.

Тиберий обошел запущенный виноградник и оливковые посадки. В винограднике работали три человека: двое срезали виноградные кисти и укладывали в корзины, а третий относил их к дому вилика и передавал вилике. Рабы были старые, но еще крепкие: одетые в туники и деревянные башмаки, неуклюже двигались, переговариваясь на неизвестном Тиберию наречии.

На участке оливковых посадок работа шла веселее. Молодые рабы бросали спелые оливки в корзины и относили субвилику, который сам следил за работой трапета — тисков для выжимания масла. Это был широкий медный сосуд, с толстыми кругами, в большие отверстия которых продевалась железная палка; по ней двигались круги, раздавливая оливки.

Субвилик, юркий александриец, сказал, поклонившись Тиберию:

— Посмотри, господин, на этот трапет: я купил его в Суэссе за четыреста сестерциев, да круги оказались неровными: пришлось везти в Рим, чтобы приладили. И это обошлось еще в 30 сестерциев.

— А теперь трапет исправен?

— Работает хорошо. У нас таких два, но они не успевают выжимать всех оливок: я приспособил для этого медные сосуды, вместимостью в тридцать квадратов каждый.

— Ну, а потом?

— Разливаем в бочки, в амфоры и отвозим в Рим.

— А выжимки?

— Мы отдаем их рабам, а если им не хватает, то добавляем по секстарию в месяц чистого масла...

На дворе работали невольницы: одна молола полбу на ручной мельнице, другая толкла бобы, третья — зерно, четвертая выбивала толстые плащи, тюфяки, одеяла, подушки. Неподалеку упрямый осел, подгоняемый бичом, лениво вращал мельницу; мучная пыль белым туманом висела в безветренном воздухе. Единственный свободный человек в вилле работал батраком, мало завися от прихоти вилика. Это был крепкий человек, с беспокойными глазами, вспыхивавшими бешенством по ничтожному поводу, и с таким же угрюмым бронзовым лицом.

Отец его, старый легионарий, потом разорившийся земледелец, поступил опять на военную службу добровольцем и отправился в Сицилию воевать с восставшими рабами, а сына своего Мария потерял из виду.

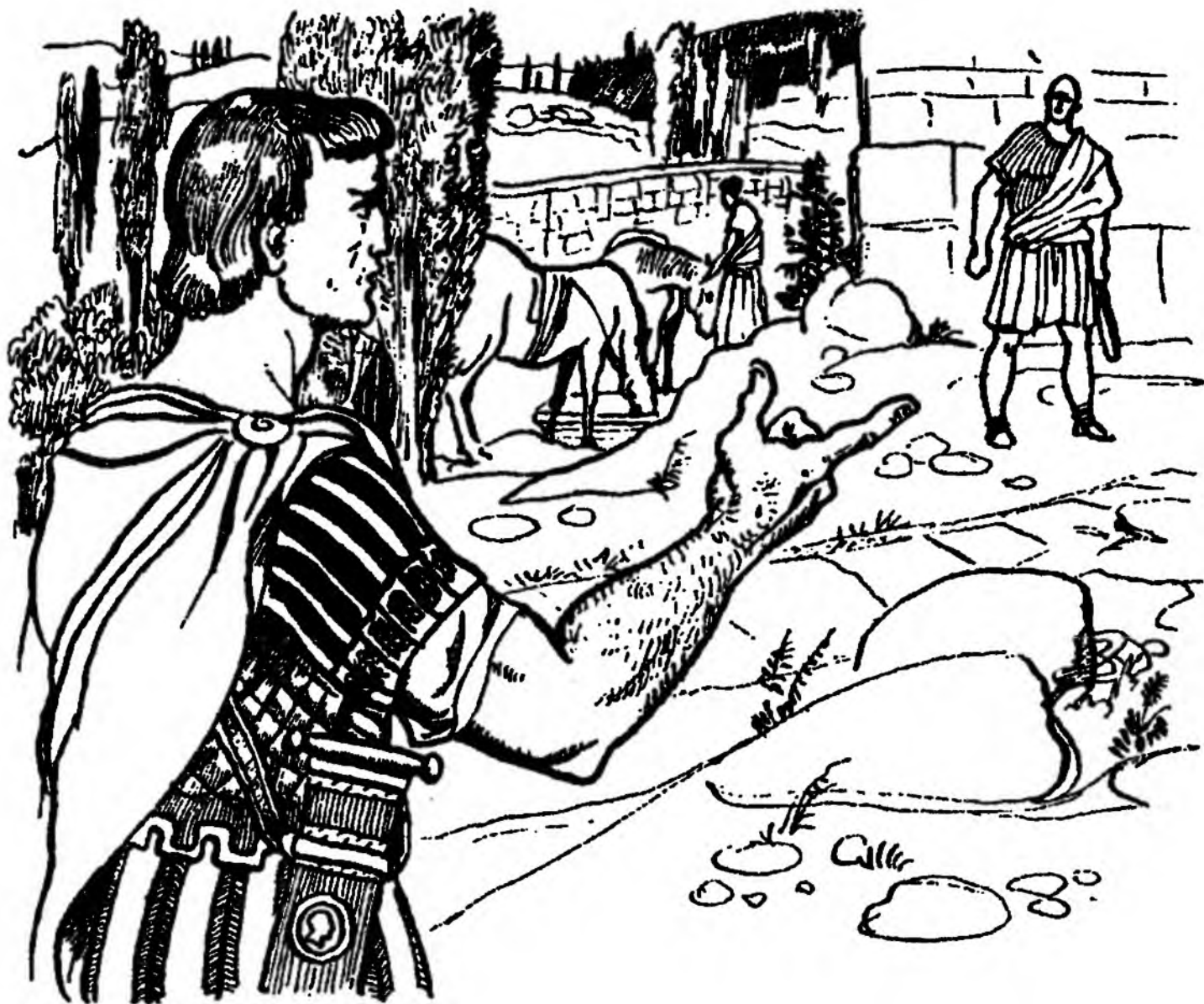
Марий пробовал обрабатывать землю, но быстро разорился; оставалось одно — идти в батраки, и он, покинув без сожаления родную деревушку Цереаты, находившуюся вблизи Арпина, отправился в Этрурию. Он много претерпел лишений, голодал, пока не поступил на виллу Фульвия Флакка.

С первых же дней он имел столкновение с виликом: он потребовал освободить рабыню, осужденную к ударам плетью. Вилик воспротивился; в пылу ссоры Марий схватил вилика за рыжую бороду и ударил его по щеке. «Раб, знай свое место! — крикнул он. — Повинуйся свободнорожденному». С того времени вилик боялся Мария и избегал его.

Завидев военачальников, Марий задумался: мысль поступить в легион, отправиться на войну, выслужиться, овладела им. Остановив осла, он подошел к Тиберию:

— Господин, выслушай меня. Отцу моему свыше шестидесяти лет, он сражался в Сицилии; я, его сын, был земледельцем, разорился и пошел в батраки. Возьми меня с собой на войну, я молод, крепок, люблю народ, потому что я — плебей. И мне дороги слава и могущество Рима.

Гракх взглянул на юное лицо батрака, на его мускулистое тело:

— Тебе придется пройти суровую выучку, испытать много лишений... Я с консулом еду под Нуманцию.

Марий презрительно усмехнулся: он уже успел посмотреть на главного военачальника и решил про себя, что этот человек не дорого стоит.

— Я поеду, куда прикажешь.

— Хорошо. Я переговорю с консулом.

И Тиберий принялся осматривать железные орудия (вилы, четырехзубые мотыги, заступы, косы, топоры, ножи для срезания ветвей, щипцы для угольев, кочерги, жаровни), но не все нашел в исправности:

— Почему не радуете об имуществе господина?

Он собирался пройти с услужливым субвиликом в дом, где молодые невольницы ткали на станках тоги, но в это время послышался шум — Манцин, ругаясь, бегал по двору: он часто озирался, обращаясь к рабам,

но те его не понимали. Увидев Гракха, он закричал:

— Куда ты девался? Вот уже целый час, как я тебя ищу! Завтрак давно готов... Мы не успеем отдохнуть до прибытия рабов с кладью...

Тиберий, сдерживая улыбку, вошел в атриум.

Вилика, полнотелая рабыня, улыбаясь, поставила перед ними сковородку с жареной свининой, амфору с вином и нарезала толстые ломти теплого пахучего хлеба. Затем, налив каждому вина в широкие оловянные кружки, она низко поклонилась.

— Послушай, благородный Гостилий, на войну просится молодой батрак. Я обещал взять его под Нуманцию...

— И хорошо сделал.

Гракх отпил из своей кружки (вино показалось ему крепким) и принялся за свинину, но консул, не знавший ни в чем воздержания, выпил три кружки кряду

и лишь тогда стал закусывать. Скоро он покраснелся, начал громко хвастаться победами над женщинами и опять потянулся к вину. Но Тиберий воспротивился: мигнув вилике на амфору, он подложил Манцину кусок свинины и стал его уверять, что отдыхать едва ли придется.

Консул вскочил, пытаюсь идти, но, пошатнувшись, упал на руки квестора.

Гракх поспешил увести пьяного начальника на сено, раскиданное за домом. Душистое, оно опьяняло так же, как вино, и Манцин, повалившись, сразу же захрапел; да и Тиберий забылся было легким сном, но тотчас же вскочил. Он вспомнил, что они находятся среди рабов, которые могут сделать с ними что угодно, и, ощутив меч у пояса, пожалел, что не сумел удержать консула от пьянства.

Появился вилик.

— Рабы приехали с кладью, — сказал он, поклонившись. — Что прикажет господин?

— Накорми их, но только не давай вина.

Вилик опять наклонился, но не уходил.

— Пусть простит господин раба своего за дерзость: я хотел спросить, как здоровье нашего господина Фульвия Флакка, не собирается ли он на эту виллу?

Гракх вздумал испугать зазнавшегося раба:

— Господин твой здоров, а приедет, должно быть, скоро; он говорил, что у тебя непорядки...

Вилик изменился в лице.

— О, господин мой! — вскричал он с испугом, и рыжая борода его затряслась. — Ты видел мое старание, но что я могу сделать? Господин мой не был здесь более трех лет; он только присылает эпистолы: «Люцифер, пришли денег».

— Скажи, почему рабы величают тебя господином?

Вилик попятился от Тиберия:

— Меня?.. Да разве я приказывал им?.. Они сами...

Гракх положил ему руку на плечо.

— Послушай, друг, — тихо сказал он, — ты возвысился случайно; помни, что ты такой же раб, как и они. Не издевайся над своими братьями, Люцифер!

Вилик оторопело смотрел на Тиберия: он не верил своим ушам. Господин говорил с ним, как со свободным человеком.

Глава IX

Лизимах поселился рядом с *Castra perigrina*¹, у стены Сервия Туллия. Дом принадлежал Сципиону Назике, и вольноотпущенник, заведовавший им, хотел было содрать с горбуна огромные деньги за год вперед, но хитрый грек, показав ему перстень Сципиона Старшего, объявил, что он, Лизимах из Пергама, — клиент Сципиона Эмилиана и занесен в книгу «Договоров с чужеземцами». Делать было нечего: пришлось назначить умеренную цену.

Лизимах не лгал, хвастаясь своим богатством: он скорее недооценил его, чем переоценил: атриум, таблинум, спальни — все блестело, сверкало, искрилось. Разноцветные вавилонские ковры устилали полы, десятки рабов уставляли комнаты затейливыми безделушками, изящными статуями греческих скульпторов, диковинными вещицами, привезенными, по словам хозяина, со «счастливых островов». В таблинуме было развешано дорогое оружие с рукоятками из слоновой кости, с золотыми инкрустациями, а посередине, на стене — щит Александра Македонского с изображенной на нем войной амазонок. На столе лежали редкостные папирусы, пергаменты и на видном месте большой брусок золота; но это был не брусок, а книга в золотом переплете — «Анабасис» Ксенофонта, о которой грек говорил своему патрону.

Десятки статуй, расставленных в атриуме, поражали своей белизной, мягкой строгостью форм: здесь были лучшие мраморы Эллады и Архипелага, прекраснейшие вазы Александрии, Коринфа, Экбатаны, Персеполиса, труды сотен и сотен жизней, потраченных

---

¹ Лагерь чужестранцев. (*Lat.*)

на то, чтобы воспроизвести красоту, создать удивительнейшее творение ума и рук человеческих. Множество ваз скопилось вдоль стен. Большие были наполнены драгоценностями: в одних лежали благородные камни, в других — золотые слитки, в третьих — золотые монеты, в четвертых — серебряные динарии, в пятых — еврейские шекели, в шестых — сверкающие ассы с двуликим Янусом. Затем следовали, как чудачество хозяина, маленькие вазы с мелкой разменной монетой, пятью видами асса: семисс с изображением Юпитера, триенс — Минервы, квадранс — Геркулеса, секстанс — Меркурия и унция с Минервой¹, олицетворяющей Рим. Иные вазы были наполнены дупондиями, составлявшими два асса, другие — сестерциями, стоившими четверть динария. Было много греческих, персидских, сирийских, лидийских, македонских, пергамских монет. Любовно разложенные по вазам, они составляли гордость алчного хозяина.

Но ценнее этих богатств были дочь и жена горбуна: юная Лаодика и молодая Кассандра.

Лизимах размышлял, следует ли приглашать патрона. «Сципион имеет право взять их в свой дом, поручить им заботу о своих книгах, а то и привлечь в свой кружок, где ценят и уважают умных людей».

Но позвать Сципиона нужно: могущественная защита и покровительство великого человека, который известен не только в римской республике, но и за пределами ее, были необходимы, если он предполагал жить и торговать в Риме; кроме того, он обещал жене и дочери показать этого римлянина, сурового, честного, строгого ко всем, а особенно к самому себе.

Но все же он колебался: страх перед Сципионом Эмилианом, за жену и дочь терзал его. Он подарит ему «Анабасис» Ксенофонта, дорогую книгу в золотом переплете, предложит любую вазу с ее содержимым, любую самую лучшую статую, доспехи Александра Македонского, лишь бы римлянин не искушал Кассандру и Лаодику своим кружком, умными речами Полибия.

---

¹ 1/2 асса — 6 унций; 1/3 асса — 4 унции; 1/4 асса — 3 унции; 1/6 асса — 2 унции; 1/12 асса — 1 унция.

Он вскочил, побежал в таблиниум, бросился к столу, раскрыл «Анабасис». На литом переплете книги сделана искусной рукой выпуклая надпись: «Ксенофонт».

Ему вспомнилось, что эта книга — награда за услугу, оказанную Атталу III: царь получил в подарок редкостный папирус от Птолемея VII, но не мог в нем разобраться; созванные мудрецы объявили, что это неизвестные письма, и только он, Лизимах, прочитал папирус и удостоился благодарности. Аттал сказал: «Проси, чего хочешь», и он выбрал эту книгу не потому, что любил Ксенофонта, а оттого, что золотой переплет весил много. Это была алчность, но тогда он думал так: «Царь богаче меня, и для него ничего не стоит потерять крупинку золота». А теперь? «Я богаче Сципиона, но мне жаль потерять этот слиток золота».

Он схватил «Анабасис», прижал к груди.

— Не отдам, не отдам, — шептал он запекшимися губами, — что мое — не твое...

И вдруг вспомнил: он говорил Сципиону иные слова, лгал, изворачивался, чтобы попасть в клиентелу.

В таблиниум заглянула Кассандра:

— Что с тобой?

Он с усилием проглотил слюну, глухо вымолвил:

— Как думаешь, сегодня или завтра позвать патрона?

Он надеялся, что жена скажет «завтра», но Кассандра выговорила с удивлением в голосе:

— Конечно, сегодня. Я пошла распорядиться по дому, нарядить Лаодику. А ты не медли — иди поскорее.

Но в этот день у Сципиона собирался кружок, и он не мог прийти. Напрасно Лизимах умолял его, соблазняя редкостными свитками и книгами, напрасно обращался к Семпронии за поддержкой, Сципион остался непреклонным. И когда грек, наконец, ушел, он сказал, хмурясь:

— Этот горбун мне противен. В нем есть что-то отталкивающее.

На другой день, когда его менее всего ожидали, Сципион отправился к Лизимаху не как гость, а как патрон к своему клиенту.

Входя в атриум, он увидел сперва Кассандру, затем Лаодику, но ничем не выказал своего восхищения. Женщины вскрикнули при виде чужого человека.

— Я пришел навестить своего клиента, — холодно сказал он, — здесь живет Лизимах из Пергама?

Кассандра поняла, что это Сципион, и поклонилась:

— Привет великому римлянину, нашему патрону! Пусть добрые боги сохранят его на долгое время! — и, повернувшись к дочери, заговорила по-гречески: — Поклонись, Лаодика, гостю, развлеки, пока я вернусь.

Девушка приветствовала Сципиона ласковыми словами, “солнечной”, как подумал он, улыбкой: ему показалось, что все осветила эта улыбка — и атриум, и его, Сципиона, согрела душу. Ему захотелось излить свое сердце в искреннем восторге, крикнуть ей, что она божественна, но он подавил в себе порыв:

— Скажи, отец не дома?

— Он вышел, но вскоре должен вернуться.

Сципион прошелся по атриуму: под ногами лежали вавилонские ковры с изображением висячих садов Семирамиды, охоты на вепря, кулачной борьбы юношей.

Лаодика не спускала глаз с патрона: он понравился ей своей гордой осанкой, спокойной беседой, холодными глазами, которыми равнодушно смотрел на азиатскую роскошь, и только удивило ее, что не любит ее, хотя бы исподтишка, не восхищается ее нарядом, не говорит приятных слов, которые она привыкла слушать от многочисленных юношей Пергама; едва владея собой, она подошла к нему, заглядывая в глаза:

— Ты очень строг. Разве тебе у нас не нравится?

— Почему ты так думаешь? Мне все нравится: и эти ковры, и вазы, и статуи, и столики...

— А я? — перебила она его, и опять все преобразилось, стало иным, как будто мир увидел он впервые, и не таким, как его знал, а полным красоты и гармонии.

— И ты нравишься, — прозвучали спокойные слова, — и, пожалуй, больше всего этого (он обвел рукой нагроможденные богатства), потому что ты — живой человек, а это — бездушные предметы.

Лаодика вздохнула. Она ожидала иных похвал: восторженных, пылких, когда мужчина теряет голову, дрожит от восхищения и страсти.

Вошла Кассандра. Она взглянула на дочь, на Сципиона и ничего не поняла.

— Может быть, ты мне покажешь книги и свитки твоего мужа? Я зашел на короткое время.

— О, прошу тебя, не уходи! — с мольбой воскликнула Кассандра. — Твое посещение — праздник для нас. Я покажу тебе все, что захочешь, только не уходи.

И она бросилась в таблиниум, крикнув с порога:

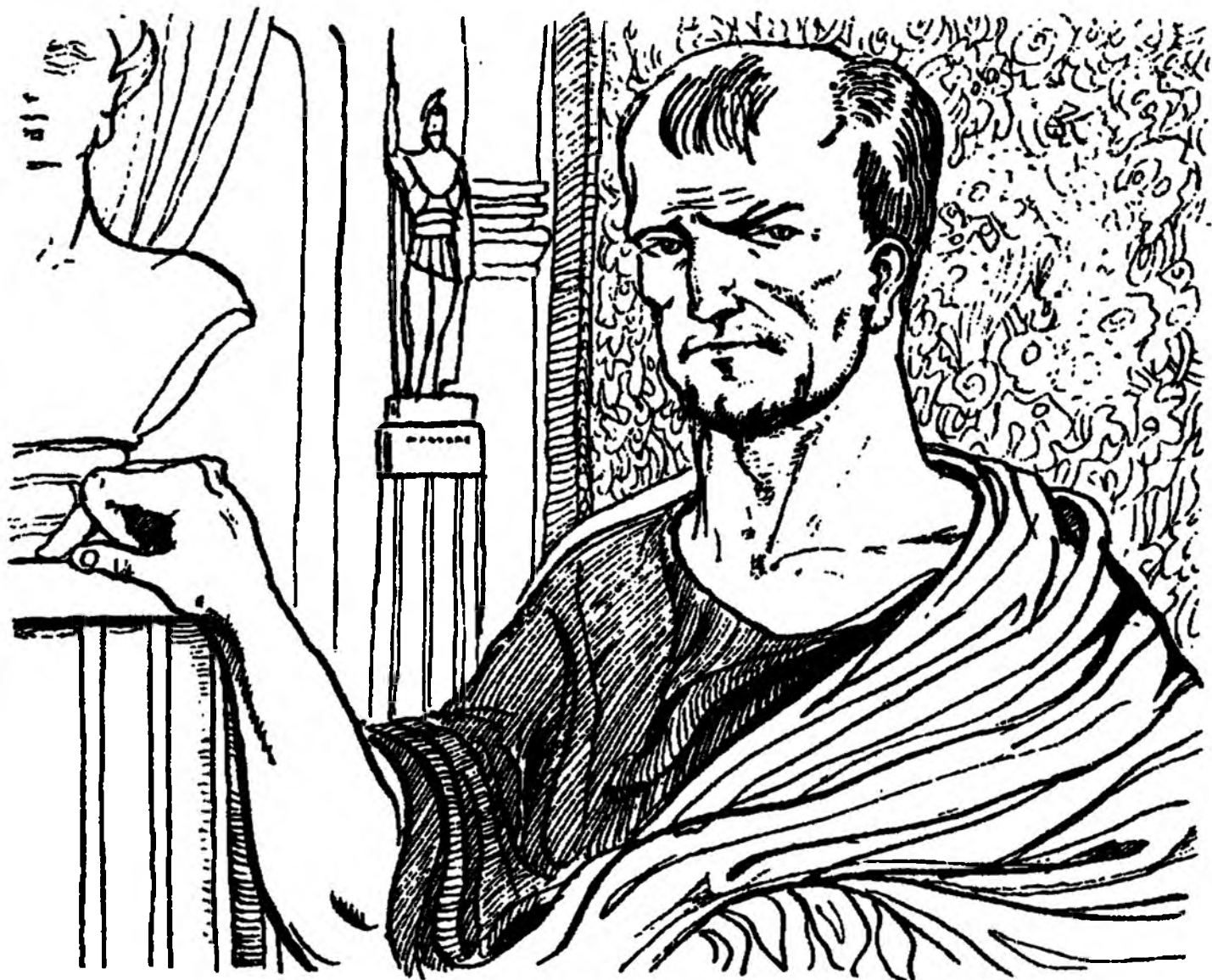
— Войди, прошу тебя. Ты можешь сесть и, не торопясь, просмотреть свитки...

Среди груды книг и свитков лежал Ксенофонт: переплет сиял червонным багрецом золота; четко выделялась надпись. Он отстегнул застежки и стал перелистывать: тонкий пожелтелый пергамент хранил отпечатки грязных пальцев, пятна раздавленных насекомых, седую пыль, живую ползающую моль.

Он внимательно осмотрел книгу и, застегнув, положил на место. Потом разворачивал свитки папирусов, пахнувших тысячелетней древностью, — египетских, греческих, персидских, пергамских, лидийских, и глаза его разбегались. На полу он нашел карманную книжечку в серебряном переплете, с инкрустациями вокруг убитого в бою Гектора, и, раскрыв ее, прочитал первые строки любимой поэмы.

Кассандра не спускала с него глаз. Лаодика стояла рядом с матерью, впервые объятая скорбной думой: она удерживалась от слез и опустила глаза, боясь, чтобы римлянин не увидел ее горя.

Но Сципион ничего не замечал. Развертывая и свертывая свитки, он говорил:

— Счастливый человек твой муж, Кассандра! Он богат, имеет много папирусов, может спокойно разбираться в них, не помышляя о завтрашнем дне.

Он встал, расправил на груди складки тоги, улыбнулся:

— Благодарю тебя за удовольствие, которое ты мне доставила. А Лизимаха ждать я не могу.

Он поклонился и вышел в атриум. Кассандра выбежала вслед за ним.

— О, господин мой, — воскликнула она, протягивая ему Ксенофонта. — Прошу тебя, возьми эту книгу. Мой муж приготовил ее для тебя, как скромный подарок... в знак благодарности за твою сердечность...

Она смутилась и, краснея, беспомощно взглянула на дочь. Но Лаодика была грустна: стоя позади матери, она думала, что сила не в красоте, а в чем-то другом; и слушала звучный голос Сципиона, не понимая слов.

А он говорил:

— Благодарю тебя и твоего мужа, но я не могу принять этой бесценной книги.

— Но почему же нет, почему? — в отчаянии вскрикнула Кассандра.

— Потому, что я привык не получать, а дарить сам.

Глава X

Почти одновременно вспыхнули восстания рабов в окрестностях Рима и на виллах крупных оптиматов. Рим расправлялся с ними беспощадно.

Сперва было подавлено восстание в столице, где вооруженные рабы пытались захватить склады оружия, чтобы раздать его недовольным.

Следствие велось с невероятной жестокостью: рабов били палками, секли плетьюми, бичами-скорпионами с грубыми веревками, в узлы которых были вшиты куски острого железа и иглы, накладывали на руки и ноги колодки, бросали в раскаленные печи, выгоняли на растерзание диких зверей, жгли на медленном огне, требуя выдать зачинщика, но рабы молчали. Умирая, они проклинали Рим, взывали к богам о мести, и народ содрогался от ужаса, ходил, как безумный; ремесленники не могли спокойно работать, дети патрициев и плебеев просыпались по ночам с плачем, а по утрам вставали с жалкими, тревожными лицами; даже судьи чувствовали себя нехорошо и, отправляясь на очередную пытку, спрашивали друг друга шепотом: «Скоро это кончится?»

Но сенат был неумолим: он требовал найти зачинщика, боясь, что если враг останется на свободе — беспорядки повторятся.

Восстания в провинциях были крупнее, но по ходу своему похожи на италийские бунты, и это устало оптиматов; притом Сицилия, житница Рима, была в огне жестокой борьбы: рабы разбивали римские легионы; Эвн соединился с разбойником Клеоном, который взял смелым приступом Агригент; наступление рабов угрожало существованию богатой римской провинции, славившейся хлебом, вином, оливковым маслом; новый полководец Ахей казался непобедимым: он захватил Тавромений и Мессану, увеличил число восставших до двухсот тысяч. Сенат был в ужасе.

Сицилия, взятая на откуп публиканами, не давала доходов, а по договору с республикой они обязаны были платить ежегодно огромные суммы. Но это было не все. Тридцать тысяч югеров пахотной земли, которой владели восемьдесят четыре публикана, находились в запустении: на них паслись стада сирийцев-рабов, ставших теперь свободными.

Когда публиканы обратились к Муцию Сцеволе за советом, старый римлянин сказал, не скрывая к ним своего презрения:

— Кто, как не вы, повергли Тринакрию в смуты?

Вы поощряли ночные нападения рабов на мелких собственников, стараясь вынудить их продать земли богатым соседям. Вы подкупали шайки пастухов, чтобы они угоняли скот земледельцев, поджигали виллы. Вы общались с Дамофилом, богачом Гэнны, который своими издевательствами над рабами вызвал восстание. Вы, все вы!.. Уйдите прочь!

Он был возмущен наглостью этих людей, осмелившихся прийти за советом после того, как они довели Рим до таких потрясений, поставили под угрозу существования житницу Италии. За Тринакрию Рим боролся долгие годы с Карфагеном, за нее умирали тысячи и десятки тысяч доблестных сынов Рима, а теперь...

Муций Сцевола закрыл полой тоги свою седую голову и с презрением удалился.

А в это время виновник всех этих восстаний, непримиримый заговорщик, враг правящей олигархии, сидел в своей этрусской вилле, пил вино и, полузакрыв глаза, думал о своей жизни.

Детские годы его протекли вдали от Рима, в сицилийском поместье, близ Катаны. Отец его, плебей из рода Фульвиев, разбогател, служа пропретором в Испании, и умер, когда сыну не было еще десяти лет. Матери своей мальчик не помнил — она умерла на шесть лет раньше отца, и воспитанием его занялась тетка, женщина образованная; она научила его не только родному, но и греческому языку, позже пригласила и риториков. Любознательный мальчик учился хорошо, а свободные часы проводил в эргастерии, на мельнице, на винограднике, среди рабов. Завидев его, они прекращали работу и дожидались, когда он подбежит, скажет ласковое слово. Он держал себя как равный с равными, смеялся, и так, быть может, продолжалось бы долго, если б не один случай, перевернувший всю жизнь мальчика.

Ему шел пятнадцатый год, когда умер старый виллик и на его место был принят чернобородый человек, с неприятными колючими глазами. С первых же дней мальчик почувствовал, что жизнь рабов изменилась.

Однажды он услышал крики в эргастерии. Проникнув в полуподземное помещение, он задрожал от ужаса: его любимый старик был обнажен и привязан к столбу; два эфиопа били его плетьюми; истекая кровью, он, обессиленный, стонал, захлебываясь и взвизгивая, а вилик кричал: «Скажешь или нет?!» Мальчик бросился к старику, оттолкнул эфиопов. Они повалились ему в ноги. Он повернулся к вилику с бешенством в глазах: «За что?» Вилик презрительно усмехнулся: «Так надо», — дерзко ответил он и вдруг отшатнулся: мальчик, схватив плеть, стегнул его по лицу. (Вспоминая теперь об этом, Фульвий Флакк не понимал, как это случилось.) Вилик упал на колени, умоляя о прощении, а он, мальчик, приказал рабам освободить старика, поручить заботам невольниц.

Это был обыкновенный случай: вилик воровал господский мед, а старик подстерег его и поймал на месте преступления. Боясь, что дед донесет на него госпоже, вилик стал мстить. У мальчика открылись глаза: он понял, что рабы бесправны, как скот, их положение безвыходно.

Однажды он увидел, как засекли насмерть двух невольниц, заподозренных в краже перстня (перстень вскоре нашелся в спальне матроны). Окруженный рабами, он стоял над нагими невольницами, смотрел на бездыханные тела, с отчаянием сжимая кулаки, и поклялся бороться за угнетенных людей.

«И я не отступил от клятвы, — подумал он, — после смерти тетки я приказал обращаться с рабами по-человечески, завел новые порядки... А теперь — слава богам — рабы восстали, и я буду помогать им...»

Подошел рыжебородый вилик, и Флакк сказал:

— Ты, Люцифер, ничего не смыслишь. Вчерашние твои речи — пустая болтовня. Выбирай, что лучше: бороться, не жалея жизни, или работать, как вол, и оставаться животным?

— Господин мой, ты мудр и знаешь, что для нас лучше. Но в Риме жгут рабов, распинают на крестах... А если мы ничего не добьемся?

Фульвий дернул багровую бородавку на левой щеке, негодуяще выпятил тонкие губы.

— “Если” говорит только трус, — быстро вымолвил он, протянув кружку молодой невольнице с высокой грудью, — ты должен быть уверен, что мы победим.

Он провел рукой по редющим волосам на макушке, задумался: «Никакая сила в мире не может подавить воли народа: плебс в единении с рабами, только в союзе с ними, способен победить и зажечь новой свободной жизнью».

Он улыбнулся, хлопнул вилика по спине:

— Что же ты стоишь? Садись.

— Я раб, господин...

— Я отпускаю тебя на свободу...

Люцифер побагровел, оглянулся на вилика и умоляюще сказал:

— Господин мой, я знаю, что ты добр, но ты любишь пошутить...

Флакк пристально посмотрел на него:

— Не веришь?

— Верю, господин, верю!

— И ты, Нимфа, тоже свободна, — обернулся он к вилике. — Только не скупись, прошу тебя, на вино...

Вилика испуганно подбежала к столу.

— Господин мой, осталась только запечатанная амфора хорошего вина... Помнишь, ты сам оставил ее, когда приезжал три года назад с нашей госпожой...

Фульвий расхохотался:

— А я и позабыл о нем. Тащи сюда!

Когда вилика вышла, он сказал:

— Я пробуду здесь несколько дней. Приготовь для меня комнату да прикажи рабыням принести мне на ночь винограда, меда, сыра, оливок и вина. Да холодной жареной свинины...

— Господин ждет кого-нибудь? — робко спросил вилик.

— Жду.

Вилика вдвоем с рабыней принесла запыленную амфору. Сняв толстый слой смолы и оторвав тессеру, табличку, на которой было написано название вина и емкость сосуда, она налила в чашу густого пахучего вина.

— Садись и ты, Нимфа! Попробуй родосского вина. Он пьянел, но говорил не путаясь. Одолевала дремота. В голове шумело.

— Амфору отнеси в мою комнату. Да послушай, Нимфа, проводи меня... Я плохо держусь на ногах...

Рабыня обхватила господина обеими руками, крикнула вилику:

— Неси вино за мной. Что сидишь, как курица?

Ночью примчался всадник на взмыленной лошади и громким голосом разбудил спавшую виллу.

— Господин здесь? — кричал он и, не дождавшись ответа, спешился, постучал в дверь дома.

Вилика, спавшая рядом с Флакком, вскочила, приоткрыла дверь:

— Кто там? Да, господин приехал. Он спит.

— Разбуди.

Фульвий вскочил, озираясь в темноте. Вилика вошла с горящей лучиной. Увидев Геспера, Фульвий задрожал от радости:

— Говори.

Вольноотпущенник рассказал подробно, как ехал, где был, о чем говорил с Эвном, какие силы у рабов и римлян, и радостно воскликнул:

— Эвн на моих глазах разбил претора Гипсея!

— А что ты слышал о Клеоне?

— О Клеоне говорят, что в Тринакрии он был пастухом лошадей и разбойником, а родом он из Команы Каппадокийской и верит в пророческое призвание Эвна; он считает его посланником богов...

— Сенат надеялся, — усмехнулся Флакк, — что рабы Эвна перегрызут глотки рабам Клеона, но случилось иначе. Вера Клеона объединила пастухов, и он отдал себя под начальство Эвна; он понял, что только единство способно принести победу. Клянусь Церерой, они не дураки! И пусть помогает им Матаврийская Артемида, если она в силах!

— У Клеона есть брат Коман. Он воюет под начальством своего брата. Его конница славится стремительными налетами.

— Расскажи лучше об Эвне...

— Господин, ты, конечно, слышал о Дамофиле, жес-

током публикане, и его жене Мегаллис, которые истязали своих невольников. Рабы задумали восстать и спросили совета у Эвна, сирийца из Апамеи, который слыл чудотворцем. Говорят, ему явилась сама Атаргатис и предсказала, что он будет царем...

— Глупости!

— Не знаю, господин, но это все говорят. И вот Эвн возвестил рабам Дамофила, что милость богов будет с ними. Тогда рабы восстали, захватили Гэнну, а Гермий и Зевкис, лучшие вожди в войске Эвна, убили Дамофила, а Мегаллис отдала рабыням. После избияния она была сброшена со скалы. А дочь Дамофила пощадили. Это была ласковая, милосердная к рабам девушка, и Гермий отвез ее к родственникам в Катану...

— Говори об Эвне, — повторил Фульвий.

— Став царем, он учредил народное собрание из рабов и свободных, изменивших Риму; там решаются государственные дела, выносятся смертные приговоры, проводятся законы. Одновременно Эвн создал военный совет...

— Говорят, Эвн жесток: он сам убивает людей....

— Он заколол Антигена и Пифона, своих прежних господ, которые издевались над ним, но он пощадил оружейных мастеров и тех богачей, кто дарил ему кушанья на пирах Антигена и слушал его предсказания. Он справедлив, а не жесток.

Флакк задумался.

— Докажи, что все, сказанное тобой, правда.

Вместо ответа Геспер протянул господину золотую цепь.

— От Эвна?

Он кивнул, повторив слова вождя рабов.

— Хорошо, — сказал Фульвий, — ты голоден и устал. Ешь, пей и ложись.

На другой день он собрал рабов и объявил им, что вилла переходит в собственность Геспера, а они свободны.

— Желающие, — прибавил он, — могут остаться здесь не как рабы, а как свободные люди.

— Прими нас в свою клиентелу, — попросил вилик, низко поклонившись, — лучшего патрона, чем

ты, не найти во всей Италии... Разреши нам поселиться в Риме, быть при тебе, охранять твою особу...

— Вы свободны, — ответил Флакк, — и можете жить, где хотите. Я буду рад, если число моих клиентов увеличится.

Он отозвал Геспера в сторону, сказал:

— Не благодари, ты честно выполнил мое поручение. Когда будешь в Риме, зайди ко мне: я подарю тебе лавку на Эсквiline, и ты сможешь туда отправлять свое вино, оливки и сыр.

Глава XI

Время, проведенное в Испании Тарраковской под Нуманцией, Тиберий Гракх считал самым позорным пятном римской жизни, пятном на честном имени рода Семпрониев.

С одной стороны, его удручало разложение легионов, с другой — подлость алчных сенаторов, которые заискивали перед богатыми публиканами. Рим, гордившийся честью и доблестью Регула, больше не умел держать слова.

...С первых же дней прибытия под Нуманцию Гостилий Манцин стал терпеть поражения, и это вызвало упадок духа в подавленном неудачами войске.

По ночам нумантийцы делали отчаянные вылазки. Они нападали на рабочие отряды, возводившие укрепления, убивали людей, уводили в плен, разрушали трудную работу, сделанную за день. В короткое время были сожжены две осадные башни, испорчены тяжелые метательные орудия, разрушен мост через Дурий.

Лагерь под Нуманцией был позором для римлян. Праздная толпа, состоявшая из жрецов, гадателей, римских и восточных торговцев вином, разносчиков, рабов, блудниц, возмущала Тиберия: в палатке одного военного трибуна жила гетера.

Он обратился к консулу, советуя ему разогнать эту толпу, но Манцин пожал плечами:

— Зачем лишать легионера удовольствия? Он жертвует своей жизнью и потому имеет право выпить кружку вина, провести ночь с женщиной. Ведь и ты, — засмеялся он, заглянув в грустные глаза Гракха, — непременно будешь иметь девчонку.

— Прошу тебя, перестань! — с раздражением ответил Тиберий. — Женатый человек не должен...

— Жена, жена! — перебил его консул. — Жена хороша дома, а в дороге, на войне...

Гракх не дослушал его. Он понял, что Манцин не сможет взять Нуманцию.

В своей палатке Тиберий нашел Мария, который вернулся с ристалища. Недавно еще полунагой батрак, он теперь был одет, как все легионарии: на нем была шерстяная туника, плащ до колен, короткие кожаные шаровары и тяжелые подбитые крепкими гвоздями калиги с ремнями, обвивавшимися вокруг ноги. Большой меч висел на правом боку. А на голове красовался меднокожаный шлем с черной кистой из конских волос.

Марий бросил свой панцирь и деревянный щит, обтянутый бычьей кожей и покрытый листовым железом, на землю, а метательное копье прислонил к раскладной кровати Тиберия.

— Прости, что я вошел без твоего позволения, — сказал он громким, звучным голосом, подымаясь ему навстречу, — но я хотел поговорить с тобой.

Гракх, подружившийся с Марием во время совместного путешествия из Этрурии в Испанию, пожал его руку:

— Ты знаешь, я всегда рад твоему посещению.

— Я хотел сказать тебе, что наши легионы ничего не стоят. В первой же битве они будут смяты, побеждены. Сегодня на учении центурионы были пьяны, а трибунов не было вовсе.

— Я говорил консулу, что нужно разогнать эту праздную, развратную толпу.

— Что наш консул? — презрительно засмеялся Марий, и мрачные глаза его засверкали. — Нуманцию нужно брать, а не проводить под ней весело время.

— Хорошо сказано, но что бы ты предложил?

Марий нахмурился.

— Не мне, легионарию, давать вождям советы. Но если хочешь, скажи консулу, что следовало бы произвести разведку со стороны Дурия. Мне кажется, что осажденным подвозят провиант рекой...

— А ты бы пошел на разведку?

— Почему бы нет? — оживился Марий. — Если пойду, то приведу пленного.

В эту ночь Тиберий долго не ложился; читал письмо от Аппия Клавдия, своего тестя, в котором старик, упрекая Сципионовский кружок в бездеятельности, излагал свои мысли о проведении земельного закона.

Вдруг в лагере послышался шум, звон мечей, крики: «К оружию!»

Гракх выскочил из палатки, но в темноте не мог ничего разглядеть. Небо и земля казались одним безграничным черным покрывалом. Крики со стороны осажденного города усиливались.

Тиберий побежал к палатке Манцина. Консул уже встал. Увидев квестора, он сказал:

— Проклятые нумантийцы! Даже ночью не дают покоя.

Шум усиливался. Мимо палатки пробегали воины; Тиберий различил громкий голос Мария, его грубую ругань. Он вышел наружу, крикнул:

— Нападение, что ли?

— А кто его знает? — равнодушно ответил молодой легионарий (свет из палатки упал на его красное лицо).

— Как ты смеешь так говорить?

Но легионарий, нахально подбоченясь, возразил:

— А ты не кричи!

Он не договорил: выскочил Манцин, ударил его по щеке, сбил с ног и стал избивать.

— Так-то ты, подлец, службу несешь, — кричал он, с бешенством нанося ему удары, — так-то ты...

Прибежал легат:

— Враг проник в лагерь, манипулы выбивают его... Где трибуны? Ни одного на месте! Легионеры ропщут.

Манцин беспомощно опустил руки.

— Труби тревогу, — крикнул Тиберий. — Поднять трибунов, пьяных сечь прутьями, спящих — к ответу!

Он задыхался. Голос его звучал громко, твердо.

Заиграла труба. Послышались крики торговцев, прорицателей, разносчиков, плач женщин. Центурионы и трибуны мчались к палатке консула, одеваясь на ходу.

— Вперед! — крикнул Манцин. За ним повалили гурьбой сонные начальники.

Когда они скрылись в темноте, Гракх стал обходить палатки трибунов: он заглядывал внутрь каждой, но в темноте не мог ничего различить.

Проходя мимо палатки трибуна, у которого, по слухам, жила гетера, он услышал сдержанный смех.

Он поднял полу, вошел внутрь.

Полураздетая женщина вскрикнула, набросила на себя пурпурную хламиду; юноша вскочил, крикнув:

— Как смеешь входить без позволения?

Но, узнав Тиберия, побледнел:

— Прости, я не узнал тебя, квестор!

— Трибун, ты слышал тревогу?

— Слышал.

— Почему не пошел к преторию?

— Я болен.

— Чем?

— Боли в ногах.

Гракх удивился нахальности трибуна и сказал:

— Покажешься завтра врачу. Но скажи, трибун, что бы ты делал с больными ногами, если бы шел бой у твоего шатра? Неужели ты лежал бы с женщиной? Смеялся? Целовал ее? Или ноги — только отговорка?

— Клянусь Юпитером Капитолийским, я нездоров!

Гетера смотрела на Тиберия, не спуская с него глаз, но он не замечал ее.

— Как тебя звать, трибун?

— Марк... Катон...

Гракх опешил от изумления:

— Ты — сын Катона Старшего? О, какой позор! Что бы сказал твой покойный отец, если б увидел, как сражается за республику его сын?.. Неужели ты забыл его слова: «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*»¹? Эти слова были для него молитвой, утренней,

---

¹ «А все-таки я думаю, что Карфаген должен быть разрушен». (Лат.)

дневной и вечерней, до самой смерти, молитвой за Рим! А ты... О, какие ничтожные дети рождаются у великих отцов!..

Он ушел, не простившись с ним.

Манцин возвратился в сопровождении легионария. Трибуны и центурионы получили приказание развести костры, подобрать раненых, похоронить убитых, укрепить лагерь со стороны неприятеля и выставить перед воротами усиленные караулы.

— Вот легионарий, увлекший в бой своей храбростью целый манипул, — сказал консул. — Такие воины — доблестные сыны Рима. Я похлопочу, чтоб тебе выдали награду...

Фигура легионария показалась Тиберию знакомой: он подошел к нему, присмотрелся:

— Марий! Ты?

Воин ответил:

— Я, благородный квестор! Эти нумантийцы дрались лучше нас, и если бы не...

— Если бы не ты, — прервал его Манцин, — мы, наверное, прогнали бы их не так скоро... Какое счастье, что ты променял участь батрака на почетную жизнь защитника отечества, покорителя земель!

Марий промолчал.

Перебежчики, проникавшие в римский лагерь, приносили тревожные вести. Они утверждали, что на помощь осажденному городу движутся огромные войска ареваков и ваккеев, что в Нуманции известны численность римских легионов и имя консула, которые — и войско и полководец — ничего не стоят, и как только подойдут главные силы, нумантийцы бросятся на приступ лагеря и уничтожат неприятеля, а Гостилия Манцина публично казнят на городской площади.

Слухи росли, легионы волновались. Воины говорили: «Зачем нас послали в чужую страну, где враг многочисленен, силен и упрям? Разве мы не могли умереть на родине, сложить свои кости в землях отцов? Довольно воевать! Пусть идут в бой трибуны, центурионы и полководец!» К ропоту присоединились самовольные отлучки, странные исчезновения легионари-

ев; на проверках центурионы обнаруживали, что беглецы уносили с собой снаряжение, оружие и продовольствие в муке и зерне, выданное на полмесяца.

Однажды ночью нумантийцы напали вновь с большими силами. Римский лагерь, подожженный неизвестно кем, несмотря на усиленные караулы, охранявшие вал и ворота, ярко пылал, увеличивая страх и растерянность войска. Но когда по лагерю пронеслись крики: «Враг с тыла!»; когда воины бросились бежать врассыпную, толкаясь, сбивая друг друга с ног, опрокидывая женщин, торговцев; когда посыпались в лагерь стрелы, метательные копья и камни, — консул выбежал из своей палатки.

— Стойте! — закричал он, пытаясь остановить растерянных людей.

«Неприятель нас уничтожит, — думал он, поглядывая на легата, которого оставил при себе, — и если я не приму мер... Но каких? О, Минерва, помоги римскому войску одержать победу, и я построю тебе храм, не пожалею всего своего состояния. О, боги, соедините все свои силы...»

Подошел Тиберий.

— Мне кажется, — сказал он, — что слухи о помощи ареваков и ваккеев осажденному городу — военная хитрость со стороны неприятеля...

— Нет, нет! — вскричал Манцин, боясь, что Тиберий начнет отговаривать его от отступления, которое представлялось ему теперь единственным спасением.

— Если нас окружают, мы умрем, по крайней мере, со славой...

Лицо полководца сморщилось, как от боли:

— Имеем ли мы право жертвовать жизнью граждан?

— Для блага отечества, славы римского оружия — да!

Но консул был иного мнения: благо родины? Разве Испания, отечество варваров, может считаться родной римлянина? И если бы она даже была его отечеством, то неужели он должен гибнуть, точно его добровольная смерть может изменить бег событий? Слава оружия? Но для чего она нужна? Чтобы тешить низкое тщеславие богачей, стоящих у власти, которые возвеличивают себя за счет жизней тысячи граждан?

Ну, а он, Гостилий Манцин? Неужели он похож на легионариев, такой же батрак, работающий на оптиматов, подставляющий грудь под стрелы врагов? Нет, он будет действовать, как подсказывает ему чувство самосохранения.

Когда собрались легаты, квесторы и военные трибуны, консул обрисовал в мрачных красках положение легионов. Он не ошибся в своем предположении: все начальники, как один, потребовали отступления. Они говорили, что в войсках начинается ропот, брожение, и слагали с себя ответственность за окончательный разгром римских легионов.

К полуночи пошел проливной дождь. Римляне тронулись в путь. Отходили тихо, боясь привлечь внимание нумантийцев. А вдруг враг заметит отступление и начнет преследовать?

Нумантийцы обнаружили отход римлян совершенно случайно: разведчики, подползшие к воротам лагеря, не нашли караулов. Это удивило их. Они проникли внутрь лагеря и известили нумантийцев об отступлении римлян.

Тогда началось страшное: ворота города растворились, высыпала пехота, вылетела, как на крыльях, конница; менее чем через десять минут лагерь был занят, задние ряды римлян смяты, опрокинуты, а передние охвачены конницей. Напрасно консул приказывал трубить приступ, напрасно Гракх угрожал, умолял, уговаривал — воины теснились, стараясь укрыться в ложбинах, полных воды, в канавах, за холмами, но в бой не вступали.

Потом все эти огромные толпы отходили, грубо ругаясь, угрожая оружием центурионам и трибунам: на лицах людей была злоба — они громко вспоминали о походах своих в Македонию, победоносных войнах с Персеем, завоеваниях в Испании, долгой осаде Нуманции, пеняли на власть, проклинали сенат, отбиривший в казну военную добычу, и громко кричали об алчности оптиматов, которые обогащались в завоеванных чужими руками провинциях:

— Мы проливали пот и кровь за Рим, мы оторвались от семейств и земли, мы тридцать лет кормили

своими телами вшей — и за что? Для того чтобы вернуться к своим ларам нищими, получать подачки от богачей за голоса в комициях?!

Они не хотели больше сражаться, они согласны были идти в плен, даже стать рабами, потому что, кричали они, нет нигде на земле худшего рабства, нежели то, в котором они находятся.

Когда нумантийцы оттеснили их в ущелье, из которого не было выхода, — Манцин попытался уговорить легионариев, — они выслушали его угрюмо, не прерывая, из уважения к его высокой должности, но лишь только он кончил, чей-то голос прокричал из задних рядов:

— Заключай, консул, мир! Разве не видишь, что мы окружены?

Манцин изменился в лице: это была дерзость и вместе с тем напоминание о безвыходном положении. Он повернулся к Тиберию, жалко усмехнувшись:

— Слышишь?

— Думай, что делать.

Манцин отправил послов в осажденный город, но они вернулись ни с чем: нумантийцы заявили, что переговоры будут вести только с Гракхом, отец которого, после войны с иберийцами, заключил мир с Нуманцией и ходатайствовал перед римским народом о вечном мире и справедливом отношении к ним.

— А не желаете — дело решит железо, — дерзко сказал послам вождь нумантийцев Ретоген, с оскорбительным смехом ударив по мечу.

Пришлось послать Гракха.

Тиберий встретился с Ретогеном, беседовал с ним, как с равным; сделав взаимно некоторые уступки, они заключили договор на следующих условиях: римляне обязаны отвести войско от города, снять осаду, а лагерь, разграбленный нумантийцами, срыть и сравнять с землей; кроме того, они не должны нарушать мирного договора, заключенного Тиберием Семпронием Гракхом и возобновленного теперь его сыном.

Узнав об условиях, консул опечалился. Он целый день просидел над свитком пергамента, и даже когда в

палатку вошел Марк Катон, к которому он благоволил, настроение его не изменилось.

— Договор должен быть утвержден сенатом, — сказал Гостилий Манцин, которого пугали уступки, сделанные Гракхом. — Я боюсь, что Рим...

— Не бойся, благородный Гостилий, — успокоил его Марк Катон, садясь с задумчивым видом на раскладной стул. — Пошли своего квестора, и он добьется успеха...

— Ты говоришь о Гракхе?

— Разве сестра его не замужем за Сципионом Эмилианом? — вопросом на вопрос ответил трибун. — Сципион — влиятельный человек в Риме: его слово — закон...

Манцин недоверчиво улыбнулся:

— Сципион каждый свой шаг сообразует с честностью, с благом республики, и если он усмотрит в нашем договоре малейшее отступление от работы для блага государства, малейшее омрачение славы и силы римского оружия, он пойдет, не задумываясь, против родного брата, не говоря уже о родственниках жены...

Вошел Тиберий: он только что осмотрел место нового лагеря, к устройству которого консул приказал приступить немедленно, и был озабочен недостатком орудий для земляных работ.

— Знаешь, благородный Гостилий, нумантийцы подрезали нам крылья, — и он рассказал о тяжелом положении рабочих отрядов, которые бездействовали, испытывая недостаток в самом необходимом.

— Разве у тебя, квестора, нет средств, чтобы купить нужные орудия?

— Средства есть, но нет твоего разрешения.

Манцин нерешительно покосился на Катона:

— Как думаешь, Марк, сенат признает этот расход?

— Только в том случае, если утвердит мирный договор.

Гракх взглянул на трибуна и вспомнил тревожную ночь, гетеру в его палатке.

— Придется подождать, Тиберий, — со вздохом сказал Манцин. — Поезжай в Рим, отвези договор и

поскорее возвращайся. А мы до твоего приезда выроем рвы, сделаем, что будет возможно...

— Послушай, трибун, где твоя гетера? — обратился Тиберий к Катону.

— Захвачена нумантийцами. Они, злодеи, увели в свой город всех купцов, прорицателей, блудниц...

— Хвала богам!

— Скучно стало, — нагло захохотал Катон и подмигнул консулу.

Гракх отвернулся от него и сказал Манцину:

— Кому прикажешь сдать мне казну? Я выеду завтра утром.

— Казну сдашь мне или квестору Второго легиона. Не забудь взять с собой воинов до Таррако — дороги опасны, разбойничают пастухи...

Возвращаясь от консула, Тиберий встретил Мария:

— Я еду в Рим, не желаешь ли сопровождать меня? Мы очень долго пробыли под Нуманцией...

— Нет, — отказался Марий, — Рим от меня не уйдет — я хочу воевать.

И молодой, сильный, высокий, он пошел, блестя шлемом, туда, где производились земляные работы.

Глава XII

Семпрония первая заметила его тревожное состояние и спросила, не болен ли, но ответа не получила. Она видела, что мужа грызет забота, что он отдаляется от нее, — стал уже не такой ласковый, не такой заботливый о доме, о ней, о рабах, и она подумала, что он мысленно блуждает “по неизвестным тропам жизненного существования”. А зачем? Что случилось? Ее поразила перемена в образе его жизни. Правда, он так же, как и всегда, вставал чуть свет, принимал клиентов, но перестал ходить на форум, перестал отдыхать после обеда, работать и в определенные дни, когда у него собирались члены кружка, не был таким оживленным, как привыкли все его видеть. Но все это не

так было страшно, и если бы не заметное охлаждение со стороны мужа, Семпрония не придавала бы большого значения его состоянию. Правда, Эмилиан так же, как всегда, целовал ее по утрам в лоб, так же говорил ласковые речи, но в них не было уже того проникновенного жара, той любви, которую она умела заметить сердцем, угадать по глазам, по пожатию руки, по голосу. Страшнее всего было то, что он стал спать отдельно. Теперь она, одинокая, долго лежала в темноте с открытыми глазами, ожидая, что Публий, быть может, одумается, придет к ней... Но он не шел; он лежал тут же в комнате, тоже не спал и, не зная, что Семпрония страдает, думал: «Я должен поступить честно, — все сказать Семпронии. Но ведь ничего еще нет. Впечатление? Красота? Платон прав, что красота порождает Эрос. Этот подлый горбун опять предлагает Ксенофонта за небольшую плату, хочет сделать подарок, который не казался бы подарком, — хитер! Опять приглашает к себе. Пойти или нет? »

Он заворочался на ложе, вздохнул.

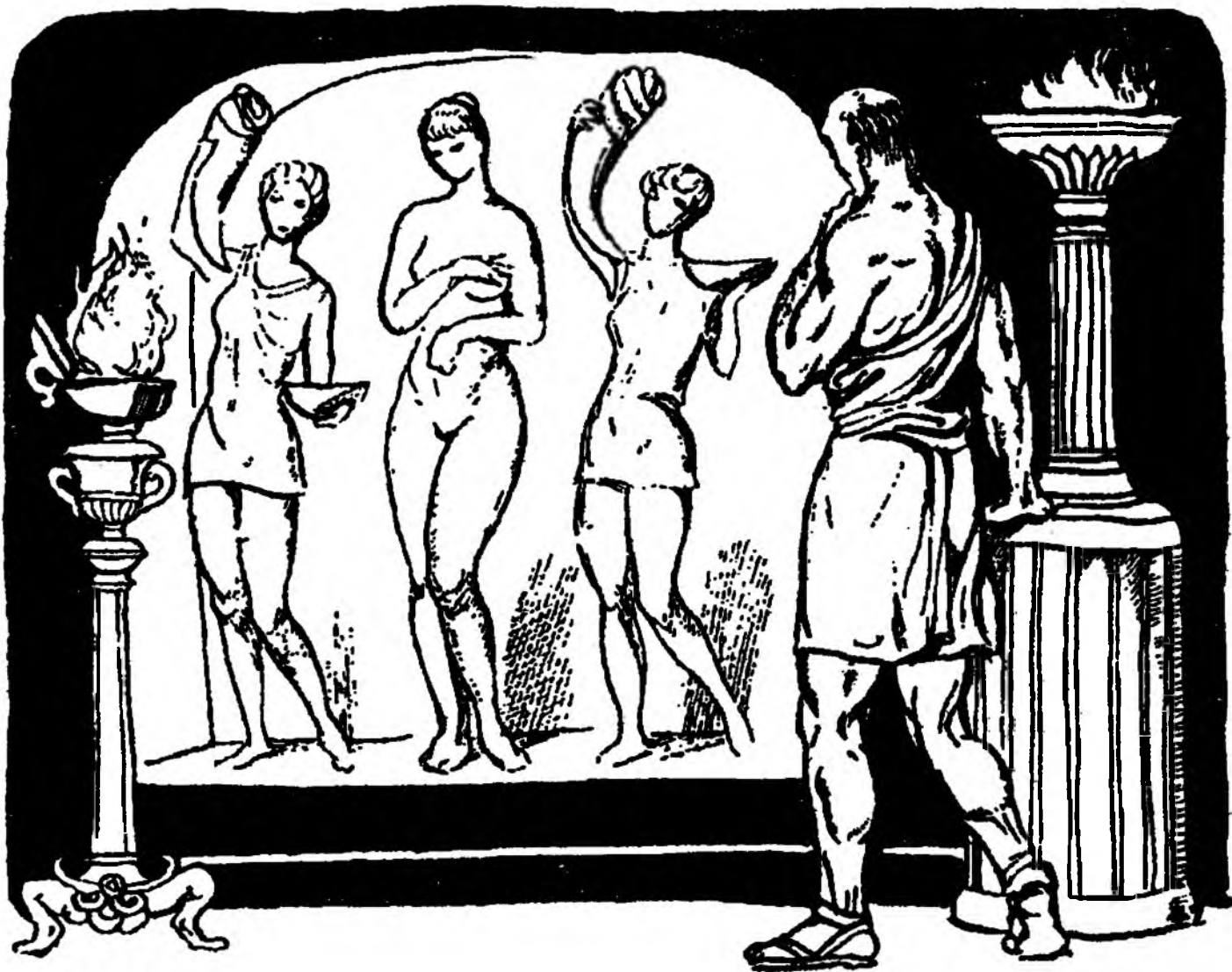
Семпрония задрожала от горя и жалости.

«Что с ним? Почему он молчит? Государственные дела не дают покоя? Неудачи под Нуманцией? Сицилийские поражения? Жадность публиканов? Разврат юношей? Пьянство в комициях?»

Она слушала, прижимая руку к сердцу, как Сципион одевается в темноте, шуршит туникой. Вот он идет тихо, тихо на цыпочках. Вышел в атриум.

Она встала и босиком пошла за ним. От мозаичного пола ногам было холодно, голое тело зябло под короткой одеждой.

Атриум был залит серебристо-лимонным светом луны, проникавшим сверху. Притаившись, Семпрония смотрела: муж остановился у почетного кресла хозяйки, медленно обзревая статуи и развешанные мечи, копья, щиты — трофеи победоносных войн. Затем подошел к ларарию; в нише, облитой светом, белели статуи: по обеим сторонам Венеры стояли лары в коротких туниках, почти без рукавов, в повязках, обвитых вокруг бедер; в высоко поднятой правой руке они держали рог изобилия, а в левой — жертвенную чашу.

Она последовала за Эмилианом в перистиль: колонны, похожие на остолбеневших людей, отбрасывали от себя длинные тени, статуи и вазы смутно блестели, объятые дремотой. Сзади, в водоеме, казалось, сверкало расплавленное олово, а здесь было темно.

Сципион сел, облокотившись на столик. И опять возникла Лаодика: легкая, воздушная, она шла, приближалась к нему, и солнечная улыбка Афродиты, небесные глаза, обнаженные руки — все это сияло ярче солнца, ярче жизни, ярче безмятежного счастья. Она остановилась перед ним, заглянула ему в глаза, а он испытал невыразимое томление, грусть и муку. Кто-то стоял за спиной, как предостережение, и он, честный, знал, что переступить нельзя: удерживает долг, а этим долгом была его жена, внучка Сципиона Африканского Старшего.

Очнулся, встал. Семпрония притаилась за колонной; сердце колотилось в груди, она задыхалась. «Что делать? Подойти к нему? А если он рассердится?»

Она тихонько возвратилась в спальню. Легла и, уткнувшись лицом в подушку, долго плакала, пока не забылась тяжелым, тревожным сном.

Встала чуть свет с головной болью, с глазами, опухшими от слез. Украдкой взглянула на мужа: он спал, разметавшись; голова его свесилась, и лицо белело в полумраке, как у покойника.

«Не приснилось ли мне, что он вставал, а я выходила в атриум?»

Второпях одеваясь, она поглядывала на него: «Нет, не приснилось. А если и приснилось, то разве от этого легче? Он стал иным: я для него посторонний человек, как рабыня, клиент или вольноотпущенник».

— Публий, ты спишь?

Эмилиан встрепенулся, сел на постели.

Бронзовая кровать, служившая днем диваном, была покрыта жестким тюфяком в отличие от мягкой пуховой постели жены; смятое пурпурное одеяло свешивалось к полу.

— Разве уже пора? А я проспал...

Он засмеялся, покачал головой. Но и смех уже был не тот, что прежде: надломленный он болью отзывался в ее сердце, и она сдерживалась, чтобы не выдать своего горя.

Время до обеда тянулось томительно долго. Проходя мимо таблинума, она видела Сципиона за столом, над свитками папируса; глаза его смотрели вдаль с таким восторгом, точно он любовался чем-то невообразимо прекрасным. Может быть, этрусскими орнаментами? Они изображали черные и красные прямоугольники, пересеченные большими алыми прямоугольниками на черном фоне.

Семпрония остановилась, кашлянула.

Эмилиан очнулся:

— А, это ты!

Столько равнодушия было в его голосе, что она опустила голову: перед глазами запестрела мозаика — по решетчатому рисунку пола бежали вертикальные пунктиры; между ними, казалось, извивались розовые и зеленые веревки, а посредине ширилось сплетение, такого же цвета, с промежутками внутри и посредине.

Сципион вспомнил, что утром, во время приема клиентов, Лизимах звал его посмотреть на свитки папируса и пергамента, полученные от друзей из Египта и Пергама:

«Они очень хороши, и ты будешь писать на них свободно. Этот пергамент выдывался из самых нежных кож; он мягок, бел и настолько тонок, что сквозь него на свет видны предметы. Есть также фиолетовые и пурпурные цвета; но ты их не любишь. Кроме того, я получил хорошую свиную кожу для переплетов».

Эмилиан подумал, что папирус и пергамент у него на исходе, и решил пойти к греку. Но он себя обманывал: не за этим шел он к Лизимаху и не Ксенофонт прельщал его — перед ним мелькало прозрачным, едва уловимым видением ее лицо, оно приближалось, входило в него, прикасалось к его сердцу горячими губами.

Никогда он не думал, что красота способна так очаровать человека. Он помнил слова Платона, но принимал их на веру, как неоспоримую истину, и теперь, когда красота породила Эрос, он, суровый воин, имеющий преданную жену, ослеплен, покорен юной гречанкой, дочерью хитрого человека, к которому питает отвращение.

«Как же это случилось, что я не удержался, не поборол себя? — подумал он, но тотчас успокоился. — Никто об этом не знает, я тверд и переломлю себя. Не буду любоваться ею, замкнусь в суровое равнодушие сильного человека, чтобы себя не выдать».

Выходя на улицу в сопровождении раба, он сказал жене, что идет к клиенту Лизимаху за пергаментом и папирусом. Семпрония, невеселая, удрученная и непривычным отношением к себе мужа, и тяжелым, как бы предгрозовым настроением во всем доме (рабы, чувствуя что-то неладное между хозяевами, говорили шепотом, избегая возвышать голос), кивнула и отвернулась, готовая заплакать. Она хотела спросить, скоро ли он вернется, но удержалась: не все ли равно?

Сципион шел, властно охваченный мыслями о юной гречанке. Он не заметил, когда очутился у дома Ли-

зимаха, и только голос раба вывел его из тяжелой задумчивости:

— Господин, мы пришли.

Раб с низким поклоном распахнул дверь, и Эмилиан, входя в вестибюль, загляделся на художественное изображение собаки на мозаичном пороге с полушутливой надписью: «*Save canem*» — «Остерегайся собаки».

Он видел этот рисунок в тот раз, когда был у Лизимаха, но не обратил внимания, торопясь пройти поскорее, а теперь все казалось ему иным, более действительным, принимало отчетливые, как бы облитые ярким светом, формы.

В атриуме не было никого, и он смутился, не решаясь громким зовом нарушить молчание. Но в доме, очевидно, уже знали, что пришел патрон: шорохи, шепоты, мягкое топание ног доносились отовсюду, и Сципион ожидал клиента, стоя посреди атриума.

Он осматривался, точно попал в этот дом впервые: в комплювий, украшенный львиными головами, виднелся голубой клочок неба, а из широкого окна просторного таблинума выступали колонны перистилья. Он успел увидеть промелькнувшую тень женщины, но лица ее не рассмотрел — занавес задернулся, — таблиум и перистиль с колоннами исчезли, как сновидение.

Взгляд его упал на имплювий, возле которого стоял на изогнутых ножках широкий стол, уставленный вазами и статуэтками. На краю его лежало круглое ручное этрусское зеркальце с изображениями резвящихся нимф. На вазах были искусно нарисованы: бой Кадма с драконами, свадьба Кадма с Гармонией, Геракл, уводящий Цербера из подземного царства Аида при помощи Гермеса. Статуя молодого гермафродита поражала тонкостью, изяществом линий, благородством лица.

Мягкое кресло, в виде трона, с тремя ступеньками и высокой спинкой, обитой ковриком, было придвинуто к имплювию, и Эмилиан несколько минут любовался искусно вышитым рисунком: крылатый ассирийский бык с человеческой головой, украшенной длинной бородой и тиарой, смотрел добрыми глазами, в которых светились спокойное могущество и расположение к человеку.

“Solium для хозяина”, подумал Сципион о троноподобном кресле и тут же обратил внимание на биселлы, кресла с двойными сидениями, на стулья без спинок и на субселлии, или скамьи, покрытые тирским пурпуром с голубым, фиалковым и аметистовым оттенками. Небольшие круглые столы, об одной ножке из слоновой кости, были разбросаны по атриуму, как безделушки. Но все это затмевали вазы и статуи... Он смотрел, и богатство клиента вызывало в нем удивление.

На небольших столах стояли греческие кубки — скифосы и кантаросы — деревянные, глиняные, бронзовые, серебряные, золотые, с затейливым рисунком, с орнаментами, с драгоценными камнями, и среди них римский серебряный, на котором танцующая вакханка, казалось, возносилась на небо. Статуэтки, вазы и чаши из обожженной глины поражали своим разнообразием: рядом с гречанкой в одежде, расцвеченной розовой, желтой и голубой краской, стояла ваза в виде утки с изображением нагой девушки в лежащем положении; крылатый Дионисский Эрос — толстенное дитя с протянутой рукой — занимал большую часть афинского кубка.

Шорох шагов вывел его из задумчивости: кланяясь и приседая, бежал к нему пестро разодетый горбун, и Эмилиану показалось, что по коврам катится большой разноцветный мяч.

— Прости, господин, что задержал тебя! Какая радость и какое счастье для низкого человека, твоего верного клиента, видеть тебя, великого и могущественного патрона, в своем доме! Прошу тебя, садись здесь, прошу тебя...

Он подвинул троноподобное кресло, не переставая кланяться и суетиться; на хмуром лице его и в мрачных глазах вспыхивала не то радость, не то сдерживаемый смех.

— Благодарю тебя, но я пришел по делу.

— Господин мой, ты уже был у меня, но не застал дома. Кассандра и Лаодика...

Он не договорил: в атриум входили жена и дочь в белых хитонах, отделанных тонкими вышивками, — занавес раздвинулся, и таблинум, а за ним перистиль

открылись не такими, как он увидел их, входя в дом, а более яркими и более нарядными, потому что свет заливал их широкими полосами солнца из глубины молодого садика.

— Привет, привет!

Женщины поклонились, и Сципион, чувствуя, что багровеет, а сердце замирает, точно у юноши, молча наклонил голову; подняв ее, он взглянул на Лаодику. Пурпурная диадема, усыпанная разноцветными огоньками мелких смарагдов и ониксов, топазов и хризолитов, засверкала, как ему вдруг показалось, золотистым пламенем. Золотая цепь с поразительными подвесками хризопрасовых, опаловых и ясписовых шариков, оправленных в серебряные квадратики, зазвенела металлически-звонко. Черные миндалины глаз девушки смотрели на него не то с грустью, не то с укором, и в них он прочитал нежность и непонятный страх.

Сципион спокойным голосом начал беседу: он говорил, что ему нужен пергамент лучшего качества для переведенной им комедии Менандра, и среднего — для черновых работ. Холодное лицо его, когда он встречался глазами с Лаодикой, смягчалось, и бледное подобие улыбки залегало у губ — тусклое отражение той грустной безысходности, которая мучила его дни и ночи и которую он пытался побороть.

Он замолчал, слушая обещания Лизимаха достать лучший пергамент, и уже собирался встать, чтобы уйти, но в это время глаза его остановились на кифаре, которая лежала на столике. И ему захотелось послушать пение юной гречанки, чтобы продлить очарование этого часа.

— Я был бы тебе благодарен, Лаодика, — обратился он к ней, — если бы ты спела что-нибудь из «Илиады»...

Девушка взглянула на него потемневшими глазами. Он, этот могущественный человек, произнес ее имя, смотрел на нее! Она испытывала к нему нежность, желание, чтобы он называл ее еще и еще по имени.

Лаодика задумалась, взяла семиструнную кифару и плектр и запела речитативом, сопровождая строфы звонкими звуками:

Черные миндалины глаз девушки смотрели на него...

Вскоре затем подошел он к прекрасному дому Приама,
К зданию, с гладкими вдоль переходами; в нем заключалось
Вокруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали зятя у цветущих супруг их стыдливых...¹

Лизимах сидел на биселле, не спуская глаз с гостя;
Кассандра стояла у стены с полузакрытыми глазами, с
рассеянной улыбкой в уголках губ, а Лаодика, уронив
на ковер кифару, облокотилась о троноподобное крес-
ло, на котором грезил Сципион.

Он заглянул ей в глаза:

— Благодарю тебя за удовольствие, которое ты мне
доставила. Где и у кого училась ты петь и играть?

— Я училась в Пергаме у грека-раба из разрушен-
ного Коринфа, он научил меня песням Гомера, Анак-
реонта и Сапфо...

Она вскочила и, неслышно ступая красными сафья-
новыми туфлями, побежала в таблиниум. Вскоре поя-
вилась с Ксенофонтом в руке, а за нею вошли рабыни
и принялись зажигать в тарелках бронзовых канде-
лябров льняные волокна, смоченные смолой.

— Господин мой, — молвила она, поклонившись
Эмилиану, — ты не хотел взять этой безделицы от от-
ца и матери, но сегодня, когда ты опять у нас, я умо-
ляю тебя принять этот скромный подарок... книгу фи-
лософа, которого ты уважаешь...

Сципион отрицательно покачал головой.

— Ради меня, — шепнула она и, бросившись к его
ногам, обняла их, прижала к своей груди.

Лицо Эмилиана покрылось алыми пятнами. Он пы-
тался встать, но девушка крепко обнимала его ноги.
Он слушал ее слова, в мыслях прижимал ее к своей
груди, искал ее ласковые губы, нежно округленный
подбородок, погружал лицо в ее черные волосы, как в
мягкое руно, гладил ее маленькие детские руки.

---

¹ Илиада, VI.

— О, господин мой, умоляю тебя. Сделай это для нас... для меня... Будь милостив, не презирай нас своим отказом...

Громкий голос донесся из вестибюля:

— Здесь живет клиент Лизимах? Не у него ли находится господин Сципион Эмилиан?

— Патрон здесь, — ответил голос раба, и в ту же минуту в атриум вошел Тиберий Гракх. Сципион хотел привстать, отнять руки девушки, но Лаодика уже увидела Тиберия и вставала с колен с легким смущением на лице.

Эмилиан вскочил.

— Ты? — вскричал он, сжимая зятя в объятиях. — Как попал в Рим? Разве Нуманция взята?

— Не время и не место говорить здесь об этом, — шепнул Гракх, жестом приветствуя хозяев. — Я приехал по важному делу...

Сципион извинился, что не может остаться дольше, и поспешил с Тиберием к двери.

— Обещай... мне, что не забудешь пути к нашему дому, — донесся голос Лаодики, и Эмилиан, обернувшись, встретился глазами с девушкой: на мгновение он остановился, хотел что-то ответить, но не сказал ничего, кивнул и вышел.

Дорогой Гракх рассказал ему о событиях под Нуманцией. Сципион слушал, хмурясь.

— А ведь это — измена, — сурово вымолвил он, — римские знамена запятнаны этим позорным миром. Вина на тебе и Манцине!

— Но позволь, что же нам было делать?

— Сражаться.

Тиберий рассмеялся:

— Ты бы послушал легионариев. Они отказались идти в бой, угрожали власти, требовали мира. И если бы мы не заключили его...

— Что? И это говорит квестор?

— Я говорю правду...

— Посмотрим, как оправдаешься перед властью!

Гракх вспыхнул.

— Мы — воины и смерти не боимся, — гордо сказал он, — но позволь тебе заметить, что не мы разло-

жили войска, а — власть. Разве сенат не видел, в каком состоянии легионы? И все же они посылались на войну!

— А куда их было девать? Консул должен был своей властью — *jus vitae necisque*¹ — восстановить порядок, децемвировать легионы...

Тиберий подумал, что сенат отнесется не менее строго к заключенному миру, и сказал:

— Народ за меня. На набережной я говорил с женами воинов, с их сыновьями, дочерьми, рассказал о событиях и не скрыл, что если бы я не заключил мира, более двадцати тысяч легионариев погибли бы бесславной смертью...

— И это нехорошо. Ты возбуждаешь народ!

— Разве граждане не должны знать, что делается на войне, где сражаются отцы их и дети?

Эмилиан помолчал.

— Все это дело может плохо кончиться для консула, трибунов и квесторов... Пусть решает сенат...

— Сенат должен утвердить заключение мира...

Сципион засмеялся.

— Ты рассуждаешь, как ребенок, — пожал он плечами. — Если бы решение зависело от меня, я бы поступил очень сурово...

Они дошли до форума, остановились.

— Как? — беззвучно прошептал Гракх.

— Как с изменниками.

— Что ты говоришь, Публий? Заключая мир, я руководствовался единственным желанием — спасти двадцать тысяч воинов, которые, как сила, нужны государству...

— Нет, — сурово вымолвил Эмилиан, нахмурившись, — это не воины, а ненужный сброд, и лучше было бы, чтоб они погибли, нежели запятнали честь и славу римского оружия.

— Публий...

— Да, да, казнить — всех поголовно. И не только воинов, но и консула, трибунов, квесторов...

Тиберий опустил голову:

---

¹ Право жизни и смерти. (Лат.)

— Я не ожидал от тебя таких слов, Публий! Ты жесток... Но хвала Юпитеру и Минерве! Народ защищает воинов: ведь они — отцы и дети римских граждан...

— Тиберий, ты становишься на опасный путь...

— На этом пути и ты был, Публий, и твои друзья...

— Я вовремя понял, что ошибался...

— А не струсил ли ты, Публий?

Сципион вспыхнул, но сдержался:

— Я бы мог ответить тебе не словами, а иным способом, но я не желаю пользоваться своим правом. Скажу тебе только одно: благо и спокойствие родины для меня превыше всего. Вот причина, почему я отступил. Что же касается воинов, то я полагаю, что они избегнут наказания, но военачальники будут притянуты к ответу...

— Консул и военачальники невиновны, мир заключил я, и я готов подвергнуться каре...

Эмилиан усмехнулся:

— Зачем защищаешь Манцина? Разве он не знал, что ты виделся с нумантийцами и вел переговоры? Разве квесторы, трибуны и центурионы оставались в неведении? Все знали, и ни один из них не воспрепятствовал тебе. Поэтому я считаю, что они виноваты не менее, чем ты...

Гракх задумчиво взглянул на зятя:

— Послушай, Публий, ты пользуешься большой силой в сенате и можешь спасти неповинных людей. Прошу тебя, будь честен и великодушен, как всегда...

— Честность и великодушие не могут ужиться вместе. То, что ты называешь честностью, для меня бесчестно, а великодушие во время войны и судебных решений молчит: за него говорит закон. Пусть это дело решает сенат...

— Обещай, что не будешь говорить против Манцина!

Сципион вспыхнул:

— Я поступлю так, как найду нужным.

Он резко отвернулся от Тиберия и ушел, не простившись.

Не мешкая, Гракх пошел быстрым шагом к Палатину, миновал свой дом (как хотелось зайти, повидаться с женой, детьми и матерью) и, пройдя Мугон-

ские ворота, остановился перед скромным домом, который смутно выглядывал из-за черных кустов и деревьев. Пряный запах цветов и каких-то трав бросился ему в лицо: он остановился, вдохнул с удовольствием.

Входя в атриум, он был встречен радостными восклицаниями матрон и удивился, увидев свою мать.

Корнелия первая бросилась к нему, обняла и сказала: — Ты... вернулся? Что случилось?

Не отвечая, он поцеловался с тещей, старой, сгорбленной, остроносой матроной, обнял высокого красивого старика. Это был тесть Аппий Клавдий Пульхер, влиятельное лицо в сенате.

— Я не успел побывать у ларов, — молвил Тиберий, обращаясь к Корнелии, — скажи, мать, все ли здоровы, все ли благополучно у нас?

— Не беспокойся, — поторопилась ответить Корнелия, — но где ты был?

— Я беседовал с Эмилианом...

Гракх рассказал о положении под Нуманцией, о цели своего приезда. Аппий Клавдий слушал в глубокой задумчивости.

— Не скрою от тебя, что ты подвергнешься жестоким нападкам в сенате, но не волнуйся — завтра я увижусь с друзьями, и мы постараемся поддержать тебя. Послезавтра у нас заседание сената, если боги не пошлют нам дурных знамений. Приходи пораньше. Попытайся заручиться поддержкой народных трибунов.

— Народ за меня...

— Это хорошо. Если бы на нашей стороне был Эмилиан — никто не посмел бы возражать...

Корнелия покачала головой.

— Сципион упрям, — проворчала она сердито, — это человек, которого не уговоришь, но все же завтра утром я увижусь с Семпронией: возможно, она повлияет на него...

Корнелия не знала, что дочь страдает (Семпрония была горда, чтобы пожаловаться матери на мужа), что Эмилиан охладил к ней, и тешила себя надеждой на благополучный исход дела. И Тиберий не знал этого, но красавица-гречанка не выходила у него из головы,

и он подумал, что если Семпрония узнает о свиданиях Сципиона с дочерью клиента, семейная жизнь треснет, как дорогая амфора, и счастье выльется красным потоком вина, чтобы иссякнуть, исчезнуть навсегда.

— Послушай, Антистия, — сказал Аппий Клавдий, ласково хлопнув зятя по плечу, точно хотел этим сказать: «Не беспокойся, все уладим», — нужно накормить гостя. Ведь он с дороги и дома еще не был... Да и мы заодно поужинаем... Благородная Корнелия не откажется выпить изюмного или медового вина.

За ужином Аппий и Тиберий пили крепкое вино, разбавляя его горячей водой, и беседовали о положении под Нуманцией: старик, покрасневшись, громко бранил Манцина и Марка, сына Катона Старшего.

— Разве это консул? — кричал он, стуча кулаком по столу. — Разве это военный трибун? Один растерялся, не знает, что делать, боится обидеть свое войско крутыми мерами, а другой устроил себе лупанарий, время проводит с гетерой, когда тут же в лагере кипит битва. И я, думаю, не ошибусь, если скажу, что ныне все военачальники очень похожи на этих честных, доблестных, великих мужей.

Едкая ирония звучала в его словах. Он был раздражен и сдерживался, чтобы не оскорбить своего любимца. Но когда он выпил еще, гнев его прорвался:

— Ты сам предложил хлопотать о мире! Кто тебя просил? Этот трус Манцин? Нет? Так зачем же ты полез в петлю? Где была твоя голова? Римляне не привыкли унижаться, просить мира! Римляне до сих пор отвечали только железом!

Напрасно Гракх убеждал его, что иного выхода не было, напрасно приводил доказательства, что продолжать борьбу — это значило погубить все войско или вынудить его сдаться на милость победителя (разве легионарии не отказывались сражаться?) — старик был непреклонен: он продолжал утверждать (Тиберий вспомнил слова Эмилиана), что можно было бы пробиться сквозь кольцо неприятеля и даже разбить его.

— А если нет, — резко закричал он, — то лучше было бы погибнуть, нежели присылать в Рим посла с позорным миром.

Глава XIII

На другой день утром Гракх, в сопровождении клиентов, отправился на форум, желая заручиться поддержкой плебса в борьбе с сенатом и обезопасить от гнева патрициев испанские легионы и военачальников. Он знал, что Сципион Эмилиан не одобряет его дружбы с народом, но чувствовал, что сила вся на стороне плебса, и с ним, этим плебсом, сенат побоится ссориться.

Он еще издали увидел в прилегавших к форуму улицах толпы женщин, с детьми на руках, отроков, юношей и девушек, отцы которых давно уже отправились в далекую Испанию, под стены Нуманции, а на форуме — бородатых стариков, чьих сыновей обвиняли в измене, и когда услышал шум и в реве голосов различил свое имя — остановился.

Улицы, переулки и форум кричали:

— Да здравствует Тиберий Гракх! Да здравствует спаситель воинов!

Тиберий, приветливо кивая, шел среди толпы народа: кто бросал ему под ноги цветы, кто — ветви, а кто просто обрывал зелень у молодого лука и чеснока, не взирая на ее запах.

Форум бушевал. На *Via Sacra* толпились женщины и дети. В Курии Гостилии заседал сенат; из раскрытых дверей по временам выглядывали с беспокойством сенаторы в тогах с пурпурной каймой, из-под которых выделялись большие красные знаки на туниках.

Гракх смотрел на Капитолий, сердце Рима, и лицо его пылало: он видел готовность народа поддержать его, чувствовал в руках свою силу.

Взойдя на ростры, он окинул взглядом толпы плебса и город, разлегшийся хищной волчицей на берегу Тибра: плоские крыши домов, покрытые каменными плитами или толстым земляным пластом (забота горожан о прохладе в жаркие дни), сводчатые и нависшие над узкими полутемными улицами, были усеяны народом, издали похожим на черных муравьев.

Выпрямившись, как в строю, Тиберий говорил, не возвышая голоса:

— Квириды! После долгого отсутствия я опять вижу Рим, нашу родину, опять обнимаю друзей, оставленных на земле дорогой отчизны, и приветствую вас, достойных Рима граждан, приветствую не только от себя, но и от ваших отцов, мужей, сыновей и братьев, которые остались в далеких землях варваров...

Речь его была прервана восторженными криками толпы: грубые голоса мужчин и нежные возгласы женщин, веселые восклицания — все это слилось в единый мощный гул.

— Квириды, ваши родственники, римские воины, были однажды ночью вынуждены вступить в бой. Нумантийцы, более сильные, чем мы, заставили нас отступить. Они загнали нас в скалистую местность, откуда не было выхода, мы были обречены на плен или смерть. Я вступил с неприятелем в переговоры, чтобы спасти войско, и мне удалось заключить мир...

— Да здравствует спаситель легионов!..

— И вот, квириды, — продолжал Гракх, — я привез в Рим на утверждение сената мирный договор. Но я боюсь, что сенат не утвердит его — уже распространяются слухи об измене войск и вождей, о нашей измене... Есть люди, которые обвиняют консула Гостилия Манцина в человеколюбивом отношении к войскам, а вождей — в бездействии... И эти люди требуют суровых мер, требуют...

— Не позволим! Поддержим тебя!

— Пойдем в сенат! Потребуем мира! Мир!.. Мир!..

Тиберий не успел кончить: его подхватили, подняли, и он поплыл над толпой, несомый людьми, которых видел впервые. Но потом, когда его опустили перед бронзовыми досками с выгравированными на них Законами XII таблиц; когда перед его глазами открылся, как на ладони, весь форум, в солнечном сиянии, залитый народом, и рядом с собой он увидел брата Гая, клиентов и тут же кузнеца Тита, молотобойцев, портного Мания с огромными ножницами у пояса, — ему стало весело.

Вдруг вся радость улетела, все потускнело, точно черная туча прикрыла солнце, — из толпы, как камни из пращи, вырвались голоса:

— *Vae victis! Pax ignominiosa!*¹

Но грубые голоса кузнецов, горшечников, сукновалов и скорняков заглушили враждебные выкрики. Гракх понял, что подосланные сенатом люди стараются очернить его в глазах плебса, и произнес краткую речь, объяснив народу происки его врагов:

— Слышите? Они кричат: «*Pax ignominiosa*», не помышляя о жизни ваших родных, которые погибли бы ни за что, как стадо баранов! Они хотят возбудить вас против меня, они потребуют завтра суровых мер, и если вы, квиристы, будете молчать, то погубите своих отцов, сыновей и братьев!..

— Да здравствует Тиберий Гракх! — заревела толпа, и отдельные вскрики заметались в установившейся тишине: — За тебя не пожалеем голов!..

Возвращаясь с форума в сопровождении плебса, Тиберий встречался с друзьями и знакомыми, но большинство или отворачивалось от него, или делало вид, что его не замечает: Тит Анний Луск быстро свернул в боковую улицу; так же поступил Люций Кальпурний Пизон; Квинт Элий Туберон потупился, покраснел и, опустив голову, прошел мимо, стараясь остаться незамеченным.

Гракх с горечью подумал: «О, как низки и подлы люди! Даже друзья отвернулись! Где же ты, старая римская честность-добродетель?»

Подошел Гай Семпроний Тудитан и обнял его:

— Какие счастливые ветры занесли тебя от берегов Испании в нашу солнечную Италию? — воскликнул он. — Сопутствовал ли тебе Меркурий, охраняя от гнева Нептуна? Хвала богам! Ты с нами, и я доволен.

Он дружески взял Тиберия под руку, шепнул:

— О твоём приезде знает весь Рим. Сенат в ярости: особенно бушует Сципион Назика... Ты встретил Луска, Пизона, Туберона? Они идут от Назики, который вопил на всю улицу: «*Pax ignominiosa*». Но ты не бойся... Аппий Клавдий Пульхер и Сципион Эмилиан благодетельны к тебе: твой тесть — *princeps senatus*...²

---

¹ Горе побежденным! Позорный мир! (Лат.)

² Глава сената. (Лат.)

— А Назика — двоюродный брат. Как видишь — родство не имеет значения... Главное — плебс на моей стороне!

Тудитан проводил Гракха до Палатина. Они дружески распрощались и разошлись.

Глава XIV

На форуме с утра собирались сенаторы, созванные Сципионом Эмилианом, магистратом, облеченные властью. Здесь были консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы и начальник всадников — *magister equitum*, — все в одеждах, украшенных знаками курульного достоинства, с красными полосами на тогах. Стоя возле ростр, между местами для сенаторов и чужеземных послов, они тихо беседовали, с беспокойством поглядывая на плебс, толпы которого, выливаясь из боковых улиц, прибывали по *Via Sacra*.

Пришел Аппий Клавдий Пульхер, бодрый старик, с румяными щеками. Тит Анний Луск, с хитрыми беспокойными глазами лисицы, Квинт Цецилий Метелл Македонский, белобородый, благообразный, и Сципион Назика, огромный, неуклюжий, как медведь, с громким голосом и порывистыми движениями.

— Как вы смотрите, коллеги, на дело Манцина? — осторожно спросил Аппий Клавдий, обращаясь больше к Метеллу, нежели к другим сенаторам. — Если бы не...

— Если бы не этот Гракх, который испортил все дело, — закричал Назика, — мы бы не дожили до такого позора!..

— Ты забываешь о консуле, — усмехнулся Луск, — да, да, о Манцине!.. Или ты в дружбе с ним...

— Вовсе нет...

— Виновные всегда отрицают свои поступки, а соумышленники играют на руку негодяям...

— Замолчи! — крикнул Назика, и лицо его побагровело. — У тебя язык, как у рыбной торговки!..

— Тише, — прервал его Метелл, — по-моему, в этом нумантийском деле виновны одинаково Манцин и Гракх, а консул, конечно, больше всех, и он должен понести суровую кару...

— О какой каре ты говоришь? — услышался твердый голос, и сенаторы обернулись: перед ними стоял Мумий Сцевола, знаменитый юрист, о справедливости которого ходили в Риме занимательные слухи: народ утверждал, что человек, ни в чем неповинный, может быть спокоен за свою жизнь, пока жив Сцевола.

— Разве ты не знаешь, зачем мы собираемся? — удивился Метелл.

— Знаю, но это дело... Впрочем, послушаем сперва Тиберия Гракха и прочитаем мирный договор с неприятелем...

В это время вдали появился Сципион Эмилиан, предшествуемый ликторами: они несли пучки прутьев, стянутых красными ремнями — фасции, и из них торчали белые лезвия топориков. Позади Сципиона шел Тиберий с друзьями.

Аппий Клавдий, с удовлетворением на лице, вглядывался в них, когда они подходили.

— Вот Марк Октавий, Папирий Карбон, Гай Фанний, — шептал он. — Это хорошо, но только им не разрешат войти в Курию.

Когда Сципион Эмилиан подошел к сенаторам и обменялся с ними приветствиями, глашатай затрубил и громко закричал на весь форум:

— Заседание римского сената по делу «Рах ignominiosa» консула Гостилия Манцина, квестора Тиберия Гракха, квесторов и военных трибунов всех легионов, осаждавших Нуманцию...

Рев толпы прервал его слова.

Глашатай опять затрубил и продолжал:

— И по другим делам: о жалобах провинциалов на публиканов, всадников на преторов, о торговле внешней и внутренней.

Глашатай затрубил третий раз, и сенаторы, предшествуемые Аппием Клавдием, вошли в Курию Гостилию.

Сципион обернулся к Тиберию.

— Проходи, — молвил он и, остановив властным движением руки его друзей, вошел в Курию вслед за Гракхом. Дверь тяжело захлопнулась.

Тиберий осмотрелся.

В полутемном помещении с надписями на стенах о величии Рима, с мемориальными досками в честь консулов, сенаторов и героев, стояли ростры, с прислоненными к ним знаменами, отнятыми в боях у неприятеля. Гракх прочитал имена на мемориальных досках: Тит Манлий Торкват, Деций Мус, Регул, Дуилий, Фабий Максим Кунктатор, Марк Порций Катон, Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала... Во всю длину Курии стояли кресла и скамьи, а перед ними на возвышенном месте — троноподобное кресло для председателя.

Сципион Эмилиан взошел на возвышение и сел, как магистрат, созвавший сенат; кругом, на курульных креслах из слоновой кости, расположились сенаторы, а народные трибуны уселись на скамьях, крытых пурпуром.

Наступила тишина.

Вошли четыре человека в высоких пилосах, в древнеримских пурпурных тогах времен Нумы Помпилия, расшитых золотыми пальмовыми ветвями и жреческими таинственными знаками. Они торжественно несли клетку с молодыми священными курами. Это были авгуры; из девяти человек, живших в *Auguraculum*, пятеро происходили из плебейских родов, и только четверо, сыновья именитых патрициев, старались каждый раз попасть на заседание сената, чтобы производить ауспиции перед нобилями. Но на этот раз среди них оказался авгур из рода плебеев.

Поставив на каменный пол клетку, они высыпали корм, выпустили кур. Сенаторы привстали (лысые головы склонились), наблюдая, как куры, набросившись на зерно, клюют его с такой жадностью, что корм разлетается во все стороны.

— Добрые предзнаменования шлют боги римскому

сенату и народу, — сказал авгур-плебей. — Да будет милость отцов государства к ищущим у них защиты, да разрешат сенаторы споры двух сторон к обоюдному удовольствию.

Сципион Эмилиан незаметно усмехнулся (понял — авгур на стороне Гракха): не доверяя ауспициям, он подумал: «Так заведено издревле — государство верит, и мы должны веровать».

Он встал и произнес речь, обрисовав положение под Нуманцией, распущенность войск, пьянство, неповиновение начальникам, разврат, неумение консула создавать такие легионы, чтобы варвары опять ощутили страх перед римским оружием, такие легионы, которые знали бы одно — побеждать или умирать. Говоря о Манцине, квесторах и военных трибунах, он порицал их за общую растерянность, обвинял в трусости и закончил свою речь громким негодующим возгласом:

— Кто виновен в заключении мира, в попрании дедовских и отцовских устоев, в позоре, в запятнании доблести? Все воины. Кто главный виновник? Консул Гостилий Манцин, вождь легионов. И я требую сурового наказания...

— А Гракх? — слышались голоса. — Трибуны?

— Я сказал, — садясь на свое место, молвил Сципион Эмилиан, — пусть теперь обсудит сенат...

Мнения разделились: сенаторы говорили по порядку старшинства магистратов. Первый произнес речь *princeps senatus* Аппий Клавдий (он высказался за наказание одного только консула), другие сенаторы требовали выдачи неприятелю всех военачальников, третьи — Манцина и Гракха.

— Ну, а воинов? — вскрикнул Сципион Назика. — Похвалить? Наградить? Ха-ха-ха! — Смех его прозвучал громкими раскатами под древними сводами Курии: в нем почувствовалось оскорбление.

— Я требую, — кричал он, — обезоружить легионы, сечь воинов прутьями, а затем децемвировать... Кто будет возражать? Кто посмеет сказать хоть одно слово в защиту сброда, который находится под Нуманцией, тот не римлянин!

Тяжелое молчание.

— Я посмею, — сказал Тиберий и, выступив вперед, остановился перед Сципионом Эмилианом.

Сенаторы растерянно вскочили с мест, затопали, закричали:

— Изменник!

— Горе Риму!

— Он заодно с чернью!

— Долой, долой!

Тщетно Сципион Эмилиан звонил, потрясая медным колокольчиком, тщетно призывал сенаторов к спокойствию, — звонок и голос его поглощались нараставшим шумом.

Гракх стоял спокойно; он видел руки, подымавшиеся с угрозой, видел красные разъяренные лица, злые глаза, и вдруг искаженное бешенством лицо Сципиона Назики надвинулось на него.

— Предатель! — гаркнул великан громовым голосом. — Где Нуманция? Где победа? Где добыча? Где, где?

Тиберий ответил:

— Там, — махнул он рукой, — иди туда и бери...

Назика отшатнулся, и сразу сенат умолк.

— Дайте мне слово, — слышался спокойный голос Муция Сцевола. — Шумом и криками мы не разрешим споров. Нужно обсуждать спокойно, как подобает мужам. Что сказал Гракх? Отчего вы, благородные мужи, пришли в такое бешенство? Разве не прав он, что желает защищаться? Разве он изменник, предатель, как несправедливо величал его благородный Сципион Назика? Нет, не изменник он и не предатель! Пусть он расскажет, что вынудило консула заключить мир, и мы, быть может, даже утвердим договор.

— Никогда, никогда! — загремели голоса.

— Дайте же ему слово.

Тиберий рассказал о тяжелом положении римских войск, о трудностях войны и, оправдывая Гостилия Манцина, обратился к Сципиону Эмилиану:

— Ты не прав был, обвиняя консула, и вы, благородные мужи, не подумали, что семьи воинов находятся в Риме и не потерпят наказания прутьями и децемвирования своих отцов, сыновей и братьев...

— Ты науськивал их, как свору псов, на сенат! — крикнул Сципион Назика.

— Ты связался с чернью! — захлебнулся от злобы Тит Анний Луск. — И это позор тебе, патрицию, тебе квестору, тебе, сыну Корнелии, дочери Сципиона Африканского Старшего!..

— Неправда! Все ложь! — вспыхнул Гракх. — Никогда я не шел против сената, не вооружал плебс своими речами, а только рассказал народу о положении под Нуманцией!..

— А зачем возбуждал чернь?

— Не возбуждал.

— Плебс кричал: «Да здравствует Тиберий Гракх, спаситель воинов!»

— А разве это неправда? — усмехнулся Тиберий. — Плебс должен был упомянуть и про Манцина!..

— А, Манцина! — загремел Назика, взмахнув рукой. — Я бы этого злодея задушил собственными руками. Или повесил бы... уничтожил!..

Он не договорил: колокольчик Сципиона Эмилиана установил тишину.

— Теперь проголосуем, — предложил председатель.

Все сенаторы, кроме магистратов, разошлись в разные стороны Курии, чтобы обсудить с ближайшими друзьями или влиятельными лицами, за кого и против кого голосовать. Когда они вернулись на свои места, Сципион Эмилиан приступил к голосованию.

Сенаторы поднимали руки, нерешительно оглядываясь друг на друга.

Когда голосование кончилось, Сципион Эмилиан встал и объявил *senatus consultum*¹: легионарии освобождаются от телесного наказания и децемвирования, военачальники — от выдачи их нумантийцам, кроме консула Гостилия Манцина, единственного виновника позорного мира.

— А для этого, — продолжал Сципион Эмилиан, — снарядить и послать в Испанию сенатское посольство из десяти человек, поручив ему заковать злодея Манцина в кандалы и при выстроенных легионах, голого,

---

¹ Постановление сената. (*Лат.*)

босого, гнать прутьями к воротам неприятельского города, дабы знали военачальники, что подобная кара ожидает каждого из них в случае измены.

Передав постановление сенатора квесторам для хранения в государственном архиве, Сципион сказал:

— А теперь приступим, благородные мужи, к разбору жалобы провинциалов на публиканов, которые разоряют население Греции и Архипелага, Корсики и Сардинии, выколачивая из народа подати, взятые на откуп, с такой жадностью, с такой наглостью, с таким бесстыдством, что я не нахожу слов, как выразить свое возмущение. Вторая жалоба похожа на первую: если там жалуются на публиканов, то здесь публиканы-всадники обвиняют в тех же преступлениях преторов. Дальше, благородные мужи, терпеть мы не можем: это подрыв государственной власти, позор для сената, который не принимает мер пресечения, стыд для честного римлянина! Третий вопрос — о торговле: у нас ввоз значительно превышает вывоз. Что ввозят в Италию всадники, римские купцы? Рабов, зерно, пряности, одежду, домашнюю утварь, украшения, предметы роскоши. А что вывозят? Масло, вино и отчасти железо. А меж тем, Рим мог бы вывозить еще шерсть, сыр, вазы, глиняные изделия. В Путеолах, откуда направляется внешняя торговля через Делос, Александрию и сирийские гавани в самые отдаленные части мира, в Остии — центре торговли, заметно большое оживление; оно увеличится со взятием Нуманции.

Тиберий больше не слушал. Он вышел из Курии Гостилии со стесненным сердцем: судьба Манцина была решена — консула выдадут неприятелю на поругание, а может быть, и на смерть. Вернувшись домой, он поспешил в атриум, где его дожидались Диофан и Блоссий.

Рассказав им о заседании сената, Гракх задумался. Но друзья его были люди твердые, упрямые и умели поддержать падавшего духом Тиберия.

— Не тужи, господин, — ободрял его Диофан, — будь великим мужем! Вспомни, как греческий демос добивался человеческих прав в борьбе с эвпатридами, и пусть примером для тебя послужит деятельность Писистрата и Перикла! Борись с врагом и — побе-

дишь. Попытайся найти людей, на которых мог бы ты опереться.

— Тем более, — подхватил Блоссий, — что земледельцы задыхаются, их становится все меньше и меньше, — кем будет государство пополнять свои легионы? Начни борьбу, захвати власть... А как, при помощи кого — положишься на меня. Знаешь Фламиния? Это — начальник всадников, он враждует с сенатом и поможет тебе... Позволь мне договориться с ним и помочь тебе сблизиться с публиканами. И ты, я уверен, станешь у власти.

— Мысль твоя хороша, Блоссий, — воскликнул Диофан, — но ты чересчур поспешен в решениях. Нужно сделать так, чтоб не наш господин просил поддержки у всадников, а они — у него...

— Золотые слова, — улыбнулся Блоссий и повернулся к Тиберию, — будь спокоен: публиканы будут искать тебя, а не ты их...

Глава XV

Сословие всадников, занимавшее середину между патрициями и плебеями, старалось подчинить себе сенат, даже стать, если удастся, во главе его.

— Наши заслуги перед республикой велики, — кричали они на своих совещаниях, — мы вынесли на своих плечах Пунические войны, спасли государство от нашествия Ганнибала! Мы снабжали деньгами опустевшую казну, закупали для войск провиант и оружие, а что получили взамен? Олигархи грабят нас, их ставленники опустошают провинции и делят добычу с лицемерами, которые тайком занимаются торговлей и спекуляциями. Нет, так продолжаться не может! Боги будут за нас!

Время шло.

Недовольство всадников увеличивалось; они готовились к борьбе, стараясь найти достойного соратника, быть может, даже вождя из среды патрициев, и

Блоссий указал всадникам на человека, стремившегося к власти:

— Мой господин Тиберий Гракх готов бороться. Время благоприятное: Сципион Эмилиан вскоре отправится под Нуманцию, а Рим без него — все равно, что без головы.

Речи Блоссия были заманчивы. Всадники собирались, обсуждали свои силы, дела, средства и торопили Блоссия, чтобы он привел к ним Тиберия.

— Скажи ему, — говорили они, — что мы — могущественны, и он получит власть над всей Италией, если будет бороться на нашей стороне. Больше ждать мы не можем: проконсулы разоряют нас, мы терпим убытки. Сбор налогов, которые мы взяли на откуп, не дает ничего. Пусть господин твой наметит законы...

— Пока Тиберий Гракх не трибун, он ничего не в силах сделать.

— Мы проведем его в трибунат...

— Он мечтает наделить разоренных пахарей землей.

— Пойдем и на это. Его закон больно ударит по нобилям.

Блоссий подумал и сказал:

— Хорошо, я поговорю с господином. Пусть выборные от вашего общества приходят завтра днем в дом Гракха. Там и побеседуем.

На другой день они посетили Тиберия. Шесть человек дожидались его в атриуме, беседуя шепотом, рассеянно поглядывая на дорогие вазы и картины, приобретенные в свое время родителями Гракха.

Тиберий вошел в сопровождении Блоссия и Диофана.

Лицо его, всегда ясное, спокойное, было сумрачно: он только что получил известие, что Гостилия Манцина, полунагого, босого, закованного в цепи, выдали нумантийцам и что неприятель оказался благороднее сената — отпустил консула на волю. Манцин, не желая возвращаться в “неблагодарное отечество, в среду грабителей и злодеев” (так он прокричал со стен Нуманции), отправился на север Испании.

— Я знаю, зачем посылает вас ко мне Беллона, — сказал Гракх, кивнув всадникам, — но помните, что

борьба требует жертв. Я все обдумал. Сначала я наделю землей хлебопашцев, а потом ударю по сенату, чтобы помочь вам...

— Мой господин, — вмешался Блоссий, — хочет ограничить владения землевладельцев пятьюстами югерами общественной земли, а излишки отобрать в казну и нарезать из них наделы пахарям, по тридцать югеров на человека.

— Это означает борьбу с сенатом, — усмехнулся толстый, огромный белобородый всадник, с румяными щеками и красным носом, — что ж, мы тебе поможем захватить власть, если и ты нас поддержишь...

— Чего хочешь?

— Проведи закон о суде над проконсулами.

Гракх молчал, обдумывая предложение.

— Это не все, — продолжал старик, — в сенатскую комиссию, которая разбирает жалобы провинциалов на проконсулов, должны войти всадники в равном числе с сенаторами...

«Опять сенат, — подумал Тиберий, — столкновение с ним неминуемо, но если мне удастся восстановить древний *ager publicus*¹ и прийти к власти, — я возьму в руки всадников, создам такое государство, о котором ни Сципион Эмилиан, ни Лелий и не помышляли».

— Что же ты задумался? — спросил старик, волнуясь: он боялся, что Гракх откажется в самую последнюю минуту.

— Я согласен, — сказал Тиберий и протянул всадникам руки.

Кланяясь, толкая друг друга, они торопливо бросились к патрицию и как-то осторожно и подобострастно пожимали ему руки.

— Велик род Семпрониев! — восклицали они. — Хвала Юпитеру Капитолийскому, давшему нам жизнь в такое время, когда не иссякла еще в Риме доблесть! Хвала Минерве-Воительнице, которая поддерживает в тебе древнеримскую добродетель!

---

¹ Земля, являющаяся собственностью римской республики (римской общественности). (*Лат.*)

А старик-всадник прибавил:

— О тебе напишут в анналах, ты станешь знаменитым на многие тысячелетия!

Глава XVI

Слухи об отъезде Сципиона Эмилиана под Нуманцию оказались правдивыми. Желая сразу покончить с упрямым неприятелем, сенат решил послать в Испанию разрушителя Карфагена, великого полководца, который, посвятив себя наукам и творчеству, жил в Риме, насаждая в обществе греко-римскую культуру.

Центуриатные комиции, о созыве которых народ был извещен за три рыночных дня, собрались за городом на Марсовом поле. Они должны были решить, продолжать ли войну с нумантийцами или заключить позорный мир. Красное военное знамя трепетало над городом, а в крепость, по ту сторону Тибра, были введены, по обычаю, войска.

Сципион пришел на Марсово поле до открытия собрания. Он смотрел, как испрашивались у богов ауспиции, как наблюдалось обозначенное посохом авгура на небесах место, которому соответствовало такое же место на земле, слушал речи представителей сената, их уговоры продолжать войну и думал о том, что народ не желает воевать, но если центуриатные комиции постановят осаждать Нуманцию, римские легионы не посмеют ослушаться.

Из совещательного собрания народ отправился к месту голосования. На помосте стояла урна, в которую опускались таблички. Когда должностные лица произвели подсчет, оказалось, что большинство голосов было за продолжение войны. Выборы консула прошли быстро: народ голосовал за Эмилиана. Это было второе консульство полководца, и Семпрония, узнав об избрании мужа, воскликнула: «Милость богов на тебе, Публий!» — и тихо прибавила: «Только не на мне...»

Сципион хотел произвести набор рекрутов, чтобы создать сильные легионы, влить их в Испании в недисциплинированные войска, но сенат, опасаясь, как бы полководец не захватил власть в Риме, решительно воспротивился. Эмилиан понял, что сенат не доверяет ему, и возмутился: в нем, в его честности, в его любви к отечеству сомневаются — и кто? Люди, которых он презирал за коварство, нечестность, двуличность, жадность, темные дела! Удрученный, он настоял в трибунных комициях, чтобы предоставили в его распоряжение нескольких лиц, по его желанию, и, воспользовавшись правом выбора, предложил молодым людям Семпронию Азеллиону и ровеснику его Публию Рутилию Руфу ехать с ним в Испанию в качестве военных трибунов; он решил также взять с собой Гая Гракха, которому наскучила праздная жизнь римского общества и который мечтал завоевать себе положение государственного человека.

Уходя с Марсова поля, сопровождаемый друзьями, Сципион смотрел на жилистые затылки двенадцати ликторов, которые шли впереди него, и думал, что сейчас увидит весталку, дочь Аппия Клавдия, которая помогла своему отцу отпраздновать триумф после победы над салассами, несмотря на противодействие сената. А между тем Аппий Клавдий захватом золотосодержащих рудников обогатил Рим. Какая несправедливость! И его, должно быть, заподозрили в стремлении к власти: ходили слухи, что при помощи золота чего не сделаешь? Но обвинять его в том, что он вывез много золота, знает лучшие места россыпей, — открыто никто не осмелился. И как обвинять? Аппий Клавдий был честен, дружил с Муцием Сцеволой, Крассом Муцианом, со многими сенаторами, но именно друзья его распространяли эти слухи. Эмилиан был убежден, что старик честен и что главной причиной тайного недоброжелательства были его успехи в государственных делах и уважение, которым он пользовался в обществе.

«Так же и я, — с горечью думал Сципион, — мне льстят, передо мной заискивают, а меня боятся... Может быть, слухи и обо мне ходят, да я их не знаю...»

У подножия Палатинского холма, в срединном месте города, находился круглый храм Весты с темными колоннами.

Эмилиан вошел в храм в сопровождении друзей и магистратов. Старшая весталка, в белой длинной одежде и с белой повязкой на лбу, отошла от очага, на котором горел негасимый огонь, и повернулась к Сципиону. Юная весталка, следившая за огнем, не повернула к ним головы: глаза ее были устремлены на священное пламя, и Эмилиан различил в полумраке светлое пятно шеи и строгий овал сосредоточенного лица.

Он подошел к базальтовой нише, в которой хранились пенаты, оберегающие государство, и, взяв из рук Гая Гракха простой глиняный сосуд с соленой кашей из полбы и пучки латука, принес на очаге жертву.

Белыми призраками проходили меж колонн юные весталки с кувшинами на головах: они носили проточную воду из источника Эгерии для очищения храма. Мягкий шелест одежд доносился от Палладиума, находившегося возле святынь.

Старшая весталка молилась с опущенными глазами; пламя в очаге мигало, и быстрые тени пробегали по ее смуглому лицу.

«Вот она, смелая дочь Аппия Клавдия, — думал Сципион, — шестилетней девочкой вступила она в этот храм, тридцать лет вычеркнула из своей жизни, посвятив себя служению богине, и вскоре покинет его, чтобы начать личную жизнь. Конечно, она выйдет замуж, и старый Аппий Клавдий дождется от нее внуков... Но тридцать лет!.. Правда, время это протекло спокойно, она была образцовой весталкой, при ней вечный огонь не потухал на очаге, и бич верховного жреца не кромсал ее молодого тела...»

Он вышел из храма, думая об Испании: он служил там военным трибуном, первый взошел на стены Интеркации и был награжден стенным венком. Это было давно. А теперь... О количестве легионов были у него сведения от сената, но он не доверял им, считая их преувеличенными, и только личный осмотр войск на месте мог выявить точное число легионариев.

Накануне отъезда под Нуманцию Эмилиан созвал клиентов. По обычаю, они должны были сопровождать патрона на войну, делить с ним тягости походов, исполнять поручения и даже участвовать в боях, соответственно своим способностям.

Лизимах, с суковатой палкой в руке, слушал речь Сципиона, опустив голову; он думал, что пребывание в Испании не даст ему никаких выгод: «С кем вести крупную торговлю? Там живут варвары, которым, кроме дешевых женских украшений, ничего не нужно. Ну а геммы, золото, серебро, драгоценные камни? Кому предлагать? Вождям покоренных племен? Да они бедны, и только дурак может думать о таких сделках...» И он обратился к Сципиону с просьбой оставить его в Риме.

— Назначьте меня управляющим вашим имением, и я досмотрю за всем, а ваши лавки будут давать такую прибыль, о какой вы никогда и думать не могли.

— Перестань, — поморщился Эмилиан. — Я не купец, а патриций. Пусть вольноотпущенники заботятся о прибылях и ведут торговлю.

— Берегитесь, господин: всадники разорят ваших вольноотпущенников. Не забывайте, что они скупают и продают съестные припасы, предметы потребления, железо, шерсть, олово, драгоценности не в розницу, а оптом, и не вашим клиентам тягаться с ними...

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу остаться в Риме, чтобы продолжать с ними борьбу. За прошлый год я так хорошо повел свои дела, что чистая прибыль превысила сто талантов...

— Молчи! — вспыхнул Сципион. — Если бы ты только скупал и продавал рабов, то я, может быть, не стал бы тебя порицать, ибо работорговля узаконена государством, но ты (он задохнулся, взглянул на Лизимаха налитыми кровью глазами)... ты занялся постыдным делом, жажда наживы низвела тебя на самую низкую ступень падения... Ты стал отбросом общества... Ты запятнал мое доброе имя... ты...

Лизимах побледнел, лицо его стало пепельным.

— Ты скупаешь лупанарии, открываешь новые на Авентине и Палатине, вербуешь блудниц из среды ра-

зоренных земледельцев — римских граждан, ввозишь бесстыдных девок из Египта, Пергама, Понтийского царства, Нумидии, Галлии, Испании, Греции... Ты обнаглел, Лизимах! Не ты ли открыл роскошный лупанарий у Целийского моста? Не ты ли празднуешь в нем вступление девушек на путь порока, украшая этот дом миртами? Довольно! Я узнал это на днях случайно, Марк Эмилий Скавр рассказывал эти гадости в сенате и упоминал твое имя...

Лизимах повалился патрону в ноги:

— Пощади, господин! Каюсь, виноват я...

— Нет, — грозно сказал Эмилиан. — Я поступлю с тобою...

— Сжался, господин, пощади... Сжался ради... Лаодики... Она не вынесет...

Это было последнее средство, которое хитрый горбун пустил в ход: он наблюдал с диким злорадством, как лицо Сципиона окрасилось розовой краской, смягчилось, глаза стали не такими бешеными, как несколько минут назад.

— Завтра ты продашь все эти лупанарии обществу публиканов, — услышал он суровые слова патрона, — и поедешь со мной под Нуманцию. За тобой нужен надзор. Такого человека, как ты, я не могу оставить в Риме: ты опозоришь меня совсем.

— Как же я поеду? — вскрикнул Лизимах, подымая голову. — А жена, дочь? Они...

— Они останутся в Риме.

— Но я прошу тебя, прибегаю к твоей милости.

— Замолчи!

Клиенты давно уже разошлись, и только два человека находились в атриуме: один ходил, часто останавливаясь, думая, другой стоял на коленях.

Взглянув на него, Эмилиан спохватился:

— Встань. Зачем ты унижаешь меня, становясь на колени? Ведь я запретил этот варварский обычай...

— Господин мой!

— Встань, говорю...

Лизимах искоса взглянул на Сципиона.

— Продажа этих домов, — тихо вымолвил он, — отнимет несколько дней — в один день не управиться.

Разреши мне пробыть здесь до ид этого месяца, и я догоню тебя в Испании...

— Хорошо.

Эмилиан вплотную подошел к горбуну:

— Ты — хитрый, а может быть, даже злой человек. Я тебя вижу насквозь. Ты не остановился даже перед грязью ради наживы. А скажи, знают жена и дочь о твоих лупанариях?

Лизимах побледнел, губы его задрожали, он не мог выговорить ни слова.

— Они, вероятно, не знают. Ну, а если узнают? Какими глазами будешь ты смотреть на них, что говорить?

Горбун затрясся всем телом.

— Помни: попадешься еще раз — пощады не будет. Я тверд и суров... Иди.

И властным движением руки он указал клиенту на дверь и прошел в таблиум.

Навстречу ему поднялась Семпрония: лицо ее было жалко, опухшие глаза красны от слез.

— Публий, — шепнула она, — я не могу так больше... Прошу тебя...

Брови Сципиона сдвинулись. Он молчал, ожидая ее слов, обдумывая, что ответить. И вдруг услышал ее всхлипывания: это был плач несчастной женщины, которая исстрадалась, живя с суровым мужем, помнила еще счастливые годы и надеялась на его любовь.

— Что случилось? Почему ты плачешь?

— Публий, ты меня больше не любишь...

Сципион молчал.

— Я не знаю причины, — говорила Семпрония, покачивая головой, — но я много думала... И мне кажется, что ты увлекся, Публий, другой женщиной и оттого изменился ко мне... Скажи, правда ли это?

Он не хотел огорчать жену: он жалел ее, но не любил — другая овладела его сердцем, быть может, даже любила, но и с ней не было счастья; сойтись же с гречанкой — значило оскорбить Семпронию, попать древнеримские обычаи, освященные богами, и ради кого?

Ради чужеземки, дочери клиента. Нет и нет, он останется честным до конца.

— Какие мысли приходят тебе в голову? — улыбнулся он. — Я уезжаю на войну, со мной едет твой младший брат Гай, Полибий и Луцилий; может быть, к нам присоединится еще кто-нибудь из членов кружка.

— У тебя дела, дела... Обещай писать почаще, не забывать... — вздохнула Семпрония.

Она не договорила и, бросившись к нему, обхватила его шею смуглыми руками.

— Да, да, я буду писать.

Глава XVII

Сципион Эмилиан прибыл под Нуманцию летом.

Стояла удушливая жара. Легионарии ходили, как сонные мухи; работы по укреплению лагеря, перенесенного со старого места консулом Гостилием Манцином, почти прекратились, лишь только Тиберий уехал в Рим, и воины проводили время, забавляясь с любовницами, приходившими из окрестных деревень, пьянствовали, играли в кости на деньги. Это была не военная служба, а жизнь распущенных бездельников, и они думали, что так будет продолжаться долго.

Однако они ошиблись.

Первым делом Сципион осмотрел воинов и лагерь. Торговцы, гадальщики, жрецы, блудницы — все были изгнаны из лагеря. Легионы стали роптать. Эмилиан созвал военных трибунов и центурионов, повелев за неисполнение легионариями приказаний делать вычеты из жалованья, сечь виновных прутьями, а особенно дерзких и неисправимых отсылать к нему в преторий.

— Объявить войскам, — сказал он, — что с завтрашнего дня приступим к укреплению лагеря на старом месте; кроме того, вводится военное обучение, всякий проступок будет строго караться по законам — от пени до смертной казни. У кого в палатке будет обнаружена блудница, того вместе с нею ждет наказание прутьями при выстроенных легионах. За пьянство — вычет из жалованья, за повторное — телесное наказание, за дальнейшее — смертная казнь.

Он собрал квесторов, потребовал позаботиться о необходимом для лагеря и дал понять, что понадобятся осадные лестницы, доски для постройки башен, перекидных мостов, прикрытий для таранов.

— Немедленно принять меры.

Гай Гракх и Луцилий удивлялись на Сципиона: в Риме они привыкли встречаться с ласковым, любезным хозяином, приветливым и вежливым, образованным, веселым, а здесь, под Нуманцией, перед ними был суровый воин, требовательный, крайне строгий. Он отдавал приказания звонким металлическим голосом, каждое слово его подхватывалось трибунами, передавалось центурионам, доходило до легионариев, но они ворчали на распоряжения нового начальника, хотя и знали, что он — великий полководец, разрушитель Карфагена.

Вечером он позвал к себе Полибия и Луцилия:

— Дорогие друзья, не прогневайтесь на меня за выбор; вы должны немедленно выехать с посольством к нумидийскому царю Мастанабалу. Вы отвезете ему подарки, скажете: «Так говорит Сципион Эмилиан, полководец, осаждающий Нуманцию: мне нужна конница и слоны. Пришли поскорее, и Рим, если понадобится, поддержит тебя тоже».

— А если царь откажется? — спросил осторожный Луцилий.

— Скажи, что Рим требует. Мастанабал не захочет иметь нас врагами.

На другой день, когда посольство, окруженное всадниками, выехало из лагеря, Сципион отправился осматривать, в сопровождении Гая Гракха, Семпрония Азеллиона и Публия Рутилия Руфа, неприятельские укрепления и римские осадные орудия.

Впереди возвышались темные каменные стены Нуманции, и по ним прохаживались часовые: копья их горели ослепительными огоньками на солнце. Широкий ров, полный воды, проведенной от Дурия, казалось, непроходим. Железные ворота охранялись стражей со стороны города.

Зазвенела стрела и вонзилась в землю у ног Эмилиана, дрожь седоперым черенком. За ней последовала вторая, третья. Сципион взглянул на стены: они были усеяны воинами, которые натягивали длинные луки, крича оскорбительные слова, грубо коверкая латынь.

— Отойдем, — сказал Азеллион. — Стрелы отравлены, и глупо было бы умереть так бесславно...

— Верно, — поддержал его Гай Гракх. — Укроемся за этим бугорком...

Эмилиан возвратился в лагерь, пошел осматривать осадные орудия. Их было немного: две-три баллисты, три-четыре катапульты.

У одной катапульты находился легионарий: заряжая ее попеременно легкими ядрами, стрелами и копьями, он метал их на расстоянии трех стадий в деревянный щит, сбитый из нескольких досок, наблюдая за попаданиями: ядра оставляли на досках следы, стрелы застревали, а копья пробивали доски.

Увлечшись стрельбой, он не заметил подошедших военачальников.

— Хорошо, — сказал Сципион, залюбовавшись мужественным лицом легионария, а еще больше его упражнениями. — Кто ты? Как тебя звать?

— Марий.

Он узнал полководца, встал смиренно.

— Давно служишь?

— Я прибыл сюда с консулом Манцином.

Эмилиан осмотрел катапульты, затем баллисты.

— С катапультой ты управляешься хорошо, ну, а с баллистой?

На хмуром лице Мария весело ощерились зубы:

— Прикажешь ударить по нумантийским стенам?

Он подозвал нескольких легионариев, и они выдвинули баллисту вперед. На земле лежали глыбы гранита, деревянные балки, свинцовые слитки.

Марий зарядил орудие каменной глыбой, спустил собачку: тетива с двумя коромыслами, вставленными в полувертикальные канаты из звериных жил, ударила в глыбу, покатила ее вверх и выбросила с огромной силой в дугообразном направлении; баллиста пошатнулась, и в ту же минуту послышался гул и рев — глыба задела вершину стены, отвалила от нее кусок и с грохотом упала в город.

— Молодец! — восторженно воскликнул Сципион, хлопнув Мариа по спине. — Так, глядишь, Нуманция скоро сдастся, а?

— Крепость трудно взять, — возразил Марий, — окрестные жители помогают ей продовольствием, и я предлагал Тиберию Гракху...

— Ты знаком с Тиберием? — удивился Эмилиан.

Когда же Марий рассказал о совместном путешествии с квестором и консулом, о разведке, которую он хотел предпринять, Гай тепло улыбнулся:

— Мой брат Тиберий говорил о тебе перед моим отъездом; ты храбр и очень способен... Разведке твоей помешало перемирие...

— Зато теперь это возможно, — сказал Сципион, — узнай, откуда нумантийцы получают помощь, с кем поддерживают сношения.

— Я отправлюсь сегодня же ночью...

— Перед уходом зайди ко мне.

Между тем неприятельские воины, обнаружив местонахождение военачальников, принялись их обстреливать. Марий, прикрываясь щитом, побежал к баллисте, зарядил: грохот, столб пыли. Стена опустела.

— Отодвинуть баллисту, — распорядился полководец, — возле орудий поставить часовых, зорко смотреть за действиями противника. Усилить караулы.

— Будет исполнено, — сказал Азеллион.

— С наступлением ночи приступить к рытью окопов вокруг города: это — ночная работа; днем — укреплять лагерь на старом месте. Легионы распределить по сменам, не забывать военных занятий, обучать воинов и укреплять дисциплину...

— Я распорядюсь, приму меры, — откликнулся Рутилий Руф.

Ночью к преторию проник оборванный бородатый ваккей, с грубой секирой в руке. Стража, охранявшая палатку Сципиона, задержала его, но варвар на ломаном римском языке требовал пропустить его к полководцу. Ваккей ругался, кричал, легионарии и трибуны смеялись.

— Что за шум?

Эмилиан вышел из палатки, оглядел варвара при свете факелов с ног до головы.

— Что тебе нужно?

— Поговорить с вождем, — скрипучим голосом ответил пришелец, направляясь к палатке полководца.

— Оставь секиру у входа, — приказал Гай Гракх и последовал за ними.

Сципион сел. На походном столике стояла светильня, в которой потрескивал огонь. Ваккей поглядывал на полководца, на квесторов и трибунов.

— Ты приказал мне явиться, — тихо вымолвил он.

— Да кто же ты? Кто приказал? — вскочил Эмилиан. — Ты перебежчик, соглядатай?

— Нет, — слышались твердые слова, произнесенные знакомым голосом, — я — Марий, иду в разведку... по твоему приказанию...

— Ты?! — вскричал Сципион. — В этом виде тебя никто не узнает... Но... умеешь ли ты говорить на варварском наречии?

— Нет, но можно притвориться немым.

— Если возможно — захвати в плен нумантийца...

— Попытаюсь.

Когда Марий ушел, Эмилиан улыбнулся:

— Этот легионер многого стоит. Посмотрим, с чем он вернется. И если он оправдает мои ожидания, я награжу его достойным образом.

Прошло два дня. Марий не появлялся. Сципион беспокоился, но молчал. Наконец Марий пришел ночью, потребовал разбудить полководца.

— Ну что скажешь? — воскликнул Эмилиан, плохо скрывая радость, зазвучавшую в голосе.

— Ваккеи тайком продают неприятелю хлеб... Лодчики и водолазы снабжают город съестными припасами... Вождь нумантийцев Ретоген готовит вылазку... В городе восемь тысяч воинов... В случае нашего приступа будут биться старики, женщины и дети... («Как в Карфагене», — подумал Сципион.) Я проник в город, просил на улицах милостыню, но захватить нумантийца не удалось: враг зорек, хитер, подозрителен.

— И хорошо сделал! Может быть, тебе понадобится еще побывать в Нуманции...

— Как прикажешь...

Эмилиан остановился перед Марием:

— Я доволен тобой; благодарю за службу отечеству и поздравляю тебя с повышением: ты — центурион.

И Сципион сердечно пожал ему руку.

Спустя три месяца двойная линия глубоких окопов опоясывала город, ночами производились поспешные работы по сооружению стен, башен и вала. Люди работали под охраной вооруженных легионариев, один вид которых вызывал у полководца презрение. «Кто храбрее — рабочие или стража? — думал он. — Те и другие трусы: стоит появиться противнику, как все разбегутся».

И он не ошибся.

Нумантийцы тревожили рабочие отряды смелыми налетами, обращая не только их, но и вооруженные части в бегство. Нередко рабочие отряды, растерянные, подавленные храбростью противника, сражались мотыгой и заступом. Тогда нумантийцы справлялись с ними без труда: они уводили их в плен, а на другой день казнили на городской стене, но чаще всего заставляли стрелять по своим, а кто не повиновался, того немедленно обезглавливали.

Случалось, что осажденные вызывали римлян на бой, но Сципион уклонялся от битвы, потому что не

надеялся на свои войска; легионарии, даже при вылазке самого малочисленного отряда, обращались в бегство. Эмилиан применял решительные меры: сек прутьями целые манипулы, сек центурионов, а однажды пригрозил Марку Катону, военному трибуну, постыдным наказанием за пьянство при выстроенных легионах.

Суровость Сципиона не нравилась трибунам, центурионам и молодым легионариям: полководца не любили, один вид его вызывал страх, но триарии гордились своим вождем. Вечерами, у костров, они говорили о нем с похвалой, вспоминали о взятии Карфагена, о честности и справедливости великого римлянина.

Посольство, посланное в Нумидию (Полибий тяжело заболел в пути, и его отправили в Рим), возвратилось в сопровождении конницы и двенадцати слонов под начальством молодого царевича Югурты. Это был смуглый, черноглазый юноша в барашковой шапке, увитой белой широкой повязкой, порывистый, беспокойный, жестокий и подозрительный. Сам Эмилиан был свидетелем его безграничной вспыльчивости: спешившись перед палаткой полководца, Югурта заговорил высоким женским голосом на непонятном для римлян языке, с бешенством закричал — всадники раздвинулись, к нему подъехал бородатый человек, соскочил с коня. Не успел Сципион удержать царевича, как в воздухе сверкнул огненной полосой изогнутый нумидийский меч, и бородатая голова, мигая глазами, подкатилась к ногам полководца.

Оттолкнув ее, Югурта приветствовал Эмилиана движением руки, обернулся к приближенным, что-то крикнул. Лысый старичок слез с лошади, поклонился, прижав руку к сердцу. Югурта говорил, а старичок переводил:

— Великому римскому полководцу честь и слава! Нумидийский царь Мастанабал внял твоей просьбе и присылает меня, своего царевича, в помощь тебе. Наша конница — первая в мире, а боевые слоны могут заменить большие отряды пехоты. Прикажи, что делать, и ты увидишь нашу доблесть. Царь Мастанабал слышал о тебе, глубоко тебя уважает и шлет тебе в

подарок лучшего жеребца из своей царской конюшни, золотой перстень с ясписом, меч, усыпанный драгоценными камнями, и желает тебе военных успехов, славы и могущества!

Он вручил Сципиону перстень и меч, приказал подвести жеребца. Это был низкорослый вороной конь, полудикий, с красными белками беспокойных глаз: он не стоял на месте, а прыгал, то приседая на задние ноги, то взвиваясь на дыбы.

— Благодарю тебя, царевич, — просто ответил Эмилиан. — Я рад, что ум твой превосходит молодость, а храбрость сверкает в твоих смелых глазах. Когда будешь царем, вспомни мои слова: «Честность, справедливость, любовь к наукам и трудолюбие составляют жизнь человека». А ты, кажется, вспылал, уклонился от этого пути?

И он указал на голову, лежавшую в пыли.

Югурта вспыхнул, но сдержался:

— Ты ошибаешься, я поступил справедливо: этот воин роптал дорогой, что мы идем помогать римлянам; он говорил так: «Сципион разгромит сначала Нуманцию, а потом завоюет Нумидию, поработит нас всех». И я наказал бунтовщика: больше никто не посмеет оскорблять тебя, усомниться в твоей честности!

— Благодарю тебя.

— Скажи, что нужно делать?

— Отдохни сперва...

— Хорошо. Но потом?

— Ты уничтожишь в окрестностях неприятельские запасы продовольствия, сожжешь хлеб на корню, накажешь ваккеев, как найдешь нужным, за помощь, которую они оказывают нумантийцам, заставишь их признать верховенство Рима...

— Все?

— Пока все.

Царевич кивнул и приказал своим людям разбить шатер рядом с палаткой полководца.

Белые покрывала многочисленных всадников колебались на ветру, лошади ржали, слоны трубили, подымая хоботы. Гортанный говор всадников, их вскри-

ки, заунывные песни долго мешали заснуть Сципиону, а когда он проснулся чуть свет и вышел из претория, чтобы умыться, — конницы, слонов и шатров Югурты не было уже на месте. Караульный трибун доложил, что царевич глубокой ночью снялся с лагеря со своими войсками и отправился в северо-западном направлении.

Днем ветер принес удушливый запах гари: окрестность дымилась, точно серовато-белый туман застилал поля и деревни, надвигаясь от реки на римский лагерь. Марий, посланный на разведку, донес, что слоны топчут хлеба, а нумидийская конница грабит деревни.

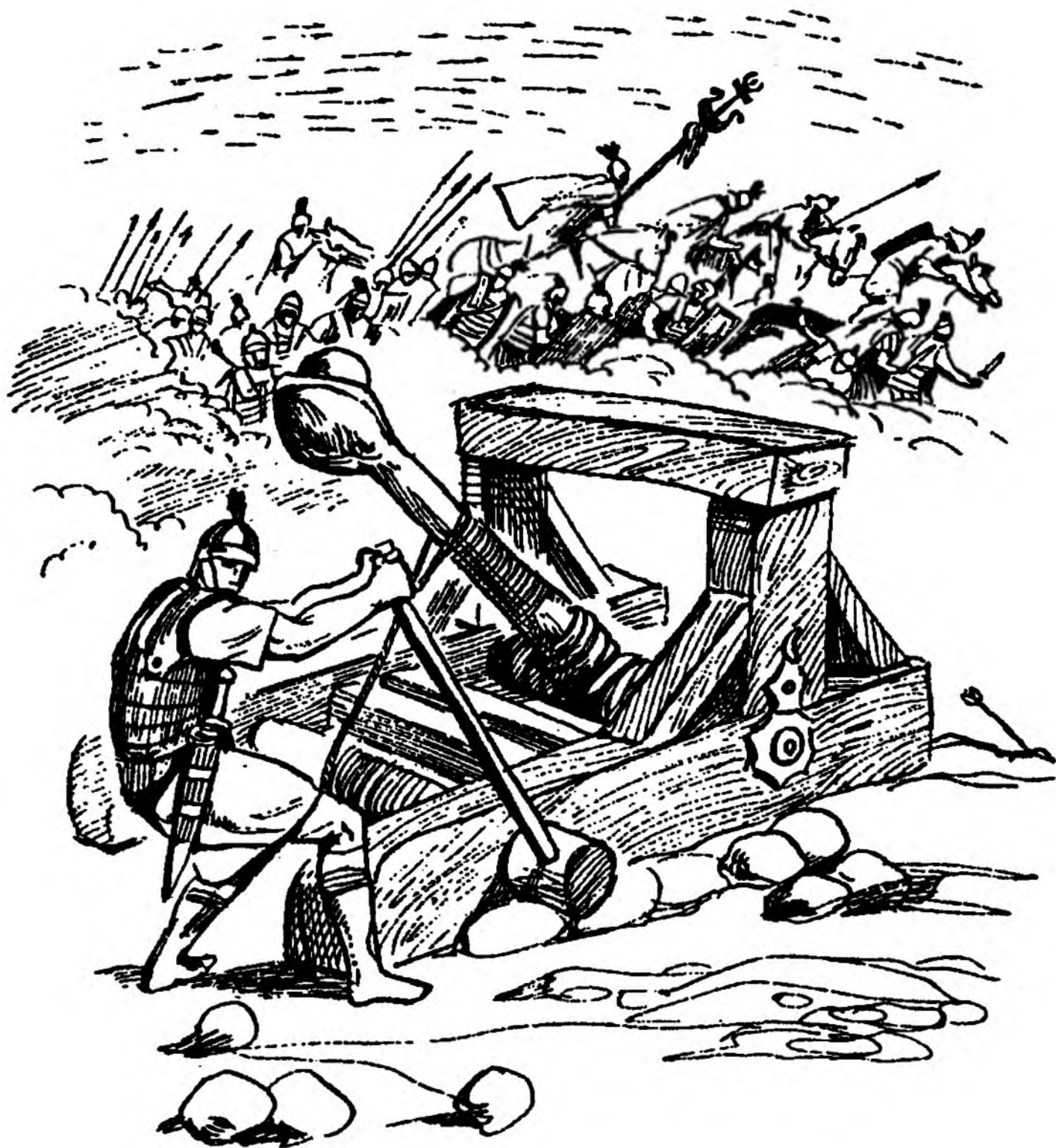
Ночью огромное зарево раскинулось на северном горизонте вдоль Дурия; горели деревни, вздымая к звездному небу широкие полосы искр, огненные языки жадно лизали темноту, пылали на полях колосья, скирды необмолоченного хлеба, тусклые крики слабо доносились до римского лагеря.

На стенах Нуманции были удвоены караулы, заметное оживление неприятеля обеспокоило полководца. Он приказал трубить сбор; загудели трубы, и римская конница, состоявшая из союзников, ответила пронзительным голосом своей трубы. Но прежде чем римляне успели построиться, железные нумантийские ворота распахнулись, и оттуда вылетела конница, за ней высыпали воины; они бежали на приступ лагеря с дикими воинственными криками, они хотели сразиться с врагом, отомстить за потерю продовольствия, пожираемого огнем, за разграбленные горящие деревни, за ваккеев, уводимых нумидийцами в рабство, за изнасилованных жен, детей и дочерей.

В одно мгновение нумантийская конница смяла римскую, опрокинула пехоту. Легионеры побежали.

— Стойте! — закричал Сципион и, вскочив на нумидийского жеребца, помчался с обнаженным мечом наперерез бегущим. Но его не слышали и не видели. Обезумевшие воины бросали щиты, оружие, и напрасно меч Эмилиана обагрался кровью, конь его топтал легионеров — поток людей остановить было невозможно.

Взгляд Сципиона упал на баллисту, и в ту же минуту полководец увидел Мария, который заряжал орудие. Эмилиан понял.

— Прикажешь? — крикнул Марий.

— Бей! В гущу! — иступленно прохрипел полководец. — В гущу!

Тяжелая глыба обрушилась на воинов, вырвав из бегущей толпы несколько десятков; беглецы остановились. Громкий голос Сципиона разнесся по лагерю, заглушая шум битвы:

— Стройся!

В это время полководец увидел Луцилия, который, во главе триариев, обходил нумантийцев:

— Луцилий, бей в тыл! Марий, веди гастатов!

Молодой центурион бросился в бой с тяжеловооруженными воинами; в одно мгновение он прорвал ряды нумантийцев и обратил их в бегство. Но тут поджидали неприятеля триарии: Луцилий приказал никого не брать в плен, и отступающий враг был перебит.

Отразив вылазку, Эмилиан дал отдых утомленному войску, а на другой день приказал перед лагерем построить легионы.

В первых рядах стояли рослые гастаты, в кожаных панцирях с металлическими кольцами, и держали у ноги тяжелые копья, за ними — велиты, с большими

греческими луками из двух соединенных рогов антилопы, с колчанами, наполненными длинными ясеновыми отравленными стрелами, а дальше — триарии в полном вооружении, с плоскими этрусскими баклагами на шнурках, перекинутых через плечо. Знамена с изображением руки, лошади, волчицы, Минотавра и борова колыхались над войском. На флангах трепетали разноцветные всаднические знамена, лошади ржали. Сципион произнес речь, требуя от воинов храбрости, называя их трусами, негодяями, угрожая, при повторном бегстве перед врагом, децемвированием.

— Никогда я не предводительствовал таким сбродом, как вы! — кричал он. — Никогда я не прибегал к крайним мерам, ибо воины понимали, что они сражаются за отечество! Никогда я не видел таких трусов, как пришлось мне видеть вчера! Впредь я не потерплю этого; пощады не будет никому — ни легионарию, ни центуриону, ни трибуну, ни квестору, ни легату!

Войска отвечали хором, что они рады служить под его начальством, но Эмилиан был разгневан; отвернувшись от воинов, он пошел к своей палатке, прикрыв полой тоги, в знак горя, свою голову.

Это подействовало на воинов больше слов полководца. Удрученные, они молча расходились, избегая смотреть друг другу в глаза. Только одни лишь триарии шли с гордо закинутыми головами: они не знали, что значит бегство, и скорее умерли бы на месте, чем отступили без приказа.

И Марий был доволен: Луцилий объявил ему, что, по приказанию полководца, центурион Марий производится в примипилы — высшие центурионы. Марий с удовлетворением улыбнулся; он знал, что примипил имел право участвовать в высшем военном совете и наказывать провинившихся воинов, даже заслуженных, прутом виноградной лозы.

Подходя к своей палатке, Сципион увидел навьюченных мулов и трех человек в дорожных одеждах и, взглядевшись, узнал в одном из них Лизимаха.

— Привет великому римлянину! — закричал грек, взмахнув широкополым петазом. — Добрые пожела-

ния от твоих ларов! Я привез эпистолу от благородной твоей супруги Семпронии, а еще...

Голос его осекся. Он вынул из сумки навощенные дощечки и протянул Эмилиану. Полководец мельком взглянул на них, и радость на мгновение залила его лицо: имя Лаодики запрыгало перед глазами.

Он прошел в палатку, прочитал:

«Недостойная рабыня твоя Лаодика, дочь клиента Лизимаха — нашему патрону и господину П. К. Сципиону Эмилиану Африканскому, консулу и полководцу.

Глубоко опечалил нас твой отъезд в Испанию, а еще больше, что мать и я не успели высказать тебе наши лучшие пожелания, которые сопутствовали бы тебе в походах, воодушевляли тебя в боях, жили светлыми воспоминаниями о наших встречах и зарождавшейся дружбе. Что тебе помешало увидеться с двумя твоими рабынями, которые, кроме уважения и преклонения перед твоими доблестями, испытывают к тебе нежное чувство дружбы? Нежелание проститься? Неприязнь к нам? Или общество ниже тебя стоящих людей? Но мы так же образованны, как члены твоего кружка, так же любим науки, как ты, так же стремимся к обществу мудрых, как мужи, жаждущие истины и самосовершенствования, и помним слова Аристотеля, которые завершают круг наших надежд и желаний:

«Человек по природе животное общественное».

Как я завидую отцу моему, что он увидится с тобой, поговорит! Какая радость была бы для нас сопутствовать тебе в твоих трудах, быть с тобой, слышать твой голос, видеть тебя!

Прощай».

Сципион был взволнован. Он перечитал письмо и отложил в сторону; потом взял дощечку, неровные буквы которой вызвали воспоминание о жене. Семпрония писала в ином духе: она утверждала, что тоскует по нему, своему супругу, спрашивала о здоровье, призывала благословение богов на него, намекала на прежние отношения:

«Только одно может объяснить твою холодность ко мне: это — любовь к другой. Если ты находишься с кем-либо в связи, сознайся, и мы разведемся. Если же нет, то скажи хоть издали причину, раз ты не захотел объясниться со мной, будучи в Риме, живя под одной кровлей».

Он задумался и не читал больше.

«Если ты находишься в связи», — но я не нахожусь в связи, и нам незачем разводиться. Выбор между Семпронией и Лаодикой! Какая же противоположность в этих женщинах! Одна — обыкновенная матрона, а другая — афродитоподобная дева; но та — внучка победителя Ганнибала, а эта — дочь клиента, ростовщика, лено». Взял опять письмо Семпронии. Взгляд его упал на postscriptum:

«А у нас событие: эфионка Кемар родила маленького смешного черного человечка; он кричит целый день, а мы поим его медовой водой».

Встал, позвал Лизимаха:

— Продал постыдные дома?

— Продал.

— Что нового в Риме?

— Тиберий Гракх перешел на сторону всадников и начинает борьбу с сенатом.

— Откуда знаешь?

— Говорили публиканы, с которыми я веду торговые дела...

— Может, это ложные слухи?

— Нет, господин, Тиберий добивается трибуната.

— Как будут без тебя Кассандра и Лаодика? Ты позаботился о них?

— О, да, — сухо ответил горбун, злобно усмехнувшись про себя, и подумал: «Как жаль, что я не уничтожил эпистолы Лаодики! Впрочем, он узнал бы о письме и потребовал бы у меня. О, как надоело мне переносить власть этого римлянина!»

Вбежал Луцилий:

— Взгляни, Публий, царевич гонит сотни пленных женщин!

Эмилиан вскочил, выбежал из палатки.

Мчалась, вздымая клубы пыли, нумидийская конница: связанные женщины лежали поперек лошадей, и всадники придерживали их левой рукой. Слоны, навьюченные живым товаром, трусили за ними грузной рысцой. Впереди всех ехал Югурта; перед ним лежала пленная девочка.

Сципион вспыхнул, остановил войско.

— Доступ в лагерь закрыт! — крикнул он. — Разве не знаешь, царевич, что женщинам запрещено находиться в лагере?

Югурта вспыхнул:

— Войско — мое.

— Войско — твое, царевич, но господин не ты, а я!

Твердый, спокойный голос полководца звучал убедительно, и Югурта смутился:

— Чего требуешь?

— Отпусти женщин, если желаешь воевать под моим начальством...

Глаза Югурты странно засверкали, и его гортанный говор всполошил всадников; послышался ропот, угрозы, брань, злобный смех. Югурта прокричал какие-то слова пронзительно-дико и, приподняв на вытянутой руке девочку, уронил ее на землю. И в ту же минуту всадники и вожаки слонов, не обращая внимания на женские визгливые вскрики, принялись бросать пленниц, не заботясь о том, что падение на сухую каменистую землю грозило сильными ушибами.

— Теперь проезд свободен? — криво усмехнулся Югурта.

— Благодарю тебя за службу, царевич! Ты честно выполнил мое приказание: твоя конница заслужила законный отдых.

Глава XVIII

Куда бы ни пошел Тиберий, куда бы ни взглянул в общественных местах — всюду перед его глазами вырисовывались полуграмотные надписи плебеев:

«Гракх, защити нас», «Дай нам землю»,
«Защити от притеснений богачей», «Мы разорены»,
«У меня за долги отняли последний клочок земли»,
«Я голодаю», «Я — нищий».

В первый раз он увидел надписи на Табулярии. Он стоял перед государственным архивом, расположенным на склоне Капитолия, над форумом. Двенадцать стройных, как римские девочки, дорических полуколонн с простенькими капителями высились по бокам каждой из одиннадцати арок и составляли затейливую рамку вокруг них. И все это было испещрено надписями, нацарапанными острым инструментом; попадалась неразборчивая скоропись. Даже на верхнем ярусе аркад ионического стиля красовалась надпись углем:

«Гракх, борись! Будешь нашим трибуном».

Тиберий понимал всю важность шага, который он собирался предпринять; закон был надеждой плебеев, пришедших из деревень: разоренные земледельцы мечтали о получении новых участков, ремесленники из хлебопашцев хотели вернуться в деревню, чтобы заняться земледелием: город с его шумом и деловой толчеей подавлял бедняков; голодные, не обеспеченные заказами, не уверенные в завтрашнем дне, они ожидали от Гракха облегчения своей участи. Тиберий знал об этом, и честолюбие толкало его посвятить свою жизнь для блага народа.

Однако он ошибался, что весь плебс на его стороне: большинство ремесленников никогда не было пахарями, земля им была не нужна, и они говорили: «Что нам, горожанам, дадут эти наделы? Как были бедняками, так и останемся. Ну а товарищам поможем. Народный трибун позаботится и о нас». Но в чем должна была выразиться забота Гракха, они затруднились бы сказать. У них были смутные мысли о повышенном заработке, о хлебе, но эти мысли так далеки были от осуществления, что плебеи могли только думать да мечтать. Меньшинство же говорило о земле с восторгом, с огнем в глазах. Слово “земля” звучало гордо и крепко: хлебопашество, скотоводство, виноградники,

оливковые посадки, огороды, плодовые сады — все это шло от земли, все это обещало сытую жизнь, благосостояние, быть может, даже богатство.

Надписи на зданиях не давали Тиберию покоя; он бредил ими, они снились, возникая причудливыми видениями: весь Рим казался городом надписей, улицы были вымощены призывами, стены домов, зданий, колонны испещрены мольбами, увещеваниями, гневными возгласами, даже от статуй богов тянулись, застыв в воздухе, грозные приказания: «Гракх, борись!»

С другой стороны на него влияли мать, Диофан и Блоссий. Корнелия говорила:

— Я не узнаю тебя, Тиберий! Ты соревновался в судебных защитах со своим другом Спурием Постумием, а потом отправился в поход, который не дал тебе ничего, кроме неприятностей. А Спурий Постумий опередил тебя значением и влиянием в Риме. Неужели ты потерпишь, чтобы он был выше Гракха? Ты должен выдвинуться, стать великим мужем, полезным государству и народу, чтоб я не слыхала больше презрительных разговоров о нашей семье, чтобы не называли меня с насмешкой “тещей Сципиона”. Я хочу быть матерью Гракхов!

— И ты будешь ею! — вскричал изгнанник из Митилены. — Разве ты не видела, благородная Корнелия, надписей на стенах дома? Народ призывает Тиберия, обещает ему поддержку, и господин наш пойдет, чтобы выполнить свой долг перед государством, поднять на небывалую высоту его благосостояние.

— Тем более, — подхватил Блоссий, — что всадники обещали крепкую поддержку...

Корнелия знала об этом: сделка сына с всадниками казалась ей естественной на пути к власти. Победить олигархию и, опираясь на всадничество, стать единодержавным правителем Рима! Повернуть колесо истории вспять, даровать всадникам величайшие блага, провести земельные законы в Италии, отдать провинции на откуп публиканам! Голова у нее кружилась. Могущество, царский венец, слава!.. Недаром она отказалась от руки египетского царя Птолемея. Она будет матерью *царя* Тиберия, владыки мира, она...

Услышала голос сына:

— Я советовался о своем законе с Крассом Муцианом, Муцием Сцеволой и Аппием Клавдием...

— Это хорошо, — перебил Блоссий, — поддержка верховного жреца, консула и главного лица сената обещает успех...

Гракх вспыхнул:

— Дайте же мне сказать! Перестаньте перебивать!.. Завтра я пойду на выборы, и что решено Фортуной — выполню с честью.

На другой день Марсово поле, усеянное народом, гудело как улей. Когда появился Тиберий в сопровождении друзей и клиентов, толпа приветствовала его восторженными криками. Как и тогда, на форуме, Гракх увидел в передних рядах кузнеца Тита, молотобойцев, портного Мания и их соседей. Они оглушительно приветствовали Тиберия, пытаясь схватить его на руки и нести к месту, занятому магистратами. Тиберий видел возбужденные лица плебеев, счастливые глаза матери (она провожала сына, не в силах противостоять непобедимому желанию лично увидеть отношение к нему народа), веселую улыбку Диофана, Блоссия и друзей. Он хотел освободиться из рук плебеев, говорил им, что он еще не заслужил такой чести, но его подхватили, подняли над толпой, и Тит крикнул на все поле:

— Ты — наш!

Голос кузнеца прозвучал отчетливо в тишине, установившейся перед ауспициями. Толпа ремесленников, бедняков и небогатых патрициев, подкупленных всадниками, ответила громким возгласом:

— Да здравствует Тиберий Гракх!

Кричало, волнуясь, размахивая руками, все поле. Он видел сотни раскрытых ртов, белых зубов, сотни поднятых рук и растерялся: «Неужели нет противников? Неужели всюду друзья?..»

Он стоял в переднем ряду, смотрел на ауспиции и видел (недаром юношей сам был авгуром), что боги шлют благоприятные предзнаменования.

«О, какая радость послужить отечеству!»

Опираясь на плечо Блоссия, он слушал, как голосовали трибы: не колеблясь, они подавали за него голоса, и он, как сквозь сон, слышал шепот друга:

— Еще две трибы, и мы победим: шестнадцать триб высказались за тебя...

Тиберий чувствовал, что друзья волнуются, — плечо Блоссия подергивалось, а рука Диофана дрожала в его ладони. А он, Гракх, был спокоен, только странная дремота туманила глаза. И сквозь нее Марсово поле, толпы людей, магистраты на возвышении казались совсем иными, как это бывает с предметами, залитыми лунным светом.

Вздрогнул от возгласа Блоссия:

— Победа! Восемнадцать триб...

Тиберия поздравляли, жали ему руки. Дремота улетела — он понял ясно, что это начало борьбы.

Марк Октавий, Папирий Карбон и Гай Фанний дружески улыбались избранному трибуну. Это были люди, которых Тиберий любил, считая честными, неподкупными, с которыми сжился, часто встречаясь и проводя время в беседах о философии и науках.

А толпа осыпала его приветствиями, и когда он удалялся с Марсова поля, чей-то голос донесся отчетливо, заставив его обернуться:

— Помни, Гракх, мы с тобою!

Тиберий искал глазами человека, крикнувшего эти слова, но Блоссий со смехом взял его под руку:

— Все на тебя надеются: друзья, плебеи, и...

— Молчи! — прервал его Гракх. — Я не люблю надежды, она сомнительна. Я признаю только уверенность. Нет, не уверенность, а твердую, как камень, веру.

— Она у нас есть! — вскричал Диофан. — Боги за нас, и сам Юпитер Капитолийский поможет нам своими перунами!

Глава XIX

Закон Тиберия о наделе землей разорившихся хлебопашцев не был еще объявлен, еще сами плебеи не знали точно, как приступит народный трибун к его проведению и сколько земли придется на долю пахаря, как Рим уже наполнился слухами, сплетнями, пересудами: закон обсуждался в домах патрициев, публиканов и вольноотпущенников. Всюду о нем говорили с жаром, похвалы и проклятия сыпались на голову Гракха.

Оптиматы волновались. Они видели в шаге Тиберия посягательство на собственность, которой владели издавна, и приходили в бешенство при мысли, что земли придется уступить безвозмездно лентяям и бездельникам (так они величали земледельцев), которые ютились на улицах, ночевали на ступенях храмов, у базилик, колонн и портиков. Патриции понимали, что нелегко будет определить размеры всей прежней государственной земли, разграничить ее от частных владений, и боялись, что при дележе пострадают родовые поместья; они насмехались над идеей превращения земледельческих наделов в государственные имения с неотчуждаемыми полями, которые предполагалось сдавать в наследственную аренду хлебопашцам. Незаконно владея землей, они возмущались, что Гракх посягает на их "собственность", и кричали: «Мы не желаем в угоду наглому трибуну дарить свои поля сброду, лишая детей и родных наследства».

Публиканы злорадствовали: зная о недовольстве оптиматов, они ожидали в Риме волнений и надеялись, что во время общей растерянности получат по второму закону Тиберия право надзора над проконсулами в провинциях; они мечтали о прибылях, об ослаблении сената, о денежной власти.

И вольноотпущенники — мелкие собственники и торговцы — тоже надеялись на закон Гракха; они думали о расширении торговли с земледельцами, о закупке у них по низким ценам плодов садоводства и огородничества, о сбыте земледельческих орудий и

предметов, необходимых для хлебопашца, по высоким ценам; они были не прочь от выгодного товарообмена и заранее прикидывали в уме, что везти в деревню и что брать у нее.

По городу ходили слухи, распускаемые крупными землевладельцами: «Тиберий Гракх — притворщик; под видом наделов землей он стремится захватить государственную власть в свои руки... Ему нужна поддержка земледельцев, а потом участки будут скуплены публиканами, и хлебопашцы не только останутся нищими, но очутятся в еще худшем положении. Он даже думает возобновить закон о продаже должников в рабство за границу».

Эти слухи волновали плебс. Народ валил на форум, где Тиберий проводил большую часть дня в беседах с плебеями, в горячих спорах со своими противниками. Он опровергал распускаемые сплетни и, обращаясь к толпе с ораторских подмостков, говорил:

— Не верьте, квириты, что я хочу закабалить деревенский плебс, — это подлая ложь, распускаемая врагами!

— Верим тебе! — кричали плебеи.

— Ложь и то, что будто я хочу провести закон о продаже должников в рабство. Разве можно продавать римского гражданина? Это жестокое время прошло.

И, обратившись к оптиматам, прибавил:

— Уступите кое-что из ваших богатств, если не желаете, чтоб они когда-нибудь были отняты у вас целиком. Дикие звери, пожирающие плоды Италии, имеют норы — у них есть логово и место, куда укрыться, а люди, проливающие свою кровь за Рим, лишены всего, кроме воздуха, которым они дышат. Не имея кровли, под которой они могли бы укрыться, они блуждают повсюду со своими женами и детьми, как изгнанники...

Гракх видел, как у людей разгораются глаза, сжимаются кулаки, и голос его звенел страстным призывом к борьбе.

— Предводители войск обманывают их, побуждая биться за храмы богов, за могилы своих отцов. Есть ли из столь большого числа римлян хоть один, кото-

рый имел бы могилу, имел бы домашний жертвенник? За чужое мотовство, за чужое богатство сражаются и умирают они, эти люди, о которых говорят: «Они — владыки мира» и которые не владеют ни одним клочком земли!

Рев толпы прервал его речь.

— Земли! — грохотал весь форум.

Этот день укрепил еще больше решимость народного трибуна: друзья, окружавшие Тиберия, были на его стороне, только странным показалось ему поведение Марка Октавия — он не принимал участия в беседе и покинул форум незаметно для всех.

Трибун Октавий, молодой человек, твердый, решительный, узнав, что Гракх задумал провести закон, — опечалился; он владел большим участком общественной земли, и ему жаль было расстаться с владением, отведенным под виноградники и оливковые посадки. К тому же, накануне этого дня, у него побывали видные сенаторы, со Сципионом Назикой во главе, и просили, заклиная всеми богами, наложить veto на аграрный закон Тиберия.

— Этим ты избавишь республику от потрясений, а нас от наглого грабежа злодеев! — загрохотал густым басом Назика. — Разве тебе не жаль своей плодородной земли, не жаль отнимать ее у детей, единственных наследников? Что скажут дети о таком отце, когда вырастут? Что скажет республика и глава ее, сенат? Подумал ли ты об этом? Будь же римлянином, а не врагом!

Октавий сперва отговаривался, ссылаясь на дружбу с Гракхом, но слова Назики смутили его: он растерялся, не зная, на что решиться, и после долгих колебаний согласился. На форуме он избегал находиться рядом с Тиберием и держался от него подальше. Тиберий недоумевал.

Разгадка странного поведения Октавия обнаружилась в то время, когда Гракх внес на обсуждение трибутовых комиций свой земельный закон: «Пусть никто не посылает на общественные пастбища более ста голов крупного и пятисот голов мелкого скота. Пусть каждый имеет на своих землях известное число рабочих из свободного сословия».

— Не справедливо ли разделить общую собственность? — говорил Тиберий. — Что значат опасения государства? Силой оружия римляне захватили обширные владения и, надеясь завоевать остальную часть населенной земли, должны либо доблестью приобрести ее, либо лишиться, благодаря слабости и жадности, и того, что уже имеем. — И, обратившись к патрициям, прибавил: — Помните это, и, если нужно будет, сами отдайте землю пролетариям ради таких надежд. Не забывайте при споре о мелочах существенного и вспомните, что за деньги, потраченные на обработку отчуждаемых полей, вас должны вознаградить пятьсот югеров, поступающих даром в вашу собственность, да еще по двести пятьдесят югеров на двух сыновей, не вышедших из отцовской семьи.

Он повернулся к писцу и приказал огласить закон, но Октавий тотчас же наложил veto.

Поднялся шум.

Бледный, раздраженный, Гракх крикнул:

— Я не понимаю тебя, Марк! Отчего ты испугался и наложил veto?

— Я нахожу, что для республики закон чреват большими потрясениями, — сказал Октавий, избегая смотреть в глаза Тиберию. — Ты повторяешь предложение Лициния Столона и Лелия Мудрого...

Гракх вспыхнул:

— И это говоришь ты, народный трибун?! Разве так защищают права плебеев, ратуют за славу Рима?

— Я ратую так же, как Сципион Эмилиан, за спокойствие республики, — нахмурился Октавий. — Я не хочу, чтоб возникла вражда между патрициями и плебеями, я не хочу...

— Замолчи! Я беру, квириты, это предложение обратно и вношу другое: «Пусть оптиматы немедленно откажутся от владений, которые они присвоили вопреки прежним законам».

— Да здравствует Гракх!

— Никто не может иметь более пятисот югеров общественного поля, — говорил Тиберий, — поэтому все землевладельцы обязаны отдать излишки и нарезать из них наделы пролетариям, по тридцати югеров в каждом. Квириты, этот закон, как наиболее важный, касается вас: вам нужна земля, и вы должны получить лучшие участки!

— Да здравствует Гракх!

— Я предлагаю для пользы отечества еще один закон: магистраты по разбору жалоб провинциалов на проконсулов должны состоять из равного числа всадников и сенаторов.

Бешеные крики, проклятия, угрозы заглушили его слова. Шумели оптиматы и их приспешники:

— Народный трибун подкуплен всадниками!

— Он хочет захватить власть! Квириты! Голосуйте против! Гракх продался публиканам!

Но плебс не верил оптиматам: он ненавидел их — эта ненависть передавалась из века в век, из поколения в поколение, ее впитывали в себя младенцы с материнским молоком, ею жили деды, отцы и юноши — все мелкие ремесленники, разоренные земледельцы...

Городской плебс, состоявший частью из “наследственных” ремесленников-римлян, из военнопленных, захваченных во время Второй Пунической войны, никогда не владел землей, и потому закон Тиберия был для него чужд. Ремесленники мечтали о лучшей жизни, а военнопленные — о возвращении на разоренную родину. Давно уже они, в числе двух тысяч человек, были объявлены собственностью Рима; им было сказано, что те из них, кто докажет, занимаясь своим ремеслом, любовь к римлянам и усердие, получают свободу, и они, поверив, записались у квестора, который назначил над ними надсмотрщиков, по одному на тридцать человек; впоследствии они получили свободу, но на родину их не отпустили; они смешались с римлянами и как будто перестали помышлять об этом, но ненавидели Рим дикой ненавистью подневольных людей, ожидая благоприятного случая, чтобы отомстить. Этим ремесленникам-иноземцам не нужна была земля, и они требовали ее только для того, чтобы усилить смуту в республике и поддержать деревенский плебс. У них была надежда, что во время общей борьбы им, быть может, удастся добиться возвращения на родину.

Плебсу жилось трудно, он нуждался в самом необходимом, даже дешевый хлеб был ему мало доступен, а низкий заработок вызывал озлобление, тем более резкое, что рядом шумела сытая, веселая жизнь оптиматов, расточавших свои богатства.

— Почему же боги дали одним все, а другим ничего? — говорили плебеи, собираясь нередко у кузнеца Тита, который пользовался почетом, как старый воин и непримиримый враг правящей олигархии. — Отчего военную добычу захватывают богачи?

— Потому, — отвечал Тит, и рубцы на его лице наливались кровью, — что они — сила и власть.

— Но боги, боги? Они терпят несправедливость!

Тит посмеивался, пожимая плечами:

— И среди богов есть патриции и плебеи: великолепный Юпитер и оборванный Пан; Юнона и Нимфа...

Аграрный закон Гракха разбудил в его сердце любовь к земле. Надежда на возвращение в родные мес-

та, в деревушку Мереаты, расположенную близ Арпинума, не давала спокойно спать. Он мечтал увидеться с семьей старика Мария, совсем не зная, что она распалась: отец и сын воевали (один в Сицилии, другой в Испании), а мать, добрая старушка Фульциния, поступила виликой в поместье Сципиона Назики.

Тит ходил каждый день на форум с Манием, молотобойцами и сукновалами. Слушал споры Тиберия с Октавием, поддерживал криками одного, нападал на другого. Это были настоящие словесные битвы. Гракх говорил спокойным голосом, а в груди его бушевало возмущение:

— Ты жаден, Марк! Мой закон касается и тебя! Разве ты не владеешь большим участком общественной земли? Вот причина, почему ты наложил veto!

— Вовсе нет.

— Тогда скажи, зачем тебе вредить плебсу?

Октавий молчал.

— А, нечего сказать? Я так и знал. Будь же честен и более сговорчив. Я оплачу стоимость твоего участка из своих собственных средств, лишь бы только не пострадал плебс. Правда, средства мои скудны, но все же их хватит...

Октавий отвернулся от Тиберия и стал медленно сходить с ораторских подмостков.

— Остановись, Марк! — вскричал Гракх. — Ты заставляешь меня прибегнуть к крайним мерам. Ну так слушай же, народный трибун Марк Октавий! Вина на тебе — народ свидетелем! С сегодняшнего дня я отказываюсь исполнять свои обязанности, пока не будет проведено голосование моего предложения...

Октавий остановился. Бледность согнала румянец с его лица. Он колебался, не зная, на что решиться.

— Марк! Мы были друзьями, я любил и уважал тебя, но теперь, когда ты идешь против народа... Марк! Заклинаю тебя всеми богами: будь справедлив, не поднимай руки на государство!

Октавий молчал, опустив голову.

— Говори! — крикнул Тит.

А портной Маний сказал с презрительным смехом:

— Сознайся, за сколько продался сенату?

Толпа заревела; множество рук угрожающе потянулось к Октавию:

— Злодей! Изменник!

— Что скажешь в трибутных комициях?

Октавий приподнял голову. На побагровевшем лице странно дрожали губы, сисясь промолвить что-то, на лбу вздулась жила, выступил крупными каплями пот.

— Это ложь... — вымолвил он, заикаясь.

Вой толпы прервал его речь, и когда все затихло — Тиберий крикнул, и голос его резко прозвучал над форумом:

— Вина на тебе, Марк Октавий! Посмотрим, кто победит.

Гракх, действительно, отказался от исполнения им обязанностей народного трибуна до предстоящего голосования. Он опечатал государственную сокровищницу в храме Сатурна, прекратив доступ в нее квесторам (теперь они не могли производить уплат, вносить в казну деньги), приказал объявить непокорным магистратам, что они будут наказаны, если не прекратят отправлять свои служебные обязанности, и пригрозил тюрьмой слишком строптивому консулу, когда тот вздумал призывать сенаторов к открытому выступлению против Тиберия.

Жизнь в городе замерла. Консулы не могли созывать сената, чтобы совещаться о государственных делах, преторы не могли разбирать и решать судебные дела, базилики опустели, лавки торговали вяло, эдилы не наблюдали за порядком, и по ночам толпы блудниц, пользуясь неуплатой налога, заполняли улицы, силой захватывали сопротивлявшихся мужчин, тащили их в свои дома; рабы потихоньку выходили из господских домов, нападали на девушек и женщин, насиловали на ступенях храмов, в базиликах, где попадо.

Оптиматы, надев траурные одежды в знак того, что большое несчастье постигло республику, печально бродили днем по форуму и по улицам; упав духом, они искали сочувствия у граждан, громко жалуясь на тиранию Гракха, а сами, подослав к Тиберию соглядатаев, наблюдали за его жизнью, науськивали на него

наемных убийц. Трибун был опасен: он держал в руках все государство. Один доброжелатель, очевидно из оптиматов, прислал Гракху краткое письмо на греческом языке, извещая об опасности быть убитым из-за угла, и Тиберий, остерегаясь нападения, стал носить под одеждой кинжал покойного своего отца.

Гракха можно было увидеть в разных частях города: у Капитолия, на форуме, на Квиринале, у древнего святилища Ромула-Квирина, на Целийском холме, близ Эсквилина, у Палатина или Авентина. Плебеи встречали его с восторгом. Он говорил о начавшейся борьбе, просил поддержки, призывал твердо стоять за землю, ни в чем не уступать сенату.

Глава XX

Между тем восстание рабов охватило всю Сицилию, кроме нескольких приморских городов, где римские войска держались при помощи кораблей, которые снабжали их оружием и провиантом. Отряды, а затем и легионы, посланные для усмирения рабов, были всюду отражены, разбиты, а кое-где и напрочь уничтожены. Конница Ахея, состоявшая, кроме сирийцев, из сиканов и сикулов, ревностных почитателей храма Цереры в Гэнне, опустошала богатые виллы, вырезала оптиматов, не щадя ни пола, ни возраста, уничтожала прекраснейшие создания рук человеческих — эллинские статуи, картины, вазы, персидские ковры.

Не останавливаясь надолго на одном месте, она металась по всей Сицилии, появляясь в местах, наиболее отдаленных от главных сил Эвна и Клеона. Она угрожала Сиракузам, родине Архимеда, бешеным налетом ворвалась в Гиблу, подожгла ее и, награбив ценностей, навьючила их на мулов, отправила в ставку Клеона; она появлялась на юге Сицилии, у Камарины, где еще держались римляне, бросалась на восток, к Геле, затем на север, минуя Гэнну, к Гимере, проникала в Панормус и Сегесту. И всюду, где она проходила, оставались развалины, пепелища, трупы и кровь.

Имя Ахея наводило на всех ужас. Римские всадники, впервые столкнувшись с конницей рабов, которая устремлялась в бой с дикими криками, с копьями наперевес и с обнаженными мечами, были уничтожены, а декурионы и префекты нещадно избиты и распяты на крестах. Слухи о жестоких расправах рабов с господами, надсмотрщиками, виликами и вольноотпущенниками, верными слугами патрициев, ужасом сжимали сердца сенаторов.

Римская республика содрогалась под ударами войн, восстаний, заговоров, глухого недовольства земледельцев и союзников. Испанская война, пограничные стычки с галлами, волнения рабов в Апулии, Бруттии, отпадение Тринакрии, выступления Гракха — все это угрожало целостности государства. И римляне, суеверные даже в мелочах обыденной жизни, шептали со страхом: «Неужели боги помогают рабам? Невольники держатся несколько лет, и наши легионы не могут их сломить... Что делать? Не послать ли в Тринакрию доблестного воина, который не раз побеждал врагов Рима?»

Выбор сената остановился на Фульвии Флакке не потому, что этот патриций был любим и уважаем, а оттого, что его подозревали в тайных сношениях с союзниками. Осторожные олигархи хотели освободиться хотя бы на время от этого опасного человека.

Посылая Фульвия в Сицилию, сенат льстил ему, величая его греческим словом «стратег» и надеясь, что этот честолюбивый человек победит рабов, освободит Тринакрию от их власти.

— Ты — великий полководец, — грохотал тяжелым басом Сципион Назика, — и ты сразу уничтожишь толпы подлого сброда, вернешь спокойствие государству, раздавишь, как Геркулес, эту гидру, растопчешь ее, вырвешь с корнем ростки мятежа... На тебя надежда республики!

Флакк слушал Назику, кивая, чуть-чуть посмеиваясь: он сам давно уже добивался назначения в Сицилию и достиг этого с большим трудом — лестью, хитростью и подкупом. Он знал заранее, что будет делать; все было обдуманно, — удача должна сопутствовать умному полководцу; неуспех невозможен.

Получив назначение, Фульвий послал за Геспером.

— Ты отправишься со мною в Тринакрию, — сказал он, — будешь моей правой рукой. Я надеюсь на тебя гораздо больше, — засмеялся он, — чем сенат на меня. Восстания рабов, которые должны были вспыхнуть в нескольких городах, я отложил: сейчас не время. Людская жизнь — священна, и я не желаю подвергать опасности, пыткам, смерти на костре и кресте сотни рабов. Не лучше ли повести легионы против рабов?

Геспер растерялся, искоса взглянул на Флакка:

— Господин мой! Я не понимаю тебя: ты за рабов, а хочешь воевать с ними...

— Так нужно. Впрочем, не время рассуждать, собирайся в путь — завтра мы должны быть в Остии.

Оставшись один, Фульвий надел на шею, поверх туники, золотую цепь, подарок Эвна, снял со стены тяжелый обоюдоострый меч и задумался: он оставлял дом на жену и вольноотпущенников; дети были еще малы (сыновья Люций и Квинт находились под присмотром воспитателя-грека: старшему было шесть лет, а младшему — четыре), и, в случае неудачи («Нужно все предвидеть», — подумал он), имущество будет отобрано в казну, а семья останется нищей.

В таблинум заглянула жена и прервала его размышления. Это была молодая матрона, привлекательная смуглым лицом с черными бровями и глазами, пышным, упитанным телом, выпиравшим из ярких одежд.

— Марк? — воскликнула она, всплеснув руками. — Как же мы... как же я...

— Республика призывает меня на войну, и долг воина повиноваться — знаешь сама. Но на всякий случай (голос его перешел в шепот) спрячь подальше драгоценности, которые находятся в доме...

— Но куда прятать?.. У тебя, Марк, всегда какие-то таинственные (она хотела сказать — «подозрительные», но удержалась) дела, а я, жена твоя, ничего не знаю...

— Помолчи, Терция, — оборвал ее Флакк, — если некуда прятать, то передай на хранение Корнелии, матери Гракхов...

— Но почему, почему? Я ничего не понимаю.

— Позаботься о детях, сиди дома, не приглашай и не принимай гостей.

— Твоя воля, — вздохнула жена, проводившая все дни вне дома.

— Впрочем, можешь бывать у Гракхов. Это — лучшие люди республики.

Вечером Фульвий увиделся с Тиберием.

— Помнишь, я говорил тебе, что у нас будут большие силы? Это время, кажется, наступает, и если мне удастся, то я...

— Тише... я понимаю... — понизил голос Гракх.

Флакк шепнул ему на ухо:

— Когда же рабы высадутся в Италии, поднимай плебс...

Они расстались, крепко обнявшись.

На другой день Фульвий и Геспер отправились в Остию, где сели на трирему, отплывавшую в Сицилию. Это было гребное судно, длиной в сто пятьдесят и шириной в восемнадцать футов, с тремя рядами весел: в верхнем ряду сидело шестьдесят сильных рабов-гребцов, называемых транитами, и каждый держал в руках весло длиной в четырнадцать футов, в среднем ряду помещалось около шестидесяти зигитов с десятифутовыми веслами, а в нижнем ряду — столько же таланитов с веслами длиной в семь футов.

Флакк уселся на носу, возле башни с бойницами, и весело смотрел на моряков; они убирали веревки, которые удерживали трирему у берега.

Теплый попутный ветер подгонял судно, и пенистые волны, ласково воркуя, ударялись белой грудью о корму.

— Лучезарный Феб не в меру горячит своих скакунов, — сказал Фульвий, отирая ладонью пот со лба, — садись, Геспер, поговорим.

Вольноотпущенник сел на скамью против патрона, взглянул на удалявшийся берег Италии.

— С того дня, как я посылал тебя в Тринакрию, я поддерживал связь с рабами и должен сознаться, что я ими недоволен. Я советовал Эвну создать очаги восста-

ний в разных местах, я думал, что он вырвет почин из моих рук и поднимет рабов хотя бы Лукании и Бруттии, чтобы укрепиться не только в Тринакрии, но и в южной Италии, и что же получилось? Эвн бездействует, преступно бездействует... Он надеется на помощь богов, приносит жертвы... А ведь у него было шесть лет — подумай, Геспер! За это время можно было бы поднять десятки тысяч рабов...

— Но ведь конница Ахея...

— Ах, конница! — усмехнулся Флакк. — Какая от нее польза? Она разрушает виллы, мстит оптиматам, вырезает их сыновей... А я бы поступил разумнее: не разрушал бы вилл, не уничтожал оливковых насаждений, не топтал бы виноградников; я бы привлек патрициев и их сыновей к военной службе, заставил бы их сражаться за рабов, а жен и дочерей — воспитывать детей...

— Ты, господин, мудр...

— Конница Ахея носится по стране, Клеон занимает окрестности Агригента от Гераклеи до Селинуса на запад, до Гелы и Гиблы на юго-восток и до Гэнны на север, а Эвн расположил свои силы между Гэнной, Тавромением, Катаной и Леонтинией. Остальная Тринакрия в руках мелких вождей сиканов и сикулов, только Тиндарис, Милы и Сиракузы в руках римлян. Но надолго ли? В Тиндарисе мы высадимся, я приму начальство над легионами...

— Господин, ты будешь воевать? — робко спросил Геспер, преклоняясь перед умом патрона. Он удивлялся его осведомленности, здравому рассудку, умению разобраться в обстановке.

— Не торопись, Геспер! Поспешность — мать всех пороков. Но на войне она иногда способствует победе. Вернемся к нашей беседе. Рабы располагают силами в двести тысяч человек; будь я Эвном, я бы немедленно двинулся на Рим, подымая по пути рабов...

— Господин мой... — задрожав, шепнул Геспер, — ты... ты...

— Нет, я даю только советы, а не могу стать во главе восстания, потому что считаю себя не менее чест-

ным, чем Сципион Эмилиан. В Риме у меня дом, семья. Что сделают, как поступят с ними?.. Но Эвн, Клеон и Ахей! Под их начальством несметные войска... Что они медлят? Ждут помощи от богов, которых нет? Кто такой Эвн? Дурак, обманщик или сумасшедший? Ты говорил с ним, Геспер, и скажи мне откровенно...

— Его избрали царем потому, что он глотает огонь, колет себя мечом и не видно крови, предсказывает будущее. Он сразу узнал Ахея, сказал, что ждал его... что боги послали его...

Фульвий расхохотался:

— Ну, если и ты веришь таким басням, то чего же нам ждать от темных, суеверных рабов? Ежели Эвн будет бездействовать и надеяться на богов и жрецов, а воины — на него, — дело рабов погибнет.

После нескольких дней путешествия они высадились в Тиндарисе. Флакк принял начальство над помятыми в боях легионами и приступил к пополнению их молодыми людьми из римского населения, к обучению их военному делу, укреплению дисциплины. Он сознательно оттягивал время наступления и вскоре же лично отправился на разведку с Геспером.

Глухой ночью, в одежде рабов, с оружием под плащами, они, направляясь на юг, выехали из римского лагеря. Ночь дышала запахом цветов и зреющих плодов, смешанным с вонью разлагающихся трупов и гарью пожарищ. Крупные звезды, казалось, роились на черном небе, а вокруг стояла, притаившись, темнота — тяжелая, как душный покров, прильнувший к лицу.

Фульвий приостановил свою лошадь: она храпела, взвиваясь на дыбы.

— Кто там? — крикнул он в темноту, но не получил ответа.

Геспер повторил вопрос господина по-сирийски.

Черная фигура поднялась с земли, схватила под уздцы лошадь вольноотпущенника.

— Кто вы?

— Друзья. Едем к царю...

— Откуда?

— Из Тиндариса.

— Бежали?

— Да.

— Что нового?

— Везем важные вести.

Беседа Геспера с рабом на непонятном для Флакка наречии затягивалась.

— Кончай, Геспер, время дорого!

— Да он не пропускает.

— Ах, он негодяй! — вскричал Фульвий и ударил лошадь плетью. — Вперед!

Они проскочили мимо оторопевшего раба и помчались, не обращая внимания на окрики дозорных, на свист стрел, жужжание камней. В конце концов пришлось остановиться: они наткнулись на сторожевой заслон и были в одно мгновение окружены толпой вооруженных рабов.

— Кто такие? — кричали воины, освещая их лица факелами. — Кто пропустил?

После долгих переговоров Флакк и Геспер, окруженные толпой рабов, отправились в лагерь Эвна.

Приближаясь к Тавромению, они были остановлены турмой¹ всадников: голос ее военачальника показался Гесперу знакомым, и вольноотпущенник крикнул:

— Или я ошибаюсь, или это Ахей!

— Кто меня назвал? Ты? — подъехал Ахей к Гесперу и, взглядевшись в него, воскликнул: — Друг! Как попал сюда? Кто с тобою?

Геспер объяснил. Ахей повернулся к Фульвию, приложив руку к сердцу.

— Друзья царя — наши друзья, — сказал он. — Ты принял начальство над легионами?

— Я не буду воевать с вами.

Геспер вскрикнул: он ожидал всего, но не этого. Решение патрона поразило его своей смелостью и неожиданностью, но Ахей недоверчиво усмехнулся:

— Тебе прикажут.

— Уже приказано, а я поехал к вам...

Ахей в глубоком раздумье ехал рядом с римским полководцем. Все молчали. У палатки Эвна Ахей очнулся, искоса взглянул на Флакка:

---

¹ Десятая часть конного полка, состоящая из 33 человек.

— Поговори с царем. Послушаем, что ты привез. Надеюсь, не мир?

— Будь спокоен.

Ахей спешился, приоткрыл полу палатки.

— Войдем. Царь вещает волю богов.

Фульвий, а за ним Геспер проникли в освещенный факелами шатер. Посредине стоял маленький человек, толстый, обрюзгший, с желтоватыми небритыми щеками, и что-то говорил, кудахча, как курица: кругом на дорогих коврах сидели военачальники. Флакк не понимал слов — сирийская речь производила на него впечатление бессвязного бормотания, и он, не слушая, всматривался в Эвна, вождя рабов. «И эти люди думают устоять против Рима, — думал он, удивляясь. — Они больше надеются на богов, чем на свои силы, и на жрецов, чем на мечи. А этот царь мне не нравится. Он или дурачит рабов, пользуясь их суеве-рием, или это — набожный прорицатель».

Когда вещание воли богов кончилось, Эвн, прищурившись, взглянул на Фульвия.

— Ты не раб, а римлянин! — крикнул он, подбегая к гостю. — К чему этот наряд? Кто ты?

— Я — римский полководец, назначенный сенатом подавить восстание рабов...

Не успел он кончить этих слов, как военачальники вскочили с ковров, и острые тяжелые мечи засверкали перед глазами Флакка. Полководец спокойно смотрел на искаженные злобой лица, слышал яростные возгласы: «Смерть ему! Распять на кресте!» — и ждал, когда уляжется шум. Флакк сбросил с себя дорожный плащ, и военачальники, вскрикнув, опустили оружие: на шее римлянина горела червонным пламенем золотая цепь царя рабов.

— Привет друг! — сказал Эвн, протягивая ему руки. — Это ты писал мне? Да, я узнал твоего слугу...

Он вглядывался помолодевшими глазами в Геспера, улыбался, о чем-то думая.

— Что скажешь, Критий? И ты, Ахей?

Эвн не дождался ответа: военачальники окружили гостей, жали им руки, позабыв совсем, что Фульвий при-

— К чему этот наряд? Кто ты?

ехал неспроста, и когда он обратился к Эвну, требуя созвать военный совет, все замолчали.

— Вождь! Я приехал напомнить тебе, что не время молиться богам, когда война с Римом не кончена. Что ты сделал за эти шесть лет? Завоевал Тринакрию? Да и то не всю! Изгони отовсюду римлян, пошли Ахея и Крития в Бруттию: пусть они высадутся в Региуме и Медме, пусть призывают рабов под твои победоносные знамена! Я писал тебе, а ты послушался моих советов? Нет, вождь, так нельзя! Я назначен воевать с вами, но я буду бездействовать, чтобы дать вам возможность укрепиться на острове, перекинуть восстание в Италию. Не медлите, друзья, пока не поздно. Помните, что римский сенат, узнав о моем бездействии, отзовет меня, а на мое место назначит такого полководца, который беспощадно расправится с вами...

— Что ты там болтаешь? — вскрикнул Критий. — Ты хитришь... ты соглядатай... И живым не уйдешь отсюда...

— Замолчи! — прервал его Ахей. — Это — друзья. Вот Геспер, он снял меня с креста. — И, повернувшись к Флакку: — Друг, — сказал он, — не гневайся за глупые слова Крития, он тебя не знает. Я слушал твою речь. Вижу, мы потеряли много времени...

Но Эвн, недовольный поддержкой, оказанной Ахеем римлянину, воскликнул:

— Будем слушаться богов! Они возвестили: «Через час рабы и плебеи будут владыками мира. Этот час — не ваш час земной, а небесный. Для людей он долог, как тысячелетия, но быстр для вечных небожителей. Рабы будут разбиты в боях много раз; но они победят...»

«А он не глуп», — подумал Фульвий, с любопытством поглядывая на Эвна, и сказал, как отрубил:

— Вождь, слова твои красивы, но для меня непонятны. Спроси богов, зачем они откладывают ваше владычество и не дают его вам теперь? Сколько людских жизней было бы сохранено, сколько городов, деревень и вилл не было бы разрушено!

Эвн растерялся, глаза его замигали; он не нашелся, что ответить. А Флакк долго говорил, призывая рабов к борьбе, и когда вышел из шатра, небо уже светлело.

— Подумайте над моими словами, — сказал он окружающим его рабам, — бейтесь храбро и побеждайте. А теперь дайте нам надежных проводников...

Он вскочил на коня, обернулся к Гесперу:

— Поторапливайся, друг! Колесница Феба сейчас появится на небе...

Ахей вызвался их проводить. Когда они уезжали, Эвн прокричал вслед:

— Я спрошу богов, что делать, и...

Фульвий не расслышал последних слов, заглушенных топотом лошадей.

Ахей нагнулся к нему.

— Мы победим или умрем, — сказал он, — мы будем бороться до конца...

Флакк задумался. Решив не предпринимать наступления, он видел, что рабы едва ли воспользуются дан-

ной им отсрочкой, и его возмущала слепая вера Эвна и военачальников, которые все надежды на победу возлагали на милость богов.

«Ахея бы на место Эвна, — сверкнула мысль, — дело пошло бы лучше. Да как это сделать? Борьба за власть в войске только ослабит рабов, и римляне легко справятся с ними. Нет, пусть все идет, как предопределено Фортуной, а я сдержу свое слово: ни одного боя, ни одной стычки я не приму от них».

Справа вздымалась к голубым небесам, ярко алея на солнце, снежная вершина Этны, похожая на остроконечный пилос авгура, ниже одевала гору белая тога снежных пустынь, еще ниже зеленым поясом дубов и пиний лежали леса, а у подножия и по склонам горы шумели хлеба, виноградники и оливковые посадки. Фульвий смотрел на Этну, не сводя глаз: жилище бога Вулкана представилось ему таинственным огнедышащим царством, в котором пылают сотни и тысячи горнов, и у каждого из них работают тяжелыми молотами кузнецы.

«Пустяки, — усмехнулся он, сдерживая лошадь, рвавшуюся вперед, — Демокрит давно уже осмеял эти басни, и я думаю, что ни один философ теперь этому не верит».

Глава XXI

«П. К. Сципион Эмилиан Африканский — Лаодике, дочери клиента Лизимаха.

Письмо твое обрадовало меня напоминанием о Риме, о людях, которые желают меня видеть. Боги свидетели, что перед отъездом я не простился с тобой и с твоей матерью вовсе не потому, что считаю вас, клиентов, ниже себя, патрона: спешные государственные дела заставили меня пренебречь вежливостью. Прошу тебя, не вини меня в этом. Я с удовольствием вспоминаю время, проведенное в вашем доме, твою игру на кифаре и пение. Ты знаешь, что я отправился воевать, поэтому, будучи занят, пишу мало и второпях.

Прощай».

Сципион прочитал эпистолу при свете смоляного факела, отложил к донесениям, которые горкой лежали на походном столике. Затем, вспомнив, что нужно еще ответить Семпронии, задумался: он не знал, о чем писать ей. О домашних делах? Это показалось мелочно и ненужно. Ответить на вопрос жены, находится ли он в связи с другой женщиной? Он улыбнулся и написал Семпронии теплое письмо, в котором уверял ее, что любовниц у него нет, что он целые дни проводит у осажденной крепости, и советовал ей предупредить Тиберия, что за незаконные действия против республики, за возбуждение плебса против власти, его ждет изгнание или смерть:

«Поэтому не лучше ли одуматься вовремя, нежели пытаться насильственным путем провести законы, от которых никому не будет пользы? Надел деревенского плебса излишками земель, отнятыми у оптиматов, породит борьбу, а борьба — ослабит государство, вызовет нападение иноземных врагов Рима, и если даже хлебопашец получит землю, то недолго будет владеть ею: ход исторических событий остановить невозможно».

Он развернул свиток папируса, присланный Полибием из Рима, и углубился в чтение. Это была книга знаменитого астронома Гиппарха Никейского, его современника, «Рассуждение о географии Эратосфена». Перелистав несколько страниц, он стал читать о блуждающих звездах, о солнце и луне: Гиппарх определил места этих звезд на небесном своде, пространно говорил о величине солнца и луны, вычислил расстояние от земли до солнца и луны.

Вошли Луцилий и Максим Эмилиан. Пламя факела лизнуло кожу палатки, покрыв ее налетом копоти.

Максим, брат Сципиона, человек крепкого телосложения, муж консулярный, отличившийся на войне с Вириафом, был опытный военачальник. Он вызвался сопровождать Сципиона в Испанию, в надежде помочь ему своими советами по ведению войны.

— Зверь обнаружен между лесом и рекой, в двадцати стадиях отсюда, — сказал Луцилий. — Я приказал стеречь его до рассвета. Поедешь?

Сципион Эмилиан был страстный охотник. После разрушения Карфагена он охотился на африканских львов и даже вступил в единоборство с разъяренной самкой, детеныши которой были умерщвлены его друзьями... Лвица прыгнула на него с бугра, он бросился в сторону (это спасло его), повернулся и ударил ее копьем в глаз. Заревев от боли, животное опять прыгнуло на Сципиона, но он так же ловко, как прежде, поразил ее во второй глаз. Полагая, что с ослепленным зверем он теперь легко справится, Сципион пренебрег осторожностью и чуть было не погиб: лвица нюхом чужая охотника и, лишь только он приблизился к ней, бросилась на него, ударила лапой по голове. Шлем, звякнув, зарылся в песок, и Сципион упал, почувствовав на себе тяжесть зверя. Но он не растерялся и, выхватив длинный охотничий нож, глубоко вонзил его лвице в сердце.

Воспоминание о единоборстве промелькнуло смутным далеким видением. Тогда он был моложе, сильнее. А теперь? Справится ли он с хищником, не станет ли его жертвой?

— О каком звере ты говоришь? В этой стране, кроме медведей, диких зверей не водится...

— Ты ошибаешься, Публий, — сказал Максим Эмилиан, — нами обнаружен огромный вепрь...

Лицо Сципиона, как огнем, осветилось радостью.

— Вепрь! — вскричал он, выскочив на середину палатки. — Едем, едем!

— Что ты? На рассвете выедем, — уговаривал его осторожный Луцилий. — Какая охота ночью? В темноте легко сбиться с дороги или наткнуться на зверя...

— Нет, нет, — нетерпеливо перебил Сципион. — Пока подготовим оружие — пройдет больше часа...

Однако они выехали раньше, чем предполагал полководец.

Черная ночь окутывала поля Испании. Впереди шумел Дурий, и речная прохлада заползала под плащи всадников, заставляя их ежиться от сырости. Из темноты доносился густой шорох леса, скрип деревьев, вздохи ветра, проникавшего в дупло. Со стороны реки долетело одинокое ржание лошади и затихло.

— Приехали? — шепотом спросил Сципион.

— Нет, — ответил проводник, рослый, светловолосый ваккей из деревни, изъявившей покорность римлянам со времени прибытия в Испанию консула Гостилия Манцина. — Это, должно быть, неприятельский дозор.

Сципион нащупал меч на левом боку.

— Ошибся, ваккей, — прервал его Луцилий. — Местность осмотрена, следов противника нет...

Дорога тянулась берегом Дурия. С реки слышались голоса, хлюпанье весел. Охотничьи собаки повизгивали, удерживаемые ваккеем.

— Нумантийцы? — спросил Сципион.

— Нет, местные купцы, — хмуро ответил ваккей.

— А может, нумантийцы, переодетые купцами?

Ваккей не ответил. Он не хотел говорить и, хотя считался “мирным варваром”, не мог привыкнуть к потере свободы и искренно ненавидел римлян, опустошивших родину.

Вдруг лошади шарахнулись, захрапели. В темноте зазвенело оружие.

— Кто идет?

— Это ты, Муций? — спросил Луцилий.

— Я, господин!

— Сколько вас?

— Трое.

— Зверь?

— Стережем. Спит, наверно. А может и ушел...

— Как ушел?

— Темно, ничего не видно... Тс-с... голоса...

В наступившей тишине слышно было, как все громче и громче шуршал и ломался камыш: чувствовалось, как большое неуклюжее тело пробирается, не взирая на препятствия, торопится, лишь бы поскорее выбраться на свободное место.

— Факелы есть? — спросил Сципион, не слезая с лошади.

— Что ты хочешь делать? — обеспокоился Луцилий.

— Охотиться.

— Зверь испугается огня и уйдет, — сказал ваккей, прислушиваясь к шорохам, доносившимся от реки. — Нужно молчать, не шевелиться.

Решено было ждать. Всадники спешили, отвели лошадей в ложбинку.

Рассвет медленно крался, как осторожный соглядатай. Звезды меркли, пропадали; небо постепенно светлело. «Скоро появится розоперстая Эос, — подумал Сципион, — и начнется веселая забава. И если Артемиды будет милостива к нам, мы одолеем вепря».

Когда совсем рассвело, Сципион вскочил на Эфиопа, вороного нумидийского коня, затрубил в рог. Лаконские полудикие собаки, подарок Люция Муммия, приобретшего их в Греции, были спущены с цепей; заметались на месте, обнюхивая землю, и стремительно бросились к реке, часто останавливаясь и повизгивая. Всадники рассыпались вдоль берега, охватывая камыш. Неподалеку взметнулся лай собак, приблизился, и крупный мохнатый вепрь, с маленькими блестящими глазками и большими клыками, неуклюже выскочил из камыша. Он был испуган присутствием людей, раздражен собаками, которые, наседая, кусали его за ноги, и пытался прорваться в лес, сквозь цепь людей. Но охотники держали наготове луки: сразу несколько стрел вонзились в спину зверя.

Вепрь остановился, оглядел людей налитыми кровью глазами, точно обдумывая, что делать, и вдруг побежал, отбиваясь от преследующих собак, прямо на Луцилия. Луцилий пустил стрелу (она застряла в груди животного), выхватил второпях меч вместо ножа. Собаки беспокоили вепря, не давая ему бежать. Из его искусанных ног капала кровь, он тяжело дышал, со свистящим хрипом, и оглядывал всадников злыми сторожими глазами. Мимоходом он распорол брюхо одной собаке, растоптал другую, и не успел Луцилий повернуть лошадь, чтобы избежать встречи с разъяренным зверем, как вепрь напал на него. Он полоснул клыком по ноге его с такой силой, что Луцилий свалился с лошади: нога от колена до щиколотки была распорота, и кровь залила одежду всадника.

Однако вепрь не бросился на Луцилия, как ожидал этого Сципион. Он оглядел людей и собак и, осыпaeмый стрелами, застревавшими в спине и крупе, испытывая при движениях боль, побежал мелкой рысцой к лесу. Он казался огромным ежом с неизмеримо большими колючками торчащих стрел, и темно-алая кровь падала густыми каплями на землю.

— Э-гэ, э-гэ! — закричал Сципион и затрубил в рог.

Он позабыл на мгновение о раненом друге, о людях, которые перевязывали Луцилия, о войсках под Нуманцией, о Лаодике, — он видел перед собой вепря — ослепленное яростью животное, которое истекало кровью, и помчался за ним, нанося Эфиопу такие удары, что кожаный бич окрасился кровью. Конь взвизгивал на дыбы, неожиданно шарахался, пытаясь сбросить всадника, но Сципион был искусный наездник и казался одним целым с горячим животным.

Вепрь бежал впереди, выбирая непроходимые места. Он исчезал между кустов, появлялся на мгновение, бросался в каменистые ущелья, скрывался в густой тени нависших ветвей, но собаки находили его всюду и выгоняли с оглушительным лаем. Эфиоп перепрыгнул через звенящий ручей, остановился. Зверь находился на песчаной отмели, в том месте, где река делает излучину, принимая в себя быстрый бурлящий приток. Сципион пустил еще одну стрелу, целя животному в глаз, но промахнулся и попал в ноздрю. Вепрь заревел, яростно потряс головой. Он прыгал на одном месте, точно танцуя, не то от невыносимой боли, не то стараясь освободиться от стрелы. Ослепленный яростью, он уже не думал о спасении, он жаждал мести. Увидев Сципиона, который, спешившись, науськивал на него собак, зверь заревел жалобно-дико: предсмертное бешенство слышалось охотнику в этом вопле.

Сципион любил опасность: она закаляла дух, как он утверждал, придавала руке твердость, глазу — меткость, сердцу — холодную решимость. И теперь, ожидая нападения, он спокойно следил за каждым движением окровавленной морды и поспешных ног, а в голове назойливо сверлило: «Не таков ли был Эриманфский вепрь, которого победил Геркулес?»

Он видел перед собой лишь израиельского вепря.

Сципион сделал шаг, другой навстречу зверю. Держа наготове охотничий нож, он нащупывал метким глазом под левой ногой животного сердце и думал: «Лишь бы рука не дрогнула!»

Человек и зверь сошлись одновременно. Человек науськивал собак, а зверь отбивался от них; собаки, почуяв горячую кровь, вцепились вепрю зубами в бока, повисли на нем, терзая израненное тело. Вепрь ревел, отбиваясь. Сципион бросился в сторону, ударил его ножом в сердце. Зверь рванулся, захлебнувшись ревом, бешеным прыжком кинулся охотнику на грудь, повалил его. Что-то теплое, густое залило лицо, глаза, шею, руки Сципиона и тяжелое, как бревно, придавило его к земле. Ничего не видя, смутно чувствуя опасность, он с трудом освободил руку, выхватил кинжал (охотничий нож так и остался в ране) и принялся наносить удары один за другим, все быстрее и быстрее. Вепрь не шевелился.

Освободившись от отяжелевшего зверя, Сципион протер глаза и медленно пошел к реке.

Дурий шумел, как отдаленная битва, точно приветствуя победоносного вождя. Иногда слышался всплеск, похожий на вскрик, за ним — рев, словно военный клич, гул, как плач множества мужей, грохот, напоминающий падение тяжелых глыб или удары тарана о каменную стену.

Сципион разделся, бросился в реку, поплыл; холодная вода придала бодрость телу. Смыв с себя кровь, он вернулся к убитому зверю.

Собаки слизывали с вепря кровь, огрызаясь друг на дружку. Увидев хозяина, они ворча отошли и сели, поглядывая на вкусное мясо и часто облизываясь. Сципион отсек вепрю передние ноги и бросил собакам.

Между тем в отдалении загредел рог. Сципион ответил и стал дожидаться охотников. Сидя на песке, он думал о Лаодике, легкая улыбка блуждала по его губам.

Вскоре приехали остальные охотники. Приказав отправить добычу в лагерь, Сципион вскочил на коня.

Подъезжая к лагерю, полководец увидел у своей палатки Мария, который стоял, мрачно поглядывая на приближавшихся охотников.

— Что скажешь? — крикнул Сципион, обеспокоенный суровым взглядом Мария.

— Должен говорить с тобой.

— Важное дело?

Марий кивнул и, пропустив вождя вперед, вошел вслед за ним в палатку.

— Ну, говори.

Марий молча смотрел на Эмилиана, и брови его шевелились. Потом он близко подошел к нему, шепнул:

— Вождь, твой клиент — изменник!

— Кто? Лизимах? — побагровел Сципион.

— Я выследил его, — продолжал Марий. — Он подбивает Гостилия Манцина начать борьбу с Римом и послал ему в Луцию эпистола:

«Объедини покоренные племена Иберии, уговори Югурту ударить в тыл Сципиону, освободи Нуманцию. А для покупки оружия я не пожалею золота. Мы условились с Ретогеном, что в награду за это я получу серебряные рудники Ганнибала».

Лицо полководца подергивалось.

— Эпистола? — прохрипел он, едва сдерживаясь.

— Вот она, — протянул Марий навощенную дощечку, — я отнял ее у раба, которого убил... Но и это, вождь, не все... Посылая раба в Луцию, Лизимах принес жертву Эриниям и поклялся в ненависти к Риму...

— Довольно! — прервал Эмилиан, пробегая глазами письмо. — Слушай, никому — ни слова! Я сам расправляюсь с изменником.

Когда Марий вышел, Сципион в отчаянии сжал руки с такой силой, что пальцы хрустнули.

— Что делать? — прошептал он. — Всюду враги, повсюду измена... А он, Лизимах... так низок! О, боги! Как подл человек!

Лицо его было бледно, в глазах светилась твердая решимость.

Глава XXII

Дни и ночи народ шел в Рим. По всем дорогам тянулись сотни земледельцев с нищенским скарбом за спиной; старики, с посохами в руках, тащились, часто отдыхая; отцы семейств, бородатые хлебопашцы, толкали перед собой тележки, на которых, кроме домашней утвари, сидели дети в прикрепленных корзинках; старухи, женщины, пожилые и молодые, девушки и девочки, понуриив головы, шли молча, громко постукивая по каменным плитам деревянными башмаками. Ругань, проклятия, плач сливались в нестройные звуки, возбуждая жалость. Но стоило только проехать магистрату, как шум утихал, и народ приветствовал должностное лицо, точно от него зависело дать этим людям пристанище, работу и пищу.

Тиберий стоял у Капуанских ворот, поглядывая на широкую Аппиеву дорогу, вымощенную ровными широкими плитами. Запруженная толпами народа, множеством повозок, оживленная говором, плачем детей, криками матерей, бранью мужчин, она являла печальное зрелище. Толпа теснилась, проникала через Капуанские ворота за стену Сервия Туллия, растекалась во все стороны. Она нащупывала места у Авентинского и Целийского холмов, подбиралась к лагерю чужестранцев, к портикам и публичным купальням, перекидывалась через форум на Эсквилин, Виминал, Квиринал...

Рим наводнялся голодной толпой...

«Они схлынут так же быстро, как нахлынули, лишь только получат земли, — подумал Гракх, рассеянно поглядывая по сторонам, — но кто виноват, что земледельцы бегут из деревень?»

Движением руки остановил толпы людей, крикнул: — Слушайте, слушайте! Я — народный трибун отниму земли у патрициев и отдам их вам! Я восстановлю ваше хозяйство! Сегодня я проведу аграрный закон. Пусть все свободнорожденные поддержат меня в трибутных комициях!..

Толпа молчала. И вдруг от задних рядов стал нарастать шум, похожий на разбушевавшееся море, — все

ближе и ближе — охватывая Аппиеву дорогу нестройными голосами, громкими восклицаниями, и, прорвавшись, бросился на Капуанские ворота, ударил в них:

— Земли, земли!

— Слава народному трибуну!

— Да помогут тебе боги!

Тиберий, не слушая криков, пошел к Марсову полю. За ним повалили толпы народа; улицы были запружены — ни пройти, ни проехать.

Гракх шел и думал об Октавии — друге, который внезапно стал врагом. А давно ли они собирались вместе, проводя время в беседах о тяжелом положении обездоленных земледельцев? Давно ли Октавий порицал Лелия и Сципиона, резко осуждая обоих за бездействие? А ныне сам выступил против закона! Если бы не он, все прошло бы глаже. Вчерашнее голосование было сорвано: патриции похитили урны. Узнав об этом, сторонники Тиберия хотели прибегнуть к насилью... сенат, большинство членов которого состояло из богачей, не хотел уступить плебеям... Октавий продолжал стоять на своем: он был против закона. Напрасно Гракх просил его в присутствии граждан не идти против народа, Октавий был непреклонен. Тогда Тиберий решил сместить Октавия с его должности, чтобы проголосовать свое предложение: «Ты вынуждаешь меня, Октавий, на этот шаг, — сказал он, — ты сознательно губишь государство, плебеев... Ты — не друг, а враг римского народа! Невозможно, чтобы два человека, с равной властью, поставленные в высокое положение и несогласные по важным вопросам, оставались все время без борьбы. Один из нас должен отказаться от должности; пусть граждане проголосуют, и если я буду им негоден, то немедленно сложу с себя трибунат, возвращусь к частной жизни». — «Мы за тебя, Гракх! — закричали плебеи.

«Хорошо, Октавий, — подумал Тиберий, — я подвергну тебя голосованию, и если ты не одумаешься и не изменишь своего мнения — пеняй на себя».

Он распустил собрание до сегодняшнего дня, и этот день должен решить, на чьей стороне будет победа.

Издали он увидел Октавия, окруженного оптиматами, и задрожал от гнева. Он предчувствовал, что Октавий не образумится, и не ошибся: на горячие убеждения Гракха он отвечал презрительным молчанием.

Бледнея, Тиберий обратился к толпе.

— Квириты, — сказал он, — как бы вы поступили с народным трибуном, который насущные нужды плебса приносит в жертву богачам? который, будучи подговорен или подкуплен оптиматами, мешает мне провести закон, облегчающий положение земледельцев? Этот вредный трибун — Марк Октавий, и я требую отнять у него трибунат. Вчера, квириты, я предлагал вам выбирать между мной и им: вы упросили меня остаться... Пусть же трибы приступают к голосованию!

Поглядывая на растерявшегося Октавия, Гракх следил за раздраженным плебсом. Когда семнадцать триб подали свои голоса, и решение зависело только от одной трибы, Тиберий велел приостановить голосование. Обнимая Октавия, он еще раз просил и умолял его:

— Что ты делаешь? Неужели правдивы все те слухи, которые носят по городу? А если нет, то зачем ты жертвуешь с таким равнодушием своей честью и принуждаешь меня взять на себя вину в проведении насильственной и суровой политической меры?

Октавий побледнел: глаза его наполнились слезами, а губы дрожали так сильно, что он не мог вымолвить ни слова. Он колебался, не зная, на что решиться, но, взглянув на окружавших его богатых и влиятельных землевладельцев, устыдился своей слабости.

— Пусть он делает, что хочет! — воскликнул он и отвернулся от Гракха.

Тотчас же трибы приступили опять к голосованию, и когда большинство высказалось против Октавия, Тиберий приказал силой стащить низложенного трибуна с ораторских подмостков.

Народ забушевал. Бешеные крики оглушили Октавия. Растерянный, уничтоженный, он стоял на подмостках, упираясь, вырываясь из рук вольноотпущенников, видел Гракха, его друзей, слышал неистовые крики.

— Бей его, бей! — редела толпа, надвигаясь.

Впереди были кузнецы, с Титом во главе; они старались окружить Октавия, чтобы расправиться с ним за все зло, которое он хотел причинить плебсу, выступая в союзе с патрициями против него. Уже их руки готовы были схватить Октавия, бросить, быть может, на землю, но в это время между кузнецами и свергнутым трибуном появились магистраты.

— Прочь! — крикнули они, отталкивая кузнецов, но те, не взирая на тоги с пурпурной каймой, продолжали напирать, а старый Тит размахнулся и ударил кулаком по лицу раба, который загораживал Октавия, своего господина. Раб завопил, схватился за голову: глаз у него был выбит.

— Так тебе и нужно! — с внезапной злобой сказал добродушный Тит. — Не защищай побитого пса.

И он бросился к Октавию.

Однако оптиматы решили спасти своего сообщника, и Тит, несмотря на помощь друзей, принужден был отступить. В это время возглас Тиберия донесся до него, этот возглас поразил Тита, и он подумал: «Трибун крикнул: “Не проливайте крови!” А чьей крови? Оптиматов? Да их кровь — наша собственность, — чем они ее обновляли? Нашим потом, нашей кровью. “Не проливайте крови!” Ха-ха-ха! А если мы желаем ее пролить? Кто нам помешает?»

Мысль оборвалась. Говорил Гракх, стоя на ораторских подмостках:

— Квириты, вашей волей земельный закон принят, и мы должны избрать трех мужей для расследования и распределения участков... Называйте, кого хотите!

— Тиберия Гракха! — крикнул Блоссий.

— Гая Гракха! — подхватил Диофан.

— Аппия Клавдия! — предложил Папирий Карбон и слушал с удовольствием, как многочисленные сторонники Гракха громко повторяли эти имена, заглушая протестующие возгласы оптиматов.

Однако и другие возгласы прорывались; сам Тиберий слышал их — они назойливо заползали в уши, вызывая в нем беспокойство:

— Гая Гракха нет в Риме!

— Он под Нуманцией!

- Три избранных мужа — родня: братья и тесть!
- Переизбрать! Переизбрать!
- Это тирания!..

Тиберий вздрогнул, растерянно оглядел толпы плебса и кучку оптиматов; на мгновение ему пришло в голову отказаться от трибуната, но друзья и сторонники закричали почти хором:

- Хотим этих мужей! Да здравствуют триумвиры!

Плебс расходился, с жаром обсуждая события этого дня. Кто-то порицал Гракха за превышение власти (смещение народного трибуна представлялось неслыханной дерзостью, страшным преступлением, нарушением древних законов и, как утверждали иные, “оскорблением богов, охраняющих государство и его законы”), а кто-то восхвалял его за проявленную твердость и говорил:

- Если б он уступил Октавию — хлебопашцы не увидели б земли.

А третьи громогласно заявляли, что Октавия следовало растерзать и труп бросить в Тибр. В числе этих людей были кузнецы, портной Маний и еще несколько человек.

- Кто такой Октавий? — кричал Тит, не обращая внимания на оптиматов. — Это — раб, сторожевая собака патрициев. Будь у меня с собой молот, я бы разбил, как горшок, его пустую голову!

- А я, так и быть, заплатил бы за разбитый горшок его семье! — подхватил Маний.

Тиберий больше не слушал. Давнишняя мечта о создании государственных имений, во главе которых стояли бы магистраты, сдающие их деревенскому плебсу в аренду за низкую плату, казалась осуществимой; но куда девать излишки хлеба, вина, оливкового масла, мяса, сыра, шерсти, плодов и овощей? Сможет ли государство расширить свою торговлю, сумеет ли распределять на греческих, африканских, испанских и малоазиатских рынках предметы вывоза, обменивать их на необходимые предметы ввоза?

Он вспомнил о римских купцах-публиканах и покачал головой. Создание государственных имений грозило смертельной борьбой с всадничеством, и он отказался от этой мысли, как неосуществимой.

Ежедневно он совещался с Аппием Клавдием, Блосием, Диофаном и несколькими друзьями, как отобрать в казну земельные участки и наделить ими общинами пахарей. Мать его принимала живое участие в этих беседах: она гордилась сыном, он заседал уже в сенате и хотя не пользовался тем весом, на который она рассчитывала (“далеко еще до царского венца!”), потому что оптиматы забрасывали его грязью, а Сципион Назика вел против него борьбу, она все же надеялась, что Тиберий со временем добьется первенства.

На совещаниях намечались отчуждения полей по областям: оптиматы должны были дать сведения о количестве имеющейся у них земли с указанием местности, чтобы легче приступить к ассигнациям¹, но богачи медлили, и Гракх пригрозил, что составит опись путем опроса, ее засвидетельствуют местные магистраты, и она будет считаться действительной. Патриции испугались лишиться большего количества земли, чем было узаконено, и дали требуемые сведения. Триумвиры (Гая временно заменяла Корнелия) объявили народу, что приступают к ассигнациям, и предложили земледельцам отправиться по своим трибам.

Народ стал волноваться. Оптиматы распустили слухи, что лучшие земли распределяются среди клиентов и вольноотпущенников триумвиров, и в большем количестве, чем обусловлено законом, а плебсу достанутся неплодородные участки. Тиберий принужден был выступать несколько раз и на форуме и на Марсовом поле, чтобы успокоить плебеев.

Волнения усилились, когда умер лучший друг Гракха Муций Фульвий, племянник Флакка. Это был молодой, здоровый, жизнерадостный человек. Узнав о его смерти, Тиберий растерялся: накануне еще Муций был у него в гостях, пел, читал стихи, а сегодня лежит бездыханный, с искаженным лицом. Когда Гракх, прибежав в дом друга, увидел его посиневший труп, покрытый темными, зловещими пятнами, он заговорил об отравлении. Собрались друзья, стал стекаться народ. Улицы гремели криками:

---

¹ Отведение, распределение земель.

— Злодеи, отравители!

— В Тибр их! На костер, вместе с покойником!..

На костре труп не горел: истекая кровью, он тушил огонь, и стоило величайших усилий, чтобы пламя охватило его.

В этот день Тиберий появился на форуме в траурной одежде, ведя за собой своего сына и детей рабов.

— Квириты, — обратился он к гражданам, — вы видели, что делается? Оптиматы вознамерились уничтожить друзей народа. Одного уже отравили... теперь очередь за другими... Может быть, за мной, за женой, за детьми, которых вы видите и которые не могут еще защититься! Злодеи посягают на мою жизнь, чтобы земледельцы не получили участков... Слышите, квириты?

Толпа ответила ревом:

— Не бойся, защитим!

— Разгромим сенат! Перебьем патрициев!

— Растерзаем отравителей!

— Будем тебя охранять!

Наступила тишина. На рострах появился Папирий Карбон. Он собирался произнести речь против оптиматов, но в это время послышался громкий, зловещий крик:

— Горе Риму, горе Риму, горе Риму!

На ступенях Капитолия стоял человек в черном. Схватившись за голову, он вопил и дико хохотал, глядя на толпу, которая собиралась вот-вот броситься бежать в суеверном ужасе.

— Кто это? — спросил Гракх, щуря глаза.

— Это юродивый, — спокойно ответил Карбон. — Он помешал мне произнести речь.

Глава XXIII

Марция, жена Сципиона Назики и старшая сестра Корнелии, матери Гракхов, в этот день очень устала: муж принимал вечером друзей, единомышленников —

всю ту родовую аристократию, которая стояла во главе государства и была резко враждебна Тиберию. Марция знала, что главной целью Назики было не желание повидать сенаторов, с которыми он и так часто встречался, а обсуждение с ними, крупными землевладельцами, тревожного положения в Риме.

Марция, уже увядшая женщина, чересчур маленькая, в противоположность мужу-великану, была подвижна, весела и деятельна. Она умела досмотреть за всем в доме, и хозяйство у нее стояло на образцовой высоте: рабыни получали урок с вечера, и матрона принимала выполненную работу после обеда. Но в этот день все перевернулось вверх дном. Уроки были отложены, а невольницы, даже ткачихи и комнатные девушки, отправлены на кухню: считая себя лучшей хозяйкой в Риме, Марция хотела принять гостей хорошо. К вечеру были вымыты комнаты, ларарий украшен зелеными ветвями, а статуи — полевыми цветами. На столах появилась глиняная посуда и ковриги с хлебом. Сципион Назика считал себя римлянином старого времени, любил древность и простоту, слыл врагом роскоши.

Он обошел атриум, таблиниум, перистиль и остался доволен. Везде был порядок, все блестело, как в праздничные дни. На треножнике стояла огромная статуя дискобола. Согнувшись, он занес правую руку с диском, а левой как бы прикрывает правое колено — мышцы напряжены, правая нога твердо стоит на земле, а левая почти оторвалась от нее, едва прикасается пальцами: вот-вот метнет дискобол свой диск. Но чудеснее всего была приобретенная в Афинах группа нагих Харит, богинь прелести и красоты: три стройные девственницы обнимали друг дружку; лица их лучились ласковым смехом. Имена их: Аглая — блеск, Талия — цветущее счастье и Эвфрозина — веселье, олицетворяли радость. Аглая держала в руке лилию, символ лета, Талия — миртовую ветвь, символ любви, а Эвфрозина — розу, символ красоты. Сципион Назика любил этих Харит и, когда бывал в мрачном настроении, приходил посидеть возле них. Глядя на их весе-

Сципион Назика.

лые лица и божественные формы, он чувствовал, как грусть, тоска, злоба, бешенство рассеивались. Марция тоже любила Харит; она, по греческому обычаю, приносила им ежедневно цветы и пела гимны Гесиода.

Хотя убранство дома было простое, но хозяин слыл богачом (во всем чувствовался утонченный вкус); его вилла близ Брундизия славилась неслыханной роскошью, только доступ в нее был запрещен всем, кроме двух-трех близких друзей, и Назика называл ее “музеем”,

“уголком отдохновения от жизненных тревог”. Однако в Риме утверждали, что суровый римлянин отдавал в этом “уголке” дань своему времени: восточные оргии продолжались по-нескольку дней кряду, и нагие выхоленные рабыни прислуживали могущественному оптимату и его друзьям.

Впрочем, и Марция бывала в этой вилле. Она наезжала внезапно, точно хотела захватить мужа на месте преступления, но никогда не заставала в вилле рабынь, не слышала, украдкой пробираясь к дому, пьяных криков, песен. Вилла оставалась “музеем”, “уголком отдохновения от жизненных тревог”.

Оптиматы собирались не торопясь. Сначала пришел Тит Анний Луск, маленький, лысый, желчный человек, едкий спорщик; за ним Квинт Элий Туберон, племянник Сципиона Эмилиана; Квинт Метелл Македонский, крепкий старик; Марк Эмилий Скавр; потом Люций Кальпурний Пизон, Марк Октавий, Квинт Помпей, Публий Попилий Ленат, Публий Рутилий и еще несколько человек. Это были смертельные враги Тиберия, посягнувшего на их земли, люди твердые, упрямые, готовые на самую отчаянную борьбу, а может быть, и на преступление, чтобы только вернуть

себе прежнее неограниченное положение олигархов; они знали, зачем пригласил их Назика.

Рабыни поставили на стол дымящуюся поленту — соленую кашу из жженого и молотого ячменя, капусту, латук, чеснок и грибы; затем была подана жареная баранина, свинина, гуси и отдельно гусиная печень — самое лакомое блюдо.

Когда гости насытились, Сципион Назика принес жертву ларам и возвратился на свое место.

Пироги, начиненные яблоками, грушами, финиками и фигами, залитые медом, украшенные виноградом, были встречены восклицаниями.

— Прежде чем начнем пировать, — захохотал басом Назика, — побеседуем о делах государства. Я собрал вас, дорогие гости, главным образом для этого. Благо государства — превыше всего, превыше жизни и личного благосостояния граждан.

— Ты прав, — слышались разрозненные голоса.

Рабы между тем вносили амфоры, и симпосиарх определял состав смеси вина. Он должен был руководить пирушкой, песнями, здравицами и ожидал, когда кончится беседа. Это был старый клиент, проживший в доме Назики более пятидесяти лет; он верно служил Сципиону Назике Коркулу и вынуждал его сына Публия.

— Положение в городе тревожное, — начал Назика, откашлявшись, — Гракх занимает странное положение: он опирается на полчища земледельцев, на плебс и вмещивается, чувствуя на своей стороне силу, в дела сената. Так, отцы, продолжаться не может!

— Что же ты предлагаешь? — ехидно усмехнулся Тит Анний Луск.

— Я хочу послушать твоего совета.

Тит Анний Луск хрипло засмеялся:

— Войско у нас есть? Есть. Конница? Тоже есть. Что же тут обдумывать?

Все молчали.

— Подожди, — нахмурился Назика, вспомнив о своем родстве с Тиберием. — О войсках мы не забыли, но и ты не забудь, что усмирять народ войсками (а плебс непременно станет на сторону Гракха) — значит начать гражданскую войну...

— Ты трусишь!

— Нет, я учитываю общее положение Рима. Мы воюем в Испании и в Тринакрии, союзники и рабы Италии и провинций ожидают лишь случая, чтобы восстать, а ты предлагаешь... гражданскую войну...

— Что же делать? — прошептал Марк Октавий: смещение с должности народного трибуна сильно подействовало на него. Он пал духом и целые дни проводил дома, всеми забытый, и только один Сципион Назика вспомнил о нем и позвал на пирушку.

Используя Октавия для своих целей, оптиматы забыли о нем, как о ненужной вещи, и Октавий понял всю глупость своего положения. Он потерял дружбу такого человека, как Тиберий, потерял землю, вопреки лживым уверениям богачей, что сенат заставит Гракха подчиниться их воле, и потерял, наконец, трибунат. Теперь он не может показаться на улице. Плебеи показывают на него пальцами: «Враг народа, цепной пес сената!» А патриции избегают его, опасаясь, что он будет просить у них милостей.

Он прислушался к оживленной беседе. Квинт Метелл Македонский говорил:

— Этот человек опасен. Он честолюбив, опирается на плебс, обещает ему всякие блага. Он хочет облегчить положение народа и ослабить могущество сената, он мечтает расширить обжалование решений обыкновенных судов в народные, обещает плебеям сократить срок военной службы. Он заискивает перед сбродом. По ночам можно видеть, как он, в сопровождении самых бедных, оборванных и нахальных граждан, направляется в трущобы города; у него на попойках бывают только дерзкие, грубые плебеи. И это сын любимого и уважаемого Семпрония Гракха, человека строгого и честного, которого многие из нас хорошо помнят!

— Да, да, — хрипло закричал, как петух, Тит Анний Луск, — но это не так важно.

— Как не важно? — зашумели гости.

Луск, не слушая их, продолжал:

— Важнее всего то, что Тиберий оскорбил неприкосновенную личность народного трибуна, попрали дедовские устои, подпав под влияние своей матери и стоиков...

— Позволь, — прервал его Назика, — ты повторяешь только слухи...

— Нет, не слухи! Корнелия и стойки сопровождали его на форум.

— Ну и что ж?

— Как что ж? Если сопровождали, значит, поддерживают. И я повторяю, бунт нужно подавить железом, разогнать плебс, Гракха с единомышленниками...

— Ты прав, — согласился Назика, — но это нужно обдумать, чтоб избежать гражданской войны...

— Да ее и не будет! — продолжал спорить Тит Анний Луск. — Кто будет воевать? Ремесленники, земледельцы, булочники, блудницы? Ха-ха-ха!.. Заметь при этом, что работа триумвиров не подвинулась ни на один шаг: Тиберий как трибун не имеет права выехать из города, его брат Гай находится под Нуманцией, а Корнелия с Аппием Клавдием не знают, что делать. Триумвиры не подумали, как трудно установить, принадлежит ли участок к государственной собственности или нет, какие его границы; поэтому размежевывать сомнительные земли невозможно. Этот закон Гракха волнует союзников: они не хотят отдавать свои земли римлянам без вознаграждения, и они правы, но мы, государственная власть, должны помнить, что это грозит республике волнениями.

— Мы подумаем, что делать, — сказал Назика.

Когда выступил Квинт Помпей, наступило молчание: все знали, что он скажет главное.

— Спать, благородные мужи, сейчас преступно, — заговорил он, — а еще преступнее вести пустые разговоры, после которых люди расходятся по домам, а наутро забывают, о чем шла речь. Всем известно, что на днях приехал в Рим посол пергамского царя Эвдем.

— Бедный царек! — засмеялся Публий Попилий Ленат. — Мы его чересчур прижимали, и он умер.

— Человечество мало потеряло, лишившись такого сумасброда, — поддержал его Марк Эмилий Скавр. — Одним со своим садовником, скульптором и литейщиком стало на свете меньше — и только...

— Но вы забываете, благородные мужи, — продолжал Квинт Помпей, — что Аттал завещал свое царство

римскому народу. Не умея сам управлять государством и не заботясь о своих подданных, он, очевидно, решил, что только один Рим сумеет владычествовать на этих землях, и потому отправил к нам Эвдема... Тиберий хитер: он увиделся с послом, узнал о завещании и, воспользовавшись царским подарком, внес предложение... Оно вам известно: употребить все царские сокровища на пользу граждан, получающих наделы, чтобы земледельцы обзавелись сельскими орудиями, улучшили свое хозяйство, а из денежных излишков образовать запасные суммы на случай бедствий. Далее Гракх объявил, что вопрос о городах Пергамского царства подлежит обсуждению народа, а не сената.

— Зачем ты это все нам говоришь? — прервал его Квинт Метелл Македонский. — Напоминать об оскорблении — значит, оскорблять вдвойне...

— Да, Тиберий оскорбил сенат... Но на нем тяготеет большая вина, благородные мужи! Он принял от Эвдема, как будущий царь Рима, пурпурную мантию и диадему царя Аттала Филометра...

Вскрикнув, оптиматы вскочили: они растерянно переглядывались, точно лишились языка.

— Не может быть! Откуда ты это знаешь, благородный Квинт Помпей?

— Слушайте. Эвдем показался мне подозрительным с того времени, как стал видеться с Гракхом. И я велел следить за ним...

— Хорошо сделал! — крикнул Тит Анний Луск.

— Пришлось подкупить вольноотпущенника Корнелии, и ему удалось узнать, что Эвдем предлагал Тиберию золото Аттала. Царский посол говорил так: «Когда ты будешь царем Рима и Пергама, я покажу тебе записи Аттала о своей стране, к которой Рим присоединился, как паук к мухе». Это — слова Эвдема. О домогательствах Гракха все известно. Разве он не господин Рима? И Лелий Мудрый сказал мне вчера, что он уже записал в своей истории: «*Tiberius Craccus regnum occupare contas est, vel regnavit is quidem paucis mensibus*»¹. Историк уверен — это долго не может продолжаться.

---

¹ Тиберий Гракх царствовал в течение нескольких месяцев.

— Эвдема в темницу! Заковать в цепи! — не слушая его, кричал Сципион Назика.

— Невозможно. Эвдем — гость Тиберия, а Гракхов стережет народ. Но если бы плебс и не охранял его — знаешь сам: личность гражданина у ларов неприкосновенна...

— Хороши мы... Сенаторы... без власти.

— Не тревожься, благородный Публий! — вскричал Люций Кальпурний Пизон. — Боги за нас! Они нас поставили у власти, они нам и помогут...

«Дурак, — подумал Назика, — он верит в богов после Демокрита, Диагора Мелийского, Карнеада» — и громко сказал:

— Я не сомневаюсь в этом. Однако, надеясь на богов, мы также должны рассчитывать на свои силы... Благородные мужи! Скажите, римляне вы или варвары? Думаю, что римляне, иначе бы вы не заседали в сенате. Обдумайте, что делать, и приготовьтесь к решительным действиям. А теперь, — повернулся он к симпосиарху, — будем пировать...

Симпосиарх налил гостям горячего родосского вина, и только один Октавий попросил холодного: его мучила жажда и кружилась голова. Он пожалел, что пришел к Назике.

В это время симпосиарх обратился к гостям:

— Благороднейшие мужи! Ваши деды и отцы завоевывали чужие земли, копили богатства, расширяли торговлю, улучшали земледелие, скотоводство, пчеловодство, ремесла, науки, искусства... Разве не следовало бы их воспеть?

— Верно, отец! — воскликнул Квинт Элий Туберон и запел неуверенным голосом, а молодая флейтистка вышла из перистиля и принялась ему вторить:

Ромула город окреп и страшатся квиритов народы:
Шаг легионов гремит — весь содрогается мир!

Слава отцам и дедам!
Род Сципионов велик!
Вождь карфагенян к морю,
Римом разбитый, бежит!

Квирина храбрые дети сражаются в Африке знойной:
Заму избрала судьба кругом могучей борьбы...

Слава отцам и детям!
Род Сципионов велик!
Стены дрожат, но храбро
Рубятся пуны в бою...

Падают стены, но город, объятый, как некогда Троя,
Пламенным вихрем, стоит: страшная сеча кипит...

Слава вождям, сенату!
Род Сципионов велик!
Гракх угрожает Риму...
Кто нас от смерти спасет?..

Юноши, старцы и девы взирают с мольбою, Назика
Доблестный вождь, на тебя! Ты ль не любимец богов?

Слава тебе, Назика!
Род Сципионов велик!
Гракх и плебеи скоро
Пред великаном падут!..

Оптиматы восторженно хлопали в ладоши, пили за здоровье хозяина. А он задумчиво сидел, облокотившись на стол, уносясь мыслями в прошлое: вспоминал Семпрония и Корнелию Гракхов, к которым бегал, будучи мальчиком, вспоминал их ласку и теплоту, видел мальчика Тиберия и сестру его Семпронию, некрасивую застенчивую девочку, слышал чудесную греческую речь... Как это было давно! Он вырос, возмужал, а лишь только вспомнит о детстве, что-то щемит в груди, сожмется сердце, и хочется плакать... Жизнь... Неужели ему, Сципиону Назике, идти против этих людей, против этого голубоглазого мальчика? Убить его?..

Он отер шершавой ладонью пот, смочивший лоб, очнулся. «Они хотят, чтобы я пошел на Гракха, а сами трусят... Они посылают брата на брата во имя родины... Они ненавидят нас, Сципионов, и поют хвалебные гимны. Они...»

— Покажи нам, благородный Публий, твоих юных танцовщиц, — блестя пьяными слезящимися глазами, говорил Тит Анний Луск и хватал Назику за тогу. —

Говорят, ты купил их дешево на невольничьем рынке в Делосе... Хе-хе-хе...

Сципион Назика вспыхнул, но сдержался:

— К сожалению, дорогие гости, я не могу показать вам танцовщиц: их у меня нет, и я никогда не тратил денег на такую роскошь. Благородный Тит Анний Луск что-то перепутал... Да, да, перепутал! — крикнул он в ярости. — Но если ты, благородный Тит, так любишь пляски, то почему бы не пойти тебе завтра в танцевальную школу? Там ты увидишь удивительное зрелище: неприличные пляски пятисот римских мальчиков и девочек: они пляшут с кроталлами под пение и игру на греческих инструментах...

Все засмеялись, а Тит Анний Луск обиделся. Он встал из-за стола, чтобы уйти, но, сделав шаг, пошатнулся и упал на Квинта Метелла Македонского, чуть не свалив его с лавки.

Глава XXIV

Сципион Назика старался быть мужем древней доблести, таким же честным, великодушным, прямым, таким же патриотом и любителем наук и искусств, как его родственник Сципион Эмилиан, но это подражание великому соотечественнику таило в себе непомерное честолюбие человека, который стремился к тому, чтобы имя его попало в анналы Рима, было увековечено историей, статуями на форуме и в общественных местах, чтобы о нем, Назике, говорили во всех уголках мира, как о выдающемся римляnine. Однако ни честностью, ни великодушием, ни прямоотой он не мог сравниться со Сципионом Младшим. Он был хитер, несправедлив, груб, высокомерен, лишен той ясности ума, жизненной мудрости и олимпийского спокойствия, которые выгодно отличали от него и выдвигали Эмилиана в первые ряды лучших современников; даже враги были принуждены признать, что Сципион Африканский Младший является воплощением гордо-

го римского духа, отмиравшей доблести-добродетели, неподкупной честности, любви к отечеству: разве он не содействовал проведению закона Люция Кассия о тайном голосовании в народных судах? Разве он не привлек к судебной ответственности нескольких оптиматов, злоупотреблявших своим положением? Разве он не принимал мер против распутной и разгульной молодежи? Десять лет назад он начал борьбу с порчей нравов и вел ее с присущей ему суровостью. Но все его труды разбивались, как глиняная посуда, роняемая на землю. Оптиматы изощрались в роскоши стола, в приобретении дорогих греческих вин, персидских и вавилонских ковров, красивых рабынь и мальчиков. Восточные оргии стали повседневным явлением; молодежь открыто издевалась над священной властью отцов; жены покушались на мужей, отравляли их; в народном собрании появлялись пьяные магистраты. Плебеи требовали на похоронах кровавых гладиаторских боев, в дни празднеств — травли зверей, диких увеселений; распущенность и изнеженность проникали даже в римский лагерь: воины имели собственных рабов и любовниц, занимались грабежом, были низкими и жестокими трусами, пьянствовали, принимали теплые ванны. Сципион Эмилиан сурово боролся за чистоту древних нравов, но он один не в силах был ничего сделать: на его глазах оптиматы погрязали в оргиастическом культе Великой Матери, и он настоял изгнать из республики прорицателей-халдеев, а виновных граждан привлекать к ответственности.

Ну а он, Сципион Назика? Он тоже был патриот. Он любил Рим, его богов, старые римские нравы, свои родовые наследственные земли, музей у Брундизия и все то, что возносило республику на недостижимую высоту над подчиненными провинциями, и только перед одной Грецией, перед эллинским искусством и наукой, он склонял гордую упрямую голову, с завистью созерцая ее мраморы, углубляясь умом в удивительные создания философов, астрономов, поэтов, трагиков; и потому он покровительствовал наукам и искусствам, пытаясь “выращивать, — как он говорил, — на грубой почве римской земли ученых мужей, ваятелей и поэтов”.

Будучи противоположностью друг друга, оба Сципиона сходились взглядами в том, что Риму нужен мир, и не потому ли во время своего цензорства Эмилиан молился богам, прося их не о расширении пределов республики, а о сохранении ее в спокойствии для трудовой жизни? Назика был согласен с ним, хотя и не возражал против назначения его полководцем под Нуманцию. Он рассуждал так: «Испания — не Италия, сердце Рима; республика имеет от нее выгоду, следовательно, полное завоевание Испании необходимо для блага отечества». Но когда выступил Тиберий, Назика понял, что государство повернуло, как корабль, повинующийся воле рулевого, на путь гражданской борьбы, и много бед ожидает Рим в ближайшие годы. Он возненавидел Гракха не только как врага родины, но и как личного недруга, который покушался на его родовую собственность в угоду деревенскому плебсу.

Кроме Тиберия, беспокоил его и Фульвий Флакк. Слухи о тайных сношениях его с союзниками, о подстрекательстве их к отпадению от Рима не давали покоя Назике. Имя Фульвия упоминалось глухо, с опасением. Назика боялся смелого, безрассудного мужа и поторопился отправить его на войну с рабами. Однако дни бежали, а Флакк бездействовал; он доносил сенату, что легионы, которые он принял, отвыкли от дисциплины, что это не воины, а толпа трусливых торговцев, которые в первом же бою запятнают бегством римские знамена, и просил несколько месяцев отсрочки, чтобы укрепить войско.

Но сенат, по настоянию Назики, отказал:

— Какой это полководец, который не умеет справиться с разнузданными легионариями? Сместить его!

— Но ты же сам величал его великим стратегом, — ехидно заметил Тит Анний Луск. — Пусть же великий стратег разобьет рабов или...

Он помолчал, хрипло рассмеялся:

— ...или пусть рабы разобьют великого стратега!

Сципион Назика вспыхнул, но сдержался. Он наговорил бы ехидному старичку много дерзостей, если бы не боязнь потерять его голос при решении такого важного вопроса. И Назика не ошибся в своем расчете: он

получил голос Луска (старичок голосовал за смещение Фульвия Флакка) и одобрение сената.

«Фульвий хитер, — думал Назика, прислушиваясь к спорам сенаторов, — он почему-то виляет, как собака, а чего хочет — ведомо одному Юпитеру. Союзники от него далеко, он находится под постоянной угрозой нападения восставших рабов и — спокоен. Клянусь Марсом! Станный он муж. Храбрый, умный, он что-то замышляет... И если здесь таится измена...»

Сципион Назика крякнул, ударил кулаком по спинке курульного кресла; золотое кольцо в виде пружины, согнувшись, впилось в мизинец.

— Что с тобой, благородный муж? — шепнул Люций Кальпурний Пизон. — Ты волнуешься...

— Нет.

— Прости меня за назойливость. Но твое раздражение вызывает недоумение и растерянность...

— Молчи, — быстро взглянул на него Назика. — Хочешь получить Тринакрию, славу, триумф?

Пизон молчал.

— Фульвий Флакк передаст тебе, консулу и своему преемнику, остров и власть над легионами, а сам выедет немедленно в Рим. Ты же... знаешь, что делать... и — справишься...

— Я подумаю...

— Не ты подумаешь, а сенат. Я ставлю вопрос.

И Сципион Назика тотчас же предложил послать в Сицилию Люция Кальпурния Пизона, мужа твердого, храброго, упорного в достижении намеченной цели.

Пизон был человек с безупречным прошлым: он боролся с низкой алчностью правителей провинций и с порчей нравов в римском обществе и хотя посещал тайком лупанарии, это не считалось пороком. Поклонник Катона Старшего, учеником которого он себя считал, Пизон, точно так же, как и его учитель, занимался литературой и писал отечественную хронику, сухую и рассудительную. Он прославился своей честностью и был прозван "Frugī": служа претором в Сицилии, он закупил однажды хлеб по очень низким ценам и остаток денег внес в казну, что вызвало всеобщее изумление; одни называли его дураком, не су-

мевшим воспользоваться случаем, другие — полусумасшедшим, третьи — честолюбцем.

Предложение Назики было принято сенатом.

Вновь посылаемому консулу были даны самые суровые, самые жестокие права жизни и смерти над жителями всего острова.

Выходя с Пизоном из сената, Назика сказал:

— Тит Анний Луск упрекал меня, что я, расхваливая Фульвия Флакка, величал его великим стратегом. Это так, но я не льстил, я действительно убежден в его военных способностях. Но кто виноват, что он бездействовал? Ни одной битвы, ни одной стычки за все время! Что это? Трусость или измена?

— Ни то, ни другое, — ответил Пизон.

— Что же?

— Осторожность полководца. Разве можно сражаться с воинами, которые обращаются в бегство, увидев неприятеля?

— Что же ты сделаешь?

— Я восстановлю Драконовыми мерами дисциплину и тогда лишь поведу легионы к победам.

— Да услышит тебя Марс и да поможет тебе Афина Паллада! — радостно воскликнул Назика. — Восстание рабов нужно подавить, иначе оно может перекинуться на юг Италии...

Он почти угадал: Фульвий Флакк, после встречи с Эвном, решил поднять рабов в Риме, Минтурнах и Синуэссе, а Эвн послал, наконец, нескольких военачальников с этой же целью в Аттику и на Делос. Отливщик бронзы Аэций получил приказание отправить своих людей из Капуи в Минтурны, а живописец Флавий — из Веллии в Синуэсс, где образовались значительные отряды. Гесперу поручено было подготовить восстание в Риме.

Назначив днем выступления канун календ следующего месяца, Фульвий стал дожидаться событий, проводя время в лагере крайне разнообразно: гетеры, сицилийские девушки, канатные плясуньи и танцовщицы находились дни и ночи в гостеприимном шатре полководца.

Люций Кальпурний Пизон прибыл в лагерь днем.

Фульвий узнал заблаговременно, что консул высадился в Тиндарисе. Пленные рабы, захваченные в боях его предшественником и отпущенные Флакком на свободу, донесли о прибытии римской триремы. Фульвий приказал привести лагерь в порядок, удалить женщин, а сам, ожидая римского военачальника, принялся за свои излюбленные комментарии «О жизни эпикурейца». Он писал сам — не любил диктовать рабу — и в этот день вывел неровные письма поспешной рукой:

СХХХI. Сладостной неги цветок подарила мне смуглая дева:
Я, лепестки оборвав, сердце в цветке утопил.

СХХХII. Ты ль, не анадимоноподобна, о дева нагая?
Спелые груди твои сочными грушами льнут
К алчным губам, и горячие руки к излучинам бедер
Рвутся, взметая полет ног гибкостройных твоих.
Тяжкодремотною амброй упитан живот твой пахучий:

Круглый, как смуглый кратер, тихо вздымаясь, дрожит...
Будь ты гетера, плебейка, рабыня из стран киммерийских —
Равно молюсь я тебе. Тело — Душа — Красота!

СХХХIII. Смежил мне сон легкокрылый за ночи
усталые вежды:
Поступью тихой вошла в сердце ты, дева, мое!

СХХХIV. Римлянок груди — не яблоки ль в свежих садах
Гесперидских?
Груши я больше люблю — груди гречанок они.

Гекзаметры чередовались с лаконической прозой.
Флакк записал:

СХХХV. Псы терзали прекрасное тело Актеона; может быть,
влюбленные в него, они хотели вобрать в себя эту Красоту?
Так и я, терзаемый наслаждениями, хочу раствориться в них.

СХХХVI. Лучезарный Феб захлопнул свои ворота: пора на покой.
Ложась, я слышу еще смутное ржание золотых коней,
но его уже заглушает шорох: это богоподобная гетера снимает
с себя хитон.

Звук топота лошадей ворвался в палатку. Фульвий убрал свои комментарии и вышел. Подъезжали всадники — человек десять. Впереди ехал Пизон. Флакк догадывался, что сенат им недоволен, а теперь в этом уверился. Радость вспыхнула в его глазах и погасла. Он подумал, что вскоре будет в Риме, увидится с друзьями, заживет прежней эпикурейской жизнью.

Он весело приветствовал Пизона, но консул был мрачен — на его лбу лежала забота.

— Не заболел ли ты? — заботливо спросил его Фульвий. — Или боги послали худые предзнаменования?

— Не то, — нахмурился Пизон, — но клянусь Громовержцем, если я не усмирю этих рабов!

— Что-то случилось? — спросил Флакк, стараясь скрыть беспокойство.

— А то, что восстания идут по всей Италии. Когда я уезжал из Рима, там подавляли новый бунт рабов: сенат приказал выведать зачинщика...

— И что ж, узнали?

— Дорогой, — не слушая его, продолжал Пизон, — я получил известие, что в Минтурнах казнено около пятисот восставших рабов, а в Синуэссе распято на крестах более четырех тысяч... Прав был Муций Сцевола, когда утверждал, что эти восстания — дело одного лица...

Фульвий покачал головой.

— То же говорил Красс Муциан, — вздохнул он, — но ни тот, ни другой не могли доказать...

— Они доказали, что работает один человек...

— Кто же?

— Имени так и не узнали.

Люций Кальпурний Пизон

Флакк спокойно прочитал врученную дощечку с приказанием сената передать легионы в ведение Пизона, позвал квесторов, военных трибунов и сообщил им о назначении нового полководца.

Однако легионы, узнав о смещении Фульвия, стали роптать. Они полюбили веселого невзыскательного начальника, который разрешал им пьянствовать и развратничать и относился равнодушно к военным упражнениям. Прощаясь с Флакком, легионарии бежали за ним, целовали ему руки, кричали:

— Да хранят тебя боги! Да сопутствуют тебе добрые ветры!

— Да хранит тебя Нептун!

Глава XXV

Возвращаясь в Италию, Фульвий Флакк беспокоился: он опасался, что рабы не выдержат пыток и выдадут его: смерти он не боялся, но пугало, что пострадает семья — жена и дети. Он знал оптиматов — они были суровы и мстительны — и его ненависть к ним казалась ему такой огромной, что он удивлялся, как вмещает ее сердце.

Он спешил попасть поскорее в Велию и Капую, чтобы узнать от Аэция и Флавия подробности усмирения рабов.

«Как быстро Рим справился с ними! — думал он, рассеянно следя за Липарскими островами, оставшимися позади, и не обращая внимания на толпы женщин и девушек, которые провожали корабль задумчивыми глазами. — Почему везде постигла нас неудача? Кто виноват? Может быть, были мы неподготовлены или плохо вооружены? Или не было у нас опытных вождей? Или они изменили, продали своих братьев?»

Это была страшная мысль: он заскрежетал зубами, на лице его выступил пот.

В Велии его ожидало огорчение: живописец Флавий, тяжело раненный копьем в грудь во время восстания рабов, умирал в своей мастерской. Он был в сознании, и когда Фульвий Флакк подходил к его ложу, Флавий сразу узнал “вождя”, как величал его со времени подготовки восстания, и улыбнулся.

— Привет господину, — прошептал он запекшимися губами, пытаясь приподняться.

Фульвий движением руки остановил его:

— Лежи. Мне уже сказали о несчастье, обрушенном на нас Фортуной! Жаль, что копья римлян не обратились против них самих! Что ты думаешь о неудаче?

— Все было сделано... как ты приказал... — медленно говорил Флавий, с усилием двигая губами, — мы подошли к складам оружия... внезапно нас окружил легион...

— Что было причиной неудачи?

— Я думаю...

— Говори!

— Измена...

Фульвий побледнел: то, чего он опасался, подтвердилось. Но, может быть, Флавий ошибается? Не может быть, чтобы рабы предали своих братьев. Он высказал свою мысль живописцу.

— Увы, господин! Среди рабов было несколько свободнорожденных.

— Пусть поглотит их Тартар!

— Пусть растерзают их Эринии! — прошептал Флавий и закрыл глаза.

Флакк тихо отошел от ложа. Он осведомился у одного из учеников о состоянии здоровья мастера, и тот тихо заговорил, пытаясь скрыть слезы:

— Врач уверен, что копьем задето сердце. Одна надежда на богов. Сегодня утром мы принесли жертву богине Валетидо.

— Флавий знает о своем положении?

— Знает. Он целый день смотрит на статуи. А вазу Gnathia положил рядом с собой; он прижимает ее к груди, как...

Ученик запнулся, смущенно прибавил:

— Он велел положить ее с ним в могилу. Взгляни.

Фульвий смотрел на черную вазу с изображением нагой женщины и вспомнил рассказ Геспера о любви живописца; это тело ласкали дрожащие руки Флавия, он звал ее к себе, умолял...

«Счастливым человек, — подумал Флакк, — он поклоняется Красоте, а мне сейчас не до этого... Наступит время, когда и я уделю несколько дней безмятежному любованию, восхищенному поклонению Венере».

Остерегаясь разбудить раненого, Фульвий вышел на цыпочках из мастерской и, садясь на коня, сказал:

— Пожелай ему выздоровления и долгой жизни. Передай, что дом мой всегда открыт для него.

В Капуе новости были тоже из не веселых. Старик Аэций равнодушно сидел перед потухшим горном, и седая голова его дергалась, точно он молился.

— Камилл убит, — шептал отливщик бронзы, — о сыновьях нет известий: пропали! Вот сижу и жду... Зачем разводить огонь?..

— Не грусти, Аэций, — спокойно сказал Флакк, — борьба требует жертв. Твои невестки и внуки дождутся лучших дней...

— Невестки... внуки...

— ...или правнуки... Работай для них. А сыновья, если живы, вернуться.

Аэций покачал головой:

— Как ты говоришь, господин! Работай... вернутся... А если возвратятся... Камилл мой... Камилл...

Старик тяжело зарыдал, стал рвать на себе волосы.

— Горе мне, горе! Это ты всему виной, ты, господин! Ты смутил нас... лучшей жизнью... ты...

Фульвий полуобнял Аэция, сел с ним рядом.

— Погибли тысячи, — молвил он со вздохом, — но я думаю так: не все ли равно, когда умереть — днем раньше или днем позже? Но если умираешь за идею, за благо тысяч, то не жаль отправиться в подземное царство на несколько лет раньше срока. Что жизнь плебея, раба? Что в ней хорошего? Лучше положить ее на кровавый жертвенник Беллоны... Успокойся же, не горюй, будь тверд, умей переносить горе...

Флакк с грустной улыбкой отирал ему слезы, гладил морщинистые руки:

— Но мы победим, — я убежден в этом! Тринакрия свободна, рабы бьют легионы... я оттуда...

— Господин мой, мне страшно...

— Чего ты боишься?

— Жестокостей римлян...

— Рабы не сдадутся... Не должны сдаться... Нет!..

Аэций хрипло рассмеялся:

— А измена?

Фульвий вскочил. Он дрожал, как в лихорадке, не мог вымолвить ни слова:

— Что... что?..

— Разве нас не предали?

Об измене он нарочно не спрашивал Аэция, стараясь отдалить этот вопрос, подойти к нему постепенно, а старик, как обухом, ударил его: «Предательство!»

«Оно там и здесь, — подумал Флакк, — мы обречены, если не сплотимся в такой кулак, пальцы которого будут близки один к другому, составят одно целое. Тогда — будущее наше. И мы создадим братскую республику с единой общиной, без семьи, без собственности, как учил Платон, но управлять ею будут не философы, а сенат, состоящий из рабов и плебеев».

Подъезжая к Риму, он увидел ряд крестов с распятыми рабами и спросил встретившегося земледельца, за что казнены люди. Тот огляделся, шепнул:

— Разве не знаешь? Они восстали. Их били — кожа лопалась на телах. А потом распяли.

— Много погибло? — спросил Фульвий со стесненным сердцем.

— Все.

— А семьи их?

— Угнаны в виллы на работу.

«Этого нужно было ожидать, — подумал Флакк, — мы еще не умеем бороться, слишком доверчивы к людям, необдуманно бросаемся в бои, не умеем обеспечить себя на случай поражения. Три таких разгрома в короткий срок — это для нас много».

Он был остановлен у Эсквилинских ворот стражей. Предъявив пропуск, подписанный Люцием Кальпурнием Пизоном, он объяснил караульному начальнику, что едет из Сицилии, по приказанию сената, и слушал, сдерживаясь от ярости и нетерпения, пустые рассуждения воина о жестокостях и грабежах, совершаемых рабами. В городе он чувствовал напряженность положения в торопливой походке граждан, во взглядах исподлобья, в опущенных головах, а когда увидел рабов, поспешно перебежавших через улицы, оскорбляемых грубыми криками патрициев: «Бунтовщики! Пададь! На кресты вас!»; когда услышал возгласы матрон, требовавших для них смертной казни, и ругань детей, возвращавшихся из школы; когда крупные и мелкие камни полетели в рабов и невольниц, обагрив их тела, — он понял, что римляне озлоблены, напуганы.

В этот день он увиделся с Тиберием Гракхом на углу улицы сыромятников и сукновалов, решив, не без основания, что Тиберия нужно искать среди ремесленников. Гракх кончал речь, когда подходил Флакк:

— Квириты, я слышу жалобы оптиматов, вижу ваше недовольство смещением трибуна Октавия. Вы говорите: трибун — лицо неприкосновенное, и я согласен с вами. Но если этот трибун действует против народа, то разве он — народный трибун? Народный трибун имеет право посадить в тюрьму консула, но ведь одного и другого избирает народ, а если они пользуются дарованной им властью во вред народа, то их должно лишить власти. Так же поступил и я...

— Ты позаботился о земледельцах, — крикнул кто-то, — а городской плебс не получил ничего!

— Городскому плебсу, квириты, земля не нужна. Для вас я сокращу срок обязательной военной службы, допущу вас к участию в судах (вы будете обращаться для разрешения ваших споров к народу), чтобы правда и справедливость твердо установились в республике. А для этого, квириты, я должен быть уверен в вашей помощи.

— Поддержим! — слышались из толпы жидкие голоса, но без той восторженности, присущей южанам, которую вызывали первые выступления Гракха.

Фульвий подошел к Тиберию, тронул его за тогу:

— Пойдем, народ расходится, да и ты устал...

— Когда ты приехал? — обрадовался Гракх.

— Сегодня. И тотчас же решил повидаться с тобою.

Тиберий понизил голос:

— Я не мог ничего сделать. Сенаторы требовали сместить тебя... Особенно этот Назика...

— Я не жалею, что возвратился в Рим, — говорил Флакк, шагая рядом с Гракхом, — там, в Тринакрии, делать нечего. Я послан был воевать, а я не мог — сам знаешь. Неудача в Риме, Минтурнах и Синуэссе поразила меня, как палица Геркулеса. Кто посмотрит на меня, скажет: вот человек, страдающий головокружением!

Тиберий искоса взглянул на него. На усталом лице Фульвия, блуждая, тускло блестели глаза, голова была опущена.

— И твои дела, Тиберий, плохи. Я понял это по возгласам толпы. Что для нее земельный закон? Она ожидала немедленных благ... И все же постарайся опереться на городской плебс, потому что деревенский уходит из Рима. Боюсь *lex agraria*¹ погубит тебя!

— Земледельцы должны прийти на выборы...

— Не забывай, что оптиматы озлоблены!

Гракх недоумевая взглянул на Флакка:

— Всадники ненавидят их; они меня поддержат...

— Торгаши, спекуляторы — не люблю я их! Вспомни Платона — он говорил: «Грязные души этих людей

---

¹ Земельный закон. (Лат.)

направляют все свое честолюбие на приобретение денег». Он называет их жалкими рабами алчности. И ты надеешься на них?

В его возгласе слышалось презрение оптимата к купеческому сословию, все то пренебрежение, с которым патриций говорил о публикане, как о человеке, занимающем среднее положение между клиентом и вольноотпущенником.

— Нужно выждать, пока все успокоится. Откажись от трибуната, поезжай делить земли, находишься среди деревенского плебса — и тебя не тронут. Но не оставайся в городе. Зачем подвергать свою жизнь опасности?

Тиберий отрицательно покачал головой:

— Ты не понимаешь, Марк, что вождь не должен отступать перед опасностью. Его место в рядах плебса.

— Это не бегство, а отступление...

— Народ истолкует как бегство.

Нахмурившись, Фульвий молчал. Он видел — друга трудно уговорить. «Впрочем, — подумал он, — от Фортуны никуда не убежишь: куда предначертано ему идти, туда он и пойдет».

Солнце клонилось к закату — багровые лучи золотили Капитолий, Курию Гостилию, храм Весты, лежали пурпурными заплатами на каменных плитах форума, как только что пролитая кровь, и оба друга подумали, что это — дурное предзнаменование.

Остановились возле ростр. Молчали.

Гракх думал о хлебопашцах, которые получают земельные участки, о предстоящей борьбе с оптиматами, и тревога наполняла его сердце: «Поддержит ли меня плебс? Изберет ли народным трибуном? Кто победит?»

Мысли Флакка были иные: он думал о Риме — об этом огромном государстве, которое начало завоевывать мир и (он убежден был) покорит его; о судьбах республики, скрытых в мраке будущего, о поработенных народах, о рабах, и горечь, накопившаяся в сердце, прорвалась внезапно возгласом:

— О, если б я знал, что Риму суждено погибнуть! Тогда бы мы сами разрушили его и основали новый Рим!

Глава XXVI

В палатке Сципиона Эмилиана было тихо. Полководец сидел за столом и торопливо писал письмо: подергивание мускула на правой щеке изобличало сильное волнение.

*«Сципион Эмилиан Африканский — Кассандре,
супруге клиента Лизимаха.*

Эпистола моя повергнет тебя в большую горе, но что постановлено небожителями, то непреложно. Муж твой, Лизимах, пал жертвой сурового закона войны. Сегодня мы его похоронили. Напиши, думаешь ли остаться в благословенном богами Риме или возвратиться в Пергам? Как проводите время — ты и Лаодика? Не горюй о смерти мужа: человек не знает, где его ожидает смерть.

Прощай».

Запечатав письмо, он приложил железный перстень к воску, скреплявшему нити, продетые в дощечки, и, оттиснув свое имя, кликнул воина, отправляющегося в Рим с донесениями, и передал ему эпистолу, а помощнику-легату приказал созвать на совещание Максима Эмилиана, Мария, Семпрония Азеллиона, Публия Рутилия Руфа, квесторов, легатов и военных трибунов.

Когда они собрались, Сципион Эмилиан рассказал об измене своего клиента.

— Позови Лизимаха, — сказал он рабу, стоявшему у входа в палатку.

Грек, ничего не подозревая, вошел с хитрым выражением на лице, но, увидев собравшихся военачальников, растерялся, побледнел; дрогнуло сердце — почувствовал страшное, неотвратимое, надвинувшееся на него. Ноги подкосились, он покачнулся.

Сципион встал:

— Лизимах, ты — изменник!

Лицо горбуна позеленело, исказилось — стало отвратительным.

— Господин мой, — пролепетал он (голос застрял в глотке), с усилием проглотив слюну, — я... я...

Язык ему не повиновался.

— Говори! — крикнул Сципион. — Что вынудило тебя пойти на преступление?

Лизимах собрался с силами.

— Я не виноват! Меня оклеветали! — воскликнул он.

— Лжешь! Ты советовал Манцину сговориться с Югуртой, чтобы тот ударил мне в тыл... А плату от Ретогена — Ганнибаловы серебряные рудники — забыл?

Лизимах упал на колени.

— Пощади — прохрипел он, стукнувшись лбом о землю. — Ради могущества Рима, ради твоих громких побед. Ради благородной супруги твоей Семпронии. Ради...

— Замолчи! Ты заслужил смерть: таков закон.

— Пощади! Возьми мое богатство, золото, все пергаменты, папирусы... Все — твое, только сохрани мне жизнь!

— Презренный!..

Сципион отвернулся от него, сел.

— Слово за вами, военачальники!

— Смерть! — закричали легаты, трибуны и квесторы, а Марий прибавил:

— Отдай его мне: я заряджу им баллисту и брошу его в Нуманцию вместо каменной глыбы.

Сципион нахмурился:

— Достаточно будет казни.

— Разве он — человек? — возразил Марий. — Распни его между Нуманцией и нашим лагерем для устрашения изменников, лазутчиков и прочей дряни.

Сципион молчал.

Лизимах подполз к нему на коленях и, воздевая к нему руки, шептал:

— Пощади... ради... Лаодики...

Сципион задрожал: афродитоподобным видением возникла перед ним юная гречанка, взглянула на него, отвела грустные глаза, опять посмотрела, и ему показалось, что она хочет просить за отца.

Страхнув мечту, встал.

— Возьми обеих в собственность. Я дарю тебе их, дарю! — в отчаянии завопил грек, ухватившись за полу его тоги. — Будь великодушен, покажи, что ты вы-

ше всех, могущественнее и сильнее закона! О, умоляю тебя, великий римлянин, второй Александр Македонский!

— Встань.

— Пощады... великодушия!..

Продолжая стоять на коленях, горбун не отпускал тоги, точно в ней было спасение.

— Я знаю, — шептал он, привстав, — что Лаодика любит тебя... она не спит ночей... она мечтает быть твоей невольницей... она будет...

Сципион оттолкнул его, повернулся к Марию:

— Заковать изменника в цепи, зорко стеречь, — отвечаешь за него своей головой! Завтра утром доставить в преторий. А вам, военачальники, — обратился он к легатам, квесторам и трибунам, — построить легионы, объявить о казни преступника.

— А его рабов? — спросил Семпроний Азеллион.

— Бить нещадно плетями, распять, приставить к крестам стражу.

Лизимах молчал. Он не мог говорить. Он весь дрожал — слышно было, как колотились зубы — и вдруг дикий вой вырвался у него из груди.

Марий грубо схватил его за хитон, дернул — дорогая ткань затрещала, грек упал на землю, вскочил, упал, бросился к выходу, но легионер оказался проворнее.

— Я не хочу... не хочу... — визжал он, и в визге его слышался животный ужас. — Это я ради дочери... Лаодики... серебряные рудники... чтоб она была богаче Креза... чтобы вышла замуж за царя... чтоб была первой царицей мира, самой богатой...

Он тяжело зарыдал, опустился на землю.

Марий взглянул на Сципиона. Полководец нахмурился и, вспыхнув, крикнул:

— Я приказал!

Марий обхватил Лизимаха поперек туловища и вынес из палатки. Грек отбивался от него, царапался, кусался, и его прерывистые вопли долго разносились по лагерю.

А на другой день чуть свет протяжный звук трубы возвестил о сборе легионов. Сципион вышел из прето-

рия. Он был бледен — всю ночь не спал: стояла перед глазами Лаодика. Ее солнечная улыбка тревожила его сердце сомнениями: что она скажет ему, узнав о казни? Что ответит ей он — не умеющий лгать? И как перенесет она, любящая... любимая... Ведь она любит его, любит (Лизимах сознался в этом), а он... он приговорил отца ее к смерти!.. Потом он стал думать об осажденном городе. Когда же он возьмет Нуманцию и возвратится в Рим? Город нужно брать измором: со стороны Дурия он сумел отрезать подвоз припасов осажденным отважными лодочниками и водолазами, приказав погрузить в реку бревна, снабженные пилами; он принудил аревакский город Луцию, который, по просьбе Ретогена, помогал продовольствием осажденным соплеменникам, выдать зачинщиков и повелел четверемстам юношам отрубить в наказание руки: он действовал с римской беспощадностью; перебежчики доносили, что в Нуманции голод, жители питаются собаками, мышами, крысами. Он думал, что теперь близко время сдачи, и решал в уме своем который уже раз, как поступить с городом и с жителями. А затем возвращение к ларам, встреча с Лаодикой... Ну, а Лизимах? Изменник должен быть казнен.

Сципион взошел на трибунал, или суггестию¹, возвышение из плотно утрамбованной земли, окинул быстрым взглядом укрепленный лагерь. Окопанный глубоким рвом и обнесенный внутренним валом, с высокими палисадами, он имел форму квадрата; на передней площади его находились палатки войска, по сторонам — союзников, а в центре, по обеим сторонам дороги, палатки гастатов, принцепсов и триариев, а также конницы. Обширный форум, окаймленный спереди шатрами трибунов, по сторонам палатками избранных отрядов, а позади — палатками добровольцев и вспомогательных войск, был занят легионами: выстроенные в несколько рядов, они окружали преторий с шатром полководца, трибуналом, жертвенником, местом для ауспиций и местом казни. За преторием сто-

---

¹ С трибунала (суггестии) полководец произносил речь.

яли войска союзников, позади них — конница Югурты, а у главных ворот, с обеих сторон — римские всадники в полном вооружении.

Наступила тишина.

Сципион принес жертву богам и обратился к воинам с краткой речью: он говорил об измене своего клиента, которому доверял, который изменил не только ему, патрону («За это я мог бы еще простить»), но и римскому государству, упомянул о своем решении и о постановлении военачальников казнить изменника.

Воины молчали. Возле суггестии шевелились знамена с изображением рук.

— Мой клиент — чужеземец, — заключил свою речь полководец, — и я мог бы его распять, но, принимая во внимание его образованность и высокое положение, которое он занимал при дворе пергамского царя Аттала, я своей властью приговариваю его к отсечению головы.

Войска молчали.

— Привести преступника.

Грек, закованный в цепи, шел медленно, с невидящим, затуманенным взглядом; рядом с ним был Марий — обнаженный меч сверкал в его руке.

— Где прикажешь? — спросил громким голосом Марий. — Он чужестранец.

Сципион понял: Марий заботился о том, чтобы место казни римлянина не было осквернено кровью варвара. И полководец решил, не задумываясь:

— Здесь, на трибунале, на виду войск.

Сципион сошел вниз и, остановившись у жертвенника, смотрел, как воины тащили Лизимаха. Грек вырывался, вопил, ругался; обращался к Сципиону, кричал по-гречески — боги тяжко покарают его за убийство невинного человека, что Лаодика возненавидит патрона, который, как волк, губит своих клиентов, и еще что-то, но Сципион не слушал его.

— Именем римского закона! — прокричал громовым голосом Максим Эмилиан, когда грек очутился на суггестии.

В рядах нумидийской конницы произошло движение. Она расступилась, и горячий, как огонь, жеребец вынес

Всадник взмахнул кривым мечом, молнией сверкнувшем в воздухе...

на своей спине молодого всадника. Через мгновение всадник поравнялся с трибуналом, с невероятной быстротой взмахнул кривым мечом, молнией сверкнувшим в воздухе, и голова горбуна, прыгая по неровностям возвышения, покатила вниз к ногам построеного легиона.

— Царевич! — с удивлением вскричал Сципион, узнав в этом всаднике Югурту, но тот уже исчез в рядах своей конницы, взметнув позади себя клуб пыли.

Марий подошел к полководцу:

— Помнишь, вождь, слухи о царевиче? У себя в Нумидии он упражнялся в рубке голов преступникам, приговоренным к смерти. А здесь, под Нуманцией, это второй раз... — И, помолчав, прибавил: — Вождь, приказание твое исполнено: рабы изменника распяты перед крепостью.

Сципион взглянул: десять крестов с раскинутыми руками возвышались за лагерем. На стенах толпились бледные нумантийцы, слушая предсмертные крики распятых.

— Теперь, — повернулся Сципион к Марию, — голова Лизимаха принадлежит тебе. Заряди ею баллисту, закинь на устрашение врага в город!

— А тело?

— Бросить в Дурий.

И, подзвав к себе легатов, полководец приказал спустить легионы.

Глава XXVII

Тиберий, боясь нападения оптиматов, ходил по улицам, окруженный толпами народа. По ночам плебс охранял дом своего трибуна. Сотни ремесленников спали под открытым небом.

Гракх чувствовал в воздухе грозу. Как большинство римлян, даже самых образованных, он верил приметам, снам, предсказаниям: выходя сегодня из дома, он споткнулся о порог, содрал ноготь с большого пальца.

Это его взволновало, опечалило. Он смотрел, как текла сквозь сандалию темно-красная кровь, и стоял в нерешительности, окруженный друзьями. Они растерянно переглядывались, не зная, что делать.

Подошел Блоссий:

— Глупо верить предзнаменованиям, — сказал он, покачав головой. — На сегодня назначено голосование. Если ты, Тиберий, не пойдешь — потеряешь трибунат. Не забывай, что не откликнуться на зов своих сограждан — преступно.

Гракх улыбнулся, сжал руку Блоссия:

— В прошлый раз, когда происходило голосование, земледельцы не явились поддержать своего трибуна — помехой были полевые работы. *Plebs rustica*¹ неблагодарен; он получает земли, не заботясь о судьбе человека, который борется за его благо. И если сегодня будет мало земледельцев...

— ...то тебя поддержит *plebs urbana*².

Но говоря так, Блоссий не был уверен в своих словах. Он только что узнал от всадников, что Сципион Назика успел заблаговременно оповестить трибы, якобы от имени Тиберия, что выборы откладываются на неопределенное время. Ясно было, что деревенский плебс в Рим не придет, и народный трибун не получит нужного числа голосов. Однако Блоссий не сказал об этом Гракху. На него нажимали всадники, требуя, чтобы он, друг народного трибуна, убедил его в важности подрыва власти и ослабления сената. Они обещали стойку лучшие папирусы из библиотеки Аттала, скупленные на месте доверенными лицами, царские вазы, статуи из литого золота, дорогие картины. Блоссий, считавший искусство выше человеческой жизни, уговаривал Тиберия исполнить долг гражданина по отношению к государству.

Они шли молча. Из домов доносились разнообразные звуки: заунывное пение рабынь на неизвестном наречии, грубые голоса варваров, недавно купленных на Делосе, вопли избиваемого невольника, детские голоса, коверкающие греческие и латинские слова.

---

¹ Плебс деревенский. (Лат.)

² Плебс городской. (Лат.)

Римская девушка напевала звенящим голосом:

Ласковы, теплы, как солнца дыханье, твои поцелуи,
Ласков и сладостен плен крепких объятий твоих...

Подходя к Капитолию, они услышали мощный гул, доносившийся с форума, и вскоре увидели толпы народа. Говор плебеев, возгласы, смех — все это сливалось в шум, похожий на рокот разыгравшегося моря.

— Плебс за тебя, — сказал Блоссий, но голос его потонул в гуле, и он принужден был прокричать свои слова почти на ухо Гракху.

Толпа приветствовала Тиберия громким криком, окружила его, но Гракх видел, что народа меньше, чем он ожидал, — нет Тита, Мания и кузнецов, которые всегда поддерживали его, не видно знакомых лиц, а самое главное — нет земледельцев. Когда установилась тишина, Муций приступил к голосованию, прерванному в прошлый раз, и стал выкликать трибы, но в рядах, находившихся неподалеку от Курии Гостилии, поднялся неистовый шум: противная сторона срывала голосование.

И напрасно Муций требовал прекратить крики — шум только усиливался.

Тиберий взглянул на Блоссия:

— Слышишь? Сегодняшний день принесет победу или поражение. Земледельцы опять не пришли. Кто будет голосовать за меня?

— Не беспокойся, — поспешно шепнул Блоссий, — я вижу всадников, они, несомненно, помогут тебе...

Однако Гракх как ни присматривался к толпам народа, всадников не мог различить. Но более всего смутили его слова Фульвия Флакка: консулярный муж пробрался к Тиберию, получив пропуск от народа, и сказал:

— Сенат заседает. В городе вооружено много рабов, клиентов и патрициев. Берегись.

— Мы будем защищаться, — побледнев, вымолвил Тиберий и, овладев собой, крикнул: — Друзья, нам угрожает опасность! Будьте готовы!

Произошло смятение. Толпа бросилась к служителям, стала отнимать у них и ломать копья, которыми они сдерживали народ, а затем, вооружившись обломками, приготовилась к борьбе.

— Держись, — говорил меж тем Фульвий. — На нашей стороне сила — рабы и союзники. Если сицилийцы разобьют консулов, я опять подниму рабов в Италии, и наше дело не умрет. А союзники нам помогут...

Гракх горько усмехнулся. Он смотрел на городской плебс и видел, что он незаметно убывает. Шум утихал, но стоило Тиберию взойти на ростры, как поднялись такие крики, что он сам не мог разобрать своих слов.

— Квириты, благо республики заставляет меня выступить перед вами с речью...

Он не договорил: толпа людей, с покрытыми тогой головами, выбежала на форум — народ расступался, бежал в смятении, иные плебеи падали, спотыкались. Шум и крики заметались разрозненно — обрываясь, нарастая. Издали донесся голос Флакка: «Держитесь, квириты!»

Гракх быстро сбежал с ростр к своим сторонникам.

Заседание сената под председательством консула Муция Сцеволы, юриста и тайного сторонника *lex agraria*, происходило в храме богини Верности, недалеко от храма Юпитера Капитолийского, и приближалось к концу.

Храм был переполнен: эдилы, трибуны, преторы, консулы и цензоры, представители древних родов Валериев, Горациев, Сципионов и Фабиев; крупные собственники, они, лишившись многих земель, стали непримиримыми противниками Тиберия. Особенно много кричал жестокосердный патриот Сципион Назика, а Публий Сатурей и Люций Руф громко утверждали, что Гракх, злоумышляя против республики, добивается царского венца.

Назика, сдерживаясь от ярости, потребовал громовым голосом, чтобы консул поспешил на помощь городу и уничтожил тирана, но Муций Сцевола твердо сказал, возвысив голос:

— Не допущу насилия без судебного приговора ни над одним гражданином! Также не допущу умерщвления. Рим имеет законы и должен им подчиняться!

— Ты поддерживаешь тирана! — вскричал Назика.

— Я исполняю закон.

Назика выбежал на середину храма, поднял руку:

— Если так действует консул, нарушая римские законы, то я объявляю себя вашим вождем!

И, покрыв голову краспедой, краем жреческой тоги, он выбежал из храма, остановился на ступенях; грубый голос его ворвался в храм:

— Кто желает поддержать закон, пусть следует за мной!

Оптиматы высыпали из храма поспешной толпой. Обернув тоги вокруг рук, они мчались вслед за Назикой к Капитолию. Народ, разбегаясь, расступался перед ними. Это была власть, пусть ненавистная, а все же власть. Можно было порицать, оскорблять, даже угрожать ей, но выступить против нее с оружием в руках казалось преступлением, равным оскорблению богов. И малодушная толпа разбегалась. Только несколько мужественных человек решили защищаться и, окружив Тиберия, заняли храм Юпитера Капитолийского и середину двора, где должны были происходить избирательные комиции.

Во дворе храма было тихо; рощи, пруды, жилища жрецов пребывали в нерушимом покое. Там, за каменными стенами, бушевал народ, а здесь, в священном месте, шуршал шепот вбежавших людей, выделялись тихие голоса.

Между тем к сенаторам присоединялись по пути люди с дубинами и кольями, с обломками и ножками от скамеек. То, что увидал Гракх, поразило его: сенаторы избивали всех, кто попадался им навстречу. Впереди мчался Назика с дубиной в руке. Обагренная кровью, она равномерно подымалась и опускалась на головы граждан.

Толпа убийц увеличивалась, и приверженцы Тиберия поняли: единственное спасение — бегство. Они бросились врассыпную, куда попало, лишь бы поскорее скрыться. Но их настигали, сбрасывали в пропасти, ок-

ружавшие Капитолий. Видя это, побежал и Гракх. На мгновение он увидел Блоссия и Диофана: философ и оратор бежали, прыгая через трупы, отбиваясь обломками копий. Блоссий мчался с быстротой, удивительной для его возраста, а Диофан, задыхаясь, часто останавливался. Это погубило его: вскоре он был сбит с ног и связан.

Нанося удары направо и налево, Тиберий пробивался к храму Кастора, за которым начинались кварталы плебеев, но в это время кто-то схватил его за тогу. Сбросить ее было делом одной минуты. Он очутился в тунике, побежал. И тут же увидел Назику: потный,

свирепый, с дикими глазами и взъерошенными волосами, великан выбежал из-за храма Кастора и мчался на него, размахивая дубиной.

Гракх повернул к статуям семи царей. Они гордо стояли возле храма Верности и смотрели равнодушными глазами на побоище; их лица были так же спокойны, как статуи богов, украшающие Капитолий.

Трупы мешали бежать. Кое-где на каменных плитах темнели струйки крови. Тиберий поскользнулся, упал на трупы. В голове мелькнуло: «Конец...» Он попытался подняться, но что-то тяжелое ударило его по голове — в глазах запрыгало небо, и все поплыло — трупы, ноги бегущих людей, ступени храма. И в то же время новый удар обрушился, как глыба, — на мгновение сверкнул форум, Капитолий, солнечное небо и беспросветная темнота надвинулась на него: он полетел в черную пропасть.

— Первый удар — мой! — крикнул Публий Сатурей, потрясая окровавленной ножкой стола.

— А мой — второй! — ликующим голосом воскликнул Люций Руф и бросился добивать раненых.

Гракх лежал с окровавленным лицом, раскинувши руки перед статуями семи царей, и Публий Сатурей с сожалением смотрел на бледное лицо народного трибуна. Он махнул рукой, подумав: «Благо республики выше жизни отдельных граждан», и побежал навстречу Назике, подходящему к нему с дубиной в руке.

— Тиберий Гракх?

— Убит.

— Слава богам! — воскликнул Назика, и глаза его обратились к Капитолию. — Теперь республика может быть спокойна.

Он с едким презрительным смехом ударил Тиберия ногой, плюнул ему в лицо и, отвернувшись, принялся осматривать убитых, которые лежали на форуме.

Позже, при подсчете, оказалось, что погибло более трехсот человек; все они были убиты не железным оружием, а камнем и деревом.

А что же Флакк?

Наскоро вооружая чем попало рабов, клиентов и вольноотпущенников в перистиле своего дома, чтобы

вести их на форум, Фульвий Флакк получил страшное известие, что там все уже кончено: Тиберий умерщвлен, его сторонники перебиты.

У Флакка опустились руки, сжалось сердце. Но это был человек, который никогда не унывал; он любил борьбу, а препятствия только возбуждали его, заставляя еще упорнее добиваться своей цели. Овладев собой, он распустил людей и прошел в атриум. Голова его усиленно работала: «Всюду неудачи, всюду измена. Гракх убит... Что же делать?»

Он позвал раба, подробно расспросил о событиях на форуме. Узнав, что зачинщиком избиения был Сципион Назика, он подумал: «Злодей должен быть убит».

Войдя в таблиум, он отомкнул большим ключом кованый сундук, вынул свиток папируса и развернул его. Это была эпистола, написанная им накануне — обращение к союзникам с призывом объединиться, избрать из своей среды вождей, которые руководили бы подготовкой к борьбе с Римом. Прочитав письмо, он задумался: «Послать эпистолу или поехать самому? Не нужно возбуждать подозрений. Зачем играть головой? Может быть, я принесу еще пользу республике. Да и жизнь с ее радостями слишком хороша, чтобы положить ее безрассудно на алтарь Беллоны. Подумаю, что делать, а Геспера пошлю к Эвну...»

Однако вольноотпущеннику не пришлось ехать к царю рабов — из Сицилии приходили тревожные вести: Люций Кальпурний Пизон бьет рабов...

— Неужели все рухнуло? — прошептал Фульвий и, решив послать Геспера в земли союзников, приказал ему собираться в путь. — Еще поборемся, повоюем...

Вскоре вошел Геспер в пилосе, дорожном плаще и полусапогах-калигах.

— Господин, я готов.

Флакк подал ему свиток. Вольноотпущенник, спрятав его на груди, нагнулся, чтобы поцеловать руку патрона, но Флакк, отдернув ее, обнял Геспера:

— Поезжай. Да пребудут с тобою все силы Олимпа!

Глава XXVIII

— Тиран убит! — возвестил на другой день в сенате Сципион Назика и обвел оптиматов торжествующим взглядом. — Если б я не принял мер, республика была бы уничтожена, и сегодня управляли бы Римом не мы, а едиnodержавный правитель Тиберий Гракх.

Все молчали.

— Брат его, который прибыл недавно из-под Нуманции, потребовал выдачи тела Тиберия, но я отказал; трупы тирана и его приверженцев брошены в Тибр.

Тяжелое молчание было ответом. Кровавая расправа с человеком, за которого стоял народ, пугала оптиматов. Они опасались мести и не знали, одобрить ли убийство (а не одобрить было нельзя: в избиении сторонников Гракха участвовало большинство сенаторов) или искать лазейку, которая привела бы к соглашению с плебсом. Об этом думали все, но высказаться медлили. А Назика продолжал:

— Я требую произвести самое суровое следствие над приверженцами Тиберия, чтобы выкорчевать смуту, которая чуть было не привела республику к гибели. Я предлагаю поручить ведение следствия нашим высокочтимым коллегам: Публию Попилию Ленату, Гаю Лелию Мудрому, Публию Рутилию и патрициям, которых назначит сенат.

— А сам ты отказываешься? — спросил Лелий.

— Как прикажет сенат, так я и сделаю, — грубо ответил Назика и повернулся к собранию. — Я требую запретить вдовам преступников носить траур по мужьям, требую казнить Диофана, учителя красноречия, и его ученика Люция Виллия, которые избили нескольких сенаторов...

— Они защищались, — попытался вставить Муций Сцевола.

— Замолчи! Тебя не видели в наших рядах...

— Я — не убийца! У нас есть законы, а ты уподобил сенат скопищу варваров...

Назика вспыхнул.

— Молчи! — свирепо крикнул он и, резко отвернувшись от Сцевола, продолжал: — Я требую изгнать Гая

Блоссия из римской республики и допросить семьи, которые я укажу.

— Хорошо, — усмехнулся Сцевола, — но ты забываешь самое главное — плебс! Аграрный закон Гракха нельзя отменить, раздача земель производится по всей Италии, и нужно угождать народу, чтобы избавить себя от неприятностей...

— Ты трусишь! — вскричал Назика.

— И перед кем? Перед чернью! — поддержал Публий Попилий.

— Ты жестокосерд и неосмотрителен, Сципион! — рассердился Сцевола. — Римский народ — столп государства; попробуй-ка пошатнуть его, и вся республика рухнет.

Назика побледнел, остановился.

— Я не намерен мешать распределению земель, — смягчившись, сказал он, — это дело времени. Закон Тиберия ничего не стоит!

— Ты ошибаешься. Мелкие хлебопашцы утвердят мощь Рима, дадут ему непобедимые легионы.

Сенат заседал недолго. Все торопились разойтись по домам. Оптиматы быстро выходили из Курии Гостилии, нащупывая под тогами мечи; вооруженные рабы дожидались их у входа. На форуме толпился народ.

Увидев Сципиона Назику, толпа закричала:

— Убийца! Убийца! Смерть ему!

Назика побледнел, остановился.

— Квириты! — крикнул он громовым голосом. — Ради блага республики и вашего блага я подавил тиранию Гракха! Он хотел захватить власть, чтобы царствовать...

— Лжешь! Мы знаем его!

— ...попрать римские законы, поработить граждан.

— Лжешь! Он отнял у вас землю, и вы убили его!

— Квириты, землю мы отдали б и так, без его закона.

— Лжешь! Убийца! Злодей!

— ...потому мы и не препятствуем ассигнациям.

— Безбожный убийца!

— Гракх оскорбил священную и неприкосновенную личность народного трибуна! Попрал дедовские устои!

— Так было нужно! А ты — вон из Рима!..

Возгласы плебса переходили в рев. Назика, сдерживаясь, чтобы не броситься на толпу, отвернулся и ушел в сопровождении нескольких рабов. Он смотрел, как впереди него уходили сенаторы ускоренным шагом, похожим на бегство, и губы его кривились в презрительную улыбку: «Труссы! Подлецы! И это — римляне? Сенаторы? О, боги! До чего мы дожили, если патриций бежит перед плебеем?»

Он закусил до крови нижнюю губу, сдержал бешеный крик. Толпа оскорбляла его, называя убийцей, злодеем, выгоняла из Рима — его, спасшего республику от потрясений! На одно мгновение ему пришло в голову вернуться на форум, выхватить меч, броситься в толпу и рубить ее, пока разъяренный народ не собьет его с ног и не растерзает.

«О рабы самых подлых, самых последних рабов! — со злобой подумал он об оптиматах. — Так ли нужно было поступать, живя рядом с бунтовщиками? Разве нет у нас легионов? Разве нет конницы? Прав Тит Анний Луск. Нужно было перебить этот сброд, растоптать лошадьми!.. О стыд! О горе!»

Глава XXIX

Тарсия беззвучно плакала в ларарии. Корнелия и Клавдия молча сидели у имплювия. О чем говорить? Тиберий убит, тело его отказались выдать; Диофан и Блоссий посажены в темницу. И убиты палками, как собаки, сотни; и сотни томятся в подземельях. Вошел Гай, склонившись, поцеловал мать и своячницу.

— Что слышно? — шепнула Корнелия.

Убийство сына придавило ее. Она не спала ночей, думая о нем, перебирая малейшие события его жизни, уцелевшие в памяти, и сердце ее сжималось. Она не плакала, только изредка почти беззвучное судорожное

рыдание сотрясало ее тело, искажало лицо. И теперь, сидя рядом с Клавдией, она думала о том, как Тиберий девятилетним мальчишкой учился плавать и едва не утонул.

Гай сел рядом с матерью.

— Пятый день продолжается следствие, — глухо вымолвил он, сдерживаясь, чтобы не выругаться (научился грубой ругани под Нуманцией), — и пятый день пытаются и убивают римских граждан. Клянусь Немезидой! — вскочил он, выбросив вперед руку. — Назика должен умереть или...

— Откуда у тебя эти сведения? — перебила Корнелия.

— Рассказывал Фульвий Флакк. Я виделся с ним у Аппия Клавдия. Мы не знали, что старик расхворался, узнав о смерти Тиберия. Он хотел бы, Клавдия, увидеться с тобою.

Молодая матрона сидела, опустив голову; губы ее шевелились, точно она молилась богам или шептала дорогое имя.

— Аппий Клавдий, — продолжал Гай, — советовался со мной, кого избрать на место Тиберия (ты знаешь, мать, речь идет об ассигнации земель), и я посоветовал Публия Красса. Это муж твердый в решениях, честный, непреклонный. Я должен с ним увидеться...

— Хорошо, — равнодушно выговорила Корнелия и тронула Клавдию за руку, — скажи, дочь, ты не думаешь сходить к отцу за Авлом?

— Пусть сын побудет у него еще, — всхлипнула Клавдия. — Что я ему скажу?

И, зарыдав, схватилась в отчаянии за голову. Корнелия обняла ее.

— Не плачь. Обеим нам тяжело. Обе мы несчастны. Но разве боги не видят несправедливостей? Разве они пощадят Назику?

— Назику! — вскричал Гай. — Не только Назику, но и других злодеев! Я буду мстить, я...

— Тише, — сурово прервала Корнелия. — Кому ты хочешь мстить? Сенату? Глупый! Подумал ли ты...

— Да, подумал. Я добьюсь трибуната и начну с ними борьбу...

Корнелия не успела ответить: в атриум влетел вихрем Блоссий в грязной изорванной тоге, с полубезумными глазами.

— О, госпожи мои! — закричал он, бросившись к ногам матрон. — Что они сделали с Диофаном! С нашим Диофаном...

И замолчал, уткнувшись белобородым лицом в столу Клавдии.

— Встань, благородный Блоссий, — шепнула Корнелия, — говорят, Диофан умер...

— Госпожа моя, — с ужасом на лице заговорил философ, — ты не знаешь всего. Они издевались... они заставляли его, оратора, произнести над собой надгробное слово, и когда он отказывался, они кололи его раскаленными иглами... Госпожа моя! Это слово...

— Говори.

— ...это слово заставило меня забыть об опасности. Я рванулся, чтобы броситься на Назику и убить его, но я был связан. Диофан говорил: «Квиристы! Мы стоим над могилой митиленского оратора Диофана, друга Тиберия Гракха. Этот народный трибун был человек честный, благородный, он отнял незаконно захваченные общественные земли у оптиматов и распределил их между разоренными земледельцами. И за это его убили. А митиленский оратор Диофан был схвачен на форуме, посажен в тюрьму; его пытали и приговорили к смерти без суда и следствия. Потому только, что он был друг Тиберия...»

— Так и сказал? — воскликнула Клавдия с загоревшимся взглядом.

— Это были его последние слова. А потом его задушили.

— Как же ты уцелел, благородный Блоссий?

— За меня заступился сам Назика, как за философа и римского гражданина.

Гай думал, опустив голову.

— Пощадив мою жизнь, они решили изгнать меня из пределов Италии. И я должен уехать как можно скорее. А куда — пусть боги направят мой путь. Я — старик, кому я нужен? Отплыть в Грецию? Но там и сво-

их философов много. В Африку, Испанию, Галлию? Но жить философу среди варваров то же, что мудрому среди глупцов. Отправиться в Азию? Но Пергамское царство отошло к Риму, а в других я не бывал...

— Что же ты думаешь делать?

— Положусь на милость богов, отплыву в Азию.

Глава XXX

Отлив земледельцев из Рима и провинциальных городов продолжался. По всей Италии нарезались участки, отнимаемые у патрициев, и передавались хлебопашцам. Оптиматы жаловались на неправильные действия триумвиров, которые отбирали частную собственность, но сенат не хотел вмешиваться в это дело, опасаясь недовольства деревенского плебса.

Кузнец Тит с молотобойцами и портной Маний получили целиком свои участки у деревушки Цереаты, близ Арпинума. Они поселились в своих хижинах, заново отстроенных прежними владельцами, а однажды утром отправились в городок получать земледельческие орудия, которые, по приказанию триумвиров, раздавались пахарям безвозмездно.

Небольшая площадь, окруженная лавками, городскими зданиями и амбарами, была усеяна людьми всех возрастов, в пилосах и без них, в старых разноцветных туниках, в деревянных башмаках, громко стучавших по мостовой. Шум голосов, споры людей из-за каждой мотыги, лопаты, заступа сливались со звоном земледельческих орудий, с криками писцов, выкликавших плебеев по именам.

Тит и Маний, стоя в стороне, смотрели, как одни хлебопашцы получали из амбаров вилы, косы, топоры; другие — лопаты, заступы, мотыги; третьи — бочки для масла, зерна, винограда; четвертые — ручные мельницы, трапеты; пятые — повозки; шестые — плуги с сошниками, ярма со сбруей для волов; седьмые — бо-

роны; восьмые — вьючные седла. Глаз разбежался от этого количества орудий, купленных триумвирами на средства, завещанные Риму пергамским царем.

Получив сельскохозяйственные орудия, хлебопашцы отправлялись на противоположную сторону площади, где распределялись ослы и волы, в зависимости от нарезанных участков. Многодетные семьи, земельный надел которых был значительно больше бездетных или малодетных, получали в свое распоряжение волов, нередко по две пары, а остальные — ослов. Земледельцы знали, что оброк, который они должны будут вносить в казну за пользование землей, очень мал, и все же находились среди них недовольные, обвинявшие триумвиров (и в первую очередь Тиберия Гракха) в сделке с сенаторами. Взимание платы пугало хлебопашца: ему казалось, что вся его работа будет направлена не на свое, а на чужое благосостояние, и ненавистный образ патриция, в тоге с пурпурной каймой, заставлял его относиться осторожно к обещаниям Тиберия. «Трибун стоит за нас, а сам — патриций. Кто его знает? Может сговориться с богачами, перестанет давать землю». Иные утверждали, что Гракх, назначив маленький оброк, увеличит его по приказанию сената.

Эти разговоры вызывали ропот среди земледельцев:

— Разве мы не имеем права на землю? Разве она — не наша? Разве мы не завоевали ее своей кровью? — говорили они, выбирая себе животных. — Стоило трудов бросать Рим!

— Ты всегда недоволен. Землю получил? Получил. Орудия? Получил. Волы? Тоже. Чего тебе еще нужно?

— А слышали, квириты, — вмешался Тит, — что наш трибун убит?

— Как убит? — закричали несколько человек, окружив кузнеца.

— А так. Богачи недовольны были, что он отнял у них поля, и убили его.

Толпа заволновалась. Весть об убийстве Тиберия в одно мгновение облетела всю площадь.

— Отнимут у нас земли, — говорили одни.

— Выгонят с наших участков, — шептали другие.

— Разорят, как и прежде...

Тит и Маний громкими голосами привлекли общее внимание.

— Теперь — не отдадим! — кричал Тит. — А будут отнимать — бери вилы, топоры, мотыги!

— Убили трибуна, — поддержал его Маний, — и мы их перебьем.

— Не отдавайте, квириты, полей!

— Будьте готовы отразить нападение!

Толпа бушевала. Напрасно магистраты успокаивали народ, что никто не посягает на землю, что триумвиры стоят на страже закона Гракха — никто не верил.

— Если патриции умертвили столько плебеев, — разжигал ненависть Тит, — то как им верить? Злодеи! Безбожники!

— Они запятнали кровью трибуна священное место!

— Трибун — неприкосновенен, а они...

— Да поразит их Юпитер своими стрелами!

Тогда, как Тит и Маний возбуждали народ против оптиматов, коренастый старик с дощечкой в руке пробирался к писцу. Вглядевшись в него, Тит воскликнул:

— Марий! Ты?..

Старик обернулся: на его потном, загорелом лице (солнце жгло невыносимо) сверкнула веселая улыбка:

— Тит!

Это был отец батрака Мария; он воевал в Сицилии и недавно уволился совсем со службы. Он объяснил друзьям, что прибыл два дня назад из Мессаны, которую взял консул Люций Кальпурний Пизон, и имеет право на получение земли сверх установленного триумвирами надела.

— Постарайся получить прежний участок, — сказал Маний, — и мы опять будем соседями.

— Соседями мы и так будем, — возразил старик. — Мне приглянулась вилла Сципиона Назики: я хочу получить участок оттуда.

— Хитер ты! — с завистью в голосе сказал Тит. — Почему ты должен получить лучшую землю, а не мы?

— Я заслужил.

— И я участвовал в боях и походах...

— Да, но ты не служил добровольно...

Тит замолчал, чувствуя справедливость в словах старика.

— А где твой сын? — спросил Маний.

— Марий воюет в Испании под начальством Сципиона Младшего, — гордо сказал старик, — он уже военный трибун и награжден полководцем за большие подвиги. В последний раз он вызвал на поединок нумантийского воина и убил после упорного боя. Сам Сципион пожал ему руку и поздравил с победой...

— Клянусь Юпитером, всесильный Марс помогает твоему сыну! — воскликнул Тит, всплеснув руками. — Ну а жена твоя Фульциния?

— Старуха жива, работает в вилле Сципиона Назики. Я еще не виделся с нею. Она обрадуется, что боги милостивы к сыну.

Марий подошел к писцу, поговорил с ним, потом возвратился к друзьям.

— Завтра я получу землю, — молвил он, видимо торопясь, — я хочу попасть засветло к жене. Отсюда до этой виллы девяносто шесть стадий.

— Далекое. Отдохни у нас.

— Нет, — отказался Марий, — нужно обрадовать старуху и не прозевать землю.

Он простился с ними и легким шагом воина, привыкшего к походам, пересек площадь и выбрался по узенькой улочке в поле.

Было уже за полдень, но солнце жгло по-прежнему сильно. Мягкая пыль, взметаемая быстрым шагом, лениво подымалась в теплом воздухе. Поля лежали желтым ковром, пересеченным кое-где зелеными островками виноградников и оливковых насаждений. Впереди, точно букет зелени, виднелась деревушка Церматы, а за ней извивалась сверкающая речка.

Старик остановился. Он давно не бывал в этих местах, давно расстался с женой и сыном и теперь испытывал чувство человека, неожиданно осчастливленного высокой наградой. И эта награда состояла в возвращении навсегда в родные места, в получении земли и особенно в том, что сын выслужился в военные трибуны.

Думая о Марии, старик размечтался: сын придет домой, все увидят его, будут удивляться, поздравлять, а отец и мать радоваться, что боги не оставили их, стариков, своими милостями.

Он шел долго, дважды отдыхал и лишь к солнечному закату добрался до виллы Сципиона Назики на берегу быстрой горной речки. Справа и слева стояли зелеными стенами леса, а вдоль речки открывалась с одной стороны широкая просека, за которой лежали в немом покое солнечные поля, а с другой — виноградники, оливковые деревья, пчельник.

«Ну и вилла, — подумал старик, осматриваясь с удовольствием. — Фульциния живет, как госпожа».

Он подошел к воротам, постучал. Послышались голоса, залаяли собаки, вышел высокий, как жердь, раб.

Ворота приоткрылись. Он вошел в усадьбу.

Фульциния выскочила на порог в одной тунике и, прикрыв рукой слезящиеся глаза, вглядывалась в пришельца. Это была еще бодрая старуха, с лицом, сморщенным, как печеное яблоко. Она всплеснула руками:

— Марий! Каких богов благодарить за радость?

Она подбежала к старику, обняла его за шею:

— Вернулся? Совсем? И хорошо. Я рада. А наш сыночек? Где он?

Она засыпала его вопросами и, не дожидаясь ответа, рассказала, что живет кое-как, много работает, очень устает, но зато сыта; что вилик — человек неплохой, рабы — послушные, и если иногда секут их, то так и нужно — иначе распустятся; что господ не бывает вовсе, а живет изредка племянник Назики, молодой человек, который больше бегаёт за молодыми невольницами, нежели смотрит за хозяйством.

Зная болтливый нрав жены, Марий ответил сдержанно: сын воюет в Испании, а он, старик, должен получить землю.

На другой день он проснулся чуть свет и приступил к осмотру виллы. Нужно было увидеть земли, чтобы выбрать, при ассигнации, наилучшие, — плодородные, с выгоном для скота, с хижинной.

В полях работали рабы с цепями на ногах и временные вольнонаемные рабочие. Они жали хлеб, сни-

мали бобы. Тучная почва давала несколько урожаев в год. Здесь было распространено многопольное хозяйство со сменой зерновых хлебов и бобовых растений; поэтому поле оставалось через каждый год под паром.

В огородах работали невольницы, молча, угрюмо, без песен. В виноградниках и оливковых рощах субвилики покрикивали на рабов, называя их собаками, угрожая плетью. Где-то неподалеку шумела мельница, ревел осел. Мучная пыль залетала на ступени дома, покрывая их белым налетом, похожим на известь; следы босых ног переплетались на ступенях, сбиваясь в большие бесформенные пятна.

Мулы и ослы непрерывно подвозили повозки с бочками, наполненными виноградом и оливками. Виноград сваливался в чаны, оливки — в трапеты. Субвилики строго следили за работой: в руках у них были бичи из воловьей кожи.

Старик не успел осмотреть всей виллы. Приехали магистрат, землемер, писец и заявили вилику, что часть полей подлежит ассигнации, и предъявили ему эпистола с согласием Назики.

Вилик, толстый багровый раб, отъевшийся на господских хлебах, повел их в поле. Рабы косили хлеба и бобы. Цепи на ногах мешали работе: они ступали мелкими шажками, осторожно, боясь упасть. Надсмотрщик, с плетью в руке, прохаживался между ними.

— Тебе, хлебопашцу, по закону полагается определенное количество земли, — сказал магистрат старому воину, — да еще за добровольную службу два югера; ты можешь получить их из земель, отведенных под виноградники и оливки.

— Хорошо. Отрежь по одному югеру на виноградник и оливковые посадки.

Фульциния, узнав о земельном наделе, повеселела:

— Теперь у нас будет свое хозяйство, — сказала она, — а придет сын — и ему нарежут земли...

— Нет, — возразил старик, — место Мария в легионе. Увидишь, что он будет полководцем. Сам Сципион Назика будет у него гостем!

Глава XXXI

Лазутчики ежедневно доносили: в городе невероятный голод — жители обессилели, падают на улицах, умирают в страшных мучениях, и трупы лежат, разлагаясь, по-нескольку дней кряду; иные люди кончают самоубийством; нередко можно встретить на улицах женщин и мужчин, бредущих, опираясь на палки: они передвигают с трудом распухшие ноги, похожие на бревна, а на их отекавших лицах и в потухающих глазах залегла жуткая безнадежность.

Посольство нумантийцев, прибывшее неделю назад для переговоров о сдаче города, вернулось в осажденную крепость, не добившись ничего. Оно умоляло полководца пощадить храбрецов, сжалиться над стариками, женщинами и детьми, но Сципион требовал полной покорности.

— Что же послы? — спросил он лысого рябого лазутчика, который хорошо знал о делах в городе. — Как относятся к ним жители?

— Господин мой, требования твои показались чрезмерными. Разъяренная толпа растерзала послов.

— Ну а Ретоген?

— Вождь против сдачи. Он храбр, вынослив. Он получает пищу наравне с воинами: ломтик хлеба — укусить два раза, горсточку ягод. Скоро и этого не будет. Голод усиливается; вчера мать зарезала ребенка — ела сама, накормила мужа и детей. Начинается заразная болезнь...

— Много больных? — перебил Сципион.

— Зараза охватила несколько домов.

Сципион нахмурился, он боялся, как бы болезнь не перекинулась в его лагерь, и, вызвав трибунов, приказал развести костры вокруг лагеря:

— Поддерживать огонь непрерывно, следить за больными людьми, а в случае появления на теле пятен и опухолей докладывать мне...

Вскоре прибыли нумантийские послы. Они объявили, что город готов сдаться на милость победителя, и умоляли об отсрочке.

Сципион был уверен, что Ретоген и храбрецы кончат самоубийством, чтобы не попасть в руки римлян; а между тем эти люди могли бы принести пользу Риму, воздействовать на непокорные племена, управлять ими под покровительством Рима.

В назначенный день, чуть свет, были выстроены перед стенами крепости легионы, рабочие отряды и конница. Моросил дождь, дул холодный ветер. По звуку трубы распахнулись ворота. Бледные, изможденные жители медленно выходили из города; здесь были старики, матери с детьми, юноши, девушки; на лицах их было горе, ужас.

Сципион, сидя на Эфиопе, смотрел на пленников, на обувь их, облепленную грязью, и хмурился.

— А где же воины?

Сотни две светловолосых оборванных бородатых мужей выступили вперед.

— А еще?

— Умерли, — слышался чей-то голос.

— Ретоген?

Из толпы военнопленных вышел бледный юноша: глаза его сверкали ненавистью, губы подергивались. Он остановился перед полководцем и бесстрашно смотрел ему в глаза:

— Храбрый вождь Ретоген умер. Он приказал мне, его брату, сказать тебе, римлянин: «Будь же ты проклят со своей семьей, с любимыми людьми! Пусть злые боги растерзают твое сердце!»...

Он не договорил: Сципион выхватил меч, ударил юношу по голове с такой силой, что клинок, рассекши череп и шею, проник в грудь. Крик возмущения вырвался из толпы нумантийцев. Но Сципион, не обращая внимания на пленных, приказал:

— Отобрать для меня пятьдесят человек самых знатных. Жителей продать в рабство. Квесторам изъять все ценности. Предметы искусства сохранить. Завтра утром отдать город легионариям, а к вечеру зажечь.

Максим Эмилиан подъехал к нему на быстрой низкорослой лошади:

— Брат, ты забыл главное: накормить голодных!

...казалось, они спали.

— Распорядись. Прикажи разместить их в палатках Второго легиона.

— А куда легионариев? — спросил Марий.

— В палатки Первого легиона: пусть воины потеснятся. Присмотри за порядком, Максим!

Он повернул коня и в сопровождении выздоровевшего недавно Луцилия, Мария, квесторов и нескольких воинов въехал в город.

Узкие пустынные улицы с рядами низеньких домиков. Копыта лошадей мягко погружались в липкую грязь. Выгорелая за лето зелень деревьев и кустов, желто-серая, мокрая, лепилась у домов и изгородей. На улицах лежали трупы, и лошади, фыркая и храпя, осторожно переступали через них, боясь задеть ногами.

На площади у водоема Сципион остановил коня. Лысый лазутчик, с рябым лицом, подбежал к нему:

— Желаете взглянуть на Ретогена?

Сципион молча повернул Эфиопа, и всадники медленно тронулись за ним.

На деревянных ступенях храма лежали и сидели полуразвалившиеся люди; казалось, они спали. А посередине в красном плаще сидел, облокотившись, молодой воин. Рукоятка меча торчала у него из груди, лезвие выступало из спины. На мужественном лице, тронутым спокойствием смерти, тускнели полуоткрытые безжизненные глаза.

Сципион спешил и, шлепая по жидкой грязи, сдерживаясь, чтобы не выдать ничем своего волнения, поднялся по ступеням, взял бледную безжизненную руку храброго вождя, пожал ее:

— Слава великому воину, — просто сказал он, обернувшись к друзьям и легионариям. — На твою ответственность, Марий! Похоронить их с почестями.

— Но он оскорбил тебя, — удивился Луцилий, — ты убил его брата...

— Оскорбил меня не он, а его брат. Если бы я был на месте Ретогена, я поступил бы так же...

Он вскочил на коня и помчался к городским воротам.

Сципион послал донесение сенату, когда разграбленный город горел, освещая окрестные поля. Полководец приказал разрушить Нуманцию до основания, а ее земли разделить между соседними городами.

Кликнул раба:

— Позови Мария.

Молодой трибун остановился у входа, кашлянул. Сципион поднял голову:

— Военнопленные проданы? А жители? Тоже, говоришь? Хорошо. А кто покупал?

— Публиканы.

В это время стали собираться военачальники. Легионарии внесли амфоры и бочонки с вином, найденные в Нуманции, поставили на стол кратеры.

После обеда началась пирушка. Гости пили, поздравляя Сципиона с победой, желая ему многих военных успехов в будущем, а Луцилий, желая ему польстить, сказал:

— Один великий вождь остался в Риме — это ты. Скажи, кто будет защищать отечество, когда боги призовут тебя к себе?

Сципион обвел затуманившимся взглядом военачальников и, повернувшись к Марию, лежавшему сзади, тихо хлопнул его по спине:

— Он!

Все переглянулись.

— Не удивляйтесь, друзья. Все вы служите давно, а особенных отличий у вас нет. Этот же трибун — человек исключительный: он выдвигается все время. Разве он не был батраком, легионарием, центурионом — я не удивлюсь, если он будет первым в Риме!.. А теперь, друзья, выпьем за благо республики, за ее мир и целостность!

В палатку ворвался ветер, — вошел раб, громко возвестил:

— Гонец из Рима!

Через минуту перед Сципионом стоял человек в мокром плаще, облепленном грязью, и вынимал из кожаной сумки донесения и письма.

— Читай, — обернулся полководец к писцу. — Начни с большой эпистолы.

Это было письмо от Назики: он описывал восстание в Риме и смерть Тиберия Гракха.

— Слышите? — вскричал Сципион. — Пойти на такое преступление! Пренебречь спокойствием республики. Покуситься на сенат. Я не ожидал этого от Тиберия. И Назика прав, что подавил бунт!.. Я не знаю, друзья, вашего мнения, но скажу вместе с Гомером:

Так же погибнет и каждый, начавший подобное дело.

Он закрыл глаза рукой; видел форум, толпы плебса, сенаторов, выбежавших из Курии Гостилии, бой перед статуями царей и миролюбивого Гракха, поднявшего руку на власть...

«Тиберий оказался смелее нас всех», — мелькнуло в голове.

Военачальники тихо расходились, не желая беспокоить полководца. Марий тоже пошел к выходу.

— Сядь, — удержал его Сципион, — ты мне нужен.

Недоумевая, Марий уселся рядом со Сципионом и ждал.

— Ты, кажется, знал Гракха, — услышал он спокойные слова полководца. — Скажи, что ты думаешь о нем?

Суровое лицо Мария осветилось доброй улыбкой:

— Вождь, я скажу тебе правду: честнее и благороднее, чем ты и он, я не встречал в своей жизни мужей. Я любил Тиберия, как друга, как брата, как начальника, а теперь боготворю его, ибо он боролся за лучшую участь земледельцев, даровал им земли и... ныне его нет среди живых.

Сципион молчал.

— Вождь, — продолжал Марий, — вот письмо от моего старого отца; он получил землю Сципиона Назики, орудия для возделывания и волов; моя старая мать может теперь отдохнуть. А таких, как мы, много. И нам ли, беднякам, не боготворить Тиберия, не преклоняться перед ним?

Взволнованный, он встал; лицо его пылало.

— Вождь! Батрак — человек подневольный, но никогда не покорится патрицию. Это я знаю по себе. Таких же патрициев, как ты и Гракх, очень мало...

Сципион молчал. Потом сказал, не поднимая головы:
— Иди.

«И этот ненавидит нас, — думал он. — А ведь облагородился, стал центурионом! Если он пойдет далеко, если, подобно Тиберию, поднимет плебс, — быть великим смутам в республике».

Он просмотрел донесения и собирался убрать их в сумку, но вдруг взгляд его остановился на небольшой эпистоле, перевязанной тонкой пурпурной тесьмой.

Сердце его забилося; он краснел и бледнел, разрывая тесьму, догадываясь, от кого письмо.

«Твоя рабыня

Лаодика — великому Сципиону Эмилиану.

Письмо твое нас поразило: мы очень плакали. Но я подумала, что ты невредим — следовательно, жить еще можно. Посылаю тебе двуполого ниневийского божка: бедный отец мой говорил, что он приносит счастье, охраняет от болезней и волшебства. Носи его на груди, думая обо мне. О, умоляю тебя, будь милостив, сжался над своей рабыней! Приезжай поскорее, иначе я умру».

Сципион тихо засмеялся, оторвал прикрепленный к дощечке камешек, зашитый в пурпур: нагой, улыбающийся гермафродит, выточенный из золотисто-желтого хризолита, смотрел на него узкими продолговатыми глазами, в которых чудился таинственный призыв. Радость окрылила забившееся сердце; он подумал: «Если бы это письмо я получил раньше, Лизимах, может, остался бы жив».

Глава XXXII

Храм Беллоны, богини войны, был открыт настежь. Порфиновые колонны у входа были испещрены воинственными надписями, а внутри храма — увешаны оружием, которое победоносные полководцы возлагали на жертвенник.

В храме был полумрак, и большая статуя молодой богини смутно белела в отдалении. Здесь с утра соби-рался сенат. Еще накануне стало известно в городе о счастливом возвращении на родину с большой добы-чей разрушителя Нуманции.

Сенат решил явиться в полном составе, чтобы поч-тить своим присутствием знаменитого гражданина.

Главная жрица, стройная молодая девушка, гибкая, строгая, надменная, и жрецы разных возрастов — от юношеского до старческого — все обнаженные до поя-са, ожидали полководца, стоя у жертвенника, на ко-тором лежала двойная обоюдоострая секира.

Сципион Эмилиан появился в походном снаряже-нии: на голове его был блестящий шлем, на груди — металлическая лорика, на левом боку висел меч. Он вошел быстрым шагом воина, остановился. Луцилий и Марий внесли длинные нумантийские мечи, метатель-ные копья, пращи и щиты. Сенаторы окружили Сци-пиона с громкими приветственными криками, жали ему руки, поздравляли с победой, а Назика обнял его, прижал к груди:

— Покорителю Нуманции, привет!

Лицо Назики осветилось радостью. Он взял Эмили-ана под руку и подвел к жертвеннику.

Полунагая жрица принимала из рук полководца оружие и клала на жертвенник, потом схватила секи-ру и, быстро взмахивая ею, наносила жрецам неглубо-кие раны в виде надрезов на руках, боках и груди. Она подбежала к Сципиону, сделала надрезы себе на обеих грудях и у него на руках:

— Пусть великий полководец — во имя Беллоны — выпьет крови ее жрицы — во имя Беллоны — и даст жрице — во имя Беллоны — своей крови — во имя Беллоны...

Она охватила обеими руками небольшие яблокопо-добные груди с кровавыми рубцами и, сжав их, про-тянула с улыбкой в глазах Эмилиану. Полководец, смущаясь больше ее взгляда, нежели обнаженного те-ла, прильнул губами к ее горячим кровоточащим ра-нам на груди и ощутил во рту солоноватый вкус.

— Пей, — услышал он голос жрицы и схватил губами второй надрез, — дай руку.

Девушка с жадностью впиалась губами в рану и, отпустив его руку, бросилась в круг жрецов. И в то же мгновение храм ожил, вспыхнул многочисленными огнями; все понеслось, закружилось в бешеной пляске. Боевые возгласы сменялись дикими кличами, воплями, звуками труб и букцин. И вдруг сенаторы, подбирая повыше тоги, понеслись, постукивая красными башмаками, по каменным плитам: впереди мчался огромный Назика, — он пел громовым голосом, и весь храм вторил ему, стуча, визжа, хлопая в ладоши:

Видишь, Беллона,
Ромула воинов?
Громкой победой
Мы пораженные,
Славим, Беллона,
Наша помощница,
Храброго мужа:
Взял он Нуманцию,
Варваров смелых
Бросив растоптанных
В пропасть, Беллона,
Рабства и ужасов!

Сципион Эмилиан отошел от неистовствующей толпы, прислонился к колонне. Голова шла кругом. Он видел полунагую жрицу с окровавленными грудями, смотрел на ее голые ноги, обутое в сандалии; на волосатые ноги жрецов, и отвращение к этим людям наполнило его сердце. Он хотел остановить безумную пляску, сделал шаг, другой... Но пляска уже прекратилась; жрица, захлебываясь словами, пророчествовала.

— Тучи над Римом, — звенел ее свежий голос, взметаясь и падая, — тучи над республикой... Где ты, объединитель народов, гроза варваров, владыка мира? Ты спишь, проснись!.. Есть еще у нас Сципионы, будут величайшие мужи! Они вознесут Рим на такую высоту... О, Беллона, Беллона! Помоги нам, спаси Рим!

Она замолчала и, подойдя к полководцу, обвила его шею голыми руками:

— Беллона обнимает тебя, своего сына. Поцелуй, вождь, мать и гордись: ты заслужил триумф!

Сципион прижал свои губы к теплым губам жрицы, чуть не задохся от ее долгого поцелуя.

— Обращаюсь к сенату за получением триумфа, — сказал он, — и если я достоин...

— Заслужил, заслужил! — загремел весь храм.

Назика сказал громким голосом:

— Сенат награждает тебя прозвищем Нумантийский.

Эмилиан вышел из храма с затуманенной головой: он не был еще дома, но идти туда не хотелось, однако, мысль, что Семпрония ждет его, считает часы, минуты, мгновения, смягчила его сердце. Он вздохнул, стараясь не думать о Лаодике, и быстро направился к Палатинскому холму.

Семпрония встретила мужа смехом сквозь радостные слезы: она обнимала его, целовала ему руки, спрашивала о здоровье; он отвечал спокойно, холодно, и она с ужасом видела, что Публий все тот же: каким уехал, таким и вернулся.

Схватила его за руки, с тоской заглядывала в глаза:

— Скажи, что с тобою? Ответь честно: любишь меня или нет?

Сципион молчал; мускул играл на его правой щеке.

— Публий!

Он молчал.

— Не любишь? Я так и знала... Почему, почему?

— Не спрашивай, — глухо сказал он, — и не пытайся узнать...

Она побледнела:

— Любишь другую?

Он ласково обнял жену, погладил ее руки:

— Хочешь — будем друзьями? Поедешь во время триумфа на моей колеснице?

Вырвалась из его объятий, крикнула.

— Ты не отвечаешь, Публий! Я хочу знать! Зачем ты меня мучаешь?

Он подумал, взглянул на нее с сожалением:

— Да, я люблю другую.

В атриуме наступила тишина. Эмилиан стоял с опущенной головой, не осмеливаясь взглянуть на жену, точно совершил преступление, а Семпрония сидела, уронив голову на руки, и слезы капали на мозаичный пол. Потом она встала и, не глядя на него, скрылась за пологом, отделявшим таблиниум от атриума.

«Она даже не спросила, кого я люблю», — подумал Сципион, но вошел Полибий, и мысли его приняли другое направление.

— Слава богам! — вскричал старик, сжимая его в объятиях и с отцовской нежностью целуя в лоб. — Вот и ты! Сколько долгих месяцев мы были без тебя!

— Но мы беседовали в письмах, учитель! Я получил сочинения Гиппарха Никейского в целости. Благодарю тебя, что ты прислал мне...

— А ты обратил внимание на список звезд? Они распределены по величинам с указанием места каждой на небе...

Они поговорили о Нуманции, о Риме, и Эмилиан поспешил уйти:

— Будь добр, передай Семпронии, что я к вечеру вернусь...

— Не могу ли я тебе сопутствовать?

— Прости, но я ухожу по неотложным делам.

Очувшись на улице, Сципион отпустил раба, который дожидался его перед входом в дом, и углубился в узенькие улочки.

После долгой ходьбы он очутился перед домом Лизимаха и, приказав рабу не предупреждать хозяев о приходе, вошел внутрь.

В атриуме и таблиниуме было тихо — ни голоса, ни звука. Он прошел в перистиль, спустился в сад.

— Госпожа дома? — спросил он встретившуюся старуху-рабыню.

— Матрона уехала, — ответила рабыня, называя по-римски свою госпожу “матроной”, — а дочь ее там, за кустами...

Остановившись, Эмилиан смотрел на скамейку, на которой сидела Лаодика. Девушка показалась ему бо-

жественной. Она была в белой шерстяной тунике, обнажавшей загорелые руки, в сандалиях с пряжками, усаженными мелкими зелеными хризопрасами; красный ремень, обвивая ноги, проходил между большим и следующим пальцами. Она поразила его строгостью форм, задумчивым, как будто иным лицом. Белый лоб окаймляли черные косы, закрученные ниже макушки в пучок, из которого торчала шпилька из слоновой кости, похожая на знамя манипулы, с головкой, изображавшей руку. Она держала веер из павлиньих перьев, в виде полукруга, с ручкой, украшенной искусной резьбой.

Сципион вышел из-за куста. Она подняла голову, узнала его, вскочила, вскрикнула, всплеснула руками. И, вспыхнув, опустила голову, дрожа, как от озноба.

Он подошел к ней, взял ее руку:

— Я вернулся в Рим... ты писала мне... Я рад, что ты ждала меня...

Он сел на скамью, посадил ее рядом с собой.

Она подняла на него черные глаза и, не отнимая руки, улыбнулась прежней солнечной улыбкой.

— Я ожила, Публий, — сказала она по-гречески, не замечая, что называет его по имени, — я никуда не уеду из Рима, пока ты здесь... Ты для меня, как говорила Гектору Андромаха, отец и родина и... и будешь супругом возлюбленным...

— Лаодика, — прошептал он, обнимая ее и привлекая к себе.

— Слава Афине, защитнице твоей в боях, и Посейдону, охранявшему тебя в морях! А еще большая слава Афродите, которая смягчила твое сердце...

Обняв его за шею и прижавшись щекой к его грубой обветренной щеке, она шепнула:

— Я знаю, ты любишь меня, Публий! Ты полюбил еще тогда — помнишь?.. — Я пела, а ты... я чувствовала, что сердце твое хочет слиться с моим, но ты был холоден... Я знаю, ты не любил моего отца...

И вдруг, отодвинувшись от него, заглянула ему в глаза:

— Расскажи, как он погиб...

— Не сейчас, Лаодика!

Голос его был суров. Она испугалась, что Эмилиан может стать опять холодным, неприступным, встать и уйти.

— Хорошо, хорошо, — поспешно прошептала она, прижимаясь к нему. — Хочешь, я покажу тебе свою азиатскую комнату, — засмеялась она, — я украсила ее к твоему приезду... Я ждала тебя каждый день... Ты мне снился...

— А где Кассандра?

— Мать уехала на несколько дней в Остию. После смерти отца она занялась торговыми делами.

— А ты... что делаешь? Как проводишь время?

— Я мечтала все время о тебе...

Она рассмеялась, вскочила и побежала впереди него, ласково оглядываясь и рассказывая, что за эти долгие месяцы прочитала «Анабасис» и теперь он, Сципион, не должен отказываться от книги.

— Ты любишь Ксенофонта, — заключила она свою порывистую речь, останавливаясь перед ним в перистиле и приглашая движением руки сесть за стол, но он отказался опять от книги, подумав: «От изменника я не хочу ничего иметь».

Он снял с себя шлем, лорику и меч, освободился от тяжелой одежды воина.

— Будь как дома, — говорила Лаодика, унося его вещи, — позволь быть твоей служанкой, верной рабыней... Ты — самый дорогой гость, которого видели когда-либо стены этого дома...

Она вышла и вскоре вернулась с небольшим серебряным блюдом, от которого струился тонкий запах цветов. Рабыня внесла вслед за ней амфору с вином, золотые кубки, плетеные корзинки с виноградом, яблоками и финиками.

— Попробуй гиметтского меду, — потчевала она его, — мы недавно получили его из Аттики, — он сладок, пахуч и напоминает амброзию... И все же я больше люблю мед из Гиблы, но, увы! Тринакрия в руках рабов, и жадные варвары, наверно, опустошили все пчельники...

— Мед великолепен, — подтвердил Эмилиан, взяв ломоть с блюда; он выплевывал воск в глиняную чашку и пил маленькими глотками левкадейское вино. — Что же ты, Лаодика?

— Я ела, — улыбнулась она. — Прости, я побегу в азиатскую комнату, посмотрю все ли в ней в порядке.

Между тем волоокая рабыня принесла медный тазик с водой и дожидалась, когда господин кончит еду. Сципион вымыл липкие руки и, усевшись, ждал девушку. Все было необычно и складывалось так, думал он, точно боги благоприятствовали их любви. Он застал ее одну, он говорил с ней без свидетелей и будет беседовать еще, смотреть в ее глаза, ощущать всеми нервами живое присутствие этой божественной афродитоподобной красоты.

— Публий, — услышал он ласковый, проникновенный голос и очнулся от дум: приоткрыв дверь, девушка манила его к себе.

Он вошел в азиатскую комнату. Стены, пол и потолок были украшены пестрыми мохнатыми коврами с изображением нимф, фавнов, кентавров; возле низеньких столиков лежали груды разноцветных подушек; две светильни, укрепленные на высоких треножниках, горели ровным розовым светом; на четырехугольном жертвеннике, перед статуей Афродиты, алели угольки, и курильницы, в которых догорали перед богиней благовония, дымились голубыми струйками.

Эмилиан огляделся: у статуи богини стояла Лаодика. Она была в широкой восточной одежде, которая скрадывала формы ее тела. Она подходила к нему медленной походкой, точно в раздумье. От нее исходил тонкий приятный запах, и Сципион понял, что ее тело умащено нардом — драгоценной мазью Востока.

— Будь у меня дорогим гостем, — звенел ее голос, и она, опустившись на колени, поклонилась ему до земли.

Бросился к ней, помог встать и, обняв, сжал в объятиях. Под тонкой восточной одеждой он почувствовал тело — пылающее, податливое, — услышал прерывистый шепот, и в ту же минуту светильни погас-

ли, только угольки жертвенника продолжали алеть в темноте маленькими пятнышками.

— Публий...

— Лаодика...

Когда светильники вспыхнули вновь, Лаодика лежала, тяжело дыша, на подушках; ноги ее были обнажены, а Эмилиан целовал маленькие ступни, пахнущие нардом. Лаодика, взяв со столика бронзовый ларчик для женских принадлежностей, подала его Сципиону:

— Взгляни, Публий! Эта циста куплена моим отцом в Пренесте у этрусского мастера. В ней, кроме щеточек и мелких вещиц, находятся драгоценные камни, которые я отобрала к твоему приезду...

Эмилиан молчал, не понимая, зачем она это говорит. Он смотрел на стенки цисты, на которых искусной рукой были выгравированы двенадцать подвигов Геркулеса, и на крышку с выпуклой фигурой девушки. Вглядевшись, он удивился — лицо Лаодики, ее улыбка была схвачена так верно, что, глядя на изображение, он испытывал радость.

— Все эти драгоценности — твои, — шептала Лаодика. — О, прошу тебя, не отказывайся, супруг мой возлюбленный! Взгляни на них и скажи: разве не искусно сделана работа?

Сципион открыл цисту: драгоценные камни загорелись искрами, как брызги воды на солнце.

— Зачем мне все это? — пожал он плечами и хотел уже возвратить ей цисту, но Лаодика настояла, чтобы он посмотрел камни.

Вынув змееподобную цепочку, усаженную коссирскими смарагдами, Лаодика надела ее Сципиону на левую руку.

— Камни поворачиваются, — тихо сказала она, — захочешь меня увидеть — поверни так; всегда я, мое лицо, мое тело будут перед твоими глазами. Обещай носить, не снимай никогда.

— Я беру их не на память, потому что мы никогда не расстанемся, а как частицу тебя, чтобы ты была

всегда со мною. Что же мне подарить тебе? Ты была дальновиднее меня, ты знала, что я приду к тебе, и потому приготовила заранее эти сокровища, ты — сама сокровище! А я?..

В задумчивости он опустил голову.

— Подари мне, Публий, свой кинжал, — улыбнувшись, молвила Лаодика. — Я вижу на рукоятке буквы твоего имени и прикажу рядом выжечь мое имя...

— Я уйду. Когда увидимся?

— Завтра, послезавтра, каждый день... Приходи...

— А мать?

— Она приедет ненадолго. А если и узнает о нашей любви, то лишь возблагодарит богов.

Прощаясь, Лаодика долго не отпускала Эмилиана. Лицо ее горело, и она шептала, покрывая поцелуями его лицо и руки:

— О, если б ты остался! Не уходил! О, если бы мы никогда не разлучались, ни на одно мгновение!

Глава XXXIII

На другой день на Марсовом поле Сципион давал сенату отчет о своих действиях во время войны. Выслушав его, сенат подтвердил свое согласие на триумф. Шествие медленно тронулось к Триумфальным воротам, прошло мимо цирка Фламиния и вступило через Карментальские ворота в город. Оно не пошло прямо к Капитолию, а направилось по бычьему рынку к Circus Maximus (величайший цирк).

Впереди шли сенаторы в шерстяных тогах с пурпурной каймой; по пути к ним присоединились магистраты разных должностей, вплоть до курульных эдидов, а за ними следовали военные музыканты, которые играли на трубах и букцинах, били в барабаны. Затем следовали телеги с добычей: статуи богов и богинь, грубые и изящные картины, непривычные для

римских глаз, с изображением невиданных зверей и птиц, трех-, четырех- и пятиглавых людей. Все это вызывало изумленные восклицания зрителей, смех, негодование; шлемы, щиты, панцири, длинные копья и большие тяжелые мечи вызывали удивление; сосуды, наполненные серебряными слитками, рога для питья, чаши и кубки хотя и были немногочисленны, но вид их вызывал одобрительные возгласы толпы.

Несколько человек несли почетные дары — золотые венки, преподнесенные полководцу испанскими общинами. Затем шли, непрерывно мыча, белые быки с позолоченными рогами в венках (они были предназначены для жертвоприношения в Капитолии, потому что триумф происходил в честь Юпитера), их вели молодые люди в передниках с красной каймой. За ними следовали знатные нумантийцы в цепях, в траурных одеждах, с опущенными головами: они не надеялись на сохранение жизни, зная суровость Сципиона, и покорно ожидали часа, когда смерть прекратит их унижение, избавит от постыдного рабства.

Триумфатор ехал по *Via Sacra* и приближался к форуму под звуки торжественной музыки. Сопровождаемый ликторами, одетыми в пурпур и увенчавшими свои прутья лавровыми ветвями — символом победы, он стоял на разукрашенной колеснице, в которую была запряжена четверка белых коней. На нем была пурпурная, затканная золотом одежда из храмовой сокровищницы Юпитера: расшитая пальмовыми ветвями туника, расшитая затейливыми узорами и изображениями тога; в правой руке он держал лавровую ветвь, а в левой (на запястье красовалась смарагдовая змееподобная цепочка, подарок Лаодики) скипетр из слоновой кости с орлом; на голове у него был лавровый венок. Триумфатор казался земным Юпитером Капитолийским: он был величествен, и восторженная толпа бежала за ним с оживленным говором и восклицаниями. А стоящий позади него раб держал над его головой золотой венец Юпитера и кричал громким голосом:

— Помни, что ты только человек!

— *Jo triumphe!*¹ — восклицали воины, а толпа редела, повторяя этот возглас.

Семпрония, бледная, невеселая стояла на колеснице Сципиона и думала с тоской, когда, наконец, кончится шествие. Участвовать в триумфе мужа было для нее пыткой, и она, сдерживаясь от слез, жадно смотрела на толпу, ища среди нее соперницу. Сотни красивых матрон, юных римских девушек, гречанок, прочих чужеземок проплывали перед ее глазами в сказочном видении, но ни одна, по ее мнению, не была достойна Эмилиана.

За триумфальной колесницей шли освобожденные полководцем из плена римские граждане; на их головах красовались пилосы вольности.

Торжественное шествие замыкалось воинами с лавровыми ветвями в руках. Они шли в центуриях, пели победные гимны в честь полполководца и старинные шут-

---

¹ Иду в триумфе! (*Лат.*)

ливо-веселые песни, высмеивавшие его. Семпрония вслушивалась в песню, но слов не понимала. Только припев глубоко врезался ей в память:

*Славься, наш вождь
знаменитый!
В сечах ты славу обрел!
Воинов вражьих недавно
В дымный Аид отогнал...*

Музыка гремела.
— *Jo triumphe! Jo triumphe!*

И вдруг родилась шутовская песня: она ударила ревом, звоном, грохотом, хохотом:

Вечером вождь наш увидел
Женщину в поле: размяк,
Кинулся к ней со словами:
«Девушка, хочешь — пойдем
В лагерь наш? Сладкие вина,
Жареных птиц вертела
Ждут нас, красавица! Что же
Слова не скажешь в ответ?»
Женщина входит в палатку:
Пламя светильни на ней.
В ужасе вождь: он влюбился
В старую сводню без глаз!

Слыша хохот толпы, видя смущенно улыбающиеся лица девушек и откровенно смеющиеся — женщин, булочников, ремесленников, Семпрония думала с негодованием: «Почему он позволяет им издеваться над собой, петь такие гадости, он — великий полководец, гроза народов? Разве это нужно? Эти легионарии рады выместить свою злобу над строгим начальником и потому усердствуют». Но тут же вспомнила триумфы, виденные неоднократно в юности и позже, такие же песни, даже более грубые и откровенные, поняла, что воинами руководит вовсе не желание оскорбить полководца, а просто это — старинный обычай, нарушить который означало бы лишиться войска того удовольствия, которое они испытывали, относясь к триумфатору как к товарищу, равному по службе и положению.

Триумфальное шествие вышло на форум. Играла музыка, народ расступался, бежал. Семпрония вглядывалась в лица женщин и девушек, искала среди них ту, которая отняла у нее мужа, похитила, как воровка, проникшая ночью в мирный дом, величайшую драгоценность. Вдруг взгляд ее упал на девушку невиданной красоты: это была не римлянка, а чужеземка; она не спускала сияющих глаз с триумфатора.

Взглянув на Сципиона, Семпрония обомлела: он тоже не спускал глаз с девушки и ласково ей улыбался; Семпронии послышалось, что с его губ сорвалось греческое восклицание.

Колесница проехала, а девушка стояла перед ее глазами “злым наваждением, волшебным видением”, подумала она.

Семпрония верила в волшебство и посещала несколько раз в день старую персиянку, гадалку и чародейку, в надежде, что она отведет любовь мужа от соперницы; вчера еще она отнесла ей два небольших глиняных изображения — свое и мужа, и персиянка, слепив восковые фигурки, оттиснула на них лица супругов; связав затем эти фигурки, старуха взяла длинную иглу, раскалила ее на огне и уколола Сципиона в печень. «Это внушит ему любовь к тебе», — сказала она, получая от Семпронии горсть золотых монет. Но теперь, когда муж улыбался этой девушке, Семпрония видела, что чары персиянки бессильны, и испытывала острую ревность, бешенство, жажду мести.

«Узнать, кто она, отправиться к ней и убить, — думала она, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, но мысль, что убийство не возвратит ей мужа, заставила ее искать иного выхода. — Я устала от этой жизни, я должна иметь слепок этой девушки... Я научусь стрелять из лука, поставлю слепок этой блудницы, прострелю ему сердце, и она вскоре умрет... Я буду поджаривать слепок на медленном огне, чтобы извести эту прекрасную чужеземку... Я буду...»

Триумфальная колесница остановилась на Капитолии. Сципион сошел с нее и, приветствуемый расступившимися сенаторами и магистратами, положил лавровую ветвь на колени статуи Юпитера, произнес благодарственную молитву и принес жертву. Быки ревели, лилась кровь, а Семпрония, полузакрыв глаза, думала о девушке, которая (она была в этом уверена) заняла ее место в сердце мужа.

Потом был праздничный пир. Триумфатор угощал войска и народ, щедро наделял всех подарками. Но Семпрония не осталась на пиру, несмотря на то, что Назика несколько раз подходил к ней, уговаривая остаться. Она торопилась к волшебнице-персиянке, полагая, что старуха найдет теперь средство, как устранить опасную соперницу.

Глава XXXIV

Сципиону Назике находиться в Риме стало опасно: где бы он ни появился, один или в сопровождении друзей — всюду видел злые лица плебеев, их враждебные глаза, слышал оскорбительные возгласы: «Безбожник! Убийца!» А на улицах и площадях должен был уклоняться от камней, швыряемых в него разъяренной толпой.

Он пытался выходить в сопровождении вооруженных рабов и ликторов, которых предоставил ему сенат, прибегал к помощи эдилов, но все было напрасно. Народ не хотел, чтобы он находился в Риме, и кричал: «Вон из республики!» В рабов и ликторов летели булыжники с крыш домов, из-за оград, даже из храмов, но кто бросал камни и оскорблял оптимата — установить было невозможно. Враг исчезал, а через некоторое время появлялся в ином месте, нанося новый удар.

Однажды камень, попав Назике в губы, раздавил их, вышиб два нижних зуба. С этого времени всесильный патриций перестал выходить из дому. Он просиживал целые дни за греческими книгами, писал, переводил. Губы распухли, он не мог ни есть, ни говорить и с приходившими сенаторами объяснялся непонятными звуками, кивками головы, и сердился, если его не понимали. Он выздоравливал быстро и ко дню прибытия из Испании Сципиона Эмилиана мог уже свободно говорить. Он решил выходить на улицу с рабами, вооруженными пращами со свинцовыми шариками и камнями, чтобы отбить нападение, и когда он появился в первый раз на улице — плебс стал свистеть, бросать в него чем попало, оскорблять. Тогда заработали пращи: один человек был убит, другие свалены с ног. Оказалось, что они ранены. Разъяренные рабы хотели их прикончить, но толпа дико закричала и оттеснила Назику с его людьми.

— Мы тебя убьем! — грохотали улицы, и опять оскорбления, камни сыпались на оптимата; он хотел было возобновить нападение, но толпа была чересчур велика и могла всех растерзать.

Вечером к Назике пришли сенаторы.

— Оставаться тебе в Риме опасно, — сказал Квинт Метелл Македонский, — уезжай скорее... куда-нибудь подальше: в Грецию, на острова, в Азию — куда хочешь. Семью можешь оставить...

Сципион Назика решил сдать все свои земли в аренду публиканам, а виллу, если не найдется покупателя, завещать жене в вечное владение. Марция должна остаться в республике. Она поселится в Брундизии, будет наблюдать за порядком в вилле, изредка наезжать в Рим.

— А я, — прибавил он, — отправлюсь в изгнание один, и если положение в республике изменится, если это угодно будет богам, возвращусь на родину.

Он уехал с женой в Брундизий, а оттуда отплыл из Италии, побывал в Греции, жил некоторое время на Эвбее, Лесбосе и, наслушавшись от ценителей красоты о Пергамском царстве (говорили, что столица — чудо мира не только по своему месторасположению, памятникам искусства, библиотеке, но и по красоте женщин и девушек, преимущественно гречанок), отправился из Митилены в Пергам.

«Там я займусь науками и философией, — думал он, следя за уходящим берегом Лесбоса, — изучу милетских философов — Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, напишу о них книгу для римской молодежи, затем примусь за Пифагора, за элейскую школу поэта Ксенофана с его учениками Парменидом, Зеноном, Мелиссом, а потом перейду к Гераклиту, Эмпедоклу, Анаксагору и Демокриту. В Пергамской библиотеке я найду полное учение каждого философа, тщательно выберу мысли, заслуживающие внимания, и отмечу, как сор, не ценное. Так я проведу дни, недели, месяцы, годы до возвращения на родину».

Он высадился в Атарнее с несколькими рабами, нанял десятка два мулов для перевозки имущества и отправился в столицу.

Пергам, расположенный на высокой трахитовой скале, показался ему величественным. Рослые невольники понесли его к агоре, где находились гостиницы.

Рабы его следовали позади, подгоняя мулов, навьюченных кладью. Всюду слышалась греческая речь. Хозяин гостиницы объяснил на дорическом наречии, что последний Атталид, умерший недавно, был великий ученый, поклонник греческого искусства, и на вопрос Назики, довольны ли были своим царем подданные, ответил:

— Он был тиран.

Дальше словоохотливый грек рассказал о достопримечательностях города и упомянул, как бы вскользь, что в Пергам прибыл недавно великий астроном Гиппарх Никейский.

Сципион Назика привскочил на кресле от радости. Он читал неоднократно сочинения знаменитого ученого и теперь раздумывал, как с ним познакомиться.

— А где он живет? — спросил он притворно-равнодушным голосом, снимая с себя тогу.

— Неподалеку от библиотеки у купца Ксантипа.

На другой день утром Назика нанял лектику и отправился в акрополь.

Пересекая агору, он смотрел на толпы народа в хитонах и хламидах, на римлян в тогах, видел эдилов, слышал римскую речь, и тоска по родине заползала в сердце, щемила его... Говор народа разгонял мысли. Продавцы выкрикивали свой товар по-гречески и полатыни, покупатели, большей частью рабы и невольницы, торговались из-за каждого обола, пересыпая свою речь руганью и криками.

Остановив лектику перед величественным жертвенником Зевса, построенным царем Эвменом II, Назика стоял в немом изумлении, созерцая удивительное произведение человеческого гения: длинный мраморный прямоугольник тянулся, казалось, бесконечно, и на вершине четырех ступеней возвышался гладкий цоколь; фриз же, украшенный гигантомахией, был окаймлен карнизом.

Назика загляделся на гигантомахию: «Какая сила воображения! Какое умение претворить идеи в жизнь, воплотить их в камень!» На западной стороне фриза были изображены божества воды и земли, на южной —

великие небесные светила, на восточной — главные олимпийские божества и на северной — ночь с ее созвездиями.

Назика обошел фриз и вернулся к гигантомахии: она была несравнима ни с чем! Эти нагие тела с узловатыми мускулами, напряженными в борьбе, эти гневные лица Зевса и Афины, величественность голов, посаженных ваятелем на мощные торсы, эта борьба не на жизнь, а на смерть, яростное сопротивление гигантов — все это вызывало у Назики такое восхищение, что он готов был простоять перед фризом часы, любясь и наслаждаясь дивным произведением искусства.

С большим сожалением он отошел от гигантомахии, повелев рабам нести себя дальше.

Город, расположенный по склонам горы, утопал в садах. Вдоль улиц теснились сводчатые лавки с подвальными помещениями, где хранились запасы продовольствия, предметы первой необходимости, домашняя утварь. Дорога к акрополю была прямая, как натянутая веревка. Навстречу попадались пешеходы, лектики со знатными греками и римлянами, тележки, нагруженные зеленью.

У городских ворот, ведущих в акрополь, Назика сошел с лектики и поспешно зашагал по трахитовой мостовой влево, к храму Афины Паллады. Еще издали он увидел двухэтажную галерею с причудливо расположенными колоннами: внизу — дорическими, а наверху — ионическими. Он остановился у базилики, смотрел на храм, на царские дворцы. От нового дворца, в котором жил и умер Аттал III, тянулась прямая дорога к театру; длинная и широкая колоннада соединяла агору с театром, который был окаймлен галереями-колоннадами. Зрелище было великолепное: бесконечная белизна мраморов придавала городу вид огромной мастерской скульптора. Дальше находилась терраса Афины, украшенная на северной и западной стороне двухэтажными портиками; здесь помещалась знаменитая библиотека с музеем искусств, а рядом с ней возвышался памятник работы скульптора Эпигона, воздвигнутый Атталом I; победоносный царь воздавал ка-

ждый раз благодарность богине после благополучного возвращения с войны.

Назика нашел без труда дом купца Ксантипа и приказал рабам вызвать хозяина. Седой грек подошел к лектике и поклонился патрицию.

— У тебя живет Гиппарх из Никеи? — спросил Сципион Назика.

— У меня.

— Дома он?

— Дома, но повелел, чтоб его не беспокоили.

— Я напишу ему, а ты передай. Возвращайся с ответом.

Назика вынул дощечку и написал по-гречески:

«Публий Сципион Назика, патриций из Рима — великому ученому Гиппарху из Никеи.

Имя твое гремит по вселенной, в Риме ты известен не менее, чем в Элладе и Пергаме; у тебя много почитателей и поклонников — в числе их и я, твой покорный слуга. Добровольно удалясь в изгнание, я узнал, что ты — в Пергаме, и, помолясь всеильному Посейдону о даровании попутных ветров, направил без своего судна к берегам Азии. Будь добр назначить день и час, когда нам увидеться. Я знаю, что ты пребываешь в размышлениях и созерцании небесных светил, поэтому мне особенно дорог будет твой благосклонный прием.

Прощай.»

Назика ждал недолго: Ксантип подошел к нему с более низким поклоном, чем при первой встрече, и возвестил, что Гиппарх ждет римского патриция.

Пергамские дома строились по образцу греческих. Назика вошел через пропилеи и переднюю во двор, называемый аулой, где находился жертвенник, и был введен Ксантипом в простас, или приемную, уставленную бронзовыми статуэтками, утварью, треножниками. Слева из таламоса — спальни, выглянул мальчик и тотчас же скрылся.

За столом, загроможденным свитками папирусов и различными приборами, сидел белобородый старик с

желтым морщинистым лицом. Против него на стене висели широкие хартии — одни с очертаниями земель, рек, морей и городов, другие с небесными светилами в виде кружков, с надписями по-гречески. Он поглядывал на стену и что-то писал, изредка задумываясь. Это был великий Гиппарх.

Увидев Сципиона Назику, он встал и, поправив на себе складки гиматия, пошел ему навстречу.

— Привет ученому мужу, великому Гиппарху, постигшему тайны небес!

— Привет тебе, стражу Рима, победителю Гракха!

Назика удивился осведомленности старика о событиях в Риме и, несколько смутившись (ему показалось, что в словах Гиппарха слышалась ирония), ответил, что не считает себя победителем: он только исполнил долг гражданина, свергнув тирана и усмирив восставший плебс.

— Я много думал о Гракхе, — задумавшись, сказал астроном, — и должен тебе сказать, благородный римлянин, что Тиберий, мне кажется, помышлял о благе земледельцев. Доказательством этого служит *lex agraria*. Теперь обрати свои взоры на пергамские земли, расположенные вне городов: это государственная земля, расчлененная на комы — участки, а по-римски — *ager publicus populi Romani*¹. Кто работает на ней? Рабы и свободные поселяне. Кто владеет ею? Римский народ? Будто он, а на самом деле публиканы, которые арендуют земли, собирают платежи с земледельцев.

— Я не понимаю тебя, — пробормотал Назика, чувствуя, что Гиппарх чего-то не досказывает.

— Не понимаешь? Тогда слушай: рабы и земледельцы стонут от гнета публиканов, от гнета богачей, и я боюсь, чтобы и у нас не случилось того же, что было у вас в Риме... Не забывай, что Аристоник борется за угнетенных пролетариев...

— По-твоему, Тиберий был прав? — побледнев, спросил Назика. До сих пор он был спокоен. Его хвалили за совершенный подвиг, он уверен был в своей правоте, и вот нашелся теперь человек, который дает

---

¹ Общественная земля римского народа. (Лат.)

понять, что дело Гракха — справедливо. Назика вспомнил, что даже знать сочувствовала земельному закону, но когда дело коснулось отторжения земель, она испуганно выступила против Тиберия.

— Он боролся за великое дело...

— Он добивался царской власти!

Гиппарх презрительно вздернул плечами:

— Сомневаюсь. Человек, старающийся улучшить положение плебса, не может помышлять о царственной тиаре. Это наветы его политических противников.

— Если это так, — задумался Назика, — то скажи, почему Эвдем предлагал ему корону Аттала?

Гиппарх поморщился:

— Я высказал только свое мнение, но возможно, что я ошибаюсь. Ведь я не знал Гракха, не встречался никогда с Эвдемом.

Назика со стесненным сердцем встал, подошел к хартии, на которой были изображены небесные светила.

— Ты, открывший наступление равноденствия, — сказал он, обернувшись к Гиппарху, — вычисливший параллакс солнца, составивший список нескольких сотен неподвижных звезд, скажи откровенно, что ты думаешь о вращении земли вокруг своей оси и солнца?

Гиппарх усмехнулся:

— Эта истина стара, как мир. Разве тебе неизвестно, что пифагорейцы Экфант к Филолай утверждали, что земля вращается вокруг своей оси и с другими созвездиями вокруг центрального огня? А мудрый Эвдокс объяснил при помощи гомоцентрических сфер кажущееся движение небесных тел вокруг земли...

— Но Платон и Аристотель оспаривали это...

— Они заблуждались. Больше всех астрономов я ценю Аристарха Самосского, который обстоятельно доказал вращение земли и небесных тел вокруг солнца.

— Мне кажется, — осторожно заметил Назика, — никто, кроме тебя, не поддерживает этих суждений...

— Да, все эти ученые осмеяны. Даже Платон и Аристотель совершили ошибку, отвергнув великие истины.

— Не так ли, — прервал его Назика, — благородный Полибий насмеялся над астрономом Пифеем, величая его бессовестным лгуном?

— Ты говоришь «Об океане» Пифея? Любопытная книга. Он описывает Иберию и Галлию, острова, родящие олово, говорит о треугольной форме Британии. Но что достойно удивления, так это то, что он рассказывает о далеком острове Фуле, за которым простирается безжизненный океан и где бывают очень долгие ночи и дни без ночей.

— Он наблюдал морские приливы и отливы, объяснил влияние полнолуния на приливы...

Потом, склонившись вместе над картой Эратосфена, они смотрели нанесенные земли, градусы долготы и широты, беседуя тихо, задумчиво, как старые друзья.

— Великие ученые, — говорил Гиппарх, — обожествляли небесные тела: вспомни Пифагора, Платона, Аристотеля и других. Разве Анаксагор на вопрос, зачем он родился, не ответил: «Для созерцания солнца, луны и неба?» Разве Ксенофан, посмотрев на небо, не сказал, что «Единое есть бог»? Разве Аристотель не считал небесные тела вечными и бессмертными?

— Но Эпикур...

— Да Эпикур смеялся над обожествлением небесных тел, но что можно ожидать от философа, который презрительно относился к наукам?

— Я не согласен с тобой, — возразил Назика, — он считал, что науки не содействуют истинному совершенству, нарушают атараксию души...

— Вовсе нет.

— Что же касается небесных тел, то утверждение его неоспоримо: из того, что вечность небесных тел нарушила бы атараксию самосознания, необходимо и очевидно вытекает, что они не вечны, то есть ничто не вечно, если оно уничтожает атараксию единичного самосознания...

— Но единичное самосознание бывает неодинаково: у одного человека больше, у другого меньше...

— Потому-то взято единичное...

— Если так, то неединичное самосознание, именно то, о котором я говорю, не нарушает атараксии, и поэтому все вечно — и небесные светила, и земля, и человек...

— Я не понимаю тебя.

— Вечные тела, или постоянная материя, разрушающаяся, не исчезают даже в пустоте (я не люблю Демокрита с его вихрями атомов, но скорее допускаю необходимость, чем случайность Эпикура); материя видоизменяется, чтобы претвориться в другие тела...

— Но если небесные тела не нарушают атараксии неединичного самосознания, как ты утверждаешь, то они не представляют существующего всеобщего, и природа в них становится несамостоятельной. А ведь это — абсурд. Скажи, разве небесные тела, которые мы наблюдаем, не есть существующее всеобщее? Разве природа не есть самостоятельное целое?

— Все это кажущаяся видимость. Ты забываешь, дорогой Публий, о богах...

— О богах? — вскричал Назика громким голосом, в котором слышались удивление и насмешка. — Неужели ты допускаешь...

— Удивляюсь, — пожал плечами Гиппарх, — в одном ты — последователь Эпикура, а в другом — Демокрита из Абдеры. Но если Демокрит насмеялся над богами, то это было глупо: он противоречил себе...

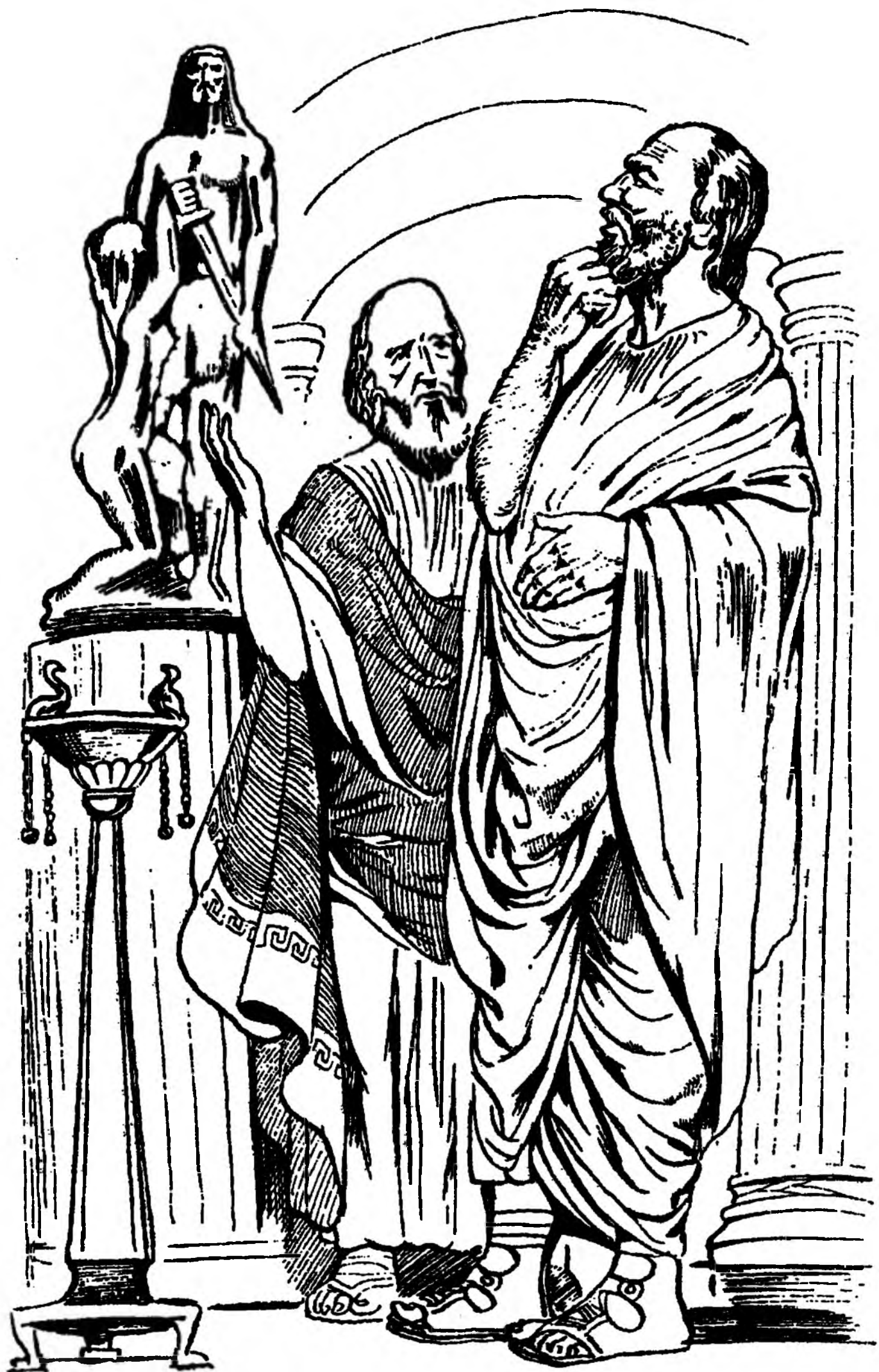
— Не понимаю тебя.

— Он говорил, что богов нет. А разве можно насмеяться над тем, чего нет?

Когда Сципион Назика уходил, Гиппарх удержал его за руку:

— Взгляни на «Умирающего галла» и на «Галла и его жену». Какая статуя нравится тебе больше?

Назика удивился, что не заметил такой красоты. Он смотрел на умирающего галла, который сидит на земле, опершись о нее рукой, а кровь льется из раны: голова склонена, жизнь отлетает из тела... И рядом — другая статуя: галл с гордо поднятой головой и с обнаженным мечом в руке ждет, когда наступит время покончить счеты с жизнью. У его ног — нет, вернее, повиснув на его руке, — находится трепещущая покорная жена, и оба знают — он и она, — что сначала он убьет ее, а затем пронзит мечом свое сердце, чтобы не попасть в плен к лютым врагам.

— Взгляни на «Умиряющего галла»...

Назика молча протянул руку к «Галлу и его жене».

— Ты прав, — сказал Гиппарх, — когда я смотрю на эту робкую, покорную женщину, я думаю, что ей трудно умирать, что она молода, перед ней жизнь, но долг жены повелевает разделить судьбу мужа. И мне хочется плакать, я едва сдерживаюсь от слез. Как жестока жизнь, заставляющая людей проливать кровь!

Гость молчал. Ему чужда была жалость — у него в груди билось каменное сердце воина, переполненное ненавистью к гражданам, злоумышляющим против отечества, и он, не задумываясь, убил бы кого угодно, будь даже это родной отец, если б он нарушил римский закон, пошел против власти.

«Разве Тиберий не был моим двоюродным братом? Но что значит родство, когда государство в опасности?»

Гиппарх сердечно простился с римлянином.

— Ты у меня всегда будешь желанным гостем, — говорил он, низко кланяясь Назике. — Прости, если я сказал что-нибудь лишнее, а мое мнение о Гракхе есть только мое мнение.

И, подняв с трудом тяжелую статую «Галла и его жены», он протянул ее гостю.

— Возьми эту вещь на память обо мне. Быть может, глядя на этих обреченных людей, ты пожалеешь человека, и твое сердце смягчится. Тогда ты поймешь, что человек, подговаривающий другого на убийство, преступнее самого убийцы. Возьми.

Назика взял статую и, поблагодарив астронома, вышел от него с тяжестью на сердце. Свидание с Гиппархом возмутило его мысли, как камень, брошенный в реку: уже круги отбежали к берегам, пропали, вода успокоилась, а тревожное состояние не проходит. Оно бьется где-то в глубине сознания, как разгоряченная кровь в жилах.

Глава XXXV

Люций Кальпурний Пизон ввел в войсках строгую дисциплину, и когда после отъезда Фульвия Флакка рабы напали на конный отряд Тиция и, окружив его, заставили римлян сдать оружие и пройти под ярмом, Пизон рассвирепел: в наказание он заставил Тиция стоять ежедневно, при смене стражи, перед своей палаткой босиком, без пояса, в обрезанной тоге и запретил ему общение с друзьями, пользование баней. А у всадников, бежавших с поля битвы, он приказал отнять лошадей и поставить трусов в ряды пращников.

Разгромив рабов у Мессаны, Пизон отбросил их от Тавромения и тронулся в глубь острова, тесня разрозненные силы противника: он шел на соединение с Публием Рупилием, который, получив приказание сената отрезать Гэнну от главных сил Клеона, расположенных в окрестностях Гераклеи, Агригента и Гелы, двигался от Катаны. Однако обоих консулов беспокоил Ахей: стремительными налетами он тревожил пехоту и римскую конницу, отбивал обозы, разрушал мосты, отравлял воду в колодцах, сжигал хлеб на корню. За его голову консулы назначили крупную награду золотом, но время шло, а головы мятежника никто не нес.

Легионы Пизона, основательно помятые в нескольких стычках южнее Тавромения (он даже потерял несколько знамен), роптали, двигаясь к Гэнне, где, говорили они, ожидает их могила, а сенат, разгневанный поражениями, передал главную власть над обоими войсками Публию Рупилию, мужу твердому и решительному. Люций Кальпурний Пизон считал себя обиженным. Подчиняться Рупилию? Исполнять его жесткие требования? Это было для него слишком, и он досадовал на коллегу, которого считал бездарным человеком.

Осадив Гэнну, расположенную на высокой скале, консулы решили взять ее измором. Не имея сведений о количестве сил и продовольствия в осажденном городе, они посылали опытных разведчиков, которые, проникнув в Гэнну, обратно не возвращались. Трупы

их находили на второй или третий день у лагерных ворот, изуродованные, с дощечками, прибитыми деревянными гвоздями к телу. На дощечках было нацарапано грубыми письменами: «Собака», «Крыса» или «Конский помет».

Перебежчики, к которым консулы привыкли в предыдущих войнах, совершенно отсутствовали. Пизон удивлялся этому, но Рупилий, обдумав положение противника, решил:

— Перебежчиков ждать нечего: рабы или погибнут все до одного или разобьют нас и прорвутся к Клеону.

И стал обдумывать, как победить рабов.

Однажды он приказал Пизону:

— Собирайся в поход. Клеон находится южнее Гэнны, он стягивает свои силы на помощь городу. Приказываю тебе разбить его и гнать без отдыха к морю. Пленных не брать: топить или распинать...

Люций Кальпурний Пизон двинулся глухой беззвездной ночью по неведомой дороге. Воинам было приказано соблюдать тишину. Слева и справа чувствовались невидимые колосья, сухой шепот которых был густозвещающ.

Легионарии шли привычно-размеренным шагом и дремали от усталости; перед глазами проносились видения: чудилась родина, солнце Италии, женщины в туниках, дети, слышался говор людей. Кто говорит? Они приходили в себя, прислушивались к речам воинов, проснувшись на несколько мгновений раньше, и догадывались, что слышали сквозь сон говор товарищей.

— Война надоела. Что нам сделали рабы? За что мы их бьем?

— Слыхали, Гракх убит?

— А земля?

— Землю получим. Триумвиры остались.

Войска шли всю ночь, а утром попали в западню. Рабы окружили их с трех сторон, а с четвертой прыгала, мчась по камням, горная пеннистая речка.

— Войска Клеона? — спросил консул подъехавшего к нему легата Плавтия, своего сына.

— Его.

— окопаться, вырыть ров, устроить вал с палисадом. Сделать это немедленно.

— Что еще прикажешь, отец?

— Найти человека, который видел бы Ахея, узнай, не найдется ли среди легионариев человек с навыками художника?

— Прислать его к тебе?

— Как можно скорее.

Через час перед полководцем предстал тщедушный легионарий.

— Ты — перебежчик?

— Да, вождь!

— Ахея видел?

— Я бежал оттуда из плена.

— Рисовать умеешь?

— На родине, в Кампании, я считался искусным художником.

— Можешь изобразить Ахея?

— Я его помню хорошо.

— За ночь нарисуешь!

И, пошептавшись с ним, консул кликнул Павтия:

— Вечером обезглавить одного из рабов по указанию этого человека.

— Будет исполнено.

На другой день Люций Кальпурний Пизон проснулся от яростного крика: войска Клеона ревели, вопили, дико выли, проклинали. Стрелы, дротики и камни сыпались в римский лагерь.

Консул взглянул на вал: на длинном шесте колыхалась голова Ахея, а на широкой дощечке четко выделялась надпись:

«Пес Ахей. Казнен. Вместо него вождем конницы — самозванец. Он поможет нам раздавить Клеона. Он идет сюда. Находится в двух днях пути».

Рабы обезумели. Они кричали об измене, угрожали своим вождям кровавой расправой, требовали взять приступом римский лагерь, разрушить его, жестоко отомстить за смерть Ахея, а потом идти на самозванца, который, наверно, завтра ударит им в тыл.

Напрасно Клеон, бородатый широкоплечий вождь рабов, уверял их, что это — римская хитрость, и если Ахей действительно обезглавлен, то рабы никогда не изменят своим братьям, — сирийцы были непреклонны.

— На приступ! На приступ! — ревели они, окружив Клеона.

— Веди нас, вождь! Веди! Боги за нас!

— Безумцы! Мы погибнем! Боги отступятся от нас!

— Веди нас, веди!

— Против римлян! Против самозванца!

Пользуясь растерянностью рабов, Пизон приказал выдвинуть катапульты и обстрелять противника. Огромные балки и глыбы камня падали в лагерь рабов, не столько нанося потери, сколько увеличивая общее отчаяние и смятение: обезумев от страха, рабы бросились бежать, не слушая приказаний Клеона и других вождей, не обращая внимания на угрозы оружием.

Тогда консул приказал зажечь лагерь противника и вывел свои легионы из укрепленного места. Катапульты были поставлены на возвышенные места, и когда лагерь запылал, и Клеон, собравший, наконец, свои войска, бросился на римлян, он был встречен градом тяжелых камней из катапульт, стрелами, мечами, копьями.

Была жестокая сеча. Рабы дрались храбро, не отступая ни на шаг, вызывая к себе уважение римлян. Клеон, обозревавший с холма поле битвы, увидел, что консул бросает в бой свежие силы: это были триарии, побывавшие в Македонии и Африке, в Испании и Сардинии. Что для них представлял этот бой? Военную игру для новобранцев. И они ринулись в гущу неприятеля, точно им приказано было разнять подравшихся рабов.

Клеон понял, что теперь войска его дрогнут, — и не ошибся. Он последовал примеру римлян и ввел в бой остальную пехоту и конницу. Но уже было поздно: прорвав ряды неприятельской пехоты, триарии стали заходить ей в тыл, и Клеон приказал трубить отступление. Это было сделано вовремя, иначе большинство рабов было бы тут же уничтожено.

Люций Кальпурний Пизон поспешно построил легионы и двинулся опять в наступление. Клеон быстро отступал по военной дороге, соединявшей Гэнну с Агригентом.

Дав легионам однодневный отдых, консул решил чуть свет выступить в поход. Однако он ошибся в своем расчете: враг исчез. Конная разведка, посланная на Агригент, вдоль горной реки, и на Гелу, нигде не обнаружила противника. Окрестные жители уверяли, что войск рабов давно уже не видели.

Пизон задумался: он уверен был, что местное население сочувствует восстанию, и опасался, как бы не поднялись все деревни и города, вся Сицилия, но он вспомнил слова Рупилия и успокоился. Начальник говорил: «Будь я на месте Эвна, я бы вооружил весь остров, всех мужей, молодых женщин, детей с отроческого возраста и двинул бы против врага: я растоптал бы его в неделю, перешел бы в Италию и — тогда... Но эти варвары глупы: они надеются на богов... Что ж, посмотрим, что сильнее — железо или боги».

Распространив слухи, что он идет на Гелу, куда, несомненно, бежал Клеон, Пизон послал ночью небольшую часть войска на Гелу, приказав обойти деревню, у которой он стоял, и свернуть на проселочную дорогу, где должен был дожидаться проводник, а сам выступил в западном направлении, держась левого берега реки. Расчеты его оказались правильными: догадавшись, что Клеон пошел на соединение с Ахеем, которое, возможно, было только возле Гэнны (в окрестностях ее находился Ахей), он понял, что оба вождя попытаются снять осаду с Гэнны и несомненно дадут бой Рупилию. Поэтому Пизон быстро двигался вперед, с самого утра до позднего вечера. Разведчики донесли, что они обнаружили рабов в двадцати стадиях. Это заставило консула двигаться быстрее.

Разделив свое войско на две равные половины, он сам принял начальство над одной частью, а другую поручил легату Плавтию, приказав ему перейти реку вброд, а затем, идя правым берегом на север, переправиться против Гэнны и выйти навстречу противнику.

— Двигаться быстро! Не брать с собой ни палаток, ни продовольствия, только одно оружие. Ступай. Да помогут тебе боги!

Плавтий немедленно отправился в путь.

На другой день разведка донесла консулу, что легат завязал легкий бой с рабами. Пизон двинул свои легионы, находившиеся за рощей. Битва была страшная. Обезумевшие рабы бросались в реку, тонули, гибли от мечей, копий и дротиков.

Клеон спасся благодаря храбрости и самообладанию. Он прорвался с несколькими тысячами через легионы Плавтия и двинулся на Гимеру. Пизон не стал его преследовать, решив дать отдых легионам, а сам отправился в римский лагерь под Гэнной.

Войдя в палатку Рупилия, он сказал:

— Приказание твое, коллега, исполнено. Час назад под стенами Гэнны я разгромил полчища Клеона — перебил несколько тысяч рабов, можешь взглянуть. Но иди пешком: горы трупов не дадут проехать твоему коню.

Глава XXXVI

Томительно-долго тянулось для Сципиона Назики время в Пергаме, хотя дни занятий были строго распределены и заполнены: одни посвящены философии, другие — астрономии, беседам с Гиппархом, переписке с женой, друзьями. Он получал письма от Люция Кальпурния Пизона и Публия Рупилия, которые находились в Сицилии под Гэнной. Они сообщали, что осада затягивается, но как только возьмут город — войну можно считать оконченной. «Тогда, — писал Пизон, — останется только добить мелкие остатки варваров, уничтожить вождей Клеона и Ахея».

А Рупилий сообщал со свойственной ему обстоятельностью: «Я создаю новые рабочие отряды из местного населения: они должны рыть землю, насыпать

валы, исправлять дороги, ковать цепи для мятежников, которые будут взяты в плен».

Назика бродил по городу. Тоска убивала его — он не мог ничего делать, не находил себе места. Тогда он выходил из дому (он поселился у Ксантипа, чтобы ежедневно видеться с Гиппархом) и шел к театру. Он останавливался перед ионийским храмом, посвященным культу обожествляемых царей, смотрел на колонны, увенчанные четырехсторонней капителью, спускался к храму Диониса, возвращался обратно, шел к жертвеннику Зевса, любовался гигантомахией, проходил во двор, где посредине находился огромный мраморный жертвенник, вышиной с дом; он поднимался на протизис, или площадку, украшенную по краям статуями богов; здесь жрецы закалывали жертвенных животных, а на пепельном холме сваливали золу, и жрец стоял на холме, когда горели в честь богов бедра животных, а внизу волновалась, как море, праздничная толпа.

«И все это пройдет, как сон, — думал он, — народы вымрут, их сменят другие, быть может, варвары, которые создадут свои государства, привьют у себя наше искусство, науки, торговлю, потом придут иные племена, набросятся на них, все разрушат, и так будет вечно. А затем все возвратится в хаос, чтобы постепенно опять возродиться, и я, Сципион Назика, вернусь на землю точно так же, как возвращаются день и ночь, как возвращаются времена года. Но что я буду делать? Неужели так же, как тогда, поведу оптиматов против Тиберия, и погибнет Гракх, а я так же, как тогда, пойду в изгнание, встречу с Гиппархом? Метампсихоз Пифагора и Платона, роковой круговорот генезиса, вечное возрождение, вечная жизнь!..

Мысли оборвались.

— А ведь все это — химеры, — громко сказал он и оглянулся, боясь, что его услышат, — все эти философские учения — софизмы. Где же истина? Кому она нужна? Вот я: хочу, а не могу вернуться в Рим, даже не имею права жить на своей вилле возле Брундизия... Невеселый, он вернулся домой, прошел в таламос и не

раздеваясь прилег на ложе. Но спать не хотелось: осаждали мысли — они терзали мозг, как Гарпии, и чтобы избавиться от них, он вышел опять из дому.

По улице двигалась пестрая нарядная толпа: пожилые греки в гиматиях и молодые в эскомидах (он видел мужские обнаженные груди в разрезы хитонов, груди, нередко волосатые, желто-смуглые от загара), гречанки в полотняных хитонах, похожих на пеплос, опоясанных ниже груди, в мантиях, небрежно накинутых на плечи или покрывавших голову; большинство женщин были одеты в нежные ткани пурпурного цвета, затканые золотом, в косские шелка различных окрасок; иные щеголяли в парчовых мантиях, расшитых орнаментами растений, животных, людей.

Остановившись, Назика смотрел на молодых щеголей, которые ухаживали за женами и дочерьми пергамских купцов, на гетер, поражавших роскошью и тонким вкусом нарядов, на блудниц разных племен и народностей; здесь были стройные белокурые сарматки, с грудями девочек-подростков; смуглые иберийки, с черными глазами и стрельчатými ресницами; приземистые широкобедрые эфиопки, с белыми, как пена, зубами; высокие египтянки, с плоскими грудями и загадочными продолговатыми глазами; грузные лидийки с зазывными и армянки с бесстыдными улыбками; робкие персиянки и аравитянки; хитрые финикийки и еврейки... Перед его глазами мелькали прекрасные лица: «Все эти тела — пища для червей, — думал он, — смерть возьмет свою добычу, она ходит по земле и ищет... Все живое должно умереть, умру и я... Что думать? Предначертанного не избежишь».

Он возвратился домой, лег спать. И снова возник перед глазами Рим, форум, Тибрская набережная, сенат, семья, друзья, имения и вилла-музей...

«Но ведь я — верховный жрец и должен вернуться на родину. Не может быть, чтобы я остался здесь на долго!»

К вечеру он почувствовал недомогание — легкий озноб и головокружение. Он не обратил на это внимания, выпил на ночь вина и заснул. Мучили тяжелые

сновидения, он горел, не замечая, и когда утром зашел к нему, по обыкновению, Гиппарх, он нашел Назику в постели.

— Что с тобою? — спросил астроном, вглядываясь в изменившееся лицо друга.

— Захворал.

— Я приглашу врача.

— Не нужно.

— Рядом живет Энриал, искусный грек, второй Гиппократ или Герофил. Он славится на весь Пергам.

Однако к полудню Назике стало хуже, и обеспокоенный Гиппарх привел врача. Это был немолодой человек, крайне близорукий. Он приложил ухо к груди больного, ощупал живот, развел руками.

— Все от болезни духа, — пробормотал он, — твой друг много думает, быть может, тоскует...

— Он — изгнанник... — объяснил Гиппарх.

— Тоска и... небольшая простуда. Болезнь тела излечить нетрудно, а снять тоску способно только отечество. Это тоска вызывает болезнь легких...

— Выздоровеет он?

— Сам Гиппократ не ответил бы на этот вопрос.

Через несколько дней Сципион Назика встал.

Это уже был не тот человек, каким знал его астроном: он часто задумывался и, хотя проводил время в библиотеке, но больше просиживал над свитками папирусов, устремив взгляд в пространство, нежели работал. Беседуя однажды с Гиппархом, он вздохнул:

— Чувствую, друг, что Рима больше не увижу...

Гиппарх, полюбивший римлянина, как брата, стал утешать его, потом сказал:

— Хочешь, поедем вместе в Элладу или Македонию? В Иберию? Может быть, утешит тебя любовь? Есть прелестные девушки всюду, а эллинки-гетеры...

— Нет, девушки мне не нужны.

— В македонских лесах много зверей. Почему бы тебе не поохотиться?

— Я отвык от охоты.

— Искусство, литература...

— ...не идут на ум. Я хочу видеть небо Италии, слышать римскую речь...

— Разве не слышишь ее в Пергаме?

— Да, но она звучнее, проникновеннее под небом Италии...

— Поедем на Родос. Я уезжаю послезавтра.

— Уезжаешь?!

Гиппарх уехал на несколько месяцев, а когда возвратился, Сципион Назика умирал.

Глава XXXVII

Публий Рупилий и Люций Кальпурний Пизон простояли под Гэнной два года, и это время показалось им настолько долгим, что порой они забывали о Риме, о своих семьях и друзьях, о жизни, которой привыкли жить в столице, о беседах с греческими стойками, о горячих ваннах и роскошном столе. Они обзавелись смуглотелыми наложницами, питались просто, как легионарии, и если изредка и выпивали, то с осторожностью, помня о военном времени.

Однако Рим напоминал о себе приказаниями сената, эпистолами жен, детей и друзей, посылками сладостей, вин и подарков. Но все это было быстролетно, случайно и забывалось в вихре битв, стремительных налетов Ахея, отчаянных нападений Клеона.

Однажды, накануне похода против Клеона, Рупилий получил из Рима тревожные известия. Уединившись с Пизоном, он прочитал письмо Квинта Метелла Македонского, и обоих взволновали строки, написанные торопливой рукой старика:

«...Сенат обеспокоен восстанием Аристоника, побочного сына царя Эвмена II. Боги свидетели, что мы жаждем мира, но Пергамское царство, достояние Рима, должно войти в наши провинции. Этого, как тебе известно, желал сам Аттал III. А этот Аристоник посягает на Пергамский престол! Видно, мало его били эфесяне! Он начал с Левкеев, маленького приморского городка; Смирна и Фокея поддержали

его, и он возомнил себя непобедимым. Он занял лидийские города Фиатиры и Аполлониду, созвал под знамена фракийских наемников, освободил десятки тысяч рабов и основал Государство Солнца. Не безумие ли это? А недавно он завоевал Вифинию, Пафлагонию, Каппадокию, Армению и Понт, занял Колофон, Самос и Миндос. Не знаем, чем все это кончится. Берите хоть вы поскорее Гэнну, иначе сенат усомнится в ваших военных способностях и отзовет вас в Рим».

Рупилий побледнел: гордый и самолюбивый, он не перенес бы позора и немедленно покончил бы с собой.

Не дочитав письма, он выбежал из шатра, приказав легатам подготовить легионы к выступлению на рассвете, обошел палатки триариев, беседовал с ними, умоляя не посрамить воинской славы и римского оружия. Старые легионарии обещали уничтожить неприятеля, и успокоенный полководец отправился к Пизону дочитывать письмо Метелла.

Узнав о смерти Сципиона Назики, Рупилий опечалился. Он искренно считал Назику великим человеком, спасшим Рим от тирании Тиберия Гракха, и жалел, что республика потеряла такого гражданина.

Выступив на другой день в поход, Рупилий искусно обошел Клеона, который, не помышляя о возможности нападения римлян, спокойно стоял на отдыхе в межгорье, и бросился на приступ вражеского лагеря. Рабы обратились в бегство, но, окруженные сильным противником, поняли, что выхода нет, и стали сражаться, пока не погибли под ударами мечей разъяренных триариев. Клеон искал смерти, бросаясь на мечи и копья римлян, но воины, твердо помня приказание консула взять его живым, оглушили вождя рабов тяжелым ударом по голове. Он упал замертво, а когда очнулся, — был уже в кандалах: тяжелые цепи гремели на руках и ногах, и он мог ходить только мелкими шажками, часто спотыкаясь и падая.

Уничтожив войско Клеона, Рупилий задумал взять хитростью неуловимого Ахея. Он велел легионариям

переодеться в туники, снятые с убитых рабов, и когда воины построились, он объехал их ряды.

Заманить Ахея в ловушку оказалось нетрудно. Рупий послал в Тавромений, занятый опять рабами, верных перебежчиков и приказал им распустить слухи, что консул Пизон снялся тайком с лагеря и подбегает к войскам Клеона, что он находится в нескольких днях пути от рабов и что еще не поздно спасти Клеона.

Узнав об опасном положении вождя, Ахей передал начальствование над конницей Критию и, взяв с собой одну тысячу всадников, отправился под Гэнну.

Подъезжая к месту стоянки рабов, он удивился, что не видит караулов. Но он тотчас же подумал, что местность здесь открытая, население на стороне рабов, и Клеону бояться некого...

Въехав в лагерь, всадники спешили. Люди, занятые чем-то у палаток, обернулись к ним, и тут случилось столь страшное и до того дикое, невообразимое, что Ахей и его воины оцепенели от ужаса: заработали баллисты, катапульты, посыпались стрелы, дротики, засверкали тяжелые копья, мечи, и рабы, окруженные переодетыми легионариями, заметались, ища выхода из западни, вопя и проклиная предателей. Ахей пытался с несколькими смельчаками пробиться к лагерьным воротам, но это оказалось не под силу; Сервий и Аврелий, дравшиеся с ним рядом, медленно отступали.

— Пришло время проститься, — молвил Аврелий.

Сервий понял: он знал, что пощады им не будет. Но Ахей удержал их:

— Еще раз вперед! Не унывать!

Внезапно они остановились. Ворота распахнулись, и что-то тяжелое ударило их по ногам. Больше они ничего не помнили. А когда очнулись, то увидели себя в цепях, на дне глубокой ямы, и рядом с ними сидел голый, окровавленный Клеон.

— Боги отвернулись от нас, — заскрежетал он зубами и дико захохотал. — Как враги взяли вас?

Ахей рассказал. Болела голова, ныли ноги. Аврелий и Сервий тихо совещались о самоубийстве; они

знали, что им, римлянам, пощады не будет: их проступок считался изменой, и беглых воинов ожидала единственная кара — смерть. Но не смерть была страшна, а пытки, и хотя Аврелий говорил, что пытать римских граждан не посмеют, однако не был уверен в этом; он боялся Публия Рупилия, о котором слышался как о человеке твердом и жестоком. Сервий же был ко всему равнодушен. Он знал, что их ожидает смерть, и смотрел на пытку, как на начало конца. Мучения? Он перенесет их не хуже Ахея (он помнил, как раба вели на казнь, распинали на кресте, вколачивая ноги гвозди). Страх? Он знал это слово по названию, но не помнил, чтоб боялся когда-либо; в боях, в жарких схватках он исполнял свое дело спокойно и хорошо, не помышляя об опасности, рубил мечом, как дровосек, защищался от нападений и никогда не был ранен. Смерть? Он видел ее сотни раз — гибли его товарищи, враги и все это так просто и не страшно. Упал человек, пронзенный копьем, или с отхваченной мечом рукой, рассеченным туловищем и лежит либо в беспамятстве, либо мучаясь — ну и что ж? — если суждено — придет смерть, если суждено — выздоровление. «Как угодно богам», — подумал он и заговорил о еде и питье.

Ахей не боялся мучений. Тогда в Тиндарисе он был на краю смерти и теперь ждал равнодушно новых истязаний, оскорблений, пыток. Но его страшила участь конницы. Малоопытный Критий мог двинуться к лагерю Клеона, римляне непременно устроят засаду, и двадцатитысячное войско бесславно погибнет, как стадо баранов. Терзало его и положение Эвна, который, запершись в Гэнне, ждал помощи от своих полководцев-сподвижников.

Один Клеон ни о чем не думал. На него напало отупение; он молчал, замкнувшись в себя, как улитка в раковину.

Прошло два дня. Их не кормили и не поили; жажда была мучительнее голода (отвесные лучи солнца жгли нагие тела, возбуждая ее еще больше), и пленники лизали свои цепи, воя от бешенства и отчаяния.

На третий день, когда они сидели в узкой яме в полузабытьи, на них упал сверху человек; падая, он рассек тяжелой цепью лицо Сервию и голову Клеону. Оба вскочили, ругаясь. Но присмотревшись к нему, вскрикнули: это был Критий. Ахей задрожал от страшного предчувствия.

— Конница? — прохрипел он.

Критий зарыдал.

— Все погибли?

— Не знаю. Мы были окружены, лошади угнаны; оружие похищено...

— Вы спали?!

— Да.

— А караулы?

— Перебиты.

Ахей расхохотался. Смех его был похож на хрип издыхающего зверя.

— Мы дрались голыми руками... камнями...

В полдень им дали поесть и попить. Они набросились на хлеб, как хищники на падаль, рвали его грязными пальцами, набивали им рты, давились. Это была животная жадность, страх, что раздумают и отнимут эту еду, неосмысленное желание урвать кусок друг у друга. Потом они пили, икая и задыхаясь, пили поспешно, разливая из баклаг воду и не замечая этого.

Воины смотрели на них с любопытством. Они знали, что это — вожди, поднявшие много тысяч рабов, и с удивлением присматривались к этим людям, в которых признали римлян.

— Друзья, — заговорил Аврелий, — скажите, что ожидает нас? Если смерть — мы умрем, если пытки... Но нет! Мы — римские граждане.

Легионарии молчали. Им запрещено было говорить с пленниками.

— Мы боролись за лучшую жизнь... Мы — воины, такие же бедные земледельцы, как и вы!

— Молчать! — крикнул центурион и ударил его прутом. Вспыхнула красная полоса, расширилась, и грудь побагровела.

Аврелий с трудом перевел дыхание, застонал. Он передвинул ноги, закованные в цепи, присел и прыг-

нул. В одно мгновение его руки опустились на голову центуриона, железо скрипнуло, и оба повалились на землю. Центурион был убит.

— Сервий! Убей так же и меня...

Бывший легионарий был хороший товарищ; умоляющие слова Аврелия заставили его немедленно выполнить просьбу. Он с невероятной силой ударил друга по голове и отвернулся: с его рук капала кровь...

— И меня! — крикнул Критий.

— И меня! — подхватил Клеон.

Сервий грустно улыбнулся:

«А кто же меня? — подумал он, взглянув на товарищей, которых легионарии отгоняли друг от друга уalaraми копий. — Теперь мы не будем вместе».

Их вывели под стены города, поставили на видном месте. Римские войска были выстроены; на флангах находилась конница. Подъехали верхом на вороных конях Пизон и Рупий, поздоровались с легионами. Воины прокричали приветствие. Заиграли трубы.

Вышел глашатай:

— Осажденные рабы! Сдавайтесь! Никто вам не поможет! Ахей, Клеон, Критий разбиты, войска их уничтожены. Взгляните на ваших вождей!

На стене появился Эвн. Он сразу узнал своих сподвижников. Глаза его округлились. Он воздел руки к небу, и его резкий, пронзительный голос прозвучал страстной мольбой:

— О, боги! Помогите нам! Спасите вождей! Дайте нам силу разбить врагов!

Он смотрел на Ахея, Клеона, Крития и Сервия, закованных в кандалы, видел их лица, и сомнение закрадывалось в его душу: «Неужели боги не сжалятся над ними? Неужели они отвернулись от нас?»

Между тем глашатай прокричал вторично:

— Казнь беглого воина!

Центурион, присутствовавший при распятии Ахея возле Тиндариса, узнал Сервия. Он сообщил консулам, что легионарий перешел на сторону рабов, и те постановили казнить его перед стенами осажденного города. Выстроили войска и привели пленных вождей. Сервия раздели донага. Центурионы вышли из рядов, воору-

жились виноградными лозами и стали наносить беглецу удар за ударом, по мере того как он двигался к месту казни. Спина и зад Сервия были в крови, лозы свистели — жжжа... жжжа... жжжа... — а он молчал, стиснув зубы, и медленно шел, с трудом передвигая ноги, закованные в тяжелые цепи.

Впереди стояло позорное ярмо: два копья, вбитых в землю, с третьим, положенным наверху. Он должен был пройти под ярмом — величайшее унижение для римлянина, а затем его ожидала казнь.

Удары сыпались на него непрерывно. Центурионы устали. И когда Сервий, согнувшись, с трудом прошел под ярмом, они отошли, отдав его в руки палача.

В это время со стен Гэнны слышались крики:

— Слава нашему другу!

Сервий поднял голову и воскликнул:

— Не сдавайтесь, а ты, Эвн, лучше умри!

Он не договорил; несколько рук схватили его за плечи, поволокли. Он рванулся, отбросил от себя людей, и они покатались по земле, яростно ругаясь. На помощь им поспешили другие. Они овладели этим сильным человеком, и он больше не сопротивлялся.

Подойдя к бревну, он опустился на колени, положил шею на грубое дерево. Взмахнула серебряным огнем острая секира, тяжело упала на шею. Хлынула кровь, и голова откатилась. Палач бросился за ней.

— Такая же кара ожидает беглецов, трусов и ослушников! — крикнул глашатай, указав на голову Сервия, воткнутую на копье.

Легионы угрюмо молчали. Публий Рупилий выступил из толпы военачальников.

— Бить остальных злодеев скорпионами! — загремел его голос. — Распять перед стенами Гэнны!

Когда бесчувственные тела свесились на ремнях, Рупилий приказал отливать их водой. Потом надели им на шею колодки, пригвоздили руки.

Со стен доносился грозный рев рабов, протяжный вой невольниц. В этих криках слышались призывы к мести, плач по убиваемым братьям, надрывная тоска, страшная безысходность. Рев и вой возбуждающе дей-

ствовали на легионы: они волновались... Воины само-вольно выходили из строя, громко роптали. Тогда Рупиллий распорядился прогнать рабов в город, — засви-стели стрелы, копья, посыпались камни, и стены опустели; но крики долго не умолкали. Гэнна выла и редела, и три распятых человека, умирая, слушали всю ночь вопли осажденного города...

Глава XXXVIII

Гэнна сдалась на произвол победителя. Город был разграблен войсками, сожжен и разрушен до основа-ния. Толпы женщин и детей продавались за бесценок в рабство. Тысячи рабов, закованных в кандалы, до-жидались своей участи под охраной легионариев.

Эвн был взят в плен: у него не хватило решимости покончить с собой. Все время он надеялся на помощь богов и с виду был спокоен.

Воины, глумясь, подвели его к крестам трех вожд-ей; он взглянул и задрожал: перед ним висели скеле-ты, белые, кое-где покрытые кусками ссохшегося во-нючего мяса; черепа смотрели жуткими впадинами глаз, выклеванных птицами.

— Видишь? — со смехом кричали легионарии, тол-кая его в грудь и бока.

Они плевали ему в лицо, вспоминая долгие годы этой рабской войны, лишения, суровые взыскания центурионов, невыплату жалованья, пени, налагаемые за ничтожные проступки; они кричали, что Рим сли-шком милосерден к злодеям, которые в благодарность за кров, пищу и одежду платят изменой; они вопили, требуя самой жестокой расправы с самозванцем.

— Молчите, рабы! — крикнул Эвн. — Я, царь Ан-тиох, говорю...

Смех легионариев оглушил его; держась за животы, они хохотали, выкрикивая:

— Не царь, а — дерьмо! Выкидыш блудницы!

Воины, глумясь, подвели его к крестам трех вождей...

Эвн понял, что все кончено: боги отступились, люди презирают и оскорбляют. Он взглянул на закованных рабов, на разрушенную Гэнну и пожалел, что не покончил с собой. Тяжелая слеза покатилась по его бронзовой щеке.

Он знал — его ожидает казнь; Ахей, Клеон и Критий уже погибли; их скелеты вопят о мести... Но кто будет мстить? Кто?

Легионы двигались на Тавромений, рабов гнали по военной дороге, и Эвн принужден был шагать под свист бичей рядом с людьми, которые еще вчера были его воинами.

Консул Рупилий ехал во главе легионов на вороной лошади с белым пятном на лбу. Воины бодро шагали, распевая песни. Они шли по безлюдным местам — деревни опустели, в городах осталось по-нескольку десятков человек, а еще недавно цветущие виллы чернели печальными пожарищами.

Люций Кальпурний Пизон получил приказание двинуться в западную часть Тринакрии. Он шел быстро, развернутым строем, рассыпав отряды конницы по всем направлениям, и уничтожал без сожаления всех подозрительных рабов, невзирая на их пол и возраст.

Оба консула — один, шедший на запад, а другой — на восток, оба представители сената и поборники сурового римского закона, действовали беспощадно: первый, уничтожая людей потому только, что они были рабы и не могли не сочувствовать мятежникам, был уверен, что поступает честно, охраняет целостность и спокойствие республики, а второй, угоняя пленных к Катане, думал: «Для устрашения населения и во избежание восстаний я казню двадцать тысяч бунтовщиков, а Эвна отправлю в Рим: он пойдет у моей колесницы и получит по заслугам».

Римские легионы шли с огнем и мечом.

Глава XXXIX

Лаодика встречала Сципиона Эмилиана на пороге азиатской комнаты босиком, с распущенными волосами, в прозрачной тунике, сквозь которую просвечивало юное тело. Она любила этого гордого и сурового римлянина, убеленного на висках сединой, первой любовью девушки и бросалась ему на грудь с таким страстным нетерпением, что он, сжимая ее в объятиях, думал: «Неужели меня, почти старика, можно еще любить?»

Однажды, когда они находились в азиатской комнате, внезапно приехала Кассандра. Узнав от рабынь, что у дочери бывает патрон, она неслышно вошла в комнату и остановилась на пороге, бледная, растерянная.

— Лаодика! — крикнула она надломленным голосом.

Дочь вскочила — волосы окутали плечи и груди длинным черным покрывалом.

Не замечая Сципиона, точно его не было, Кассандра подошла к Лаодике, грозно сказала громким шепотом:

— Бесстыдница! Что ты делаешь? Знаешь, как погиб твой отец? Спроси его.

Побледнев, Эмилиан встал. Откладываемое со дня на день объяснение стало неминуемым, и он решил рассказать обо всем, ничего не утаивая: «Зачем скрывать? Если она любит, если справедлива, то все останется, как было, ну а если подпадет под чужое влияние — воля богов».

Кассандра взглянула на него, перевела глаза на Лаодику; дочь дрожала всем телом, догадываясь.

— Что же ты молчишь?

Лаодика закрыла лицо руками.

— Не надо, мать, не надо... Я не хочу... Оставь...

Бледная, она опустилась на подушки, не зная, что делать. Кассандра неслышно удалилась. Курильницы дымились тонкими благовониями, ворохи цветов, вздымавшихся из ваз, пахли одуряюще-пряно, как тело Лаодики, умащенное миррой и нардом.

Сципион сел рядом с ней, взял ее руку.

— Выслушай меня...

И он принялся говорить о темных делах Лизимаха, а рассказывая об измене, не выдержал:

— Я все мог простить, только не это! — воскликнул он, отпустив руку Лаодики. — Наш закон суров, и я, римлянин, обязан ему повиноваться...

Она задрожала.

— И я присудил его к смертной казни.

Эмилиан ожидал, что она вскочит, зарыдает, начнет упрекать его, рвать на себе волосы, но этого не случилось. Она сидела, обхватив обеими руками голову, неподвижно, как изваяние, и Сципион не знал, что сказать ей, как утешить. Так они просидели долго — молча, как в забытьи, наконец, он сделал движение, чтобы встать и уйти. Она подняла голову (глаза ее были грустны и влажны) и тихо сказала:

— Ты принял нас под свое покровительство, а он порочил твое честное имя... изменил твоей родине... Ты поступил, господин мой, именно так, как следовало поступить...

— Лаодика, я не имел права...

— Я не осуждаю тебя...

И все же на сердце Эмилиана была тяжесть.

— Да хранят тебя боги, — тихо молвил он и пошел к двери. Лаодика догнала его и, нежно обняв, шепнула:

— Прости, господин, что мать нарушила твой покой. Приходи завтра. Я люблю тебя больше жизни.

Глава XL

Луцилий ехал в свои сицилийские виллы.

В Риме знали, что восстание в Тринакрии подавлено, и десятки публиканов собирались в путь с намерением принятаться, наконец, за прерванную работу.

Луцилий ехал в сопровождении нескольких рабов, которых взял с собой в родной Суэссе. Он высадился в Милах, миновал Мессану и быстро ехал по военной дороге, стараясь поскорее добраться до Тавромения, а оттуда до Катаны. Чем дальше проникал он в глубь страны, тем больше охватывала его грусть. На голубом небе, вздымаясь, дымилась Этна, печально ширились желтые неубранные поля, выскакивали из-за зеленых холмов обугленные дома, виллы, разрушенные деревни и города, высыпали на дорогу голодные женщины и дети, в рубищах, как нищие...

Сердце Луцилия сжималось. Житница Италии, казалось, погибла навсегда, и он уверен был, что от его вилл ничего не осталось.

Широкая военная дорога неприветливо приняла путников: из канав торчали скелеты людей и животных, в стороне чернели кресты с распятыми рабами, и трупный запах заставлял людей зажимать носы. А когда Луцилий выехал из Катаны на дорогу, ведущую в Гэнну, глаза его растерянно замигали, с недоумением обратились на спутников: бесконечная дорога была усажена справа и слева, как деревьями, большими черными крестами, и на них висели нагие люди со сведенными судорогой лицами, с глазами, вылезшими из орбит, с перебитыми коленями. Преодолевая ужас, сжимавший сердце, понукая коня, он старался не смотреть на двадцать тысяч распятых. Однако глаза поневоле обращались на лица, искали хоть бы в одном из этих несчастных рабов признака жизни. Но все были мертвы, иные, может быть, в обмороке, и только от одного креста послышался протяжный стон и замер.

Луцилий остановил коня, вгляделся в юное лицо: мутные, почти оловянные глаза смотрели пристально и не видели всадника; ноги были искривлены, очевидно, раба сочли мертвым и перебили ему колени.

— Пить... — донесся слабый голос.

Луцилий кликнул раба, приказал напоить распятого ключевой водой, обмыть ему лицо. Щеки юноши порозовели, взгляд стал осмысленным.

— Да воздадут тебе боги, — шепнул он, и голова его свесилась. Безобразная судорога свела лицо — он был в беспамятстве...

Луцилий, сдерживая накопившееся в груди негодование, готовое прорваться руганью и проклятиями, погнал коня. Он ненавидел Рим за жестокость и издевательства, за угнетение союзников, за разврат, наслаждения и шептал:

— О, если бы рабы восторжествовали! Если б они завоевали Рим, этот грязный лупанарий, в котором засели оптиматы, эти жирные, как клопы, лено! Если бы они разрушили этот подлый город и распяли на крестах все его население! То и тогда бы я сказал: «Слишком милосердное возмездие!»

КНИГА ВТОРАЯ * ГАЙ

Глава I

Блоссий скитался по островам Архипелага, размышляя о смерти Тиберия, и нигде не находил себе покоя. «Что значат самые прекрасные создания рук человеческих в сравнении с человеком, творцом их? — думал он. — Разве Тиберий стоил меньше этого золота и драгоценных камней? А я считал эллинские мраморы, изящные изделия из дорогих металлов выше и важнее человеческой жизни. Так ли это? Ведь создает их человек, и не будь его, не было бы этих удивительных вещей, все стало бы мертвым, бездушным, ненужным. А борьба за плебс? Тиберий отдал за него свою жизнь, за него же и за рабов борется в Азии Аристоник, и оба эти человека, погибший и восставший, делают одно дело...»

Эти мысли не давали ему покоя. И чем больше он думал о Тиберии, тем ближе и роднее казался ему Аристоник, и острее ощущал он неприятное чувство: зачем было ему, Блоссию, ввязываться в отношения со всадниками и торопить Тиберия с выступлением?

Его мучила совесть, он не мог смотреть на вывезенные из Рима драгоценности и однажды, после долгих скитаний по острову Хиос, решил ехать к Аристонику.

Он высадился в Элее и, навьючив на мулов свои сокровища, тронулся в путь.

Аристоник стоял лагерем в верховьях реки Каика, готовясь к наступлению. Войско его состояло из значительных отрядов фракийских наемников, добровольцев из свободных бедняков и гелиополитов — отпущенных на волю рабов.

Продвигаясь в глубь страны, Блоссий слышал зажигательные рассказы об Аристонике, о Государстве Солнца, о братстве и равенстве людей и не знал, где

правда, где выдумка. И хотя слухи были разноречивы, общая идея борьбы доходила до него без искажений, огромная и великая, перерастающая мысли и человеческие стремления.

Он увиделся с Аристоником недалеко от лагеря — вождь гелиополитов верхом на коне объезжал группы новобранцев, которых обучали военачальники-греки.

Аристоник был молод, приветлив, доступен и величествен. Грубоватая красота румянощекой спартанской девушки, твердость воли в глазах, решимость в лице, ловкость движений, громкий голос, вера в победу — все это привлекало людей к этому необыкновенному человеку. И когда Блоссий подъезжал к лагерю, Аристоник, увидев старика-путника, поехал к нему навстречу в сопровождении нескольких гелиополитов.

— Кого шлют добрые боги? — воскликнул он, спешившись и подходя к Блоссию. — Привет мудрости, взирающей на нас из-под этих седин!

— И тебе, Атталид, привет, слава и благосклонность богов! Я — изгнанник Блоссий из Кум, и, припадая к твоим коленям, умоляю, как Одиссей, о дружбе и гостеприимстве!

Аристоник протянул ему руки:

— Я слышал о тебе. Ты вместе с Тиберием Гракхом боролся за плебс.

— Горе мне! Господин мой погиб...

— Знаю, но во мне — клянусь Ададом! — ты найдешь такого же борца за благо народа, каким был благородный Гракх!

— Я ожидал этого, — взволнованным голосом выговорил Блоссий, и губы его задрожали. — Прими же от меня в дар эти сокровища. Употреби их на наше великое дело борьбы и освобождения.

Радость сверкнула в черных глазах Аристоника.

— Подойди ко мне, отец по возрасту, мудрец по уму и брат пред солнечным лицом Адада! — воскликнул он и, обняв Блоссию, стал говорить медленно, проникновенно. — Угнетенные объединились под моим знаменем бога Солнца, и я назвал их “гражданами Солнца”, да, гелиополитами, ибо это имя родилось у ис-

токов Оронта, между Ливаном и Антиливаном, в сирийском Гелиополисе. Я призвал под свои знамена людей, жаждущих свободы и равенства, замкнул их в братства Адада и отделил их от неверных и угнетателей.

Блоссий вспомнил беседы свои с сирийскими купцами, торговавшими на островах Архипелага (они почитали бога Адада и богиню Атаргатис, были членами братств, распространенных в греческих городах), и улыбнулся светлой старческой улыбкой:

— Да будут равны эллин и варвар, мужчина и женщина, свободный и раб! Да не умрет святая идея борьбы Тиберия Гракха!

Радость обожгла жарким пламенем щеки Аристоника. Он взял Блоссия под руку и, подведя к своему боевому коню, усадил на него. Затем, взяв лошадь под уздцы, он повел ее к лагерю при восторженных криках гелиополитов.

Глядя на белобородого старика, восседавшего на царском коне, воины принимали его за вещего прорицателя и, расступаясь перед ним, шептали:

— Смотри, сам вождь оказал ему царские почести! Сам вождь, как конюх, ведет его коня!

Аристоник шел среди народа, слышал речи и радостные клики воинов, и Блоссий ехал, тоже прислушиваясь к говору людей, и оба эти человека улыбались, как братья, объединенные узами одной идеи: единой борьбы.

Глава II

Блоссий неотлучно находился при Аристонике.

Сразу после подавления восстания сицилийских рабов, вождь гелиополитов вновь начал военные действия. Блоссий видел быстрое наступление его войск: как разъяренное море, выступившее из берегов, пе-

нясь и бушуя, мчится неудержимой стеной вперед, так мчалась с высоко занесенными мечами конница, во главе с Аристоником, а за ней быстро шагала многочисленная пехота, звеня оружием; он видел страшный разгром римлян под Левками, которые осаждал Красс, видел взятого в плен, а затем убитого фракийским воином этого сторонника Гракховых законов и искренне оплакивал его, сидя в шатре Аристоники.

А ранней весной Государство Солнца внезапно пошатнулось, как здание, поколебленное землетрясением. Казалось, Фортуна отвратила свое лицо от гелиополитов.

Великое дело, взлелеянное Аристоником, поддержанное неимущими, угнетенными и рабами, помощью городов, ненавидевших господство Рима, было сразу уничтожено: консул Перпенна напал врасплох на Атталида и разбил его. Вождь гелиополитов укрылся вместе с Блоссием в Стратоникее, а потом, после изнурительной осады, принужден был сдаться.

Накануне сдачи города Блоссий беседовал с Аристоником.

— Пришел конец, — говорил старик, покачивая седой головой. — Вот яд, а там — унижение и позорная смерть. Выбирай.

Спокойная улыбка осветила лицо вождя:

— Будущее — в руках солнечного Адада и цветущей Атаргатис. Я еще молод, и если меня пощадят, то я опять подниму народы, опять поведу их к победам, снова воздвигну Государство Солнца... Я верю, что наше дело не умрет!

— И я тоже верю, Атталид, но римские законы суровы, и пощады быть не может. — И, сняв с пальца перстень, Блоссий тихо прибавил: — В этом ониксе — две-три капли яда. Для обоих хватит...

Аристик молчал.

— Неужели ты трусишь? — с негодованием воскликнул старик. — О, Атталид, Атталид, не заставляй меня отречься от тебя!

Аристик грустно улыбнулся:

— Друг, дорогой друг! В боях я был всегда впереди гелиополитов — и неужели я трусил? В отчаянных

вылазках и налетах конницы я первый врывался в ряды неприятеля — и разве я трусил? Нет, смерти я не боюсь, не боюсь плена, унижений и позора, но я должен до конца довести свое дело. Я не могу бросить своих братьев, не могу отказаться от надежды, которая меня преследует, ходит по пятам моих мыслей... Скажи, хорошо ль было бы, если б я отравился, а боевое счастье римлян не пошатнулось?

— Итак — ты сдаешься врагу, — с усилием прошептал Блоссий. — Когда?

— Завтра утром.

Губы старика подергивались.

— Не пора ли нам проститься? — тихо промолвил он, глядя с любовью на Аристоника.

Они обнялись. И долго стояли в молчании, не в силах оторваться друг от друга.

Когда Аристоник вышел на улицу, Блоссий открыл оникс и поставил фиал с вином: две мутные тяжелые капли, просочившись сквозь щель драгоценного камня, звонко упали в чашу, и красное вино потемнело, утратив свой цвет. Резкий запах распространился по комнате.

Отбросив от себя перстень, Блоссий обошел мраморы, вазы, картины, потрогал их руками, точно прощаясь с ними, и прилег на ложе. Потом взял чашу и спокойно запрокинул голову. Вино было выпито.

Консул Аквиллий, заменивший умершего Перпенну, боролся с гелиополитами всеми средствами: отравлял питьевую воду, наводнил Азию соглядатаями из местного населения, не пренебрегая даже помощью блудниц, которых посылал на улицы завлекать гелиополитов в сети тонкой хитрости и обмана.

Наконец Азия была усмирена, и Аристоник, закованный в цепи, отправлен в Рим. Казалось, все надежды вождя рушились, и жизнь догорала в его теле, как пламя в светильнике.

Его привели в сенат и, допрашивая, били по щекам, плевали ему в лицо — ему, вождю гелиополитов, основателю Государства Солнца, государства братства и равенства!

Но он был спокоен. Смело глядя в разъяренные лица сенаторов, он говорил:

— Мое дело не умрет. Придут мстители, которые...
Вой врагов оборвал его слова.

Его схватили и отвели в Мамертинскую темницу.

А вечером вошли люди, неожиданно повалили на холодный каменный пол и набросили петлю на шею.

Он отбивался от них, потому что хотел жить и бороться. Но перед глазами уже была смерть. Он видел ее, и все-таки маленькая надежда, как трепещущая жилка, билась в его сердце: «Если я уцелею, будет основано опять Государство Солнца, и я опять...»

Петлю затягивали сильнее, упираясь ногами в крепкое, молодое тело. Он забился, как раненое животное, потерял сознание. А когда тело тяжело вздрогнуло и успокоилось, палачи неслышно удалились.

Сенат был удовлетворен: вождь гелиополитов перестал жить.

Глава III

После смерти Тиберия ассигнация земель не прекратилась.

Аппий Клавдий Пульхер, удрученный убийством зятя, которого любил, как родного сына, и горем дочери, заболел от потрясения и, выздоровев, долго не мог приняться за работу. Публий же Лициний Красс Муциан, тесть Гая Гракха, оратор, знаменитый юрист, мало занимался распределением земель; верховный жрец после смерти Сципиона Назики, он вскоре получил консулат и помышлял о войне с Пергамом, надеясь захватить огромные сокровища, накопившиеся в этой стране, и стать одним из влиятельнейших мужей в Риме. Один Гай работал больше всех: ему казалось, что тень Тиберия невидимо присутствует при ассигнациях, и он рад был, что память о брате жива среди

земледельцев, среди городского плебса; народ возвеличил убитого трибуна, восхваляя его, громко крича о преступлении сенаторов, и воздвиг в честь его жертвенник. Каждое утро бородатые плебеи, женщины, девушки, дети приносили Тиберию жертву, а иные молились, воздевая руки, умоляя о помощи, прося защиты от патрициев. Оптиматы боялись препятствовать ассигнациям земель, а консул этого года Публий Поппий хвастался впоследствии, что он первый очистил казенные земли от пастухов и заселил хлебопашцами.

Когда Красс Муциан погиб при Левках, а Аппий Клавдий умер, пришлось спешно произвести выборы; триумвират был пополнен вождями народа Фульвием Флакком и Папирием Карбоном, другом Тиберия. Это были энергичные мужи; они усердно принялись за работу, добиваясь, чтобы раздача земель производилась по всей Италии, а Гай Гракх настоял на непрременной установке межевых камней для предотвращения всяких недоразумений.

В Риме ходили слухи, что триумвиры действуют беспощадно, и Гай решил выехать в местность, где работали коллеги.

Был полдень, когда Гракх на взмыленной лошади прискакал в приморский городок в сопровождении раба. Площадь была густо усеяна народом. Издали он увидел на возвышении человека: это был Фульвий Флакк. Он что-то говорил, а стоявший рядом с ним глашатай кричал громким отрывистым голосом:

— Слушайте! К завтрашнему дню! Граждане обязаны дать сведения об объеме казенных земель! Речь о виллах Люция Опимия, Ливия Друза, Люция Кальпурния Пизона и Публия Попилия Лената! В противном случае будем руководствоваться старинными росписями...

— Это неправильно, — возразил пожилой вилик, пробираясь сквозь толпу к Фульвию Флакку. — Мой господин Ливий Друз купил эти земли недавно. А старинных росписей мы не знаем.

— Болтай, да поменьше! Пусть господин твой докажет, что это — частная собственность!

— Нечем доказывать.

— Тогда заберем.

Другой вилик заявил, что господин его Люций Опимий владеет землей с незапамятных времен и что эта земля никогда не была общественной.

— Она наследственная, — волновался он. — Господин мой не отдаст ее без суда...

— Доказательства есть?

— Слово моего господина.

— Молчи, раб! Завтра будем делить...

Гай Гракх с трудом пробрался к Фульвию Флакку.

— А, это ты! — воскликнул патриций, весело приветствуя молодого друга. — Какие добрые боги послали тебя в эту местность?

— Юпитер мечет грома...

Фульвий догадался, что Гай приехал с недобрыми вестями, и, распустив народ, сошел с трибуны.

— Здесь неподалеку есть хорошая таверна, — молвил он, понизив голос.

В таверне они сели за столик и потребовали жареной свинины, белого и красного вина.

— Дела плохи, — говорил по-гречески Гракх, моя руки в глиняной чашке, которую держала услужливая хозяйка, — патриции жалуются на нас в сенат, но отцы государства, — презрительно подчеркнул он, — не решаются вмешиваться в нашу работу. Они боятся плебса. Они понимают, что сила на нашей стороне... Все эти оптиматы — трусливые собаки, и бояться их нечего. Опасен только один...

— Сципион Эмилиан?

— Он. Помнишь закон Папирия? Карбону удалось добиться тайного голосования в законодательных комиссиях, а предложение о переизбрании народных трибунов любое число раз было отвергнуто народным собранием под нажимом Сципиона и Лелия.

— Да, Сципион — враг. Вспомни, что он ответил на вопрос Папирия, справедливо ли поступили сенаторы, умертвив Тиберия? «Если он хотел овладеть республикой, то справедливо». И когда толпа закричала: «Долой тирана!» — он сказал: «Враги отечества спра-

ведливо желают моей смерти, ибо невозможно, чтобы Рим пал, пока жив Сципион, и чтобы Сципион остался в живых, пока падет Рим». Но толпа продолжала шуметь, и он воскликнул: «Taceant quibus Italia noverca est! Non efficietis, ut solutos verear quos ollogators addux!¹». А ты, Гай, крикнул, что его следует убить!

— Я и теперь думаю то же...

— Что еще нового?

— Казнен Аристоник...

— Не устояло Государство Солнца, — криво усмехнулся Фульвий Флакк. — Не так же ль рухнуло сицилийское царство рабов? С великаном трудно бороться.

Помолчали.

— Как-то случайно я попал на конции, — заговорил Гай, — обсуждался вопрос о дороговизне хлеба. Кого там не было! Греки, египтяне, халдеи, персы, иудеи, блудницы, уличные мальчишки, рабы, невольницы, плебейки — все это толпилось, кричало, плакало, ревело, выло, визжало. И в этом шуме преобладало одно слово: «Хлеба!» Я был поражен и ушел с болью в сердце. Жить так нельзя...

Фульвий Флакк сжал ему руку, протянул чашу:

— Выпьем за твой трибунат, — молвил он заплетаящимся языком. — Будь решительнее и смелее великого твоего брата! Но и он боролся не напрасно: хлебопашцы получили земли.

Слезы сверкнули на глазах Гая.

— Благородный мой брат, — прошептал он. — Кто добрее, сердечнее был тебя? Толпа, за которую ты боролся, любила тебя, но не могла поддержать и теперь поклоняется тебе, как богу, приносит жертвы. Ты погиб за великое дело!..

— Не тужи, Гай, он счастливее нас. Выпьем лучше за плебс и рабов! А теперь позовем эллинку-певицу — я привез ее из Рима, чтоб она услаждала слух игрой на кифаре и чудесными гекзаметрами Гомера. Эй, хозяйка! — закричал он, хлопнув в ладоши. — Приго-

---

¹ «Пусть замолчат те, для кого Италия мачеха! Не думайте, что я стану бояться тех, кого сам привел в цепях, только потому, что их расковали!» (Лат.)

товь нам хороший обед на троих, да не забудь подать лучшего вина.

Зная щедрость Фульвия Флакка, хозяйка низко поклонилась:

— Что прикажут благородные мужи?

Фульвий задумчиво почесал на щеке бородавку:

— Подашь сочный окорок, жареного гуся, румяного, как девушка, гусиную печень с вкусными приправами, а в молочного поросенка положишь начинку из нежного мяса ягненка, цыплят и голубей; да не забудь перед обедом подать соленых грибов. Прикажи рабьям принести амфору лучшего вина, корзину яблок и груш... А теперь позови госпожу.

Вскоре вошла молодая гречанка, с улыбкой на смуглом лице, неся кифару. Она поклонилась гостям и, встретившись глазами с Гаем, загляделась на него.

— Садись, Кратесиклея, спой нам из Гомера.

— Из «Илиады»? — спросила гречанка, зная, что Фульвий Флакк предпочитает «Илиаду» «Одиссее», и, ударив по струнам, запела:

За руки взявши друг друга у кисти, там в пляске кружились
Юноши вместе и девы, берущие вено большое.

Девы в льняных покрывалах, а юноши в светлых хитонах,
Сотканных крепко из ниток,
для блеска чуть маслом натертых.

Эти увенчаны щедро сплетенными пышно венками,
Те на ремнях посеребренных носят мечи золотые.

То они все в хороводе ногами, привычными к пляске,
Вместе кружатся легко, с быстротою гончарного круга,
Если горшечник, в руках укрепив, его бег испытует,
То разовьются в ряды, и одни на других наступают.

Вкруг хоровода теснится большая толпа, наслаждаясь,
А посредине поет и под лад себе вторит на цитре
Богopodobный певец. И все время, как пение длится,
Два скомороха проворных вертятся и прыгают в круге¹.

— Хорошо! — воскликнул Фульвий Флакк и потрепал ее по щеке. — Хвала богам, призвавшим такую обаятельную красоту, как ты, к жизни! Когда я поду-

---

¹ Илиада, XVIII.

маю, что сегодняшней день — мой, мое сердце возносится с благодарностью к Фебу-Аполлону и к Музам, окружающим его. Я счастлив, что поклоняюсь твоей красоте и люблю твой пленительный лицом с черными солнцами веселых глаз, твоими зубами, белыми, как снега Скифии, стройными руками и ногами...

Гракс прервал его, обратившись к Кратесикле:

— Откуда ты родом и как очутилась в Риме?

— Родом я из Митилены, — певучим голосом отвечала гречанка, — а приехала в Рим с отцом. У него была богатая лавка на форуме, но во время восстания Тиберия Гракха он погиб...

— Каким образом?

— Он примкнул к Тиберию и был убит...

Гай опустил голову:

— Ну, а теперь... как ты живешь?

— Лавку я продала, — печально сказала гречанка, и веселые глаза ее затуманились. — А живу тем, что заработаю. Вот господин мой, — кивнула она на Флакка, — покровительствует мне...

Между тем рабыни устали стол кушаньями и принесли воду для омовения рук. Фульвий Флакк окинул стол превеселым взглядом и, взяв кусок поросенка с начинкой, стал есть, усердно потчует Кратесиклею.

— Будь добра, возьми этот кусочек, — говорил он, указывая на блюда, — а теперь этот... гусиная печенка вкусна, как поцелуй... А эта начинка тает во рту... Умоляю тебя, скушай этот ломтик ветчины: от ее жира твои щеки заалеют, как румяная Эос...

Слушая его, Гракс смеялся:

— Ты, дорогой Марк, настоящий поэт! Тебя вдохновляют три вещи: любовь, вино и роскошный стол.

— Ты угадал, Гай! Я знал, что ты умен, как Нестор, и ждал этих слов. Нужно жить для тела, а душа (он махнул рукой) ...душа, дорогой мой, рассеивается после смерти, обращаясь в атомы и пустоту, и она — поверь мне — неспособна тогда ни мыслить, ни чувствовать.

— Э, запахло Эпикуром, — улыбнулся Гай и встал, чтобы налить вина.

Но гречанка предупредила его и, наливая вина в его кубок, шепнула:

— Кто ты?

— Гракх.

Вскрикнув, она пролила вино:

— Брат Тиберия?

Он кивнул, недоумевая.

— Ты отомстишь за него, за моего отца, за сотни погибших? Ты должен это сделать. О, умоляю тебя... Я помогу тебе, клянусь Немезидой!

Фульвий Флакк прислушался к их беседе.

— Я не ошибся в тебе, Кратесиклея. В твоей груди бьется мужественное сердце воина! — громко сказал он.

Глава IV

Гай Гракх и Фульвий Флакк, сопровождаемые толпой земледельцев, выехали из городка, направляясь в виллы оптиматов. Они решили действовать при разделе полей по своему усмотрению и, не получив от вилков необходимых сведений, приказали землемерам нарезать лучшие участки, по 30 югеров в каждом, и поставить межевые камни.

Это были поля Ливия Друза и Люция Опимии, самые плодородные в этой области. Землепашцы, сильные рабы высокого роста и крепкого телосложения, закованные подобно виноградарям в цепи, работали декуриями, по десять человек в каждой, и подчинялись вольноотпущеннику. Они исподлобья посматривали на толпу людей, которая делила поля, и мрачные глаза их ничего не выражали, кроме бессильной ненависти.

Гракх подошел к ним, спросил декуриона, все ли рабы на работе, и получил краткий ответ:

— В эргастуле шесть невольников: биты бичами за лень и дерзость.

— Рабынь у вас много?

— Двадцать сильных иллирийских невольниц чистят хлева.

— А еще?

— Есть пряжи, швей и птичницы.

Фульвий Флакк успел уже осмотреть виллу и, подойдя к Гаю, сказал:

— Земли и постройки в порядке. Эти негодяи Друз и Опимий сумели хорошо повести хозяйство. Но краденое (я не сомневаюсь, что это — *ager publicus*) должно быть отнято у воров.

— О, как я ненавижу этих злодеев! — с искаженным лицом вымолвил Гракх и приказал землемерам приступить к разделу.

Фульвий, просмотрев списки, задумался:

— Послушай, Гай, государственные земли, находящиеся в тридцати пяти трибах, почти все разделены. Теперь нужно приступить к участкам, захваченным союзниками.

— А чем мы вознаградим за это союзников?

— Я добьюсь консулата и внесу закон о даровании им прав римского гражданства. Я давно уже подстрекаю союзников к возмущению, и они непременно восстанут, когда будут готовы...

— Да, союзники должны получить права... И все же мы приступим немедленно к ассигнациям их полей... Ведь и среди союзников есть бедняки, которые находятся в положении римских земледельцев.

— Да, богачи душат их, — согласился Флакк, — а мы своими действиями возмутим их и облегчим участь неимущих.

Как предполагал Фульвий, так и случилось: захват триумвирами полей вызвал страшное негодование среди союзников. Они обратились в сенат, и представитель их говорил, едва сдерживаясь от бешенства:

— Как так, нас, опору республики, лишать земель? Кто, как не мы, содействовали могуществу государства, выставляя больше войск, чем вы, платя значительные подати? И нас, не имеющих прав римского гражданства, лишать еще полей в пользу италийской голи? Не бывать этому!

Представителя союзников призвали к спокойствию, но он не унимался и, разгневанный, выехал в тот же день из Рима.

А раздел союзнических земель между тем продолжался. Триумвиры действовали быстро и усердно: ни нарекания богачей, ни просьбы об отсрочке, ни угрозы, ни жалобы в сенат — ничто не могло их остановить. Гракх и Флакк твердо шли к цели.

Тогда латины не выдержали: снарядив посольство, они отправили его в Рим к Сципиону Эмилиану. Во главе посольства находился древний согбенный старик с орлиным носом и поблекшими глазами. Латины прибыли в Рим вскоре после казни Аристоники и запоздalogo известия о самоубийстве Блоссия. Выслушав латинов, Сципион задумался: Гракх, Карбон и Флакк стояли за отнятие земель у союзников и вознаграждение их правами римского гражданства, требуя, чтобы закон коснулся и неимущих италиков, но это казалось Сципиону и его кружку безумием; он отверг эту мысль и вернулся к своей, строго обдуманной: «Выход из положения — в прекращении работы триумвиров; земли останутся в руках союзников, и действие закона Тиберия потеряет силу. Не будем обострять отношений с союзниками, посмотрим на вещи здраво».

— Я заступлюсь за вас, — сказал он, вставая, и, оглянувшись на сенаторов, которые шумно приветствовали его за “мудрое решение” (эти слова выкрикивались во все горло), он прибавил:

— Сегодня я приготовлю речь, чтобы завтра произнести на форуме. Народные комиции, на которых я выступал, постановили отнять судебную власть у триумвиров, а разрешение вопроса, какие земли римских граждан считать казенной собственностью, а какие — частной, возложено на цензоров и их представителей, консулов. Будьте уверены, что сенат приложит все силы, чтобы защитить вас.

Сопровождаемый толпой аристократов и союзников, Сципион возвратился домой, чтобы приняться за работу. В атриуме он наткнулся на Семпронию. Бледная, с искаженным лицом и дикими глазами, она бросилась ему навстречу:

— Изменник! Вот на кого ты променял меня, римлянку! На дочь клиента, подлого лено! Он вербовал девушек в деревнях, он... О, боги, боги! — завопила она, всплеснув руками. — Зачем вы не послали мне смерть, чтоб я этого не видела?

— Замолчи, — шепотом произнес Сципион.

Она не слышала слов мужа. Дрожа, она схватила его за тогу и, не отпуская, говорила:

— Ты... я тебя любила... Ты был для меня богом... А ты... ты... Разве я виновата, что я бесплодна?.. Все это от богов. А ты пошел к той, которая сегодня любит тебя, а завтра — другого...

— Замолчи, — повторил он и оттолкнул ее от себя.

Тяжело дыша, она смотрела на него невидящими глазами, и лицо ее подергивалось. А когда он прошел в таблинум, она очнулась, кликнула рабыню и, одевшись, вышла на улицу в сопровождении раба.

В голове у нее шумело, ревность терзала сердце. Перед глазами стояла Лаодика: прекраснее статуи Венеры, она смотрела из толпы на Публия с такой улыбкой, что ей, жене, становилось страшно.

Она отпустила раба и, оглядевшись, бросилась в грязную узенькую улочку, посредине которой ворочались в пыли полуголые чумазные дети.

Пройдя несколько шагов, она остановилась перед невзрачным домиком, толкнула низенькую дверь и проникла в маленький закопченный атриум.

У очага, над огнем которого висел котелок, сидела старуха и, казалось, дремала; седые космы свешивались на ее грудь.

Она поднялась, откинула волосы.

— Кто ко мне? — скрипнула она хриплым голосом.

— Не узнаешь?

Тусклый свет упал на бледное лицо Семпронии, и старуха подобострастно закивала головой.

— Не помогают зелья?

— Не помогают. Ты говорила, что у тебя есть яды...

Старуха в раздумье пошевелила губами.

— Мне нужен самый сильный яд... Ты получишь много золота...

Старуха молчала; в глазах ее вспыхивала жадность.

— Хорошо, — медленно выговорила она, — поклянись Немезидой, что никому не скажешь.

Семпрония вручила старухе кожаный мешочек, наполненный золотом, и получила свинцовую трубочку с мутной жидкостью.

— Пять капель! — крикнула старуха.

Глава V

После ухода Семпронии Сципион отправился к Лаодике. Юная гречанка ожидала его в азиатской комнате, лежа на подушках, и, когда он вошел, вскочила, звонко засмеялась.

— Я вздремнула, — молвила она шепотом. — Садись. Моя мать уехала в Остию, мы одни. Вчера она виделась с Корнелией и Семпронией, твоими тещей и супругой...

— Откуда ты знаешь? — обеспокоился Сципион.

— Мне сказала моя подруга Кратесиклея — любовница Фульвия Флакка, а у него бывает Гай Гракх.

— Я не понимаю, — пробормотал Сципион. Беспокойство его возрастало.

— Сегодня Корнелия совещалась с этими мужчинами...

— Когда это было?

— После того, как ты ушел из сената.

Сципион задумался, но, взглянув на Лаодику, махнул рукой:

— Я не хочу догадываться о том, что неизвестно...

— Берегись, — шепнула гречанка, обвивая его шею голыми пахучими руками, — помни, что ты окружен врагами.

— Жизнь и смерть в руках Фортуны, — улыбнулся он, взглянув на нее.

Огни светильен тускнели. Он протянул к ней руки.

Вернувшись домой, Сципион прошел в таблиниум, чтобы дописать речь. Льняные волокна, пропитанные догоравшим маслом, чадили в невысокой светильне, и быстрые блики бегали по белому пергаменту, купленному у Лизимаха.

Сципион кликнул рабыню и велел оправить волокна в светильне.

Смуглотелая невольница, молодая, некрасивая, с приплюснутым носом и толстыми губами, подлила масла и, остановившись у двери, спросила, что прикажет господин на ужин.

— Подай ломоть ветчины, а вино разбавь холодной водой.

Он работал до глубокой ночи, проголодался. Перед сном съел ветчину и выпил вино. Оно показалось ему горьким, неприятным на вкус.

Он прошел в спальню, взглянул на Семпронию. Она спала, небрежно разметавшись на ложе, но эта небрежность была подозрительна.

«Не спит, — подумал он, — притворяется», — и, раздевшись, лег.

Голова кружилась, в животе появилась боль. Сначала колотье, затем резь, она передалась сердцу, груди, — казалось, десятки ножей кромсали внутренности, пробираясь все выше; он хотел привстать, разбудить Семпронию, но липкий пот — пот боли, ужаса и отчаяния — покрыл его тело. Он застонал и вдруг увидел Семпронию: глаза ее пылали, она подходила к нему торопливым шагом, с подушкой в руке.

— Умираю, — прохрипел Сципион, стараясь сдержать вопль, перешедший в тихий стон.

Семпрония молча бросила ему на голову подушку, навалилась на него всем телом. Задыхаясь, он отталкивал ее, но страшная слабость опутала тело, и члены не повиновались его воле. И вдруг смутное сознание мелькнуло в отяжелевшей голове: он все понял и перестал сопротивляться.

Семпрония отняла подушку, взглянула на искаженное почерневшее лицо мужа.

— Отравительница, — с трудом выговорил Сципион, и мутные невидящие глаза его обратились к жене.

Она задрожала и, уронив подушку, с ужасом смотрела на человека, славой, подвигами и честностью которого гремела вся Италия и провинции Рима, смотрела в оцепенении, ничего не сознавая, и стояла странной полуживой статуей. И вдруг поняла, схватилась за голову:

— Горе мне, горе!..

Она рвала на себе волосы и, упав на колени, лобзала безжизненные руки любимого человека и рыдала, точно нелепая случайность отняла у нее мужа.

А потом дом Сципиона огласили нудные, тягучие вопли. С топотом сбегались рабы, рабыни, и рыдания, наполнив атриум, таблиум, перистиль, перекинулись на улицу, где уже толпилась праздная любопытная толпа.

Через час стало известно всему Риму, что великий Сципион Эмилиан умер.

Глава VI

Форум раньше всех узнал о смерти Сципиона. Прибежавший Метелл Македонский, противник Эмилиана в сенате, воскликнул надломленным голосом:

— Тише, квириты, тише! Стены нашего города пали! Африканский умерщвлен во время сна в своем доме! О, горе, горе Риму!

Разноречивые слухи ползли по городу. Патриции говорили шепотом об убийстве: одни обвиняли Гая Гракха, Карбона и Фульвия Флакка, которые, якобы боясь отмены Сципионом аграрного закона Тиберия, поторопились убрать со своего пути единственного человека, способного приостановить раздачу земель; другие видели в преступлении месть Корнелии за убитого сына, умерщвление которого Сципион одобрил; третьи говорили, что он покончил самоубийством, поняв, что не в силах выполнить обещание, данное со-

юзникам; а четвертые утверждали, что его отравила Семпрония из ревности.

Магистраты, прибывшие утром в дом Сципиона, осмотрели труп, но следов насилия не нашли; по искаженному, почерневшему лицу покойника они догадались, что он отравлен, но, допросив рабов и невольниц, ничего не добились. Тогда они велели схватить прислугу и пытаться. Окровавленные рабы, с обугленными руками и ногами, с телами, выжженными до кости, продолжали повторять, что ничего не видели, ничего не знают.

А Семпронию допросить не решились. Ее отчаяние было столь велико, что даже патриции, обвинявшие ее шепотом в отравлении, принуждены были сознаться, что ошиблись.

Она умоляла богов сжалиться над нею, а мужа — простить ее за причиненное ему зло, и так убивалась, что Корнелия увела ее в перистиль.

Омыв тело горячей водой, надушив благовониями и натерев мазями, женщины облекли его в тогу, надели на руки браслеты, на палец золотой перстень, в рот положили асс, чтобы душа могла уплатить Харону за перевозку через Стикс, и перенесли в атриум.

Широкое ложе, покрытое золотыми тканями, усыпанное цветами и украшенное венками, наградой за военные подвиги, ожидало покойника. Четыре факела горели в углах ложа. Сципиона положили ногами к входу, прикрыв обезображенное лицо тканью. Звуки флейт, струнных инструментов и гнусавые голоса плакальщиц, тихие и однообразные, наполняли дом. Курильницы дымилась благовониями, сжигаемыми на огне. Через вестибюль, увешанный ветвями кипариса и ели, символом смерти, входили сенаторы, оптиматы, старые и молодые воины, толпа почитателей и весь кружок, чтобы отдать последний долг покойнику. Наконец пришли, несколько запоздав, Луцилий, Марий и Квинт Метелл Македонский, противник Сципиона, с которым он имел еще вчера столкновение по поводу его вмешательства в работу триумвиров. Теперь все было забыто. Старый патриций, возмущенный этим

убийством, привел с собой четырех сыновей, которым приказал нести погребальные носилки своего великого противника. И хотя сыновья не очень любили Сципиона, зная, что он враг аристократии, — они не посмели ослушаться своего отца.

Похороны состоялись наскоро, хотя тело по обычаю, не погребалось в течение трех дней.

На другой день утром глашатай публично известил о смерти Сципиона. Перед домом покойника появились друзья, патриции, вольноотпущенники, рабы и воины; они должны были составить триумфальную помпу.

Похоронное шествие, остановившись возле святилища древне-италийской богини Либитины, продолжало свой путь. Во главе его шли тубицины (число их, по Закону XII таблиц, доходило до десяти), играющие на длинных, из слоновой кости, тубах, за ними следовали плакальщицы, поющие нэнии — гимны в честь покойника, дальше — танцовщики в одеждах силенов и сатиров, затем — гордость и слава зрелища — вереница изображений, извлеченных из атриума: это восковые слепки с лиц предков, называемые *imagines*¹, которые надевали на себя клиенты, облаченные в магистратские инсигнии, — тоги преторов, консулов и цензоров. Они ехали на высоких колесницах, предшествуемые ликторами, впереди покойника, потому что предки должны сопровождать своего потомка до самого Аида. Число колесниц было так велико, что казалось, не будет им конца. За предками шли вольноотпущенники, с бритыми головами, в пилосах (символ свободы), и несли памятники славы Сципиона — картины, изображающие разрушение Карфагена, Нуманции, взятие многих городов, подчиненные народы. Дальше тянулись повозки с предметами из военной добычи предков, напоминающие о доблестной жизни, за ними ехали телеги с дарами и вещами, которые сопровождали покойника в могилу. Потом шли ликторы с опущенными прутьями и секирами, а за ними факе-

---

¹ Изображения. (*Лат.*)

лоносцы. Наконец появился покойник, окруженный факелами, стоящий в положении и одежде живого — не мертвец, а его изображение в восковой маске (сам Сципион лежал ничком в гробу, скрытом в похоронной колеснице). Дальше следовали близкие в траурных одеждах, магистраты, сенаторы, всадники, без почетных знаков отличия: мужчины, покрыв головы тогой, женщины — с распущенными волосами, и наконец триумфальная помпа — почитатели, знакомые, рабы и народ.

Когда похоронное шествие, миновав бронзовую волчицу, стоявшую под смоковницей у Палатина, выехало на форум и остановилось перед рострами (здесь находился помост для гроба), предки сошли с колесниц и разместились в курульных креслах из слоновой кости. Присутствующие окружили их.

Племянник Сципиона, Квинт Фабий Максим, вошел на ростры и произнес надгробную речь, которую сочинил Лелий.

Похоронное шествие двигалось по *Via Appia*, царице дорог; прямая, широкая, вымощенная большими гладкими плитами, она тянулась вдаль, и высокие блестящие памятники, усаженные кипарисами, встречали, выстроившись в два ряда, великого мужа из знаменитого рода.

У могилы Сципионов, подземного склепа, поддерживаемого двумя колоннами, воздвигнутыми посредине, шествие остановилось. Это была фамильная усыпальница рода (в ней погребались также вольноотпущенники, клиенты и друзья, кроме членов, исключенных из семьи, или неблагодарных вольноотпущенников), построенная в виде дома; огромный Приап, страж гробницы, охранял могилу. В усыпальнице был атриум, таблиум, перистиль, и вольноотпущенники принялись спускать вниз кресла, треножки, посуду для еды и питья, одежду, золото, оружие и съестные припасы.

Могилы считались домом, где поселился покойник, чтобы начать другую жизнь, похожую на земную. За склепом наблюдал вольноотпущенник, живший тут же

в небольшом домике. Кругом зеленели виноградники, сады, пестрели цветы. Род Корнелиев строго придерживался обычая зарывания умерших и на сжигание трупов смотрел неодобрительно, хотя большинство патрицианских семейств сжигали своих покойников.

Лаодика, в одежде рабыни, шла рядом с Кассандрой за погребальной колесницей. Мать что-то говорила, но она ничего не понимала. Лицо ее, опухшее от слез, окаменело, казалось, навсегда. Когда труп положили в саркофаг и опустили в яму, Лаодика, вскрикнув, упала замертво на руки Кассандры.

На них оглянулись. Кто-то шепотом сказал:

— Первая и последняя любовь Сципиона...

На могиле приносили жертву, когда Кассандра уводила обезумевшую дочь домой.

Глава VII

Хотя раздача земель была приостановлена Сципионом Эмилианом (триумвиры могли работать под наблюдением цензоров и консулов, действия которых отличались медлительностью и нерешительностью), последствия аграрного закона Тиберия Гракха оказались значительными: четыреста тысяч хлебопашцев получили наделы, и число граждан, способных к военной службе, увеличилось на несколько десятков тысяч.

Гай уехал в Сардинию квестором при консуле Аврелии Оресте, взяв с Флакка слово, что тот будет извещать ее о событиях в Риме.

Восстания в Сардинии вспыхивали одно за другим, но консул подавлял их. Гракх отличился в нескольких битвах, показав трусливому римскому юношеству наглядные примеры прежней доблести, стойкости и уважения к военачальникам; он превосходил своей твердостью, скромностью и усердием к службе даже старейших воинов и был назван за свои заслуги "лучшим".

Наступила суровая зима. Воины, не привыкшие к холодам и не имевшие теплой одежды, сильно зябли и не могли воевать. Аврелий Орест потребовал, чтобы города снабдили легионы одеждой, но получил отказ. Посольство сардинцев, отправленное в Рим, сумело добиться в сенате отмены требования полководца, и растерянный консул не знал, что делать.

Подавленный тяжелым положением, Орест сидел в холодной палатке, грея над очагом руки, когда вошел Гай. Квестор знал о решении сената и предложил полководцу отпустить его в города.

— Я постараюсь убедить население в том, что помощь легионам необходима, — сказал он, садясь против консула, — и если боги пошлют нам и здесь неудачу, подумаем, что делать.

— Попытайся, — совсем упавшим голосом согласился Орест и, выйдя из палатки, смотрел на квестора, который сажился на коня, чтобы в сопровождении небольшого отряда тронуться в путь по снежной равнине.

Деревья, усыпанные легким пухом, четко выделялись на свинцовом небе. Горы и скалы, запорошенные сверху, с наметенными сугробами внизу, остались слева. По военной дороге тянулись обозы из Тибулы и Ольбии в глубь страны. Люди бежали вприпрыжку за повозками, чтобы согреться.

— Что везете? — спросил Гракх, остановив коня.

— Хлеб и мясо для легионов.

Объехав несколько городов, Гай сумел убедить население в необходимости помочь войскам; он говорил с поработоченными людьми как равный с равными, называл друзьями, ел с ними за одним столом, а уезжая, пожимал им руки.

Спустя несколько дней римляне получили теплую одежду, а ровно через месяц пришло письмо от Фульвия Флакка:

«Берегись лазутчиков, которые доносят о каждом твоём шаге в сенат. Тебя обвиняют, что ты вступил на путь народоправства и демагогии; оптиматы встревожены; ходят слухи, что тебя хотят отправить в Ливию...»

Гракх хмурился. Он знал, что был бельмом на глазу сената, но никогда не думал, что за ним будут следить и доносить в Рим. Он продолжал исполнять по-прежнему честно свои обязанности, и Аврелий Орест, любивший его как сына, писал в сенат, расхваливая его за строгость к себе и подчиненным и за храбрость в боях. Сенат отвечал, что доверять Гракху нельзя («Его брат Тиберий покушался на целостность республики»), и советовал консулу бдительно следить за каждым его шагом.

Время протекало незаметно: бои и походы чередовались. Римские легионы испытывали недостаток в провианте — подвоз был плохой, а племена налетали на обозы и отбивали провиант. Мало надеясь на римское снабжение, Гай послал тайком раба с письмом в Ливию к царю Миципсе, прося его прислать хлеба.

Через некоторое время в римский лагерь прибыли послы от ливийского царя и заявили римскому полководцу, что Миципса, из расположения к Гракху, послал хлебные припасы в Сардинию. Аврелий вспыхнул.

— Как, — закричал он, побагровев, — нам, владыкам мира, подачки? И от кого? От варваров, которые достойны быть у нас рабами! Никогда! Вон отсюда!

Но Гай вступился за посольство:

— Ты несправедлив, консул! Войска ропщут, испытывая недостаток в хлебе. А отказываться от помощи друзей нехорошо. Ты оскорбляешь послов великого царя.

— Молчи! Я не знаю, какие постыдные дела у тебя с варварами, но зато знаю, что сенат тебе не доверяет. Я считал тебя человеком честным, а ты тайком от меня завязал сношения с ливийцами...

И, прервав свою речь, он закричал послам:

— Уходите! Кто здесь начальник — я или Гракх?

Гай вышел из палатки полководца, не простившись с ним.

А через несколько месяцев сенат отозвал легионы, оставив в Сардинии только Аврелия Ореста, и Гракх, в силу своей должности, должен был остаться при консуле.

В негодовании он вбежал в палатку полководца.

— Это несправедливо! Неужели легионарии виноваты в случившемся? Я тоже не останусь здесь и уеду с ними!

— Гай Семпроний Гракх, — торжественно сказал Аврелий Орест и погрозил ему пальцем, — ты — квестор и обязан оставаться при консуле!

— Один, а не три года! Я уеду.

— Молчи!

Гай побледнел. Повернувшись, он вышел из палатки в сильном раздражении. А ночью самовольно покинул лагерь, решив немедленно отплыть в Рим.

Глава VIII

Лаодика вбежала в азиатскую комнату и, не дав Кассандре даже войти, бросилась к ней с искаженным гневом лицом.

— Я все знаю! — кричала она, задыхаясь. — Ты добивалась смерти Сципиона, сговаривалась с его врагами!.. Я все знаю! — повторила она, прижимая руки к сердцу, — и я.., не люблю тебя, мать! Я презираю тебя. Ненавижу.

Кассандра холодно глянула на дочь:

— Ты сошла с ума. Сципион был нашим врагом: он убил твоего отца, соблазнил тебя...

— Он был прав!

— Прав, что убил отца?

— Отец оказался изменником.

И она беспорядочно рассказала все, что слышала об отце от Сципиона. Но Кассандра не сдавалась: она говорила о том, что патрон воспользовался ее отъездом, чтобы соблазнить дочь своего клиента, упрекала Лаодику в разврате, называла ее блудницей, дурой.

Лаодика молчала. И когда кончились упреки, она оскорбительно засмеялась:

— Разве ты — мать? Пусть Немезида вырвет у тебя лживый и несправедливый язык! Не соблазнил он ме-

ня, а мы полюбили друг друга, не блудница я и не податливая девчонка, потому что любила его одного, не развратница я и не дура... Он любил меня слушать, он любил мое сердце, мою душу, он упивался моим телом, как нектаром богов. Он говорил, что эта азиатская комната — Олимп, а я — Афродита. И я верила ему. Он был для меня и Фебом-Аполлоном, и Зевсом, и Марсом, и жизнью... А ты отняла его у меня, ты, убийца!

— Не я убивала...

— Но ты сговорила с Корнелией, матерью Гракхов, с Фульвием Флакком и с Семпронией, женой Сципиона, и вы отравили его, великого, славу Рима, моего любимого владыку и супруга!

Она топнула, захохотала:

— Ты назвала меня блудницей. Нет, не была я развратница, и пеняй на себя, если стану гетерой... Уходи, уходи! Что так смотришь на меня? Продавай все, уедем из Рима! Я не хочу оставаться в городе, где он погиб. В Пергам, в Пергам!.. Там я буду отдыхать несколько лет от этого страшного дня... там я... Что же ты стоишь? Уходи, уходи!..

Она зарыдала и, уткнувшись лицом в подушки, неподвижно лежала в полумраке, жалкая, как избитая рабыня, истекающая кровью.

А Кассандра, выйдя из дому, отправилась к Семпронии просить разрешения о выезде из Рима, но рабыни объявили ей, что госпожа больна и никого не принимает, и лучше поговорить с Корнелией.

Корнелия находилась при дочери, однако не виделась с нею. Семпрония, запершись в своей спальне, не выходила оттуда, а Корнелию не хотела видеть, и когда мать попыталась к ней войти, Семпрония крикнула с такой ненавистью, что Корнелия отшатнулась:

— Ты... ты толкнула меня на преступление... Ты... О мать, мать!..

Эти слова звучали в ушах Корнелии таким осуждением, что она не находила себе места.

Она приняла Кассандру и, узнав, что вдова клиента уезжает с дочерью из Рима, облегченно вздохнула: «Одной свидетельницей меньше — тревогой меньше»; и разрешила Кассандре уехать с дочерью в Пергам.

Глава IX

Подплывая к Риму, Гракх был встречен народом восторженно. Пристань волновалась — тысячи плебеев, землевладельцы, всадники и мелкие торговцы приветствовали его радостными криками, как благодетеля, а он, между тем, еще ничего не сделал. Но все помнили его брата и надеялись, что Гай будет продолжать его дело: городской плебс ожидал улучшения своего положения, хлебопашцы, не получившие наделов по вине Сципиона Эмилиана, — земли, а всадники еще помнили переговоры с Тиберием.

Такому взгляду на молодого квестора немало способствовал Фульвий Флакк, считавший его несравненно выше себя. Действительно, Гракх превосходил своего друга ясностью суждений, величием дерзаний, неустрашимостью и красноречием. (Даже враги считали его великим оратором и большим писателем.) И Фульвий, восторженно преклоняясь перед Гаем, убеждал народ, что Гракх — единственная надежда плебса, всадников и земледельцев, единственный честный вождь, который, не задумываясь, поведет народ против оптиматов и победит их.

Такие же идеи распространял Фульвий Флакк среди союзников, а получив консулат, выступил с законом о даровании им гражданских прав. Сенат пришел в ужас: «Если консул на стороне врагов, то кому же еще верить?» — шептались оптиматы и, чтобы освободиться от вредного мужа, решили послать его на войну с кельтами. Да и народ был недоволен: он опасался, что новые граждане станут посягать на те выгоды, которые плебс получал от оптиматов, и Фульвий принужден был отказаться от своего предложения. Он уехал в Галлию, вел победоносные войны по ту сторону Альп с саллувиями, а его сторонники подстрекали союзников к восстанию.

Находясь в Сардинии, Гай слышал об отложении Аскулума, о восстании Фрегелл, решивших силой добиться гражданства, о взятии их претором Люцией Опимием, срытии стен и превращении города в селе-

ние. Друзья писали из Рима, что причиной победы Опимия была главным образом ожесточенная борьба между богатыми и бедными, что дало римлянам возможность подавить восстание раньше, чем оно успело распространиться на другие города и племена, а также измена, открывшая претору доступ в город.

Гракх перечитал конец письма, подплывая к Риму:

«Наглый негодяй разорил цветущий город и возле места, где находились Фрегеллы, основал римскую колонию Фабратерию. Ты не поверишь, дорогой Гай, куда завело его бесстыдство: он возбуждает судебные дела против жителей несчастного города и римских граждан, обвиняя их в измене, и многие невинные люди предстанут как соучастники восстания перед судом. Ждем твоего возвращения и помощи. Да хранят тебя всемогущие боги и сам Юпитер Капитолийский!»

Рим не понравился Гракху. Какая-то тревога отражалась на лицах граждан. Магистраты держали себя вызывающе. Клиенты, подстрекаемые оптиматами, возбуждали народ против квестора, самовольно уехавшего из Сардинии, и толпа, встречавшая его утром как вождя, уже вечером заколебалась. Перед домом Гракхов бродили ремесленники, выкрикивавшие оскорбительные слова, слышались возгласы о привлечении Гая к суду за нарушение воинской дисциплины, а когда вскоре и цензоры возбудили против него обвинение, Гракх вынужден был защищаться.

— Разве я не ходил в походы, — говорил он, — не служил на военной службе двенадцать лет, в то время как другие ограничиваются обыкновенно десятью годами? Разве я не оставался квестором в течение трех лет, тогда как закон разрешает вернуться домой после одного года? Из всего войска я один взял с собою свою казну полностью, а не привез ничего; другие же, выпив взятое вино, наполнили свои амфоры серебром и золотом.

Речь Гая была настолько убедительна, что цензоры оправдали его единогласно. Вернувшись домой после этой победы, он написал Корнелии эпистола.

Изложив подробно свою жизнь в Сардинии, возвращение в Рим, преследования врагов, он кончил письмо уверениями, что Тиберий является ему во сне и требует продолжать его дело:

«И я, мать, буду добиваться трибуната, чтобы отомстить за дорогого брата, убитого злодеями; я облегчу положение не только деревенского, но и городского плебса, опрокину сенат, чтоб передать его власть комициям, обновлю отжившую свой век республику. Все, что есть честного, смелого и любящего родину, станет на мою сторону; плебс поймет, что я борюсь за него».

После смерти Тиберия мать поселилась в Мизенах, лишь изредка наезжая в Рим. Семпрония недавно “бежала”, по словам друзей, от тоски по мужу, не желая никого знать, — ни матери, ни брата, ни родственников, — подальше от Рима, в Элладу, где хотела спросить дельфийского оракула, как дальше жить, что делать. И о ней не было известий.

Не успел Гай получить ответа на письмо, как против него было возбуждено новое обвинение: утверждали, что он и Фульвий Флакк произвели возмущение в Фрегеллах и руководили восстанием: один — из Сардинии, другой — из Галлии. Но Гракх легко оправдался, сославшись на консула Аврелия Ореста, который хвалил его в своих донесениях сенату, а о Фульвии сказал, что смешно обвинять консула на основании слухов, которые распространяют враги. Он видел, что оптиматы ищут себе сторонников среди городского плебса, кормят голодных клиентов и требуют от них поддержки в народном собрании.

«Если провести закон, который обеспечит существование клиентов и бедных ремесленников, — думал он, — вся эта толпа хлынет ко мне, станет моей защитницей, и я, опираясь на нее, сумею провести ряд полезных законов. Против меня работают Скавр, Оппимий и Ленат, но когда на моей стороне будет сила, они подожмут хвосты, как побитые собаки. Я должен

стать трибуном, войти в сенат, изменить ход внешних и внутренних дел республики, улучшить состояние плебеев, заключить союз с всадниками. Они помогут мне в борьбе с сенатом».

Гай получил письмо от Корнелии. Он читал его, перечитывал, пожимал плечами: нежность к матери чередовалась с досадой на нее: «Как она не понимает, что наша жизнь — моя и брата — ничто перед благом народа? Тиберий погиб, а я еще жив, и пока я хожу, говорю, двигаю хоть одним членом, — я буду бороться, буду продолжать дело брата и даже больше — осуществлю то, что помешала совершить ему смерть».

Опять и опять перечитывал эпистолу:

«Ты говоришь — отомстить врагам прекрасно. — да, это прекрасно, если не вредно отечеству; но если это недоступно, и наши многочисленные враги, спустя долгое время, не погибнут, то пусть они лучше останутся, нежели погибнет республика».

— **Никогда!** — громко сказал он, стукнув кулаком по столу. — **Враги должны погибнуть...**

«Если же иначе не можешь поступить, добивайся трибуната после моей смерти; когда я ничего не буду чувствовать, делай что хочешь. Но не стыдно ли тебе будет совершать на моей могиле жертвоприношения, когда ты при моей жизни так мало обращал на меня внимания? Надеюсь, Юпитер не допустит, чтобы ты в своем ослеплении шел этим путем. Если же ты будешь упорствовать, то опасюсь, как бы ты не испортил всей своей жизни».

— **Что моя жизнь?** — усмехнулся он. — **Ждать смерти матери, а затем добиваться трибуната? Зачем? Мать так же переживет меня, как пережила Тиберия. Нет! Когда я переделаю Рим, когда в нем не будет бедняков и нищих, республика станет великой и сильной!**

Глава X

Он сблизился с сословием всадников — с этими публиканами, откупщиками и подрядчиками, председателями различных обществ и товариществ, главной целью которых была нажива и среди которых, торговля рабами и блудницами не считалась постыдным деянием, а прибыльным, дозволенным законом, освященным государством способом обогащения.

Войдя в атриум, Гракх увидел толстого высокого белобородого человека с румяными щеками и красным носом, услышал его грубый, охрипший голос:

— Привет благородному брату великого народного трибуна Тиберия Гракха! Прости, что смелость заставила меня войти в твой дом...

— Привет и тебе! Мой дом открыт для друзей...

— Я знал это, — поспешно заметил старик и медленно заговорил, взвешивая каждое слово: — Я — всадник Муций Помпон, тот самый, который вел переговоры с Тиберием Гракхом. Меня отправило к тебе товарищество публиканов: оно просит у тебя защиты против сената. Будь добр, помоги нам, и мы поддержим тебя золотом, оружием, чем хочешь. Тиберий был согласен, и если ты...

— Подожди, — прервал его Гракх, — я подумаю.

— Умоляю тебя всеми богами! — воскликнул Помпон. — Не отказывайся... Мы богаты, мы все можем. Деньги всегда будут основой жизни человека. Я имею на тысячи талантов состояния, я могу добиться чего захочу, но я — римлянин и не желаю поступать незаконно, нарушать спокойствие отечества. Слушай, завтра у меня состоится пиршество, и на нем будут присутствовать много всадников. Присмотришься к ним, поговори, если хочешь, и я познакомлю тебя с самыми влиятельными мужчинами...

Гай задумался. Судьба благоприятствовала ему, но он не хотел подать вида, что доволен предложением.

— Больше всего меня занимает, — сказал он, — положение плебса, но если всадники готовы помочь мне, то я подумаю, что можно сделать и для них.

— Повторяю, мы не пожалеем на это дело ни золота, ни вооруженной силы; у нас есть огромные средства, есть и сыновья, которые будут бороться на твоей стороне... Послушай, благородный патриций, — подвинулся к нему старик, — общество публиканов ведет крупную торговлю с Азией, Испанией, Элладой и большими островами Архипелага, оно имеет своих людей в Пергаме, Персии, Понте, Африке, во всем мире. Мы ввозим в Рим предметы роскоши, лучших рабов, красивейших невольниц, вина, сладости, мы покупаем по оптовой цене, почти за бесценок, а продаем в розницу, наживая половину общей стоимости. Мы арендуем земли в провинциях, и хотя в Тринарии потерпели огромные убытки (проклятый Эвн разорил весь остров!), а в Азии потеряли виллы, стада, склады товаров (безумный Аристоник не пожалел богатства пергамских царей для Государства Солнца!), мы быстро оправились. Ты не был в последние годы в тех местах. Ты бы не узнал разоренных стран: все цветет, как цвело до восстаний. Прости, что я так много говорю, не подумай обо мне: «Вот болтливый старик, у него язык, как у старой сплетницы!»

— Ты сказал обо всем, только забыл упомянуть о податях, которые вы берете на откуп...

— Я умолчал потому только, что твой покойный брат Тиберий обещал передать в наши руки судебную власть. Я полагал, что ты не откажешься провести закон, который намечал Тиберий. И если это так, то рассчитывай на нашу помощь, добиваясь трибуната. Но прости, что я опять много болтаю... Завтра вечером договоримся крепче. Придешь?

— Если никто не помешает...

— Ты должен прийти! Я познакомлю тебя с моим сыном Помпеем Помпонием и с племянником Леторием Мэгом. Славные, храбрые, преданные молодые люди! Если ты доверишься им, то они будут лучшими твоими помощниками, и дела твои, с помощью небожителей, пойдут хорошо. Помпониий отличился в коннице Эмилиана под Нуманцией, а Леторий — под Тавромением. Они тебе понравятся, я в этом уверен... Придешь?..

— Приду, — согласился Гай, видя, что от старика мудрено отвязаться, — только будь добр, скажи, где ты живешь и когда у тебя соберутся гости?

— Я живу на Эсквилине, но ты не смущайся расстоянием. Я пришлю за тобой лектику после обеда. Мы сможем поговорить о самом главном до пришествия.

— Кроме меня, будут у тебя патриции?

— Увы, господин мой, хотя я и нахожусь в родстве с Публием Рупилием, победителем сицилийских рабов, но, как тебе известно, он скончался незадолго до смерти Сципиона Эмилиана, а его племянница, вторая жена, оторвалась совсем от своей среды. Она дружила с супругой Публия Попилия Лената, а теперь все между ними кончено.

— Почему?

Старик смущенно молчал, потирая толстыми пальцами красный нос.

— Денежная ссора, — пробормотал он, — супруге Лената понадобилось несколько десятков тысяч сестерциев на покупку юного александрийца, и она обратилась к моей жене, а та отказала... Не подумай, что она жадна — вовсе нет, но у супруги Лената постыдная привычка забывать о долгах...

Муций Помпон тяжело поднялся и, беспрестанно кланяясь, ушел, с трудом передвигая ноги. С порога дома Гракх видел, как он развалился в лектике, и крепкие рослые рабы быстро понесли эту грузную тушу, точно это была соломинка.

На прощание старик прокричал:

— Да хранит тебя Минерва!

Глава XI

Гай Гракх договорился с всадниками.

За поддержку в борьбе с сенатом, которую они обещали ему, он наметил два закона: судебный, на основании которого суды отнимались у сенаторов и пе-

редавались всадникам, и закон о провинции Азии, вводящий, как это было в Сицилии и Сардинии, подати в виде десятины с дохода, причем эта десятина должна была сдаваться цензорами на откуп публиканам не в провинции, а в Риме.

На совещании, состоявшемся до пиршества, Гракх развил намеченные им законы, потребовал от всадников безусловной поддержки в борьбе с оптиматами во время своего трибуната.

— Вы получите, — заключил он свою речь, — право золотого перстня, который будет символом вашей власти, места в театрах, вы упрочите свое положение во всей республике, власть в Риме, могущество в провинциях.

Всадники покрыли его речь дружными рукоплесканиями. Муций Помпон подвел к Гаю своего сына и племянника; они понравились Гракху.

Помпоний, коренастый молодой человек, с широким смуглым лицом и приветливой улыбкой, с белыми, как морская пена, крупными зубами и темным пушком на верхней губе, низко поклонился гостю:

— Счастлив видеть в нашей среде друга-патриция. Ты мне нравишься и — клянусь всеми богами! — я буду твоим верным сторонником, если ты захочешь.

— Захочу ли я? — улыбнулся Гракх, дружески пожимая ему руку, и повернулся к Леторию, скромно стоявшему рядом с Муцием Помпоном.

Леторий был плечистый, краснощекий человек, с серыми глазами, в которых вспыхивали лукавые искорки смеха; он сказал, сдерживая улыбку:

— Нас привлекло не пиршество, а твое присутствие. И я говорю тебе просто, радуясь, что ты с нами: «Располагай мною, как найдешь нужным. Твоя воля будет для меня законом».

Гай сжал его руку.

— И я рад, что нашел таких искренних друзей в вашей среде, — и, повернувшись к Муцию Помпону, воскликнул: — Дружба с твоим сыном и племянником укрепит еще больше наш союз!

На пиршестве он пробыл недолго — торопился домой. Роскошь стола, обстановки, множество рабов, не-

вольниц, танцовщицы, певицы — все это стоило огромных денег, и он подумал, что эти люди вступают в борьбу с сенатом не из-за власти, а ради наживы; побольше прибылей, побольше золота!

Он оглядел столы, уставленные многочисленными блюдами, улыбнулся: «О, если бы здесь был Фульвий! Он не ушел бы до тех пор, пока не догорела бы последняя свечка, пока рабы не принялись бы убирать со столов. Он подружился бы со всеми всадниками, напоил бы их и стал бы приставать к женам и дочерям. Он омрачил бы нашу дружбу яростной ссорой!»

Глава XII

Добиваясь трибуната, Гай видел, что олигархи против него: на выборах было так много народа, что поле, где они происходили, не могло вместить толп, подходивших со всех концов Рима, из соседних вилл и деревень. Все знали, что брат Тиберия, убитого оптиматами, домогается трибуната, и готовы были отдать за него свои голоса.

Многие взобрались на крыши и фронтоны: здания казались усеянными муравьями, и черные точки шевелились, поднимаясь и опускаясь, как ползающие насекомые.

Законы, предложенные им вскоре (о личной безопасности граждан, о запрещении магистрату, лишённому должности, домогаться другой должности), были направлены против лиц, погубивших Тиберия. Думая о брате, он испытывал к оптиматам такую ненависть, что нередко сдерживался, чтобы не натворить глупостей. Кроме того, тревожила мысль о матери, которая была против его трибуната; Корнелия опасалась, очевидно, за жизнь сына, но Гай был смел, тверд, упрям и решителен. Он шел к намеченной цели, невзирая на козни противников, на их хитрость, на распространение слухов, порочащих его имя.

Закон о личной безопасности граждан прошел; он задевал консулов, преследовавших сторонников Тиберия, и Публий Попилий Ленат, не дожидаясь изгнания, добровольно оставил Италию. Второй же закон, направленный против Марка Октавия, пришлось взять обратно: трибун, низложенный Тиберием, отправился тайком в Мизены и умолял Корнелию повлиять на Гая.

— Он губит меня! — восклицал Марк Октавий со слезами на глазах. — Доступ для меня в магистратуру закрыт, — что я буду делать? Более десяти лет я не исполняю государственных должностей, — неужели оттого, что я наложил veto на закон Тиберия? Но это несправедливо...

— Молчи! Тебе ли говорить о справедливости? — гневно ответила Корнелия. — Ты изменил Тиберию, это было не твое veto, оно принадлежало сенату...

— Прости. Десять лет...

Он бросился к ее ногам, схватил край ее столы:

— О, умоляю тебя, благородная госпожа! Сжалесь надо мной, будь великодушна! Кто я? Ничтожный червь, и если ты оттолкнешь меня, я кончу жизнь самоубийством...

Сердце Корнелии смягчилось:

— Поезжай в Рим. Я напишу Гаю...

— О, госпожа моя!..

— Будь спокоен. Гракх возьмет закон обратно.

Получив письмо от Корнелии, Гай долго раздумывал, как ему поступить: с одной стороны, жаль было огорчить мать, с другой — преступно, как ему казалось, щадить Марка Октавия. Однако любовь к матери взяла верх, и он отказался от закона, объявив народу, что Корнелия просит его об этом. Плебеи, уважавшие мать Гракхов ради ее сыновей и отца, согласились, и Марк Октавий мог теперь домогаться магистратуры.

Между тем Фульвий Флакк возвратился в Рим.

Победоносно кончив войну с лигурийцами, он отпраздновал свой триумф и теперь был постоянным гостем у Гракхов. Он приходил веселый, оживленный, в пурпурной тоге триумфатора с золотыми звездами и пальмовыми ветвями, говорил громко, шутил, рассказывал случаи из своих многочисленных любовных

похождений с лигурийками и, посмеиваясь, выпивал очередной додранс вина.

— Дорогой мой, прежде всего — жизнь, а потом — остальное. Я боролся, ты знаешь, и чего же достиг? Власть сильна, но не священна, как возвещают жрецы и авгуры. Власть можно опрокинуть, но это делается не сразу: нужно выждать.

Выслушав Гая, с жаром развивавшего мысли о новых законах, он принялся обсуждать их, барабаня пальцами по столу:

— Хлебный закон безусловно необходим: он рассеет враждебную тебе клиентелу, возглавляемую патронами, и ты будешь иметь большинство голосов в комициях. Месячная выдача — пять модиев хлеба на гражданина, по шести с третью асса за модий — вполне достаточна и по цене доступна для бедняка.

— Это так, но меня смущает, что плебс, получая дешевый хлеб, потребует вскоре дарового, а это создало бы толпы бездельников и лентяев.

— Что же делать? Это необходимо хотя бы в целях дальнейших законов. Имея почву под ногами, ты обдумываешь новые предложения...

Гракх улыбнулся:

— На этот год я уже обдумал. Улучшая положение городского плебса, нельзя забывать о деревенском. Я хочу вернуть триумвирам права, отнятые у них Сципионом Эмилианом. Пусть они решают самостоятельно, как и прежде, является ли известная земля общественной или частным владением. Я хочу, чтобы пролетарии ежегодно наделялись участками.

— Это хорошо. Я согласен.

— Я знал, что ты так ответишь. Однако этот закон я хотел бы дополнить законом о проведении дорог, что, несомненно, облегчило бы земледельцам сбыт съестных припасов и дало бы возможность сбивать цены с заморского хлеба. Я решил широко развернуть постройки мостов, плотин, житниц и общественных сооружений, чтобы дать работу пролетариям...

— Плебс будет доволен, но сенат безусловно воспротивится. И в самом деле: всеми этими работами ведают цензоры, и ты затрагиваешь интересы сената.

— И все же я буду бороться за этот закон! — воскликнул Гай. — Я не знаю твоего мнения, но если и ты против, то я пойду один на форум и сумею убедить плебс...

Фульвий Флакк рассмеялся:

— Дорогой мой, не волнуйся! Сядь. Я за этот закон, и если понадобится, то поддержу тебя всюду: и на форуме, и в сенате, и в комициях, и даже на конциях...

— А к концу года я проведу судебный закон; нужно вырвать суды из рук сената и передать всадникам. Разве сенаторы не судят лицепрятно, оправдывая лиц своего круга, прекращая их грязные дела под разными предлогами?

Фульвий Флакк покачал головой.

— Я знаю, ты договорился с Муцием Помпоном, — молвил он вполголоса, — и сделал большую ошибку. Твой брат Тиберий заблуждался, полагая, что всадники могут помочь в борьбе. Ты плохо знаешь их.

— Позволь, дорогой, борьба с сенатом возможна только при поддержке всадничества...

— Это так. Но подумай, что будет с нашими судами, когда во главе их будут стоять всадники? Эти спекуляторы, для которых золото — единственный бог, более склонные к подкупу, нежели сенаторы; они загрязнят взятками, пристрастными решениями наши римские суды, и вся вина падет на тебя, законодателя!

— Вина перед кем? Перед потомством? Но оно никогда не поймет того положения, в котором я нахожусь, той среды, которая меня травит, и той безвыходной обстановки, которая привела Тиберия к смерти.

— Делай, как хочешь, — нахмурился Фульвий, — но боюсь, как бы ты, улучшая положение всадничества, не нанес государству неизлечимой раны.

Глава XIII

Гай Гракх провел намеченные законы, несмотря на противодействие аристократии.

Оптиматы понимали, что хлебный закон содейство-

вал притоку неимущих, или пролетариев, которые, попадая в Рим, поддерживали трибуна; обнищавшие и безработные плебеи получали работу в городе и вне его. Строились обширные Семпрониевы амбары для хранения привозного зерна, египетского и сицилийского, и тысячи плотников, кузнецов и иных ремесленников работали с утра до вечера под присмотром надзирателей и нередко самого Гракха.

— Верно ли, что Гракх восстановил аграрный закон своего брата? — с беспокойством спрашивали патриции, приезжавшие из своих вилл в столицу.

— Он повсюду сует свой нос, — хмурились сенаторы, — теперь он занялся улучшением дорог, будто...

— Мы ехали, — с восторгом прервал худощавый патриций, — по прямым дорогам, выложенным гладкоотесанным камнем, плотно убитым истолченным щебнем... Таких дорог — готов поклясться Меркурием! — у нас еще не бывало...

— А ты забыл каменные столбы с надписями, обозначающими расстояние? — подхватил другой. — Они стоят на каждой миле, а по обеим сторонам дороги возвышаются белые камни, чтобы легче слезать и садиться на лошадь, не прибегая к чужой помощи.

— Но прекраснее всего — мосты, — сказал третий, не замечая нахмуренных лиц сенаторов. — Они висят над потоками и ложбинами, а кругом копошатся тысячи работающих пролетариев...

Народ превозносил Гракха: всюду, где бы Гай ни появлялся, один или в сопровождении друзей и подрядчиков, его встречали восторженными криками, призывали на него милость богов.

Особенно прочно возросло его могущество ко второй половине года. Враги обвиняли его в стремлении к царской власти.

— Тиберий хотел того же, — с яростью говорили оптиматы, заседаая в сенате, — но благородный Сципион Назика вовремя спас республику. Неужели среди нас не найдется второго Назики?

— Его окружают предприниматели, ремесленники, художники, посланники, военачальники, воины и ученые, — вторили другие.

— Он хитер, деятелен, предприимчив, настойчив в достижении намеченной цели; он умеет быть одинаково приветливым со всеми, а особенно с плебсом.

— Он стал врагом отечества. Он ввел очередь голосования центурий по жребию...

— Он хочет быть одновременно консулом и народным трибуном. Разве он не избирает судей по своему усмотрению? Разве он не кричит: «Долой сенат!»

Выполняя обещание, данное всадникам, Гай вскоре же предложил закон о провинции Азии, который был принят народом единогласно.

— Отдавать десятину на откуп нашим врагам и где? В Риме! Да он с ума сошел! — кричал Пизон.

А Люций Опимий ворчал, ни к кому не обращаясь, но все слышали его слова:

— Поглупел римский сенат, что ли? Из Азии, как из житницы, будут черпать хлеб для раздачи ленивой голи; всадники возьмут на откуп прямые подати... Кажется, все ясно, а сенат не понимает...

Люций Опимий ошибался: сенат понимал, но не знал что делать.

Несмотря на клятвы и бессильную ярость, пришлось смириться. Всадники требовали, чтобы Гракх был допущен (как народный трибун, он имел право) к участию в совещаниях сената, утверждая, что за ним сила, его поддерживает плебс, что законы народного трибуна увеличивают благосостояние республики.

— Разве вы не видите сооруженных виадуков? — шумели они, перебивая друг друга. — Взгляните на большой, семисводчатый мост, построенный из красного туфа и паперина! Он находится на девятой миле от Рима, по дороге в Габию, и благодаря своей прочности переживет столетия. Разве это не есть достойный памятник величия римской республики?

Оптиматы ожидали, что будут иметь дело с человеком наглым, дерзким, заносчивым, и каково же было их изумление, когда он произнес в сенате речь, насыщенную таким красноречием, какого они еще не слышали, речь, полную вдохновенного жара и призывов к спасению республики от роскоши, голода, к укреплению ее путем помощи беднейшему населению.

Его предложения делали честь сенату, и однажды оптиматы были взволнованы кратким докладом Гракха о хлебных припасах, присланных пропретором Фабием из Испании.

— Этот хлеб, — говорил Гай, — я советую продать по низкой цене испанским беднякам, а вырученные деньги отослать городам; Фабию же сделать выговор за притеснение подвластных жителей. Было бы нехорошо, если бы о римском сенате распространилась дурная слава в провинциях и чужих землях, как о пособнике нечестной деятельности пропретора!

Сенат единогласно принял предложение Гракха, даже строптивый несговорчивый Люций Опимий не посмел возражать.

Расходясь, сенаторы тихо беседовали:

— Гай Гракх не такой плохой человек, как о нем говорили, — сказал Публий Лентул, — он любит отечество и служит ему бескорыстно.

— Ты одобряешь действия Гракха? — вскричал Люций Опимий.

— Я не одобряю, а высказываю мнение коллег.

— Неправда, никто этого не думает, кроме тебя.

— Позволь, дорогой, — вмешался Люций Кальпурний Пизон, — я, как и ты, противник Гракхов и их законов, но согласись, что Гай мог бы быть нашим сторонником. Нужно только суметь его убедить. А тогда римский сенат был бы блестящим. Гай — умная голова, величайший оратор, кумир черни, и если мы перетянем его на свою сторону — за ним пойдет плебс, пойдут и всадники...

— Легче, наверное, было Геркулесу добыть пояс Ипполиты, чем нам убедить Гракха, — усмехнулся Люций Опимий.

— Клянусь Юпитером, ты преувеличиваешь...

— Он честолюбив, стремится к власти. Корнелия, эта выжившая из ума старуха, мечтает о диадеме для сына.

— Я не очень верю этим слухам.

— Не говорил ли я, что ты за Гракха?

— Перестань! — вспыхнул Люций Кальпурний Пизон. — Ты лаешь, как Гекуба...

Сенаторы расходились. Голоса их умолкали на пустынной улице. У всех было предчувствие, что Гай не ограничится проведенными законами, а предложит новые, потому что он содействовал избранию в консулы своего друга Фанния, а сам получил трибунат и на следующий год.

Глава XIV

Плебс возлагал на Гракха большие надежды: он ждал новых законов, которые улучшили бы его положение, а народный трибун желал закрепить еще больше свою связь с городским и деревенским плебсом и выступил с военным законом.

Плебеи радовались:

— наших детей, не достигших семнадцати лет, не посмеют теперь брать на военную службу!

— Не будет смертей за тяжелые поступки.

— Будут снабжать одеждой.

— Без вычета из жалованья!

— Хвала трибуну! Он стоит за нас!

Вскоре Гай провел закон о провинциях, отдаваемых в управление консулам.

— Проклятый Гракх! — ворчал Люций Опимий, подстрекая сенаторов против народного трибуна. — Он отнимает у вас, отцы государства, ваше древнее право. Теперь вам придется назначать провинции, которыми будут управлять проконсулы до избрания консулов известного года.

Удар был силен: до этого времени сенат, после вступления консулов в должность, рассматривал, какими провинциями они будут управлять по истечении года их службы, и предоставлял своим сторонникам более выгодные провинции, чем лицам независимым. А теперь все это рухнуло.

Но самым важным был закон об отведении колоний; он прошел в декабре, в год консульства Люция Цецилия Метелла и Тита Квинция Фламинна. образо-

вание колоний в Италии — Тарентийской, под названием Нептунии, Капуанской и Минервии на месте греческого города Скиллетиона — было дело трудное: не хватало земель для раздачи, и Гай Гракх вздумал основывать колонии в заморских владениях.

Против Гая сидел Фульвий Флакк, рядом с ним Помпоний и Леторий, дальше — Фанний, Друз и Рубрий. Перед ними стояли чаши с вином, яблоки в этрусских корзинках, сладкое печенье, облитое медом.

— Друзья, — заговорил Гракх, искоса поглядывая на Фанния и Друза, которые молчали, — цель основания колоний для всех ясна и необходимость их бесспорна: мы обеспечим участками безземельных и малоземельных граждан, освободим столицу от богачей и бедняков, не желающих заниматься торговлей и промышленностью, дадим доступ в колонии даже зажиточным гражданам, потому что нам нужны большие средства для обзаведения сельскохозяйственными орудиями и инструментами.

— Но не мало ли ты выделил колоний? — воскликнул рябоватый трибун Рубрий. — Я все обдумал и хочу предложить закон об основании колонии на месте разрушенного Карфагена.

— Хорошо, — сказал Фульвий Флакк, — и каким числом?

— На шесть тысяч человек.

— А поедут римляне в Африку?

— Отчего же нет? — удивился Гай. — Самое главное — мы должны завербовать колонистов, и я придумал, друзья, предложить также союзникам переселиться в эту колонию, а в награду они получают права римского гражданства.

— Прекрасная мысль! — закричали все, только Фанний и Друз молча смотрели на стол, не выражая восторга.

— Вы несогласны? — вспыхнул Гракх.

Фанний поднял голову, глаза его тревожно забегали по лицам друзей.

— Мысль хорошая, но сенат...

— Что сенат? — грубо крикнул Фульвий Флакк. — Куча издыхающих собак! Господа Рима — мы!

— Сенат — голова республики, — убежденно возразил Фанний.

— Нет, голова — он, — указал Фульвий Флакк на Гракха, — а сенат только лишь зад. Разве он не раболепствует перед нами?

Гай призвал всех к спокойствию.

— Разъясни нам, что тебя смущает, — обратился он к Фаннию.

— Я скажу откровенно: не только сенат, но и народ будет против закона Рубрия, потому что возникновение в провинциях римских колоний побудит провинциалов добиваться прав гражданства, а новый город может стать со временем соперником Рима; всем известно, что это место проклято Сципионом Эмилианом и обречено оставаться навеки пастбищем. Поэтому я не советую Рубрию выступать с этим законом.

— Глупости! — рассмеялся Флакк. — Сенат для нас не закон, а народ мы сумеем убедить!

— А твое мнение, Ливий? — обратился Гракх к Друзу.

— Мне кажется, что дело не так страшно, как рисует благородный Фанний. Нужно обдумать, обсудить с народом, а затем и провести...

— Что спорить и зачем сомневаться? — вскричал Гай. — Да здравствует закон Рубрия!

Глава XV

Закон Рубрия прошел, но плебс неохотно голосовал за него, а сторонники сената возбуждали народ против Гракха, обвиняя его в безбожии: «Место предано проклятью, — твердили они на форуме и улицах, — боги страшно накажут гордецов, которые там поселятся». Плебс не знал, кого слушать. Граждане, изъявившие желание переселиться в Африку, теперь раздумывали, а на тех, кто собирался ехать, суеверный народ смот-

рел с ужасом; зато союзники, не колеблясь, соглашались покинуть Италию. Их прельщало римское гражданство, большие участки земли, а мысль, что дети их, ставши римскими гражданами, смогут занимать государственные должности, была решающей. Глядя на союзников, потянулись в Африку и малодушные римляне.

Весной Гай был назначен по жребию ехать на место Карфагена, где основывалась колония под названием Юний, или Герени. Не хотелось ему оставлять Рим, где его присутствие было необходимо, однако, не желая нарушать постановления граждан, он выехал немедленно, поручив Фульвию Флакку руководить делами народа.

Уезжая, он чувствовал, что положение его непрочное, но почему — затруднился бы сказать. Опираясь на плебс и всадников, он работал с сенатом, власть которого ограничил, и знал, что оптиматы — смертельные враги; плебс состоял из разнородных элементов: горожане холодно относились к нуждам земледельцев, а те смотрели на городской плебс, как на бездельников и тунеядцев; всадники, поддерживавшие Гракха, пока он не провел выгодных для них законов, теперь охладевали к нему, опасаясь, что в случае победы плебса благосостояние их пошатнется, а некоторые даже отвернулись от него и примкнули к сенаторам, с которыми их связывало родство; Муций Помпон, могущественный старик, которого Гай считал человеком честным, стал бывать у сенаторов, выдав даже за одного из них свою дочь, сестру Помпония, и уговаривал сына и племянника отречься от Гракха, чтобы не испортить себе будущности. Но молодые всадники оказались честнее старика: они отказались слушать его и заявили, что судьба народного трибуна — их судьба.

Гай узнал об этом от одного из друзей, и уважение к Помпонию и Леторию превратилось у него в чувство глубокой дружбы и любви. Перед отъездом он обнял их, пошутил:

— Не бойтесь оставаться со мной? А что если меня ждет участь Тиберия?

— Разделим ее с тобой! — вскричал Помпоний, и зубы сверкнули белой полоской на его смуглом лице.

— Разве мы не воины? — подхватил Леторий, вздернув плечами.

Фульвий Флакк тихо сказал:

— Мы готовы сразиться не только с олимпийцами, но и с самой Фортуной!

— А что? — обеспокоился Гракх.

— Против нас возбуждают народ. У меня есть подозрение на твоих друзей...

— Ты шутишь!

— Поговаривают, что эти люди встречаются с Люцием Опимием...

— Да поразит их Громовержец! Да проглотит их Тартар! — вскричали Помпоний и Леторий.

Гай отозвал Фульвия в сторону.

— Кто? — выговорил он изменившимся голосом.

— Фанний и Друз.

Гракх засмеялся, похлопал Флакка по плечу:

— Не может быть, ты ошибся. Я за них ручаюсь.

— Ручаться можно за себя и то не всегда.

— Фульвий!

— Если не будет сомнений, то...

Гай молчал.

— ...прикажешь их убрать? — продолжал Флакк, спокойно улыбаясь. — Они исчезнут, точно никогда не существовали. И никто их не найдет.

— Это невероятно, невозможно, — не слушая его, шептал Гракх и вдруг, очнувшись, сжал руку друга и бросился к триreme, причалившей к набережной. Он быстро взошел на нее, и вскоре судно отплыло, сопровождаемое напутствиями друзей, плебеев и всадников.

Глава XVI

Громким медным звоном проснулся форум, и его дребезжание посыпалось в соседние улицы, смутно растаяло в шуме Вечного города. И тут же все рынки

ответили разрозненными голосами; медное пение метнулось за стену Сервия Туллия, тихим эхом донеслось до Тибра.

На Палатине, в доме Гракхов, была тишина послеобеденного отдыха.

В атриуме, у водоема с четырьмя столбиками по углам, стоял стол, за которым молча работали три матроны. Свет проникал сверху, через отверстие в покатой к середине крыше, устроенное для стока дождевой воды. Окон в доме не было, и даже днем сумрак таился причудливыми тенями по углам и в нишах таблинума, в которых хранились древние изображения предков — восковые маски, снятые с лиц покойников. Травертиновые колонны и стены носили следы давней облицовки — еще при жизни Семпрония Гракха; расписанная штукатурка кое-где обвалилась, мозаика и фрески не то выцвели, не то потемнели от времени, и жертвоприношение Ифигении, изображенное на левой стене, потускнело.

И так же неярки казались лица Аргуса и Медеи, расположенные тут же по сторонам. На правой стене тешила взор римлянина сцена войны — бой на мосту через Тибр: Гораций Коклес один сдерживает напор этрусков; рядом с ним, в шлеме и латах, стоит богиня Минерва; она собирается метнуть звонкозвонящее копьё в гущу врагов, — рука занесена, мускулы напряжены, и копьё вот-вот вонзится в воинов. Эта картина, равно как и две крылатые Победы при входе в таблинум, написанные, по-видимому, греческим художником, — казалось, жила, производя большее впечатление, нежели жертвоприношение Ифигении.

Мозаичный пол, разрисованный под ковер, поистерся, и небольшие разноцветные камешки с изображениями, некогда вставленные в красный цемент, повыпали, но узорчатая надпись у порога четко выделялась, крича о гостеприимности хозяев. С улицы доносился, нарастая и утихая, шум города, похожий на жужжание пчел. И вдруг голос раба, внезапно ворвавшийся в сонную тишину дома, оторвал матрон от дум:

— *Nona septima*¹!

Женщины подняли головы. Старая, с паутинками морщинок у тонких губ и живых глаз, в чепце, одетая в темную шерстяную тунику, ткала на вертикальном станке тогу, старательно проводя нити снизу вверх и пропуская иголку поперек основы, а молодая, смугло-румяная, с черными углями блестящих, как будто покрытых лаком глаз, пряла, привязав кудель у пояса; она несколько подобрала тунику, из-под которой виднелась стола, и, вытягивая нитку за ниткой из пряжи, прикрепляла их к крючку веретена; затем, свесив нить между большим и указательным пальцами, она придавала веретену вращательное движение: нитка скручивалась, змейкой обвивалась вокруг веретена, проходила через крючок, и это повторялось до тех пор, пока веретено не было целиком увито. Тогда матрона снимала нитки и бережно клала моток в корзинку. Третья женщина, в траурной одежде, с лучистыми страдальческими глазами, вышивала коврик: крупные розы расцветали от действия ее рук, как от солнечных лучей.

Старая наблюдала за прядением молодой с легкой улыбкой на лице. Отложив недотканную тогу, она, как это случалось чуть ли не каждый день со времени отъезда Гракха в Африку, начала беседу о сыне; голос ее был слаб, грусть сквозила в словах:

— Послушай, Лициния, я устала ждать Гая: отчего он не едет? Лары молчат, предсказания авгуров туманны, но я знаю одно: отсутствие его губельно для общего дела. Друз и Опимий склоняют народ на свою сторону, по городу ходят слухи, распространяемые сенатом, — подлые сплетни, порочащие славное имя Гракхов... Гай горяч, вспыльчив... И если он узнает...

По лицу Лицинии мелькнул испуг, согнав румянец, губы дрогнули:

— Не бойся, благородная Корнелия, боги милостивы к дерзающим мужам — к мужам, которые ратуют за справедливость, а мой любимый супруг борется за

---

¹ Семь часов по римскому зимнему времени соответствуют 1 часу без четверти — по нашему.

дело плебеев. Разве он не одержал победы? Разве сенат не подчинялся ему?

— Сенат ропщет, что государственные должности заняты его друзьями... И все б это было не страшно, если б сын остался в Риме. А теперь плебс, слушая демагогов, охладевает к нему, коллеги ненавидят за дерзость и захват власти, Друз — на стороне сената, он завидует, а Гай, как и Тиберий, не хочет крови.

— Покойный мой муж, — тихо сказала матрона в траурной одежде, отложив коврик, — был чересчур мягок, он всегда колебался и оттого погиб, а Гаю не на кого опереться. Плебс — малосознателен: любой, кто даст ему большую подачку, получит больше голосов в комициях; воины растворились в народе, их нужно выбирать крупинка за крупинкою, как чернушку из проса; всадники ничего не стоят; это презренные торгаши, спекуляторы, выскочки, вроде Скавра, который путем лести и подкупа идет к своей цели. Ты знаешь, что он делает? Он ловко подражает добродетели Цинцинната и суровости Манлия Торквата, не брезгая ничем, чтобы получить консульство...

— Ты очень строга, Клавдия! — покачала головой Лициния. — Разве Скавр против Гая? Помните, — обратилась она к Корнелии с лаской в голосе, — он приходил к нам? Уверял, что стоит ему только захотеть, и сенат...

— А, вот ты о чем! — вскрикнула Корнелия, и лицо ее загорелось пламенем гнева. — Раньше меня называли тещей Сципиона, а теперь — матерью Гракхов. А он вспомнил эту кличку и насмехается надо мной в сенате, на форуме — всюду...

— Я не понимаю... — пролепетала Лициния.

— Но разве можно, дочь моя, — продолжала Корнелия, — разрушать государство, которое нам — родина, мать, кормилица, за которое с честью сражался доблестный отец мой — Сципион Африканский Старший, победитель Ганнибала, и с ним тысячи лучших сынов римской республики? А сенат, во главе со Скавром, губит отечество, преследуя Гракхов...

Клавдия встала, глаза ее сверкали такой ненавистью, что обе матроны задрожали:

— Кровь Тиберия вопит об отмщении!

— Он отомщен. Разве Сципион Эмилиан не получил по заслугам?

Лициния возмутилась.

— Что ты говоришь? — вскрикнула она. — Не повторяй злых слухов, ходивших по городу, не обвиняй своего сына!

— Разве я обвиняю? — прошептала Корнелия. — Но Семпрония... после смерти Сципиона перестала бывать в родительском доме, отреклась от нас, замкнулась в себе... О, горе, горе!..

Она схватилась за голову, седые волосы выбились из-под чепца.

— И подумать только, — продолжала она надтреснутым голосом, — что боги льют столько страданий в мою душу, как в бездонную чашу, а я еще жива, не лишилась рассудка!

Молчание охватило атриум.

Корнелия думала о смерти Сципиона Эмилиана, разрушителя Карфагена и Нуманции, великого римлянина, храброго и честного воина, бескорыстного гражданина, и о смерти Тиберия, народного трибуна, кроткого сына, убитого палками, как собака.

Тогда она избегала выходить на улицу; чувствовала на себе злобные взгляды прежних знакомых, ставших сторонниками сената, слышала за спиной насмешливые рассказы, а Семпрония получала соболезнования о смерти великого гражданина от таких лиц, которых Корнелия не пустила бы на порог своего дома.

Корнелия знала больше: дочь замыкалась в строгое молчание, когда шли беседы о покойном брате, а иногда говорила, хмуря тонкие брови: «Кто идет против нашей власти — тот преступник». В этом ответе звучало гордое уважение римлянки к власти патрициев, оплоту государства. Корнелия, внушавшая детям с малых лет, что власть священна, не раз утверждала: «Благо республики выше и важнее жизни отдельных лиц, и несомненно, тех, кто затеял смуту». Это были мысли отца и мужа; прежде, не задумываясь, она принимала их на веру, а теперь идея о власти дала трещинку, и эта трещинка вызвала противоречия:

«Оптиматы убили... кучка... это — власть?.. А разве народный трибун — не власть? И почему олигархия имеет больше прав на власть, чем плебс — все эти массы разоренных земледельцев, бедных ремесленников?»

Вопросы были не новые. Они обсуждались уже в сципионовском кружке — Полибий первый заронил семена этих опасных идей в юные головы, первый стал выращивать их, как опытный садовник. Сципион Эмилиан считал осуществление власти плебса несбыточной мечтой: он ссылался на Платона, Аристотеля, подкреплял свою мысль стихом из Гомера о единой державии.

Корнелия живо помнила давнишние события, хотя время заметало веником шумных дней воспоминания, разбрасывая их по ветру. Милый сын, скромный, честный, бесславно погиб! Сципион Назика повел маленькую власть против большой и победил. Как это случилось, что кучка разогнала, избивая, тысячи?

«Как это случилось? Слышите, боги? И почему ты, Юпитер, не вступился за правду, и ты, Минерва, не поразила злодеев?»

Гораций Коклес!

Взглянула на картину и нашла в знаменитом муже древности некоторое сходство с Назикой: такой же лоб, тот же нос, те же глаза. Впрочем, нос не такой и глаза... А может это показалось? Этот Назика женат на ее старшей сестре, а сестра ненавидит ее, Корнелию, ненавидит Гракхов...

Засмеялась грызущим сердце смехом.

Лициния в ужасе отшатнулась: искаженное лицо Корнелии стало зловещим — хриплый шепот зашуршал в атриуме:

— Этот Назика, этот...

Очнулась, провела рукой по бледному лицу.

— Клавдия, бедная, одинокая...

Невестки смотрели на нее, как потерянные.

Корнелия поднялась, хлопнула в ладоши. На пороге вырос смуглый раб, низко поклонился.

— Предупреди Фида, что я выйду. Кликни Хлою.

На ногах раба звякнули бронзовые браслеты.

Хлоя, гибкая босоногая македонянка, блестя крупными виноградинами темно-синих глаз, вбежала, шу-

рша короткой туникой, в атриум и, припав на колени, сняла с госпожи сандали и надела вместо них красные кожаные башмаки с золотыми пряжками, а на плечи накинула длинную выходную одежду, упавшую до пят строгими складками.

Фид между тем вошел и, склонив голову, ждал приказаний. Это был раб, называемый *vegna*, рожденный в доме Гракхов; сверстник Гая по детским играм, он, как и другой такой же раб Филократ, воспитывался вместе с молодым господином, принимал участие в гимнастических состязаниях, недурно знал по-гречески и считался членом семьи. Корнелия любила обоих: это были преданные люди, “любимые дети”, как она их называла.

Выйдя на улицу, матрона пошла быстрой походкой. Фид шел впереди, расталкивая рабов, громкими криками заставляя прохожих сторониться.

Толпа расступалась и тотчас же смыкалась за ней. Крики торговцев восточными сладостями, пирожников, гадателей, разносчиков носились над узенькими улицами, разбивались о неуклюжие двухэтажные дома, готовые, казалось, вот-вот рухнуть: верхний этаж частью висел над улицей, деревянные подпорки, кое-где подгнившие, грозили обвалом. Рабы и невольницы перебегали улицу, перекликаясь между собой.

На углу находилась палатка менялы, где толпились молодые щеголи и люди, добивающиеся магистратуры, а дальше лавки вольноотпущенников чередовались с домами, домиками и дворцами; впереди на крыше таверны была устроена школа; вывеска гласила: *Diogenes magister Iudi litterarii*¹. Учитель громким голосом декламировал стихи из Илиады, вызывая насмешки прохожих:

— Ишь развопился, будто брюхо подвело! Шел бы к Гракху — тот накормит, — злобно говорил торговец с порога своей лавки, намекая на хлебный закон, вызвавший прилив деревенского населения в город.

— Вместо того чтоб смущать бедняков посулами, завел бы хоть римские школы, а греческие — не для

---

¹ Диоген, учитель образования.

нас, — поддержал его пожилой вольноотпущенник с надменным лицом, которое выдавало африканское или азиатское происхождение, хотя он считал себя настоящим квирилом и хвастливо говаривал: «Мы, римляне...», беседуя с окружающими.

— Грек обучает и нашим и своим наукам, — вмешался сухой старичок в поношенной тоге. — Мой господин Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший не раз говаривал: «Учение — цель жизни»; он знал хорошо по-гречески и учился разным наукам до самой смерти.

— А ты кто будешь? — спросил торговец.

— Был клиентом, а теперь торгую на форуме. Слышал о лавке Марция Стилуса?

— Как не слышать? У тебя геммы и золота больше, чем у любого грека.

В это время учитель появился на краю крыши, и детский голосок выговорил несколько слов по латыни.

— Чья правда? — закричал Марций Стилус. — Разве я не говорил?

Но торговец не унимался; он сказал громко, по-видимому, с умыслом:

— Вредный народ эти греки! Не будь их и этих азиатов, понаехавших в Рим, не дошли бы мы до такой подлой жизни! Кто, как не они, торгуют рабами у храма Кастора? Кто, как не чужестранки, разоряют и заражают дурными болезнями молодежь? Кто, как...

Корнелия больше не слушала. Мысль о внуке, сыне Гая, больно отразилась в ее сердце: мальчик учится у Диогена, и неужели греческое воспитание так же тлетворно, как восточная роскошь, червем подтачивающая дух и тело римской молодежи?

У Мугонских ворот скопление людей было настолько велико, что Фид охрип от криков. Народ стоял сплошной стеной, не пропуская никого.

Корнелия остановилась в нерешительности: колебалась — ждать или повернуть обратно.

— Скажи, Фид, что за причина столь небывалого наплыва толпы?

Фид не успел ответить. Несколько рабов бежали с криками, расталкивая народ:

— Дорогу благородной Аристагоре! Дорогу...

Двигалась лектика, окруженная многочисленной толпой. Ее несли на плечах крепкие, мускулистые сирийцы. Они шли ровным шагом, равнодушно поглядывая на народ.

В лектике, усыпанной цветами, полулежала юная гречанка с таким чарующим лицом, что Корнелия невольно загляделась. Небрежно опершись правой рукой на расшитую золотом подушку, девушка держала в левой зеркальце в оправе из слоновой кости с изображением Семелы; оно сверкало на солнце, как раскаленный осколок металла.

По белокурому парику, выглядывавшему у чужестранки из-под вуали, Корнелия догадалась, что эта девушка — гетера.

Заметив впечатление, произведенное ею на народ и особенно на щеголей, старавшихся пробиться сквозь толпу к лектике, Аристагора бесстыдно разлеглась на подушках; это привело римлянок в негодование, а юношей в восторг: одобрительные возгласы вызвали улыбку на ее лице.

Лектика между тем уплывала над толпой, как нарядная лодка, а серебряная занавеска раздувалась парусом, изредка скрывая гетеру от глаз народа. А на смену этой лектике двигалась другая, менее роскошная. В ней возлежала *диантроэ* — толстая гетера в митре, с наглыми глазами на выкате; румяные щеки готовы были, казалось, лопнуть от полнокровия, из-под полы выглядывали ноги с мясистыми икрами.

— Дорогу благородной Никополе!..

Корнелия не выдержала: презрительно плюнув, она остановила повелительным жестом лектику и пересекла улицу.

Услышала за спиной чей-то голос:

— Это — мать Гракхов.

Но не обернулась, гордо продолжая свой путь.

*В лектике, усыпанной цветами,
полулежала юная гречанка...*

Глава XVII

Марк Фульвий Флакк, друг Гая, жил на Эсквилине. Его дом поражал горожан толпами рабов, азиатской роскошью, вторгшейся в Рим со времени присоединения Пергама.

Фульвий, человек уже пожилой, враг правящей олигархии, считал себя эпикурейцем. Он любил пожить, но не строгой жизнью древности, как жили Гракхи, Сципионы, Метеллы, а по-восточному, чтобы было чем вспомнить прошедший день, и если продолжал бороться на стороне Гая, то потому только, что надеялся на победу плебса. Восстание рабов в Тринакрии и городах Италии, за которое он тогда ратовал, которым руководил и за которое готов был сложить свою голову, постигла жестокая неудача, — он упал духом и, чтобы забыться, стал проводить время в попойках, любовных утехах и увеселениях. На древние нравы, отошедшие, как ему казалось, в вечность, он смотрел сквозь призму легкого скептицизма и мудрой усмешки, не веря, что возможен возврат к прошлому.

Но, несмотря на это, он продолжал бороться, как упрямый человек, ослепленный мстью, которому особенно нечего терять. Жизнь? Как эпикуреец, он видел в ней только одно удовольствие, а если оно нарушалось кознями врагов, то дорожить жизнью не приходилось. Положение? Оно пошатнулось во время его консульства, когда он предложил даровать латинам и союзникам права гражданства. Семья? Он не был счастлив со сварливой женой и двумя сыновьями; жена дурно обращалась с рабами, хлестала невольниц по щекам; старший сын, Люций, хотя и борец за дело Гракхов, но легкомысленный щеголь, завсегдатай таверн и лупанарий, для которого победа над женщиной была важнее выступления на форуме; и младший, Квинт, юноша скромный, как девушка, нерешительный, тайно влюбленный в молодую рабыню, далекий от борьбы, — не были людьми стойкими, готовыми на жертвы. Богатство? Оно висело на волоске: стоило только измениться обстановке, и тот плебс, за который шла

борьба, неминуемо бросится на своих друзей науськиваемый свирепыми оптиматами, сожжет их дома, разграбит имущество. И потому Флакк вел рассеянную жизнь, мало заботясь о последствиях приближавшейся грозы.

Он видел, как нарастало столкновение, но не боялся. После провала закона, предложенного им в свое консульство, в городе пошли толки и пересуды. Говорили, что Фульвий подстрекает италиков к отпадению, расстраивает отношения Рима с союзниками. Возраставшая ненависть оптиматов к Флакку перекинулась на Гая. Плебс охладевал даже к нему, слышались насмешливые разговоры о том, что Гракх не порывает связей с олигархией, заискивает у народа, что такой трибун — двуликий Янус, и доверять ему не следует. Этим пересудам способствовал своими речами Ливий Друз, коллега Гая по должности, богач, оратор, которого сенат сумел склонить на свою сторону.

Положение было опасное. Корнелия это чувствовала и решила повидаться с Фульвием: хотелось выяснить, что он предпринимает и нет ли у него сведений, когда возвратится сын.

Флакк одевался, собираясь выйти. Раб набросил на него тогу, протянул ларчик с перстнями. Фульвий выбрал дорогую греческую гемму с выгравированной на одной стороне топаза сценой лесбийской любви, а на другой — инициалами MFF, подошел к зеркалу, вделанному в стену (вверху был изображен Геракл, убивающий Немейского льва, а внизу Парис, протягивающий яблоко Афродите); бледно-медная, ярко блестящая поверхность отразила гладко выбритое лицо, тонкие губы, темные глаза с морщинками и багровую бородавку на левой щеке; белая паутина вилась уже на висках, лысина широким пятном желтела на макушке, подбираясь к затылку.

Раб доложил громким голосом:

— Матрона Корнелия желает видеть господина.

— Проси! — нетерпеливо передернул плечом Флакк.

И с видом занятого человека поспешно вбежал в атриум, бросился к Корнелии, радушно протянул руки:

— Счастливи тебя видеть, благороднейшая римлянка! Прошу тебя, присядь. Ты так редко посещаешь нас... Какой радости обязан я твоему приходу?

Он передохнул, поправил складки тоги. Корнелия поняла, тонко улыбнувшись, сказала:

— Вижу, пришла я некстати — ты собирался уходить. Но я хотела предупредить тебя, что Ливий Друз и Люций Опимий действуют сообща. Берегись, чтоб они не захватили вас врасплох.

— Будь спокойна.

— Говорят, ты ведешь переговоры с латинами...

— Пусть говорят.

— Разве это неправда?

Фульвий усмехнулся:

— Будущее покажет. Союзники доверяют Гракху, и когда он придет, мы сделаем переворот...

— Не надо крови! — воскликнула матрона. — Гай не захочет...

— Если не захочет, его постигнет участь Тиберия.

— Что ты говоришь? — испуганно шепнула Корнелия. — Разве нельзя уладить дело миром?

— Разве живут в мире орел и голубка? — вопросом на вопрос ответил Флакк и тут же стал говорить, что ожидает Гракха со дня на день, и два раба находятся на набережной, чтобы предупредить, как только появится на Тибре судно с лиловыми парусами. — Кроме рабов, — прибавил он, — на пристани находится народ...

— Много? — перебила Корнелия.

— Увы, — вздохнул Фульвий, — плебс изменчив, как море; он за того, кто больше обещает и больше дает.

— Так что же вы медлите? — заволновалась матрона. — Вас еще много... Призови в Рим союзников... Ах, нет, нет! Что я говорю? Нельзя нарушать спокойствия в стране, нельзя идти против власти!

Флакк пристально посмотрел на нее:

— Гай — трибун, вождь народа, и я, *vir consularis*¹, обязан ему повиноваться. Но все же я посоветую ему поднять рабов зажечь Рим, перебить сенаторов, так же, как они убили Тиберия с единомышленниками.

---

¹ Консулярный муж. (Лат.)

— Что ты, благородный Фульвий? Разве мало нам резни и восстаний в Сицилии? Овладев Римом, рабы уничтожат не только сенаторов, но и всех римлян...

Флакк нахмурился:

— От судьбы своей не уйдешь; даже Юпитер бессилен против того, что предначертано.

Он встал, подошел к клепсидре, стоявшей на треножнике в углу атриума. По бокам высокой колонки, на которой снизу вверх по порядку было выгравировано двенадцать цифр, стояли нагие мальчик и девочка; мальчик поддерживал рукой фалл, из которого вытекала тоненькая струйка воды, падая с легким журчанием в цистерну; девочка, с золотой палочкой в руке, стояла в лодочке, и по мере того, как вода прибывала, лодочка подымалась, палочка скользила вверх по цифрам.

— Прости, я тебя задержала, — молвила Корнелия, прощаясь с Фульвием. — Не будешь ли ты настолько добр, чтоб навестить меня завтра?

— Твоя воля. Не гневайся, что дела Гракха нарушают обычаи гостеприимства.

Он проводил ее до двери, кликнул раба Молеста:

— Посмотри, куда направилась матрона и вели Афродизию приготовить лектику.

— Господин прикажет, чтоб его сопровождали?

— Несколько человек, как всегда.

— Господин препояшется оружием?

— Подай короткий меч.

Молест вышел и вскоре вернулся:

— Матрона пошла в сторону Мугонских ворот. Лектика готова.

Пряча меч под тогой, Флакк сказал:

— Молодой господин дома?

— Господин говорит о старшем? Он еще не приходил.

— Как не приходил? Со вчерашнего дня?

Раб молчал, виновато опустив голову.

— А младший?

— Дома.

— Что делает?

— Играет в мяч с юной Асклепис.

Фульвий усмехнулся: в эту рабыню был влюблен Квинт.

На улице, против двери, стояла на маленьких ножках лектика. Рабы дожидались, беседуя вполголоса. Увидев вышедшего из дома Флакка, они поклонились и заняли свои места. Раб, в обязанности которого было бежать впереди и кричать прохожим, чтоб они уступали дорогу, спросил:

— Куда господин прикажет?

— *Mons Caclius, castra peregrina*¹.

Раб знал, куда отправляется Фульвий: это было место, отведенное для чужестранцев, там жила гетера Аристагора, о которой говорил весь Рим и красота которой возбуждала зависть и бессильное бешенство жен сенаторов и всадников.

Глава XVIII

Белый корабль, похожий на огромного лебедя с выгнутой шеей, медленно плыл против течения; справа и слева опускались десятки длинных весел, и гребцы, обнаженные по пояс, вскрикивали каждый раз, когда весла погружались в воду. По обоим берегам Тибра тянулись зелеными полуостровами луга, вздымались широкие рощи, буйно раскидывались в тяжелой истоме кудрявые леса, приземистые кусты, купавшие ветви в прохладных струях.

Гракх стоял рядом с рулевым, всматриваясь в темневшие на правом берегу древние стены Рима.

Было прохладно, несмотря на половину лета. Перемена погоды ощущалась уже у берегов Италии. Изумрудное море приняло темный оттенок накипавшей бури, точно Нептун поднял уже трезубец, чтобы ударить по волнам. Жители Остии надели зимние тоги. Гай полагал, что и в Риме не теплее.

---

¹ Целийский холм, лагерь чужестранцев. (*Лат.*)

Глядя на приближавшуюся травертиновую набережную, усаженную деревьями, которая тянулась на несколько стадий вдоль Тибра, на широкую лестницу, сбегавшую к реке, и на склады, похожие на толстых приземистых торговков, охраняющих свою соль, рожь, вино, оливковое масло, рыбу и мясо; видя перед собой огромные помещения, где лежали запасы леса, каменных плит, а в отдалении — бесчисленное множество домов и над ними храмы, а еще выше Капитолий, — Гракх думал о могуществе и богатстве Рима, господство которого над миром принимало чудовищные формы. Рим казался жадным спрутом, он давил побежденных, угнетал, выжимал соки непосильным трудом. Обогатившись добычей со времен Второй и Третьей Пунических войн, он строился, разрастался, как дуб. Его ветви осеняли уже Африку, тянулись к Испании и Галлии, заглядывали в Малую Азию, но этот дуб подтачивали черви роскоши, наслаждений, разгула, пьянства. И грустно было Гаю думать об этом, вновь переживать тяжелые времена после разрушения Коринфа и Карфагена.

Он взглянул на берег, и беспокойство закралось в сердце: почти пусто. Несколько рабов, друзья и клиенты дожидались, стоя на ступенях, иные сбегали к воде, желая первыми приветствовать трибуна. Когда Гай поднимался по лестнице, подошел Фульвий.

— Хвала Меркурию! — воскликнул он. — Ты приезжаешь как раз вовремя.

Они обнялись.

Филократ, раб и друг Гракха, поклонился Флакку, который под одобрительный шепот рабов и клиентов обнял его точно так же, как перед тем господина.

Слух о приезде Гая быстро распространился. На Палатине перед домом Гракхов толпились рабы и ремесленники. Гая и Фульвия приветствовали радостными криками, но Гракх сразу заметил, что народу меньше; прежде вся улица бывала как бы вымощена головами людей, а теперь — не то.

— Виной всему подлые псы оптиматов — Друз и Опимий, — шепнул Флакк, — но мы сумеем поднять плебс против власти...

— Да, мы созовем римлян, латинов, союзников. Мы примем необходимые меры...

— Обратись к народу с речью, разве не видишь, что толпа ждет от тебя слова?

Гракх сказал речь, направив ее против оптиматов. Он призывал плебс сплотиться вокруг своего трибуна, указывал на лесть Друза, сенатского наемника, который обещает народу блага и делает уступки для того только, чтобы задобрить плебс.

— Помните, граждане, — заключил он, — я не допустил вашего врага Опимия к консульству, и разве я был неправ? Он ведет уже борьбу против меня и Фульвия Флакка, подлыми сплетнями и ложью стараюсь очернить нас, и если он займет на выборах место Фанния — берегитесь! Законы мои будут отменены, и вы испытаете на себе всю тяжесть гнева оптиматов. Скажите, разве я не старался облегчить ваше существование? Вы получили хлеб, у вас была работа по постройке дорог, я дал вам права, о которых вы и не помышляли при жизни моего брата, вашего трибуна! И неужели вы проведете в консулы волка Опимия, неужели позволите злодею глумиться над собою?

— Никогда! — слышались крики. — Смерть Опимию, смерть оптиматам!

— Мы можем опереться на рабов, — возвысил голос Фульвий. — Мы призовем всех к оружию!

Он старался вовлечь Гая в кровавую борьбу, растоптать сенат и даже всадничество, которому была дана власть в судебных заседаниях. Флакк требовал освободить рабов и бросить их вместе с плебсом на оптиматов. Гай и его вернейшие друзья Помпоний и Латорий были против. Они боялись смут в государстве, а Корнелия доказывала, что освобожденные рабы поработят римлян, разрушат города, деревни, а римлян обратят в рабство. Она указывала на Сицилию, на восстание Эвна, рисовала картины одна другой страшней и отчаянней. Тогда Фульвий сдавался. Он предлагал выступить только во главе плебса, не освобождая рабов, но у Корнелии был ответ и на это: «У оптиматов есть войско, они прикажут консулу вооружить граждан. Устоит ли тогда плебс?» Флакк был уверен, что

устоит, но в доказательствах его отсутствовала логика, и Гракх, морщась, прерывал его: «Прошу тебя, перестань! Будущее покажет, что делать».

Однако Фульвий не унимался; его раздражало, что Гай колеблется между оптиматами и плебсом, не желает порвать с одними и окончательно пристать к другим. Но ведь и сам Флакк не порывал с аристократией, не желая отказаться от старой жизни, от старых привычек. Однако Фульвий рассуждал так: «Если он пристанет к плебсу — я поступлю так же. Разве нельзя пользоваться жизнью среди плебеев и рабов? Я не раз видел таких красивых плебеек и таких полнотелых рабынь, что потом не мог спать спокойно. Вся беда в том, что эти женщины грязны, но у Юния Брута в его лаватрине их так вымоют ночью за отдельную плату¹, что не только грязи и пота, но и кожи не останется на теле».

Корнелия встретила сына на пороге, обняла, прижала к груди; Клавдия поцеловала его в лоб.

— Вот и ты, — говорила Корнелия, заглядывая ему в глаза с той нежностью, на которую способны только матери, — вот и ты! Как я счастлива!..

Лициния стояла, скромно потупив глаза. Гай бросился к ней, сжал ее в объятиях. Она стыдливо освободилась, покраснела.

— А маленький Марк в школе, — сказала она, радостно улыбнувшись. — Хочешь, я пошлю за ним?

Но он не согласился: пусть ребенок учится, не следует отрывать его от дела, а увидеться с отцом успеет.

Флакк, Помпоний и Леторий прошли между тем в таблиниум и, ожидая Гракха, беседовали вполголоса. Здесь, по древнему обычаю, хранился семейный архив, договора о гостеприимстве с чужестранцами, которые, приезжая в Рим, добровольно становились клиентами римского гражданина, чтобы, став членами семьи, пользоваться заботой патрона и защитой его в суде. Таблиниум был деловой комнатой и столовой. Бронзовые столы, прикрепленные к стене, напоминали формой храмы — верх имел вид треугольника, похожего на крышу.

---

¹ В те времена женщины в публичных банях не мылись.

Когда вошел Гай, друзья отправились помыться. Лаватрина, или баня, находилась рядом с кухней. Это была полутемная комната с цистерной для холодной воды и небольшим отделением, куда из кухни по трубам проходил горячий пар; цистерна для горячей воды находилась справа.

Фид встретил Гракха у лаватрины, поцеловал ему руку. Гай дружески обнял его, спросил, всем ли довольны рабы, перестала ли Хлоя тосковать по родине?

— По ночам она плачет, — молвил Фид, — все мы жалеем ее...

Гракх задумался. Он давно уже решил отпустить молодую македонянку на волю, но мать не соглашалась: Хлоя знала ее привычки, была старательна, умела угодить матроне в тех маленьких пустячках, без которых Корнелия не могла обойтись. Однажды, настаивая, Гай вспылил, возвысил голос. Мать поднялась и молча вышла из-за стола. С тех пор разговор о Хлое не возобновлялся, но Гракх втайне досадовал на мать. Теперь же, слушая Фида, он решил настоять во что бы то ни стало на освобождении рабыни.

Войдя с друзьями в таблиниум, он увидел Хлою, которая уставляла стол кушаньями, в то время как Филократ на маленьком отдельном столике переливал родосское вино из амфор в кратеры.

Гай подошел к Хлое, и, отозвав ее к ларарию, ласково похлопал по плечу:

— Как живешь? По-прежнему грустишь о родине?

Молодая рабыня припала к руке господина и, подняв голову с черными косами, свисавшими толстыми змеями на грудь, заглянула блестящими увлажненными виноградинами глаз в черные глаза Гракха.

— Зачем спрашиваешь? — шепнула она.

Гай смотрел в темно-синие глаза и чувствовал — рабыня с каждым мгновением нравится ему все больше.

— Куда поедешь, если я отпущу тебя? Где будешь искать родных? И кто поручкой, что тебя не захватят в дороге купцы, не продадут в Делос?..

Она молчала.

— Я отпускаю тебя на волю...

— А госпожа? — запнулась она. — Нет, ты прав... Некуда мне ехать, в твоём доме хорошо, но я одинока... Пойми, господин... и никто... никто... меня не любит!..

— Я выдам тебя замуж за вольноотпущенника.

Она молчала.

— Не хочешь?

— Что мне замужество с нелюбимым?

Гракх подумал, улыбнулся:

— Уж не влюблена ли ты, Хлоя?

Вспыхнула, глаза ее сверкнули таким пламенем страсти, что он понял и задрожал: сердце забилося, как зверек. Девушка подалась к нему, и он, не понимая, как это случилось, схватил ее стан и тут же ощутил на губах жгучий поцелуй.

Она вырвалась, исчезла — легкая походка прошестела совсем близко, как ветерок в листве, и вдруг он услышал ее звонкий лукавый голос:

— А где же господин? Ты не видел его, Фид?..

Гай тихо засмеялся и прошел в таблиниум.

— Мы жаждали тебя, — сказал Помпоний, широко улыбувшись, и большие блестящие зубы сверкнули снежной белизной на его смуглом лице. — Ты успеешь обойти свои владения...

— Тем более, — подхватил Леторий, — что благородные матроны и мы давно тебя не видели, и нам было бы приятно побеседовать с тобой.

Гракх собирался извиниться, но Флакк остановил его грубоватым смехом:

— Извинения принимаем заранее и просим не задерживать...

Гай сел на лавку между женой и матерью, Клавдия рядом с Лицинией, друзья разместились на краю стола, а Фульвий — поближе к винам.

Хлоя обносила гостей и хозяев глиняной чашкой для омовения рук. С полуопущенными глазами, дрожа от радости, переполнявшей сердце, она остановилась перед господином и смотрела на бледные руки, которые он вытирал, и вода тревожно плескалась в чашке, как одушевленная.

Другая рабыня, уже пожилая, взяла с репозитория, деревянного столика, и поставила на стол римское блюдо — мучную кашу, при виде которой на лице Флакка изобразилась гримаса неудовольствия. Затем последовала жареная нарезанная ломтями свинина: брали ее пальцами и, стараясь не выпачкаться жиром, низко наклонялись над столом, на который ложились одна за другой крупные полновесные капли. Потом последовали овощи — горох, капуста и лук, но никто к ним не притронулся, кроме женщин. Наконец рабыня с торжественным видом подала сладкое — круглые жареные лепешки, облитые медом.

Наступило молчание. Гракх, по обычаю, принес ларам жертву кушаньями.

Фид, Филократ и Хлоя ели за отдельным столом.

Во время обеда вернулся из школы маленький Марк в сопровождении воспитателя, называемого *paedagogus*. Учитель сопровождал мальчика в школу, оставался на уроках и возвращался с ним по окончании занятий. Он следил за успехами своего питомца, за правильным произношением по-гречески. Это был раб-грек, не то ритор, не то грамматик, купленный Корнелией после разрушения Муммием Коринфа; попав в дом Гракхов, он был приставлен к маленькому Гаю и настолько хорошо обучил его своему языку и наукам, что Корнелия гордилась образованием сына, а греку обещала свободу, как только подрастет маленький Марк.

Увидев отца, мальчик захлопал в ладоши, но воспитатель строгим взглядом сдержал порыв ребенка. Поклонившись отцу и гостям, Марк молча ждал, когда на него обратят внимание.

— Что же ты не идешь, Марк? — воскликнул Гай.

Мальчик бросился к отцу, обнял его шею тоненькими ручонками.

— Как учишься? — спрашивал Гай. — Доволен ли тобой учитель и воспитатель? Как себя ведешь?

Мальчик молчал: скромность запрещала школьнику хвалиться.

Грек объяснил, что Марк учится хорошо, по-гречески говорит изрядно, но вся беда в том, что быстро

утомляется: в школу приходится отправляться очень рано, с огнем в руках, а учиться шесть часов. И он предложил освободить Марка от домашних занятий.

— Он еще мал, — говорил он, — зачем утруждать ребенка лишними уроками? Заучивания наизусть Законов XII таблиц и отрывков из Ливия Андроника вполне достаточно. Когда ты учился, господин, — обратился он к Гаю, — ты не уставал, у тебя было крепкое здоровье, а сын твой очень слаб.

Корнелия запротестовала, но учитель настаивал:

— Берегитесь, чтобы потом не пожалеть.

Решено было принять совет учителя.

Воспитатель и Марк уселись за третьим столом.

Фульвий Флакк хмурился: «Древность хороша, — думал он, — но простые обеды наших предков — просто глупость. Кому нужно жрать мучную кашу и овощи, от которых пучит живот? Свинина и сладкое ничего, но в общем я голоден».

Обед кончился. Матроны и Марк удалились.

Фульвий вздохнул свободнее и сказал, намекая на греков, любителей овощей:

— Скучно ты питаешься, Гай! Можно умереть от слабосилия. Я всегда был врагом поедателей листьев.

Гракх смутился:

— Если вы голодны, друзья...

Но Помпоний и Леторий запротестовали, да и Фульвий Флакк не желал вторично такого обеда.

— Я очень жалею, что был в отсутствии и не мог заказать лучших кушаний. Но вы знаете, друзья, что я довольствуюсь малым, не люблю азиатской пышности, обедов из нескольких десятков блюд, певцов и танцовщиц, увеселяющих гостей.

— В Риме существует же обычай возлежать за столом, а ты, Гай, все избегаешь этого, — упрекнул его Фульвий.

— Предки наши не знали этих глупостей, и если мы стремимся возродить старое, зачем пренебрегать древними обычаями? Я не хочу прослыть лицемером.

Между тем, грек, бравший на себя в торжественных случаях обязанность виночерпия, принялся нали-

вать вино из кратера в чаши длинной ложкой, называемой по емкости циатом.

— Родосского вина может быть выпито четыре секстария, — объявил он.

— Прибавь еще! — крикнул Флакк. — Я один способен выпить все это вино!

— Больше вина нет, — твердо заявил грек, — при том госпожа не разрешит пить больше...

— Ну, если так, — засмеялся Фульвий, — то налей мне один додранс¹.

— А нам, — сказал Помпоний, указывая на Летория, — по квадрансу².

— Ну, а мне, — подхватил Гракх, — один циат, да разведи его горячей водой...

Флакк возмутился:

— Ты во всем умерен, Гай! Это граничит со скупостью, ты ворует у себя все удовольствия.

Гракх вспомнил Хлою, ее темно-синие глаза и улыбнулся:

— Нет, дорогой друг, я не скуплюсь... Послушай, *magister*, налей и мне три циата, чтобы не было обидно друзьям...

— Вот это я понимаю! — смеялся Фульвий, протягивая руку к столику с вином. — *Bene tibi, amice*³!

— *Bene vivas, collega, multis annis*⁴!

Пожелания сыпались со всех сторон, Флакк не давал покоя виночерпию:

— Еще додранс!

И пил, запрокинув голову.

Он повеселел: глаза его блестели, громкий смех врывался в атриум, где сидели женщины.

— Эх, Гай, — говорил Фульвий, принимая из рук грека полную чашу, — не умеешь ты жить! Вот я — пожил! И умирать не жаль будет. А ты... Ну, хорошо, ты — трибун, провел много законов, о тебе напишут в анналах как о честном человеке, пылком борце за

---

¹ 9 циатов, или 3/8 литра.

² 3 циата, или 1/8 литра.

³ Всего хорошего, друг! (*Лат.*)

⁴ Доброй жизни, коллега, на многие годы! (*Лат.*)

права плебса, о тебе историки расскажут сотням поколений, поэты, вроде Гомера, воспоют тебя и благородного брата твоего Тиберия, память о тебе будут чтить, но не в этом дело: нужно ли тебе это после смерти? Нет, друг, все это — дым!

Он хрипло рассмеялся, хлопнув Гракха по плечу.

— Ну, скажи теперь, кто счастливее — ты или я? Конечно, я. Я одержал победу над первой красавицей (пусть она гетера, это даже лучше — она знает свое ремесло); догадываешься, о ком говорю? Об Аристагоре. Я расскажу вам, друзья, — повернулся он к Леторию и Помпонию, — все подробности... Я готов опять ехать к ней, я готов... снова провести с нею ночь...

— Тише, — остановил его Гай, — здесь рядом матроны...

— Во сколько тебе это обошлось? — шепотом спросил Помпоний.

— Ничего... ровно ничего... Она прислала мне записку... несколько слов по-гречески: «Приезжай... жду тебя... ты покори меня...» И я поехал... Кстати, мне чуть было не помешала благородная матрона...

Он хотел сказать “Корнелия”, но сдержался. Понял сквозь хмель, что это оскорбило бы Гракха.

— Везет тебе, — засмеялся Помпоний, — а вот пришлось бы тебе обратиться к ней без приглашения — золота б не хватило...

— Пустяки! Четверть таланта, друзья, нашлось бы, думаю, у каждого из вас.

— Четверть таланта! — воскликнул Гай. — Да на эти деньги можно бы закупить хлеба для бедняков, можно бы...

— Верно! — разом закричали Помпоний и Леторий.

Но Флакк уже спал и ничего не слышал. Уронив голову на стол, он слегка похрапывал и присвистывал носом.

Глава XIX

Опасаясь за свою жизнь, Гракх переселился с Палатина в местность, находившуюся у форума, где жили ремесленники и неимущие сословия. Он отдавал себя и жену с ребенком под защиту плебса, не надеясь на безопасность в иных местах города.

Корнелия и Клавдия остались в старом доме.

Целые дни Гай проводил на улицах, заселенных беднотой, или на форуме. Он произносил зажигательные речи, обещая народу новые законы, боролся с возраставшим влиянием Друза и Опимия. Но когда Фанний, проведенный им в консулы, стал склоняться на сторону врагов, Гракх ожесточился. Он обвинял его в измене, в продажности и не щадил лиц, которые колебались между плебсом и олигархией.

Решив провести ряд новых законов, Гай ожидал стечения народа, на поддержку которого так рассчитывал. Фульвий разослал своих клиентов по деревням и городам, призывая земледельцев и союзников “раздавить ядовитую змею”, как он называл сенат, поддерживать народного трибуна: «Жизнь его целиком посвящена борьбе за человеческие права угнетенных, за ваши права, — кричали посланцы, объезжая виллы и деревни. — Бросайте все, спешите в город».

Дни были бурные — гроза надвигалась из бедных лачуг ремесленников, отголоски грома доносились до темных кварталов Субурры, населенных блудницами. Форум бушевал и утихал, опять бушевал.

На *Via Sacra*, древней улице процессий, которая пересекала форум и выходила к Капитолию, теснился народ. Богатые лавки завлекали прохожих протяжными криками рабов, восхвалявших товары своих хозяев-купцов, вывесками, предметами роскоши, выставленными у входа. Греческая речь слышалась все чаще, а на невольничьих рынках поглощала римскую.

Гракх, окруженный многочисленной толпой, шел по улице. Впереди возвышался Капитолий с храмом Юпитера. Гай смотрел на священные места Рима, на Тарпейскую скалу, и злая усмешка блуждала по его

губам. Века славы и угнетения народа, века порабощения и издевательств! Каждый камень здесь говорил о крови, вопил о мщении, все напоминало о борьбе патрициев с плебеями, и все отошло, но огонь борьбы не потух, он тлеет в груди лучших мужей, лучших сынов республики.

Форум лежал между Капитолием, Эсквилином и Палатином, как поблекшее от времени руно, истоптанное ногами многих поколений.

Народ прибывал медленно и как-то равнодушно.

Оставив друзей, Гракх прошел мимо мраморной колонны в честь консула Дуилия, украшенной железными клювами карфагенских кораблей, и направился к храму Кастора. Перед ним белели коринфские колонны, как нарядные эфебы с головами, увитыми листьями аканфа, и поддерживали искусно разрисованный архитрав. А из-за храма доносились громкие крики и шум толпы. Там находились таверны и невольничий рынок. Хитрые, пронырливые греки размещали живой товар на деревянном возвышении. Рабы и невольницы, с ногами, вымазанными гипсом или мелом, признаком рабства, стояли полуодетые, готовые по первому знаку хозяина раздеться перед покупателем. Тут были мужчины и женщины, юноши и девушки, мальчики и девочки, даже дети. Военнопленные различались по венкам на головах, иные — по шапкам. У многих на шее висела надпись с указанием происхождения, качеств, способностей и недостатков. Глашатай, стоявший рядом, выкрикивал имена и достоинства рабов, цену, доказывал невинность девушек, плодовитость или бесплодие женщин.

Гай смотрел на купцов: он знал, что они умели искусственными средствами («*Mangonisant corpora*¹», — подумал он) придать блеск и округлость членам девушек, продолжить детство девочек и мальчиков, замедлить у них первые признаки зрелости. Это были негодяи, жадные торгаши, ничем не брезгавшие, чтобы продать товар с барышом.

---

¹ Обманывают, продавая тела. (Лат.)

В стороне стоял толстый купец и, визгливо покрикивая: «Продажа в розницу», заставлял рабов прыгать, производить гимнастические упражнения, произносить отрывки из римских и греческих поэм.

Оптом и в розницу продавались рабочие-невольники: многие из них сидели в деревянных клетках, закованные в цепи. Красный, как напившийся крови комар, богач сразу покупал полсотни для оливковых плантаций и торговался бешено за каждый асс, с пеной у рта: он заставлял рабов открывать рты, сбавлял цену за порченные зубы, ощупывал мускулы, грудь, ляжки, колени. Это был Салониан, сын Катона Старшего, такой же скопидом, как покойный отец, такой же расчетливый и жадный, выращивавший, по слухам, людей на продажу; сегодня он покупал рабов, а завтра будет скупать молодых тучнобедрых рабынь.

Дальше продавались рабы для удовольствий, рабыни для лупанарий, и лено, содержатель притона, выбирал девственниц: он уводил их в таверну для освидетельствования и возвращался с руганью, требуя сбавить цену. Возникали споры, и купец, дрожа от ярости, обнажал девушку и на виду у всех доказывал ее девственность, а толпа гиком, хохотом и непристойными шутками разжигала ссору:

— Эй, не слушай, лено, хитрого грека! Он украл у нее девственность, теперь девчонку сбывает с рук!

— Подержанная вещь!

— Цена ей — два асса!

Купец набрасывался на лено, и начиналась драка. Но тут вмешивались эдилы. Стражи порядка, благопристойности и мирной торговли, они разнимали буянов и налагали на них пеню, которую тут же взыскивали.

— Почему не указана болезнь? — приставал эдил к купцу.

— Рабыня здорова, господин!

— Здорова? А откуда видно?

Грек изворачивался:

— Она, должно быть, уронила дощечку.

Но эдил знал уловки торгашей и был неумолим, требуя деньги за нарушение правил.

и начиналась драка...

Цены, выкрикиваемые глашатаями, сливались в звенящий гул; плата определялась по народностям, а отсюда по качествам: фригийцы считались робкими; критяне, сицилийцы, каппадокийцы — лжецами; мавры — легкомысленными; сарды — бунтовщиками; корсиканцы — жестокими, не склонными к работе; далматы — дикими, и потому цены на всех этих рабов были не особенно высоки; притом сарды, корсиканцы и далматы были товар и вовсе невыгодный; их избегали покупать даже закованных в цепи, как носителей заразы — волнений и бунтов. Зато ценились понтийцы и сирийцы, славившиеся силой и выносливостью, ионийцы — красотой, а александрийцы — остроумием, утонченным развратом и похабными песнями.

И вся эта масса рабов разделялась на старых, или опытных, и молодых, то есть новичков.

Флакк подошел к Гракху, тронул его за плечо.

— Видишь этих людей? — шепнул он. — Ведь не будешь же отрицать, что они — люди? Они ненавидят богачей, купцов, всю эту свору...

— ...свору псов, — с внезапной ненавистью вымолвил Гай, — и мы должны, Фульвий, перебить псам лапы!

— Верно, но не лучше ли было бы поднять этих рабов, сжечь и разрушить Рим, как Карфаген, и основать Новый Рим, похожий на древний, какой был сотни лет назад, но только без патрициев?

— Нет, Фульвий, Рим — мозг республики. Нельзя уничтожить то, что возвеличило родину; спасая от смерти больное тело, нужно отсечь гнилые члены...

Флакк нахмурился:

— В Риме рабов много. Ты начал бы с города, поднял плебс, а рабы в соединении с ним — такая сила, что мы бы победили без сомнения. А я привлек бы латинов и союзников, вызвал бы рабов из Кампании и Сицилии...

Гракх зажал пальцами уши:

— Невозможно!

— Как хочешь. Смотри только, чтобы мы не прогадали. Я бы мог подкупить начальника критских лучников.

— Невозможно...

Фульвий усмехнулся:

— Ты боишься суда поколений, боишься, что тебя обвинят за пролитую кровь... Напрасно. Поколения будут восхвалять тебя за доблесть, за лучшую жизнь, которую ты даруешь римскому народу. Если же ты споткнешься, то власть тебя раздавит, а плебс безжалостно отвернется...

Гракх замахал руками:

— Не уговаривай меня! Я борюсь с олигархией, но не с властью; власть-закон — единственная сила государства, и каждый гражданин обязан ей подчиняться.

— Чудак, разве не видишь, что эта власть состоит из олигархов?

На форуме собрался уже народ. Толпы плебса состояли из ремесленников и безземельных крестьян, нахлынувших в Рим в поисках работы; было много бородатых латинов и союзников. Они готовы были поддерживать любимого трибуна, отдать ему свои голоса.

Окинув быстрым взглядом народ, Гай успокоился: все эти люди были за него, с ними он мог сделать что угодно, и на мгновение слова Фульвия о захвате власти смутили его. Но он тотчас же отогнал эту мысль: надежда уладить все мирным путем не покидала его.

Однако он ошибся в своих расчетах. Враги, по видимому, учитывали создавшуюся обстановку, и сенат заседал всю эту ночь, решая, что предпринять. Беспокорство среди оптиматов было вызвано ежедневным прибытием в Рим “друзей римского народа”, тех друзей, которых особенно опасалась олигархия. Она знала, что все эти бородатые латины и союзники — сторонники Гракха, и предполагала, трусливо прячась за спины подкупленных коллег народного трибуна, что они вооружены и готовы на все.

Гай слышал о заседании сената, но не обратил на это должного внимания. Он не предполагал, что олигархия может решиться на беззаконие, и побледнел, когда военная труба заиграла на форуме. Предчувствие беды болью отозвалось в сердце.

Наступило молчание.

Голос глашатая прозвучал отчетливо-резко:

— Консул Фанний, избранный народом, объявляет для всеобщего сведения, чтобы никто из союзников или друзей римского народа не смел ни сегодня, ни в ближайшие дни показываться в Риме. Граждане, прибывшие вчера или на днях, обязаны немедленно покинуть город и отойти на расстояние 40 стадий, под страхом самого строгого наказания.

Флакк злобно усмехнулся:

— Вот видишь, Гай? Не говорил ли я тебе, что сенат — шайка преступников? Не говорил ли я...

Растолкав толпу, Гракх подошел к Фаннию, которого некогда провел в консулы, и крикнул:

— Поберегись, Фанний, ты идешь против народа!

Консул, окруженный оптиматами, ответил:

— Порядок прежде всего.

Тогда Гай вспыхнул:

— Союзники и друзья римского народа! — закричал он. — Оставайтесь в городе, не исполняйте противозаконного приказания консула! Я, народный трибун, обещаю вам защиту!..

Фанний вспыхнул:

— Кто не исполнит моего приказания, — произнес он, — будет силой выведен за ворота.

На другой день Рим кипел, как горшок на огне. Союзников и друзей народа выгоняли из города, а сопротивлявшихся ликторы секли прутьями, угрожали им секирами.

Гракх, обещавший защитить своих сторонников, не предпринял ничего. Однако, опасаясь втайне наступления оптиматов, он постарался задобрить недовольный плебс. Когда спустя несколько дней на форуме должно было произойти перед народом состязание в фехтовании и были поставлены скамьи, которые сдавались внаем, Гай велел убрать их, чтобы войска могли смотреть бесплатно, но магистраты не подчинились требованию народного трибуна. Тогда Гракх ночью перед играми проник с ремесленниками на форум и, приказав снести скамьи, очистил место для народа. Толпа была довольна — на другой день утром она выражала свой восторг, восхваляя Гая, оскорбляя власть, насме-

хаясь над нею. Но коллеги Гракха были раздражены: в действиях трибуна они видели недопустимое насилие и стали громко называть его тираном.

По городу ходили слухи, что Гракх заявил своим врагам, которые насмеялись над ним: «Довольно зубоскалить! Это у вас перед смертью... Разве вы не видите, какой мрак окружает вас вследствие моих политических успехов?»

Глава XX

Гай предложил закон о даровании союзникам прав римского гражданства, но все были против: и сенат, и всадники, и народ. Даже некоторые друзья, под влиянием сената, отшатнулись от Гракха. сказка

В день голосования Гай узнал от Фульвия Флакка их имена; консулярный муж сказал грубо, как всегда, презрительно плюнув:

— Гай Фанний и Марк Ливий Друз продались сенату, как субуррские блудницы.

— Не может быть! — возмутился Гракх.

— Ты знаешь, я и раньше подозревал их, а теперь Помпоний утверждает, что это правда.

— От кого он узнал?

— От одного юноши, который бывает у Друза.

— Кто он такой?

— Он из древнего рода Корнелиев, а зовут его Люций Сулла. Я встречал этого юношу в обществе шутов и мимов у гетеры Никополы...

Гай больше не спрашивал и отправился на форум убеждать народ в справедливости и необходимости закона, который оградил бы жизнь, честь и имущество союзников от своеволия и жестокости римских магистратов.

— Квириты, — говорил он, — послушайте, что делается в землях союзников. Недавно прибыл консул в Гипсанум, город сидицинов. Жена его захотела по-

мыться в мужской бане, и сидицинскому квестору было поручено знатным человеком Марком Марием выгнать из бани всех, кто там мылся. Потом жена заявила мужу, что ей пришлось долго ждать и баня была плохо вычищена. Консул рассердился, приказал поставить на площади столб, привести Марка Мария, привязать к столбу, стащить с него одежду и высечь розгами. Узнав об этом, каленцы постановили, чтоб во время пребывания у них римского правительственного лица никто не смел мыться в бане. Подобный случай произошел и в Ферентине, где были схвачены квесторы; один успел броситься со стены, а другого висекли прутьями. А теперь послушайте о несдержанности молодежи: несколько лет назад был послан в Азию легатом молодой человек; его несли в лектике; навстречу попался пастух и спросил в шутку, не мертвого ли несут. Легат разозлился, велел поставить лектику на землю и бить пастуха веревками до смерти.

Он приводил десятки примеров грубости аристократии, издевательства над союзниками и закончил речь следующими словами:

— Этот закон, квириты, увеличит число римских граждан, могущество республики. Наши легионы пополнятся здоровой молодежью, и отечество станет таким же сильным, таким же славным и великим, как было во время Пунических войн.

Однако народ холодно слушал Гракха. Воспользовавшись этим, выступил консул Фанний, которого оптиматы сумели склонить на свою сторону, и сказал:

— Квириты, Гай Гракх — великий оратор, но тут его искусство не достигает высоты. Неужели вы предполагаете, что после того, как дадите латинам права гражданства, вы и впредь будете стоять на народных собраниях так же, как стоите теперь передо мной, и что вы по-прежнему будете находить для себя места на играх и народных увеселениях? Неужели вы не понимаете, что те люди займут каждый свободный уголок?

Толпа заволновалась:

— Не хотим латинов!

— Не дадим союзникам прав гражданства!

Сторонники Гая старались перекричать многочисленные враждебные возгласы.

— Плебс союзников — наши братья!

— Поможем городской бедноте!

— Деревенской!..

— Голосуйте за закон Гракха!

Гай, нахмуренный, выслушал речь Фанния, искусаив себе губы, и когда большинство народа присоединилось к консулу, он понял — закон не пройдет.

— Стыд и позор тебе, Фанний!

Консул вспыхнул, отвернулся от Гракха. Народ колебался. Но в это время выступил Ливий Друз и наложил на закон veto.

Гай растерялся. В голове мелькнуло: «Не подвергнуть ли его участи Марка Октавия?» Нет, он не мог этого сделать: народ был против закона.

Понимая, что он подрывает популярность народного трибуна, Гракх все-таки взял свой закон назад.

Когда он ушел с форума со своими сторонниками и плебс начал расходиться, Друз подошел к Фаннию.

— Закон провален, — молвил он вкрадчивым голосом, приятно улыбаясь, и его тонкие губы растянулись почти до ушей. — Твоя речь решила все дело и по красноречию была выше напыщенных выкриков Гракха. Клянусь Вестой, богиней священного огня Рима, теперь судьба Гая решена!

— Тише, нас могут услышать...

Ливий Друз с обожанием взглянул на Фанния.

— Ты — великий муж Рима, — говорил он, — историк и продолжатель дела Сципиона Эмилиана (а какого дела — он не сказал), ты принимал участие в его кружке... О, будь добр, не откажи осчастливить мой дом своим присутствием...

— Да, нам нужно поговорить. Сенат поручил мне научить тебя, как дальше вести дело...

Друз, муж знатный, образованный, пользовался всеобщим почетом и влиянием среди граждан. Незадолго до голосования союзнического закона оптиматы обратились к нему за поддержкой, прося противодействовать Гракху и соединиться с ними против него. Ливий,

завидовавший высокому положению Гая, не колеблясь согласился, и Марк Эмилий Скавр, который вел с ним переговоры, сказал: «Ты не должен употреблять насилия или действовать наперекор черни; притворись, что ты — горячий сторонник плебса, постарайся заслужить его расположение и доверие». И Друз, став на сторону сената, начал возбуждать плебс против Гракха, не прекращая с ним дружеских отношений.

Консул и народный трибун шли молча. Фанний думал, что он поступил нехорошо, отплатив Гракху неблагодарностью за его дружбу и поддержку в получении консулата: «Как теперь выйти из этого гадкого положения? Гай Гракх — большая величина, он попадет в анналы историков, и я не хочу, чтобы потомство заклеило меня презренной кличкой предателя. Ливию Друзу все равно: это — выскочка, человек бесчестный... Как я мог дойти до такого позора, я, Гай Фанний, историк, последователь Сципиона Эмилиана?»

А мысли Друза были о другом: он предвкушал радость того дня, когда сенат в благодарность за услуги, оказанные им республике, осыплет его милостями, даст в управление хорошую провинцию. «А потом я добьюсь консулата, стану цензором и, заседаю в сенате, буду решать важные государственные дела...»

Дом Ливия Друза находился на Палатине. Народный трибун жил не хуже ростовщиков-спекуляторов; по городу ходили слухи, что его вольноотпущенники скупают на Делосе по дешевой цене, оптом, рабов и перепродают их в Риме; что Ливий Друз, прикрываясь этими вольноотпущенниками, имеет большую прибыль; что торговля не ограничивается только Италией, а ведется с одинаковым успехом и в Элладе, и на Архипелаге, и в Египте, и что жадный трибун подумывает уже об открытии в Афинах и Пергаме крупных доходных лупанарий. Все это были слухи, но одно было несомненно: трибун занимался темными делами, потому что несколько его писцов, поверенных и подрядчиков разъезжали по Италии, странам Востока и Азии; возвращаясь, они привозили редкостные вещицы, дорогие геммы, картины, статуи и людей, купленных по низкой цене.

Лишь только Фанний уселся в кресле отдохнуть, раб доложил, что пришел Люций Опимий.

Ливий Друз забежал по атриуму торопливыми шажками (тогда топорщилась и раздувалась, как парус), бросился к двери:

— Счастье посетило этот бедный дом, — воскликнул он, захлебываясь от восторга, — сам великий Люций Опимий входит в него! Привет тебе, привет!..

Фанний, привстав, поклонился разрушителю Фрегелл. Он испытывал чувство стыда и неловкости, находясь среди мужей, похожих обликами, а не делами на мужей древности.

Люций Опимий, уезжавший лечиться в Кумы, возвратился после долгого отсутствия лишь накануне и, не успев как следует отдохнуть, решил увидаться поскорее с Ливием Друзом, чтобы узнать у него о событиях в Риме. Слушая рассказ Ливия Друза, Люций Опимий перебивал его, задавая вопросы.

— Итак — Гракх поражен, но не сражен! — воскликнул Друз с гортанным смехом, похожим на камешки, перетряхиваемые в мешке. — Скажи мне, благородный вождь, что я должен делать?

— Первое: не метаться — ты очень торопился: произнес перед народом речь, в которой доказывал, ссылаясь на основание Гракхом колоний, что он жаждет любви народа — льстит толпе, предлагая делить земли с уплатой каждым колонистом подати государству и раздражает граждан вредными предложениями о даровании прав латинам; ты доказывал, что сенат заботится о плебсе, как родной отец, и больше, конечно, Гракха, а для этого...

— ...для этого я внес ряд законов, — поспешно прервал Ливий Друз, краснея, — против двух-трех колоний, основанных в провинциях, я предложил двенадцать в Италии с тремя тысячами человек в каждой...

Фанний побагровел.

— Это недостойно народного трибуна! — вскричал он. — Двенадцать колоний в Италии! Но понимаешь ли ты, что для тридцати шести тысяч колонистов, считая на каждого по пяти югеров земли (я беру самый

малый надел), понадобится сто восемьдесят тысяч югеров, а где ты их возьмешь, где? Ведь в Италии, всем известно, свободных земель нет... Что же это? Обман?..

Друз не смутился:

— Плебеи — стадо баранов: они, не разбираясь, голосуют за что угодно, стоит только пообещать им побольше выгод. Так будет и впредь...

— Хорошо! — воскликнул Опимий. — Дальше?

— Но позволь, — не унимался Фанний, — это грубый обман, народ поймет...

— Дальше? — не слушая его, повторил Опимий.

— Наделяя колонистов землями, Гракх ввел подать за пользование участками, а я предложил освободить от нее новых владельцев поместий. Я предложил отменить право собственности на наделы, которыми Тиберий, а затем Гай старались обеспечить новых поселенцев от злоупотреблений оптиматов...

— Прекрасно.

— В противовес дарованию латинам прав римского гражданства я выступил защитником и покровителем союзников: отменил телесные наказания латинов в мирное и военное время...

— Великолепно! У тебя, Ливий, золотая голова! Итак — действуем?

— Я готов! — вскричал Ливий Друз. — Борьба с тираном требует хитрости, обмана. Я сумею убедить народ.

Фанний молчал. Он боялся возражать, чтобы не повредить себе, и жалел, что пошел к Ливию Друзу, который оказался не менее бесчестным, нежели Люций Опимий. «Оба — негодяи, — думал он, шагая в раздумье домой, — но что я могу сделать? Предупредить

Фанний

Гая? Смешно. Ведь я изменил ему. Почему я это сделал, почему? Конечно, по убеждению, ведь я против широкого народоправства... Но тогда... Зачем я дружил с Гаем, принял консулат, зачем... Неужели я такой же негодяй, как они?»

Глава XXI

Опимий, сухощавый патриций с беспокойными глазами, метавшимися, как черные шарики по желтоватому лицу, был доволен.

Облокотившись на левую руку, он лежал на почетном месте и слушал поздравления Ливия Друза, приторно-льстивого и услужливого амфитриона, который возлежал с женой и сыном справа за столом, уставленным кушаньями.

Деревянные ложа, более высокие со стороны стола, были покрыты скверно дубленными козлиными шкурами, и неприятный запах полз по комнате, заставляя морщиться Опимия.

Ливий Друз говорил вкрадчивым голосом:

— Клянусь всемогущим Юпитером, ты вышел, благородный Опимий, победителем! Уловки Гракха ему не помогли; что взвешено Фортуной, то непреложно, даже сам Юпитер в этом случае бессилен. Скажи, благородный консул, как ты намерен добить Гая?

Опимий молчал, глядя как рабы уносили кушанья и наполняли чаши вином.

— Это дело сената, — уклончиво вымолвил он, но когда жена и сын Ливия Друза удалились, сказал: — Я отменю закон Гракха о Карфагене. Это раздражит его, он выкинет глупость, и мы низвергнем тирана.

Ливий Друз смущенно заморгал глазами:

— Не слишком ли это будет? Гай — не плохой и не вредный муж. Он никогда не шел против сената, и если в запальчивости говорил лишнее...

Опимий презрительно усмехнулся:

— Вижу, ты защищаешь его, но довольно неумело. Не понимаю, почему ты пошел с нами, а не с ним?

Он взял у раба чашу и протянул хозяину:

— Bene tibi!¹

Друз смочил в вине губы, притворно вздохнул:

— Ты не понял меня, благородный Опимий! Не Гая защищаю я, а Гракхов... Жаль мне семью Гракхов... Ты сам с большим уважением говорил о Корнелии...

— Вспомни, когда это было, дорогой Ливий! С тех пор я раскусил старую матрону, как трухлявый орех. Я следил за ней и за Фульвием и знаю точно: они вербовали для Гая сторонников среди латинов и союзников, они направляли их под видом жнецов в Рим. Для чего, как ты думаешь? Тщеславная женщина мечтает о царской короне для сына...

— Нет, нет! — вскричал Друз. — Ты ошибаешься...

Такие же слухи ходили о Тиберии, их распространял Сципион Назика, но Блоссий не побоялся сказать, что это — наглая ложь, и Назика замолчал.

— Почем знать, что в голове у Гракха? — задумчиво выговорил Опимий. — Я не понимаю, зачем он сеет смуту, угрождает плебсу? Мстит за брата? Неужели он действительно стоит за плебс? Не верю.

— Я полагаю, что тут одно и другое... Ясно для всех: борьба с сенатом и всадничеством, науськивание одних на других путем отнятия у сената судебных дел и передачи их всадникам. Он добился того, что всадники стали на его сторону.

Опимий громко засмеялся:

— С падением тирана эти мерзкие псы трусили и заколебались, и если я прикажу им идти на своего благодетеля, клянусь Марсом, они пойдут, а если откажутся — я брошу на них критских стрелков!

— Говорят, стрелки за всадников, за Гая...

— Говорят, говорят! — с раздражением перебил Опимий, пьянея. — Я заплатил начальнику их золотом, и он готов вырезать, если понадобится, полгорода...

---

¹ Всего хорошего! (Лат.)

— Ты подкупил их? — побледнев, прошептал Друз.

Образ благородного трибуна, честного, смелого, возник перед его глазами такой, каким он видел его на форуме, во время речи к народу, и стыд окрасил щеки алой краской.

— И что? — пожал плечами Опимий. — Власть тирана — власть незаконная, хотя бы ее поддерживали все плебеи. Народ — сенат, всадничество и их клиенты, не допустит попрания древних законов.

Друз был несогласен. По его мнению, народ составлял совокупность богатых и бедных, патрициев, клиентов, плебеев и рабов, а не только патрициев и клиентов, и он собирался опровергнуть лукавое определение консула, но в это время раб возвестил:

— Госпожа Аристагора!

Друз побледнел: вторжение гетеры в дом римлянина было оскорблением не только его хозяину, но и всей семье. Он вскочил с ложа, но Опимий удержал его повелительным жестом.

— Что с тобой? — произнес он с тонкой иронией. — Ты вскочил, как влюбленный юноша, и готов...

— Позволь, благородный Опимий! Ты ошибся: не радость заставила меня...

— ...а гнев, хочешь сказать? Брось притворяться!

— Клянусь Юноной!

— Верю, верю — смеялся Опимий, — но разве ты не в ладах с прекраснейшей из прекрасных, разве...

— Я не знаком с нею... я знаю, что она — гетера...

Опимий прищурил правый глаз:

— Ну, и что ж? Разве ты не знаешь обычаев Рима? Прошли те времена, когда отцы наши жили строгой добродетельной жизнью, посещая потихоньку субурритянок или собственных рабынь. Я не спорю, что личина добродетели многим к лицу, но ты... разве ты настолько же добродетелен, как Гракхи?

— Гракхи живут чистой жизнью, они...

— Дураки! Весь Рим смеется над добродетелью Сципионов и Семпрониев. То, что было позором, стало теперь добродетелью. Впрочем, Аристагора не такая порочная женщина, как о ней говорят...

Друз волновался, на лице его выступили красные пятна.

— Я не могу ее принять. Что скажет завтра жена, друзья и соседи? — нерешительно молвил он.

— Жена возмутится, ты на нее прикрикнешь — это теперь принято, а друзья и соседи будут поздравлять тебя с победой, — пожал плечами Опимий.

Он отвернулся от Друза, взглянул на раба:

— Проси прелестную госпожу.

Но раб не шевельнулся и смотрел на своего господина. Это вывело Опимия из себя.

— Слышишь? — прикрикнул он, и в глазах его сверкнула молния.

— Проси, — приказал хозяин, избегая взгляда консула. — Да проводи так, чтоб никто не видел ее...

Аристагора вошла с улыбкой на лице. За ней следовали два раба: это были бледные мальчики, с тихими, покорными глазами, окруженными синевой, с завитыми волосами. Они освободили гетеру от плаща, сня-

ли с нее обувь, помогли лечь на почетное место, предупредительно освобожденное Опимием.

После поклонов и многочисленных любезностей, которыми недовольный хозяин осыпал гостью, проклиная ее в душе, он сказал:

— Ты осчастливила меня своим посещением, но я не догадываюсь, какая причина заставила тебя прибыть в незнакомый дом...

— Я искала благородного Опимия, — говорила Аристагора, — и мне сказали, что он у тебя, — но тут же она любезно поправилась: — это избавило меня от посещения каждого из вас в отдельности.

Друз молчал, очарованный глазами, лицом, гибким телом, угадываемым под туникой, детскими ножками девушки-гетеры.

Аристагора, притворяясь, что не замечает восторга хозяина, приняла из его рук чашу и, сделав возлияние Вакху, отпила несколько глотков:

— У тебя хорошее вино, Ливий! Налей же и себе, чтобы мы выпили за нашу дружбу.

Друз пил: не вино, а голос гетеры опьянял его. Он чувствовал себя как бы в тумане — тихая грусть и тревожное не то желание, не то ожидание чего-то терзали его. А слова гетеры звоном колоколов трепетно скользили по сердцу:

— Я посетила вас, благородные мужи, по важному делу. У меня был Фульвий Флакк, он напился и раскрыл передо мной свою душу...

Опимий приподнялся: искорки сверкали в расширившихся зрачках.

— Он говорил, — продолжала Аристагора, не сводя глаз с Ливия, — что Гай Гракх готовит нападение на сенат, и хотя часть плебса колеблется, — эта часть, когда дело дойдет до грабежа и избиения оптиматов, пойдет за своим трибуном. Фульвий готов поднять рабов и бросить на господ, он готовится к схватке...

— Пустяки! — беспечно засмеялся Опимий, но глаза выдавали его: в них таился страх, переходивший в ужас.

— ...и мое мнение таково: медлить нельзя...

— Пустяки, — неуверенно повторил консул, — на нашей стороне будут публиканы, всадники и стрелки, мы сомнем, перебьем, растопчем эту свору, которую распустил тиран, научив безделью и тунеядству...

— И ты говоришь...

— Говорю — подождем. Они не осмелятся напасть.

Гетера с сожалением пожалала плечами и сказала с необыкновенно чистым аттическим произношением:

— Смотри, чтобы не случилось так, как я говорю.

Она протянула ноги рабам, которые принялись обувать ее, и, как бы вскользь, бросила:

— Жду вас к себе, как только минует опасность.

И вдруг злоба исказила ее лицо — прекрасное лицо Афродиты. Вспомнила Гая, смерть Сципиона Эмилиана, его жену, и ненависть к роду Семпрониев сжала ее сердце.

— Как обуваете? — яростно крикнула она и ткнула красным башмаком, изящно облежавшим ее ногу, в лицо раба с такой силой, что он опрокинулся навзничь: из губ и носа мальчика текла кровь, окрашивая подбородок, в глазах его трепетала покорная мольба, на лице чередовались превозмогаемая боль и страх униженного человека.

«Гракх должен умереть», — подумала она, не обращая внимания на раба, который размазывал кровь и слезы по лицу, и улыбнулась Опимию:

— Не зевай, внук Ромула, покажи твердость и доблесть, иначе тиран восторжествует!

Глава XXII

Вооружившись ножом, надев белокурый парик блудницы, Хлоя вынимала монету из своего ларца (это были ее рабские сбережения), и когда дом погружался в сон, выходила тихонько на улицу и пускалась в путь. От Палатина до форума — путь недалекий, но идти предстояло темными переулками, — опасность подстерегала на каждом шагу, и Хлоя, держа нож на-

готовые, шла крадущейся походкой встревоженного животного. Ночь, изрешеченная крупными мохнатыми звездами, казалось Хлое, безмолвно изливалась в подземное царство Плутона; девушка думала, что такой же мрак сгущается у престола всемогущего бога, и ей становилось страшно: она испуганно вглядывалась в темноту, следила пытливыми глазами за огоньками в домах, слушала шаги запоздалых прохожих и жалась к домам, точно искала у них защиты.

На *Via Sacra* тускло горели фонари — ряд огромных плашек, в которых на поверхности вонючего масла плавал чадящий фитиль. Прохожие попадались на каждом шагу. Это были преимущественно кутилы, молодые и старые, вольноотпущенники в пилосах, толпы блудниц, пристававших с бесстыдными шутками и предложениями. Какой-то старичок, от которого крепко пахло вином, схватил ее за руку:

— Пойдем, птичка?

Хлоя сказала, что больна. Старичок отстал.

Не доходя до форума, она увидела ярко горевшие факелы в руках людей и поняла, что это — обход.

«Какая стража?» — подумала она, и как бы в ответ на ее мысли голос глашатая донесся с форума:

— *Secunda vigilia!*¹

Хлоя побежала напрямик через форум, но грубый голос остановил ее:

— Стой!

Она поняла и отдала подошедшему эдилу плату за занятие проституцией и, получив кожаный номерок на эту ночь, поторопилась уйти.

За форумом толпились лачуги ремесленников, мелких торговцев, кустарей, вольноотпущенников и разоренных земледельцев, покинувших деревни. Вся эта беднота, озлобленная, усталая, полуголодная, готова была следовать за Гаем, поскольку он стоял за нее и проводил полезные законы, но как только Ливий Друз пообещал больше — плебс охладел к своему вождю, и большинство перешло на сторону Друза.

---

¹ Вторая стража! (Приблизительно это была полночь.)

Добравшись до квартала бедняков, Хлоя сразу очутилась в темноте. Запах кож, паленого волоса, обжигаемой глины, вонь отбросов — все это говорило о тяжелой трудовой жизни, о скученности людей.

На углу улицы стоял неуклюжий двухэтажный дом сапожника. Тусклый свет проникал сверху сквозь полураскрытые ставни. Внизу, очевидно, спали — темнота затопляла землю.

Хлоя остановилась, тихо свистнула. Голова мужчины выглянула из крошечного окошка на улицу.

— Ты?..

Девушка ответила:

— Твоя рабыня.

Ставни захлопнулись, свет погас, и дом погрузился в мрак, точно отошел в неизвестную даль.

Хлоя ждала. Она прижимала руки к груди, стараясь удержать бьющееся сердце.

Скрипнула дверь, приблизились шаги:

— Где ты?

Она бросилась в темноту, схватила любимую руку, прижала к губам и вдруг услышала голос — его голос и, задрожав, уткнулась лицом в тогу.

Обнявшись, они шли к форуму. Тишина, жужжа назойливо, казалось, поглощала ночные звуки. Но сердца обоих бились громко, так громко, что тишины не было, не было и Рима с его борьбой, а были только они, и сердца их разговаривали.

Они остановились в тени храма Кастора, присели на помост, с которого продавались рабы.

— О господин мой, — шепнула македонянка. — Не хочу свободы, не хочу ничего, только б ты был со мной, как теперь, всегда, вечно... И тогда...

Она не договорила. Он посадил ее к себе на колени.

— О господин мой...

И вдруг поникла головой:

— Я узнала, что Аристагора была вчера у Ливия Друза, там находился консул Опимий, и она подстрекала их против тебя...

— Аристагора!

Гай вспомнил: земная Афродита с душой Эринии сводила старые счета — жаждала крови, но он был

спокоен: смерти не боялся, жаль было Хлою, а также мать, жену и сына, но Хлою — больше всех. «В ее груди бьется такое сердце, полное любви и самоотверженности, какого нет во всем мире», — думал он и с тревожной грустью прижимался к ней, ища на ее груди успокоения и сил на завтрашний день.

На форуме прокричал глашатай:

— *Tertia vigilia!*¹

Глава XXIII

Фульвий не мог простить Гаю бездействия во время разгона латинов и союзников. Эти люди, ненавидевшие Рим, были вооружены, плебс непременно поддержал бы трибуна, и разгром оптиматов был обеспечен, если бы даже пришлось столкнуться с критскими стрелками. Почему же Гракх — такой умный, смелый, решительный — сделал эту ошибку, что удержало его от выступления? Было ясно, что он плохой политик, если разрушил то дело, над которым работали он сам, Флакк и Корнелия, Помпоний и Леторий. Что же случилось?

Случилось ужасное — падение Гая Гракха неминуемо, плебс ему уже не верит, и если остается несколько тысяч, готовых поддержать его, то эти люди будут сметены, растоптаны хорошо вооруженным противником.

Фульвий жалел, что не поднял рабов во время отсутствия Гракха. Случай был упущен, теперь уже поздно, и нужно, по крайней мере, умереть с честью, как подобает римлянину.

Он скрипнул зубами, кликнул писца:

— Подай заветание.

Развернув свиток пергамента, он приказал рабу писать под диктовку:

---

¹ Третья стража! (Лат.)

«В случае смерти моей и обоих сыновей завещаю все состояние жене Терции, кроме усадебных земель, каковые поручаю писцу Молесту разделить поровну между моими слугами, которых, всех до одного, отпускаю на волю, а Молесту за верную службу, сверх земли, дарю лавку, что на Авентине. Рабынь тоже освобождаю; вышедшие замуж за вольноотпущенников получают пособие на хозяйственные нужды. Остальным выдать деньги для отъезда на родину».

Он прошелся по атриуму, остановился на пороге таблинума. Молест, пожилой фракиец, скрывая радость, осветившую смуглое его лицо с толстыми губами, сказал:

— Господин очень щедр...

— Пиши:

«Кроме того, предложить молодой Асклепис, в случае смерти Квинта, перейти на службу к матроне Корнелии, матери Гракхов, а если означенная Асклепис не согласится, то отпустить ее на волю и отправить в Афины. Выдать ей на дорогу двадцать тысяч ассов. Виликам дарю земли, считая надел вдвое, а при большой семье втрое больше обыкновенного надела».

Взгляд его скользнул по картине, изображавшей похищение Европы Юпитером, остановился на борьбе Одиссея и Телемаха с женихами Пенелопы.

— Так же и мы могли бы перебить наглых оптиматов! — громко выговорил он и остановился перед Молестом. — Объяви рабам мою волю да скажи, что желающие могут идти завтра со мной на форум в качестве вольноотпущенников.

Молест поклонился:

— Я первый пойду за тобой, куда прикажешь.

Отпустив писца, Флакк оделся и вышел на улицу... Недалеко от форума он встретился с женой, которую несли в лектике сильные невольники.

Фульвий остановил их.

— Я ухожу к Гракху, — сказал он, — передай сыновьям, чтобы собрали рабов, готовых выступить, да приготовили оружие...

Терция, молодящаяся матрона, с обвислыми нарумяненными щеками и двойным подбородком, ответила с раздражением:

— Мне надоели твои подозрительные дела, Марк! Делай сам, как хочешь, а меня уволь...

Флакк вспыхнул:

— Прошу тебя сделать, как я сказал, и, пожалуйста, без споров на улице! Я и так смотрю на все сквозь пальцы... Думаешь, я не знаю о твоих отношениях с некоторыми лицами?

— Помолчал бы! — прикрикнула Терция, бросив взгляд на рабов, которые прислушивались к ссоре супругов. — Аристагора трубит о тебе на всех перекрестках, — и, понизив голос, добавила: — Она бывает у Друза, Опимия, часто видится с Септимулеем. Берегись, чтоб она не наделала тебе неприятностей!

Слова Терции обеспокоили Фульвия.

— Ты что-нибудь слыхала?

Терция исподлобья огляделась. Вокруг них шумела толпа: крики, голоса, шорох шагов — все это сливалось в дурманящий гул, и возгласы рабов, бегущих впереди лектик, терялись, как камешки в море.

— Да, слыхала. Завтра Друз выступит с отменой Гракховых законов, Гай, по обыкновению, вспылит, наделает глупостей, его заденут опять, да только по сильнее (все это обдуманно), начнется свалка, и вас всех перебьют...

— Я так и знал! — вскричал Флакк, схватившись за бородавку, что служило признаком величайшего волнения. — Мы не дадимся, чтобы нас перерезали, как стадо баранов. Драться — так драться! Я приготовил, Терция, завещание, и если я с сыновьями погибну — отпусти рабов на волю, надели их землей, как я распорядился...

Матрона побледнела. Жадная и скупая, она пришла в ужас, ее пугала не смерть мужа и детей, а убытки, разорение, распределение земель, освобождение рабов, невольниц.

— Да ты с ума сошел! — возмутилась она.

— Не место говорить здесь об этом, побеседуем дома. Больше ничего не слыхала?

— Ничего. А эта подлая блудница Аристагора подговаривала Опимия уничтожить Гракха с его сторонниками и похвалялась, что ты спьяну проболтался, будто Гай собирается напасть на оптиматов и перебить их всех...

Фульвий побагровел.

«Предательница, — подумал он, — прекрасная, как Афродита, злая, как Немезида. Но ничего, я пожертвую всем... Так вот для чего я был ей нужен: напоить меня и выпытать все, быть может, мерзавке и удалось, но думаю, что это первый и последний раз».

Он ласково простился с Терцией, что крайне взволновало ее. Давно уже муж не обращал на нее внимания, занятый политическими делами и бесчисленными любовницами, которые были у него в разных кварталах города. Она улыбнулась ему, как улыбалась в первые годы замужества, с многообещающим взглядом, рабы подхватили лектику и дружно зашагали, окунувшись в гущу толпы.

Глава XXIV

С утра на форум стекался народ. Обе стороны расположились в разных частях площади, готовые, по первому знаку вождей, начать свалку. Но вожди — Опимий и Гракх — были люди осторожные, не уверенные в своих силах. Они не надеялись на своих приверженцев, опасаясь, как например Опимий, что критские стрелки могут изменить в последнюю минуту, а всадники, основная масса которых колебалась все время, ударят в тыл; Гай тоже не доверял части плебса и всадникам: если они не поддержали его трибуната, то теперь, когда решается исход борьбы, могут поддаться лживым посулам оптиматов и броситься на него.

Фульвий был того же мнения.

Напрасно Помпоний и Леторий еще накануне убеждали народ, что Друз — сторонник оптиматов, а Гракх — плебса, толпа не верила.

— Что ты там болтаешь? — кричали ремесленники Помпонию. — Нас не обманешь: наш вождь не Гракх, а Ливий Друз, народный трибун!

— Мы раскусили Гракха и потому не выбрали!

— Ливий Друз печется о наших нуждах, он обещает нам такие законы, о которых Гракх и не думал!

— Он отменит Карфагенскую колонию, куда готовы ехать только дураки, и наделит нас колониями в Италии, чтобы не отрывать от родины!..

Помпоний видел, что эти люди не будут защищать своего вождя, и опечалился: его возмущала подлость врагов, которые возвели своего сторонника в вожди плебса, унизив обманным способом истинно народного вождя. Лжевождь и настоящий вождь должны были померяться силами. Друз имел на своей стороне обманутый народ и всадников, а кроме них — консула, стрелков и оптиматов, Гай — несколько тысяч сторонников, из которых почти половина была ненадежна.

Леторий видел больше, чем Помпоний: все было потеряно, и, по его мнению, не стоило идти на форум, начинать неравную борьбу. Он сказал как-то Гракху:

— Не лучше ль удалиться нам к частной жизни? Подождем, когда народ созреет и поймет, что не Ливий Друз, а ты, Гай, истинный трибун; тогда у тебя будут верные сторонники, и ты сможешь ударить врага.

Но Флакк тогда резко возразил:

— Чего ждать? Мы обречены. Разве мы защитили союзников, которых преследовал Фанний? Разве ты, Гай, сдержал свое слово? Всегда ты был истинным римлянином, а на тот раз смалодушничал!

— Нет, не страх удерживает меня, а кровопролитие.

— А ты вспомни о смерти Тиберия? Кровь? Что такое кровь? Выжимка пиши, текущая по жилам, питающая тело. А жизнь? Разложение крови, жил, тела — пустяк! Все уйдет в землю и даст новые ростки.

— Может быть и так... — улыбнулся Гракх.

Но Леторий с жаром перебил его:

— Я верю в метампсихоз Пифагора, и потому я умру так же спокойно, как ложусь спать. Жизнь — сон, а смерть — пробуждение.

Теперь, вспоминая об этой давней беседе, Гай смотрел в облачное небо, слушал шум голосов, и в душе его зрело твердое решение помириться с противником, подчиниться мудрости, авторитету и силе сената.

Издали он увидел Опимия: консул совершал жертвоприношение, поглядывая на гракхов с немой угрозой, и когда поднял обагренный кровью нож, огнем засверкавший на выглянувшем из-за туч солнце, и взмахнул им, поражая животное, Гракх отвернулся. Хлынувшая кровь напомнила ему о крови, готовой пролиться на форуме, и он, едва владея собой, повернулся к Фульвию:

— Бешеный пес угрожает нам?

Флакк хрипло рассмеялся:

— Не поздно ли ты понял?

— Да, поздно. И жаль, что я не слушался твоих советов!

— Критские стрелки куплены, плебс обманут, даже блудницы, которые помогали нам ночью снести скамьи, и те изменили! Аристагора науськивает на тебя Друза и Опимия.

— О, Аристагора! — презрительно плюнул Гай. — За золото она готова отдаться самому грязному, вшивому рабу.

Фульвий сжал зубы. Бешенство окрасило лицо в багровый цвет, бородавка на щеке посинела. Он ненавидел теперь Аристагору, готов был убить ее. Едва владея собой, он смотрел на жертвоприношение. Антиллий, служитель консула-жреца, юноша дерзкий, заносчивый, пробирался сквозь толпу, неся внутренности убитого животного. Теплый вонючий пар заставлял людей шарахаться, зажимать носы.

Дойдя до толпы, окружавшей Флакка, он не остановился, а пошел прямо, точно перед ним никого не было. Но люди не расступились, только морщины на лице Молеста собрались в зловещие складки, а полные

щеки Афрозия залила краска, а затем бледность. Железные песты дрогнули в руках вольноотпущенника.

— Эй вы, негодяи, дайте место добрым гражд...

Он не закончил, взметнулись и опустились песты, послышался хруст, фонтаном ударила кровь, и Антилий упал...

— Бей его! — в исступлении рявкнул Фульвий и, скользя по внутренностям животного, бросился к трупу и ударом ноги опрокинул его навзничь.

— Он ищет Противуземлю Пифагора, — усмехнулся Леторий, — впрочем, там, на Противуземле, мы встретимся, и предначертанное — исполним.

— Слыхали и это, — пожал плечами Помпоний. — По-твоему, убийство predetermined, и человек, который должен быть убит, не может избежать этого, а я скажу прямо: если б мы просто побили Антилия, он бы остался жив...

Подошел Гракх; на его лице лежала забота.

— Плохо, друзья, — сказал он и обратился к Флакку: — Зачем убили нахала? Разве не видели, что он подослан Опимием? Теперь столкновение неминуемо.

— Но он неспроста оскорбил нас!

Гай опустил голову — возразить было нечего.

А на противоположном конце форума Опимий, дрожа от бешенства, призывал народ к мести.

— Граждане, — кричал он, — страшное дело замыслил Гай Гракх — убийство ни в чем неповинного, сторонника народа! Неужели вы будете молчать? Неужели не отомстите за смерть Антилия, любимца богов, не поразите злодеев, которые нарушают покой в республике? Я призываю вас к мести!..

— Лжешь, консул! — произнес кто-то из толпы. — Антилий первым задел их и поплатился за дерзость. А скажи, призывал ли нас консул к мести, когда вы убили Тиберия Гракха, нашего трибуна, а тело его бросили в Тибр?

Опимий побледнел. Он понял, что месть — сложное дело, когда призывающий к ней не свободен от упреков. Он замолчал и, повернувшись к магистратам, повелел подобрать труп Антилия, лишь только толпа очистит форум.

Небо, облепленное тяжелыми облаками, уже с утра предвещало грозу, и когда упали первые тяжелые капли, а за ними посыпались крупными горошинами другие — как из ведра пошел ливень. Форум мгновенно обезлюдел: даже магистраты, которым велено было убрать труп, скрылись кто куда: одни — в базилики, другие — в таверны, а третьи забились под навесы торговцев сладостями.

Антиллий лежал навзничь — ливень хлестал его длинными серебряными бичами, Юпитер-Громовержец метал золотые стрелы молний, форум сотрясался, а он все лежал, одинокий, забытый на мокрых расползавшихся внутренностях животного.

Глава XXV

Тайное заседание сената, созванного чуть свет Опимием, приближалось к концу, когда после слов Ливия Друза: «Гракха нужно обезвредить», на форуме послышался такой вой, что сенаторы вскочили и, прервав совещание, выбежали на площадь.

Опимий был впереди и всматривался близорукими глазами в приближавшуюся толпу.

После дождя было мокро. На каменных плитах лежали растоптанные комья грязи, нанесенной с немощеных улиц; люди скользили и оступались.

Друз толкнул в бок Опимия:

— Разве не узнаешь? Несут Антиллия.

На дощатых носилках лежал обнаженный труп служителя. Все его тело было исполосовано ударами, покрыто ранами, нанесенными по приказанию консула, чтобы побудить народ к мести: разбитая голова и лицо были выпачканы кровью.

Поравнявшись с сенаторами, оптиматы опустили носилки на землю и закричали:

— Какое ужасное несчастье! И это среди бела дня, у всех на глазах! Почему же все молчали, никто не вы-

ступил против преступников, почему они оставлены на свободе? О, горе Риму!..

Толпа, окружившая носилки, зашумела, ропот перешел в рев — казалось, начиналась буря на море. Это кричали сторонники патрициев.

— Что вы вопите, лицемеры? — слышались голоса. — Зачем возбуждаете нас против Гая?

— Обманщики!

— Гробокопатели!

Опимий растерялся. Он не ожидал такого дружного отпора со стороны плебса и предложил сенаторам вернуться в Курию, чтобы обсудить положение.

Совещание было краткое. Собрав большинство голосов против Гракха, Септимулей объявил:

— Есть единственный выход, отцы государства, мудрые советники: поручить консулу спасти государство, свергнуть тирана!

Все молчали. Даже самые непримиримые враги Гая испытывали если не стыд, то какую-то неловкость. Слова “спасение государства”, “тиран” были явным преувеличением. И старик Квинт Метелл Македонский не выдержал: он выступил просто, как дед среди внуков, и речь его, полная справедливости и гнева, загремела в Курии, но не нашла отзвука в сердцах людей.

Метелл говорил:

— Граждане сенаторы! Вы видели Гая Гракха в этих стенах, здесь он совещался с вами и находил одобрение или порицание своей законодательной деятельности. Не вы ль приветствовали его как мудрейшего из граждан, не вы ль с огромным уважением внимали его пылким речам, когда он намечал постройки зданий, вызывал архитекторов из Греции, заботился о науках и искусстве? Он уехал в Африку, и положение сразу изменилось. Отчего? Да будет позволено мне, старику, сказать откровенно: противники постарались очернить Гракха, возбудить против него плебс, и достигли этого. А теперь говорят: нужно спасти государство, свергнуть тирана! Но разве Гракх губит республику? Разве он воспользовался силой, которая была у него в руках, когда Рим наводнили толпы союз-

ников? Разве он выступил против сената? Нет, а мог выступить...

— Ну и дурак! — слышался чей-то смех.

— Нет, не дурак, — возвысил голос Метелл, — а человек разумный, не желающий ввергать Республику в смуту. Вот вы говорите: тиран. В чем же его тирания. Что он сделал?..

— Он убил Антиллия, — крикнул Опимий, — и домогается царского венца!

Метелл Македонский обвел глазами сенаторов.

— Что ж, Антиллий убит, это верно, — сказал он, — но правда ли, что Гракх стремится к царской власти? Где доказательства?

— Доказательства у меня и у Ливия Друза, — твердым голосом заявил Опимий, — и если меры не будут своевременно приняты, злодеи нас уничтожат!

— Доказательства? — повторил Метелл.

— Слушайте. Гетера Аристагора говорила мне и повторяет благородным отцам государства, чем похвалялся перед ней Флакк и что он замышляет сделать...

И Опимий, приукрашивая замысел Фульвия выдуманными подробностями, сумел убедить всех, кроме Метелла: старик не доверял обиженному Гаем консулу, а показания гетеры вызывали в нем стыд и отвращение старого римлянина к гражданам, имеющим общение с такими женщинами.

— Этак, скоро куртизанки начнут править Римом! — усмехнувшись на слова Опимия, произнес он, и, когда стали голосовать за свержение Гракха, нахмурившись потихоньку вышел из Курии.

Септимулей взошел на ростры и произнес от лица сената древнюю формулу, облакавшую консула неограниченной властью:

— *Viderent consules, ne quid respublica detrimenti caperet*¹.

Не успел он сойти, как на его место взошел Опимий. Голос консула загредел, охватив всех ужасом:

---

¹ Пусть позаботятся консулы, чтобы республика не потерпела ущерба. (Лат.)

— Я, консул, объявляю сенаторам призыв к оружию! Приказываю всадникам явиться завтра утром на форум и каждому привести с собой двух вооруженных рабов. К оружию, граждане! Отечество в опасности!

Глава XXVI

Гай отправился на форум, где толпился народ, сованный Фульвием, — сапожники, портные, кузнецы, гончары; но их было мало. Они слушали речь Гракха, позевывая, с тем равнодушием, которое присуще толпе, изверившейся в своем вожде.

И Гай, прервав речь, крикнул:

— Эй, вы, рабы, привыкшие, чтоб вас били и топтали, как скот! Терпите, лижите пятки злодеев, которые издеваются над вами! Унижайтесь, пресмыкайтесь перед консулом, которого сами же ненавидите, трепещите перед сенатом, ступайте к нему, чтоб он за плату повелел вам убивать ваших братьев!.. Неужели вы — римляне? Нет, вы — презренные трусы! Завтра, когда вас будут убивать, вы спрячетесь по своим норам, будете слушать вопли раненых и убиваемых и не придете на помощь! Рабы достойнее вас свободных!

И он, задыхаясь от гнева, удалился с форума.

Услышав позади себя легкие шаги, обернулся. Хлоя подходила к нему, дрожа от радости:

— О господин мой, я утомилась от дум о тебе! Я тебя не видела давно, давно... два дня...

Гракх ласково улыбнулся: «Не уехать ли в самом деле в Македонию, на родину Хлои? Отказаться от политики, борьбы, провести остаток жизни в лесах, в тиши деревенской жизни, в объятиях любимой, забыть навсегда Рим? Пока еще не поздно...»

Нет, бежать он не имеет права, он связан с судьбами римского народа; не так же ли за плебс погиб в неравной борьбе любимый брат?

Хлоя шла сзади, не сводя с него глаз.

Они обошли Субурру и направились к Виминалу, знаменитому своими садами. У дороги то и дело попадались гостиницы, и хозяева зазывали, предлагая комнату и еду за полтора асса, но Гай проходил мимо.

Наконец, он свернул с дороги и остановился перед небольшим домиком. Это была обыкновенная таверна с изображением красноперого петуха на вывеске. Они поднялись на верхний этаж, им подали кислого римского вина в оловянных кружках, ломти хлеба и сыр. Гракх попросил лучшего вина, и хозяин предложил хиосское.

— Я привел тебя, Хлоя, чтобы поговорить с тобой, может быть, в последний раз. Завтра — решительный день, нас мало, их много, и мы погибнем, если...

Надежда слышалась в последнем слове.

— Беги, господин, беги, — шептала рабыня, — беги, пока не поздно.

— Это невозможно.

— О господин, — заплакала она, — скажи, что принесет тебе неравная борьба? За кого ты борешься? Кто тебя поддержит? Там, в Македонии, тихая жизнь, мы бы прожили мирно и счастливо до глубокой старости, до самой смерти. И я всю жизнь была бы твоей верной служанкой, всю жизнь заботилась бы о тебе, как самая последняя рабыня...

Она упала на колени, обняла его ноги:

— О господин мой, сжался над собой и надо мною!

Он поднял ее, прижал к груди:

— Ты — единственная... любимая... но я не могу... Я связан с Римом... и освобожусь лишь после смерти.

Она уронила голову ему на грудь, полузакрыла глаза; горячий шепот обжигал лицо Гая:

— Господин, мы умрем вместе! И я буду молить богов, чтобы я умерла первой, чтоб они избавили меня от горя видеть твою смерть!

Они слились в страстном объятии.

Эфиопка-ночь обняла их, когда они вышли из гостиницы. Моросил дождь. Печаль природы тесно соприкасалась с грустью двух человек.

Они шли, крепко обнявшись, — одно тело, одно сердце. Справа шумела Субурра — пьяные возгласы, песни и хохот блудниц долго неслись им вслед, как крики филинов, как клетот стервятников над падалью, над мрачным позором державного Рима.

Глава XXVII

Толпа плебеев и рабов охраняла всю ночь дом Фульвия Флакка. Песни, бряцание оружия, воинственные клики вспыхивали над Эсквилином до рассвета.

В доме пили перед окончательной схваткой.

Изредка отворялась дверь, и полупьяные рабы выкатывали на улицу бочки с молодым вином, называемым *vinum doliare*, и толпа набрасывалась на него, принимаясь черпать чем попало: кружками, пригоршнями, шапками.

Из дома доносилась песня с неизменным припевом:

*Ubi es, puella nuda?*¹

Хриплый голос Фульвия грохотал, заглушая молодые голоса.

Помпоний и Леторий, проходя мимо полупьяных плебеев, были остановлены яростными окриками:

— Кто такие? Стой!..

Рабы и плебеи, пошатываясь, подходили к ним, звеня оружием: у одних были в руках мечи, другие размахивали широкими ножами, иные держали палки, дубины. И у всех глаза были безумные, дерзкие.

Узнав вождей, они пропустили их и вернулись к бочкам. Помпоний и Леторий вошли в атриум.

За столами возлежали люди — их было так много, что комната казалась помещением для рабов, лежав-

---

¹ Где ты, нагая девушка? (Лат.)

ших вповалку. Глиняные светильники чадили, в деревянных подсвечниках горели восковые свечи. Пьяные голоса переплетались со звоном чаш и кратеров, с хвастливыми возгласами Флакка:

— Мы их завтра же передадим, слышишь, Люций? А тогда... тогда...

— Что тогда? — крикнул Люций, поглядывая на брата, который пил мало, смешивая вино с водой.

— А тогда мы поделим Рим между рабами и плебеями, изберем свой сенат!.. Ни один сенатор, ни один всадник, ни один публикан и купец не попадут туда!..

— Кто же попадет? Мы, что ли?

— Ни ты, ни я. В сенате будут плебеи, бывшие рабы, бедняки — латины и союзники... Мы скажем так: «Хотите, чтобы Гай был вашим советником?» И если они пожелают...

— Ты пьян, отец!

— Замолчи. Я говорю то, что у всех на языке. Вы боитесь высказаться, а я... кого и чего мне бояться?

Он встал и, пошатываясь, подошел к сыну:

— Пройди в таблиниум.

Люций повиновался.

— Был у Аристагоры? — хрипло спросил Фульвий, вглядываясь в лицо сына.

— Был, — не моргнув глазом, ответил Люций.

— Ну и что ж?

Люций смело взглянул на отца:

— Я пощадил ее молодость, решив: победим мы — ее ожидает суд плебса, победят злодеи — клиенты отомстят за нас.

— Эх ты, чудак! — усмехнулся Фульвий. — Клиенты! А если все они лягут в бою?

— Не бойся: я послал Геспера и Люцифера в Остию: там они будут дожидаться исхода борьбы. И когда все уляжется, они возвратятся в Рим...

Флакк вздохнул:

— Я бы поступил иначе: сегодня же ночью она плавала бы в Тибре, и рыбы жрали бы ее холеное тело...

Они вернулись в атриум. И теперь только Фульвий заметил Помпония и Летория. Протянув к ним руки, он воскликнул:

— Что не приходили, дорогие друзья? Где Гай?

— Гай спит. Его, как и тебя, охраняет плебс.

— А разве уже поздняя ночь?

— Нет. Прошла первая стража.

Светильники, потрескивая, меркли: воск и бараний жир неприятно пахли. Гости дремали на ложах.

Красно-лаковая посуда, производимая в Аррециуме, тускло поблескивала на столах: причудливые извилистые змеи, разинув пасти, подбирались, казалось, к журавлям с длинными, тонкими шеями. Большое зеркало, украшенное изображением Менелая и Елены, отражало сонные лица людей, огни светильен, черно-лаковые вазы с линейными орнаментами.

— Квинт, — обратился Фульвий к младшему сыну, — скажи, где твоя Асклепис?

Квинт вспыхнул, опустив голову.

Посмеиваясь, Флакк хлопнул в ладоши, крикнул:

— Эй, гости дорогие, заснули? Промойте свои глотки, протрите глаза! Сегодня у меня торжество...

Пьяные гости в недоумении смотрели на хозяина.

— Я женю младшего сына, — смеясь, говорил Фульвий, — женю на невольнице, чтобы всем было известно, что я не брезгаю рабом и плебеем, считаю их людьми, равными римским гражданам, — и, повернувшись к вошедшему рабу, приказал: — Ступай, Афродизий, к госпоже, объяви ей мою волю: если она захочет, пусть придет на торжество. Да не забудь об Асклепис...

Квинт побледнел: решение отца было для него приятной неожиданностью, он не смел и мечтать об этом и недоверчиво поглядывал на гостей, на Люция, ища на их лицах скрытые насмешки. Но все были серьезны, а на лице брата он уловил не то изумление, не то растерянность.

Вошла юная черноокая гречанка, маленькая, худенькая девушка. Квинт вскочил, глаза его пылали.

— Успокойся, — с грубым смехом сказал Фульвий, — мы вас не задержим: ночь велика. Помни, что в приданое за девушкой не получишь ничего, кроме ее юности. Но я имею право сделать невесте свадебный подарок, верно, друзья?

— Верно! — закричали гости, любуясь Асклепис. — Только не скупись.

— *Decem milia sestertium!*¹ — подумав, решил Фульвий и вывел на навощенной дощечке цифру: NSX.

— Возьми Асклепис, мой казначей немедленно выplatит эти деньги.

Асклепис низко поклонилась, припала к руке Фульвия. Теперь Квинт понял, что это — не шутка, и обменялся с гречанкой быстрым радостным взглядом.

А Флакк говорил, и слова его падали в тишину густыми басовыми раскатами:

— Время теперь военное, можно не соблюдать торжеств... Это не убежит. Свидетелей достаточно. Скажи, Асклепис, хочешь ли войти в нашу семью, носить имя мужа?

Гречанка подняла голову и сказала певучим голосом, вернувшись к жениху:

— *Quando tu Gaius ega Gaia*².

Подошел Квинт. Супруги подали друг другу правые руки, свидетели закричали: «*Feliciter*»³, и начался пир.

Фульвий приказал позвать Терцию. Он считал, что без жены торжество немислимо, и когда она явилась, бледная, возмущенная, оскорбленная браком сына с рабыней, Флакк шепнул:

— Не сердись, дай мне счастливо прожить эту ночь! Завтра — в руках Фортуны. А дети же пусть тешатся. И пусть тешатся рабы, которых я отпускаю на волю, и рабыни, и дети, и ты, *domina uxor!*

Терция растроганно взглянула на мужа: вспомнила молодость, брак, встречу с Фульвием в атриуме его дома (как это было давно!), его вопрос: «Как твое имя?» и свой ответ: «*Ubi tu Gaius ego Gaia*» и, схватив мужа за руку, низко опустила голову, чтобы скрыть слезы.

Асклепис испуганно подняла черные глаза на матрону. Во взгляде ее была мольба, и Терция, ради мужа, ради сына, ради гостей и рабов, а больше всего

---

¹ 10 тысяч сестерциев.

² Формула согласия: "Куда ты, Гай, туда и я, Гая". (Лат.)

³ Пожелание счастья. (Лат.)

ради опасного положения семьи, в которое повергла всех борьба, ласково кивнула невестке.

Радостные крики гостей потрясли атриум. Дверь распахнулась, и вооруженные рабы и плебеи, с громкими возгласами и поздравлениями, ворвались в дом. Они окружили Фульвия и Терцию, жали им руки, называли “друзьями народа”, оглушительно орали.

Сбежалась прислуга. Флакк вышел на середину атриума, распорядился:

— Выкатить бочонок вина. Пусть выпьют на радостях и ложатся спать. Часовым дать по одному циату. Всем быть наготове засветло. Слышишь, Люций?

Он пошатнулся, едва удержался на ногах. Помпоний поддержал его:

— Ложись, мы тебя разбудим, — молвил он, — я и Леторий будем бодрствовать.

Фульвий огляделся: ни жены, ни Квинта, ни Асклепис в атриуме уже не было. Гости, завернувшись в тоги, укладывались на ложах и на полу.

Глава XXVIII

Хмурое утро скучно вставало над Римом. Последние дождинки мелкой пылью едва долетали до земли, и Помпоний, направляясь к жилищу Фульвия, ощущал на своих щеках невидимые брызги.

Сердце его тревожно билось, и он, чтобы придать себе бодрости, насвистывал веселую песню. Дом спал. Рабы и плебеи лежали вповалку на улице, часовые дремали.

— Вста-ва-ай! — протяжно закричал Помпоний, звякнув мечом по железным пестам, прислоненным к двери, и смотрел, как люди вскакивали, озираясь, торопливо хватались за оружие.

Он прошел в дом, оторвал Квинта от Асклепис и с Люцием принялся будить Флакка, но беззаботный эпикуреец спал, как убитый, и только слово «оптиматы»,

выкрикнутое тревожным голосом Помпония, подействовало на него: он вскочил и, схватив меч, оглядел Помпония и сыновей налитыми кровью глазами.

— Где оптиматы? — прохрипел он. — Клянусь всеми богами, они должны погибнуть!..

— Или мы, — усмехнулся Помпоний. — Я уверен, что Опимий уже на ногах, а мы только просыпаемся...

— Ладно, ладно, ты всегда недоволен. А скажи, Гай уже встал?

— И ты спрашиваешь?! Он повелевает нам занять Авентин, призывать плебс на помощь.

Афродизий и Молест принесли тяжелые доспехи, в которых Фульвий совершал во время своего консульства славные походы и одерживал победы над галлами: панцирь, щит, меч, копье и шлем. Надев поверх туники панцирь, состоявший из железного нагрудника, Флакк приказал Афродизию стянуть на спине кожаные ремни, повесил на левом боку через плечо широкий обоюдоострый меч и внимательно осмотрел медный, ярко начищенный шлем с черными перьями, а затем — продолговатый деревянный щит, обтянутый бычьей кожей и обитый листовым железом, с накладными выпуклыми перунами в виде украшений.

— Хорошо, подай теперь копье, — и поспешил на улицу. Рабы и плебеи окружили его с криками радости.

— Братя, — сказал он, когда шум утих. — Сегодняшний день решает все: или мы — властелины Рима, или — негодная падаль, корм воронью! Враг силен, коварен, подл, хитер, мы — честны и храбры, на нашей стороне справедливость. Посмотрим, кому помогут боги. Я убежден, что Минерва умолит Юпитера бросить громы на головы злодеев. Итак — вперед! Вернется к ларам тот, кто победит!

Он построил отряд в колонны и двинулся во главе его к Авентину. Люди шли с громкими угрожающими криками. Из домов выбегал народ.

— Присоединяйтесь к нам!

— Помогите побить патрициев!

Одни присоединялись — наскоро выбегали из домов с мечом или куском железа, другие трусливо прятались за дверьми.

— Эй вы, бабьи угодники! Век вам быть у жен на привязи! Оставайтесь у ларов, пусть вместо вас идут воевать ваши дочери и жены! Они похрабрее вас!.. — грубые шутки, прерываемые хохотом, оглашали улицы.

На углу Аппиевой дороги к отряду присоединились две женщины: старуха-эфиопка, с блуждающими глазами, и финикиянка. Обе были вооружены и заявили Флакку, что бежали от своего господина Скавра, который дурно обращается с рабами.

— Жена его, — скрипнула разбитым голосом эфиопка, хищно сверкнув зубами, — заставляла меня работать дни и ночи, секла скорпионами... Знаете вы, воины, что такое скорпионы? — взвизгнула она. — Это — *flagrum*, бич, с узлами, в которые вшиты иглы и куски железа. И вот, когда бьют таким бичом, — всхлипнула она, — кажется, что тело обваривают кипятком... И все за то, что однажды я сказала госпоже: «Не смей меня бить! Я такой же человек, как и ты!»

— Слышите, друзья? — крикнул Фульвий. — Помните, что пленным пощады не будет! Все оптиматы похожи на Скавра. Ну, а ты? — повернулся он к финикиянке.

— Меня заклеямили раскаленным железом за попытку к бегству, заковали руки и ноги в колодки, повесили на шею собачий ошейник — гляди!

Флакк криво усмехнулся: на ошейнике было четко выведено:

«Бежал, держи меня»

— Я ненавижу рабство, — продолжала финикиянка, — мне тридцать пять лет, я помню, как разрушили Карт-Хадашт¹, как убили всю мою родню, а меня продали в рабство. Я хочу мстить, господин, и скорее умру, чем вернусь в рабство!

На смуглом лице ее горели дикие глаза, грудь вздымалась, рука судорожно сжимала меч.

— А откуда у вас оружие?

---

¹ Карфаген.

— Мы убили вилика, похитили, что попало под руку, подговорили рабов...

К отряду быстро приближалось несколько человек. Вооруженные вилами, мотыгами, топорами, они подбежали, бросились к ногам Фульвия:

— Господин, возьми нас с собой! Мы готовы биться насмерть!

— Да, да, — крикнул Флакк. — Мы не отступим перед лучниками и легионерами, мы двинемся на них несокрушимой стеной!

А в это время Гракх, собрав друзей, клиентов и рабов, возвратился домой. Он не хотел вооружаться, надеясь, что все обойдется без кровопролития, и Леторий напрасно уговаривал его:

— Возьми хоть меч, вооружи Филократа, не дай захватить себя живым в случае неудачи!

Гай оттолкнул меч, протянутый другом, и повесил у пояса маленький кинжал.

— Вот все мое вооружение, — сказал он, надевая тогу (так он всегда ходил на форум), и направился к выходу.

К нему бросилась жена, ухватила за одежду; маленький Марк загородил дорогу.

— Не ходи, Гай, — умоляла Лициния, — тебя ждет неминуемая гибель, враги готовились весь день и всю ночь. Вспомни брата, убитого оптиматами! Не ходи, Гай, супруг мой возлюбленный!

— Все обойдется, вот увидишь, — улыбнулся ей Гракх. — Не расстраивайся, будь весела как всегда.

Но она продолжала упрашивать и, обняв его за шею руками, шептала:

— Что мы без тебя будем делать? Подумай, Гай, не ходи!

— Место трибуна во главе народа!

— Ты не трибун, Гай, и ты имеешь право не идти!

— Я — трибун, лишенный трибуната не народом, а оптиматами. Они подлостью и подкупом добились этого. Народ любит меня и пойдет за мною...

— Гай, ты слеп. Большинство идет за Друзом...

— Ничего, они поймут свою ошибку и присоединятся к нам...

— Умоляю тебя, Гай, не ходи!

Гракх нахмурился:

— Ты просишь о невозможном. Брат мой Тиберий своей кровью доказал нашу правоту, и я, если придется, тоже погибну, но не отступлю перед захватчиками власти, не сдамся на милость рабовладельцев, купцов и насильников, не отрекусь от борьбы!

И, повернувшись к маленькому Марку, он сказал:

— Помни, сын, пока жив род Гракхов — борьба должна продолжаться...

Лициния, рыдая, упала ему на грудь, но Марк дернул мать за тунуку:

— Не мешай ему, пусть идет...

Однако жена не отпускала мужа: она осыпала его ласками и поцелуями, что-то шептала, но Гай не слушал. В голове мелькнуло: «Похоже на прощание Гектора с Андромахой»; и вдруг мысль о Фульвии, занявшем уже Авентин, о врагах, готовых начать битву, захлестнула его. Он вырвался из ее объятий и выбежал на улицу.

— Гай, Гай!

Лициния остановилась на пороге, оглядела безумными глазами улицу и увидела Хлою в мужской одежде с обнаженным мечом: македонянка подходила к Гракху с невыразимым выражением на разгоряченном лице. Лициния побледнела — дрогнуло сердце, мелькнула смутная мысль, все закружилось в голове, и она в беспамятстве упала ничком на землю.

Марк закричал, прибежали рабы, подняли госпожу и понесли к ее брату Крассу.

В этот день Марк не пошел в школу.

Глава XXIX

Гракх пришел со своим отрядом на Авентин в то время, когда Фульвий, заняв возвышенность, повелел рыть ров и возводить вал.

Тысячи людей работали молча; одни выбрасывали снизу землю, другие укрепляли ее, утрамбовывали, иные таскали бревна для устройства бруствера.

Флакк распоряжался работами, бегал по Авентину, прикрикивал, шутил, ободрял людей. Увидев Гая, он подошел к нему.

— Сколько у тебя человек?

— Не больше сотни. Остальные подойдут с Леторием. Опасаясь нападения, я разделил отряд на несколько частей. К ним, конечно, присоединятся ремесленники и рабы.

— Хорошо. Разреши мне распоряжаться работами и руководить битвой: я — заслуженный воин, и потому опытнее тебя.

Гракх смутился: уверенность, с которой Фульвий говорил о столкновении, поколебала его надежды на мир. Тем не менее он сказал:

— Я хочу предложить неприятелю перемирие.

Флакк усмехнулся:

— Попробуй, но я уверен, что Опимий откажется. Ему важно раздавить нас. Не следует забывать, что враг изворотлив, он может напасть внезапно. Поэтому я возьму твоих людей и выставлю заслоны со стороны Капуанских и Раудускуланских ворот. Неподалеку от Аппиевой дороги стоит Помпоний. Противник, очевидно, нападает на участки южнее храма Меркурия: отсюда самый удобный подступ.

— Бери людей, — согласился Гай, — но я все же настаиваю на перемирии.

— Кого же послать?

Взгляд Гракха упал на Квинта, который, задумавшись, грустно стоял под деревом. По лицу юноши катились слезы, которые он поспешно утирал, чтобы никто не видел его горя.

— Пошли с жезлом мира Квинта, — предложил Гай, — я думаю, что один вид его подействует на оптиматов, и они откажутся от борьбы.

— Сомневаюсь. Впрочем, делай, как находишь нужным, — и Фульвий, позвав сына, повелел ему собираться в лагерь противника.

Гракх смотрел на работу людей, на Тита и Мания, усердно копавших ров, на Квинта, который уходил, сопровождаемый Молестом и Афродизием, на отряды, подходившие к Авентину, и думал: «Я хочу избежать братоубийства, а мне его навязывают. Неужели прав был Фульвий, убеждая перебить оптиматов, когда латины и союзники стекались в Рим? Неужели прав?..»

Леторий прибыл с самым большим отрядом. Окинув глазами Авентин, он сказал:

— У нас несколько тысяч, и я советовал бы двинуться на форум, напасть на Опимия. К нам присоединятся рабы и вольноотпущенники.

Но подошедший Флакк воспротивился.

— Ты забываешь, — воскликнул он, — что у них обученное войско — тяжеловооруженные манипулы и критские стрелки! Они раздавят нас прежде, чем мы подойдем к форуму.

Хлоя трудилась наравне с рабами; от непривычки к мужской работе она устала — с лица катился крупными каплями пот. Гракх оторвал ее от рытья земли:

— Отдохни. Отойдем к храму.

Македонянка взглянула на Гая с такой любовью, точно хотела вобрать его, растворить в своей груди. Она последовала за ним, следя за каждым его движением. Они уселись на ступенях храма Дианы, в безлюдном месте. Голоса доносились слабо, и только бас Фульвия выделялся с необыкновенной силой:

— Рой глубже, что заснул?

Или:

— Поворачивайся живее! Маний, выставь караулы на всех подступах. Эмилий, свяжись с отрядом Помпония, а ты, Тит, с Леторием!..

Гракх слушал в глубокой задумчивости. Хлоя прижималась к нему, он чувствовал биение ее сердца на своей груди, сжимая ее руки, огрубевшие от работы, гладил ее лицо.

— Гай, — шептала она, впервые называя его по имени, — поцелуй меня, ободрит... Может, мы никогда больше не будем вдвоем...

Он привлек ее к себе:

— Послушай, уходи отсюда, пока не поздно, вернись к моей матери, будь утешительницей ее на старости лет, позаботься о маленьком Марке.

Македонянка отрицательно покачала головой.

— Только с тобой, — твердо сказала она, — наши жизни связаны в крепкий узел, которого никто не развяжет: только меч...

Издали донесся голос Флакка:

— Гай, торопись! Квинт возвращается...

Когда Гракх подходил с Хлоей к окопам, юноша уже стоял перед отцом с грустным выражением на лице.

— Ну, что они сказали? — спросил Гай. — Ты видел Опимия и Друза?

— Видел обоих, — ответил Квинт, — они были на форуме среди сенаторов. Я обратился к консулу с предложением перемирия, умолял его сжалиться над гражданами, кровь которых прольется с обеих сторон, но Опимий засмеялся: «Гражданин у вас пять с половиной человек, половина — ты, — ткнул он меня кулаком в грудь, — а остальные — рабы, сброд, сволочь! Кровь ваша послужит удобрением для моих виноградников». Я обратился к сенаторам, просил, умолял; они молчали. Один только Метелл сказал со вздохом: «Мы обсудим твое предложение», но консул перебил его: «Отцы-сенаторы, вы поручили мне свергнуть тирана, и я призвал вас к оружию. Приказываю повиноваться мне на время войны. Бунтовщики должны сперва явиться перед судом, а затем просить о сложении наказания». И, обращаясь ко мне, крикнул на весь форум: «Квинт, сын Марка Фульвия Флакка, сторонника тирана, объявляю тебе публично: не оскорбляй нас и сенат своим дерзким присутствием, не смей являться к нам иначе, как с изъявлением покорности мятежников!» Тут Опимий и все сенаторы отвернулись от меня.

Гракх молчал.

— Не говорил я, что будет так? — засмеялся Фульвий. — Даже Метелл не смог ничего сделать...

Работа на Авентине плохо спорилась; люди попали на каменистую почву, уставали и часто отдыхали. Нужно было выиграть время, и Флакк вторично послал сына к Опимию.

— Скажи ему — мы согласны разойтись по домам...

— Хорошо, — вздохнул Квинт, — но теперь они меня убьют: Опимий приказал, чтобы я не смел являться иначе, как с просьбой о помиловании.

— Он не посмеет тронуть неповинного человека!

— Я — сын Фульвия Флакка!

— Что ж? Сын не должен отвечать за поступки отца.

Квинт повиновался со стесненным сердцем. Образ Асклепис ярким видением возник перед ним.

Шатаясь, как пьяный, добрался он с Молестом и Афродизием до форума — и обомлел: тяжеловооруженные воины стояли прямоугольником, разделенным небольшими промежутками на манипулы, о двух центуриях каждый.

Опимий кончал речь, когда к нему подошел Квинт.

— Итак воины, — заключил он, — порядок прежде всего! Мы не желаем, чтобы тиран губил дорогое отечество, пятнал свои руки драгоценной кровью римлян!

Слова его были прерваны восторженными криками.

Консул обернулся к Квинту и вспыхнул:

— Посмотрим, с какими речами приходишь ты теперь? Принимают бунтовщики мои условия?

— Гай Гракх велел передать, что распустит народ по домам, если ты прекратишь сбор войска; ведь усмирять-то будет некого!

Опимий рассмеялся:

— Мне надоели эти бесцельные переговоры. Неужели ты думаешь, что я позволю тебе, гадкий щенок, издеваться надо мною, консулом и вождем народа? Нет, ты ответишь по законам республики!

Он повернулся к ликторам:

— Взять его под стражу, а рабов при народе бить нещадно скорпионами.

Глава XXX

Консул приказал играть сигнал к выступлению.

Корницен, воин с большим спиральным инструментом из зубрового рога, оканчивающимся раструбом над его головой, вышел на середину форума и затрубил. Центурионы заняли свои места, трибуны подали громкими голосами команду. Опимий стал во главе, и легион выступил тяжелым шагом, от которого гулко сотрясалась земля.

Вслед за легионом двинулись из-за храма Кастора полупьяные критские стрелки. С утра их напоили вином, смешанным с миррой, внушили, что бунтовщики посягают на их жизнь и оружие, и ярость воинов, усугубленная речью Опимия, превратилась в неистовство, которое с большим трудом сдерживали начальники.

Лучники шли, грубо ругаясь. Они оскорбляли сенат непристойными словами за то, что он не распорядился перебить бунтовщиков раньше, затрагивали встречавшихся по пути матрон бесстыдными предложениями и угрожали греческим торговцам разграбить их лавки.

Разделив легион на две части, Опимий послал один отряд на Аппиеву дорогу, где, по донесениям лазутчиков, стоял Помпоний, а другую часть, рассыпав отдельными центуриями на участке от храма Меркурия до храма Дианы, бросил на приступ, влив в интервалы треть критских лучников. Остальные стрелки были отведены в засаду, за рощу.

Увидев наступавшего врага, Фульвий встретил его градом камней, а затем повелел скатывать под откос бревна, метать дротики и копья. Леторию было приказано ударить врага с фланга.

Леторий вывел свой отряд в тыл противника (обстановка не позволила исполнить приказание) и, напав на воинов, расстроил их ряды. Он перебил большую часть наступавших стрелков, а остальных обратил в бегство и готовился начать преследование, но в это время Помпоний, теснимый врагом со стороны Аппиевой дороги, загородил, отступая, ему путь. Консул воспользовался замешательством мятежников и двинул в бой балеарских пращников и остальных стрелков.

Запели стрелы, зазвенели камни о щиты, слышались крики, вопли. Лучники и пращники шли, а стрелы пели, камни свистели, и эта звонкая музыка, несущая потери, приводила рабов и плебеев в ужас, расстраивая ряды.

Легионарии обходили гракхов с флангов. Они занимали уже Авентин, и Флакк, отступая, решил с сотней храбрецов прорваться сквозь цепь критских стрелков. Рядом с ним бежали Люций и македонянка, которую Фульвий видел с Гракхом.

— Где Гай? — крикнул он, замедляя шаг.

— Не знаю, — упавшим голосом вымолвила Хлоя, — я потеряла его...

В это время Опимий, обнаружив отряд Флакка, послал ему наперерез триариев, поседевших в битвах.

Бой начался у храма Меркурия.

Хлоя, отбиваясь тяжелым мечом от двух легионариев, быстро устала и была заколота копьями на глазах Фульвия. Лежа навзничь, чувствуя железо, пронзившее грудь, она думала о Гае и шептала запекшимися губами благодарственную молитву богам за смерть, посетившую ее раньше любимого.

Тут же сражались эфиопка и финикиянка. Старуха, поразив мечом воина, бросилась на него, как гиена, и вырвала с бешеным хохотом глаза из его орбит. Длинные скрюченные пальцы с черными ногтями, похожими на когти, копошились в крови, и это было до того страшно, что Люций вздохнул, когда копье, брошенное сильной рукой, пронзило грудь эфиопки.

Финикиянка, ловко прикрывая тело щитом, шла вперед. Ее меч звенел, она визжала пронзительным голосом при каждом ударе:

— Это вам за Карфаген!

Три дротика вонзились ей в грудь, и темные черенки их обхватили безжизненные, вдруг ставшие женскими, руки.

Видя, что все потеряно, Фульвий и Люций побежали в сторону домов, где, казалось, скрыться было легче. Они слышали за спиной тяжелые шаги легионариев, пение стрел, но бежали, задыхаясь, почти падая от усталости.

— Отец, сюда! — крикнул вдруг Люций, остановившись перед лаватриной.

Они бросились внутрь, завалили дверь скамьями. Скоро дверь затрещала от бешеных ударов снаружи. Били чем-то тяжелым: казалось, огромное стенобитное бревно с остроконечной бараньей головой, раскачиваемое посредством канатов, било снаружи.

Вскоре дверь рухнула. Воины в кожаных шлемах, обитых медью, лезли через сооруженную преграду.

Люций и Фульвий схватили дубовую скамью и, раскачав ее, швырнули в легионариев. Мечи их покрылись кровью. Она скатывалась с лезвий крупными рубиновыми каплями. Воины раскидывали скамьи, разрушали преграду, стараясь проникнуть внутрь.

Когда прибыл Опимий, он повелел зажечь лаватрину и броситься на приступ. Приказание было немедленно исполнено. Воины, застревая между скамей, падали, спотыкаясь, лезли вперед — их бешено рубили Фульвий и Люций.

А легионарии прибывали. Один из них метнул тяжелое копьё: уклоняясь, Люций споткнулся, что-то ударило его по голове, и ночь заволокла глаза.

Флакк, окруженный со всех сторон, защищался, как лев, его меч, сверкая, рубил направо и налево, пока подкравшийся сзади воин не нанес ему удар между лопаток. Фульвий пошатнулся, но нашел в себе силу повернуться и поразить врага насмерть.

Опимий стоял, глядя на медные языки огня, лизавшие лаватрину, и ему казалось, что они похожи на рыжие кудри Никополы, гетеры — *διαίτρος* — наглой упитанной толстухи. Две головы, прыгая, как тяжелые мячи, по влажной дорожке, подкатились к ногам консула. Недоумевая, он взгляделся и — вздрогнул: это были головы Фульвия и Люция. Он отвернулся и пошел быстрым шагом к Авентину. Ему показалось, что консулярный муж подмигнул, а сын его скривил губы в презрительной усмешке.

Дверь рухнула...

Глава XXXI

Авентин был очищен. Груды трупов лежали на склонах холма, обагрив кровью влажную землю. В плен не брали, а убивали на месте — человеческая жизнь не стоила и унции, и Минерва, изображенная на ней, олицетворяла не Рим, город закона и права, а притон разбойников.

В начале боя Гай удалился в храм Дианы. Он слышал бешеные крики, звон оружия и жалел, что отказался от советов Фульвия.

«Оптиматы дорожат властью, богатством, — думал он, — боятся, что я уничтожу все это... Все началось с Карфагена... Нет, это был только предлог, чтобы низвергнуть меня, народного трибуна...»

Он остановился перед статуей Дианы, отлитой из бронзы. На строгом лице богини лежала тайна заоблачных дум.

— Нужно умереть, — шепнул он, — скоро там все будет кончено...

Он выхватил кинжал, нащупал сердце и замахнулся, но чья-то рука схватила его сзади.

— Подожди, — услышал он голос Помпония, — бежим!.. Не лучше ли сохранить себя для будущей борьбы, чем бесславно погибнуть?

— Ты один? А где Леторий? Где Фульвий и Хлоя?

— Леторий здесь, он сторожит у входа... Фульвий и Люций, говорят, погибли, а Хлоя — неизвестно где.

— Она тоже погибла, — вымолвил Гракх, — иначе была бы здесь...

— Бежим! Филократ тоже здесь...

Гай покачал головой.

— Зачем бежать? — ответил он. — Скажи, много погибло?

— Все погибли. Бежим, пока не поздно!..

Равнодушие к жизни, к борьбе, которую он так любил, для которой пожертвовал лучшими силами, привязанностью, придавили Гракха. Он пошел с друзьями, не стараясь держаться мест, укрытых от глаз противника.

Неподалеку от деревянного моста через Тибр они обнаружили погоню. Центурион во главе отряда шел усиленным маршем.

Гай понял, что спасение немислимо, и опять хотел лишиться себя жизни, но друзья сказали:

— Беги с Филократом, а мы задержим неприятеля!

Помпоний и Леторий остановились на мосту с обнаженными мечами. Тут некогда, по преданию, Горацій Коклес один удерживал долгое время этрусское войско. Перед глазами друзей возникла картина, виденная в доме Гракхов: Минерва помогает римлянину.

— Богиня! — воскликнули они. — Помоги нам отразить нападение!..

Минерва не помогла. Центурия набежала сомкнутым строем — десятки мечей опустились на их головы, тела были изрублены и брошены в Тибр.

— Вперед! — крикнул центурион и обратился к Септимулею, который сопровождал отряд, надеясь получить голову Гракха (за нее была объявлена консулом награда золотом по весу). — Как прикажешь, господин: захватить их живьем или убить на месте?

— Делай, как хочешь, — пожал плечами Септимулей, — только смотри, чтоб не улизнули.

Смеркалось, когда Гай добежал до роши, посвященной Эриниям: дальше он идти не мог (поскользнувшись у моста, он вывихнул себе ногу) и, тяжело дыша, опустился на влажную землю.

— Брат Филократ, — молвил он, — слышишь, враг приближается?

— Подождем.

Голоса легионариев доносились все ближе.

Филократ, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, обнял трибуна и пронзил его мечом. А затем сам бросился на обагренный кровью дружеский клинок.

Воины нашли Гракха и Филократа в объятиях друг друга. Они были еще живы, но никто не мог нанести удар Гаю, пока не был умерщвлен Филократ, прикрывавший его своим телом.

Центурион отрубил Гракху голову и попытался унести ее, чтобы получить награду, но Септимулей воспротивился.

— Голова принадлежит мне, — сказал оптимат, — по приказанию консула я — и только я — должен доставить ее. А ты, — прибавил он, — получишь повышение по службе.

Центурион молчал: спорить он не решался, боясь мести всесильного оптимата, и только досадовал на себя, что не задержался на мосту, не дал Гракху уйти.

— Тела бросить в Тибр, — донесся с моста голос Септимулея. — Пусть рыбы и раки позаботятся о народном трибуне!

Глава XXXII

Приобретя в Арпине лошадь, Марий выехал за город ранним утром. Бледно-васильковое небо, пронизанное багряными лучами солнца, казалось огромной чашей, опрокинутой над землей, и два-три прозрачных облачка, заблудившихся, точно овцы, в широком поле, медленно двигались, как бы в поисках своего стада. Мягкая пыльная дорога лежала между полей, вспаханных деревянным плугом, и пропадала за рощей, прижавшейся к полноводному ручью. Было тепло, и Марий, освободившись от тоги, ехал в одной тунике, понукая коня.

«Как радостно, как прекрасно это небо и солнце, и как противна наша рабская жизнь», — думал он, озираясь на поля и рощи и стараясь забыть кровавую борьбу на Авентине, но мысли упорно возвращались к ней, и окружающая природа, казалось, тускнела, становилась пасмурной.

События в Риме произвели на него тяжелое впечатление: он видел избиение гракхов, но не примкнул к ним, хотя и ненавидел оптиматов: «Зачем было подвергать себя преследованиям? Что могла сделать кучка людей против легиона? И на что надеялся Гракх? На помощь богов, на помощь Копьедержательницы

Минервы?» Он усмехнулся, покачал головой: «Патриции поступили с плебсом слишком жестоко: перебили более трех тысяч, трупы бросили в реку, имущество отняли, а вдовам запретили носить траур. Говорят, у Лицинии, жены Гая, они отобрали даже приданое, а Квинта, сына Фульвия Флакка, казнили. Но никто и ничто не может запугать плебеев: придет время, и враги ответят за каждую пролитую каплю крови».

К вечеру подъехал к усадьбе родителей и спросил старика, который вбивал колья в землю, строя изгородь, где они живут.

— Я — Марий, — сказал старик, приподнявшись с земли, и взгляделся в приезжего. — Здоров я или мутится у меня в голове, — бормотал он, вставая на ноги, — только этот человек... похож...

Марий спрыгнул с коня.

— Не узнаешь, отец?

Старик всплеснул руками, и крупные слезы покатались по бронзовому лицу.

— Ты? Я так и знал, я знал, — говорил он, обнимая сына. — Дождались! Боги вняли нашим мольбам. Фульциния! — закричал он. — Сюда! Сын приехал!

Старуха выскочила из-за деревьев, белая от мучной пыли, как мельничиха, и бросилась к сыну: она обхватила его обеими руками, прижалась к нему, плача от радости, и голова, волосы и туника Мария побелели в одно мгновение.

— Фульциния! Что ты делаешь? — воскликнул старик. — Погляди на сына: он постарел на сто лет!

Все засмеялись. Марий, улыбаясь, отряхивался от мучной пыли.

— Ну, как живете? — говорил он, надевая тогу. — Гракхи наделили пахарей землей, а сами погибли...

— Погиб Тиберий, но Гай...

— И Гая умертвили злодеи... Наступит время...

Старик растерялся: сын, военный трибун, заслуженный воин, повторял те же слова, что и несколько лет назад, так же злобно кривил губы.

— Кто теперь будет защищать плебс? — говорил Марий, отводя коня на зеленую лужайку. — Теперь патриции прижмут. Опять наши земли перейдут к ним...

— Не дадим! — воскликнул старик. — Гракх кровью заплатил за землю... Тит и Маний уехали в Рим защищать Гая Гракха...

Марий молча отвернулся от отца.

— Не слыхал о них? — спрашивал старик. — Они должны были побывать у тебя...

— Они ночевали четыре ночи, на пятую ушли...

— Куда?

— Куда все уходили...

— Говори толком!

— Они погибли на Авентине...

— Что ты говоришь? Ты видел их трупы?

— Нет, но я там нашел окровавленный молот Тита и ножницы Мания: вот они!

И Марий вынул из кожаной сумки ржавый молот и большие черные ножницы и бросил на землю.

Старик нагнулся и, покачивая головой, любовно погладил инструменты своих друзей.

— Погибли, — шептал он, — такие люди погибли! Стрелы пунов, копья рабов пощадили их, а богачи убили их на родине... О Юпитер! Где твоя справедливость? О Минерва! Где твоя помощь и сила?

Фульциния, узнав о гибели Тита и Мания, долго не решалась пойти к их женам с этой страшной вестью. Потом тихо вышла из дома, оставив дверь открытой настежь.

Марий молча сидел за столом и пил с отцом кислое римское вино. Изредка они перебрасывались односложными словами. Вино в бочонке убывало. Лучина, мигая длинным лоскутом огня, чадила.

— Противная жизнь, — сказал сын, звякнув тяжелым мечом. — Богачи наглеют: у них сила. Нужно ждать...

— Чего?

— Лучших времен. Когда объявится вождь-мститель и вырежет патрициев...

— Сын мой, что ты говоришь? Ведь ты трибун...

— Отец! Я ненавижу оптиматов, всадников, сенат. Я ненавижу Рим патрициев. Честных, доблестных и славных мужей не осталось после смерти Сципиона Эмилиана!

Глава XXXIII

Люций Опимий праздновал в своей загородной вилле победу над гракхами. Сначала он хотел устроить пир в Риме и пригласить сенаторов и патрициев, но потом раздумал, опасаясь мести народа, и решил, по совету Ливия Друза, позвать нескольких оптиматов, двух-трех знаменитых гетер, флейтисток и танцовщиц.

За два дня до пиршества виллу приводили в порядок — мыли, чистили, стены и потолок убирали цветами, расставляли статуи, развешивали мифологические картины, изображения нагих дев, сатиров, неистовых менад, а одну комнату, для избранных, — комнату отдыха — приготовили в восточном вкусе, устлав коврами, разложив на них подушки.

Гости стали собираться пополудни. Сперва приехали Ливий Друз и Скавр, затем Люций Кальпурний Пизон, Гай Фанний, Публий Рутилий Руф, Квинт Метелл Македонский, Аристагора, Никопола, флейтистки, танцовщицы и, наконец, Люций Корнелий Сулла, окруженный шутами, мимами, канатными плясуньями и огнеглотателями.

Это был невзрачный прыщавый юноша, с неприятными голубыми глазами, то насмешливыми, то угрюмыми, с вздернутым к носу подбородком. Он вошел в атриум с мрачным лицом, поклонился гостям и, увидев свою любовницу Никополу, толстую гетеру с мясистыми икрами и высокой грудью, подошел к ней.

— Скучно мне, Никопола! — шепнул он по-гречески. — Все эти люди пресмыкаются один перед другим, особенно Друз и Скавр. Поедем домой.

— Подождем, Люций! Не следует обижать гостеприимных хозяев... Ты думаешь, будет скучно? Посмотри на танцовщиц, флейтисток...

— Они хороши, — небрежно произнес Сулла, потирая переносицу, и вдруг засмеялся. — Взгляни на Скавра. Разве он похож на доблестного мужа далеких времен? Посмотри, как он важно прохаживается, управляет свою тогу, не заглядывается на молодых танцовщиц и флейтисток. А сенат, это презренное стадо старых дураков, без ума от него.

— Ты не любишь Скавра, но Друз...

— Что мне этот льстец? Не спорю — он умен, и я уважаю его за спасение государства... от Гракха.

Он оглядел исподлобья гостей, и взгляд его упал на Аристагору. Она показалась ему богиней любви, недостижимой мечтой, солнцем, радостью жизни. Рядом с ней стоял Опимий и что-то говорил, их окружали сенаторы, а Скавр важно беседовал с Ливием Друзом.

— Каждый раз, как я смотрю на Аристагору, — говорил Сулла, отталкивая от себя шута-карлика, который, кривляясь, хватался за его тогу со словами: «Дырява, дырява! Подружка зашьет тебе своими волосами!», — я испытываю возвышенное чувство преклонения и своей человеческой ничтожности. Это небесная красота, божественная идея...

— А я? — обиделась Никопола, поджав пухлые губы.

— Ты — земная красота, все в тебе тяжело и грузно: и грудь, и ноги, и икры.

В это время канатная плясунья, укрепив толстую веревку на вышине двери, протянула ее вдоль атриума, зацепила за балку над таблиниумом и, вскочив на нее, побежала со смехом над головами гостей.

Это была стройная, худенькая девочка-подросток, с большими черными глазами, в коротенькой тунике и во фригийской шапочке. Босые, голые до колен ноги мелькали в воздухе, смуглые руки трепетали, как крылышки Амура.

Она очутилась над Суллой, шепнула:

— Что прикажешь?

— Крикни привет Аристагоре.

Канатная плясунья побежала по веревке к толпе, окружавшей гетеру, и ее звонкий молодой голос радостно прозвучал в атриуме:

— Привет божественной из божественных! Госпоже Аристагоре шлет его мой господин Люций Корнелий Сулла!

Аристагора взглянула на прыщавое свиноподобное лицо патриция, встретила ясным взором с мрачными глазами, в которых вспыхивало восхищение и, преодолев отвращение, улыбнулась светлой невозмутимой улыбкой.

— Привет благородному патрицию! — поклонилась она. — Да хранят тебя всеильные боги!

Сулла подошел к ней быстрой походкой и, не обращая внимания на Люция Опимия, который беседовал с гетерой, спросил ее о Пергаме, о Гиппархе, о смерти Сципиона Назики.

— Я рад, — заключил он, — что такая умная, прекрасная женщина оживляет наше грубое общество.

И, поклонившись, отошел к шутам и мимам.

— Послушай, Люций, — услышал он прерывистый шепот и, обернувшись, встретился глазами с Ливием Друзом, — ты очень дорожишь этой девчонкой?

Друз указывал глазами на канатную плясунью.

— А что?

— Следовало бы оживить общество. Ты не находишь, что скучно? Я прикажу рабам перерезать веревку...

Злобно-насмешливые огоньки сверкнули в мрачных глазах Суллы.

— Ты хочешь крови? — хрипло рассмеялся он. — Изволь. Ну а я хочу огня...

— Я не понимаю тебя, — смутился Друз.

— Я велю поджечь этот дом и на роскошном костре предать молодое тело сожжению. Тем более, — прибавил он, — у вас в обычае сжигать покойников...

Ливий Друз побагровел и, не дослушав его, поспешил прочь. Сулла, засмеявшись, протянул руки плясунье. Она легко спрыгнула и упала в его объятия с зазвеневшим радостью смехом.

Меж тем Люций Опимий приглашал гостей к столам. Рабы разносили кушанья.

Флейтистки заиграли на длинных флейтах, певцы запели греческую песню. На середину атриума выступили полуобнаженные танцовщицы. Легко переступая босыми ногами по мягким коврам, они закружились, гремя кроталлами.

Гости возлегли за столами, и началось пиршество. На среднем ложе разместились: на почетном месте, называемом *locus consularis*, Квинт Метелл Македонский и слева от него Гай Фанний и Люций Кальпурний Пизон; на левом ложе — Публий Рутилий Руф,

Марк Эмилий Скавр и Никопола, а на правом — амфитрион, Аристагора и Ливий Друз. Сулла же со своими шутами, мимами, канатными плясуньями и огнеглотателями занял второй стол, возлегши на почетном месте с любимой канатной плясуньей и шутом-карликом.

— Как жаль, что мы лишены радости видеть в своем кругу доблестного Публия Попилия Лентула, — притворно вздохнул Гай Фанний, обращаясь к сотрапезникам, — храбрый муж сражался на Авентине, получил много ран, но все же сенат не смог защитить его от черни. Ненависть плебса была так велика...

— А куда отправился благородный Попилий Лентул? — спросил Публий Рутилий Руф, искоса поглядывая на Никополу.

— Он уехал в Тринакрию, — со вздохом вымолвил Гай Фанний. — Покидая Рим, он молился богам, что-

бы ему никогда не пришлось вернуться в неблагодарное отечество...

— Но я думаю, что Лентул скоро утешится в Тринакрии, — зазвенел нежный голос Аристагоры, — тем более, что он отправился туда со своей любимой невольницей...

— Слово «любимая» выражает понятие неопределенное, — засмеялся Ливий Друз, — сегодня любимая, завтра может быть нелюбимой и наоборот. Для меня нелюбимой становится та женщина, которая нарушила равновесие моей души своей холодностью.

Все засмеялись, только одна Аристагора сурово собрала тонкие брови.

*Сулла протянул руки
плясунье*

— Любовь — понятие возвышенное, — тихо сказала она, — я докажу вам, благородные мужи, на примере, что простое влечение не есть любовь. Была у меня в Пергаме подруга, которая влюбилась в римского военачальника. Она не находила себе места в доме — все думала о нем, тосковала,

а когда он приходил — оживала. Этот военачальник тоже полюбил ее, они часто виделись... Вскоре он умер. А она долго горевала и продолжала любить покойника такой же огромной любовью, как прежде, и обнимая любовников, воображала, что у нее в объятиях оживший покойник. Это духовное сближение и есть любовь.

— А может ли быть любовь только духовной? — воскликнул Публий Рутилий Руф, взяв с репозитория жареного цыпленка, и шепотом прибавил, наклонившись к Никополе: — Ты ничего не кушаешь...

— Благодарю тебя.

— Нет, — говорила Аристагора, — только тело влияет на душу, приводя ее в должное сотрясение, как говорил божественный Платон.

— Ты отвергаешь свои предыдущие слова, и значит любовь — это нечто иное...

А за столом Суллы беседа была иная: привлекая к себе канатную плясунью, Сулла потчевал ее свининой, поил вином, обнимал. Слушая пьяные возгласы шутов и мимов, он думал, что пир у Опимия — напрасная для него, Суллы, потеря времени: «С Никополой, в обществе этих дураков, мы получили бы гораздо больше удовольствия. Аристагору я хочу иметь — она богоподобна. О Юнона, Венера, все богини, помогите мне в этом деле!»

Пьяные шуты выкрикивали наперерыв загадки:

— Кто любит девчонку утром, днем не видит, а вечером некогда?

— Какая метла не видит огня?

— Какие губы на вкус у девушек?

— Отгадывай, господин!

Сулла засмеялся — толстые чувственные губы раздвинулись, мрачные глаза повеселели:

— Первая загадка проста. Муж, любящий девчонку только утром, — оптимат: днем ему некогда — занят на государственной службе, вечером пирует в кругу друзей, ночью спит и, только проснувшись утром, может уделить время любовным утехам.

— Верно, — воскликнул красноносый шут. — Я придумаю что-нибудь потруднее...

— Вторая загадка, — продолжал Сулла, — еще проще: метла, которая не видит огня, находится на ступенях храма Весты; ею не метут храма, потому что храм моют весталки, и она не видит вечного огня, — метет только ступени...

— Ты мудр, — пробормотал шут-карлик, — еще не было случая, чтобы ты не отгадал.

— А третья, — смеялся Сулла, — самая легкая и самая трудная: вкус девичьих губ неодинаков, потому что каждый любовник будет говорить свое, а как его проверишь? Вкус девичьих губ изменчив; он зависит от душевного состояния девушки... И все же я скажу... (Он привлек к себе канатную плясунью, впился ей в губы)... что у многих девушек губы горьки на вкус... и у тебя тоже, моя маленькая птичка!

Наступила тишина: амфитрион приносил жертву ларам. Рабы и невольницы убирали со столов посуду, смешивали в кратерах вина с водой. Флейтистки в коротких разноцветных туниках окружили столы; вбежали полунагие танцовщицы — стройные, гибкие тела закружились быстро, стремительно, загремели кроталлы, покрывала упали к ногам девушек, две-три светильни погасли, и в розовом полумраке потянулась вереница нагих широкобедрых девушек.

Люций Опимий поднял серебряный кубок.

— Друзья, — громко сказал он, оглядывая гостей быстрым взглядом, — сегодняшней день принес нам

окончательное подавление противосенатского заговора Гая Гракха. Нам было мало уничтожить ядро бунтовщиков, мы решили выкорчевать все, что могло дать ростки: мы вели следствие и теперь знаем: никто больше не угрожает сенату. Поэтому я стал сооружать «Храм Согласия», а пиршество устроил в ознаменование мира в республике и освобождения от смут, в которые ввергли наше отечество преступные братья Гракхи.

— Да здравствует Люций Опимий! — закричал Ливий Друз так громко, что Аристагора вздрогнула. — Да здравствует римский сенат!

Светильни вспыхнули и осветили нагих танцовщиц, приближающихся к столам. Белые и бронзовые тела плыли будто по воздуху, кроталлы дребезжали чуть слышно, флейты плакали...

Пьяные гости вскакивали и, грубо хватая девушек, тащили к ломам. Взвизгивания, смех, ругань — все слилось в такой шум, что Сулла, задремавший за столом, проснулся. Он вскочил, огляделся и, бросившись к юной флейтистке (спьяну не отличил одетой от нагой), потащил ее в дальнюю комнату.

Гости захлопали в ладоши и поспешили за ним.

Аристагора поднялась с ложа, кликнула рабов. Они надели ей на ноги башмаки, помогли встать.

Через несколько минут она полулежала в лектике, которую несли рослые рабы, направляясь к таверне. Здесь гетера надеялась нанять лошадей, чтобы добраться до Рима.

Глава XXXIV

Геспер и Люцифер прискакали в Рим с большим опозданием после избиения гракхов.

В Остии ходили разноречивые слухи: одни утверждали, что Гай захватил власть и стоит во главе республики, другие — что он убит и сторонники его погибли, третьи — что сенат заключил с Гракхом мир,

сделав ему ряд уступок. Однако настоящее положение в республике стало известно с прибытием в Остию посланца от сената. Однажды утром оба вольноотпущенника были поражены громкими криками глашатая:

— Граждане, слушайте! Бунтовщики Гай Гракх, Фульвий Флакк и их сторонники перебиты. Они пошли против власти! Горе гражданам, злоумышляющим против сената!

Ошеломленные, они быстро собрались в путь и выехали через несколько часов.

Глухая ночь окутывала Рим, как ветхая тога с мелкими булавочными прорезами, сквозь которые сверкали серебряные песчинки звезд. Пустынные улицы были темны, как ямы, и только на площадях тускло горели светильни, чадя и потрескивая. Запах бараньего жира был неприятен.

— Переночуем в гостинице, — сказал Геспер, — а завтра разыщем госпожу.

Они нашли небольшую гостиницу, дешевую и грязную, и завалились спать. Но сон их был тревожен: насекомые не давали спать.

Проснувшись на рассвете, вольноотпущенники сели на коней и поехали по направлению к Эсквилину.

На рыбном рынке, на площади *Septa* и на *Via Sacra*, несмотря на раннее время, народу было так много, что прохожим приходилось проталкиваться, усиленно работая локтями. Геспер и Люцифер продвигались с большим трудом. Роскошные лавки, палатки менял были наводнены людьми разных народностей; вдоль улиц, возле домов, и на перекрестках находились будки торговцев, и их было так много, что они стесняли движение; разносчики съестных припасов обращали на себя внимание пронзительными криками: восхваляя свой товар, они приставали к гражданам, предлагали его по самой низкой цене, а особенно нахальные навязывали, хватая прохожих за полы тог, иные осыпали бранью тех, кто отмахивался от них.

Проехав по улицам торговцев зерном и дровами, вольноотпущенники пересекли кварталы сыромятников, сандальщиков, гончаров и очутились на пустынном месте.

Впереди был Эсквилин, с чистенькими нарядными домиками, окруженными деревьями, а за ним огромным зеленым пятном леса и кустарника возвышался Виминал с огромными садами, прудами, искусственными гротами и беседками.

— Эсквилин и Виминал — лучшие места Рима, — сказал Геспер, обращаясь к своему спутнику, но Люцифер был оглушен городом, придавлен его деловой толчеей, и голова у него шла кругом; он озирался по сторонам с какой-то растерянностью; в Остии было тоже шумно, но не так, как в Риме: город мира казался рыжебородому вольноотпущеннику кипящим котлом.

Их ожидало печальное зрелище: вместо дома патрона чернели обугленные бревна и балки; все было разрушено, покрыто толстым слоем пепла, в котором рылись две-три рабыни.

Геспер спешил и расспросил невольниц о госпоже.

— Горе нам, горе! — воскликнули они. — Господин и его сыновья убиты, госпожа сбежала, а куда — не знаем, слуги и рабыни...

— А дом? Почему сожжен?

— Толпа разграбила... пьяная толпа... Власть отдала ей этот дом... Гракх погиб, и его дом сожгли.

Вольноотпущенники стояли бледные, растерянные. В Риме было страшно. Они ощущали трепет, пробежавший по жилам, и, думая о гибели своего патрона и его семьи, о разграбленном имуществе, приходили в ужас.

— Бежать отсюда, бежать! — шепнул Люцифер.

Но Геспер воспротивился:

— А мечь?

Вечером они добрались до Раудускуланских ворот, ведя лошадей за уздцы.

Рим затихал. Отдаленный шум и говор еще смутно долетал из плотно населенных улиц, из домов и гостиниц, но мало-помалу устанавливалась тишина, предвестница вечернего отдыха и покоя.

Геспер и Люцифер вошли в таверну, сели за стол у входа и потребовали вина. В раскрытую дверь белели колонны дома Аристагоры, а верхняя часть его пропадала во мраке. Порывистый ветер врывался в таверну.

Не сводя глаз с колонн, вольноотпущенники молча пили. Выйдя на улицу, Геспер шепнул:

— Стереги лошадей, а я сам справлюсь.

Люцифер облегченно вздохнул: он трусил и боялся испортить все дело.

Черная ночь проглотила Геспера, точно он провалился в бездну; Люцифер остался один.

Геспер обошел дом и проник в садик. В перистиле был свет, и вольноотпущенник, притаившись, наблюдал за рабынями, которые вытряхивали тюфяки, готовясь ко сну. Когда же они на мгновение удалились, он бросился вперед, спрятался за колонну и, сняв с себя калиги, прошел на цыпочках в таблиниум, а оттуда — в атриум. Аристагоры нигде не было.

Он задумался и, догадавшись, что она, вероятно, легла, вернулся в перистиль.

В это время боковая дверь приоткрылась, грудной голос коснулся его слуха:

— Не забудь запереть двери.

При свете огня он увидел богоподобное лицо гречанки, ее грустные глаза, и легкое восклицание сорвалось с его губ: он узнал ее.

— Кто здесь? — с испугом вскрикнула Аристагора.

— Не бойся, госпожа, это — ветер...

— Нет, — воскликнула гетера, направляясь к колонне, за которой стоял Геспер. — О всемогущие боги! — вскрикнула она, увидев его тень. — На помощь!..

Из-за колонны сверкнуло лезвие кинжала: холодный клинок, острый, как бритва, пронзил ее сердце. Она упала легко и неслышно, и рядом с ней что-то звякнуло и откатилось. Геспер нагнулся, схватил круглую вещь и бросился в сад.

— На помощь! — кричали рабыни.

В одно мгновение сад наполнился людьми; они бросились на Геспера, пытаясь его схватить, но вольноотпущенник, отчаянно работая в темноте оружием, пробивался на улицу. Выбежав к таверне, он огляделся, услышал легкий свист со стороны Раудускуланских ворот. Там был Люцифер, там ожидало спасение и воля.

Геспер бросился к воротам; в темноте виднелись фигуры лошадей и всадника.

Она упала легко и неслышно.

— Ты? — шепнул он.

— Я. Вторая стража прошла.

На улицу вырвались крики, и толпа рабов бросилась к воротам.

— На коней! — воскликнул Геспер. — Да хранят нас боги!

И они помчались, беспрестанно понукая лошадей, в глубь города, готовые убить всякого, кто бы осмелился их задержать.

Отъехав несколько стадий, Геспер остановил коня: только теперь он заметил, что был босиком.

— А калиги? — вскричал он. — Я забыл их в перистиле.

— Наденешь мои, — сказал Люцифер, погоняя коня. — А завтра себе купишь...

— Ну а ты?

— Я переночую где-нибудь под кустом в Виминале.

— А лошади?

— Продай, — посоветовал Люцифер и только теперь стал спрашивать об Аристагоре.

— Убита, — шепнул Геспер, — и если я не ошибся...

Они остановились на ближайшей площади.

Геспер разжал руку, и круглая гемма засверкала при тусклом пламени светильни. Он взгляделся в нее и протянул Люциферу:

— Узнаешь этого мужа? Это — Сципион Эмилиан, а убитая гетера — его любовница Лаодика. Я сразу узнал ее!

Глава XXXV

Корнелия находилась в Мизене, когда страшная весть об убийстве Гая и трех тысяч гракхов распространилась в окрестностях Неаполя.

Друзья, окружавшие ее, сомневались в достоверности слухов и молчали, не желая тревожить старую матрону: они опасались, как бы весть о гибели Гая не свела в гроб несчастную мать.

Однажды, прогуливаясь в саду, они остановились. Нечеловеческий вопль возник где-то близко и затих. На смену ему родился тревожный крик, и прерывистые слова посыпались одно за другим:

— Он? Убит? О боги милостивые! Гай мой, Гай!

— Это она, — молвил вполголоса философ, приехавший недавно из Рима.

— Идем, попытаемся ее утешить...

В атриуме, у имплювия, сидела Корнелия. Слезы катились по ее щекам, изборожденным морщинами: глаза тупо уставились в пространство, ничего не видя. В руке она держала свиток пергамента. Возле нее стояло несколько матрон. Они были в дорожных плащах (очевидно, не успели еще раздеться) и шепотом беседовали с гречанкой, на лице которой было написано такое горе, что стойки и философы растерянно переглянулись.

— Это Клавдия и Лициния, вдовы Гракхов, я сразу их узнал, — сказал философ, вглядываясь в матрон, — а это — Терция, супруга Фульвия Флакка... А эта гречанка — Асклепис, которую Флакк выдал замуж за своего сына Квинта...

Друзья молчали.

Корнелия поднялась, оглядела невесток спокойными глазами:

— Горе, как злой орел, растерзало мое сердце. Что мне делать? Бедный Гай! Покинутый всеми, он взывал к народу, помня о своей матери... Что он говорил? Повтори, Лициния!

Вдова Гая, сдерживаясь, чтобы не расплакаться, шепнула:

— Он говорил так на форуме: «Куда я, несчастный, денусь? Куда обращусь? На Капитолий? Но он полон крови брата. В дом? Чтобы увидеть свою несчастную рыдающую и униженную мать?»

— О, горе, горе!

Терция схватила край ее столы, прижала к губам.

— Госпожа моя, — молвила она, задыхаясь от слез, — все мы несчастны. Ты потеряла двух сыновей-героев. Клавдия — супруга, Лициния то же, я — мужа и двух

сыновей, Асклепис — супруга... Приюти нас у себя, защити от мести оптиматов, от происков врагов, которые прикидываются друзьями...

— Оставайтесь. Но что я могу? Республика — наша мать, и ее законы священны для всех.

— Госпожа! Республика погубила твоих детей...

Глаза Корнелии засверкали.

— Тиберий и Гай — великие мужи, — твердо выговорила она, — но родина дороже и славнее лучших своих сынов. Тиберий наделил пахарей землю, а Гай даровал плебсу, городскому и деревенскому, хлеб, работу, земли, ограничил власть сената...

Она заговорила вдохновенно, позабыв, казалось, о своем горе, и слова ее звучали в тишине, установившейся в атриуме, такой убедительностью, такой верой...

— Сыновья мои воздвигли себе огромные памятники в потомстве, — шелестел ее старческий голос, — большие памятники, нежели тот, что соорудил себе доблестный отец мой Сципион Африканский Старший. Они проливали кровь за родину в рядах народа, которым держится слава, честь, величие и доблесть Рима. Это были удивительные мужи, богоподобные герои, и я, носившая их в своем чреве, могла ли я помышлять о том, что рожу титанов, которые укажут путь борьбы для многих поколений?

В каком-то изнеможении она уселась опять и продолжала говорить о Тиберии и Гае, об их страданиях и деятельности, точно они были мужами глубокой древности:

— Утверждали, что Тиберий был мягок и нерешителен, но это неправда. Разве он не был храбрым воином, не отличился под Карфагеном, не показал твердость, волю и великодушие под Нуманцией? Разве он не пошел против сената, ратуя за благо деревенского плебса, разве он отступил от своего дела? Нет, он был тверд и решителен. Он был добр, и его доброту, любовь к человеку — будь то раб или плебей — злые недруги обратили в мягкость и нерешительность. Если б он был таков, то никогда бы не стал бороться с сенатом!

Она помолчала, вспоминая голубоглазого сына, и, прослезившись, продолжала:

— Правда, если сравнить Тиберия с Гаем, то старший сын покажется мягким: Гай был смелее, порывистее, вспыльчивее брата. Он умел бороться лучше Тиберия, он умел страстно ненавидеть, умел также любить. Они оба были великие герои, борцы, оба любили римскую республику. И я горжусь, — всхлипнула она, — что боги даровали мне таких сыновей, украшение моей жизни. А теперь оставьте меня... Тарсия накормит вас и покажет комнаты, где вы отдохнете.

Когда они выходили из атриума, Корнелия удержала Лицинию.

— А где мой внук? — шепнула она, сжав ее руку. — Неужели и он...

— Успокойся, госпожа, я оставила его в Риме, в семье Гая Семпрония Тудитана...

— Он жив? Поклянись!

— Клянусь Вестой!

Лициния ушла со стесненным сердцем и потом, сидя за одним столом со стойками и философами, слушала их осторожные речи о Корнелии и — молчала.

— Она не в себе, — говорил престарелый грек, вздыхая. — Так, как говорила она, не скажет ни одна мать!

— Мы слышали ее вопли... видели слезы...

— Горе не может смениться таким равнодушием или спокойствием... Она больна...

Философ, приехавший недавно из Рима, заглянул в атриум и, возвратившись на свое место, сказал, покачивая головой:

— Я был прав. Корнелия помешалась. Она читает... Подумайте, друзья, читать после такого горя!

Асклепис подняла голову.

— Не больна она и не рехнулась, — тихо заговорила гречанка, оглядывая сотрапезников быстрыми глазами. — Она крепка духом и волей и твердо переносит удары Фортуны.

— Но позволь, — читать теперь, тотчас же...

— Что она читает? «*Βιβλιον*» Гая Гракха. Так, в одиночестве, она беседует со своим сыном...

Все молчали. Потом тихо стали выходить из-за стола и на цыпочках, стараясь не шуметь, прошли в сад.

Дом погрузился в тишину.

Глава XXXVI

Оставшись одна, Корнелия развернула свиток пергамента и прочитала выведенный большими буквами заголовок:

Βιβλίον

Она смотрела на него несколько минут; она сразу узнала руку сына и думала: «Он писал, живая рука выводила два раза «бэту» и «йоту», «лямбду», «омикрон», «ню» — семь букв, которые так волнуют, что я не решаюсь начать чтение. Сын жил, был молод, говорил, двигался, работал, боролся, и его уже нет. Где он, где его душа, его сердце? И видит ли он меня и Рим, дорогую родину, за благо которой боролся?»

Вздыхнув, она принялась читать. Это было большое письмо-наставление друзьям и как бы завещание поколениям, что делать в борьбе с властью, как бороться, чтобы не нарушить благосостояния государства.

Корнелия читала:

«Скажу о себе. Я смотрел на пролетариев, и сердце мое обливалось кровью. Мой брат Тиберий Гракх провел аграрный закон, пытаюсь задержать обнищание земледельцев; он наделил их мелкими участками за счет крупных посессоров. Но Сципион Эмилиан отменил закон. Я ненавижу его. Кто он? Последний представитель вымирающей семьи Сципионов, получающий доходы с северо-восточной Африки, с Карфагенских земель, патроном которых он состоит. Не так ли пользовались этими доходами Публий Сципион, его сын Публий Корнелий Сципион Африканский Старший? Не так ли получал доходы патрон Греции и Македонии Павел Эмилиий? Это они, аристократы, крупные землевладельцы, начали споры с публиканами; откупщики требовали, чтобы Рим содержал постоянные отряды войск в провинциях, а Сципионы говорили, что это излишне, утверждая, что мощь Рима должна опираться на крепких, зажиточных земледельцев. Считая путь Сципиона Эмилиана правильным, Тиберий Гракх пошел по этому пути. Но почему Сципион Эмилиан, соглашаясь, что аг-

рарный закон необходим, не провел его сам и помешал Гаю Лелию? Я думаю, что это случилось оттого, что Сципион Эмилиан сам имел земельные участки, с которыми не хотел расстаться, и был крупный богач: одного серебра он имел на десять тысяч сестерциев. А земля и иная собственность? Я, Гай Гракх, не только возобновил отмененный Сципионом Эмилианом аграрный закон Тиберия Гракха, но и пошел дальше: я решил отводить колонии для неимущих...»

Перелистав несколько страниц, она читала:

«Всадники враждовали с сенатом, я бросил мечи и ножи на форум, чтоб обе стороны вечно терзали друг дружку — наделил преимуществами всадников...»

Читала дальше:

«Друг, кто бы ты ни был — патриций, плебей, раб, чужестранец, если ты ищешь на земле справедливости, если сочувствуешь борьбе с угнетателями, если готов посвятить свою жизнь для блага народа, — помни: с хищниками и злодеями нужно бороться хитростью, а для этого будь твердым, выжми из своего сердца жалость, разорви путы, связывающие или роднящие тебя с поработителями, растопчи веру в милосердие угнетателя, которая, быть может, тлеет еще в твоей груди. Я много заблуждался, не следовал этим наставлениям, которые я даю тебе, как опыт своей деятельности, и потому гибну... Завтра — последний день... Если весь плебс и всадники меня не поддержат, я предпочту смерть позорной жизни».

Корнелия заплакала. И сквозь слезы прочитала еще несколько строк:

«Ливий Друз — предатель. Где его хваленая честность? Где доблесть? Он продался жадным оптиматам. Изменник заслужил удар кинжалом в сердце...»

Откинулась на спинку кресла. Думала.

Перед глазами возник Рим: не такой, как она привыкла видеть — мирный людской муравейник, а Рим грозный, ревуший, объятый пламенем восстаний, вихрем надвигающихся стычек, яростных сословных боев. Из бедных кварталов, заселенных ремесленниками, блудницами, нищими, шла буря, и она несла на своих крыльях Тиберия и Гая, смелых мужей, дерзнувших пойти против патриархальной власти. И сердце матери забило радостно и тревожно: Гракхи не умерли, они живут и будут жить тысячи лет, призывая к борьбе племени и народы, пока плебс не добьется справедливости: «Но что ожидает нас, сотворивших Рим, поднявших его на недостижимую высоту?»

Она прошла в сад.

Яркое солнце зажигало листву деревьев и кустов ослепительным светом, трава блестела, словно омытая дождем, а на лужайке стояла медная блестящая статуя Прометея, пригвожденного к скале. Скованный по рукам и ногам, он висит между небом и землей, орел терзает ему печень, а внизу копошится человечество, для которого он похитил огонь.

Она сравнила сыновей с Прометеем и сказала подходившим невесткам и друзьям, указывая на статую:

— Не так ли и они принесли Риму жаркий огонь борьбы, показав плебсу путь, которым он должен идти? Один пошел против богов, двое — против власти. И борьба началась. Кто доживет до победы, тот увидит истоки новой жизни...

Слушая ее, философы и стойки подумали о республике Платона, невестки — о полном равенстве патрициев и плебеев, Терция — о древних временах Рима, и только одна Асклепис, вспомнив часть беседы Фульвия Флакка, воскликнула:

— Должно быть, ты говоришь, благородная Корнелия, об охлократии! И я верю, что это будет так. Иначе зачем жить плебеям без просвета в жизни?

МАРИЙ И СУЛЛА

КНИГА ПЕРВАЯ * МАРИЙ

Глава I

В плодородной долине между деревней Цереатами и зелеными холмами, среди которых мчалась быстрая речка, дремали в тени деревьев три домика.

Справа от них колосились рожь и пшеница, слева шумели на ветру кустарники и виноградник, а ближе к воде шептались оливковые насаждения. И совсем недалеко звенела детскими криками и пронзительными голосами женщин небольшая деревушка.

А в долине — тишина. Однообразная жизнь трех семейств была похожа на длинную серую дорогу, давно не оглашаемую стуком колес и шагами пешеходов. И жилища казались забытыми — даже вести из Рима добирались сюда медленно, как безногие калеки.

В домиках жили земледельцы: в одном — старуха, вдова кузнеца Тита, Мульвий и Тициний — его сыновья, и юная дочь; Тукция — жена Тициния, дочь портного Мания; в другом — хромоногий Виллий, брат Тукции, и в третьем — родители Гая Мария, служившего в то время пропретором в Испании, “любимца великого Сципиона”, как с гордостью величали его отец с матерью. При стариках находились раб и невольница, подаренные сыном.

Три семьи, издавна связанные дружбой, объединившись после долгих скитаний и невзгод для совместного труда, работали от рассвета до сумерок на неразмежеванном поле, плодов между собой не делили, пользуясь ими по потребностям, а излишки продавали на рынке в Арпине и вырученные деньги расходовали, по указаниям стариков, на покупку одежды, обуви и предметов домашнего обихода. В праздники они обходили свое поле, виноградник, оливковые посадки, ого-

роды и садики, любовались всходами и заранее радовались урожаю, который, по приметам, известным только земледельцу, обещал быть обильным. И в теплых молитвах благодарили Вакха и Цереру за милость и щедрость.

Однажды вечером, когда солнце садилось в розовом сиянии за виноградником, Мульвий и Тициний возвращались из города. Уже по тому, что всегда спокойный Мульвий ругался, подгоняя лошадей, а Тициний сидел на мешках с зерном, хмуря густые черные брови, и не смотрел на вышедших из хижин друзей — видно было, что случилась какая-то неприятность.

Жена и мать молча остановились, а подошедший Виллий спросил:

— Так же ль, как всегда, Меркурий с нами?

— Меркурий, Меркурий! — зарычал Тициний, спрыгивая с повозки. — Сколько стадий проехали, сколько... Тьфу! — сплюнул он. — Вот тебе рожь и все остальное...

Он принялся разбрасывать привезенные плоды, топтать их ногами.

Виллий смотрел на него злобно и презрительно.

— Топчи, топчи! — указывал он на рассыпанные яблоки. — Неужели боги пошлют дуракам еще больший урожай за такое пренебрежение?

Тициний вспыхнул, шагнул к Виллию. Ссора казалась неизбежной, но с повозки слез Мульвий, встал между ними, похлопал лошадей по шее и стал подбирать яблоки.

— Зачем расшвырял? — говорил он, пожимая плечами. — Виной не Меркурий, а торговцы...

И он рассказал подошедшим старикам, что вольноотпущенники Метелла скупали в этот день только лучшие фрукты, а о хлебе кричали: «Кому он нужен? Сицилия, Кампания и завоеванные страны пришлют нам его почти даром!»

— Так мы ничего и не продали, — закончил свою речь Мульвий.

— С тех пор как приехали в свою виллу сыновья Метелла Македонского, — вмешался Тициний, — наша жизнь опрокинулась, как чаша, задетая пьяницей:

хлеб стал не нужен, у Метеллов своего вдоволь. А так как плодовые деревья в господских садах запущены, то вольноотпущенники набрасываются на лучшие яблоки и виноград...

Марий покачал головой.

— Время тяжелое, — вздохнул он, — хлеб придется сеять только для себя — вот эту полоску, — указал он на поле, — а на остальных сажать оливковые деревья... Виноградник же увеличим и займемся приготовлением вина...

Предложение было ново, и высказаться никто не решался.

За ужином в большом атриуме Мария у очага беседовали: Фульциния советовала подождать («Может быть, все изменится»), вдова Тита кричала, что виноделие испортит детей («Мало ли пьяниц в Арпине?»), а Виллий злобно посмеивался.

— Вино, оливки? Кому они нужны? У господ и своих много, а если вольноотпущенники и купят для продажи в город, то заплатят медными ассами...

— Что же делать? — спросил Тициний. — Неужели опять такой же гнет, как до Гракхов?

— Разве наши отцы ни за что сложили свои головы? — воскликнул Мульвий. — Боги несправедливы!..

— Тише, — прервал Марий, вставая из-за стола. — Не надо роптать на небожителей. Они помнят о бедняках, а вы делайте, что сказано. Вино и оливковое масло — это хорошо, но пчеловодство еще лучше. Мед купят всюду, а если мы научимся подбавлять его в вино — заживем хорошо.

Огонь на очаге потрескивал. Семьи собирались расходиться и ожидали, когда Марий обернется лицом к ларарию и начнет молиться, как это бывало по утрам и вечерам в течение многих лет. Однако старик медлил, о чем-то думая, и вдруг вымолвил тихим голосом:

— Нужно позаботиться о чанах и амфорах. Мульвию и Тицинию ехать за ними завтра в город: наши друзья, бондарь и горшечник, нам не откажут! Виллию раздобыть в деревне трапет и посуду под масло. Женщины начнут собирать поспевший виноград.

Он помолчал и прибавил:

— Я же отправлюсь к господам...

— К Метеллам? — разом вскрикнули Мульвий и Тициний.

— Хочу взять у них в аренду плодородный участок под виноградник и оливковые посадки. А может быть, удастся арендовать и пасеку...

— Ты хочешь стать колоном, прикрепиться к земле? — воскликнул Мульвий. — Но Метеллы шкуру с нас сдерут, будут требовать больше доходов... Разве колонны Цереат не стонут от господ?

— Больше, чем в силах дать, не дадим, — спокойно возразил старик, — зато получим земледельческие орудия и все, что нужно. Ведь живут же вольноотпущенники при виллах на правах колоннов, а земледельцы Цереат имеют скот и землю.

— Но эти колонны постоянно в долгах! — взглянул на него Мульвий. — Я не согласен.

— И я тоже, — сказал Тициний, — прикрепление к земле похоже на рабство. Поступай, отец, как хочешь, а мы подождем. Мы не отказываемся тебе помогать, но договора с Метеллами не подпишем: дела у тебя могут пойти плохо, а тогда нам не выбраться из страны вольсков...

— Не люблю я нобилей, — проговорил Мульвий.

Марий пожал плечами.

— Жить в мире с господами — жить в мире с богами. И если бессмертные будут с нами, жизнь станет такой же, как была, говорят, при Кроносе.

Он встал и повернулся к ларарию:

— А теперь помолимся о помощи, заботе и заступничестве небожителей.

Глава II

В одиннадцатый день до майских календ в Вечном городе и окрестных деревнях справлялся день рождения Рима. Этот праздник назывался Палилии и был посвящен Палу, древнему божеству полевых работ.

В Цереатах звенели песнями, голосами и хохотом улицы, шумела на игрищах молодежь, и веселые звуки долетали до трех домиков, стоявших в долине.

— Может пойти в деревню? — предложил Марий.

Но Тициний с раздражением отказался, и это обеспокоило старика:

— Скажи, что с тобой, сын мой?

Тициний, хмурясь, взглянул на Мария:

— Виной всему ты, отец! Зачем ходил с Тукцией к Метеллам? Зачем она понесла им овощи?

— А кого же было послать? Все были заняты, и только одна Тукция не работала... Сам знаешь, она порезала себе руку...

— В Цереатах ходят недобрые слухи, — продолжал Тициний, багровея, — говорят, что Тукция гуляла в господском саду с молодым Квинтом Метеллом...

— Ну и что ж? — удивился Марий.

— Повсюду смеются, показывают на меня пальцами, кричат: «*Nic est!*»¹ — вскричал Тициний.

Марий задумался. Он понял, что удручало Тициния, и смутная мысль мелькнула в голове: «А если так? Молиться бесполезно, — Венера способствует любви, а Юпитер падок до красивых девушек». И он молчал, дергая седую бороду и рассеянно поглядывая, как старухи и молодежь собирались в Цереаты. Они уже надели на себя новые тунки, лежавшие в сундуках от праздника и до праздника, сверху накинули плащи для защиты от холода (к вечеру долина дымилась влажным туманом) и перешептывались.

Когда они ушли, Тициний нехотя последовал за ними.

Не доходя до Цереат, он остановился и, опершись на изгородь дома, выходящего на площадь, стал наблюдать за молодежью. Но Тукции не было видно нигде.

---

¹ Вот он! (Лат.)

Он смотрел на пляски. Брат и сестра, взявшись за руки, кружились, притопывая деревянными башмаками, напевая речитативом; потом замелькала уродливая фигура Виллия: обхватив стройную девушку длинными, цепкими руками, он подпрыгивал, касаясь головой ее груди, и его кривлянья возбуждали всеобщий смех. Он не попевал за девушкой в такт звенящим флейтам, и пляска, нарушаемая его движениями, раздражала молодую римлянку. Когда музыка умолкла, плясунья вырвалась из его рук и скрылась под хохот юношей в толпе женщин.

Грянула песня, опять заиграли флейты, резкими раскатами загрохотал этрусский бубен. Тут не выдержали и старухи: они побежали мелкой рысцой, закружились, — седые волосы растрепались, а пестрые ленты вились, как длинные змеи.

Вдова Тита с завистью наблюдала за ними. Бросив свой плащ дочери, она подобрала повыше тунуку и принялась плясать с таким жаром, с такими вскриками, что Тициний возмутился.

Кругом хохотали. Он видел, что мать смешна, думал остановить ее, но тогда пришлось бы проникнуть в толпу, а этого не хотелось.

Смеркалось. Разлегшись на траве, юноши и девушки пили, ели, шутили, смеялись. Деревенские блюда, простые, крепко приправленные луком и чесноком, дымились резким и раздражающим запахом. Мужчины, напившись кислого вина, шли к женщинам, занятым разнообразными играми. Но когда вспыхнули стога сена, все поспешили к огням.

Тициний смотрел, как толпа пастухов, с пыльными ногами и веселыми лицами, рассыпалась по площади. Они проворно взбирались на горевшие стога, прыгали через священный пламя и скатывались вниз, увитые пылающими стеблями сена, восклицая:

— Славься, пламя — душа очага!

— Славься, очаг — жертвенник Весты!

— Славьтесь, братья, воздвигшие Рим!

— Слава! — зазвенел хор девушек, и торжественная песня наполнила окрестность радостными звуками.

«Все веселятся, нет только одной Тукции», — сжав кулаки, подумал Тициний и стал спускаться в долину. Сначала он шел медленно, потом шаг его увеличился, и он не заметил, что уже бежит, точно за ним гонятся разъяренные Фурии.

Марий сидел на пороге своей хижины и смотрел на огни, внимая шуму разгулявшейся деревни, когда перед ним вырос Тициний.

— Ты что? Почему вернулся?

— Тукция? — выговорил Тициний, задыхаясь.

— Не приходила, — спокойно сказал Марий, — она, должно быть, в Цереатах...

— Ее там нет! — с яростью крикнул Тициний. — Она, подлая, связалась с господами...

Больше он не мог говорить и, резко отвернувшись от старика, побежал к вилле Метеллов, дрожа от бешенства и отчаяния.

Глава III

Вилла сверкала огнями, а в саду горели факелы.

Тициний остановился. На сердце было тяжело и злоба не унималась. Он перелез через изгородь. Огоньки факелов мигали в темноте, и он, минуя дом и пристройки, где находились злые собаки, проник, крадучись, как вор, в чащу кустов.

Шел тихо, на цыпочках, прислушиваясь к голосам.

Широкие полосы красного, часто мигавшего света плясали на расчищенных дорожках, и рабы стояли у факелов, укрепленных на высоких деревянных треножниках, держа в руках паклю и ковши со смолой.

Тициний не сомневался, что слышит смех Тукции, и сжимал кулаки с такой силой, что ногти вонзались в ладони.

Остановился у входа в беседку. Увитая плющом и диким виноградом, она казалась пещерой, где наслаждались любовными утехами боги. Слабый свет проникал внутрь. Тициний стоял не шевелясь.

Тукция сидела на коленях молодого Метелла. Продолговатое лицо женщины, одетой по-деревенски, было привлекательно: круглые черные глаза, пухлые губы, орлиный нос. Полуобняв Тукцию, господин гладил ее плечи, а она хохотала, сверкая белыми зубами.

Тициний застонал, как от боли.

— Кто там? — подняв голову, крикнул Метелл.

Тукция вскочила.

— О боги! Тень... Смотри!

Метелл ничего не видел. Страх женщины передался ему. Кликнув рабов, он приказал обшарить сад.

— Найдете соглядатая — ведите ко мне.

Но Тукция не слушала. Выбежав из беседки, она помчалась по дорожкам, не обращая внимания на рабов, которые провожали ее насмешливыми глазами.

За оградой она остановилась. Небо, подернутое легким заревом, возвещало о пожаре. Она побежала с такой быстротой, что у нее захватило дух.

Поднялась на холм. Перед глазами запрыгали огни догоравших стогов сена и куч соломы, — вспомнила о празднике. Звуки песен долетали теперь отчетливее, и она различала даже отдельные слова, но их не понимала. И вдруг остановилась, точно кто-то сильный, как Геркулес, удержал ее; в голове сверкнуло: «Что скажу, как оправдаюсь?»

Ступила шаг, другой — и отшатнулась: перед ней стоял Тициний.

— Ты? — вскрикнула она.

— Я!..

Поняла — пощады не ждать. Он имел право ее убить тут же на месте, и страх сменился жаждой жизни: бежать, бежать! И она помчалась, как испуганная серна, прыгая с отчаянием через канавы, бросаясь в кусты, лишь бы избежать сильных рук этого человека.

— Стой! — слышала она за собой его прерывистое дыхание. — Куда? От мужа?! Стой, потаскуха! Пусть растерзают тебя Фурии!

Робость овладела ею. Темнота пугала — всюду мерещились духи. Вот они хватают ее за тунику, царапают лицо... Нет, это ветви, колючки терновника...

— О боги, сжальтесь, спасите!

Тукция замедлила шаг — теперь она спускалась в долину. Там был Марий, он защитит ее, не даст в обиду. И вдруг тяжелый удар обрушился ей на голову, и она полетела в темноту, как в черную бездну.

Очнувшись, долго не понимала, где находится. Она лежала в хлеве на куче навоза, связанная по рукам и ногам, а рядом мирно дышала лошадь; пыхтела, жуя жвачку, корова; в углу копошились овцы. Тусклое раннее утро просачивалось сквозь щели неплотно сбитых досок. Слышались женские голоса. Дверь распахнулась, и в хлев ворвалась полоса рассвета.

Вошла рабыня и, не глядя на Тукцию, стала выгонять корову и овец; потом хлопнула дверь, и в хлеве залегла тишина, изредка нарушаемая ржанием лошади.

Скоро запахло дымом и вкусной похлебкой. Тукция подумала, что она голодна, не ела и не пила со вчерашнего дня, но эта мысль была мимолетна; ее сменила новая: «Что меня ждет?» И она принялась молиться Венере, умоляя богиню сжалиться над ее молодостью, спасти от смерти.

Солнце уже поднялось над Цереатами, долина дымилась косматыми клочьями тумана.

Дверь полуоткрылась. Заглянул Виллий, шепнул:

— Сейчас тебя будут судить... Эх, ты! Не сумела обмануть мужа!

В голосе его слышалось сожаление. Не дожидаясь ответа, он поспешно удалился — трава зашумела под его ногами и затихла.

За Тукцией пришли женщины. Они осыпали ее оскорблениями, плевали ей в лицо и, развязав ноги, повели к дому, но внутрь не пустили.

— Пусть не войдет прелюбодейка к ларам! — скрипнула Фульциния.

— Пусть не осквернит блудница своим присутствием семейного очага, — сказала вдова Тита.

А дочь ее, рванув Тукцию за тунику, заставила опуститься на скамью, поставленную среди двора.

Тукция сидела не шевелясь в каком-то отуплении. Все казалось ей тяжелым сном, и она молилась в душе Венере: «Ты, толкнувшая меня на сладкий грех, смягчи мою участь, богиня!..»

Из домов выходили члены семьи. Она увидела Тициния с перекошенным от злобы лицом, встревоженного Мульвия и поняла, что он жалеет ее так же, как Виллий, который растерянно стоит, растирая в ладонях виноградные листья, и не замечает этого.

Выступил Марий:

— Тукция, муж тебя обвиняет. Ты дважды виновата: лежала не с мужем и отдалась врагу...

Она вспомнила слова Тициния: «Оптимаг — враг плебея» — и низко опустила голову.

— Правда ли это? — продолжал Марий. — А если неправда, то поклянись богами, и мы с радостью примем тебя в семью, и никто не посмеет оскорбить тебя.

Она молчала.

— Ей нечего сказать, — хрипло смеялся Тициний. — Я видел ее в объятиях Метелла...

Марий повернулся к женщинам:

— Во имя богов, — торжественно заговорил он, — во имя женской добродетели, благословляемой ларами, возьмите эту блудницу, и поступите с ней по древнему римскому обычаю...

Женщины окружили Тукцию, рабыня было схватила ее за одежду, но старик воспротивился:

— Да не коснется тела свободнорожденной рука невольницы!

Тициний смотрел, как женщины срывали с Тукции одежды, слышал, как треснула туника, обнажив смуглое тело, и застонал, когда в руках старух и сестры мелькнули тонкие прутья.

Теперь Тукция стояла нагая под жарким ливнем солнечных лучей и дрожала, как от холода.

— Последнее слово за мужем! — возвестил Марий.

Губы Тициния задрожали, но он овладел собой и громко произнес:

— Гнать ее, бесстыдную, через Цереаты по дороге в Арпинум!

— Ты мягок, сын мой, — возразил Марий. — Наши деды и отцы поступали строже: они запрягали неверных жен в колесницу палача, публично сажали в позорные тиски, а ты... Но пусть будет так, как сказано. Гнать ее! — крикнул он старческим голосом и закашлялся. — Да не имеет она крыши, огня и воды!..

Это означало, что если Тукция появится в окрестностях, ее можно безнаказанно убить, а всякий приютивший ее и разделивший с ней пищу и питье становился соучастником ее преступления и должен покинуть эту местность.

— А Метелл? — вскричал Тициний. — Неужто мы бессильны против него?

Марий опустил голову.

— Увы, — вздохнул он, — что мы можем сделать!..

Слова его были прерваны воплем Тукции. Женщины били ее прутьями — по смугло-розовой коже побежали тоненькие полоски, расширяясь и багровея.

Быстро переступая короткими ногами с толстыми икрами, Тукция рванулась вперед, волосы ее рассыпались по спине черным покрывалом, но женщины удержали ее за веревку, опоясывавшую бедра, и с хохотом погнались вперед. Они били ее мало, — знали, что каждая женщина из Цереат захочет нанести хотя бы один удар, и не хотели, чтобы преступница обессилела раньше срока. Зато они глумились над ней, выкрикивая бесстыдные слова. А мужчины следовали за ними на некотором расстоянии, готовые помочь, если бы Тукция вздумала сопротивляться.

У Цереат женщины устали; они напрягали все силы, чтобы удержать рвавшуюся вперед прелюбодейку. Но уже из дворов выбегали старухи, женщины и девушки, ломали наскоро ветви деревьев, выдергивали прутья из плетней и присоединялись к шествию. Мальчишки и девчонки, полунагие и грязные, швырялись в Тукцию камешками и песком.

— Прелюбодейка! — неслись возгласы.

Путья свистели, ложась на спину, путались в волосах, рвали их. Стиснув зубы, Тукция шла, тихо стелая, но когда удары дружно посыпались один за другим, и кровь потекла, обагрив ноги, женщина закричала не своим голосом.

Многие ее жалели, но били, потому что этого требовал обычай, заведенный издавна: охрана семьи от развала. Отчаяние сжало сердце Тукции. Она вырвалась, подхватила веревку и помчалась по дороге с такой быстротой, что ни одна девушка не могла ее догнать. Слышала сзади визг, хохот, свист, оскорбительные крики, над головой пролетали камни, а она бежала, спотыкаясь, почти умирая от ужаса и стыда.

Деревня осталась за бугром. Тукция остановилась. Вокруг зеленели поля, шумела тенистая роща...

— Боги, помогите мне! — шепнула она и, добравшись до опушки рощи, хотела осторожно прилечь, но кто-то ласково взял ее под руки и помог опуститься на траву.

— Тукция!

Это был Виллий.

— Ничего, дорогая, ничего, боги милостивы, поправишься, — шептал он, избегая смотреть на ее наготу, — вот туника... И еду я принес на дорогу... хлеб, лук, чеснок... а полента — в тряпке...

Тукция всхлипнула, обняла его колени:

— Брат, ты один пожалел меня... Ты... ты... Кроме тебя, никого нет у меня на свете...

Она зарыдала и уткнулась лицом в траву.

Глава IV

Время бежало. Трудовые дни сменялись праздниками, поездки в Арпин для продажи вина и оливок — веселыми пирушками по случаю свадеб и рождений, и Цереаты жили какой-то напряженной жизнью.

О Тукции не было известий. Тициний, вначале удовлетворенный наказанием жены, не находил себе места. Сколько раз он пытался тайком от родных узнать о ней у Виллия, но тот кривил губы и отмалчивался.

Марий и Фульциния, казалось, забыли о прелюбодейке: мысли их были сосредоточены на сыне Гае — они получили от него эпистола. Сын писал, что срок его службы в Испании скоро истекает и он немедленно вернется в Италию.

Старуха прослезилась, слушая медленное чтение мужа, который едва разбирал грубые, неровные письмена, нацарапанные неумелой рукой на вощенной дощечке, и заставила его прочитать эпистола несколько раз кряду. Старый Марий, самодовольно потирая морщинистые руки, кричал, точно Фульциния оглохла:

— Не говорил ли я? Он будет первым мужем Рима! И если бы жил Сципион Эмилиан, он порадовался бы с нами!

Весть о скором возвращении Гая Мария разнеслась в Цереатах и Арпине. Земледельцы стали чаще ходить в долину. Юноши слушали бесхитростный рассказ старика о сыне, который был некогда батраком, ле-

гионарием, центурионом, военным и народным трибуном, претором, а теперь стал пропретором, видным магистратом.

— Наши деды и отцы были клиентами фамилии Геренниев, а сын освободился от клиентелы, — говорил Марий, сидя в кругу юношей. — И хотя злые языки обвиняли его, что он добивался этой магистратуры путем подкупа, но это была ложь. Гай Геренний не обвинял его, и суд оправдал сына...

— Обычай запрещает патрону давать показания против клиента, — усмехнулся Виллий, — и боги одни знают, как...

Он не договорил. Старик замахнулся на него.

— Замолчи, завистник! — вскрикнул он. — Тебе ль, червяку, злословить на пропретора?

— Червяк я или нет — не знаю, — хмуро усмехнулся Виллий, — но я не привык ни перед кем ползать на брюхе...

— Замолчи, Виллий! — слышались юношеские голоса. — Пусть славный дед, рассказывает нам о своем сыне!

Виллий молча отошел от них.

— Гай писал мне, — заговорил Марий, — что ему удалось очистить Испанию, лежащую по ту сторону, от разбойников иберян. Теперь обитатели ее вернулись к мирным занятиям...

Старик замолчал.

— Говори дальше! — звучали нетерпеливые голоса.

— Что еще говорить? Он придет — сам расскажет. А вы, сынки, старайтесь, работайте: республике нужны знаменитые мужи, верные защитники и храбрые воины!

К концу года все в семье пошатнулось: цены на вино и оливковое масло упали, и для того чтобы уплатить арендную плату, приходилось лезть в долги. Сначала Марий взял займы денег у единственного зажиточного земледельца, которого не любили в деревне за жадность и притеснения батраков, работавших на него, но когда положение этого хлебопашца внезапно ухудшилось (он задолжал Метеллам, у которых арен-

довал землю, и они, требуя платежа, угрожали продать его имущество) и он потребовал у Мариа уплаты долга, — старик растерялся: денег у него не было.

Семья упала духом. Пришлось продать лошадь, корову, а овец зарезать и мясо сбыть за бесценок. Плодородный участок и пасека, арендованные у Метеллов на год, хотя и давали доходы, однако большая часть прибыли шла в уплату за аренду и пользование полевыми орудиями. Унавоживание, кормление скота в стойле, наем жнецов на время жатвы, молотба — все это требовало расходов.

Мульвий и Тициний наблюдали за узенькими полосками ячменя, пшеницы, полбы, бобов и журавлиного гороха. Эти злаки разводились не на продажу, а для себя, и когда бывал большой урожай, семьи ликовали.

Однако весь почти доход поглощался господами, а когда наступил скупой год, давший мало винограда и оливок, жить стало тяжело.

Марий не спал по ночам, думая, как выйти из тяжелого положения. Сколько раз он хотел поговорить с Мульвием и Тицинием, и не решался. Наконец собрался с духом.

— Жить трудно, умирать рано, — сказал он, вздыхая, и, заметив удивленные взгляды, улыбнулся. — Рано не мне, старику, а вам, молодым. Но боги милостивы ко всем, и они дали мне мудрый совет: пусть Мульвий и Тициний идут в Рим, там они найдут свое счастье. Мой сын, должно быть, уже возвратился из Испании, вы отнесете ему мою эпистола и расскажете о нашей тяжелой жизни. Слава богам, что истекает срок договора с господами!

На другой день он пошел в Цереаты, купил в лавке вольноотпущенника стилос и навощенную дощечку и, возвратившись, принялся составлять письмо. Писал он целый день, затирая плоской стороной стилоса неудачные выражения, и когда наконец кончил, Тициний, научившийся грамоте в арпинской школе, с трудом прочитал неразборчивое послание: гласные буквы были местами пропущены, слова не дописаны, и о смысле приходилось догадываться.

Братья стали собираться в дорогу.

Тициний давно уже мечтал покинуть родные места, где все напоминало о жене (здесь она пряла, там белила грубую ткань, а тут на очаге варила пищу, напевая песню), Мульвий думал с волнением о том, что в Риме можно выдвинуться, добиться магистратуры, взять к себе мать и сестру.

Прощаясь с детьми, мать вынула из высокого сундука, окованного блестящими железными полосками, два камешка: один — в виде человеческой головы, другой — похожий на серп луны, и, зашив их в кожаные мешочки, повесила сыновьям на шею: первый камень достался Тицинию, а второй — Мульвию.

— Храните эти камешки, — шепнула она, обнимая их, — они предохранят вас от враждебных духов и помогут хорошо устроить жизнь.

Когда они вышли на дорогу, бежавшую в Арпин, Мульвий грустно сказал:

— Неужели мы сюда не вернемся?..

— А зачем же возвращаться? — грубо прервал Тициний. — Старики умирают, а молодые...

Он махнул рукой и замолчал, не спуская глаз с широкой спины и розовых ушей сестры, которая вызвалась проводить их до первого мильного камня.

Мульвий жадно следил за долиной, родной колыбелью детства, пока она не пропала за бугром, потом глянул на кусты и деревья, и когда в отдалении остались только верхушки, слезы заволокли глаза. Он обнял сестру и, избегая смотреть на нее, быстро зашагал вслед за Тицинием.

Глава V

После долгих скитаний по деревням и виллам Тукция добралась наконец до Рима.

Тело ее зажило, но мысль о надругательстве терзала сердце. И ей казалось, что Рим кипучей жизнью и шумом выветрит все ее воспоминания. «Здесь я зате-

ряюсь, как песчинка, — думала она, — и никто меня не найдет. Да и кому я нужна?» В предместье Рима она искала работу, но не нашла и, не зная, что делать, побрела в город.

Солнце закатывалось. «Где ночевать, что есть?»

Кроме кусочка хлеба и луковицы, съеденных накануне, более ничего она не имела во рту, почувствовав слабость, приуныла. Выйдя на Via Arria, растерянно огляделась. Неширокая улица кипела в сгущавшихся сумерках. Кое-где вспыхивали уже огоньки. Навстречу шел народ, растекаясь, исчезая в переулках, а оттуда, как волны, наплывали новые толпы.

Неумолкаемый шум голосов, крики рабов, бегущих впереди лектик, на которых полулежали нарядные матроны, подпоясанные под грудями, эллинки-гетеры, патриции с повязками на икрах для щегольства, смех белокурых блудниц, их зазывные глаза, подведенные сурьмой, возгласы продавцов сладостей, прохладительных напитков — все это ошеломило Тукцию.

Она остановилась у таверны, из которой пахло ей в лицо чесноком и чечевичной похлебкой, и почувствовала еще больший голод. Она подумала, что отдала бы все за кусок хлеба, и, оглядев свою пыльную одежду и ноги, обутые в грубую воловью обувь, тяжело вздохнула. Никто не обращал на нее внимания. Долго она блуждала по городу.

Давно уж на площадях зажгли светильни, давно уж уменьшился людской поток, а она шла, точно неведомая сила гнала ее вперед.

Так она добралась до храма Кастора и Поллукса, и, совсем обессилив, опустилась на ступени, чтобы отдохнуть. Ноги дрожали и гудели, в ушах шум.

Уронив голову на руки, она застыла в неподвижном положении убитой горем женщины. Долго ли так просидела — не помнила.

Кто-то тормозил ее за одежду. Она испуганно отшатнулась: перед ней стоял человек высокого роста, в тоге. Лица его она не могла рассмотреть: он повернулся спиной к свету, и только волосы его, скупо освещенные над ушами, поразили ее золотистым оттенком.

— Уж не молишься ли ты на ступенях храма? — смеясь, спросил он звучным голосом. — Проходя мимо, я подумал было, что вижу Ниобею, и потому дернул тебя за тунику.

Она молчала.

— Неужели боги лишили тебя языка? Ты, конечно, женщина из деревни и ищешь в городе работу... Но ты ничего не нашла, кроме ступеней этого храма. Что ж? Лицо твое красиво, ты молода, Венера сопутствует тебе, и ты можешь одарить ласками мужей...

— Господин мой, я не привыкла к такой жизни... Я голодна, господин мой, я не ела... давно уже не ела.

— Встань, обопрись на меня. Я накормлю тебя.

Шла за ним, как собака, не смея отстать, плохо понимая его слова.

Они остановились у фонаря, освещавшего вывеску, на которой был изображен фонтан в гуще зеленых деревьев, а у водоема девушка, кормящая гусей.

— Войдем?

Подслеповатый вольноотпущенник в старом пилосе, изъеденном молью, подбежал к ним.

— *Salve, domine noster!*¹ — приветствовал он, воздев с благоговением руки, как перед молитвой.

Очевидно, человек был завсегдаем этой гостиницы, а хозяин ее — клиентом, потому что вольноотпущенник непрерывно кланялся, и каждый раз все ниже, пятясь к середине атриума, точно перед ним стоял знаменитый муж, гордость республики.

Два светильника горели, потрескивая: один у имплевия, другой — у ларария. Пылал очаг, на нем жарилось мясо. Пахло бараньим жиром. Вода цистерны отражала буйное пламя, выбивавшееся из очага, как прядь рыжих волос, шевелимых ветром.

Тукция с любопытством взглянула на своего покровителя. Лицо его, красное, усеянное белыми пятнышками, было некрасиво, пухлые, толстые губы презрительно выпячивались, только голубые глаза и золотистые волосы поражали редкой красотой.

---

¹ Здравствуй, наш господин! (*Лат.*)

— Приготовь для нас кубикюлом, — говорил он, подходя к столу, — но сперва накорми нас. Что у тебя есть?

— Жареное мясо, полента, бобовая похлебка со свиной, пирожки с начинкой, гусиная печень...

— А вино?

— Есть и хиосское, родосское и твое любимое — опианское... Ты можешь, господин, взглянуть на тессеру и увидишь год консулата и месяц разливки в амфоры.

— *Vene, bene! Perdisti iam, Tite, horam totam; diu te expecto puellae nutriendae causa*¹.

— *Non me irascere, domine!*² — вскрикнул хозяин и поспешил к очагу.

Тукция набросилась на еду: она глотала кушанья не прожевывая, почти давясь, и человек с презрительной улыбкой смотрел на ее жадность. Его забавляли: и голодный взгляд женщины, и капли пота, выступившие на ее лбу, и порывистые движения, когда она хватала куски мяса, и слезы на глазах, когда обжигалась.

Он велел хозяину распечатать амфору и налить вина в кубки.

¹ Хорошо, хорошо. Ты уже потерял, Тит, целый час; жду тебя долго, чтобы накормить девушку. (Лат.)

² Не гневайся на меня, господин! (Лат.)

— Пей, — подал он полный фиал женщине, — пей за нашу близкую любовь...

Тукция взглянула на него сонными глазами. Горячие кушанья разморили ее.

— Пей, — повторил человек.

Она отрицательно мотнула головой, но он ухватил ее за шею, поднес фиал к ее губам и заставил выпить. Потом она выпила еще и опьянела. Человек смотрел на нее с усмешкой.

«Голодная плебейка, — думал он, — готовая на все ради желудка. И все же — она хороша».

Он помог ей встать и повел в кубикулюм, где уже горела светильня, зажженная услужливым хозяином.

Глава VI

Проснувшись на другой день, Тукция долго не могла сообразить, почему она находится в чужой постели, а когда вспомнила вчерашний вечер, быстро вскочила, выбежала в атриум. В дверь, открытую на улицу, врывались потоки солнца.

«Феб-Аполлон уже выехал на золотых конях», — подумала она, вспомнив любимое выражение старого Мария, и огляделась.

От очага поднялся хозяин, недружелюбно взглянул на нее.

— Выспалась? Слава Вакху! Вчера ты так объелась и опилась, что потеряла облик женщины... Чего стоишь? Неужели ты думаешь, что я буду кормить тебя и сегодня?

Вспыхнув, она рванулась к двери.

— Подожди! Господин оставил для тебя десять нуммов. Бери и уходи. Да моли богов за здоровье и благоденствие Люция Корнелия Суллы.

Она взяла деньги и вышла на улицу.

Целый день бродила опять по городу, сжимая в руке серебро. К вечеру она очутилась у лавок, где тол-

пились полуодетые женщины. Смех и крикливые голоса оглушили ее. Она растерянно остановилась, не зная, куда идти.

— Эй ты, — кричала старая блудница с дряблыми обнаженными грудями, обращаясь к молодой, с подведенными сурьмой глазами, — хорошо ли выпотрошила своего Адониса?

— Какое тебе дело, ночной горшок! — вскрикнула молодая и засмеялась.

Собирались женщины, простоволосые, неряшливые, и хохотали. Старуха вцепилась девушке в волосы. Толпа окружила их. Тукция видела, как они, визжа и воя, упали на грязную землю и покатались, нанося друг другу удары по голому телу.

— Так ее, так! — слышались голоса.

Тукция шла вперед на огни, озираясь, полураскрыв рот от изумления. Узкая улочка казалась усаженной красными цветами в темной вышине — это светились фонари, напомилавшие формой фаллос. Их было так много, что глаза разбегались.

«Где я?» — подумала она и тотчас же догадалась: «Вот Целийский мост, что находится в квартале, называемом Субуррой».

Остановилась перед богатым лупанарием.

Над воротами его красовался освещенный фаллос, во дворе журчал фонтан, и брызги с легким шумом падали в цистерну, а рядом стояла статуя волосатого не то фавна, не то сатира, с козлиными ногами и рогами.

— Приап, Приап! — радостно засмеялась Тукция и захлопала в ладоши, узнав бога плодovitости и продолжения рода; таким он был в Арпине и Цереатах, таким же стоял в ее кубикулуме, покинутом навсегда.

К ней подошел сторож с провалившимся носом и гноющимися глазами.

— К нам хочешь? — спросил он, оглядывая Тукцию, как покупатель — лошадь. — Поговори с хозяином. Вот он... видишь?

Вместо отвратительного человека, которого она ожидала увидеть, у водоема сидел муж с веселыми глазами и улыбкой на губах.

— К нам? — взглянул он на нее. — А где работала? Знаешь любовное ремесло?

Она стояла в нерешительности.

— Я возьму тебя, и ты должна будешь пройти не легкую выучку. Но не пугайся. У меня будешь получать еду, питье, одежду, а гость будет мне платить за тебя. Но помни: отсюда не смеешь уйти, я внесу тебя в список, который передам эдилу...

Она долго колебалась, но решив, что деваться ей некуда, согласилась.

— А если мне надоест? Если я найду работу? — тотчас же шепнула она.

— Я не задержу тебя, клянусь Венерой! Уплатишь мне все издержки — я вычеркну тебя из списка... Согласна?

Он грубо обхватил ее и тихо прибавил:

— Эту ночь проведешь со мной: такой у меня порядок. А потом... потом примешься за увеселение гостей.

Глава VII

Бородатый пропретор высадился после солнечного заката на набережной Рима в сопровождении двух рабов, обремененных тяжелой ношей. Остановившись на ступенях широкой лестницы, которая подымалась от реки к городу, он осмотрелся.

Темные тучи громоздились в небе причудливыми глыбами ярко-медного оттенка. От них по земле ползли коричневые сумерки, и набережная жила деловой суетой торговцев, рабов, блудниц, клиентов, ремесленников. Шум толпы, резкие голоса, зовы сливались в единый гул, залетающий в небольшие узенькие улочки, маленькие дома, теряясь среди огромных зданий большого города.

Всюду мелькали золотые огоньки: они испещряли набережную, соединяясь по двое, по трое, — это медленно двигались торговцы сладостями.

А громкие крики варваров, коверкавших латынь, назойливо лезли в уши:

— Жареная рыба со стола Нептуна!

— Сладкие, как амброзия, пряники!

— Медовые лепешки!

— Плодовые и виноградные вина! Сам Вакх не пивал таких!

— Дешево! Дешево! Не упустите случая, квиристы!

Пропретор решительно двинулся вверх по лестнице. Это был человек мрачный, резкий в движениях. Все изобличало в нем плебея: и неловкость, с которой он расталкивал народ, и заносчивость. Он наткнулся на клиентов, окружавших молодого патриция (они стояли в полосе света, проникавшего из хлебопекарни), и крикнул:

— Эй вы, бездельники! Дорогу воину, который проливал за вас кровь! Иначе — клянусь богами, охраняющими Рим! — вам придется познакомиться с моими кулаками!

Клиенты испуганно шарахнулись. В одно мгновение собралась толпа, предвкушая если не уличную свалку, то яростную ссору. Навстречу пропретору выступил молодой патриций и, оглядев его с ног до головы, сказал:

— Странник, ты, я вижу, прибыл из далеких краев, не бывал никогда в благословенном богами городе Ромула и принял по ошибке Рим за деревню. Но успокойся: люди и законы всюду одинаковы.

Пропретор смотрел в голубые глаза патриция, на красное лицо, усыпанное белыми пятнышками, на золотистые волосы и на мгновение растерялся. Но сообразив, что патриций насмехается над ним, он ухватился за меч.

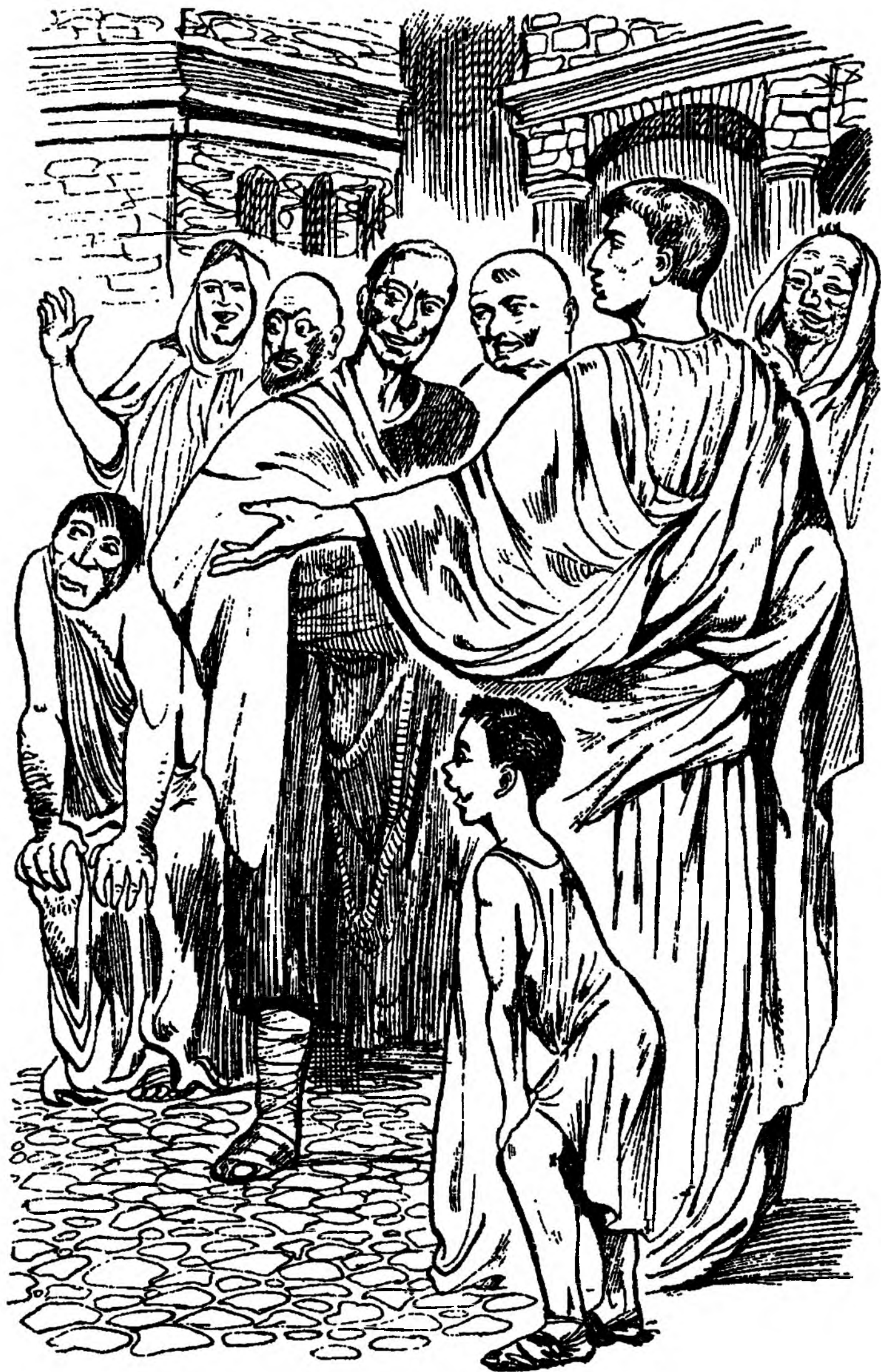
— Что ты там несешь языком пьяной торговки? — крикнул он, сделав шаг вперед. — Дорогу! Будь я не Марий, сподвижник Сципиона Эмилиана, если не проучу тебя за дерзость!

Патриций вспыхнул:

— Клянусь Немезидой! Я бы научил тебя вежливости, сподвижник великого Сципиона, если б не видел, что ты человек неотесанный и грубый! Но я не петух, чтобы сцепиться с тобой на потеху толпы!

— Эй вы, бездельники! Дорогу воину, который проливал за вас кровь!

— Странник, ты, я вижу, прибыл из далеких краев!

Марий бросился на него с кулаками, но клиенты загородили знатного римлянина, который, посмеиваясь, продолжал:

— Что же до того, что ты отличился, быть может, в боях с варварами и Фортуна покровительствовала тебе, — мне нет никакого дела! Не забывай, что ты — в Риме, а Рим ничем не удивишь.

И, отвернувшись, он сделал знак клиентам следовать за собой.

— Кто ты? — вскрикнул Марий, сжимая кулаки (толпа гоготала, подзадоривая его оскорбительными замечаниями), но патриций, не ответив, медленно уходил к громадам зданий. — Кто он? — повторил пропретор и смотрел, как недовольное сборище бездельников, ожидавшее свалки, уже расходилось.

Чей-то голос тихо выговорил за его спиной:

— Это Люций Корнелий Сулла, друг Опимия, убийцы Гая Гракха.

Марий тяжело перевел дух, обернулся к римлянину; он успел увидеть на его руке золотое кольцо — знак всаднического сословия — и разглядеть бледное лицо, синеватые веки и слезящиеся глаза развратника.

— Я Тит Веттий, — сказал всадник после некоторого молчания. — Я понял из вашего спора, что родом ты — плебей...

— Я — батрак, — гордо ответил Марий, — я дослужился до претуры благодаря трудолюбию и храбрости, а не покровительству нобилей. Я был солдатом, потом народным трибуном, я...

— Знаю.

Веттий вспомнил, что Марию покровительствовал Цецилий Метелл. Своим законом о голосовании Марий ограничил влияние оптиматов в комициях, выступил против консула Котты, а затем всего сената и потребовал тюрьмы для консула, если он не отменит сенатского решения, а когда и Метелл поддержал Котту, Марий приказал вызвать виатора и отвести в темницу самого Метелла.

— Скажи, где думаешь остановиться? Не знаешь?.. Мой дом открыт для тебя. У меня бывает много друзей, и я познакомлю тебя с влиятельными мужами.

Они помогут тебе в будущем, если ты станешь добиваться консульства... О, прошу тебя, не отнекивайся, ведь я — клянусь Громовержцем! — сразу заметил, что ты честолюбив...

— Не больше, чем любой человек...

— Ты не так уже молод, чтобы не мечтать о консулате, — усмехнулся Веттий и хлопнул его по спине. — Не будем спорить! Фортуна изменчива. Но я готов побиться об заклад, что ты в случае нужды не задумался бы сорвать с ее глаз повязку!

Марий покраснел.

— Почему так думаешь? — сдержанно спросил он.

— Я сразу тебя раскусил: душа твоя мятежна, а сам ты — человек насилия...

Оборвав свою речь внезапным смехом, всадник прибавил:

— Хорошо, что ты враг оптиматов. Твоя ссора с Суллой заставила меня подумать: вот безбоязненный человек, который добьется чего захочет!

Так, беседуя, они шли узенькими улочками.

Выйдя на большой пустырь, прилегавший к стене Сервия Туллия, они добрались, наконец, до Тригеминских ворот. Рослые рабы, оба нумантийцы, вывезенные Марием из Испании, едва поспевали за ними.

Тит Веттий жил против храма Меркурия и проводил время в пирах, забавах и увеселениях. Дом его был открыт для всех. Как большинство римской молодежи, Веттий жил в долг, занимая деньги под большие проценты, и ростовщики никогда не отказывали ему, зная, что он — единственный наследник богатого дяди. Но старик, которому давно уже было пора умирать, продолжал жить, хмурый, одинокий, раздражительный.

Это был один из богатейших всадников Рима — Муций Помпон; сын его Помпоний и племянник Лекторий погибли во время восстания Гая Гракха, защищая вождя до конца. Веттий неоднократно обращался к дяде за помощью, но скупой старик резко отказывал: «На пиры и развратных девчонок не дам ни асса, а понадобятся деньги на дело — приходи, побеседуем». Однако дела все не было, да и Помпон не поверил

бы без поручительства лиц, заслуживающих доверия, и Веттий брал ссуды у знакомых менял, или аргентариев, как их называли, и выдавал долговые обязательства, спокойно проставляя на пергаменте чудовищный процент L и обещая возвратить заем в будущем.

— У меня сегодня соберется несколько человек, — сказал всадник, входя с Марием в обширный атриум, устланный *Attalicae vestes* — коврами, вышитыми золотом. — А вот и дорогой друг Луцилий! — закричал он с веселым смехом. — Скажи, какие добрые боги вняли моим мольбам и внушили тебе вспомнить обо мне? Э, да вы, кажется, знакомы! — удивился он, видя, как Луцилий пожимает руку Марию. — Тем лучше! Боги способствуют приятным встречам доблестных мужей!..

— Да замолчи! — прервал его Луцилий. — Неужели ты будешь доволен, если я опишу тебя в сатире болтливым амфитрионом, который угощает гостей словесной жвачкой вместо кушаний?

— Пощади! — не то шутливо, не то с испугом взмолился Веттий, воздевая руки. — Я обращусь к Фебу-Аполлону и божественной музе Полимнии с пламенной мольбой, чтобы они на тот раз лишили тебя вдохновения!..

Луцилий, улыбаясь, взял его под руку:

— Все тот же шутник и весельчак! Покидая Тринакрию, я помолился Меркурию, Нептуну и Эолу, и они милостиво сопутствовали мне.

— Расскажи, как живешь в Тринакрии? Спокойно ли там? Много ли написал и кого осмеял? Прочти что-нибудь, пока соберутся гости...

— Живу хорошо, пишу мало, читаю Гесиода, Гомера, Энния, иногда путешествую по острову. В Тринакрии спокойно, но мне кажется, что боги варваров готовы помогать рабам...

— Что ты говоришь? — вскричал Веттий с заблестевшими глазами.

Луцилий улыбнулся.

— Может, я и ошибаюсь. Вот Марий слушает нас и удивляется: болтуны, бездельники — не так ли? А ведь быть таким храбрым воином и мрачным оптимато-не-

навистником — не много ли сразу? Но успокойся, Гай Марий! Сципион Эмилиан ценил и любил тебя, не смотря на то, что ты враг нобилей...

— Ошибаешься, благородный Луцилий! Эмилиан любил и ценил меня за военные подвиги, — уклончиво ответил Марий и, подумав, прибавил: — Откуда он мог знать о моей ненависти к оптиматам? Да и есть ли она во мне?

— Не хитри, прошу тебя...

В это время вошли Люций Апулей Сатурнин и Гай Меммий. Сатурнину было шестнадцать лет, а Меммию побольше, но Меммий жадно прислушивался к суждениям своего друга. Считая себя учеником Меммия, Сатурнин ошибался: скорее он был последователем Гракхов. Меммий знал это и, сам преклоняясь перед погибшими братьями, высоко ценя полезную их деятельность, думал, что друг его будет продолжать дело Тиберия и Гая.

Плечистый краснощекий Сатурнин и смуглый полнотелый Меммий подняли руки в знак приветствия и одновременно воскликнули:

— Слава доблестным мужам, надежде Рима!

Веттий поспешно подбежал и подвел их к Луцилию и Марию:

— Знаменитый поэт, бесправный всадник. А это — пропретор...

— Да мы знакомы! — перебил Меммий, сжимая руку Мария.

— Оба готовы нам помочь, — продолжал Веттий. — Так ли я говорю, друзья?

— Ты не ошибся, — сказал Луцилий, а Марий молча наклонил голову.

— Мне кажется, — осторожно заметил Меммий, — что нашим новым друзьям мало известны цели, ради которых мы собираемся. Боги и справедливость на нашей стороне. Но кто не знает положения народов, населяющих нашу республику? Всюду стоны, разорение, спекуляции и уменьшение деторождения. Жить, квириды, становится все труднее... Положение земледельцев до сегодняшнего дня было таково. Несколько лет назад комиции решили отменить аграрный закон

Гракхов и суммы, вырученные с арендованных общественных земель, распределить среди городского плебса. Это был ловкий ход со стороны сената — ход Афродиты! Хлебопашец имеет участок и делится доходом с горожанином. Братская помощь? — засмеялся он. — Но городской плебс и так получает даровой хлеб, а деревенский бедняк — ничего (не жрать же ему землю!), и он не в силах заплатить за аренду своего поля. Да и сбывать овощи все труднее, и заморский хлеб вытесняет на рынке наш, римский. Так ли говорю? А сегодня этот подлец Спурий Торий провел-таки закон...

— Какой закон? — прервал Марий. — Неужели оптиматы опять нажимают на нас?

— Общественная земля объявлена частной собственностью, — сказал Меммий, — ее внесли в ценз, и отныне хлебопашец может продавать ее, дарить или оставлять в наследство кому угодно. А хуже всего — что гракхские наделы уничтожены, древний *ager publicus* исчез и пострадали римляне, латины и союзники...

— Все теперь понятно, — усмехнулся Луцилий, — борьбу нужно начинать снова. Вся Италия стала частной собственностью, и нобили начнут так же, как до Гракхов, притеснять хлебопашцев, продавать за долги их земли или скупать за бесценок!

Сатурнин взволнованно забежал по атриуму.

— Вот плоды нашей нерешительности! — воскликнул он. — Теперь не триумвиры будут ведать земельным вопросом, а цензоры, консулы и преторы...

Задумавшись, все стояли, опустив глаза.

— Это, квириды, первая новость, — заговорил Меммий, подняв голову, — о второй скажу после. А теперь послушайте, что делается в благословенном богами городе Ромула: девушка, пятнадцатилетняя дочь консула Люция Кальпурния Бестии, этого продажного пса, который вместе с Эмилием Скавром был подкуплен Югуртой, забеременела и сделала себе выкидыш; жена претора Кассия родила в его отсутствие и ребенка удавила; а дочери всадников, научившись предупреждать зачатие, безнаказанно развратничают, потому что и матери их не без греха...

— Ужасное зло, — посетовал Луцилий, — рождаемость падает, а если это продолжится несколько лет, Рим впоследствии ощутит недостаток в воинах...

Марий засмеялся.

— Это тебя не опечалит, благородный Луцилий, — вымолвил он, поглаживая волосатой рукой густую черную бороду, — пусть в Риме будет поменьше воинов, лишь бы у вас, союзников, было их побольше!...

— А если и так, — вспыхнул Луцилий, — я люблю Рим; я верный сын его! Нет, не сын, а пасынок, потому что Рим не заботится о своих детях... Были прекрасные борцы-полубоги, которые больше радели о нуждах бедных союзников, чем отцы государства. И что ж? Их умертвили, обвинив в посягательстве на целостность республики... И кто обвинил? Кто? Люди, достойные самой жестокой казни! — И повернувшись к Сатурнину: — Друг, — спросил он, — где же ваша вторая новость?

— Вот она! — вскричал Сатурнин. — Югурта прибыл в Рим!

Все молчали.

— Ну и что ж? — первый заговорил Луцилий. — Югурту мы знаем (помнишь, Гай Марий, юного царевича?), он легко согласится на мир.

— Это были славные дни римского величия! — улыбнулся Марий. — Но не тешь себя, благородный Луцилий, надеждами: Югурта хитер и коварен...

— Я такого же мнения, — согласился с ним Мемий. — Разве не он подкупал наших военачальников? Даже Марк Эмилий Скавр, *princeps senatus*¹, не устоял против его золота! Пусть он это сделал по наущению Кальпурния Бестии, вина все равно на нем, хотя он и сумел оправдаться. А куда девались слоны, скот, лошади и серебро? Царь выдал их Бестии, заявив, что сдается на нашу милость. А потом он подкупил военачальников Бестии, и они продали ему скот, перебежчиков, слонов и даже серебро...

Веттий рассмеялся:

---

¹ Глава сената. (Лат.)

— За серебро царь приобрел свое же серебро. Хотелось бы знать — за какую цену?

В атриум входили центурионы, воины, клиенты, полупьяные, плохо одетые граждане, бедняки и рабы.

— В твоём доме, дорогой Тит, настоящее царство Сатурна, — насмешливо шепнул Луцилий, — равенство, братство, благосостояние, радость... Уж не думаешь ли стать вождем всех этих оборванцев?

— Не глумись, прошу тебя, — покраснел Веттий, — твоё отношение к бедности равносильно презрению римлян к союзникам.

Луцилий побледнел.

— А ведь ты, *carissime*¹, тоже союзник... Эти люди готовы постоять с мечом в руках за дарование вам прав гражданства.

Сатирик растерялся:

— Прости. Я не знал, ради чего собираются эти люди. Не забудь — человек я новый, и мне показалось, что они пришли только для того, чтобы поесть и напиться...

В атриум вбежали с веселым смехом блудницы и флейтистки, окружили мужей, воинов, ремесленников и рабов. Посыпались вольные шутки.

Меммий, Марий и Сатурнин отошли к имплювию: брезгливость вызывали в них эти женщины, а Тит Веттий, позволявший им обнимать себя, показался Марию легкомысленным и пустым человеком.

— Я догадываюсь, зачем приглашены сюда развратницы, — сказал пропретор, — и считаю наше присутствие в этом доме постыдным.

Меммий молчал, но Сатурнин спокойно ответил:

— Да, но неужели они не люди? А разве нам известно, что довело их до такой жизни? Может, голод, насилие — кто знает...

К ним подошел Луцилий:

— Взгляните на столы, которые вносят слуги по приказанию амфитриона...

Голос Веттия донесся до них:

---

¹ Дражайший. (Лат.)

— Освободить место для плясок, да сказать повару чтобы поторапливался, иначе — клянусь Прометеем! — я похищу у него огонь или его у огня!

Все засмеялись.

— Вина от Опимия не подавать: оно пахнет кровью Гракхов!

Слова хозяина потонули в шуме голосов. Гости возлегали за столами.

Веттий подхватил Мария и Меммия под руки, кивнул Сатурнину, приглашая его следовать за собой, и торжественно подвел всех троих к столу, за которым уже возлежали две матроны и девушка: Люция — молодая дочь Муция Помпона, жена всадника Мамерка, Цецилия — пожилая супруга нобиля Нумерия, и Лоллия — дочь всадника Аниция.

Три мужа заняли места за столом.

Пожилая матрона говорила молодой:

— Удивляюсь, Лоллия! Ты пренебрегла счастливым случаем познакомиться с царем! Разве ты не побывала у жены Гая Бебия, когда Югурта навещал его?

— Верно, благородная Цецилия, но царь прибыл сегодня утром; вид у него был усталый, и мы с Терцией не посмели показаться ему на глаза.

— А кто сопровождал Югурту, кроме Кассия?

— Царские сановники, с такими звероподобными лицами, что нам было страшно...

Сатурнин подмигнул Меммию. Марий исподволь наблюдал за ними, чувствуя, что здесь, за столом, должно произойти нечто занимательное.

— Югурта, конечно же, посетил народного трибуна, чтобы заручиться его поддержкой, — заговорил Меммий, косясь на матрон. — Следуя сюда, на пирушку, я встретился с Гаем Бебием, и он сказал мне... Но, может быть, благородная Лоллия расскажет нам своим приятным голосом, о чем договорились царь и народный трибун?

Меммий, улыбаясь, взял с блюда румяную, поджаренную куриную ножку и поднес девушке. Лоллия поблагодарила его взглядом.

— Как договорились — не знаю, — сказала она, — но, сидя в перистиле, я слышала, как Югурта торговал-

ся с благородным Бебием: трибун должен был стать оплотом против римского правосудия и народного негодования...

— И Бебий... — побледнев, шепнул Меммий.

Но Цецилия перебила их — она поняла, что дело может кончиться неприятностями для Бебия — и голос ее прозвучал предостерегающе:

— Все это сплетни, дорогая Лоллия! Югурта не мог посетить народного трибуна, потому что он виделся в этот день со своим родственником Массивой, сыном Гулуссы и внуком Масиниссы!

— Но ты сама говорила! — вспыхнул Сатурнин.

— Я говорила? Когда?

— Замолчи, лживая женщина! Сказками о свидании Югурты с Массивой дела не поправить! Всем известно, что Массива бежал в Рим после сдачи Цирты и убийства Адгербала и теперь, по совету Спурия Альбина, добивается царской власти в Нумидии. Следовательно, Югурта не мог навестить своего врага!

Люция не слышала, занятая едой. Но резкий голос Сатурнина заставил ее насторожиться. И она решила поддержать Цецилию:

— Конечно, благородная матрона права. И я могу поклясться Юпитером, что Югурта, побывав у Гая Бебия, отправился к... (она забыла имя Массивы и растерялась) к... как его имя? Масинисса? Не помню...

Сатурнин расхохотался. Это было невежливо по отношению к гостье (даже Меммий смутился, а Ветгий покраснел), но временами на него находили приступы веселья, и тогда он пугал грубым, неприятным смехом окружающих. И сейчас, опрокинувшись на ложе, хватаясь за живот, он захлебывался от хохота.

— Перестань, перестань! — шептал Меммий. — Ты обидел амфитриона и его гостью, ты...

Марий молча наблюдал за ними. Его хмурое волосатое лицо кривила презрительная усмешка, а мрачный взгляд, казалось, говорил: «Не обманете, вижу насквозь — и вас, и гостей, и никому не верю; потому что все вы негодяи». А Люция переглядывалась с мужчинами; любовников у нее было много, и она об-

думывала, как распределить дни свиданий и как искуснее обмануть подозрительного мужа.

Лоллия и Цецилия поспорили. Размахивая руками, они оскорбляли друг дружку грубой бранью. Марий смотрел на них, и ему становилось весело.

— Ты, подлая, бегала к Гаю Бебию, как субурритянка! — кричала Лоллия, размахивая обглоданной куриной ножкой. — Ты развратила добродетельного супруга добродетельной жены! Твои бесстыдные ласки знакомы всему Риму!

— Лжешь, потаскуха!

Глаза Лоллии округлились. Она с ненавистью смотрела на густо покрытое румянами поблеклое лицо матроны и вдруг размахнулась, швырнув в нее обглоданной костью. Цецилия вскрикнула. Из разбитой нижней губы текла кровь, на побледневшем лице застыл испуг, и матрона прижимала ладонь к ране.

Веттий растерялся; он умолял Цецилию возлечь за другим столом, где случайно освободилось место (один старый раб, объевшись, внезапно умер, и его поторопились выволочь наружу), но разъяренная женщина воспротивилась:

— Она, дочь плебея, подняла руку на патрицианку!

Ей не дали говорить. Гром голосов потряс атриум:

— Что ты там врешь, старая подошва, о плебейх?

Веттий поднял руку:

— Тише, квиристы! Я собрал вас не для того, чтобы смотреть на драки и слушать споры! Еще не выпита ни одна капля, а раздор уже блуждает по атриуму. Что же будет, когда Вакх развеселит ваши сердца? Неужели хотите, чтобы я лишил вас вина?

Все замолчали, кроме Цецилии и Лоллии. Теперь они переругивались почти шепотом.

Марий повернулся к Веттию:

— Позволь мне, дорогой амфитрион, унять этих фурий. Одно твое слово, и я стукну их лбами с такой силой, что эти глупые головы расколуются, как тыквы, и мы увидим, много ли у них мозгов?

Он оглянулся. Ложе Меммия и Сатурнина опустело: воспользовавшись возникшим спором, оба друга поспешили скрыться.

Глава VIII

Отпустив сопровождавших его клиентов и простившись с друзьями, верными участниками его ночных походов, Сулла нащупал под плащом меч и углубился в темноту извилистых улочек. Он почти не думал о столкновении с пропретором, хотя иногда мелькала в его сознании одинокая мысль о сподвижнике Сципиона Эмилиана, быстро исчезая в неясных воспоминаниях о ночных оргиях...

Патриций шел, прислушиваясь к своим шагам и лаю сторожевых собак.

Рим, казалось, спал глубоким сном.

Однако этот мнимый сон сменился движением, говором, зазывными голосами простибул, когда Сулла вышел на *Via Arria*. Ночная жизнь текла неравномерно: в освещенных местах она кипела, а в темноте замирала, как бы притаившись.

Пройдя около стадия, он свернул в узенькую улочку. Женский крик, испуганный и умоляющий, полоснул тишину:

— Помогите!

Сулла остановился. Крик повторился громче и отчаяннее.

Не колеблясь, патриций выхватил меч и бросился в темноту. Не успел он сделать нескольких шагов, как пришлось остановиться. Пять пьяных всадников, окружив женщину, пытались ее связать. Она отбивалась от них кинжалом, но силы ее покидали, и она, прислонившись спиной к каменной стене, едва защищалась.

— Назад, негодяи!

Голос его прозвучал твердо и властно. Всадники шархнулись и оставили женщину, но увидев против себя только одного человека, порывисто распахнули плащи. Сулла понял, что, если они выхватят оружие, ему не устоять в неравной борьбе. Он бросился на них и, работая мечом, как палкой, стал наносить удары плащом. Всадники обратились в бегство.

Сулла вернулся к женщине. Она стояла на том же месте с кинжалом в руке, и слезы градом катились по ее пухленькому личику.

Он окинул ее быстрым взглядом: юная (ей не было еще и шестнадцати) привлекательная девушка, высокая, стройная. Глаза их встретились. Прижимая руки к груди, она тихо выговорила:

— О, благородный муж! Чем отблагодарить тебя за помощь?

Сулла усмехнулся.

— Лучше скажи, кто ты, чтобы я знал имя красавицы, с которой встретился в эту ночь.

— Я Юлия, сестра Секста Цезаря из рода Юлиев, — сказала девушка, восторженно поглядывая на Суллу черными блестящими глазами, — и когда мой дядя Авл, претор, и брат Секст, квестор при сокровищнице Сатурна, узнают о твоём геройском подвиге, они лично приедут поблагодарить тебя за твою неустрашимость.

— Я не нуждаюсь ни в чьей благодарности.

— Ты горд. Скажи по крайней мере свое имя, чтобы в моем сердце сохранилась благодарность до самой смерти... чтобы я могла молить небожителей о твоём здоровье, успехах и счастье... чтобы...

— Благодарю тебя, — холодно ответил Сулла, — но твой дядя склонен, как я слышал, поддерживать плебеев... а брат даже принимает у себя таких лиц, как Меммий?..

— Он почитает погибших Гракхов и ратует за справедливость... Разве это плохо?

Сулла засмеялся.

— Пойдем, я провожу тебя, Юлия, чтобы никто не сказал обо мне, что я оставил тебя в опасности... А где ты живешь? И как очутилась ты в темной улице без провожатых?

— Увы, господин, я возвращалась от знакомых, три раба сопровождали меня, и когда на нас напали всадники, невольники разбежались...

— Ну, а как поступит твой дядя с трусливыми рабами? — засмеялся он. — Молчишь? Я бы приказал содрать с них шкуру!

Она со страхом взглянула на него.

Они шли по освещенной Via Appia. Юлия вспоминала, где видела это некрасивое лицо, приподнятый подбородок, выпяченные губы, золотистые волосы, а Сулла,

глядя на нее, думал, как провести эту ночь: «Созвать шутов и мимов, и пить с ними до рассвета? Или пригласить Арсиною, канатную плясунью, чтобы подбодрила меня своими ласками? Или пойти на пиршество к Скавру, который клянется, должно быть, в сотый раз, что он — самый честный муж республики? Нет, все это глупости. Отправлюсь лучше домой, зажгу свечку и закончу изучение боя при Гранике. И если буду вторым Александром Македонским, то опыт великого завоевателя принесет мне пользу. Умственные удовольствия длительны, а потому приятнее телесных».

Юлия спрашивала его о чем-то уже третий раз, а он не отвечал, погруженный в размышления, и вздрогнул, точно разбуженный от глубокого сна, когда она дотронулась до его тоги.

— Что говоришь? Люций Опимий? Негодяй? Да, негодяй и скотина! Но разве большинство оптиматов не такие же подлецы? Я знаю, что нобили злоупотребляют своим влиянием, народ — свободой; каждый стремится захватить, похитить, обмануть... Всадники наглеют, потому что знать захудала, а земледельцы ослабели... Всюду грабежи, лихоимство... Но придет муж, который возьмет власть в свои руки и жестоко расправится со злодеями.

— Скажи, господин, кто же, по-твоему, должен стоять у власти, если ты порицаешь все сословия?

— У власти будет один человек: вождь, и главенство его признает сенат...

— Царь?

Он не ответил, точно не слышал вопроса, и продолжал после минутного молчания:

— Он повернет железной рукой республику к древним временам, чтобы жизнь стала такой же, как до войн с пунами. Все должны знать свое место!

Мельком взглянула на него и вздрогнула: лицо его, принявшее жестокое выражение, пылало, губы подергивались, а глаза горели, как у дикого зверя. Вдруг он рассмеялся:

— Какие странные разговоры ведем мы ночью, после нападения злодеев! Ты находишься, девушка, во власти незнакомого человека, который может оказать-

ся, неожиданно для самого себя, разбойником! Ты не боишься меня?

Нагнулся к ней, она близко увидела его мужественное некрасивое лицо, чувственные губы, запах крепких духов ударил ей в голову, но она не отстранилась.

— Нет, не боюсь... Я долго думала о том, где увидела тебя впервые, и вот наконец вспомнила: дядя Авл, рассказывая о пиршестве у Метелла, показал мне тебя на улице, и твои золотистые волосы остались у меня в памяти. Там, на пиру, один всадник оскорбил какую-то плясунью, а вступившегося за нее патриция обозвал дурным словом. Патриций подошел к обидчику и ударом кулака свалил его на землю... Скажи, ты — Люций Корнелий Сулла?

Он опять промолчал, задумчиво шагая рядом с девушкой. Ему приятно было, что она, привлекательная и умная, рассуждает, как взрослый мужчина, но досадно, что ее родные тяготеют к плебсу...

Когда Юлия, указав на дом Цезарей, стоявший на углу какой-то невзрачной улицы, объявила, что они уже пришли, он просто сказал:

— Прощай.

— Благодарю тебя за великодушие, — вздохнула девушка, — мой дядя...

— Твой дядя и брат — враги патрициев, значит — и мои враги, — резко ответил он и остановился.

Смотрел, как белый ее пеплум мелькал в темноте, и ему казалось, что с ним улетала от него душа Юлии.

Круто повернулся и быстро зашагал. Вскоре его крепкая фигура пропала во мраке.

Глава IX

Спустя несколько дней Квинт Цецилий Метелл праздновал выздоровление жены от опасной болезни, и Марий, успевший увидаться с ним и хитростью войти к нему в доверие, получил приглашение на пир.

Треножки с вазами, столики и столы, кресла и скамьи загромождали атриум. Он жужжал голосами гостей, сверкал женскими одеждами, расшитыми серебряными и золотыми блестками, искрился драгоценными камнями, пестрел мозаикой пола, благоухал запахом духов, чеснока и пота.

Высокие светильники ярко горели, потрескивая и мигая, и фитили чадили.

Войдя в атриум, Марий взглянул в зеркало, находившееся у входа, и оправил на себе тогу. Блестящая поверхность отразила большую голову с всклокоченными волосами, которые не поддавались действию гребня, круглое красно-бурое обросшее лицо и черную не подстриженную бороду, тоже всклокоченную.

Не смущаясь своей наружностью, Марий оглядел исподлобья гостей, отыскал в толпе Квинта Цецилия Метелла, обритого широкоплечего патриция с умными, быстрыми глазами, который беседовал у имплювия с всадниками, а у входа в таблиниум увидел его братьев: Люция Далматского и Квинта Балеарского.

Оставив всадников, хозяин пошел навстречу гостю. Но не успел он подойти к нему, как лицо Мария побагровело, кулаки сжались. Квинт Цецилий Метелл оглянулся. Марий не сводил глаз с Суллы; окруженный толпой женщин, золотоволосый патриций беседовал с ними, и взрывы хохота потрясали атриум.

— Сулла! — шепнул он, направляясь к нему.

Но Метелл удержал его:

— Прошу тебя, успокойся и расскажи, отчего взволновала тебя встреча с этим молодым человеком.

Выслушав Мария, амфитрион улыбнулся:

— Не обращай внимания на дерзкие проделки этого человека. Все говорят, что он ведет гнусный образ жизни, но я не мог не пригласить его: он принадлежит к старинному роду и, кажется, не лишен дарований...

Метелл не закончил: к ним подходил Сулла; в его глазах искрился смех.

— А, старый знакомый! — воскликнул он, взглянув на Мария, и тотчас же повернулся к Метеллу: — Мы поспорили немного на набережной, и я, — обратился он к Марию, — призываю в свидетели всех богов и

Ромула-Квирина, что не хотел обидеть сподвижника Сципиона Эмилиана! Я высоко ценю, пропретор, подвиги и деятельность, которыми ты прославился в Испании, и надеюсь, что в будущем твое имя прогремит по всей республике, как грома Юпитера Капитолийского... Не сердись?

Слова Суллы смягчили сердце Мария.

— Если я тогда, — улыбнулся он и первым протянул руку, — обидел тебя, забудь и не сердись.

Метелл был доволен их примирением, но не предполагал, что за словами Суллы таилась холодная ненависть, тогда как Марий высказывался искренно.

В это время в атриум входили Цезари — Авл, Секст и Юлия. Шепот пролетал по атриуму, точно залепетали листья, тронутые ветерком:

— Прекрасна! Божественна!

— Какие руки и глаза! Какой цвет лица!

Высоко подпоясанная, чтобы казаться стройнее, Юлия и без того была стройна. С шеи свисала на грудь золотая цепь с драгоценными камнями, в ушах сверкали продолговатые серьги, на руках — серебряные змеевидные перстни. А на голове сияла золотая диадема.

Марий и Сулла, стоя рядом, любовались девушкой. Рука Мария то приглаживала непослушные вихры, то тянулась к всклокоченной бороде. Он волновался.

Сулла был спокоен. Легкая улыбка блуждала по его губам. Он перевел глаза на дядю-претора и брата-квестора. Авл был муж пожилой, с сединой на висках и бороде, а Секст значительно старше сестры. Оба держали себя гордо и независимо, а Метеллам дружески пожимали руки, хотя были только знакомыми, а не друзьями.

Юлия узнала Суллу и, вспыхнув, опустила глаза.

Он подошел к ней, поклонился, похвалил ее дорогую одежду, сказал, что рад видеть такую прелестную девушку, которой все восхищаются, “даже бородатые дикари” (это был намек на Мария), и отошел, не взглянув даже на обоих Цезарей.

Марий с завистью смотрел на Суллу.

— Ты давно знаком с этой красавицей? — шепнул он. — Расскажи, кто она, какого поведения, кто эти

мужи, сопровождающие ее, где живут, богаты ли и пользуются ли влиянием в Риме?

— Все это меня мало занимает. Я познакомился с ней, как знакомятся все — на пирах, в амфитеатре или на прогулках. Об остальном спроси у амфитриона.

И, отвернувшись от него, направился к Метеллам.

— Югурта обнаглел, — говорил Балеарский, щуря близорукие глаза, — он приказал Бомилькару, своему сановнику, тайно умертвить Массиву, а когда Альбин раскрыл преступление и Бомилькар сознался, Югурта сумел так повести дело, что убийцу отпустили по поручительству пятидесяти царских сановников. Потом Бомилькар исчез — очевидно, Югурта отослал его в Нумидию.

— А сенат? Неужели отцы государства не заключили царя в Мамертинскую темницу? — спросил Далматский.

— Увы, — вздохнул Квинт Цецилий, — сенат приказал ему удалиться из Италии. И он поспешил уехать в сопровождении нашей стражи. Центурион, сопутствовавший ему, говорит, что царь молча оборачивался на Рим и, наконец, воскликнул: «Вот продажный город, который погибнет!»

— О, позор, клянусь Марсом-мстителем! — вскричал Балеарский. — Неужели центурион смолчал, слыша глумление варвара?

— Центурион заколол бы его, как свинью, но, понимаешь, приказ об охране царской особы!

Сулла засмеялся, и братья повернулись к нему.

— Приказ? — переспросил он, пожимая плечами. — Я бы не задумался наказать его со всей строгостью.

Марий стоял, прислонившись к колонне.

«Нужно ехать на войну, добиваться консулата, — думал он, — но прежде я должен разбогатеть и выгодно жениться... Ох, Юлия! Юлия! Прекрасная, как Венера, строгая, как Диана, мужественная, как Минерва, ты покорила мое сердце и будешь моей Юноной, клянусь небожителями! Иначе жизнь станет для меня тягостью!»

Гости занимали уже места за столами. Марий отыскал глазами Цезарей и возлег рядом с ними.

Глава X

В этом году зима была суровая, и римляне рано надели теплые тоги. С ноябрьских ид по ночам и утрам шли холодные дожди, а в пятый день декабрьских календ выпал густой снег. Вскоре он растаял под лучами солнца, и несколько суток стояла оттепель с туманами и пронизывающей сыростью. Спустя неделю снег опять покрыл землю, подул холодный Борей и сковал морозом лужи. Даже вдоль берегов Тибра появилась хрупкая корка льда. Солнце скрылось.

В шестнадцатый день римских календ ветер утих, пошел снег крупными хлопьями.

Но улицы, несмотря на холод, жили напряженной жизнью. Рабы и невольницы, кутаясь в плащи, спешили разнести подарки, посылаемые господами друзьям и знакомым. Торговцы готовились закрыть лавки, торопясь продать товары.

Серые сумерки слетали на город. Форум гудел, как улей. Храм Сатурна, на вершине которого находились тритоны — трубачи, погрузившие хвосты в воду, — оживленно шумел; жрецы и магистраты торжественно пировали в честь Сатурна и его супруги Опс. В многочисленных вазах поблескивали зерна и плоды — символы земли и неба.

Народ ждал...

Наконец под портиком храма появился белобородый жрец, прошел на середину форума и возгласил:

— Сатурналии! Сатурналии!

Радостные крики огласили форум, прокатились по улицам. Толпы рабов в пилосах выбегали из домов, распевая во все горло песни на своих варварских наречиях, весело выкрикивая:

— Io Saturnales!¹

Народ валил беспрерывно. Снег хрустел под ногами. На улицах продавались глиняные скульптурные фигурки, и горожане покупали их, чтобы принести в жертву Сатурну за себя и за родных.

---

¹ Иду в Сатурналиях! (Лат.)

Белый город Ромула утопал в сгущавшемся сумраке. Огни светилен мигали, и розовые тени плясали по грязному снегу. Рабы и плебеи спешили в господские дома, где ожидало их пиршество. Но в эти праздники слова «господин» и «раб» не произносились, потому что все жители республики считались равноправными гражданами.

Метеллы, не желая справлять Сатурналий в обществе невольников и клиентов, уехали накануне в свою виллу; гордые нобили предпочитали просидеть сутки в летнем доме, в холоде и без слуг, чем «унижаться» перед «говорящими орудиями». Многие оптиматы отправились с вечера в игорные дома, где чванливая римская молодежь, привыкшая к шуму и спорам, играла в кости (эдилы в этот день сознательно закрывали глаза на недозволенную забаву, во время которой проигрывались большие состояния, рабы и дома), но большинство нобилей и всадников все же остались дома, — Сатурналии обещали веселые часы, мимолетные связи с женщинами.

Сулла, получивший после смерти Никополы крупное наследство и не успевший промотать его, жил на Палатине, где занимал небольшой, прекрасно обставленный дом.

Задолго до Сатурналий он подсчитал свои деньги и десятую часть их, а также кое-что из одежды, ваз и статуэток предназначил на праздничные расходы.

Ожидая вечером гостей, он приказал еще накануне вымыть и вычистить дом, приготовиться к пиру; лично наблюдал за работой поваров и невольниц, закупил вещицы, которые собирался подарить друзьям.

Посылая рабов, Сулла говорил:

— Не берите ничего от господ в награду и не пейте вина больше одного фиала. Отнесите Лутацию Капулу пучок зубочисток, банку варенья из ливийских фиг и дюжину навощенных дощечек, о трех страницах каждая; всаднику Аницию пол-либры¹ благовоний и восковую свечу, чтобы усердно молился богам о порядке в своем доме; дочери его Лоллии (передать так, чтобы

---

¹ Либра, или римский фунт, равнялась 369 граммам.

никто не видел!) — губку, корзинку лучших оливок и горшочек с антиполисскими тунцами; маленькой Арсиное, канатной плясунье, — корзинку орехов, пряников и венков; шутам и мимам — полмодия очищенных бобов, луку и сыру; клиентам — вазы, туники с рукавами и пряжки для обуви, как я распределил и записал, а рабам и невольницам — по одному ассу и восковой свечке. При каждой посылке найдете эпистолу, которую вручите по принадлежности.

Он улыбнулся, вспомнив содержание этих эпистол. Катулле он написал:

«Желаю тебе не почернеть от знойных объятий эфионки, в которую ты влюблен»;

Аницию:

«Зорко смотри за своими сундуками с золотом, в которых завелись черви, поедаящие динарии».

(это был намек на расточительную и беспорядочную жизнь жены всадника); Лоллии:

«Вытирай тщательно посылаемой губкой чужие поцелуи на своем теле».

а канатной плясунье:

«Лакомься сладостями, как я лакомлюсь тобой».

Днем он стал получать ответные подарки. Лутаций Катулл прислал скатерть и письмо с дерзким ответом:

«Бережно употребляй эту подстилку во время любовных нежностей»;

Аниций -- амфору, наполненную желудями:

«Кушай на здоровье».

(Сулла, побледнев от бешенства, подумал: «Никогда ему не прощу!»); Лоллия — серебряную чашу с уксусом:

«Я — мед, а ты — уксус»,

Арсиноя — прядь волос и эпистолу на греческом языке:

*«Сладости от тебя — напоминание о сладостях
твоей души и тела»,*

а один бедный клиент, распродавший свое скудное имущество, чтобы сделать патрону оскорбительный подарок, прислал золотое кольцо.

Сулла побагровел: «Велю продать кольцо в пользу храма Сатурна, а клиенту дам собственноручно на третий день двести пятьдесят ударов тростью по ногтям!»

В атриуме все было готово для вечернего пиршества.

Когда рабы и невольницы вышли на улицы для участия в Сатурналиях, в дом Суллы прибыли мимы, шуты и Арсиноя — все в одеждах рабов.

Канатная плясунья жила близ храма Кастора и отказывалась переехать к Сулле, потому что состояла в корпорации фокусников и считала неудобным покидать коллег. Страстно привязанная с отрочества к патрицию, которого боготворила, она не имела любовников и не желала выходить замуж, пока жив был ее господин; связь их не омрачалась ничем в течение десяти лет — срок огромный при непостоянстве Суллы.

Надев рабскую одежду, Сулла отправился на кухню подогреть блюда, которые подавались в горячем виде.

Засучив рукава, он усердно трудился у пылающего огня и говорил помогавшей ему канатной плясунье:

— Мы равны, Арсиноя! Я знаю о твоей привязанности. Жена надоела, и я отошлю ее к родителям, если ты согласишься выйти за меня замуж. Не отказывайся, умоляю тебя!..

Арсиноя звонко засмеялась и обняла его. Она была слишком умна, чтобы согласиться, и сказала, прижимаясь смуглой бархатистой щекой к его лицу:

— Я согласна, но только на время Сатурналий!

— Арсиноя!
— Не проси меня, Люций! Разве я не знаю, что после празднеств проснусь канатной плясуньей, а ты — патрицием из древнего рода?

Арсиноя не пара Люцию Корнелию Сулле.

Он молчал, в душе соглашаясь с нею.

— Десять лет я люблю тебя, Арсиноя, хотя и много узкобедрых дев возлегало на моем ложе. Скажи — не переставала ли ты меня любить, зная об этом?

Она грустно улыбнулась.

— Я ревновала тебя, ревную и теперь. Но каждый раз я думала так: если это составляет для него удовольствие, пусть наслаждается и пусть Афродита будет ему помощницей!

Сулла не успел ответить — возвращались рабы.

Они ворвались в атриум, как в свой собственный

дом, — с криками, песнями, воем и грохотом. Многие бросились в лаватрину, чтобы помыться.

Мужчины и женщины купались вместе — грубые шутки и хохот не умолкали. Вода плескалась, горячая и холодная, цистерны опорожнялись и вновь наполнялись. Многие, торопясь, мылись в грязной воде, оставшейся после предыдущих купальщиков: не время было разбираться в полутемной лаватрине, когда ждало всех пиршество.

Из лаватрины люди побежали в атриум. Остановившись у столов, они бросали кости: выбирали царя пирушки. Наибольшее число очков получил любимый шут Суллы.

Это был старый, лысый карлик со слезящимися глазами. Он с гордым видом занял почетное место и смотрел исподлобья на собеседников. А они, играя в кости на орехи, ругались, спорили.

— Кончать игру! — приказал царь пирушки, и все, не возражая, повиновались. — Занимайте места. Эй, повар и повариха! — закричал он. — Давайте кушать, иначе, — клянусь Эскулапом! — всех нас придется спасти от голодной смерти.

Сулла и Арсиноя появились в дверях таблиума. Они несли одинаковое блюдо — гороховую похлебку. Потом последовала полента, жареная свинина, пирожки и облитые медом лепешки. Хозяин сам прислуживал рабам — ему некогда было даже поесть.

Черные глаза канатной плясуньи пристально следили за гостями; она прислушивалась к их речам и улыбалась, слыша нетерпеливые вопросы

— Скоро ли подадут вино?

Обделяя пирожками собеседников, Сулла нагнулся к царю пирушки:

— Прикажи, чтобы каждый выбрал себе подругу.

— Зачем? Всякий волен взять любую женщину...

— Сделай, как я сказал.

Шут, не смея возразить, возгласил:

— Выбирайте себе подруг, чтобы было кого угощать вином!

Несколько рук потянулось к Арсиное.

— Нет, нет! Опоздали, — сказал Сулла, — она уже выбрана.

— Не тобой ли? — дерзко спросил рослый сириец, обхватив Арсиною за плечи, но она вырвалась и убежала в таблиниум.

Сулла побагровел, на лбу налилась кровью толстая, как веревка, жила, кулаки сжались. Еще бы мгновение, и пирушка бы прекратилась, вспыльчивый патриций начал бы жестокую расправу, полилась бы кровь... Царь пирушки понял это и, вскочив, бросился в таблиниум.

— Назад! — крикнул он. — Каждый выбирает себе женщину не насильно, а с ее согласия. Слышишь? — обратился он к зачинщику беспорядка. — А за то, что ты нарушил царское приказание, повелеваю, чтобы ты вымазал себе лицо сажей, а затем окунул голову в холодную воду. Где вода? Несите сюда...

Сириец, побледнев от ярости, должен был подчиниться. Собеседники заняли места. Теперь рядом с каждым из них сидела рабыня, жена или дочь клиента.

Вино было подано одинаковое для всех — римское, которое Сулла велел заранее приправить медом и пахучими корешками, чтобы убавить кислоту. Дружно наполнялись и опорожнялись чаши гостей, кроме хозяйской. Все пили за здоровье друзей и знакомых.

— Позвать кифаристов и плясунов! — закричал сириец, и крик подхватили десятки здоровых глоток.

Но Арсиною подняла руку.

— Не хочу, — сказала она, зная, что несогласие одного из собеседников равносильно, по обычаю, запрещению.

Она хотела угодить Сулле, который не любил мужской игры и пляски, предпочитая женскую. Сулла понял ее намерение и ласково улыбнулся.

Напившись, рабы затагнули во все горло:

Наш господин жесток и злопамятен.

Наш господин похотлив, коварен, хитер —

Портит рабынь молодых, неопытных,

Чтобы потом их менять... менять на иных!

Наш господин бежит от жены ночью...
Вечер ушел, и Селена уже на путях
Звездного неба, а тучки спрятались...
Стой, господин! В объятьях жены твоей — раб!..

Хохот прервал песню. Невольники вскочили, дразнили Суллу, издевались над ним, величая его «*Virgini-um avidus spectator*¹», а он невозмутимо наливал в чаши вино и переглядывался с Арсиноей.

Сириец, надев обувь и тогу господина, пошел по атриуму, подражая походке Суллы, размахивая руками и бросая по сторонам быстрые взгляды. Несколько рабынь захохотали.

Сулла шутил с Арсиноей, но взгляд его, бросаемый изредка в сторону невольника, был напряженно внимателен. И когда сириец, усевшись среди рабов, стал перешептываться с ними, Сулла огляделся.

Атриум хохотал: царь пирушки, потребовав вина, сам обносил гостей, кривляясь и рассказывая каждому о любовных похождениях их жен и дочерей — и все это весело, с острой приправой пряных подробностей.

Когда собеседники напились, он распорядился:

— Уйди, Арсиноя, в мой кубикулум, — шепнул Сулла, — и запрись. Я скоро приду.

Гасли огни.

Сулла очутился рядом с тщедушной дочерью клиента. Он полуобнял ее. Девушка забилась в его руках, но, узнав господина, перестала сопротивляться.

И вдруг Сулла, вздрогнув, отпустил ее: сириец полз к нему с ножом в зубах.

— Зажечь огонь! — загремел властный голос хозяина.

И когда светильни вспыхнули ярким пламенем, все вскрикнули: Сулла, схватив невольника за горло, вырывал у него нож.

— Друзья! — кричал он рабам и клиентам. — Этот негодяй хотел меня убить в темноте, но Кронос вместе с Юпитером охраняют Люция Корнелия Суллу... Где царь пирушки? Поступи с ним, как хочешь, но... если это случится еще раз, я не посмотрю на Сатурналии!

---

¹ Соблазнитель девушек. (Лат.)

Шут подбежал к сирийцу:

— Приказываю тебе выйти вон! Ты пьян...

Раб, опустив голову, молча вышел.

«После празднеств он умрет», — подумал амфитрион.

Огни стали опять тускнеть.

Глава XI

Марий провел Сатурналии в обществе нескольких невольников не так весело, как этого требовал обычай.

Вечером он надел невольничью одежду и так же, как все римляне, сам прислуживал рабам.

Разлив вино в чаши, он сказал:

— Друзья, много тысяч лет тому назад в благословенной богами Италии царствовал Сатурн. Тогда не было ни войн, ни преступлений, ни разбоев, ни рабов, ни господ; не наблюдалось и краж, ибо люди не знали собственности — все было общим. Все были равны, возделывали землю и жили счастливо. Празднуя сегодня годовщину (которую — никто не скажет!) этого счастливого времени, мы должны поклясться, что будем стремиться к Сатурнову царству, будем добиваться равенства, братства, крепко бороться за справедливость!

Рабы молчали.

— Друзья, вы знаете: я претор, римский магистрат, а кем я был раньше? Батраком. Со мной обращались плохо, а я терпел... Сколько раз рука моя сжимала камень и нож, чтобы убить господина или вилика, сколько раз я готов был поджечь виллу, возмутить таких же как я, разгромить все! Но я понимал, что бунт подавили бы, рабов распяли, а меня, свободнорожденного, убили... Поэтому я решил ждать.

Он хмуро усмехнулся:

— А теперь выпьем за второе царство Сатурна.

— За твое здоровье! — кричали рабы. — Будь нашим вождем! Веди нас против...

— Тише! — перебил Марий. — О таких делах нужно молчать. Когда придет время, я покажу вам пилосы!

Радостные восклицания огласили атриум. Окружив Мария, рабы жали и целовали ему руки, а невольницы бросали на него признательные взгляды женщин, которым неожиданно обещана хорошая жизнь, благополучие, брак и материнство.

Когда пиршество кончилось и рабы разошлись, Марий прошел в таблиум и сел у стола.

Вспомнил свой трибунат, торговые спекуляции совместно с всадниками, которые не брезговали мошенничеством, подкупами и обманом, а он, Марий, бросался с невероятной жадностью от одной подозрительной сделки к другой, наживался, отдавал свои деньги в рост хитрым грекам-менялам и ссужал под огромные проценты беднякам, не заботясь о том, что это незаконно и безнравственно.

«А ведь я, как паук, высасываю кровь из плебеев», — подумал он, и ему стало не по себе. Но он тотчас же успокоился, вспомнив, что все так поступают, даже народные трибуны. И вдруг мысль о Сатурновом царстве смутила его: «Кто же поведет голодные толпы и угнетенных рабов? Я?.. Но я стремлюсь к обогащению и не хочу враждовать со всесильной знатью...»

Мысли теснились: кругом него волновалась толпа, объятая горячкой обогащения; он видел, что деньги — все, и еще больше убедился в этом, когда приобрел крупные участки земли, чтобы получить право занимать высшие должности, когда золото помогло ему добиться магистратуры. А теперь?

Новая мысль родилась в голове: Юлия! Она богата (по наведенным справкам это была невеста с большим приданым), и он увеличит свое состояние, женившись на ней. С Цезарями он сблизился, хитро поддакивал Авлу и Сексту, горой стоял за Гракхов. Обстоятельства благоприятствовали ему.

И за два дня до Сатурналий Марий сделал Юлии предложение через дядю. Ждал ответа от нее после праздников.

Глава XII

Авл Юлий Цезарь был без ума от Мария с самого начала их знакомства. Узнав о его желании жениться, дядя отослал малолетних племянниц из атриума и сказал Юлии:

— Прекраснейший и способнейший человек этот Марий. Он будет великим полководцем и государственным мужем. Тогда справедливость будет обеспечена Италии и народ добьется счастливой жизни.

Племянница молчала. Марий нравился ей как магистрат, но не как мужчина; он внушал ей, пятнадцатилетней девушке, отвращение своими мохнатыми руками, бородой, дикими глазами. И наоборот — к Сулле она испытывала непонятное влечение.

Он часто снился ей, стоял перед глазами, а когда она встретила с ним на пиру у Метеллов, весь вечер была как бы в бреду, не понимала слов дяди... А на следующий день к ним пришел Марий и стал бывать каждый день. Она привыкала к нему с трудом. Несколько раз он пытался заговорить с ней, но речи его не были изящны, он часто запинаясь (у него не хватало слов для выражения своих мыслей), и когда она однажды что-то сказала по-гречески, нахмурился:

— Прошу тебя, благородная римлянка, не говори со мной на варварском наречии. Я люблю только латинский язык...

— Разве ты не учился греческому? — удивилась она.

— Я плебей. Невозможно батраку из страны вольсков читать «Илиаду» или «Одиссею».

Накануне Сатурналий Авл Цезарь вошел в атриум, где Юлия занималась тканьем, и, повелев рабам удалиться, сказал:

— Юлия, ты уже невеста. Пора подумать о семье?

Краска залила ее лицо и шею до плеч.

— Тебя желает взять в жены прекраснейшей души и благородных порывов человек.

Она молчала, догадываясь.

— Дядя Авл, я подожду замуж, — пролепетала она, стараясь скрыть слезы, выступившие на глазах.

— Разве я принуждаю?! — мягко возразил Цезарь. — Обдумай здраво, не торопясь. Марий — орел высокого полета, он честолюбив, и имя его, если угодно будет богам, прогремит по всеми миру, как и имена Фабиев, Сципионов, Метеллов. Прорицатели предсказали ему великую будущность...

И Цезарь вышел, напевая греческую песенку.

А Юлия не смогла уже работать. Просидела весь день у имплювия, думая о Сулле.

Прибегали младшие сестры, звали ее в сад; в дверях появился четырнадцатилетний брат Гай, объявил, что учитель греческого языка велел ему выучить наизусть начало первой песни «Одиссеи»:

Муза, скажи мне о том, многоопытном муже, который...¹

Она очнулась, когда босые невольницы стали вносить столы и скамьи; одни украшали стены ветвями, другие подметали атриум, и все это делали проворно, как бы предвещая заранее радости вечерней пирушки.

Юлия медленно подошла к ларарию,

— О, боги! — шепнула она. — Внушите мне, как я должна поступить...

Глава XIII

Ночью Мария разбудили.

— Вставай, — говорил раб, тряся его за плечи, — пришли два земледельца, хотят тебя видеть...

Марий протер глаза и, всклокоченный, полуодетый, вышел на цыпочках в атриум, осторожно касаясь большими босыми ступнями холодных мозаичных плит.

При свете огня он увидел двух человек — бородатых, оборванных, со впавшими щеками, и что-то знакомое мелькнуло в их лицах.

---

¹ Перевод В. Жуковского.

— Что вам нужно? — сурово спросил он. — Скоро рассвет, а вы, как бродяги, вломились в чужой дом и лишаете людей отдыха.

— Мы из Цереат, — сказал младший, весело сверкнув зубами. — Разве ты не узнаешь нас — меня и Тициния?

— Мульвий! — вскричал Марий, — Что случилось? Родители...

— Читай, — подал ему Мульвий эпистолу, — и поступи, Гай, как повелят тебе боги и сердце сына!

Марий молча прочитал эпистолу. Густые брови нависли над глазами, закрыв их, губы сурово сжались.

— Голодают?

— Ты перестал помогать, — ответил Мульвий. — Почему не едешь навестить стариков?

— Я недавно вернулся из Испании...

— Ты, верно, возгордился, Гай, — мрачно рассудил Тициний, молчавший все время. — В Цереатах беда: зерна и плоды сбывать некуда — никто не покупает, налогами нас душат... Законы братьев Гракхов отменены... Как жить? И мы, бросив все, пришли в Рим...

Марий усмехнулся.

— Что же вы думаете делать? Работать?

— Да уж не на боку лежать... И драться будем, если надо!

Глаза Мария засверкали из-под насупленных бровей:

— Драться? С кем?

— С теми, кто душит нас...

Марий долго ходил по атриуму, и тень, двигаясь, вырастала перед ним, пряталась за колонны, ломалась на стенах и потолке. Наконец, он остановился.

— Вы устали, и, верно, голодны. Сейчас я прикажу вас накормить и уложить спать.

Повел их в кухню, и, пока земляки ели, говорил — грубый его голос негромко звучал в затихшем доме:

— В Риме работы не найти. Тысячи таких, как вы, ночуют на ступенях храмов, у субуррских блудниц, где попало. Наступили холода, каких давно не бывало. Вчера замерзло несколько плебеев. А в эту ночь мороз усилился... Я придумал, куда вас направить. Завтра

утром пойдете в дом моего друга, влиятельного мужа, и он позаботится о вас.

Он отвел их в лаватрину, заставил помыться, а потом указал на кубикулюм, где спали рабы.

— Там ляжете. Теплое одеяло найдете на ложе.

Глава XIV

Юлия ходила по засыпанным снегом дорожкам сада рядом с братом Гаем и смотрела на раскрасневшихся сестер, тепло укутанных и в шапочках. Девочки играли в мяч с десятилетней упитанной Аврелией, дочерью соседей. Они хлопали большими мохнатыми рукавицами и пронзительно визжали.

Юлия рассказала Гаю о предложении Мария и советах дяди и ожидала ответа. Все-таки Гай был для нее ближе всех по возрасту.

Брат, наморщив лоб, сказал:

— Хронос гонит годы, человек стареет: если ты будешь чересчур разборчива — быть тебе старой девой.

— Гай, ты повторяешь дядины слова!

— А разве ж они глупы? Не забудь, что тебе пошел шестнадцатый год...

— Скажи — тебе не жаль расстаться со мною?

— Советую тебе полюбить Мария...

Юлия вздохнула; она уже свыклась с этой мыслью, и Марий не казался таким безобразным, как вначале.

— Знаю, — продолжал Гай, — с виду он страшен и волосат, как циклоп, и если б он имел во лбу один глаз, я бы первый сказал тебе: беги, Юлия, от этого ужасного Полифема! Но у него два глаза, — засмеялся он, — это муж настойчивый, крепкий, кутежей не любит, пьяным не бывает...

— Увы, он необразован, и я буду превосходить своего супруга!

— Разве вы вступаете в брак для того, чтобы беседовать о греческих премудростях, о литературе и искусствах?

Оставшись одна, Юлия села в раздумье на скамью. Крупные снежинки медленно ложились на одежду, на лицо, и Юлия, жмурясь, подставляла им щеки.

«Они, как холодные поцелуи, — думала она, — такие, должно быть, поцелуи Мария».

Не хотелось покидать родной дом, переезжать к этому угрюмому человеку, слышать его ворчливый голос.

И вдруг, побледнев, отшатнулась: к ней подходил Марий. Смотрела со страхом на его запушенную снегом бороду, брови, на снежинки, садившиеся на его плащ.

— Привет божественной Юлии! — ласково сказал Марий, стараясь смягчить свой голос. — Да сохранят боги первую красавицу Рима на долгие годы и да смягчит Венера ее сердце!

Юлия покраснела, легкая улыбка тронула края губ.

«А она любит приятные слова, лесть!» — подумал Марий, и надежда на успех окрылила его.

Он подошел к девушке, взял ее руку, сел рядом.

— Ты сразу покорила меня у Метеллов. Ты, как Венера; стоишь дни и ночи передо мною, и я счастлив, когда думаю о нашей встрече... Я готов в своем доме соорудить алтарь, чтобы молиться тебе!..

Он сам удивился своим словам. Никогда не приходилось ему говорить таких речей: девушек он не любил, а женщин избегал; если же случалось иногда посещать их в Риме и Испании, он уходил от них с гадливым чувством.

Взглянул на нее. Она сидела с мечтательной улыбкой на губах. Подняла голову, пристально посмотрела ему в глаза; он прочел в ее взгляде нерешительность и робкое любопытство.

— Не веришь? Я готов броситься к твоим ногам, обнять твои колени, целовать их...

Марий сделал движение.

— Не нужно, — остановила его девушка.

Перед ее глазами возникло мужественное лицо Суллы — вспомнила, как он один бросился против пяти всадников и обратил их в бегство. Она подумала, что, выйдя за Мария, она никогда не увидит Суллы, а

если и встретится с ним, то вряд ли окунет руку в мягкое золото его волос, близко заглянет в голубые глаза. Ей стало грустно. Улыбка исчезла, и одинокая слезинка, покотившись по щеке, залегла в уголке губ.

— Чем я обидел тебя, прекраснейшая? — шептал Марий, сжимая ее руки. — Взгляни на меня, скажи!..

Его всклокоченная борода щекотала ей щеки, было смешно и приятно. Он прижал ее к себе. Юлия не противилась.

— Будешь моей женой?

Образ Суллы тускнел. Она ощутила на губах и подбородке жесткие волосы усов и бороды Мария и засмеялась.

— Правнучка Энея будет женой Марса, — тихо вымолвила девушка и, вскочив, не глядя на него и продолжая смеяться, побежала к дому, скользя по снегу желтыми полусапожками.

Глава XV

Чуть забрезжило утро, Марий был уже на ногах.

Разбудив Мульвия и Тициния, он написал несколько слов Титу Веттию, прося устроить земляков на работу, и внизу эпистолы приписал:

«Люди нужные и готовы бороться».

Несмотря на раннее время, улицы оживленно шумели толпами рабов, клиентов, плебеев и вольноотпущенников. Навстречу братьям попадалось много пьяных: они шли обнявшись и громогласно вели непристойные песни. Субурритянки приставали к мужчинам, пользуясь всеобщим равенством и не опасаясь эдилов. Здесь были старые “волчицы” с берегов Тибра: лысые сводни с провалившимися носами, беззубые, растрепанные, со смятыми лицами; краснощекие девушки в туниках из тигровых шкур, веселые бродячие блудницы.

К братьям подошли две “булочницы” и со смехом предложили им непристойной формы лепешки, но Мульвий, вспыхнув, отстранил их, а Тициний чуть было не обругал грубо, но вовремя сдержался, — вспомнил, что Сатурналии еще не кончились.

Веттий еще спал, и ждать пришлось долго.

Наконец он вышел к ним в неподметенный атриум. Полуодетый, с усталым лицом, темными кругами под глазами, Веттий казался человеком хилым, невзрачным.

Но когда прочитал эпистолу и заговорил твердым голосом, глаза его засверкали юношеским блеском и лицо осветилось милой, женственной улыбкой.

— Марий пишет, что вы готовы на все... Как понимать это?

— Понимай так, — сказал Мульвий, — плебей подыхает с голоду, а оптимат жиреет, как свинья.

Веттий засмеялся, похлопал его по плечу.

— Я устрою вас у своего дяди, неподалеку от Рима.

К вечеру три человека в плащах и в теплых шапках выехали верхами из Рима и направились по Латинской дороге на юго-восток.

Лошади, взбивая копытами мягкие борозды снега — следы проехавшей повозки, бежали, тяжело посапывая. В воздухе теплело, и оттепель уже бродила по полям, как старуха с посохом, дырявя белую пленку; снег становился ноздреватым. С моря тянуло сырým ветром.

Когда Рим исчез за холмами и впереди открылась белая равнина, Мульвий спросил:

— Далеко еще до виллы?

— Не больше двенадцати стадий, — ответил Тит Веттий и подстегнул коня бичом.

Лошади побежали рысью. Вскоре в стороне от дороги зачернели постройки виллы, запахло дымом, слышался лай собак.

Веттий долго стучал в ворота — никто не выходил. Собаки лаяли не переставая. Наконец появился толстый высокий старик в плаще и с палкой в руке. Он позвякивал чем-то под одеждой, лицо его было сурово.

— Кто? Чего нужно? — отрывисто спросил он хриплым басом, часто кашляя. — Разве не знаете, что сегодня Сатурналии?

— Это я, дорогой дядя, я, Тит Веттий!

Муций Помпон не удивился приезду племянника, — с некоторых пор он привык ничему не удивляться. Столько горя, неприятностей и потрясений пришлось перенести в жизни, что все неожиданное он принимал теперь с мудрым спокойствием, присущим многоопытным старикам. А неприятностей было немало: Помпоний и Леторий погибли; жена, племянница Публия Рупилия, изменяла ему со Спурием Торием, и старик долго не знал об этом. И только года два тому назад он случайно захватил их в своем кубикюле. Рассвирепев, он выгнал жену, Тория ударил по щеке, но “угостить”, по обычаю, “редькой” воздержался, боясь мести оптиматов. («А жаль, что не проучил его! Вогнали бы ему рабы деревянную редьку куда следует — забыл бы он навеки, как соблазнять чужих жен!»); дочь Люция, выданная замуж за всадника Мамерка, оказалась бесплодной, развратной и расточительной, и муж развелся с ней; накануне Сатурналий она возвратилась под отеческий кров и бесилась от скуки, брюзжания и выговоров отца и изводила его своими причудами.

Он повел приезжих в виллу и угрюмо смотрел, как они отряхивались на пороге от снега. В очаге трепетал, угасая, синий огонек. В атриуме было холодно и пусто. Одинокая светильня чадила.

Муций Помпон разделся, подошел к очагу и погрел руки. На поясе у него позвякивала связка больших ключей. Белые волосы, большая лоснящаяся лысина, красные уши, крупный багровый нос, седые усы, борода — старик! Но он был еще крепок, подвижен и бодр.

— Люция! — крикнул он повелительно. — Подложи дров в очаг, да не слишком много!

Вошла Люция, сердитая, заплаканная. Увидев Тита Веттия, она растерялась.

Он ласково приветствовал ее и, не зная еще об ее разводе, спросил, надолго ли она покинула Рим и когда рассчитывает вернуться к ларам.

Люция, всхлипывая, принялась обвинять мужа в любовных прегрешениях, говорила, что бесплодие не должно быть причиной развода, и собиралась рассказать о Мамерке что-то постыдное (она даже понизила

голос и с таинственным видом подошла к Веттию), но Помпон, которому надоела ее болтовня, резко повернулся к ней:

— Замолчи! Ты раскудахталась, как курица с яйцом... Подбрось дров!

Она принесла два полена из перистилля и, пачкая холеные руки, не привыкшие к невольничьей работе, опять всхлипнула. Веттий видел — лицо ее исказилось, как у ребенка, и ему стало жаль Люцию. Он подмигнул Мульвию, но Тициний бросился к очагу, отнял у Люции дрова, быстро расщепил их и развел огонь.

Он положил в очаг одно полено и собирался втолкнуть второе, но Помпон удержал его:

— Хватит одного. Дрова дороги. Сжечь легко, а купить трудно.

Веттий удивился. Он знал, что Помпон скуп, но оказалось — старик скупееет с каждым днем; даже ключи от кладовой, где хранились съестные припасы, носил у пояса, боясь доверить их дочери.

— Отец, чем будем потчевать гостей?

Помпон не ответил, — может быть, не услышал вопроса. Дочь повторила настойчиво:

— Дай ключи, я приготовлю поесть...

Рука старика тянулась к связке, дрожала. Он боролся с собой, размышляя, пойти ли самому в кладовую или отдать ключи дочери. Наконец встал и пошел к перистиллю.

— Люция! — крикнул он гневно. — Иди.

Веттий усмехнулся, взглянул на братьев:

— Я не знал, что он так изменился, вам будет у него трудно.

Тициний подумал и пожал плечами:

— Куда идти? Останемся здесь. Может быть, лары смягчат сердце старика...

Люция вернулась одна. Поставив на стол блюдо с нарезанной ветчиной и хлебом, она принесла фиалы с изюмным вином.

— Садитесь.

— А ты, Люция? А дядя?

— Мы ужинаем перед сном.

Когда пришел Помпон, Веттий сказал, что привез работников. Старик внимательно оглядел Мульвия и Тициния.

— Кто такие? Откуда?

— Плебеи, земледельцы из страны вольсков.

Помпоний подумал и сказал:

— Я могу только кормить и одевать... без оплаты.

Веттий растерялся, взглянул на братьев: знал, что настаивать было бы бесполезно — черствый упрямый старик не уступит.

— Согласны, — сказал Мульвий.

А Тициний, хмурясь, положил недоеденный кусок хлеба и покосился на Помпона.

Когда братья ушли отдыхать в кубикулум, старик спросил:

— Скажи, разве ты приехал только по делу этих бродяг?

— Нет, дядя, я приехал побеседовать с тобой. Боги свидетели, что я люблю тебя, как родной сын, и желаю тебе светлой, спокойной старости. Но ты уже в летах, и не пора ли тебе позаботиться о Люции и обо мне? Я запутался в долгах, и если ты, единственный мой благодетель, не поможешь мне, меня ждет тюрьма и позор! О, прошу тебя, великодушный отец, спаси меня от петли, не пожалей нескольких сотен тысяч сестерциев!..

— Сотен тысяч? — дрожа прошептал старик. — Да ты шутишь, дорогой мой! У тебя есть богатые друзья, и, если они любят тебя, они, несомненно, выручат...

— Кто же будет жертвовать своим состоянием, кроме родных? — с удивлением вскричал Веттий.

— Близкие, дорогой мой, не родились Крезами: они наживали каждый асс, отказывая себе в куске хлеба. И неужели ты думаешь, что я заплачу за тебя сотни тысяч сестерциев, за тебя, расточительного бездельника и пьяницу? Ты с ума сошел! Ни тебе, ни Люции — ни одного асса! Вы похожи друг на друга, как пара дырявых сандалий, и место ваше — на помойке!

— Отец! — вскипела Люция. — Ты не смеешь оскорблять меня! Я имею право на часть наследства...

Помпон побагровел.

— Развратница, мотовка! — крикнул он. — Так-то ты отблагодарила меня за заботы, любовь?..

— Довольно, дядя! — резко сказал Веттий и встал. — Деньги твои мы получим: иных наследников у тебя нет, и римское право на нашей стороне. Неужели думаешь, что мы долго будем терпеть твои сумасбродства и скупость? Я буду хлопотать, чтобы назначили над тобой опеку! Я отниму у тебя, старая калига, власть над твоими деньгами, и ты будешь жить у нас, из нашей же милости!

— На этот раз ты промахнулся, Тит Веттий! — злобно захохотал Помпон. — Все мною предусмотрено: ты и Люция получите по маленькой сумме, чтобы жить скромно... не умереть с голоду... Все состояние я уже завещал моему брату, с тем условием, что, когда жена его родит сына, которого назовут Титом, этим наследством лет через двадцать — двадцать пять воспользуется всадник Тит Помпоний...

Веттий пошатнулся, тяжело опустился на лавку. Надежды рухнули. Что делать?..

Встрепенулся. Люция кричала, как одержимая:

— Разве ты отец? Так-то ты заботишься о своей дочери?! Пойми, что в жизни нет у меня опоры! Куда пойду? Что буду делать одна? О боги! Слышите, что задумал старик? Может быть, ты, отец, действительно сошел с ума? Но нет! Ты изменишь завещание! Ведь ты писал его, когда я еще жила с мужем, но теперь...

— Замолчи! Составляя завещание, я знал каждый твой шаг, я могу перечислить всех твоих любовников, в том числе и Тита Веттия! А ведь это кровосмешение, дочь моя, и оно строго карается законом!

Тит Веттий и Люция побледнели.

— Дядя, — глухо вымолвил Веттий, надевая плащ, — ты меня убил своим отказом. Добивай же!

Он вышел из атриума, крикнув Люции:

— Если хочешь, поедem вместе! Ни тебе, ни мне терять больше нечего!

Люция не ответила. Он подождал, но кругом было тихо. Вывел из конюшни лошадь и, вскочив на нее, помчался по дороге, которая вела в Рим.

Глава XVI

В Риме допускались ранние браки, но этот обычай был распространен только среди плебеев. Патриции, всадники и зажиточные люди предпочитали более зрелый возраст, потому что дети нередко упрекали родителей в чрезмерной поспешности.

Марий не отошел от деревенских взглядов и думал, что родители, узнав об его женитьбе на Юлии (ей должно было исполниться шестнадцать лет в апрельские календы), будут недовольны и скажут, что он взял в жены старую деву. Поэтому, чтобы избежать их упреков, он решил сыграть свадьбу до годовщины рождения невесты — после Мартовских Ид, тем более, что брак во время первых двух недель марта запрещался. Но потом он передумал и перенес свадьбу на февраль.

Вечером, накануне торжества, Юлия сняла с себя девичью одежду и посвятила ее вместе с куклами и иными игрушками ларам; потом, надев новую тунику, вытканную нитками вертикально, а волосы покрыв красным сетчатым чепцом, она завязала пояс большим геркулесовым узлом, чтобы муж мог легко развязать его на брачном ложе. Завила раскаленными щипцами шесть длинных локонов, пришила к волосам пучки цветов и, набросив на голову огненного цвета покрывало, подошла к зеркалу. Она не узнала себя: на нее смотрело строгое лицо матроны. Она засмеялась, и матрона в зеркале сверкнула белыми зубами.

Сваха, мать девочки Аврелии, взялась приготовить невесту к свадьбе, раскрыть ей тайны супружеского ложа и научить, как и чем должна новобрачная пленить и привязать к себе мужа.

Услышав хохот Юлии, она сочла момент подходящим (до сих пор невеста была грустна и беспокойна) и подойдя к ней, начала поучать ее. Юлия краснела и стыдливо опускала глаза, слушая женщину.

Бракосочетание началось с гаданий на заре. Девушка еще спала, когда матрона с сияющим лицом вошла в кубикулум и разбудила ее.

— Боги шлют благоприятные ауспиции, — сообщила она, обнимая невесту. — Птицы прилетели справа, небо чисто: гром и молния не помешают свадьбе. Овца уже принесена в жертву, и руно скоро будет готово. Одевайся. Гости давно собираются, и жених приехал...

Юлия вскочила и побежала в лаватрину. Рабыни дожидались ее. Они раздели юную госпожу и принялись тщательно мыть. Потом натерли тело благовонными маслами, окропили духами и вытерли.

Юлия вошла в атриум в сопровождении матроны. Лицо ее пылало.

— Боги благоприятно настроены к жениху и невесте, — объявила сваха и, взяв овечье руно утренней жертвы, покрыла им сидение биселлы.

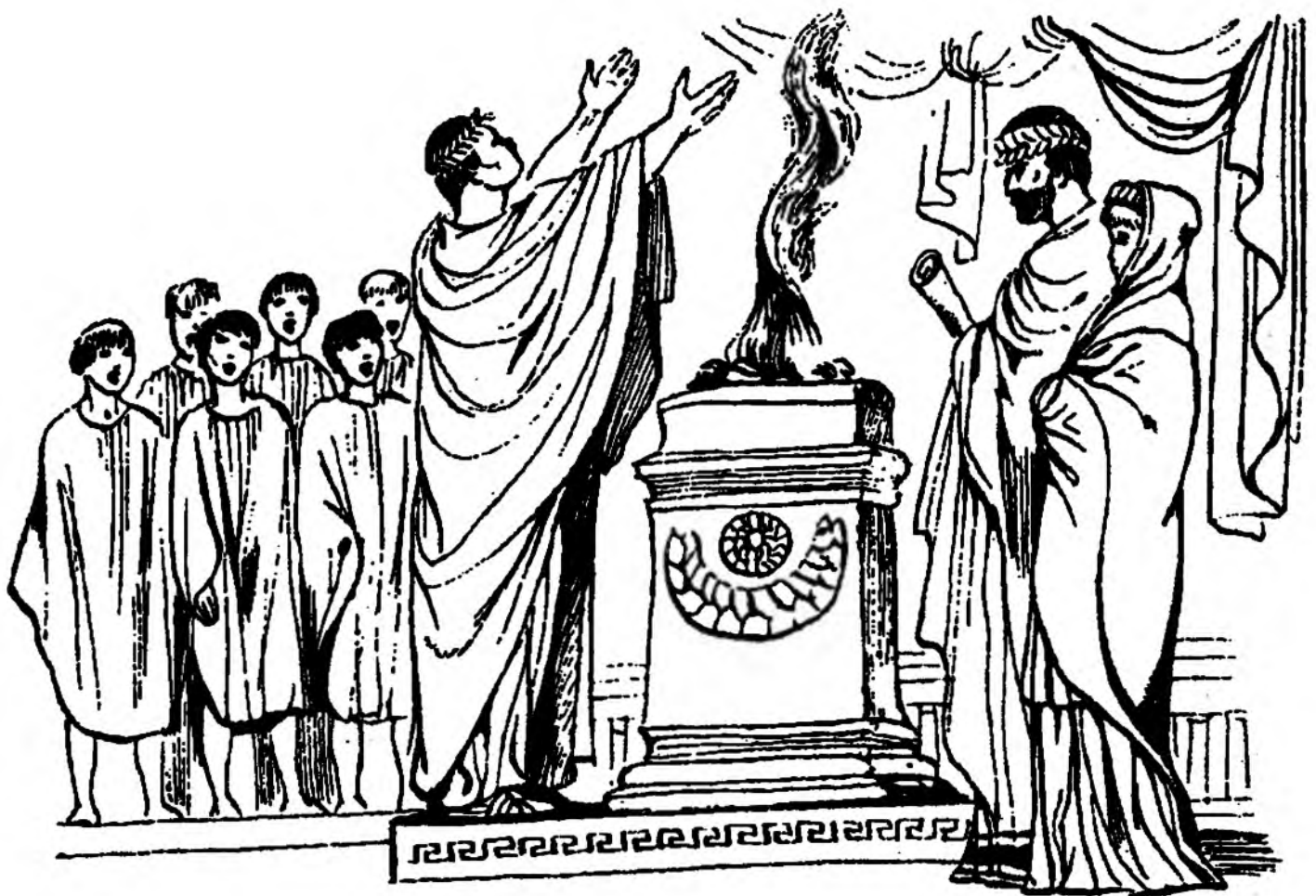
В атриуме стояли, ожидая невесту, Авл и Секст Цезари, Гай Марий и десять свидетелей, среди которых находились Веттий, Луцилий, Сатурнин, Меммий, клиенты и вольноотпущенники.

Жрец развернул пергамент и вписал в заготовленный брачный договор имена жениха и невесты. Десять свидетелей подписали его, и договор, свернутый в трубочку, был вручен Марию.

Во время обряда новобрачные тихо сидели на биселле, а когда жрец стал горячо молиться Юноне и полевым божествам и хор мальчиков запел звонкими голосами, оба поднялись и стали обходить алтарь слева направо. Мальчик из хора нес перед ними витую корзину с зерном и предметами домашнего обихода.

Все было кончено, посыпались поздравления. Гости шумно выражали свою радость, желали супругам счастья в жизни. Юлия с любопытством оглядывалась на присутствующих. Теперь на нее уже не смотрели, как на девочку, даже дядя, братья, сестры и подруги вежливо уступали ей дорогу, точно она переродилась и стала иной, непохожей на ту прежнюю Юлию, которая играла в куклы и мяч, лазила по деревьям и сбивала палками с яблонь недозревшие плоды.

Юлия стала матроной. Она будет прясть и ткать со служанками в атриуме мужа, хозяйничать, рожать детей, кормить и воспитывать их. Ее будут называть гос-

пожой. Она будет обедать с мужем, но вина пить не станет, даже тайком, ибо это запрещено. Из дома будет выходить в сопровождении рабов и, конечно, с ведома мужа; ей будут уступать дорогу, и никто, даже судья, не посмеет дотронуться до нее. В день Матроналий и в день ее рождения вся семья и близкие будут ее поздравлять и приносить подарки. Она получит право присутствовать на религиозных празднествах, на публичных зрелищах и пирах, защищать в суде обвиняемого родственника.

Так поучала ее накануне свадьбы сваха, и Юлия гордилась своим замужеством.

Глава XVII

Много лет прошло со смерти Сципиона Эмилиана, много событий совершилось в Риме, Элладе и соседних странах, а одно сердце, истерзанное муками, тоской и угрызениями совести, не знало покоя, не находило на

земле уголка, где бы могло отдохнуть от долгих скитаний и тревожной жизни.

Умереть!

Семпрония с отчаянием обхватила голову. За это время она поседела, лицо сморщилось, глаза потускнели, но когда думала о Сципионе, лицо ее оживлялось.

«Как я встречусь с ним за гробом? Как оправдаюсь? Этими подлыми руками я поднесла ему яд!..»

Она приехала в Дельфы и спросила у оракула, что делать. Ответ был краток:

«Вымой запятнанные руки в римском источнике чести и справедливости!»

Она побледнела, пошатнулась: «Честь и справедливость? Это он. Как же я очищусь от *е г о* крови *е г о* честью и *е г о* справедливостью?»

Не помнила, как добралась до гостиницы.

Послав рабов за искусным литейщиком и вынув из ларца маленькую статуэтку, она жадно всматривалась в нее.

— Я знаю, твоя душа здесь, в этом серебре, — шептала она, покрывая поцелуями изображение Сципиона Эмилиана. — О, прости меня ради богов, ради моей страсти и дикой любви, которая толкнула меня на это! Я дважды подняла на тебя руку и тысячи раз уже наказана за это. О Публий, Публий, сердце мое, господин мой, сжался надо мною! Пощади меня! Пожалей! Успокой истерзанное сердце несчастной!..

Она упала на колени, прижимая к груди статуэтку и тяжело рыдая. Седые космы выбились из-под чепца, она была похожа на безутешную мать, потерявшую на войне сыновей.

Когда рабы ввели к ней старого литейщика, она сидела в кресле в глубокой задумчивости и смотрела вдаль мутными, невидящими глазами, и губы шептали дорогое сердцу имя.

Очнувшись, указала литейщику на слиток серебра:

— Можешь отлить такую же статую?

— Сделаю, — ответил грек, взглядываясь в мужественное лицо римлянина.

— Одухотвори его лицо, оживи глаза, — говорила Семпрония, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, — а я не пожалею ничего в награду за твой труд... Но торопись, прошу тебя, во имя Аполлона. Я должна покинуть Дельфы немедленно.

Она вышла из гостиницы и направилась к храмовой роще. Не успела она сделать нескольких шагов, как к ней подошел вольноотпущенник и радостно приветствовал ее.

— Госпожа моя, — сказал он, — наконец-то я нашел тебя! Благородная твоя мать Корнелия умирает в Мизенах... И если ты даже не застанешь ее в живых, то сможешь по крайней мере пойти на ее могилу.

Как все это было далеко: и мать, и Гракхи! Давно уже она не думала о них, точно они никогда не существовали, и удивилась, что мать еще жива. Сколько ей лет? Более семидесяти? И почему она не умирает, она, толкнувшая ее на убийство Эмилиана? Или это не она толкнула, а ревность? А может быть, он умер естественной смертью?..

Перед глазами возникла мизенская вилла на вершине горы, заглядывающая в Сикульское море, и сердце болезненно сжалось. Взглянула на вольноотпущенника. Он стоял, ожидая ответа.

— Передай благородной Корнелии, — вымолвила она шепотом, — что я скоро вернусь в Италию!

А в голове трепетала назойливая мысль: «Я не хочу видеться с нею... не могу... И если бы жили братья, я отреклась бы от них... Разве Публий не одобрил убийства Тиберия?»

Прошли две недели, а статуэтка все еще не была готова. Литейщик говорил, что отлить мог бы и раньше, но работа не удовлетворяет его:

— Госпожа моя, ты приказала вложить в нее душу великого человека, но как вложишь, когда она ускользает? Я приносил жертвы Аполлону, а он не посылает вдохновения... Скажи, что мне делать?

Семпрония подумала и сказала:

— Отлей, как сумеешь...

Через несколько дней литейщик торжественно внес статую в таламос.

— Радуйся, госпожа моя! — весело вскричал он с порога. — Великий римлянин живет... он улыбается... Я все же заслужил твою милость!..

Он поставил статую на стол и с удивлением смотрел на чужестранку. Вглядываясь в одухотворенное лицо Эмилиана, тронутое едва заметной улыбкой, Семпрония покрывала его поцелуями; она гладила щеки, целовала в губы, называла самыми ласковыми и нежными словами, на которые способна верная и любящая жена, встретившаяся с мужем после долголетней разлуки, она прижимала его голову к своей груди с такой мучительной страстью, с такой счастливой улыбкой, что литейщик прослезился.

— Лучше бы ты, госпожа, не заказывала мне этой работы, — сказал он, — своим радостным горем ты растерзала мне сердце...

Он отказался от платы за труд и, когда Семпрония настаивала, попросил:

— Подари мне эту статуэтку. Быть может, моя душа найдет поддержку, когда, умирая, я буду смотреть на твоего великого супруга.

Семпрония вздохнула.

— Возьми. И если когда-нибудь вспомнишь обо мне, погляди на его лицо и скажи или подумай: «Сжался, Публий!»

И она зарыдала, обхватив за шею статую Сципиона Эмилиана.

Глава XVIII

Поражение Югуртой обоих Альбинов вызвало в Риме волну возмущения. Меммий открыто кричал на форуме о взяточничестве; сенат был в замешательстве и дожидался раздела провинций между новыми консулами, надеясь, что Нумидию получит Квинт Цецилий Метелл, который говорил повсюду, что нужно Югурту наказать за дерзость и отомстить ему за поражения.

Нумидия досталась Метеллу. Все знали его. Это был человек храбрый, справедливый, ничем не запятнанный; даже популяры, ненавидевшие его как закоренелого аристократа, не могли ни в чем обвинить.

Получив назначение на войну, Метелл объявил о призыве новобранцев и вспомогательных войск, и стал заготавливать оборонительное и наступательное оружие, лошадей, провиант.

Марий усердно помогал ему. Консул, видя, что без Мария не обойтись, решил взять его с собой в качестве легата.

Прибыв в Нумидию, Метелл старался привлечь на свою сторону мапалиев, земледельцев-скотоводов, и несколько раз сам, в сопровождении Публия Рутилия Руфа и двух легатов, ездил в деревню. Он заходил в продолговатые дома с округленными крышами, спрашивал нагих детей, высоких женщин, смуглых и угрюмых, где мужья и сыновья; дети молчали, а женщины указывали, хмурясь, на поля. А когда удавалось встретиться с вооруженными юношами и мужьями, он предлагал созвать собрание; и хотя мужчины соглашались, что собрание необходимо, в день созыва внезапно исчезали, а женщины говорили: «Не знаем, где они».

Югурта запросил друзей и сторонников, живших в Риме, что за человек Метелл, и опечалился, получив ответ. Друзья писали, что Метелл — римлянин стойкий, alter ego Сципиона Эмилиана и, конечно, о подкупе помышлять нечего.

Тогда Югурта решил действовать хитростью. Он отправил гонцов к Метеллу, моля о мире, а сам стал собирать войска. Обратившись с воззванием к нумидийскому народу, который боготворил его, как борца за независимость страны, он послал глашатаев по всему государству. Глашатаи разъезжали по городам и деревням и призывали народ к оружию.

— Разбойники грабят ваше имущество, разоряют и жгут дома, деревни, города — и вы молчите? Они насиляют ваших жен и дочерей, продают их в рабство — и вы молчите? Царь, наш владыка, заботится о вас, он хочет освободить страну от нашествия иноземцев и закликает вас богами взяться за оружие!

Нумидийцы напали на противника с тыла.

Пехотинцы бросились на римлян...

Нумидийцы, по обыкновению, конными отрядами, двинулись на соединение с царскими войсками.

Метелл между тем затягивал переговоры: он не отказывал царю в мире, но и не обещал его, а послов склонял к измене, соблазняя их выгодами и преимуществами, начальствованием над вспомогательными нумидийскими отрядами, которых у него еще не было, но которые он надеялся сформировать, когда число перебежчиков увеличится.

Поняв, что Метелл не желает мира, Югурта стал беспокоить римлян внезапными нападениями на обозы, снимая часовых, уничтожая дозоры. В то же время он стягивал пехоту и конницу к реке Мафулу.

Но не легко было двигаться нумидийцам по пескам: железные шипы, разбросанные, по приказанию Метелла на двадцать четыре стадия в окружности, замедляли быстрое движение конницы — лошади спотыкались, падали, и это расстраивало ряды.

Югурта ждал римлян у Мафула. Сосредоточив слонов и часть пехоты под начальством Бомилькара у реки, он отвел лучшие войска и конницу к холмам, поросшим кустарником, чтобы господствовать над правым флангом противника.

Увидев подходившие легионы римлян, Югурта объехал манипулы и турмы, заклиная воинов защищать своего царя и родину.

— Мы их били и гнали под ярмо! — кричал он, и белые зубы сверкали на его желтом, с черными усиками и небольшой бородкой, лице. — А теперь будем бить трусливые легионы Метелла! Не забывайте, что воины остались те же, дух войска не изменился, хотя вождь у них и иной!

Воины закричали:

— Защитим тебя и родину! Смерть! Смерть!

Югурта улыбнулся, помахав барашковой шапкой и, кликнув посыльного, приказал:

— Скорее к Бомилькару! Скажи ему так: царь приказал напоить слонов рисовым отваром, примешав к нему мирры, вина и сахарного тростника.

Югурта смотрел, как Метелл, выдвинув три колонны правого фланга, устанавливал между манипулами

пращников и стрелков, а на флангах — конницу, и шурился, хитро улыбаясь. Когда римляне спустились на равнину, Югурта двинулся во главе двух тысяч человек к горе, оставленной неприятелем.

— За мной! — крикнул он и выехал вперед.

Нумидийцы напали на противника с тыла, обрушились справа и слева: метательные копья, камни и дротики поражали римлян издали, а легионы не имели возможности отбиваться и завязать рукопашный бой. Нумидийская конница рассеивалась при наступлении врага, окружала римских всадников, расстраивала их ряды, вызывая общее смятение.

Югурта, уверенный в победе, хотел было послать подкрепление Бомилькару, но, взглянув на равнину, встрепнулся. Что это? Метелл восстанавливает ряды, выводит легионы против нумидийской пехоты.

— Отбросить разбойников! — приказал он и, спешившись, побежал вдоль рядов, ободряя воинов.

Пехотинцы бросились на римлян. Югурта сам руководил сражением. Он воодушевлял бойцов, баллисты и катапульты дружно работали, и неприятель был отброшен.

Вечером Югурта получил известие о разгроме Бомилькара и, заплакав от ярости, приказал отступить.

Глава XIX

Месяцы бежали один за другим, а войне, казалось, не будет конца. Югурта шел по пятам за Метеллом; он тревожил римские легионы отчаянными налетами: незлышно подойдет ночью, часть отряда перебьет, часть уведет в плен, и прежде чем римляне подспеют на помощь — враг уже исчез.

Он сжигал в местах, через которые должны были пройти римляне, сено и солому, отравлял в источниках и колодцах воду, внезапно появлялся перед Метеллом, нападал с тыла, отступал, вновь нападал, однако от боя уклонялся.

Такая война утомляла легионы, но они не смели роптать, боясь наказания строгого военачальника и суровых взысканий Мария и Рутилия.

Метелл доносил в Рим о победах, а братьям своим писал:

«Марий, посланный за хлебом в Сикку, был настигнут Югуртой, но разбил варвара в воротах города. Нумидийцы бежали.

Зама мне надоела.

Вижу, что город не взять приступом, а Югурту не принудить к битве. Кончается лето, начнутся дожди и холода. Учитывая наступление непогоды, я решил отступить от Замы и расположиться на зимние квартиры в римской провинции, почти на границе Нумидии.

О Марии скажу, что это способный военачальник, но если он будет когда-либо государственным мужем, его политическая недалёковидность принесет больше вреда, чем пользы. Мы беседовали неоднократно, сидя в шатре за чашей вина. Его необразованность меня поражала: он часто не умеет ответить на простой вопрос, известный нашим школьникам. Я говорил с ним о Законах XII таблиц, и — подумайте, дорогие братья! — он не имеет понятия о них! Не правда ли — стыдно и недопустимо? Удивляюсь, как республика выдвигает таких невежд на общественные должности!

Прощайте».

Марий тоже переписывался с друзьями. Это были популяры, на поддержку которых он рассчитывал, мечтая о консульстве. Он возбуждал Меммия и Сатурнина хитрыми намеками, похвалялся, что, если б не Метелл, затягивающий войну с Югуртой, он, Марий, давно бы ее кончил сам; писал, что популяры мало заботятся о благе родины, если доверяют жизнь плебеев-воинов сумасбродству аристократа, считающего себя вторым Сципионом Эмилианом, и обращался прямо к Сатурнину:

«Ты, конечно, знаешь, что К. Ц. Метелл тебя недолюбливает, а ты, по-видимому, дорогой Люций, к нему благоволишь. Ведь он побеждает! А если бы ты знал истинное положение вещей, то весьма бы удивился: побеждает не хвастун Метелл, а я, скромный легат. Но прошу тебя как друга: не болтай об этом, иначе может случиться, что народ вызовет меня в Рим, чтобы избрать консулом, а Метелла отзовет! Я никому не желаю зла и не хочу, чтобы в Риме говорили обо мне: “Вот человек, добившийся высшей магистратуры путем хитрости и поддержки популяров!”»

Ответ Меммия запоздал. Марий получил его после известия о казни Бомилькара, которого Метелл склонял к измене. Меммий писал, что взяточники получили, наконец, по заслугам: Гай Бестия, Спурий Альбин и Люций Опимий отправились в изгнание, только главный виновник, Марк Эмилий Скавр, выбранный председателем комиции по делам государственной измены, сумел получить цензуру и благодарность сената.

Эпистола кончалась словами:

«Все это, дорогой Марий, меня возмущает, а наглость сената доводит до бешенства: подумай только — при распределении провинций Нумидия предоставлена Метеллу еще на год! Неужели боги не накажут аристократов за пристрастие и глумление над плебсом? Поэтому требуй у Метелла отпуск, чтобы выступить кандидатом на консульскую должность, а мы тебя поддержим».

А внизу рукой Сатурнина было приписано:

«Если он откажет — уезжай в Рим самовольно».

Глава XX

Африканское солнце жгло невыносимо. Люди прятались от жары в душные палатки, о которые бился порывистый знойный ветер, гнавший тучи сухого песка.

Марий вышел из шатра, занимаемого легатами, и внимательно осмотрел местность. Кругом — ни души, тихо. Он обошел лагерь и, заметив дремавшего часового, резко свистнул, сунув пальцы в рот, — плебейская привычка, от которой не мог отрешиться. Часовой испуганно вытянулся и застыл.

— Спишь? — спросил Марий, багровея от бешенства. — Помни: еще раз замечу — отдам под суд! Ты не думай, что если я плебей, то позволю пренебрегать службой. Прежде всего мы — римляне!

Бледный, воин молчал, поглядывая на легата.

Марий знал, что легионарии не любят его за чрезвычайную требовательность и суровость, но не старался привлечь их на свою сторону. «Они — плебеи, — думал он, — и пойдут за мной, иначе и быть не может. А заискивать перед ними не буду. И так я уже осрамился, что пошел путями хитрости, нечестности и обмана. Что было делать? Подражать Сципиону Эмилиану? Это, конечно, было бы похвально, но ведь меня заклевали бы эти стервятники, сидящие в сенате!»

Проверив караулы, Марий направился к шатру полководца. Метелл сидел за походным столиком и писал донесение сенату.

— Вождь, я пришел просить тебя, чтобы ты отпустил меня в Рим. Я хочу выступить кандидатом на консульскую должность.

— Клянусь Геркулесом... — рассмеялся Метелл и гордо поднял голову, но увидев, что Марий не шутит, изменил тон, — Пойми, что лезть выше сословного положения — это безумие. Кто ты? Батрак и плебей, а ведь консульство зависит от нобилей...

— Вождь, прошу тебя, не отказывай!

— Я не понимаю твоего упрямства. Ты не должен просить у римского народа того, в чем тебе отказывает закон. Или ты вздумал попить дедовские устои, — высокомерно спросил он, — и вступить на путь насилия?

— Нет, вождь!

— А тогда, — засмеялся он, — не торопись со своей кандидатурой, пока не выступит твоим противником мой двадцатилетний сын (ты его знаешь — способный юноша!), у которого не выросла еще борода!

Марий побледнел.

— Ты смеешься, — сдавленным шепотом выговорил он. — Разве не знаешь, что, когда я ездил по твоему приказанию в Уттику и приносил жертвы богам, гаруспик предсказал мне великую будущность? То же говорил еще раньше и сам Сципион Африканский и Нумантийский. По-твоему, я недостойн быть консулом?

— Консульство нужно заслужить... Для этого надо облагородиться... А ты как был батраком, так и остался им — ходишь по лагерю и посвистываешь... Ну так слушай. В Уттике ты приносил жертвы, это верно, а еще что делал? Думаешь — не знаю? Ты похвалялся перед купцами, что с половинными силами заключил бы в оковы Югурту... А еще ты болтал своим языком, что я — муж тщеславный и добиваюсь власти, нарочно затягивая войну... Говорил? — с бешенством вскочил он. — Купцы поверили, потому что война подорвала их торговлю... Ты связался со слабоумным Гавдой и обещал ему...

— Вождь! Тот, кто оговорил меня, хотел тебя одурачить. Назови имя негодяя, и я — клянусь богами! — поговорю с ним при помощи меча!

— Лжешь! — сурово сказал Метелл. — Муж, от которого я это слышал, достоин доверия. Гавда, которому ты обещал тиару Югурты, купцы и иные жалуются на меня сенату, осуждают... Ты переписываешься с Меммием и Сатурнином, хочешь воспользоваться временной победой плебса над нобилями... после закона Мамилия...

Голос его оборвался.

— Вождь, меня оклеветали! Я прошу тебя об одном: отпусти меня в Рим!

— Не время. Предстоят бои с нумидийцами! — крикнул Метелл. — Не раздражай меня, ступай!..

Время шло.

За двенадцать дней до консульских выборов, когда Марий в припадке бешенства заявил Метеллу, что тот не отпускает его, боясь соперничества, полководец побледнел: он не мог перенести, что этот "*homo novus*"¹, как он величал Мария, осмелился думать, что он, Метелл, аристократ, опасается плебея.

— Можешь ехать! — крикнул он. — Пусть не скажет никто, что Квинт Цецилий Метелл задержал тебя из страха или зависти!

Глава XXI

Популяры представили Мария народному собранию, и Меммий сказал, указывая на него:

— Вот человек, готовый закончить Югуртинскую войну!

Марий выступил и стал обвинять Метелла, восхваляя себя. Он называл его аристократом, человеком честолюбивым, врагом плебса и, прося для себя консульства, обещал убить Югурту или взять его в плен.

— Я победоносно окончу войну! — заявил он. — Знаю, что оптиматы будут против, потому что они называют меня человеком грубым, необразованным. Но разве я виноват, что не умею устраивать пиршеств и предпочитаю земледельца повару и гистриону? Отец внушал мне, что изящество прилично женщинам, мужчинам же — труд и война. Прося у вас консульства, я не могу выставить перед вами изображений своих предков, перечислить их триумфы, но у меня есть множество военных наград и рубцы от ран на теле.

Распахнув тогу, он разорвал тунуку, и желтая волосатая грудь, исполосованная мечами, вся в рубцах, мелькнула перед глазами толпы. Он собирался запахнуть тогу, но Сатурнин толкнул его в бок.

---

¹ Название человека из низов, ставшего знатным. (*Лат.*)

— Подожди, — шепнул он и возвысил голос: — Вот раны плебея, сражавшегося за отечество! Видите, квиристы? Помните: только консул из плебейского рода может быть честным! Он не чета нобиллям!

Рев толпы оборвал его речь.

— Да здравствует Марий!

— Хотим Мария!

— Мария! Мария!

Торжественно избранный консулом, Марий стал набирать войско. Глашатаи призывали на рынках, площадях и на улицах бедняков и рабов. Это было неслыханным делом, и безработные пролетарии валили к нему, мечтая о грабежах и добыче, чтобы после войны вернуться к ларам состоятельными людьми.

А сенат негодовал, и Марк Эмилий Скавр злобно говорил в храме Беллоны:

— Комиции нарушили закон Гая Гракха о предоставлении сенату права устанавливать место деятельности каждого консула. Они отменили решение сената, оставлявшее Метелла в Нумидии для продолжения войны. Разве это законно? А этот дерзкий плебей смотрит на нас с презрительной гордостью и, обвиняя Метелла, в то же время как бы сочувствует ему и льет лживые слезы. Но оставить в его власти плебеев и рабов равносильно нашей слабости и подчинению толпе оборванцев. Слышите, отцы государственные? И хотя я уже не *princeps senatus*, должен обратить ваше внимание на угрозу спокойствию в республике...

Сенаторы не успели ответить. Вбежал гонец с радостным криком:

— Вести из Нумидии!

Озабоченные лица нобилей повеселели.

— Читай, читай! — слышались голоса.

Скавр взял из рук гонца эпистола, сорвал печать и принялся читать донесение Квинта Цецилия Метелла.

По мере того как одно за другим развивались описания сражений, отступлений и наступлений римских легионов, чтение прерывалось восторженными восклицаниями. Скавр подождал, когда уляжется радость слушателей, и, возвысив голос, продолжал:

— «Узнав, что Югурта с детьми, сокровищами и отборными войсками укрылся в Фале, неприступной крепости, я пустился, с соизволения бессмертных, в погону за царем. Трудный путь лежал предо мною: легионы шли по пустыне, везя за собой воду в кожаных мешках. Зной и жажда убивали людей: воду я велел выдавать маленькими долями. Достигнув Фалы, я овладел ею после кратковременной осады. Римские перебежчики, запершись в здании совещаний, сожгли себя вместе с добычей, на которую мы рассчитывали. Югурта же с детьми бежал, захватив казну. Теперь вся почти Нумидия завоевана силой римского оружия, только волнуются еще племена гетулов да мавританский царь Бокх, по слухам, будет действовать заодно со своим зятем Югуртой. Но главное сделано, и честь патрициев, запятнанная несколькими негодьями (голос Скавра дрогнул, лицо побагровело; сенаторы переглянулись и опустили глаза), мною восстановлена».

— Хвала Метеллу!

— Он закончил бы войну, если б не этот Марий!

— Подлый плебей чернит Метелла на всех перекрестках! Популяры требуют сместить полководца и передать начальствование над легионами Марию...

— Это подло! Марий воспользуется чужими победами!

Чувствуя свое бессилие, сенаторы досадовали, что своевременно не приняли мер. Со дня убийства Гая Гракха прошло четырнадцать лет, и популяры, разгромленные Люцием Опиимом, незаметно собрались с силами и подняли голову.

— Горе Марию, если он посягнет на целостность республики! — сказал Скавр.

— Не понимаем, — слышались удивленные голоса.

— Не понимаете? Разве вам неизвестно, что Марий набирает в войска озлобленных пролетариев, а рабам показал уже пилосы?

Наступило тягостное молчание.

Глава XXII

Завидуя Метеллу, Марий не хотел делиться с ним победой и, хотя война была уже почти кончена, громко кричал, что до окончания ее еще далеко.

— Квиристы! Война лишь начинается! — говорил он на форуме. — Победы Метелла могут окончиться огромным поражением, если нумидийский царь не будет взят в плен! Разве не пишет Метелл, что Бокх будет помогать Югурте? А у Бокха, поверьте мне, много наездников, и если он соединится с нумидийской конницей и двинется к Цирте — неизвестно, кто победит!

В словах Мария была доля истины: Югурта объявил священную войну против чужеземцев, и хотя вся Нумидия была в руках Метелла, можно было ожидать внезапных восстаний в завоеванных местностях.

...Марий сидел в базилике рядом со скрибом, который вносил в списки имена всадников и нобилей, желающих отправиться на войну.

Увидев на форуме Люция Корнелия Суллу (он направлялся к нему с улыбкой на губах), Марий испугался и подумал, что этот развратный юноша (он продолжал считать Суллу юношей, несмотря на то, что тот давно уже вышел из этого возраста) пришел посмеяться над ним, поставить его в неловкое положение перед плебеями.

Консул поднялся навстречу ему и спросил:

— Кого ищешь, Корнелий Сулла? Если знакомых или друзей своих, то не встретишь, а если товарищей предстоящих битв, то смотри: вот они!

Сулла улыбнулся, пожал ему руку и ответил, окинув рабов и плебеев быстрым взглядом:

— Я ищу вождя волунтариев!

— Зачем?

— Я хотел бы записаться, чтобы поехать с тобой.

Марий недоверчиво взглянул на него.

Но на лице Суллы не было обычной насмешки — он говорил спокойным голосом:

— Я много слышал о твоих замечательных подвигах не только при Сципионе Эмилиане и во время твоего пропреторства в Испании, но и в Нумидии, когда ты

совсем недавно побеждал в конном строю варваров. Слухи о твоём величии, храбрости и умении выиграть битву облетели уже многие города Италии. Слава небожителям! В Риме не иссякла ещё доблесть!

Речь Суллы понравилась Марию. Он полуобнял его и сказал:

— Благодарю тебя. Но ты чересчур... превозносишь меня... Я только старый, опытный воин. Скажи, действительно ли Марс надоумил тебя ехать в Африку?

— Неужели сомневаешься в моих способностях?

Марий молча погладил черную бороду.

— Меня смущает, что ты не участвовал в боях...

— Не беспокойся, консул! Я буду у тебя незаменимым квестором.

— Квестором?

— Ты удивлен?

— Хорошо. Но не пеняй на меня, если...

— Будь спокоен. Я покажу тебе, кто такой Люций Корнелий Сулла.

И Марий, повернувшись к скрибу, произнес:

— Внеси этого патриция в список квестором при консуле.

Он сощурил глаза, посмотрел на солнце и тихо вымолвил:

— Ты будешь находиться при мне, и нам не мешало бы познакомиться ближе. Сегодня ты обедаешь у меня.

Глава XXIII

Марий, войдя в атриум, подошел к Юлии, поднявшейся ему навстречу, и, поцеловав ее в лоб, направился в таблиум.

— Принимай, жена, гостя, — сказал он, полуобернувшись на пороге.

Юлия увидела мужественное лицо Суллы и, вспыхнув от внутренней радости, низко поклонилась.

— Привет тебе, Люций Корнелий Сулла, — запнулась она, краснея и опуская глаза.

— И тебе привет, госпожа!

Он оглядел ее с ног до головы, и она заметила в его голубых глазах неприятные искорки и на губах чувственную улыбку.

«Она подурнела после замужества, — думал Сулла, усаживаясь у имплювия. — Любит ли она Мария или вышла за него потому только по необходимости? Но не все ли равно? Марий как супруг непривлекателен — настоящий бык, обросший волосом, и я уверен, что она, целуя его, испытывает отвращение».

А Юлия думала: «Он все тот же — некрасив, весел, кажется, самодоволен... Но почему мое сердце бьется так сильно? Люций! Это имя напоминает свет. Да, он, как свет, проник в мою тусклую жизнь...»

Вошел Марий, сказал:

— На днях отплываем из Италии. Боюсь, как бы Югурта не собрался с силами и не выгнал Метелла из Нумидии!

— Успокойся, консул, война уже кончена, — неосторожно обмолвился Сулла, — остается лишь захватить царя...

Марий вздрогнул.

— Кончена? — крикнул он, вращая глазами. — Да ты ничего не смыслишь в военном деле!

Сулла не стал разубеждать его. В голове теснились походы, налеты, приступы, сражения, и он подумал: «Я не потерял времени, изучая битвы Александра Македонского, Ганнибала и обоих Сципионов. И я удивлю еще мир громкими победами».

Во время обеда, который был чрезвычайно прост, Сулла наблюдал за Юлией: глаза ее блестели, лицо пылало, и она не смогла усидеть на месте, ежеминутно вскакивала и убегала в кухню.

Марий заметил ее возбуждение и спросил:

— Что с тобой? Отчего мечешься? Рабы подадут все и без твоей помощи.

— Нет, Гай, я должна посмотреть за пирожками и распорядиться относительно вина, сыра и плодов.

Сулла пил не стесняясь. Он превозносил доблесть Мария, обращался к Юлии, величая ее супругой великого консула, который не замедлит кончить войну и вознесет Рим на недостижимую высоту. Марий, слушая его, улыбался, и жена видела, что речи Суллы приятны мужу. Потом патриций заговорил о волунтариях и африканских легионах Метелла, высказывая мнение, что их нужно обучать, что это не войско, а всего лишь новобранцы.

Марий перебил его:

— Все обдуманно, дорогой квестор! Ты еще не знаешь о нововведениях, которые я задумал. Легион будет состоять из когорт, отличающихся одна от другой не знаменами с изображением волчицы, скакуна, слона, вепря, козерога и иных животных, а табличками с номерами, прибитыми к древкам. Легион получит серебряного орла с золотыми молниями в когтях и с распущенными крыльями. Я облегчил тяжесть ноши легионария (помню, как сам, при Сципионе Эмилиане, таскал на себе пилу, мотыгу, колья, секиру, серп, котелок для пищи, запасную одежду и нередко провиант на семнадцать дней, не считая тяжелого вооружения) — теперь каждый воин будет заворачивать личный провиант в одежду и сверток привязывать к дощечке.

Когда консул замолчал, патриций, пьяный, с красными пятнами на щеках и блестящими глазами, воскликнул:

— Хвала богам! Ты первый позаботился о легионарии, ты первый радеешь о благе республики. Скажи, ты не считаешь себя величайшим римлянином?

— Нет, но я буду им, — уверенно ответил Марий. — Ибо мне предсказано...

Когда Сулла, пошатываясь, уходил, Марий уже храпел во всю силу деревенских легких. Юлия догнала его в вестибюле и прежде, чем он мог опомниться, прижала его руку к своим губам.

— Люций Корнелий Сулла, — шепнула она, зардевшись, — ты сильнее моего супруга... Ты расположен к нему. Обещай охранять его... Будь его другом!

Сулла отдернул руку.

— Юлия, если Югурту захвачу я, а не Марий, я готов взять консула под свое покровительство!

И, оскорбительно захохотав, вышел на улицу.

Глава XXIV

Тукция жила в богатом лупанарии, была сыта, одевалась со вкусом, и недостатка в посетителях у нее не было. Завсегдатаи дарили ей разные безделушки, золотые и серебряные вещицы, случайные гости — деньги.

Она ложилась спать утром, когда уходил последний гость, и спала до полудня, а остальное время проводила с обитательницами лупанария. В ярких прозрачных одеждах, с венками из цветов на головах, с миртовыми ветвями в руках, они просиживали долгие часы на балконе, заманивая прохожих. Дневной заработок шел целиком в их пользу, и девушки усердно и терпеливо копили динарии, чтобы когда-нибудь выкупиться на свободу.

Однажды Тукция, обмахиваясь миртовой ветвью, наблюдала за улицей. Вечерело, и густые сумерки мягко ложились на землю. Шумная толпа текла бесконечно от Целийского моста, как выступившая из берегов река, и ее волны разбивались о будки торговцев, рассеиваясь в ближайших переулках.

Вдруг Тукция встрепенулась: она увидела золотоволосого патриция, окруженного шутами и мимами.

Он проходил мимо лупанария, о чем-то оживленно беседуя, но слов его нельзя было разобрать.

Тукция махнула миртовой ветвью, пытаясь обратить на себя его внимание, но патриций не заметил ее знака. Тогда она, переломив ветвь, бросила половину ее вниз. Патриций приостановился, поднял голову и, взглядевшись в блудницу, весело воскликнул:

— Кого вижу! Клянусь Венерой-Каллипиге, что это Тукция!

— Она самая, господин мой!

— Как живешь, моя птичка?

— Зайди — и увидишь.

— Хороший ответ! Но я занят и завтра уезжаю...

— Уезжаешь?

Грусть послышалась в голосе Тукции.

Патриций задумался и, отпустив своих спутников, вошел во двор, где у цистерны сидел молодой лено.

Хозяин вскочил и подобострастно поклонился:

— Какому счастью, ниспосланному мне богами, обязан твой раб такой великой чести? Неужели твой глаз заметил среди моих девушек достойную тебя? О, прошу тебя, милостивый господин, войди под эту бедную кровлю...

— Сколько платить? — грубо прервал патриций и, не дожидаясь ответа, бросил несколько динариев.

Лено ловко подхватил их и опять поклонился.

— Я хочу Тукцию.

— Твой выбор, о господин, поистине делает честь твоему вкусу! Тукция — лучшая девушка этого дома, и весь Рим знает ее...

— Довольно лгать и хитрить! Ты мне противен, насквозь прогнивший сводник!

Лено побледнел. Он молча побежал предупредить Тукцию, но она уже была в своей комнатке. Служанка румянила, белила и раздевала девушку. Были принесены прохладительные напитки, вино и вода для обмываний.

— Ну, как живешь? — спросил Сулла, усаживаясь на ложе.

— Плохо, господин, я исстрадалась... Ты удивишься — ведь я сыта и одета.. Не так ли? Но Венера, Юнона и все богини видят, что делается в моей душе...

— Чего же ты хочешь?

— Хочу выкупиться из неволи, а денег у меня нет!

— Выкупиться — это хорошо, ну а потом? — засмеялся он.

— Потом...

Она никогда не задумывалась, что будет делать, освободившись.

— А потом, — безжалостно продолжал гость, — будешь продаваться на улицах. Или, если тебе встретит-

ся какой-нибудь старый, истрепанный развратом лено, соединишься с ним законным браком, и оба станете торговать блудницами, как делает твой хозяин. Верно? Так для чего же тебе свобода, глупая женщина? Сама не знаешь, чего хочешь!

— Господин мой, я мечтаю о тихой жизни...

Он не ответил. Надев тогу, направился к двери.

Тукция вскочила, заломила руки.

— Уходишь? — ухватила его за тогу.

Патриций обернулся к ней с угрожающим движением, глаза его потемнели от гнева:

— Не кричи! Слышишь? Замолчи, дерзкая проститутка! Или хочешь, чтобы я ударил тебя?

Она отпустила тогу и молча смотрела на него.

— Нет у меня никого в Риме, — с отчаянием вымолвила она, — только ты, господин! Когда я увидела тебя на Целийском мосту, сердце взыграло в моей груди, и я сказала: «Вот идет мой владыка, мой единственный...». И я радовалась, так радовалась... А ты уходишь... О, побудь со мной еще, заклинаю тебя богами! Иначе не будет тебе удачи в походах и битвах!..

Побледнев, патриций вернулся. Он был суеверен, и мысль о несчастье потрясла его.

Тукция поспешила в его объятия...

Глава XXV

Назначение Мария было страшным ударом для Метелла, но неприятное известие смягчалось пожалованием ему прозвища Нумидийского. Метелл знал, что он заслужил это трудом и победами, но было обидно, что Марий, которого он выдвигал все время и которому покровительствовал, осмелился очернить его в глазах народного собрания.

«Итак, он безбожно лгал, уверяя меня, что оклеветан, — думал он, быстро шагая по шатру, — а ведь он меня одурачил, вырыв мне яму и предательски столк-

нув в нее. О, если б я его не отпустил в Рим, ничего бы не случилось!» Он приказал рабам укладывать вещи, передал начальствование над легионами легату Рутилию Руфу и, уезжая, сказал:

— Слушай, Публий! Придет этот мохнатый плебей — сдашь ему легионы.

Марий не замедлил прибыть во главе волунтариев и союзнической конницы, которую сумел склонить на свою сторону обещанием гражданских прав.

Начались сражения с гетулами, взятие городов, бесцельные походы. Римские легионы находились в кольце неприятеля. И не успевали они пробиться, как враг окружал их вновь. Лишь теперь понял Марий всю ответственность, взятую на себя, и оценил плодотворную деятельность Метелла. Он опасался поражения легионов: враг нападал неожиданно, римское войско несло большие потери.

Нумидийские перебежчики доносили, что Югурта и Бокх стягивают силы — медлить было нельзя, иначе разгром римлян стал бы неминуемым.

Марий был мрачен, неразговорчив — видел, что обещание, данное в народных комициях, взять в плен Югурту едва ли выполнимо, и сожалел, что тщеславие завело его так далеко.

Он ходил перед шатром, ударяя себя прутом по калигам, и ворчал.

Подошел Сулла.

— Дозволь, вождь, отбросить неприятеля. Я пойду на него с одним легионом и несколькими турмами всадников...

— Не шути! — раздраженно крикнул Марий. — Ты, не бывавший в боях, хочешь победить двух царей?

— Вождь, доверься мне!

— Твое хвастовство переходит в наглость, квестор! Но если ты этого хочешь, помни: постигнет неудача — пойдешь под суд!

Бокх лично начальствовал над мавританской конницей. Он наступал на правом, Югурта на левом фланге. В центре неприятельских войск находились боевые

слоны, возбужденные пойлом из смеси вина и рисового отвара. Отрядив когорту, которой он приказал зайти в тыл слонам и стремительно ударить по ним, Сулла разделил легион на две части: большую послал против Бокха, а меньшую — против Югурты.

Сначала легионарии подались было под бешеным напором нумидийской пехоты и конницы, но когда Сулла схватил знамя с серебряным орлом и бросил в гущу неприятеля, — воины поспешно возвратились. Начался жестокий бой. Несколько раз знамя переходило из рук в руки; воины дрались с невероятным мужеством, потому что потерять знамя в бою считалось величайшим позором. Легионарии гибли, на помощь прибывали новые отряды, и римлянам удалось наконец отбить серебряного орла.

А Сулла во главе всадников двинулся в тыл неприятельской коннице. Войско Бокха дрогнуло и отступило в беспорядке. Не давая ему оправиться, Сулла бросился опять, смял передние ряды и обратил их в бегство. Он отрезал путь мчавшемуся Бокху и закричал, подъезжая к нему с занесенным мечом:

— Царь, защищайся!

— Мир, мир! — ответил Бокх, узнав Суллу и удерживая коня. — Неужели Люций Корнелий Сулла нанесет удар царю Бокху?

— В поле я не знаю Бокха, передо мною — враг!

— А я тебя всюду считаю другом, потому что люблю и дружески к тебе расположен.

— Если ты действительно друг, — понизил голос Сулла, — выдай мне Югурту...

— Югурту? Тестя?..

— Хорош тестя, злоумышляющий против зятя! Разве ты не знаешь, что он мечтает свергнуть тебя с престола и разделить твоё царство между своими сыновьями? Поэтому ты должен выдать Югурту. А не хочешь — пеняй на себя. Боги римлян безжалостны к врагам сената и квиристов...

— Я тебя люблю и уважаю, Люций Корнелий, ты оказал моим послам услуги в Риме и был с радостью принят при моем дворе в качестве посла сената... Но выдать...

Бокх

— Выдай Югурту и получишь часть Нумидии...

— Я подумаю.

— Думай и приезжай сегодня же с ответом к воротам римского лагеря. Возьми с собой сына — с ним я отправлюсь за твоим тестем...

Через час два человека спешили у ворот римского лагеря.

— Кто такие?! — кричал часовой.

Но Сулла, ожидавший царя, вышел из ворот с непокрытой головой — во-

лосы отливали смуглым золотом на солнце.

Они беседовали шепотом. И когда разговор их кончился, Бокх, оставив царевича в римском лагере, сел на коня и исчез в отдалении. А Сулла отправился к Марию.

— Что скажешь? — спросил консул, знавший уже о поражении Югурты и Бокха и завидовавший Сулле: «Не бывал на войне, а уже разбил врага. Это хорошо. Но если он одержит еще две-три победы, в Риме завоят: «Консул бездарен!»

— Вождь, дозвожь мне ехать в лагерь противника!

— Зачем?

— Я хочу захватить Югурту.

Марий пожал плечами.

— Ты безрассуден, квестор, но ты не ребенок и сам знаешь, какая опасность грозит тебе! Что ж, поезжай, но если погибнешь — не обвиняй меня в Аиде, не говори, что виновником твоей смерти был Марий!

— В Аид я не собираюсь, но если мне суждено умереть, меня не спасет даже отъезд в Рим...

На другой день Сулла выехал с царевичем и несколькими всадниками. Его бесстрашие и настойчивость поразили Мария.

Хмурясь, консул смотрел на облако пыли, вздымаемое лошадьми, и зависть обуревала его мятежную душу. Он желал от всего сердца, чтобы квестор не вернулся, потому что возвращение его с пленным Югуртой возвысило бы Суллу.

Глава XXVI

Югурта

Узнав о приезде римлян, Югурта, хитрый и крайне подозрительный, тотчас же стал собираться тайком в путь, приказав сыновьям защитить драгоценные камни и часть золота в одежду, а остальное золото везти открыто. Сам же он зашил все свои ценности в барашковую шапку, надеясь в случае погони откупиться.

В сопровождении сыновей и отряда нумидийских конников он выехал из дворца, откуда расходились три дороги: одна — к дворцу Бокха, другая — к ближайшему городу, а третья, узенькая, бежала, извиваясь, в горы. Он выбрал последнюю и помчался впереди всех. За ним ехали сыновья, а сзади следовал отряд.

Уже светало, и красные лучи, как кровью, обагрят вершины гор. Лошади бежали быстро. Вдруг низкорослый жеребец Югурты наострил уши и заржал. Выхватив меч, царь приказал людям быть наготове и замедлил шаг лошади.

Утесы остались позади. Впереди подымалась круча. Беглецы ехали гуськом, поминутно озираясь.

— Засада! — крикнул Югурта, указывая обнаженным мечом на кустарник, из которого вынырнула одна, за ней другая и третья лошадиные головы.

— Мы окружены! — воскликнули сыновья.

Спереди, снизу и справа с воем мчались на них мавританские наездники.

— В путь! — приказал Югурта. Он видел впереди небольшой отряд и думал пробиться. Но число мавританцев увеличивалось; скоро их стало так много, что сопротивляться было бы безумием.

— Проклятый Бокх! — заскрежетал он зубами. — О, если бы мне спастись! Я бы с радостью вонзил меч в твое предательское сердце!..

Наездники ударили в тыл и спереди. Югурта видел гибель своих конников и сражался с диким мужеством. Вдруг лошадь пошатнулась под ним, осела и мягко упала на бок, придавив его своей тяжестью. Он хотел освободиться, но уже набежали мавританцы, обхватили его, вырвали меч; грубо связав ему руки, они, срывая с него одежду, нащупали в шапке золото и радостно завизжали.

Отряд Югурты был перебит. Царь видел полураздетых сыновей, привязанных к лошадиным спинам, и заскрежетал зубами в бессильной ярости.

Когда Югурту с сыновьями вводили во дворец Бокха, придворные молча расступались. Царь увидел, что они не одобряют предательства, и воскликнул:

— Измена! Подлый Бокх нарушил освященный богами обычай гостеприимства!

Ропот пробежал по рядам царедворцев, перекинулся к страже. Но появился Бокх — и все затихло.

— Ведите его в комнату приема послов, — распорядился он, не отвечая на оскорбления Югурты, и первый прошел туда.

Югурта упирался. Его вели насильно, грубо подталкивая, и он со слезами на глазах думал о непостоянстве судьбы.

На возвышении сидел золотоволосый римлянин с холодными голубыми глазами, бледным лицом, усеянным красными пятнами. Он что-то говорил стоящему рядом с ним центуриону, а тот смеялся. Значки манипул шевелились. Римские воины, черноволосые, смуглые, коренастые, показались Югурте жуками, поедателями зелени в садах.

— Иди! — толкнул его в спину Бокх.

Лицо Югурты исказилось. Он бросился на царя, но его схватили и удержали. Тогда он плюнул Бокху в лицо, крича:

— Продажная собака!

Бокх вытер заплеванное лицо и приказал:

— Поставьте злодея перед лицом римского военачальника! Пусть римлянин возьмет его и поступит с ним, как ему угодно!

Сулла взглянул на Югурту. В голубых холодных глазах врага пленник увидел беспощадность и не удивился, когда римлянин резко сказал:

— Не пора ли, варвар, ответить за все зло, которое ты причинил римскому сенату и народу?

И приказал заковать Югурту в цепи.

Зависть разъедала сердце Мария. Он не находил себе покоя. Сулла захватил Югурту! Сулла не побоялся отправиться в пасть льва и вырвать у него добычу!

Опасался, что квестор, хвастливый по натуре, будет превозносить свои подвиги, и не ошибся.

В лагере обсуждалось последнее событие. Военные трибуны, родом патриции, говорили у костров, сидя рядом с Суллой, что Нумидию завоевал Метелл, а кончил войну он, Сулла, захвативший в плен Югурту, и посмеивались над Марием, который будет праздновать чужой триумф.

— Трое должны участвовать в триумфе, если есть справедливость на земле, — волновались трибуны.

И центурионы поддерживали их:

— Марий никогда бы не взял царя в плен!

Слухи проникли в шатер полководца. Поначалу он чуть было не сошел с ума от зависти: метался, ломая вещи; крича и ругаясь, рвал на себе волосы и не отвечал на вопросы легатов.

Все для него опостылело. Слава? Она рассеялась, как дым. Тридцатилетний неженка, пьяница и развратник втерся к нему в доверие, обманул его и, похитив у него самое дорогое — удачу, умалил его подвиги и теперь похваляется у костров, что не консул, а квестор кончил войну.

— Он льстил мне, притворялся... *Furcifera!* Я не потерплю этого!

Кликнул легата:

— Позови Суллу!

Квестор вошел, остановился у входа в шатер:

— Ты меня звал, консул?

— Скажи, почему ты возбуждаешь воинов? Ты кричишь, что не я, а ты кончил войну!

— Позволь, — перебил Сулла, и глаза его засверкали. — Нумидию покорил Метелл, а Югурту взял я.

— Ложь! Кто военачальник — ты или я? Кто послал тебя к Бокху?

— Ты не соглашался... Ты снял с себя ответственность перед лицом Аида...

— *Mehercle!*¹ Ты... ты... Уходи! Завтра поедешь с донесением сенату...

— Мое присутствие как квестора необходимо здесь.

— Молчать! Завтра едешь — собирайся!

Сулла вышел из шатра, дрожа от негодования.

«Мы посчитаемся когда-нибудь, — подумал он, — и я не посмотрю на твою милovidную Юлию... Она просила чтобы я, патриций, оберегал тебя, батрака! Хорошо бы я был! Нет, плебея нужно поставить на место».

Глава XXVII

Марий, заочно избранный консулом второй раз, въехал в Рим на триумфальной колеснице. Впереди шел в царской одежде и в цепях Югурта с обоими сыновьями. Лицо его было серо, а в глазах — никакой надежды. Изредка он поглядывал исподлобья на толпившихся римлян. А кругом кричали: «Смотрите — царь!» Он слышал крики, но делал вид, что не понимает по-римски.

---

¹ Клянусь Геркулесом! (*Лат.*)

Сулла шел почти рядом с ним, как бы подчеркивая, что взял царя в плен не Марий.

Стоя на колеснице, полководец дрожал от ярости.

Смертельная вражда возрастала между обоими мужчинами. Марий ненавидел Суллу, он не мог спокойно смотреть на него, и ему казалось, что квестор насмеяется над ним. Сулла же презирал Мария как плебея и негодовал, что по римскому закону он, патриций, должен подчиняться бывшему батраку. Но как ни велика была его злоба, он умело скрывал ее под притворной веселой улыбкой и кивал друзьям и знакомым, стоявшим в толпе.

После триумфа Сулла лично отвел Югурту в Мамертинскую темницу. Они спускались, боясь поскользнуться, по узкой каменной лестнице с неровными ступенями. Тюремщик шел впереди с факелом в руке. Сыростью и затхлостью пахло им в лица. С мокрых стен сочилась струйками вода. Вскоре они очутились в подземелье, разделенном стеной на два помещения. Несколько человек, прикованных к столбам, подняли, гремя цепями, головы и уставились на них безумными глазами. Один что-то кричал на варварском наречии. Югурта повернулся к нему и дико засмеялся.

Под этим подземельем находилось второе — черная яма. Лесенка была еще уже, факел шипел, готовый потухнуть от недостатка воздуха.

— Пришли? — спросил Сулла.

— Почти пришли, — ответил тюремщик. — Еще ниже находится Туллианум.

— Делайте свое дело.

Сулла смотрел с любопытством, как тюремщики тащили нумидийского царя к ледяному колодцу.

С Югурты сорвали одежду, и желтое нагое тело, костлявое, вызвало жалость даже у тюремщиков (они растерянно переглянулись и опустили глаза).

Югурта умоляюще взглянул на Суллу.

— Жить... жить.. — бормотал он, и вдруг перед ним пролетела вся его жизнь — походы, бои, дворец, жены, дети, родная Нумидия, и так захотелось свободы, что он в отчаянии заломил руки и воскликнул по-гречески: — О, спаси меня во имя всех богов! Ты мо-

жешь... Ты меня взял и имеешь право отпустить... Ты скажешь Марию так: «Югурта умер». А я буду жить... И если ты меня спасешь, я отдам тебе половину Нумидии, всех жен и детей... Мало?! Тогда бери всю Нумидию, земли вероломного Бокха, только отдай мне одного Бокха, чтобы я насытился мезтью и потом умер... Молчишь? Смотри, меня сейчас заживо похоронят, как согрешившую весталку! — захохотал он. — Но разве я виноват, что народ требовал от меня войны с Римом?

Сулла молчал и равнодушно смотрел, как тюремщики вырывали у него из ушей вместе с мясом золотые серьги и сталкивали его в колодець. Царь упирался, но когда его обхватили крепкие руки, он, оскалив белые зубы, горько воскликнул:

— О Юпитер, как холодна эта баня!

Югурта исчез. Из ямы донесся вопль, похожий на вой голодного волка. Отверстие завалили плитой.

— Не кормить его, — спокойно сказал Сулла, — так приказал Марий.

Выйдя из Мамертинской темницы, он направился в Субурру, чтобы навестить Арсиною, шутов и мимов.

Вдруг к нему подошел Метелл Нумидийский. Лицо его было озабочено, и он что-то шептал, как гистрион, разучивавший трагедию или комедию.

— Что с тобой? — удивился Сулла.

— Худые вести. На нас идут варвары... Разбив Цепиона и Манлия, они все ближе подступают к Италии... У сената есть сведения, что варваров науськивает на нас царь Митридат... Не успела кончиться одна война, как начинается другая... За что наказывают боги взлелеянный ими Рим? В Тринакрии опять брожение рабов, а в провинциях беспокойно: Нуцерия, Капуя и Турий готовы восстать.

Сулла усмехнулся.

— Слышишь, как вопит на форуме Сатурнин? — сказал он. — О чем — спрашиваешь? Слушай. Я повторю тебе его слова: «Участки мелких земледельцев скуплены оптиматами, и хлебопашцы изгнаны со своих земель. Они идут в город в поисках хлеба и заработка. Зажиточных семейств становится меньше и

меньше. Что им делать, квириды?» Так говорит Сатурнин. И сам отвечает на свой вопрос: «Спасение, квириды, в аграрном законе Гракхов».

С форума донесся рев толпы:

— Да здравствует Сатурнин!

— Слышишь, благородный Метелл, как презренный пес возбуждает чернь? Неужели у нас нет войска, чтобы разогнать этих баранов, а зачинщика умертвить?

Но Метелл торопился в сенат на заседание, и ему некогда было беседовать с “беззаботным квестором”, как называли Суллу нобили.

Когда он скрылся в толпе, Сулла, на торопясь, продолжал свой путь в Субурру.

Глава XXVIII

Грозные вести шли из Галлии. Прибывавшие гонцы с эпистолами от должностных лиц еще больше увеличивали общее смятение: они, очевидцы событий, рассказывали о страшных варварах, разбивавших римские легионы, и утверждали, что противостоять им мог бы только опытный вождь, имя которого известно каждому легионарию.

Сенат не знал, кого выбрать. Нобили отказывались от начальствования над войсками, посылаемыми в Галлию, а популяры указывали на Мария — единственного человека, который мог бы справиться с этой трудной задачей. Метелл Нумидийский возражал против его назначения, но когда ему самому было предложено принять начальствование над войсками и он тоже отказался, заявив, что не желает вторично быть отозванным в Рим и подарить свои труды и победы какому-нибудь ставленнику популяров, — сенат, скрепя сердце, постановил послать Мария.

Но Мария не было в Риме. Раздраженный речами врагов, превозносивших Метелла и Суллу и умалявших его подвиги, честолюбивый и сварливый консул,

не умевший делиться своей славой с другими, увидел однажды на руке Суллы кольцо с печатью, на которой была изображена сцена захвата Югурты Суллой. Этого было достаточно, чтобы в сердце Мария пробудилась еще большая ненависть к сопернику.

Юлия видела настроение мужа и посоветовала ему навестить родителей, а затем отдохнуть на вилле. Марий не возражал.

В Цереатах было полное запустение: деревушка почти обезлюдела, а в долине он нашел, кроме родителей, одного Виллия. Вдова Тита умерла, а дочь ее предпочла голодному существованию — занятие проституцией, забыв, что сама некогда была и преследовала Тукцию за прелюбодеяние. Она попала не в Рим, куда стремилась, а в Капую; там она поступила в лучший лупанарий и была довольна. О родных не думала: это был сон, и напоминание о прежней жизни показалось бы ей странным.

Старый Марий и Фульциния доживали свой век на возлюбленной земле. Они ни за что не хотели расстаться с ней — матерью и кормилицей, думая в недрах долины сложить свои кости. Сын уговаривал их переселиться в его виллу: там они будут жить безбедно, оберегаемые заботами слуг. Но они не захотели его слушать.

У родителей Марий пробыл недолго. Он уехал со стесненным сердцем. Деревушки, встречавшиеся на его пути, были пустынные, а в Арпине площадь усеяна людьми голодными, дерзкими и злыми.

Старая ненависть к нобилям проснулась в сердце Мария. Сжав кулаки, он подумал: «Долго ли еще будем терпеть?» И погнал коня, призывая Марса-мстителя вступить за народ.

В вилле он прожил несколько дней. Популяры, не переставая, осыпали его эпистолами. Эти письма воспламеняли в нем гнев. Меммий стоял за городской, а Сатурнин за деревенский плебс, и вражда, зарождающаяся между ними, проникала в народ. А оптиматы, как нарочно, подстрекали горожан против земледельцев, и оба лагеря готовы были по зову своих вождей к насилиям.

Прибыв в Рим, Марий узнал, что африканские легионы и войска, посылаемые сенатом против варваров, готовы к выступлению.

Десятки молодых патриотов из числа нобилей поспешили записаться у консула, чтобы ехать с ним в качестве волонтариев, военных трибунов, квесторов или легатов. Имена записавшихся передавались из уст в уста — весь Рим называл Аквилия, Сертория, Суллу и иных лиц.

Узнав, что Сулла отправляется в качестве легата при полководце, Марий, побагровев от негодования, стукнул кулаком по столу:

— Опять он! Этот патриций мне надоел!

Юлия, вспыхнув, отвернулась. Она догадалась, о ком говорил муж, и сердце ее забилося. Подвиг Суллы переполнял сердце ее восхищением; она преклонялась перед неустрашимостью Суллы.

Когда легионы Мария выступили в поход, в Риме разнеслась тревожная весть о восстании всадника Тита Веттия в Кампании и рабов в Сицилии.

Глава XXIX

Мульвий и Тициний, работая в поле, увидели однажды вечером шедшего к ним земледельца с котомкой за плечами. С недоумением остановили они быков, тащивших деревянные плуги, и вглядывались в его лицо.

— Слава богам! — воскликнул земледелец, приветствуя их. — Не вы ли — свободнорожденные Мульвий и Тициний? Мой господин Тит Веттий приказал вам сказать: «Братья, час наступил. Спешите под знамена вашего царя и друга».

— Мы готовы! — обрадовались Мульвий и Тициний.

Они отвели быков на виллу, быстро собрались и, подговорив нескольких рабов, отправились с ними в округ Турий, охваченный восстанием.

Дорогой земледелец рассказал им, что мятежи вспыхнули также в Нуцерии и Капуе и что руководит ими Тит Веттий.

Доведенный долгами до отчаяния, не зная, что делать, Веттий решил бежать из Рима в Кампанию, чтобы там на досуге обдумать свое положение и подготовиться к восстанию.

Вооружив рабов, он провозгласил себя царем и, надев диадему и пурпур, отправился во главе отряда из семисот человек освобождать невольников.

Мульвий и Тициний пришли в лагерь рабов на рассвете. Вся местность в округе была на военном положении — тысячи вооруженных людей попадались на каждом шагу: это были невольники, отпущенные Веттием на свободу, деревенский и городской плебс, несколько союзников, недовольных тяжелым положением и зависимостью от Рима, а также патриций и дватри всадника, запутавшихся, как и вождь, в долгах и доведенных безвыходным положением до крайности. Оставалась смерть, но кончить самоубийством без всякой пользы для народа Тит Веттий считал преступлением и решил как можно дороже продать свою жизнь, а самое главное — дать своим выступлением толчок к мятежам в других городах. Он мечтал в случае первой победы пробиться в Сицилию и там соединиться с восставшими рабами.

«Претор города идет во главе легиона к Турию», — доносили разведчики. «Он обходит наши войска», — сообщали дозоры. А Тит Веттий спокойно играл в кости с друзьями. Но когда примчался гонец и сообщил, что претор завязал бой с передовыми частями, Веттий сбросил кости на пол и выбежал из дома.

Вскочив на коня, он выхватил меч и помчался к тому месту, где разгорался бой. В первом ряду рубились Мульвий и Тициний. Рабы и плебеи, не отступая ни на шаг, умирали с оружием в руках.

Подъехав к воинам, Веттий крикнул:

— Слава свободным храбрецам! Мы должны отбросить кровожадных псов! Вперед за мною!

Слова его воодушевили рабов и плебеев. Они ринулись с нечеловеческим мужеством на легионариев, от-

бросили пехоту и погнались за ней. Веттий сражался впереди всех. В него метали дротиками, но он ловко прикрывался щитом, и сбить его с коня было трудно.

Наступил вечер, и претор отвел свой легион.

Расположившись лагерем недалеко от городских ворот, он послал лазутчиков в город.

— Кто переманит на мою сторону начальника, который откроет мне ворота, того ожидает награда, а вождю — прощение и назначение в любой легион Мария.

Изменник нашелся. Это был молодой патриций, который уже раскаивался, что примкнул к Веттию: он видел, что о победе думать нечего, а умирать за чуждое ему дело не хотелось.

«За рабов и плебс не нам, патрициям, бороться, — рассуждал он, — охлократия — красивое слово, но испытывать на себе господство варваров и дикарей — унижение для римлянина. Нет, лучше сдамся на милость братьев по крови, а если приведу с собой раскаившихся всадников, то доверие сената и доступ к магистратуре обеспечены». И когда, спустя два дня, наступила его очередь нести караульную службу, он приказал открыть ночью ворота.

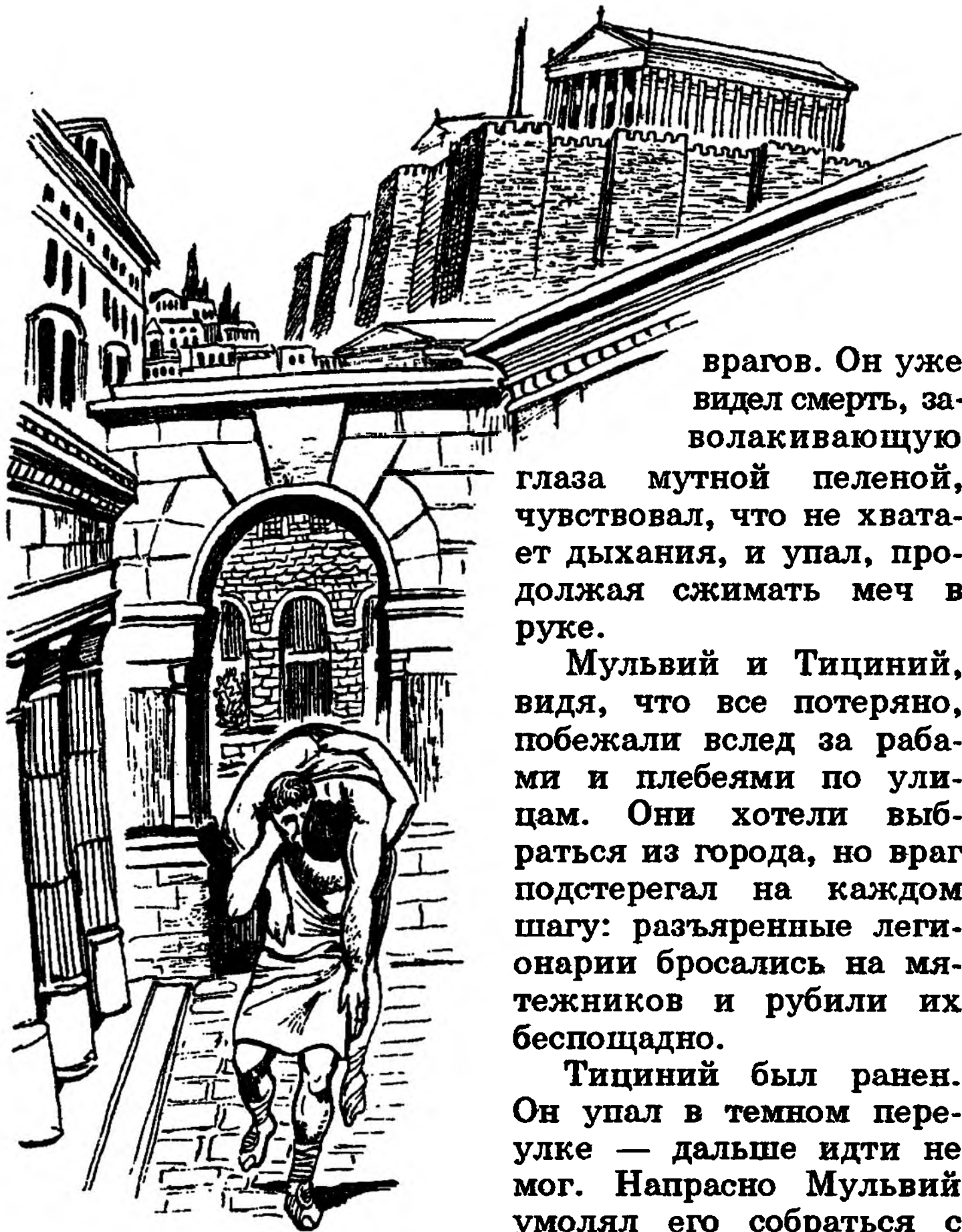
Мульвий и Тициний, находившиеся в карауле, первые увидели измену и громкими криками подняли войско.

Веттий выскочил из дома — и растерялся... В городе шел кровопролитный бой. На улицах метались люди. Веттий наскоро построил войско, пытаясь дружным натиском отбросить противника, но этого не удалось. Легионарии уже заняли главные улицы и окружали рабов и плебеев.

— Братья! — с отчаянием крикнул Тит Веттий. — Если смерть, то с оружием в руках и со славою!

Он бросился в гущу легионариев, искусно работая мечом. Мульвий и Тициний сопутствовали ему.

Веттий, прикрываясь щитом, трижды пытался пробиться к претору и захватить знамя, но силы были неравные. В него метались со всех сторон. Копье, брошенное сильной рукой, пронзило его насквозь. Он зашатался, но меча не выпустил, продолжая поражать

врагов. Он уже видел смерть, заволакивающую

глаза мутной пеленой, чувствовал, что не хватает дыхания, и упал, продолжая сжимать меч в руке.

Мульвий и Тициний, видя, что все потеряно, побежали вслед за рабами и плебеями по улицам. Они хотели выбраться из города, но враг подстерегал на каждом шагу: разъяренные легионеры бросались на мятежников и рубили их беспощадно.

Тициний был ранен. Он упал в темном переулке — дальше идти не мог. Напрасно Мульвий умолял его собраться с последними силами: Тици-

ний лежал, стоная и хватаясь за обгащенный кровью живот. На них набежали два легионера: одному Мульвий разрубил голову, другого пронзил копьем. Нужно было торопиться — улицы наполнялись римлянами. Взвалив брата на спину, он побежал, обливаясь потом, к окраине города. Здесь было пустынно. Полураскры-

тые ворота не охранялись, и Мульвий выбрался с тяжелой ношей в поле. Уже стемнело, и он побрел по дороге, останавливаясь, чтобы передохнуть и перевязать лоскутом туники раненого, и к утру добрался до маленькой деревушки; он постучал в домик под соломенной крышей, крайний от дороги.

Хромой чернобородый земледелец, в одной тунике, босиком, вышел, хромая, на улицу и, оглядев путников, покачал головой.

— Побили вас?

— Побили. Приюти нас, добрый человек!

— И мой сын ушел тоже. Ты не видел ли его? Живой ли?

— Не знаю. Где положить раненого?

— Сына не видел, ничего не знаешь, — бормотал он. — Куда уложить? Неси туда.

Они перенесли Тициния в поле, где стояли скирдочки, и, зарыв его в одну из них, прикрыли сверху сеном. Мульвий с обнаженным мечом спрятался в заросшем травой овраге.

Спустя несколько часов примчался римский дозор. Начальник приказал обыскать дома и сараи. Всадники, пронзая копьями сено, искали укрывшихся мятежников, но им не пришло в голову обшарить поле, и они уехали. А вечером прискакал во главе турмы молодой префект конницы.

— Уже был у нас начальник, — сказал земледелец, — он обшарил все, но ничего не нашел. И как найти, если никого нет...

— Молчи, болтун! — оборвал его префект.

Он сам руководил обыском: в домах все было перевернуто вверх дном, сено из сараев выброшено.

Земледелец начал роптать, но префект оборвал его:

— Вы пошли против власти — и пощады не ждите!

— Клянусь Громовержцем! Мы, господин, мирные земледельцы и...

— Поглядим, — вымолвил префект и крикнул, указывая на поле: — Обшарить эти скирды!

Земледелец побледнел, что не укрылось от глаз префекта.

— А этого негодяя стеречь, чтоб не удрал!

Земледелец дрожал всем телом. Всадники подъехали к скирде и принялись колоть ее копьями. Протяжный стон возник и замер, а вслед за ним взметнулся резкий пронзительный крик. Всадники разметали стог и вытащили окровавленного Тициния.

— Одного нашли! — злорадно воскликнул префект, спрыгнув с коня. — Кто такой? Молчишь? Эй, кто-нибудь сюда! — закричал он. — Заставить его говорить!

Подъехал рыжебородый всадник и, не слезая с коня, ткнул Тициния копьем в рану. Тициний завыл от боли и стал проклинять палачей.

— Злодеи! — кричал он, лежа на земле. — Пусть Фурии терзают вас и преследуют всю жизнь! Пусть не дадут покоя вашим душам...

— Молчать! — яростно крикнул префект.

Рыжебородый всадник усмехнулся и, ударив коня, наехал на Тициния. Тяжелые копыта топтали бьющееся тело, и скоро кровавое месиво распласталось, как полента, по земле.

— Тащи сюда хромого волка! — приказал префект.

И когда земледельца, побледневшего от страха, подвели к нему, он ударил его бичом по голове с такой силой, что выбил глаз и рассек щеку.

— Говори, есть еще бунтовщики?

— Нет никого! — простонал хлебопашец и, схватив неожиданно для всех камень, запустил им в префекта.

Камень попал в голову, и префект, пошатнувшись, чуть не свалился с коня. Рыжебородый всадник выхватил меч и легко срубил земледельцу голову.

— Раскидать скирды! — задыхаясь от ярости, распорядился префект, удерживая ладонью кровь, сочившуюся из головы. — Эй, кто-нибудь, воды..!

Скирдочки были разбросаны по полю, но всадники не нашли больше никого.

Мульвий, пользуясь переполохом, ползком пробирался по оврагу. А к вечеру, как только всадники уехали, он вышел на дорогу и брел дни и ночи, избегая населенных мест. Он шел, питаясь одними ягодами, и когда Турий остался позади, облегченно вздох-

нул. Теперь путь лежал на Рим. Мульвий, шагая, думал о популярах и крепко сжимал меч, призывая Фурий отомстить за брата кровавому префекту.

Вдали на холмах возвышался Рим — твердыня власти, гнета и насилий — с Капитолием и храмами.

Мульвий остановился и, подняв глаза к небу, прошептал:

— Боги, вы захотели, чтобы наша семья распалась. Но за что, за какие прегрешения? И почему ты, Юпитер, поддерживаешь беззакония? Зачем ты дал злодеям власть? Или ты, Юпитер, и вы, бессмертные боги, бессильны и зависите от Случайности?

Он повторял слова Тита Веттия, слышанные неоднократно на пирушках, и, опустив голову, вошел незаметно в город с рыбными торговками и продавцами овощей.

Восстание Веттия поразило Муция Помпона. Он захворал и больше не вставал. Люция на коленях умоляла отца сжалиться над ней и отказать в ее пользу долю Веттия. Долго упрямый старик не соглашался, но она ухаживала за ним, покорно переносила его придирки и ворчание, и Помпон оценил наконец заботы дочери. Завещание было исправлено. А все огромное состояние переходило, по завещанию, к его внуку Титу, и над наследством учреждалась опека родного брата Помпона до совершеннолетия мальчика.

Помпон прожил недолго. Умирая, он сказал дочери:

— Когда я отойду в подземное царство Аида, помни: хоронить меня без почестей и надгробного памятника не ставить. Это стоит денег.

Глава XXX

Марий во главе легионов переваливал через Альпы. Он шел через область салассов к Лугдуну.

Когда войско подошло к месту, где переход разветвлялся (одна дорога, более длинная, пересекала землю кентронов, а другая, узкая и короткая, пролежала че-

рез Пойнин, вершину Альп), Марий разделил войско: меньшую часть направил в землю кентронов, а сам с остальными легионами двинулся на Пойнин, хотя его предупреждали, что этот путь непроходим для повозок.

Горные тропы показались воинам бесконечными, а весь путь — каким-то тягостным наваждением, страшным, как кара Немезиды. Трудно было идти по обледенелым склонам, таща на себе поклажу и оружие, следить за навьюченными мулами, копыта которых были обмотаны из предосторожности тряпками, чтобы животное не поскользнулось и не свалилось в пропасть. Легионарии шли, опираясь на оружие, как старики на посохи, ругаясь и проклиная горы с их безднами, каменистыми ущельями и узкими проходами. А опасности, точно притаившись, подстерегали их на каждом шагу: с заснеженных троп люди скатывались с криками в пропасти, а за ними опрокидывались повозки с мулами и ослами, и все это мгновенно исчезало, вздымая клубы морозной пыли. Свалившихся не искали, считая погибшими, да и некогда было — Марий торопился перевалить через горы.

Легионы шли дальше, серебряные орлы сверкали на знаменах, и лица воинов были угрюмы.

На больших высотах, где пролегалли узкие тропы и где легко было заблудиться, дорогу указывали альпийские проводники — кентроны, каториги, варагры и нантуаты — люди суровые и молчаливые. Обычно они шли впереди; им платили не деньгами, которых они брать не хотели, а провиантом и оружием.

Часто шел снег, ветер бросался на людей, толкая их к пропастям, бывали долгие метели. Тогда люди и животные сбивались в кучи, пережидая непогоду, а затем трогались гуськом в путь.

Марий ехал впереди верхом на вороном коне, побелевшем, как и его плащ, от снега. Он был мрачнее, чем когда-либо. За ним следовали легаты, не осмеливаясь нарушить задумчивости вождя. А дальше шагали когорты, как попало, вразброд, и впереди них шел Сулла, ведя лошадь в поводу. Лицо его было румяно, оживленно. Он то и дело оборачивался к легионариям и, называя их по именам, дружески беседовал с ними.

— Помните, Рим? — говорил Сулла. — Веселых девчонок из Субурры? Без них — клянусь белыми бедрами Венеры! — не так-то легко обойтись! А, Марк?

Легионарий, к которому он обратился, шел позади Суллы, кряхтя под непосильной ношей: это был уже пожилой человек с решительным лицом.

— Что нам в бедрах Венеры? — ворчал он. — К богине не подступишься, а вот бедра девчонок!..

— Хо-хо-хо! — захохотали воины. — Ему подавай лучших тевтонок!..

Тропа круто обрывалась: внизу, в глубине, смутно маячили скалы сквозь снежную дымку.

— Взгляни, вождь, на саласский акрополь! — вскричал Сулла, обращаясь к Марию и указывая бичом на Лугдун, возвышавшийся у слияния рек.

Марий не ответил.

— Осторожнее, — предупредил Сулла, — ослов и мулов выпрячь, повозки медленно спускаться на канатах.

И, удерживаясь копьем, чтобы не скатиться, последовал за спешившимся Марием и легатами. Воины шли осторожно, боясь ступить в запорошенную расщелину.

Спуск продолжался двое суток и ночь — при факелах. Люди и животные устали от бессонницы и чрезвычайного напряжения. Справа и слева снег уже исчез, показались зеленые лужайки, из расщелин выглянули дикие розы. Вскоре солнце скрылось за тучами, сумерки нависли над горами. Легионы вышли на равнину, которая покато спускалась к Трансальпийской Галлии. Марий приказал сделать привал, дать отдых воинам. Люди разбрелись. Велено было варить поленту, а потом ложиться спать.

Сулла беседовал с легионариями, разводившими костер, когда подошел военный трибун с бледным, несколько женственным лицом.

— А, Серторий! — воскликнул Сулла, пожимая ему руку. — Какие боги посылают тебя ко мне?

— Конечно, добрые, — улыбнулся трибун, и лицо его стало таким приветливым, что Сулла невольно залюбовался им. — Марий желает тебя видеть.

В палатке полководца было дымно от костра, разведенного у входа. Легаты и трибуны, стоя, беседовали. Марий сидел на раскладном стуле у стола, освещенного пылающим смоляным факелом, и что-то писал, медленно выводя неровные буквы. Увидев Сертория, входившего в шатер, он привстал, и слабое подобие улыбки отразилось на его лице. Но взглянув на Суллу (улыбка мгновенно затерялась в усах и бороде), он отвел от него глаза и нахмурился.

— Люций Корнелий, — зазвучал его грубый голос, — я вызвал тебя, как и других трибунов, чтобы выслушать твое мнение...

— Я пришел, вождь!

Легаты и трибуны, прекратив беседу, подошли ближе к консулу.

— Римляне, завтра мы вступим в Галлию, — говорил Марий, — завтра столкнемся, быть может, с вар-

варами, и я хотел бы услышать, легаты и трибуны, ваше мнение: должны ли мы искать встречи с врагом или ждать его нападения?

Загудели взволнованные голоса. Одни трибуны предлагали идти вперед и неожиданно ударить по неприятелю, другие — стоять на месте, у подножия Альп, а легаты — преградить дорогу через Альпы, чтобы варвары не могли проникнуть в Италию. Но Сулла и Серторий молчали.

Марий слушал, зажав в огромном кулаке черную бороду, теребил густые волосы на голове и покашливал, что служило признаком нетерпения. Наконец он обратился к Сулле:

— Твое мнение?

— Я оставил бы войска у горных проходов, выслал бы разведку для соприкосновения с варварами...

— Ну а ты? — повернулся он к Серторию.

— А я наводнил бы Галлию соглядатаями, чтобы нам был известен каждый шаг, каждое движение, каждая мысль противника... Когда я сражался при Араузионе под начальством консула Цепиона, варвары разгромили римские легионы; подо мной была убита лошадь; усталый и раненый, я бросился в броне и со щитом в Родан и переплыл его. Переодевшись в одежду убитого галла, я пробрался сквозь неприятельские дозоры к римскому лагерю. Если я, раненый, мог пройти и узнать о расположении противника, то же могли бы сделать и здоровые воины!

Марий встал.

— Ваши мнения, начальники, ошибочны. Я решаю один за всех: у горных проходов я оставлю небольшие заслоны, пошлю соглядатаем Сертория в области варваров, а легионы двину к берегам Родана.

В это время рабы поставили на стол сковороду — большой жестяной лист — с жареными ломтями жирного мяса и положили толстые куски хлеба. Марий жестом пригласил соратников приступить к еде.

— Воины! — крикнул он, когда все, насытившись, стали расходиться. — Приказываю эту ночь бодрствовать! Кто заснет — ответит по военному закону.

Глава XXXI

Римский лагерь находился у высокого лесистого берега Родана. В эту ночь легионарии не спали. С севера, от областей, населенных секванами и гельветами, надвигался глухой шум — казалось, вырвалось из берегов разъяренное море и мечется, как огромное чудовище, ища выхода и простора, бушует, бросается в низины, наполняет их плеском и гулом. Вскоре шум превратился в рев: грубые голоса людей, их воинственные песни на незнакомом наречии, визгливые крики и зов женщин, плач детей, рев быков, лай собак, блеяние овец, ржание, свист. Все это двигалось и перемещалось непостижимым для римского уха образом.

Небо, усеянное крупными звездами, сверкало в вышине, а северная часть его, над Изарой, притоком Родана, окаймленным густым лесом, была испачкана багряной кровью широкого зарева. И оно просвечивало сквозь листву редколесья, вздымалось красным пологом, четко очерчивая черные верхушки деревьев.

Гул нарастал. Несколько наездников примчались с разных сторон к воротам укрепленного лагеря. Они осадили на скаку взвившихся на дыбы лошадей, когда часовые остановили их копьями.

— Кто такие?

— Друзья... аллоброги...

— Видеть вождя...

— Важные вести...

Марий, имевший обыкновение сам обходить караулы и лично следить за бдительностью стражи, услышав голоса, подошел к варварам. Его сопровождал караульный трибун Сулла.

Аллоброги спешили, и один из них, должно быть, вождь, широкоплечий, коренастый, выступил вперед.

— Да сохраняют тебя Марс и Беллона, — молвил он, коверкая латинскую речь до такой степени, что Марий с трудом понял его. — Взгляни — наши деревни и города в огне. Идут тевтоны... Слышишь?

Шум и рев доносились отчетливо.

— Кто их ведет? И много ль их?

Аллоброги заговорили разом, перебивая друг друга:
— Ведет Тевтобад. Это великан. Он страшен, силен...
— А тевтонов так много...
— ...как песку на берегу моря...

Марий задумчиво смотрел на воинов, сбегавшихся к воротам, видел Суллу, его мужественное румяное лицо, покрытое мелкой сыпью, золотые волосы, слышал его шуточные пререкания с легионариями, и злоба против него нарушала ход мыслей; особенно раздражала беспечность Суллы: «Ему что? Не он отвечает за римские легионы, не он будет руководить ими в боях, и потому он шутит и посмеивается. Он считает себя способнее меня, похваляется взятием в плен Югурты, а ведь Югуртинская война — мое дело, а не Метелла и Суллы, как твердят аристократы. Ну что ж! Увидим, умеет ли воевать и бить неприятеля батрак Марий, выскочка, homo novus!»

Мрачно усмехнувшись, он приказал легатам играть сбор и приготовить все к жертвоприношениям.

Выступили тубицины и громко затрубили, нарушив тишину ночи. В листве прибрежных деревьев загомонили, зашелестели крыльями птицы и долго не утихали, тревожно возясь в темноте. А трубы ревели.

Воины поспешно строились перед преторием. Тут же наскоро сооружался жертвенник. Марий удалился в шатер, чтобы помыться и надеть свежую белую тогу. На жертвеннике, украшенном венками, горел уже огонь; прислужник, с секирой на плече, вел быка с позолоченными рогами и опоясанного лентой поперек туловища, другой служитель подгонял животное сзади; за ними следовали два человека, неся сосуд с вином на палке, продетой в круглые отверстия; дальше шла женщина; на голове ее была корзина с посоленной мукой, а в руке — кубок. Шествие замыкалось тубицинами, которые не переставая трубили.

Из шатра вышел Марий. Белая тога выделялась в темноте большим движущимся продолговатым пятном. Он подошел к жертвеннику, и огонь осветил его мрачное волосатое лицо с нависшими бровями, свирепые глаза, мохнатые руки, блестящий шлем и одежду, розовую от пламени.

— Тишины! — прокричал служитель.

Наступила такая тишина, что тонкий слух Мария улавливал дыхание воинов.

— *Supplicationes*¹, — рявкнул Марий.

Заиграли трубы. Легионы, звеня оружием, опустились на колени; пламя заиграло на шлемах воинов.

Воздев руки к небу, Марий, стоя на одном колене, молился.

— О боги, — шептал он, — дайте мне победу! Отвратите грозу от родины, любящей тебя, Громовержец, тебя, Марс, тебя, Беллона, тебя, Минерва, тебя, Сребролукий Аполлон, и вас, богов, покровителей Рима!

Между тем быка подвели уже к жертвеннику. Животное подошло спокойно, что считалось добрым предзнаменованием.

Прислужник повернулся к Марию:

— *Agone?*² — спросил он.

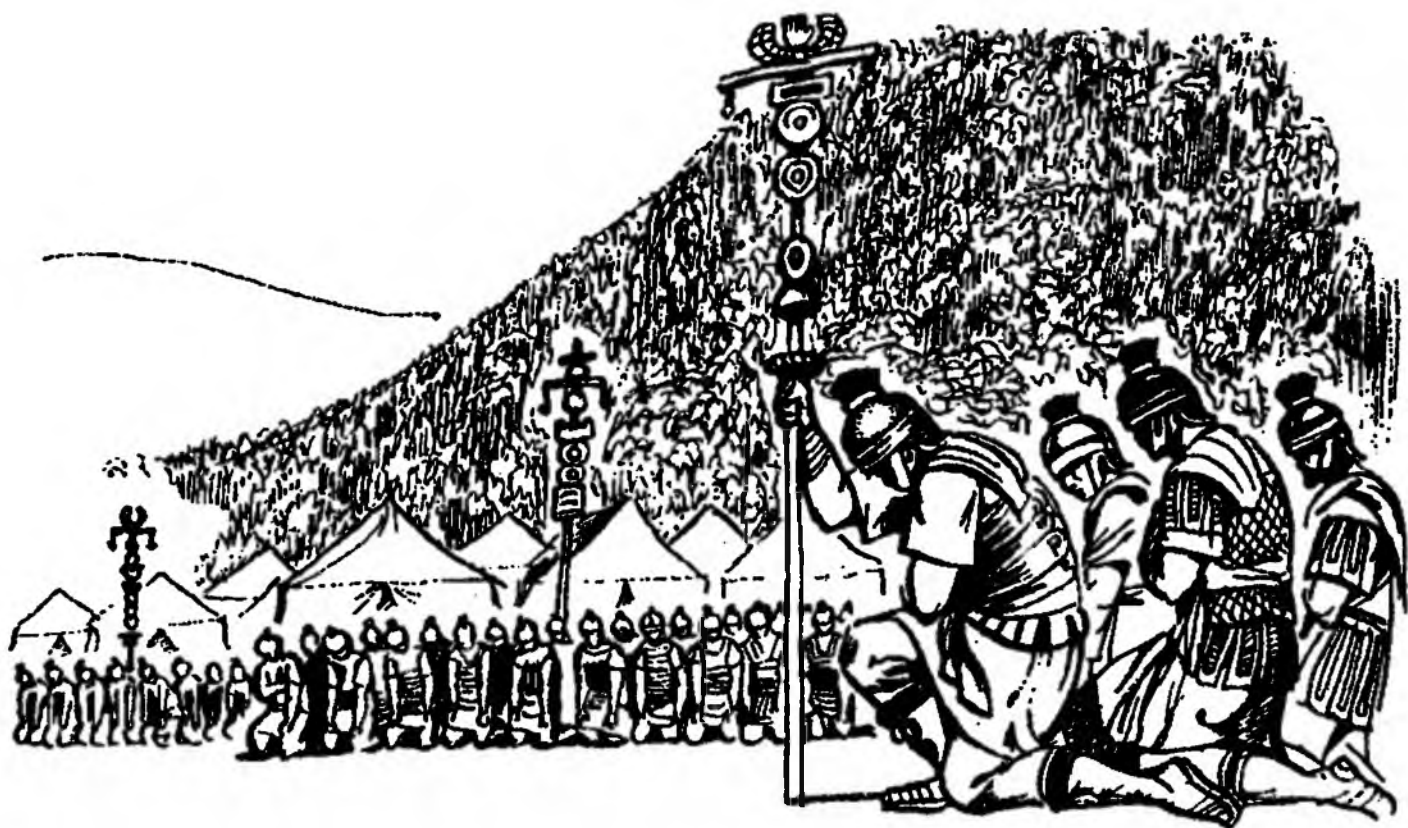
— *Nos age*³, — ответил Марий и, посыпав голову быка ржаной мукой, щепотку которой взял из корзины, и кадилльным порошком, он отрезал пучок волос между рогов и бросил его в огонь, а потом провел острием ножа черту вдоль хребта, от лба к хвосту.

---

¹ Мольба богам о спасении от угрожающего несчастья. (*Лат.*)

² Не приступать ли? (Не совершить ли?) (*Лат.*)

³ Делай свое. (*Лат.*)

Прислужник взмахнул секирой, бык рванулся, заревел (рев его, заглушенный звуком труб, едва был услышен) и грохнулся на землю. Брызнула кровь. Служитель поставил чашу и окропил кровью жертвенник. Затем быку вспороли брюхо большим жертвенным ножом и стали вынимать внутренности.

Подошли авгуры в остроконечных пилосах.

— Ауспиции благоприятны, — возвестил старший авгур и окропил внутренности вином, — ждет вас, воины, большая победа над варварами и слава на многие тысячелетия.

И опять Марий молился, воздевая руки к небу, и опять играли трубы. Внутренности горели на огне, распространяя вонючий чад, который не могли рассеять благовония, высыпаемые из ящичка, и крепкий запах вина, вылитого на жертвенник.

Предрассветные сумерки обволакивали еще землю, звезды гасли на небе, бодрящим холодком тянуло с северо-запада, когда с разведки вернулся Серторий. Он объявил, что неприятель уже недалеко и через час подойдет к римскому лагерю.

Глава XXXII

Красные лучи восходящего солнца обагрjali верхушки деревьев, отбрасывая на реку длинную кровавую полосу, испещренную зыбью утреннего ветерка, и зажигая дрожащие росинки на листьях кустов и в траве противоположного берега. Из-за леса появились тевтоны. Хорошо осведомленные о расположении римских легионов, они двигались к их лагерю с протяжным воем и бешеными криками.

Стоя возле претория, Марий наблюдал за ними.

Сначала ему показалось, что тевтонов не так много, как сообщила разведка, и надежда покончить с ними, быть может даже в этот день, окрылила его сердце радостью победы.

Вскоре, однако, он понял, что ошибался: лес, казалось, выбрасывал все новые и новые отряды. Голубоглазые, светловолосые, в широких кожаных и пестротканых штанах, конники и пехотинцы быстро заполняли равнину перед лагерем. А из леса стлался синий дым, доносились воинственные песни женщин, плач детей, и рев убиваемых быков заглушал все эти звуки.

Равнина, похожая на огромный муравейник, шевелилась. Тевтонские пехотинцы с криками строились на расстоянии полета стрелы от укрепленного вала. Римляне с ужасом смотрели на это необъятное человеческое море, могучее, яростное, сокрушительное, видели новые толпы в лесу, на берегу — всюду.

Вдруг вой утих. Выехало из леса несколько человек верхом. Впереди них скакал на вороном коне молодой великан, закованный в железо. Солнце оторвалось уже от верхушек деревьев и ярко сверкало на черном шлеме с распростертыми крыльями и на панцире, украшенном серебряными орнаментами. Это был Тевтобад, вождь тевтонов и амбронов. Белокурые усы и борода выделялись на его полном, краснощеком лице с мясистым носом; из-под шлема выбивались длинные светлые кудри.

Спешившись, Тевтобад приветствовал воинов, взмахнув мечом. Они ответили долгим, несмолкаемым криком. Потом он принялся внимательно рассматривать

лагерь римлян. Рядом со своими спутниками он действительно казался великаном — самые рослые пехотинцы едва доходили ему головой до плеча. Повернувшись к воинам, он что-то сказал, и Марий, наблюдавший за ним, увидел, как из рядов выбежали пехотинцы, соединились в отряды и бросились большой толпой к валу. Однако, не добежав до римского лагеря, они остановились, и передний тевтон крикнул:

— Наш вождь Тевтобад вызывает вашего вождя на единоборство!

Римляне молчали.

— Выходи, римская собака!

— Выводи своих псов!

— Дай нам померяться силами!

— Эй, вы, трусливые бабы, что спрятались? Котлы моете? Или скот доите? Или рожаете своих щенков?

Слушая оскорбления, воины роптали:

— Отчего Марий не позволяет нам вступить в бой с варварами? Разве мы трусы?

— Пойдем к нему как свободные люди и спросим, кто мы — легионарии или рабочие, приведенные чистить грязь и отводить русла рек?

— Может, он боится, что нас постигнет участь Карбона и Цепиона, которым варвары набили задницу?

— Лучше погибнуть, нежели любоваться ими!

Эти речи радовали Мария. Он успокаивал воинов, говоря, что уверен в их храбрости, но что еще не наступило время сразиться с неприятелем.

Военные трибуны тоже умоляли Мария вывести легионы из лагеря, чтобы вступить в бой с противником. Но Марий отказывался.

— Куда торопитесь? — говорил он. — Потерпите немного. Пусть наши воины привыкнут к страшному виду и зверским крикам варваров. И тогда — клянусь богами! — враг не так будет грозен для них.

Выступил Сулла.

— Я готов сразиться с великаном, — сказал он, — разреши мне, вождь, вызвать Тевтобада...

— Нет! — поспешно ответил Марий, негодуя в душе на молодого легата и стыдясь малодушия и неуверенности, охвативших его самого при виде великана. —

Я дорожу своими военачальниками и не желаю жертвовать ими ради прихоти варваров. Конечно, я бы сам вступил в единоборство с этим тевтоном, если бы не воля римского народа и сената, возложивших на меня спасение отечества.

Но, говоря так много (вообще Марий был лаконичен, и нелегко было заставить его разговариваться), он лукавил, боясь, что Сулла опять отличится (убив Тевтобада, можно было рассчитывать на разгром варваров) и, конечно, не преминет приписать себе спасение республики.

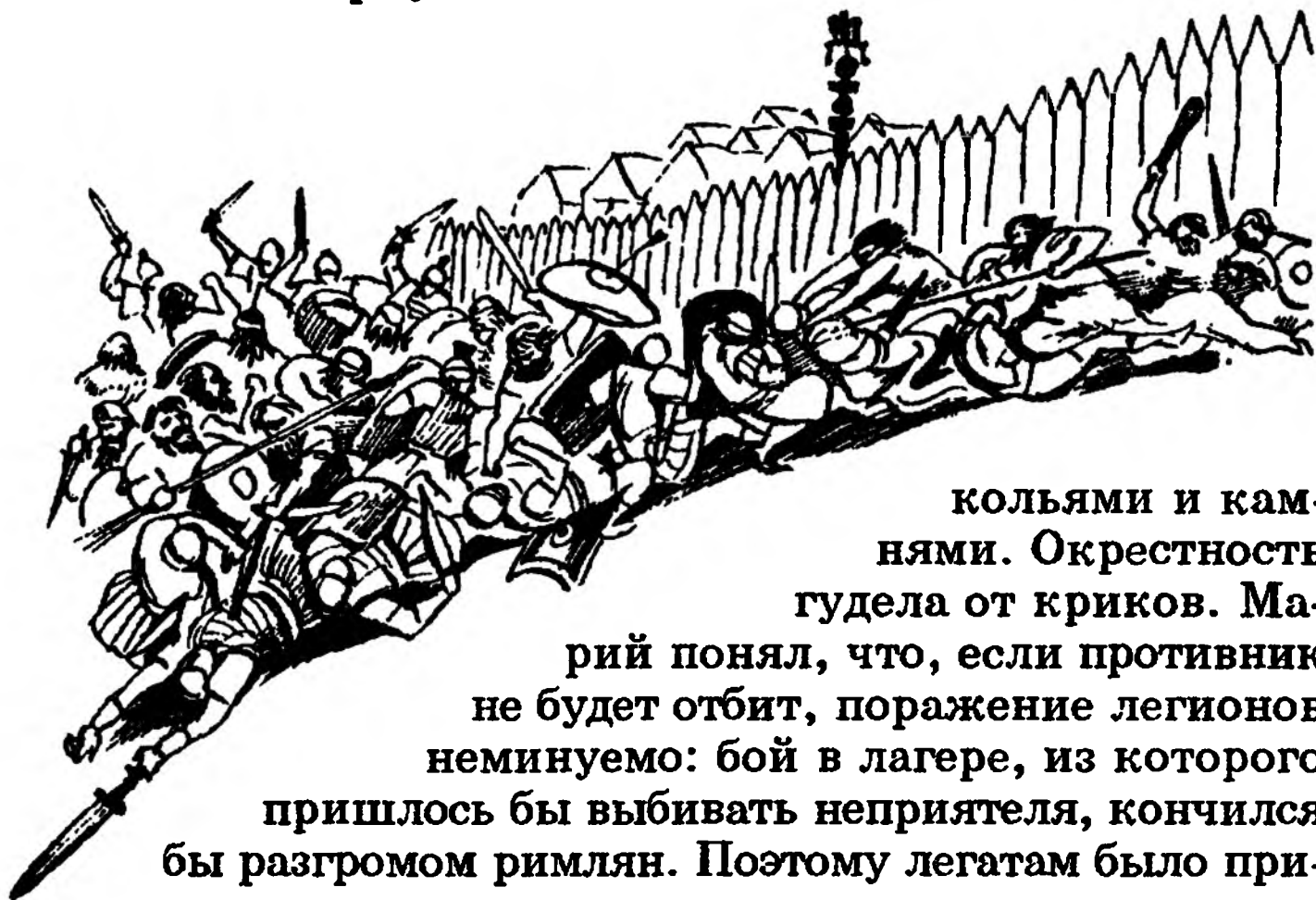
Воинственный клич за валом перешел в яростный рев; тевтоны выпустили тучу стрел,

а затем побежали вперед, прикрываясь щитами.

У широкого рва, наполненного водой, они остановились, как бы раздумывая... и вдруг ринулись в него, быстро перешли и полезли на вал. Римляне осыпа-

ли их стрелами и дротиками, сбрасывали ударами мечей вниз. Тевтоны громили лагерные ворота, а римляне били их сверху

кольями и камнями. Окрестность гудела от криков. Марий понял, что, если противник не будет отбит, поражение легионов неминуемо: бой в лагере, из которого пришлось бы выбивать неприятеля, кончился бы разгромом римлян. Поэтому легатам было приказано встать во главе когорт и сделать вылазку.

Сулла, спокойный, равнодушный к смерти, даже в самые решающие мгновения битвы, — вывел легионари-ев из лагеря. Он сразу заметил слабое место тевтонов и бросился вперед, увлекая примером личной неустрашимости когорты. Он опрокинул неприятеля, не ожидавшего внезапного нападения с фланга, и зашел ему в тыл.

Когорты Суллы, построенные в виде четырехугольников, прокладывали себе путь к римскому лагерю, а на правом и левом флангах двигались воины сдвоенными рядами, готовые каждое мгновение перестроиться. Напрасно амброны бросались на войско Суллы, напрасно тевтонская конница пыталась охватить римские фланги — когорты шли непоколебимой стеной, зная, что в такой тесноте конница не страшна.

Сулла шел впереди и отдавал приказания громким голосом, как на учении. Его меч был окрашен кровью.

Из ворот лагеря высыпала пехота под предводительством Мания Аквилия, и Сулла тотчас же повернулся к когортам:

— Стой! Правой когорте охранять тыл легионов!

Приказание было отдано вовремя.

Неприятель обошел легионы, пытаясь ударить им в тыл и пробиться к лагерю, но правая когорта преградила ему путь. Бой продолжался больше часа. Тевтоны и амброны были отбиты с большими потерями.

Сулла возвратился в лагерь не в духе: его когорты потеряли треть своего состава. И когда Марий скрепя сердце поздравлял его с успехом, Сулла усмехнулся:

— Вождь, не я, а ты отбил неприятеля, но помни, что силы его велики. — В его голосе слышалась скрытая насмешка; присутствующие трибуны заметили это, заметил и Марий, но промолчал.

«Этот подвиг, — думал Марий, — совершил бы любой трибун. Воины любят Суллу, его когорты — самые надежные... Но мне не нравится дружба Суллы с легионарями. Нужно перевести его в другой легион».

Глава XXXIII

День спустя тевтоны и амброны двинулись к Альпам. Шесть дней и шесть ночей шли они мимо римского лагеря, и, казалось, конца не будет непрерывным рядам пехотинцев и конников. Повозки со скарбом, женщинами и детьми, табуны коней, стада быков и коров, коз и овец — все это текло, как воды, выступившие из берегов. А дальше двигались опять табуны и стада. Серая пыль, взметаемая тысячами ног и колес, окутывала окрестность густым туманом, и из клубов его доносились язвительные насмешки и хохот здоровых глоток:

— Эй, трусы! Что передать вашим женам в Риме?

— Скажем, что мужья отдадут нам своих жен!

— Поручают нам спать с ними!

— А жену вашего вождя возьмет Тевтобад!

— Ваши жены будут рабынями наших рабынь!

— Будут доить наших коз и коров!

— Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!

Легионарии готовы были броситься на эти бесчисленные полчища, чтобы отомстить за насмешки и оскорбления; они требовали вести их в бой, но Марий сдерживал их грозными окриками.

Когда последние отряды тевтонов скрылись за неровными возвышенностями, покрытыми мелким кустарником, Марий послал вслед за неприятелем конную разведку, приказав зорко смотреть за его передвижением, а сам, снявшись с лагеря, двинулся вперед.

Следуя за противником, он был настороже: каждый раз огораживал свой лагерь палисадом и окопами, а в благоприятных местностях останавливался, чтобы избежать внезапного ночного нападения.

Однажды вечером обе стороны подошли к *Aquae Sextiae*, небольшому городку на юге Галлии, неподалеку от Массилии. Марий стал готовиться к битве. На юге находилось море, на западе — воды Родана, на севере — приток его Друенция, а на востоке, между отрогов Альп — река Цэн, быстрая, порожистая, у которой тевтоны расположились лагерем.

Местность, где остановился Марий, была безводна, и в лагере поднялся ропот.

— Где мы будем брать воду? — слышались недовольные голоса.

— Варвары перебьют нас, лишь только мы сунем нос за водой...

— Воду мы будем пить из реки, — спокойно сказал Марий, — но каждый глоток будет вам стоить крови...

— Почему же ты не ведешь нас на неприятеля?

— Прежде необходимо укрепить лагерь.

В то время как легионарии рыли окопы и возводили вал, рабы-обозники, не имея воды для скота, вооружились секирами и копьями и отправились к реке с ведрами в руках. Тевтоны, охранявшие подступы к реке, бросились на них. Произошла свалка. На крик тевтонов стали сбегаться вооруженные амброны. Число бойцов быстро увеличивалось, и Марий был уже не в силах удерживать своих воинов: пришлось послать подкрепления.

Амброны шли стройными рядами, ровным шагом; ударяя по щитам, они громко кричали: «Мы — амброны» — и вызывали “трусливых баб”, как нарекли римлян, на смертельный бой. Переправившись через реку, они не успели построиться, потому что лигурийцы, именовавшие себя тоже амбронами, обрушились на передние ряды неприятеля и загнали его в реку: люди тонули, гибли, сражаясь в воде, бросались к противоположному берегу. Римляне и лигурийцы преследовали их. Они видели уже неприятельские шатрообразные повозки, обнесенные оградой из кольев, и, уверенные в полной победе, напрягали силы, чтобы добежать поскорей до вражеского лагеря, разграбить и зажечь его.

Но вдруг заколебались, отшатнулись: повозки ожили — толпы женщин с мечами, секирами, вилами, ножами и палками кинулись на них и с ужасным воем и визгом отбросили, безжалостно истребляя беглецов-изменников и римлян-врагов.

— Горе, горе! — вопили воинственные женщины. — Вы хуже баб! Вы побежали перед римскими трусами, а теперь бежите перед настоящими воинами...

Сражаясь, тевтонки хватались голыми руками за вражеские мечи, резали себе руки, падали, но и раненные, лежа на земле, они не выпускали оружия. Только смерть вышибала из их рук мечи и секиры.

Темная ночь прекратила побоище. Римляне победоносно возвратились в неукрепленный свой лагерь. Они не спали до рассвета, ожидая внезапного нападения: неистовые крики, сопровождаемые воплями и угрозами, будили эхо окрестных гор и высоких речных берегов.

Марий видел, что в открытом бою неприятель непобедим; только хитростью можно было разгромить его. Посоветовавшись с легатами и трибунами, он приказал отвести испытанный в боях легион в засаду, на поросшую кустарником возвышенность в тылу противника. Построив свои легионы в боевом порядке, а конницу выслав вперед на равнину, Марий ожидал наступления врага. В успехе он не сомневался: ауспиции были благоприятны, а сны, виденные легатами, предвещали победу.

Тевтоны с воем ринулись на приступ.

— Мечь, мечь! — кричали они. — Бейте волков!

Подпустив их на близкое расстояние, римляне принялись метать копья и камни. Тесно сомкнутые ряды тевтонов дрогнули. Тевтобад, скакавший впереди на горячем жеребце, взмахнул мечом:

— Неужели вы испугались своры псов?

И, помчавшись вперед, налетел на передний ряд римских пехотинцев. Конь его топтал

воинов, меч сверкал, как молния. Тевтобад видел окровавленные лица, рассеченные черепа, отрубленные руки и головы и, не уставая, рубил еще яростнее: кровь опьяняла. Одичалый конь его, израненный стрелами и копьями, метался по полю битвы.

— Во имя Тора! — крикнул Тевтобад и повернул жеребца к военному трибуну, окруженному тевтонами.

Воины расступились.

Тевтобад налетел на него и ударил изо всех сил длинным дубовым копьём. Острое, обитое медью, оно легко пробило лорику, как тонкую сосновую доску, и выскочило почти наполовину из спины. Трибун пошатнулся, опрокинулся навзничь: занесенный меч выпал из руки, кровавая пена выступила на губах, и он, захрипев, свалился с лошади — острие вонзилось в мягкую землю. Широко раскрытые глаза трибуна затуманились...

— Вот так удар! — крикнул рослый тевтон, брат Тевтобада, и бросил копьё в легата, мчавшегося впереди своих воинов. Но легионарий ударом меча заставил

Тевтобад

лошадь легата шарахнуть в сторону, и копье пролетело мимо. Лишив тевтона возможности повторить нападение, легат налетел на него, пытаясь смять лошадью, но тот быстро схватил ее под уздцы. Трибун взмахнул мечом, и рука, удерживавшая лошадь, повисла на узде. Тевтон завизжал и рухнул, как подрубленный дуб.

— Ловкий удар, Люций Корнелий! — одобрил Серторий, бросаясь со своим отрядом на помощь Сулле, против которого сам Тевтобад вел своих воинов.

Вождь тевтонов видел единоборство брата с Суллой, и лицо его загорелось жаждой мести. Он крикнул, повернув коня на Суллу:

— Эй, ты! Римский недоносок! Давай сразимся! Не хвались, что убил пешего — убей конного!

— Нет, — отозвался Сулла. — Тебя я возьму живым!

— Вот он я! Иди же ко мне и возьми меня, презренный трус! — расхохотался Тевтобад, стараясь пробиться к Сулле, но легионеры окружили его, и Тевтобаду пришлось рубиться с напиравшими врагами.

Марий дрался в передних рядах: одна лошадь под ним пала, другую тяжело ранили, и теперь он, пеший, рубился наравне с легионариями.

Полуденное солнце жгло невыносимо, слепило глаза, и тевтоны, изнуренные зноем, отражаемые римлянами, несмотря на отчаянную храбрость, не смогли удержаться на холме и отступили в беспорядке.

Оправившись, они готовились броситься вновь на приступ, но в это время легат, находившийся в засаде, видя замешательство в задних рядах противника, быстро развернул свой легион и ударил тевтонам в тыл. Страшное смятение расстроило ряды варваров. Крики: «Мы окружены! Спасайся!» загремели на равнине. Началось бегство.

— Стойте! — закричал Тевтобад, выехав из-за возвышенности, где он только что отбросил отряд Сертория. — Вперед!

Его белый конь храпел, приседая на задние ноги: он был ранен, его грудь и морда алели от крови. Отшвырнув от себя шлем с распростертыми крыльями, Тевтобад поскакал наперерез беглецам, и ветер развеивал его длинные белокурые кудри и бороду.

— Вперед же! — вопил вождь тевтонов, стегая коня бичом, и, настигнув беглецов, принялся рубить их огромным, широким обоюдоострым мечом. — О Тор! Порази их своим громом! Стойте, братья! Римлян мало... Нас больше...

Но обезумевшие воины не слушали его: они видели римскую пехоту спереди и сзади, а с флангов напирала на них вражеская конница.

Положение становилось отчаянным.

Тевтобад огляделся; лицо его исказилось, как у ребенка, готового заплакать. Он отбросил от себя меч и, выхватив из-за пояса нож, замахнулся, намереваясь ударить себя в грудь, но не успел: что-то тяжелое обрушилось на его голову, и он потерял сознание.

Глава XXXIV

Сулла видел недовольство Мария, но вместо того, чтобы избегать с ним столкновений, казалось, сам искал их. Он не любил этого мрачного плебея, который, добившись консулата, презрительно обращался с подчиненными ему трибунами из патрицианских родов; не терпел его за неблагодарность к Метеллу Нумидийскому и считал его ниже себя по военным способностям, благородству, любви к родине, образованию (Марий не знал по-гречески, не был знаком с литературой и философией, не только чужой, но и римской) и презрительно улыбался, когда тот, желая блеснуть красноречием, путался в длинных периодах и беспомощно умолкал или внезапно обрывал их, притворно кашляя.

И Марий не любил Суллу. Вид надменного патриция раздражал его, а беседы Суллы с приятелями по-гречески, точно он хотел показать свое превосходство над плебеем, злили его. В глубине души Марий сам считал себя ниже Суллы, но только не в военном деле.

Кто, как не Марий, закончил войну с Югуртой, удостоился триумфа? Кто, как не он, победил тевтонов и получил пятое консульство? А что Сулла? Взятие в плен Югурты было для Мария крупной неприятностью, однако он считал подвиг Суллы своей заслугой: разве он, полководец, не согласился на переговоры с царем Бокхом? Так размышляя, Марий сидел в своей палатке, хмурясь. Одинокая светильня мигала на походном столике.

В палатку ворвались восторженные крики — вошел легат.

— Что там? — спросил Марий, не глядя на него.

— Сулла беседует с воинами...

Марий вскипел, брови его зашевелились, как толстые гусеницы.

— О чем?

— Рассказывает, как он захватил в плен Югурту, показывает перстень с высеченным на топазе коленопреклоненным царем...

Марий вскочил.

— Что? — легат отшатнулся. — Позвать его... сейчас!

Дожидаюсь Суллу, Марий, казалось, успокоился, но глаза выдавали: в них таилась ненависть. И когда трибун входил в палатку в сопровождении легата, консул остановился перед ними.

— Mehercle! — воскликнул он. — Ты мне надоел, трибун! Порочить мое славное имя! Утверждать, что если бы не ты — Югуртинская война не кончилась бы? Это...

— Это — правда, — спокойно его перебил Сулла. — Скажи, кто бы отважился отправиться в глубь страны, населенной воинственными варварами, и добиться выдачи Югурты?

— Хвастун! Воины могут поверить, что так и было!

— А разве нет? — весело сверкнули голубые глаза Суллы. — Тогда триумф заслужили трое...

Лицо Мария исказилось.

— Как? — задохнулся он от бешенства. — Ты... Ты с ума... сошел!

— Да, трое: Метелл, ты и я.

Марий топнул ногой: меч, звякнув, закачался у него на боку.

— Трибун, — прохрипел он, — выйди вон! Нет, пожди... Завтра чуть свет поедешь к Лутацию Катулу. Там будешь служить. Иди!

Он отвернулся от Суллы и тяжело опустился на походное ложе. «У Сципиона Эмилиана не было таких дерзких воинов. Как же я допустил?.. Но нет, тогда были иные времена. Тогда вождь был героем и полубогом...»

Сулла молча вышел из палатки. Лицо его было равнодушно, только в глазах искрился затаенный смех.

Марий получил несколько эпистол из Рима.

Юлия писала, что соскучилась по нему, и спрашивала, долго ли еще продлится война. Она умоляла мужа не задерживаться в Галлии и приехать в “interbellum”, как называла затишье в войне, и Марий с удовольствием перечитывал приятные строки:

«Рим ликует, дорогой Гай, в городе праздник — твои победы вскружили всем головы. Только и слышишь: “Великий Марий, наша слава”, “Третий основатель Рима после Ромула и Камилла”, а популяры превозносят тебя, утверждая, что ты выше Сципиона Эмилиана, разрушившего Карфаген. Меммий и Сатурнин часто заходят к дяде, чтобы побеседовать о тебе... Как жаль, что друг наш Луцилий скончался недавно в Неаполе! Он отправился было в Тринакрию, где восстали рабы, но боги призвали его к себе... Я плакала, получив это известие...»

Он отложил письмо жены и вскрыл эпистолы от друзей: Меммий писал о городском плебсе, который готов поддержать во всем победоносного консула, а Сатурнин сообщал совсем о другом, и Марий, читая его послание, не мог понять, почему он упоминает о третьем консульстве.

«Я добился для тебя этой высшей магистратуры путем хитрости и уговариваний плебеев, потому что они еще несознательны и не понимают, что ты можешь захватить власть после того, как я проведу

земельный закон Гракхов. Я заручился поддержкой двух прекраснейших коллег: Главции и Сафея. Таких решительных и пламенных популяров никто еще не видел. А Меммий невзлюбил их, и между ними началась вражда. Боюсь, как бы она не кончилась печально для него!»

Марий усмехнулся и, крякнув, отложил эпистолу.

— Так, — шепнул он, — неужели и здесь борьба за первенство? Не допущу! — стукнул он кулаком по столу. — Сатурнин говорит о захвате власти, а сам уже намекает на кровавую расправу с Меммием.

Он взял стилос, чтобы написать резкое письмо Сатурнину, обвинить его в преднамеренности действий, но тут же подумал: «Не следует раздражать его. Он может настроить плебс враждебно ко мне. Приеду в Рим — поговорю с ними, может, помирю... Скорее бы...»

Друзьям он решил не отвечать, а Юлии написал:

«Когда вернусь — ведают боги. Постараюсь приехать на короткое время. Я тоже соскучился по тебе. Как твоё здоровье? Не ожидаешь ли сына? Время идет, и я часто думаю: почему боги покарали тебя бесплодием? Обратись с жаркой мольбой к Люцине и другим богиням, покровительницам женщин. Не забудь также побывать у старух, сведущих в этих делах».

Отложив стилос, задумался: «Почему она не рожает? Отчего бесплодна? Кто виной? Я? Не может того быть. Я не растратил природных сил. Так почему же, почему? Уж не влюблена ли в другого? Нет, она не такая! Ну, а если..? Может ли это быть препятствием?» Схватил стилос, сжал его с такой силой, что он, хрустнув, разлетелся вдребезги. Потом взял другой стилос и дописал:

«Если же ты влюблена в другого, то скажи откровенно, и мы расстанемся. Так продолжаться не может. Придется усыновить ребенка, чтобы у меня был наследник».

В эту ночь он не спал, ворочаясь на походном ложе. Думал ли о Меммии, Сатурнине, Главции или Сафее, мысли неуклонно возвращались к Юлии: он видел ее молодое лицо, чувствовал в руках холодное тело, отдающееся без порыва, и ему впервые пришло в голову, что Юлия вышла за него не по любви. Ему стало неприятно; он подумал, что мог бы взять деревенскую девку и она рожала бы ему каждый год по ребенку.

«А у этих умных, образованных красавиц испорчена кровь, и они не могут зачать... О, зачем я добивался этого брака?.. Тщеславие? Образованная жена, умеющая болтать по-гречески, петь и играть на кифаре».

Он злобно рассмеялся и натянул на себя плащ.

Брезжащий рассвет застал его на ногах. Он кликнул гонца, привезшего эпистолы, передал ему донесение сенату и письмо и приказал ехать.

Глава XXXV

Кимбры в союзе с кельтами вторглись в горную Италию и, оттеснив консула Квинта Лутация Катулла, защищавшего альпийские проходы, двинулись к Триденту. В короткое время они, соединившись с тридинтами, стонами и лепонтинами, бедными племенами, занимавшимися грабежом, обогнули озеро Беник и заняли города Бриксию, Мантую, Регий и Ком, расположенный на южном берегу озера Лария. А передовые разъезды варваров достигли реки Пада, пугая своим диким видом население.

Отступление легионов было поражением. Катулл сознавал это и послал гонцов к Марию и в Рим, требуя немедленного подкрепления, а сам, чтобы не раздроблять войска защитой горных проходов, спустился в Италию. Он расположился лагерем на правом берегу Эза, бурной горной реки, и велел у места переправы соорудить сильные укрепления и навести мост, чтобы

поддерживать связь с легионом, стоявшим на другом берегу. Это был сторожевой заслон под начальством племянника Катулла, человека нерешительного, неспособного на подвиг.

Весь день легионы испытывали животный страх перед противником. Варвары издевались над римлянами, относясь к ним с таким презрением, что даже невозмутимый Катулл едва сдерживался, чтобы не проучить их за дерзость: желая показать свою выносливость и храбрость, кимбры ходили нагишом в снежную погоду, валялись на льду или в сугробах, словно медведи; взобравшись на вершины гор, они, грозно воя, скатывались вниз по скользким утесам на широких щитах, мимо пропастей — к самой реке; они купались в холодной воде Эза, подплывали к мосту, где находился сторожевой легион, и оскорбляли римлян. Но племянник полководца боялся их тронуть.

После сильных ветров, дувших с северо-востока, наступило затишье. Светила луна, и заснеженные горы, сверкая, теснились далеко за рекой, вонзая свои вершины, похожие на блестящие копья, в звездное небо. Река ревела, прыгая по камням, а у моста протекала бесшумно; осеребренные гребни волн, казалось, расчесывали черную бездну.

В эту ночь Катулл не спал: подозрительная тишина в стане кимбров наводила на размышления. Третий уже раз обошел он лагерь и теперь задумчиво стоял у моста, глядя на реку и на горы.

Это был плечистый пожилой человек, с гладко выбритым холеным лицом, орлиным носом и гордой осанкой. Он так же, как и Сулла, не любил Мария, считая его выскочкой, и страдал от сознания, что он, оптимат, принужден служить под начальством бывшего батрака. Он думал, что Марий, вероятно, не справился еще с тевтонами и не скоро пришлет подкрепления.

Прислонившись к толстому стволу дерева, он стоя задремал. Снился Рим, пиршество у Суллы, веселая речь амфитриона; потом пиршество сменилось прогулкой по саду, а затем он и Сулла, окруженные гетерами, плясали на лугу среди цветов.

Очнулся от звука лошадиного топота. По мосту мчались верхом воины, и впереди них — военачальник, в блестящем шлеме с гривастым гребнем.

— Лагерь Катулла? — донесся звучный голос.

Консул растерялся: «Не может быть, этот голос... Клянусь Марсом! Или я ошибаюсь, или...»

Движением руки он остановил всадников. Начальник спрыгнул с коня:

— Квинт!

— Люций! А ты мне приснился...

Они обнялись.

— Кто у моста в сторожевом заслоне?

— Племянник... А что?

— Он плох как военачальник. Его воины пропустили меня, не спросив даже тессеры.

Катулл вызвал из лагеря молодого сотника Гнея Петрея и приказал сменить своего племянника.

Петрей был центурион, горячо любивший родину и готовый умереть во славу римского оружия. Он отличился в нескольких жарких стычках с неприятелем, и его храбрость, расторопность и умение примениться к обстановке широко были известны в легионах Катулла.

Светало. Лагерь кимбров и кельтов просыпался. Крики людей и рев животных сливались в гул. С гор спускались, как бесчисленные стада овец, новые отряды воинов. Скоро они усеяли берег. Увидев римлян, дикие пришельцы пронзительно завывали и разбрелись в разные стороны.

Легионарии смотрели с ужасом, как они отрывали от скал камни, от холмов — глыбы земли, рубили деревья и все это швыряли в воду.

«Они хотят запрудить реку, — догадался Катулл, — но это им не удастся: слишком быстро течение».

Но когда враги стали бросать в реку тяжелые бревна, консул нахмурился: бревна, уносимые течением, ударялись о мост с такой силой, что он стонал и шатался. Вскоре толпа кимбров бросилась в реку, пытаясь добраться вплавь до противоположного берега, где находился римский лагерь.

Замешательство охватило легионы.

Надеясь отразить неприятеля, Катулл выстроил легионы и произнес краткую речь, призывая воинов прочить дерзких варваров. Он вывел войска из лагеря и велел обстрелять противника.

Однако варвары, отвечая яростным воем на каждое меткое попадание, продолжали переправляться. Вскоре их стало так много, что римляне, обезумев от ужаса, оставили лагерь и начали отступать без приказаня.

Катулл, предпочитая, чтобы позор пал на него одного, чем на отечество, поднял серебряного орла и побежал в первые ряды.

— Отступать! — закричал он.

Сулла догнал его, запыхавшегося, недалеко от речки, впадавшей в Эз.

— Я поступил бы так же, — шепнул он. — Многие подумали, что отступают вслед за своим полководцем.

— Что же было делать? — развел руками консул. — Если бы я дал бой кимбрам, мои трусливые легионы были бы раздавлены, как мухи...

А у моста сторожевой легион под предводительством Гнея Петрея дрался с отчаянным мужеством после того, как Петрей заколол племянника Катулла, который хотел сдаться варварам и подговаривал воинов не слушаться приказаний центуриона.

— Римляне! — взывал Петрей. — Нам дорога не жизнь, а слава родины. Каждого труса и беглеца я убью так же, как убил изменника!

Кимбры, потрясая длинными копьями, бросались в бой толпами.

— Вперед! — кричал Петрей. — Пробьемся к легионам!

Это ему удалось, но легион поредел на три четверти.

Мост был занят варварами. Соединившись с кимбрами, переправившимися через Эз, они захватили римский лагерь и поставили на холме, поросшем кустарником, медного быка — божество, олицетворявшее земледелие и пастушество.

Глава XXXVI

Оставив победоносные легионы в Галлии, Марий отправился в Рим с Манием Аквилием, своим легатом, чтобы ободрить народ, упавший духом при известии об отступлении Катутла. Пообещав плебсу ряд побед, полководец послал гонцов в Галлию, приказав своим легионам немедленно двинуться по военной дороге через область лигуров в Галлию Циспаданскую.

— Идти в страну лигиев, на Монеку и Геную, — распорядился он, — там заpastись лошадьми, мулами, хитонами и плащами; если удастся, на вербовать гоплитов — хороших бойцов врукопашную. Набирайте их побольше. Приказываю остановиться между Пармой и Плацентией и ждать дальнейших приказаний.

Распроставшись с Аквилием, торопившимся в поход против восставших рабов в Сицилии, Марий неспеша поехал к северу; он рассчитывал, что галльские легионы придут не раньше двух месяцев.

Области уже знали о поражении тевтонов, и народ восторженно встречал победителя, умоляя его уничтожить и кимбров. Марий, довольный почетом, оказываемым ему в городах и деревнях, а еще больше надеждами, возлагаемыми на него нобилями и плебеями, отвечал, что поражение и победа зависят от воли богов.

«А он еще сомневается в моих военных способностях, — злобно подумал полководец о Сулле. — Сам Сципион Эмилиан высоко оценил меня, а кто такой Сулла?» И чем чаще думал он о сопернике, тем большую ненависть испытывал к нему.

Хорошее настроение испортилось. Насупившись, он ехал вперед (отряд остался позади), безжалостно стегая бичом коня. Вдали, за широкой сверкающей рекой, подымались горы. Теплый весенний воздух был насыщен запахом трав и цветов, хотя по утрам еще потрескивали легкие заморозки, месяц назад погубившие много виноградников. Земледельцы жаловались Марию, обвиняя злые божества варваров, особенно медного быка: они утверждали, со слов очевидцев, что он, якобы, вытаптывает по ночам посева, объедает

незрелые ягоды и, уходя, “напускает” стужу. И они умоляли Мария победить поскорее медного быка, утопить его или перелить в оружие для легионов. Слушая их, полководец прятал улыбку в усах и бороде. Он все время думал о Риме, о своей жене и вздыхал: несколько дней, проведенных в столице, показались ему сказкой, светлым праздником после долгих месяцев походов, битв и лагерной жизни.

«Сына, да и вообще детей, очевидно, ждать нечего. Бесплодное растение не родит... Я усыновил мальчика, только сумеет ли Цинна воспитать его в духе ненависти к оптиматам? Говорят, мальчик жестокосерден: любит мучить животных. Цинна приучает его к виду крови — это хорошо. Пусть растет неумолимый мститель за плебс!»

Он приехал в лагерь Катулла неожиданно для всех. Сулла, обучавший легионариев рассыпному строю при налете конницы, первый увидел вождя и прокричал приветствие на все поле. Легионеры дружно подхватили возглас военачальника.

Марий, преодолевая злобу к Сулле и стараясь казаться веселым и любезным, что ему плохо удавалось, небрежно махнул рукой и поскакал к палатке консула.

Сулла побледнел, но тотчас же овладел собой и стал продолжать занятия. Однако его не покидала мысль: «Плебей обнаглел. Как обуздать всех этих выскочек?»

Легионы Мария прибыли из Галлии утром, когда солнце подымалось над лесом, и остановились, как было приказано, между Пармой и Плацентией. Однако об отдыхе никто не думал: пришло приказание идти на соединение с Катуллом, а затем переправиться через Пад. Соорудив на левом берегу ряд укреплений, препятствовавших вторжению варваров в глубь Италии, полководец принялся тревожить их внезапными налетами, вызывая на бой. Но кимбры уклонялись от сражения: они ожидали прибытия тевтонов, чтобы общими силами ударить на римлян.

Среди италиков давно уже ходили слухи о печальной участи, постигшей тевтонов, но кимбры не верили, и вождь Бойорикс приказал жестоко наказывать

всех, распространявшихся об этом. Время меж тем шло, а вестей от тевтонов не было, и Бойорикс решил начать переговоры с Марием.

Во главе посольства, отправленного к полководцу, был отец Бойорикса, глубокий старик, с белой бородой и такими же волосами, покрывавшими, как грива, его спину. Войдя в палатку Мария, он сказал:

— Привет тебе, римлянин! Вождь кимбров, хранимый Одним и Тором, приказал тебе сказать: «Так говорит Бойорикс: зачем нам враждовать? Бедные кимбры и тевтоны блуждают много лет в поисках земель. Дай нам и нашим братьям плодородные земли, и мир будет заключен навеки».

— А кто такие ваши братья? — презрительно усмехнулся Марий.

— Тевтоны.

Легаты, окружавшие консула, засмеялись.

— Оставьте ваших братьев в покое: они уже получили землю в вечное владение...

Отец Бойорикса взорвался:

— Зачем издеваешься над стариком? Кимбры и тевтоны не привыкли слушать таких речей!

— Тевтоны? — вскричал Марий. — Что ж! Неприлично уходить, не повидавшись с братьями...

И, повернувшись к легату, сделал ему знак рукой.

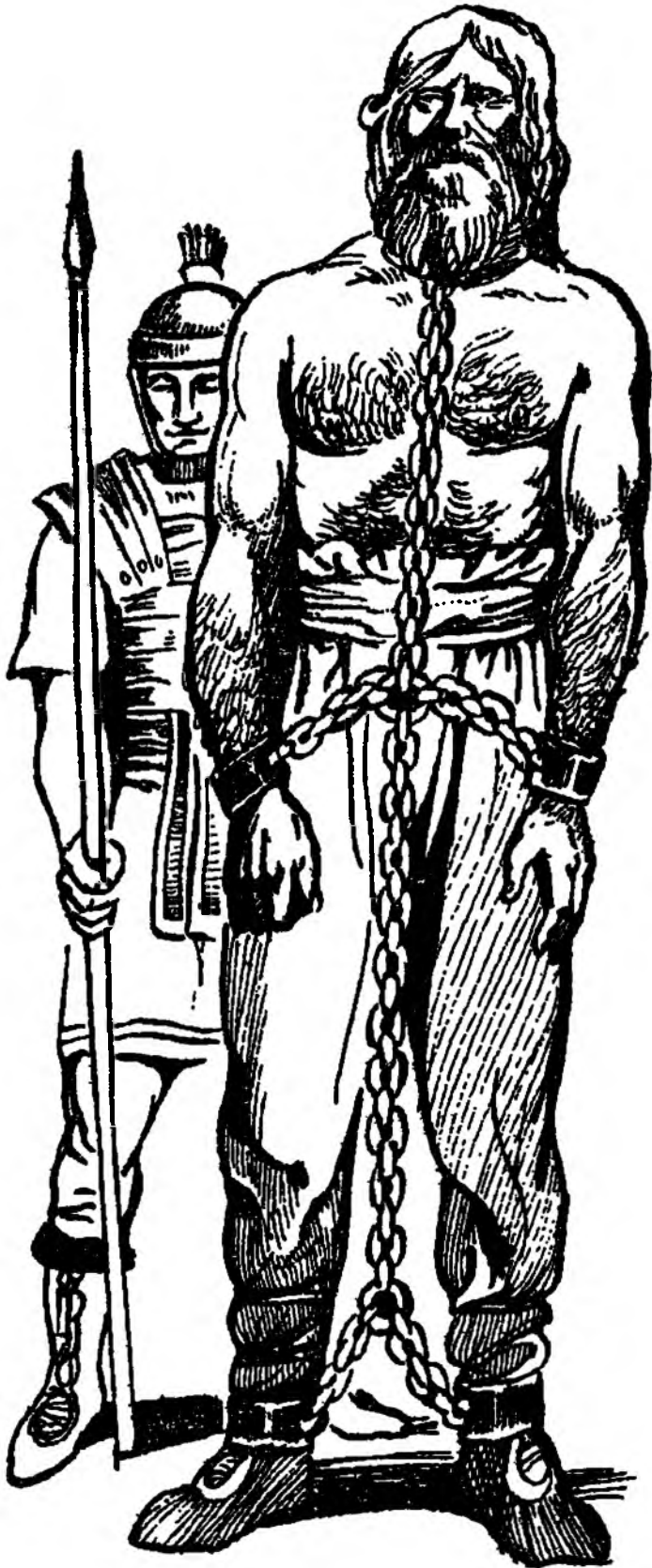
Привели закованных в цепи пленников. Впереди шел огромный Тевтобад. Со времени поражения он похудел, но глаза были те же — смелые и гордые. Вождь свысока взирал на римлян, но, увидев отца Бойорикса, побледнел и растерянно посмотрел на него. Тот в свою очередь узнал Тевтобада.

— Ты?! — вскричал старик в горестном изумлении. — Разве наши братья...

И, не окончив, бросился к вождю, схватил его за руки. Тоскливо зазвенели цепи, и их звук сказал все. Старик схватился за голову, застонал. Кимбрские послы огласили палатку угрожающими криками.

Марий встал.

— Такая же участь ждет и вас, — грубо сказал он с презрительным смехом.

Вечером Серторий доложил, что сам Бойорикс подъехал к римскому лагерю и желает говорить с Марием.

Консул издали увидел предводителя кимбров. Сидя на низеньком выносливом коне, покрытом золотым чепраком, в красном плаще и желтых кожаных штанах, Бойорикс насмешливо смотрел на подходивших римлян. Конь его мотал головой, серебряная уздечка и медные колокольцы позвякивали.

— Это ты Марий? — спросил он подошедшего консула. — Назначь место, где должна решиться судьба Италии.

— Римляне не привыкли вести таких переговоров, — усмехнулся консул, — но если это у вас в обычае — быть по-твоему, — и, подумав, сказал: — Че-

рез два дня на Радвийской равнине, близ Верцелл?

— Хорошо.

Бойорикс ударил коня плетью и поскакал к своему лагерю.

Глава XXXVII

Это было за три дня до новолуния в месяце Секстиле¹. День обещал быть жарким, даже удушливым. Вместо обычной утренней свежести было тепло — от гор не тянуло прохладой. Солнце, поднявшееся над лесом, облеклось в полупрозрачную дымку, предвестницу зноя, и в ней открылась верцелльская равнина.

Справа и слева строились уже римские легионы и войска кимбров и кельтов.

Решив обеспечить победу своему тридцатитысячному войску и опасаясь, что Катулл припишет разгром варваров своим легионам и ему, победителю тевтонов, придется праздновать триумф вместе с нобилем, Марий приказал своему коллеге занять центр, а свои легионы поставил на флангах, сильно удлинив боевую линию; он надеялся разбить противника на флангах — тогда честь победы осталась бы за ним.

Сулла и Катулл следили за неприятелем. Кимбрская пехота, выступив из своего укрепления, молча двигалась огромным квадратом, сторона которого равнялась тридцати стадиям. С левого фланга выехала многочисленная конница. На шлемах всадников качались конские гривы и хвосты, сверкали искусно выкованные чудовища со странными головами и выпученными глазами, дикие звери с разинутыми пастьями и ощеренными зубами. А на шлемах кимбрских вождей сверкали орлы с широко раскинутыми крыльями. Белые брони, белые блестящие щиты — подарок Митридата Эвпатора — ослепительно горели на солнце.

Вместо того чтобы сразу напасть на римлян, конница круто повернула вправо, стремясь поставить римлян между собой и выстроенной слева пехотой, которая метала двузубые копья и быстро двигалась вперед, шумя, как разбушевавшееся море.

— Варвары бегут! — закричали воины Мария, не поняв хитрости, и бросились их преследовать.

В это время подул сильный ветер, поднялась клубами пыль и скрыла войска.

---

¹ Август.

Марий двигался, как в темноте, не замечая длинной боевой линии кимбров, молча ожидавших римлян. Пройдя с войсками мимо врага, полководец растерялся, не зная, куда вести их дальше. Он остановился и, может быть, простоял бы долго, если бы не громкий крик, донесшийся с противоположной стороны. «Катулл! Катулл начал бой!» — мелькнуло в голове, и он понял, что победа ускользнет от него, если он не поспешит на помощь коллеге. Он стегнул коня и поехал вперед, проклиная пыль, варваров и свою жизнь.

Навстречу доносился шум сражения, голоса центурионов и трибунов, вопли варваров. Марий готов был ринуться в гущу битвы, как вдруг легионы дрогнули: на них обрушилась кимбрская пехота.

Марий увидел рослых германцев, вынырнувших из-за пыльной завесы, и, пораженный, остановил коня: длинные цепи, прикрепленные к поясам, соединяли пехотинцев друг с другом, и кимбры шли стеной — с вытянутыми копьями и поднятыми мечами. Приказав Серторию ударить во фланг, Марий бросил в бой легионы.

Уже пыль рассеивалась, и равнина все четче выступала сквозь дымку, обволакивавшую юго-восточную часть поля. Марий видел легионы Катулла, кимбрскую конницу и пехоту: там были главные силы неприятеля, там шел решительный бой, а он, Марий, застрял в стороне и должен преодолевать дикое упорство правого фланга противника.

— Бейте их, режьте! — и, задыхаясь, повернул коня, бросился в гущу кимбрской пехоты: «Лучше смерть, нежели победа Катулла!»

Но неприятель уже дрогнул.

Женщины в темных одеждах, стоявшие на телегах, наблюдали за боем. Увидев бегство отцов, мужей, сыновей и родных, они завыли и, спрыгнув на землю, встретили беглецов секирами и мечами; грудных детей душили и бросали под колеса телег, под копыта вьючных животных, а сами вешались на оглоблях или закалывались мечами. Старики, привязав себя за шею к рогам или ногам быков, подгоняли животных ударами

бичей или пронзали их копьями, и быки топтали, душили людей. Однако не все успели кончить самоубийством: шестьдесят тысяч попало в плен.

Катулл и Сулла, начавшие бой во время блужданий Мария по равнине, сразу охватили фланг противника и, заметив, что кимбры, не привыкшие к жаре, с трудом переносят ее и быстро устают, не давали им передышки непрерывными схватками.

Жара и солнце, бившее кимбрам в глаза, были лучшими союзниками римлян. Варвары изнывали от жары. Потные, прикрываясь щитами, они ободряли друг друга криками. Сулла ударил в тыл неприятелю. Кимбры побежали.

— Братья! — отчаянно взывал Бойорикс, пытаюсь остановить их. — Вперед!

И с тяжелым окровавленным клинком бросился, во главе храбрецов, в самую гущу римлян. Легионарии подались было назад, но, воодушевляемые Суллой, окружили кучку героев и изрубили их.

Бойорикс держался дольше всех. Лошадь под ним пала, и он, освободившись из-под нее, рубился в пешем строю. Скоро перед ним вырос высокий вал из трупов. Вождь, укрываясь за ним, вскакивал, наносил удары. Он пал внезапно, пронзенный копьем.

Умирая, он обратил свой взор к небу и прошептал:

— Крепкий Тор, где твоя помощь? Владыка Один, где твоя справедливость? Я подыму против тебя валькирий, и мы разрушим твою Валгаллу, отец богов!

Подошел Катулл.

— Убит? — спросил он.

— Я нанес ему смертельный удар, — отозвался центурион Петрей и взглянул на консула веселыми, счастливыми глазами.

Но Катулл отвернулся от него и сказал Сулле:

— Бойорикс сражался, как лев.

— Да, но и Тевтобад бился не хуже его...

Бойориксу казалось, что он засыпает, а римские слова доносятся сквозь тяжелый сон, навалившийся на него, как огромная глыба. Он хотел крикнуть врагам, что ненавидит их, что придут еще братья и отом-

стоят за эту бойню, но язык не повиновался ему. Он сделал над собой усилие, чтобы стряхнуть тяжесть, и почувствовал, что опускается куда-то в темноту — все глубже и глубже...

Катулл и Сулла молча стояли над трупом кимбрского вождя.

Легионеры Мария грабили неприятельский лагерь. Ругаясь друг с другом из-за каждой ценной вещи, они готовы были пустить в ход копья и мечи. Вскоре появились и воины Катулла; захватив оружие, знамена и трубы, они поспешили перенести их в свои шатры. Легионарии Мария не препятствовали им: они искали ценности, а оружие и знамена их не прельщали.

Вечером у костров воины спорили о том, кто из консулов разгромил варваров. Сулла бродил по лагерью, прислушиваясь, но вмешиваться избегал. Он обдумывал, как доказать, что победил Катулл, и вдруг быстро направился к палатке друга.

— Послушай, Квинт, — сказал он, — воины ссорятся: одни считают победителем тебя, другие — Мария. Не выбрать ли нам третейских судей?

— А не все ли равно, кто победил? — равнодушно возразил Катулл. — Самое главное сделано: отечество спасено.

— Это верно, но зачем плебей присваивает победу оптимата, хвастается ею? — возмутился Сулла. — Пусть Марий выберет двух человек, а мы пошлем одного... Хочешь, я сейчас же пойду к плебею?

Узнав, в чем дело, Марий вспыхнул:

— Mehercle! Победа моя! — крикнул он, бледнея. — Как ты смеешь, трибун, так говорить?

— Не я говорю, а воины. Пусть судьи разрешат спор! Назначить двух человек, а третьим буду я.

Марий угрожающе взглянул на него.

— Я уступаю, не желая раздоров среди воинов, — медленно проговорил он, задыхаясь, — но клянусь Марсом, я припомню тебе когда-нибудь эти дерзкие речи! Пусть рассудят нас пармские послы, которые находятся в лагере.

Катулл и Сулла молча стояли над трупом кимбрского вождя.

Они расстались смертельными врагами.

А на другой день третейские судьи обходили и опрашивали воинов. Легионарии Катулла повели судей на поле битвы и показывали им трупы кимбров:

— Все они поражены нашими копьями! Взгляните — вот имя Катулла, вырезанное на древках...

Признав победу за Катуллом, пармские послы остереглись, однако, сказать об этом Маррию, к которому у них было дело, и объявили консулам:

— Хотя честь победы при Верцеллах принадлежит как будто Катуллу, мы отдаем ее консулу Маррию потому, что он руководил боем и еще раньше разгромил тевтонов, а без победы над ними невозможно было бы поразить кимбров. Мы отдаем должное военному искусству Катулла и преклоняемся перед величием Мария.

Однако решение судей не удовлетворило Мария: он понял, что послы делают ему снисхождение, и хмурое лицо его окрасилось коричневым румянцем. Он взглянул исподлобья на Катулла и позавидовал ему: «Вот человек, лишенный всякого честолюбия! Он не гонится за почестями». И, превозмогая свое недовольство, вымолвил:

— Я не оспариваю доблести легионов Катулла и потому согласен праздновать триумф вместе!

Всю ночь Марий не спал, ворочаясь на жестком ложе. Мысль о Сулле не покидала его. И чем больше он думал о нем, тем больше убеждался, что Сулла — враг не только лично его, но и плебеев. Ему пришло в голову возбудить против него в Риме какое-нибудь громкое дело и обвинить... Но в чем?.. Он долго размышлял о жизни соперника и в конце концов, ничего не придумав, должен был сознаться, что каждое обвинение обоюдоостро, как меч, — может поразить не только противника, но и обратиться против обвинителя.

— Отомстите ему, Фурии, за все зло, которое он мне сделал, — шептал Марий, — за Югуртинскую войну, за неприятности при *Aquae Sextiae*, за дерзости при Верцеллах! Всюду он, этот надменный трибун, этот друг Лутация Катулла, этот наглец и насмешник! И я бессилен против него!

Глава XXXVIII

Марий праздновал триумф: он был назван в сенате третьим основателем Рима; в честь его граждане, приступая к еде, жертвовали пищу, совершали возлияния; ему воздвигали на площадях статуи, а когда он выходил из дому, толпы плебса, всадников и даже патриции окружали его, приветствуя громкими восклицаниями, а молодежь величала полководцем, равным Александру Македонскому.

Были, однако, и недовольные, порицавшие Мария за то, что он даровал своей властью право римского гражданства двум камертинским когортам, которые с изумительной храбростью сражались с кимбрами.

— Ты дал повод союзникам требовать прав, — говорили друзья.

— В громе оружия я не мог слышать слов закона, — отвечал Марий.

Казалось, честолюбие его теперь удовлетворено: он добился и почета, и славы, и богатства. Однако ненасытное тщеславие не давало ему покоя: он мечтал о шестом консульстве.

Народный трибун Сатурнин сблизил его с демагогами Главцией и Сафеем. Они обещали Марию выдвигать его, и “мохнатый полубог” стал появляться среди популяров, обещая им поддержку, как только получит новое консульство.

Выходя с ним на улицы, Юлия рассеянно смотрела, как восторженная толпа бежала за ними, а дети, возвращавшиеся из школ, останавливались и кричали:

— Да здравствует основатель города!

Суллы она не встречала: патриций как будто исчез, хотя слухи о нем ходили по Риму. Она слышала, что он хитростью добивался претуры, обещая показать народу борьбу диких африканских зверей, которых должен был прислать его друг Бокх; слышала, что его провалили на выборах, а потом он якобы получил магистратуру путем лести и подкупа. Марий же, веривший всему дурному, что говорилось об его сопернике, возмущался и, обедая с популярами, кричал, стуча кулаком по столу:

— Только патриций способен на такую подлость!

И забывал, что и сам некогда поступал точно так же.

Однажды Марий собрал у себя популяров, которые ждали от него самой широкой поддержки для достижения народовластия.

Не желая уронить себя в глазах сената и в то же время ненавидя оптиматов, он не знал, что делать. Сотрудничество с всадниками, крупными работорговцами, мужами денежными и влиятельными, было выгодно, и покинуть их ему не хотелось.

Первым пришел Сафей, а после него Сатурнин в сопровождении молодого человека, родом из Фирма Пиценского, очень похожего на Тиберия Гракха. Он шептался с ним, пока Сафей беседовал с Марием.

В это время раб возвестил о прибытии Меммия. Сатурнин изменился в лице, а Сафей растерялся, но Марий, успокоив их жестом, сказал невольнику:

— Проси.

Меммий, некогда друг и учитель Сатурнина, сам популярен, разошелся с Сатурнином, потребовав, чтобы популяры работали рука об руку с народными трибунами и их действия подлежали ведению сената, но Сатурнин воспротивился. Он назвал друга предателем и грозил разоблачить его замыслы на форуме. «Если я предатель, — крикнул разъяренный Меммий, — то ты мерзавец! Мало ль подлостей видели мы от тебя?» — «А ты — продажная блудница!» — ответил Сатурнин. Дело чуть не дошло до драки. Уходя, Меммий погрозил кулаком. С этого времени никто его на форуме не видел. Ходили слухи, будто он перешел в лагерь нобилей, породнился с одним всадником, женившись на его дочери, и успешно добился претуры...

Меммий вошел в атриум, улыбаясь. Он был одет в тогу с пурпурной каймой. Увидев Сатурнина с друзьями, он сделал вид, что в атриуме, кроме Мария, нет никого, и заговорил с консулом о незначительных делах. Сатурнин, взбешенный невниманием Меммия, подошел к Марию.

— Позволь познакомить тебя, великий полководец, с Эквицием, сыном Гракха, — сказал он, подводя фирманца. — Бедный мальчик скрывался все время в

Тринакрии, боясь преследований оптиматов, но друзья, покинувшие остров, привезли его ко мне... Ты, конечно, слышал, что там беспокойно...

Меммий отвернулся от Сатурнина, а Марий, усмехнувшись, спросил:

— Скажи сперва, что делается в Сицилии? Неужели восстание рабов действительно превосходит по своим размерам бунт Эвна, Клеона и Ахея?

— Разве ты не знаешь, что война с рабами продолжается уже больше четырех лет? Страшное бесправие заставило их взяться за оружие. Раб Сальвий, провозгласив себя царем под именем Трифона, соединился с киликийцем Атенионом, и оба создали непобедимое войско, спаянное дисциплиной и единодушием. Рабов поддерживает свободный плебс. И хотя римляне разбили Атениона, а Трифон недавно умер — дело рабов не погибло. Атенион опять вдохнул в них мужество, сумел собрать огромное войско, и если мы, популяры...

— Об этом поговорим после, — нахмурился Марий и отошел с Меммием к ларарию.

— Завтра собрание всадников, — шепнул Меммий. — Приходи. Будут распределяться прибыли с торговых спекуляций.

— Хорошо, — кивнул Марий, и глаза его жадно заблестели.

Когда Меммий ушел, Сатурнин указал на захлопнувшуюся дверь:

— Какие у тебя могут быть дела с этой собакой?

— Дела государственные, — солгал Марий и, помолчав, сказал: — О каких целях ты говоришь? Клянись Юпитером, я ничего не понял!

— Не понял? — удивился Сатурнин. — Но разве ты забыл, что наша цель — охлократия?

— Еще не наступило время трясти республику, как яблоню: плоды не созрели!

— Но уже созревают, и нам необходимо договориться о дальнейшем.

Брови Мария зашевелились, он повернулся к Сафею:

— Твое мнение, коллега?

— Я скажу одно, — твердо вымолвил Сафей, глядя в упор на Сатурнина, — если охлократия, то всеоб-

Главция

щая, если забота о нуждах *plebs rustica*¹, то такая же забота о *plebs urbana*².

— А разве я возражаю? — вспыхнул Сатурнин. — Твои слова — мои слова, но пойми, что нельзя сразу, одним ударом, разрушить древние законы, попать обычай, низвести нобилей и всадников до положения рабов!

— А знаете, коллеги, о том, — перебил Сафей, — что го-

родской плебс станет роптать, когда мы предложим аграрный закон?

— Уж не думаешь ли ты, что я возбуждаю горожан против пахарей? — воскликнул Сатурнин. — Вспомни Тиберия Гракха! Провел ли он хоть один закон в пользу городского плебса?

— Зачем говорить о старшем и умалчивать о младшем брате? Разве ты не знаешь, что у Тиберия были замыслы, которые он не успел осуществить?

— Твои речи похожи на бешеный лай Меммия. Говорят, продажный пес будет добиваться консулата и его поддержит сенат. Поэтому берегись, чтобы споры не толкнули тебя на путь, по которому пошел Меммий! — вспыхнул Сатурнин.

— Будь спокоен, — рассмеялся Сафей и тихо прибавил: — Ну, а если он добьется консульства?

— Если это случится, — твердо возразил Сатурнин, — я откажусь от магистратуры!

Марий слушал, хмурясь.

---

¹ Деревенский плебс. (Лат.)

² Городской плебс. (Лат.)

— Довольно спорить! — грубо прервал он. — Сперва мы позаботимся о деревенском плебсе, о моих ветеранах... Что же касается Эквиция, — понизил он голос, указав глазами на молодого человека, отошедшего к имплювию, — то я не очень верю, что он сын Гракха (подожди, Люций Апулей, не перебивай!), но если нужно, чтобы он стал им — да будет так!

Вошел Главция.

Это был муж низкорослый, толстый, коротконогий, с беспокойными, бегающими глазами и мертвенно-бледным лицом. Говорил он скрипучим голосом, любил забавлять толпу непристойными шутками и поражать собеседника непонятными ответами, которые называл “изречениями дельфийского оракула”.

— Привет коллегам! — закричал Главция, подняв руку. — Только не подумайте, прошу вас, что у меня в руке деньги или камень.

Все засмеялись.

— Привет и тебе, вождь народа! — ответил Марий. — Помогают ли тебе в делах милостивые боги?

— Хвала Юпитеру, — кивнул Главция. — Подходя к твоему дому, я встретился с Меммием. Он шел, опустив голову, и, кажется, меня не заметил.

Марий не успел ответить: в атриум вошли три человека. Посыпались восклицания:

— А, Понтий Телезин!

— Марк Лампоний!

— И ты, Мульвий? — вскричал Марий. — Очень рад тебя видеть! Как жаль, что Тициний безвременно погиб! Но воля богов непреложна, а смерть за дело плебса похвальна!

Понтий Телезин — родом самнит, с мужественным лицом и ласковой улыбкой, которую странно было видеть на его суровых губах. Непримирымый враг правящей олигархии, притеснявшей союзников, он еще в детстве поклялся тенями деда и отца, наказанных римлянами (дед был засечен претором по подозрению в оскорблении жены магистрата, а отец бит плетью за подстрекательство жителей Фрегелл к восстанию и выслан в Африку, где и умер), что посвятит свою

жизнь борьбе за права гражданства. Телезин сблизился с популярями и убеждал их провести закон о гражданстве, ссылаясь на попытки Фульвия Флакка и Гая Гракха.

Популяры любили Телезина. Честный и неподкупный, твердый в убеждениях, он прямо шел к намеченной цели, и Марий, завистливый по натуре, сожалел, что боги наградили союзника лучшими душевными качествами, а ему, римлянину, отказали в них.

Марк Лампоний, друг Телезина, родом луканец, — мрачный юноша, замкнутый, молчаливый. На совещаниях он больше слушал, чем говорил, а если и высказывался, то лаконично, и мнение его оставалось неизменным. Он носил длинные волосы, свисавшие на угрюмые глаза, и никогда не брился.

Марий знал, чего добиваются эти мужи, но прикидывался непонимающим, начиная говорить о плебсе и рабах, о нобилях и вражде их к популярям.

Так случилось и теперь. Но Понтий Телезин смело прервал его:

— То, о чем ты говоришь, досточтимый коллега, всем известно, но скажи откровенно: что ты думаешь о даровании прав союзникам?

— Твой ответ рассеет недоумения, которые возникли в среде обездоленных братьев, — подхватил Лампоний. — Ходят слухи, будто ты не имеешь на этот счет своего мнения...

Марий был застигнут врасплох. Он не знал, что ответить. Выставить себя другом союзников означало, как он думал, идти против плебса; согласиться же со слухами, что у него нет собственного мнения, грозило полным разрывом с людьми, которые могли бы в будущем пригодиться. И он выбрал середину.

— Фульвий Флакк и Гай Гракх разумно требовали прав для союзников, — вымолвил он, запинаясь, — но власть и народ оказались противниками закона. Поэтому нужно сломить упорство оптиматов, убедить плебс, что он ничего не потеряет, а только выиграет. Да и как ему не выиграть? — оживился Марий. — Число равноправных плебеев увеличится, и тогда нам легче будет опрокинуть олигархию...

— Это так, — сказал молчаливый Лампоний, — но будешь ли ты, коллега, поддерживать нас и помогать? Марий побагровел. Он хотел резко прервать неприятный разговор, но в это время Мульвий спросил неожиданно для всех:

— Долго ли еще ждать пахарям человеческой жизни? Вы не знаете, коллеги, что делается в деревне!

— Знаем, будь спокоен! — воскликнул Сатурнин, задетый его словами. — Я уже наметил законы и — клянусь богами и тенями обоих Гракхов! — не отступлю от них, если бы даже пришлось погибнуть! Верно, Эквиций? — крикнул он фирманцу, прислушивавшемуся к его речи. — Пусть сын Тиберия Гракха скажет, прав ли я?

— И ты еще спрашиваешь? — улыбнулся Эквиций. — Мой отец кровью запечатлел аграрный закон, и теперь, когда ты вновь будешь проводить законы обоих Гракхов, я пойду с тобой и отдам свою жизнь на благо народа!

— Эквиций! — радостно воскликнул Сатурнин. — Я ждал от тебя этих слов!

— Люций Апулей, — тихо ответил Эквиций, — неужели я для того скрывался в Тринакрии и в Фирме, чтобы отказаться от великих идей моего отца?

Сатурнин обнял его:

— О благородный сын!

— О великий трибун, равный моему отцу!

Слушая их, Марий посмеивался в бороду: «Ловкие мужи! Они играют, как гистрионы, — думал он. — Имея в своих рядах сына Тиберия, популяры могут добиться, чего захотят».

Но тут он испугался: «Не зашел ли я слишком далеко? Эквиций может запутать меня... Сатурнин стал чересчур нахален... Поговорить с ним?..»

Но в этот день беседовать с Сатурнином не пришлось. Союзники покидали пиршество. Марий понял, что они обиделись, а может быть, не доверяют ему, и старался лестью удержать их. Он даже сказал, что после проведения Апулеевых законов Сатурнин намерен бороться на форуме за дарование прав союзниками, но

Сатурнин, занятый беседой с Главцией в таблинуме, не слышал его слов. Телезин и Лампоний решили, что Сатурнин преднамеренно ушел от них, и не захотели остаться.

Телезин сказал на прощание:

— У обездоленных остается надежда на богов. Но если бессмертные забудут о нас — нам помогут мечи.

Глава XXXIX

Несколько дней спустя на форуме собирался народ. День был яркий, солнечный. Голуби, воркуя, слетались к храму Весты, где стоявшая у входа девочка-весталка, в белой одежде, бросала им пригоршнями зерна. Поглядывая на форум, она сзывала птиц тоненьким голоском и отгоняла движением руки наиболее прожорливых, которые отнимали корм у молодых голубей. Плебс подходил со всех сторон — улицы казались реками, разрушившими свои плотины: людские потоки хлынули на форум, как волны в огромную цистерну.

Большинство плебса состояло из земледельцев и ветеранов Мария, оповещенных заранее Сатурнином. Они останавливались кучками и возбужденно беседовали, ожидая прибытия народного трибуна. У храма Кастора теснился городской плебс, но численность его была мала.

Стоя на ступенях храма, Меммий возбуждал горожан против Сатурнина. Он говорил, что после раздачи Марием карфагенских земель римским гражданам и союзникам (надел на человека был в пять раз больше обыкновенного надела) популяры замышляют раздел кимбрских земель между ветеранами Мария, а на обзаведение земледельческими орудиями отдают расхищенные римской знатью в Толозе сокровища храмов;

говорил он также, что Марий добивается шестого консульства, Сатурнин — вторичного избрания трибуном, а Главция — претуры и что Марий, муж скупой и жадный, покупает голоса, чтобы обеспечить выборы, а его коллеги действуют лестью и хитростью.

Сатурнин появился в сопровождении Главции и Сафея. За ними шагали разъяренные пахари с палками в руках и впереди — Мульвий.

— Вот они, враги ваши! — крикнул Сатурнин, указывая на Меммия и его приверженцев. — Они пришли, чтобы провалить земельный закон, лишит вас наделов!

— Лжешь! — ответил Меммий. — Мы пришли на выборы народного трибуна!

И он предложил избрать Авла Нонния. Городские трибы выразили согласие и охотно стали голосовать за нового кандидата.

Сатурнин переглянулся с Главцией.

— Понимаешь, трибуном должен быть я!

— Что прикажешь?

— Разгони городские трибы!

Главция выскочил на середину форума и завопил:

— Квиристы, голосование производится неправильно... путем подкупа! Сенат стремится провести своего трибуна, чтобы провалить аграрный закон!

Ветераны Мария угрожающе подняли палки.

— Вперед! — крикнул Мульвий.

Девочка-весталка услышала крики и, подняв глаза, замерла с поднятой рукой — зерна сыпались, а она не замечала. Она видела, как толпа хлебопашцев двинулась на горожан, потрясая палками, и с ужасом зажмурилась.

Напрасно Меммий призывал плебс к спокойствию — толстый, коротконогий Главция, яростно вращая глазами, вопил скрипучим голосом:

— Гоните предателей с форума!

Слова его разъярили обе стороны. Беспорядочное движение охватило форум. Девочка-весталка стояла, как окаменелая, не в силах вымолвить ни слова. Люди шли с бешеными криками, размахивая палками, —

одни от храма Кастора, другие им навстречу. Нонний был в первом ряду. Он бросился к Сатурнину, схватил его за грудь, рванул к себе с такой силой, что тога народного трибуна треснула:

— Злодей, что ты делаешь?

Но Сатурнин ударил его кинжалом, и тут же десятки палок взметнулись над головой Нонния.

— Убивают! — пронзительно закричала девочка-весталка и скрылась в храме.

— Вот он, неверный пес, хотевший укунить исподтишка своего хозяина! — взвизгнул Сатурнин, указывая на труп и подразумевая под хозяином плебс.

Остатки горожан разбежались, спасаясь от преследования рассвирепевших ветеранов: разбитые лица и головы мелькали у храма Кастора.

— Квириты! — сказал Сатурнин. — Голосование не кончено. Сейчас мы выберем народного трибуна, а центуриатные комиции — консула и претора. Потом я проведу аграрный закон, и вы получите кимбрские земли в Цизальпинской Галлии. Вы завоевали их, сражаясь под начальством Мария против варваров, и неужели найдутся люди, которые осмелятся выступить против ассигнации этих земель? Мы заставим сенат принять закон под страхом ссылки, пени в двадцать талантов с каждого сенатора, лишения огня, крова и воды!

— Сперва нужно свалить Метелла Нумидийского, — шепнул Главция, хрипло засмеявшись. — Он способен на все!

— Да, это наш общий враг, — усмехнулся Сатурнин. — Разве он не пытался изгнать нас обоих из сената за порчу нравов юношества?

— Клянусь копьем Девы! Война требует жертв. Марий поручил мне убрать Метелла из Рима...

— Мы заставим гордеца покинуть Италию! Но пора приступать к голосованию.

Глава XL

Распространив слухи о посягательстве на Апулеевы законы, а в особенности на аграрный, и о выдвижении кандидатуры Меммия на консульские выборы, Сатурнин стремился привлечь на свою сторону весь плебс и торопился заручиться голосами на избрание Эквиция.

— Квириды, — громко взывал он повсюду, — кому же иному стоять на страже земельного закона, как не сыну Тиберия Гракха?

Имя Тиберия было памятно, и плебс готов был поддержать сына погибшего народного трибуна. Но когда однажды старый сукновал прямо спросил Сатурнина, твердо ли он уверен, что Эквиций — сын Гракха, Сатурнин растерялся. Хотя он и подтвердил, что сомнений быть не может, однако вопрос этот смутил его.

«Оптиматы вызовут у толпы недоверие к Эквицию, — думал он, возвращаясь с форума, — и Апулеевы законы провалятся... Нужно найти человека, который противостоял бы замыслам врагов». Посоветовавшись с Главцией, Сатурнин решил повидаться с Семпронией.

Вдова Сципиона Эмилиана приняла его, стоя посреди атриума. Лицо ее было строго.

— Что тебе угодно? — холодно спросила она, не понимая, зачем он пришел.

— Благородная госпожа, ты знаешь, какие великие цели преследуем мы, популяры, а я, продолжатель полезного дела Тиберия Гракха...

— Кто тебе сказал, что оно было полезным? — перебила матрона, хмурясь.

— Госпожа моя, Тиберий провел аграрный закон на благо земледельцев. Я возобновил этот отмененный закон во имя справедливости...

— Это была ошибка брата, и он поплатился за нее жизнью...

— Госпожа моя, завтра выборы народного трибуна, и я пришел просить тебя подтвердить на форуме, что Эквиций из Фирма — сын Тиберия Гракха...

— Такого сына у него не было.

— Верно, не было, но ради блага республики умоляю тебя объявить об этом...

— Никогда! — гордо подняла голову Семпрония. — Сципион Эмилиан был против этого закона, а ты хочешь, чтобы я способствовала утверждению его в комициях? Постыдись!..

— Госпожа, скажи одно слово — и ты облегчишь участь бедняков, откроешь им путь к сытой, спокойной жизни!

— Ты просишь меня, чтобы я ложно клялась богами? Меня, внучку Африканского Старшего?!

— О, умоляю тебя, славная супруга великого Сципиона! — вскрикнул Сатурнин и, упав на колени, ухватился за край столы, прижал ее к губам. — О госпожа! Сжался над плебсом! Если сын Тиберия Гракха возьмет на себя ассигнации кимбрских земель, сенат не посмеет вторично пойти против плебса!

— Ты не понимаешь того, о чем просишь. Оптиматы знают об участии, постигшей сыновей Тиберия Гракха. А мнимый сын, которого ты прочишь в народные трибуны, будет объявлен на форуме обманщиком.

— Я выставлю свидетелей...

— Лжесвидетелей и лжесына Гракха! Никогда!

— Умоляю тебя...

— Уйди. Ты должен благодарить богов, что я не доношу сенату о твоих подлых намерениях.

Сатурнин вскочил, лицо его пылало.

— Я докажу, что он — сын Тиберия Гракха, а если ты станешь мне мешать — берегись!..

Семпрония, задрожав от негодования, хлопнула в ладоши; вбежала рабыня.

— Позови невольников! — крикнула она твердым голосом. — Пусть они выгонят этого презренного!..

Сатурнин побледнел, бросился к двери.

На другой день Сатурнин добился избрания Эквизия народным трибуном.

— Квириты, — кричал Метелл Нумидийский, — это не сын Гракха! У Тиберия было три сына, и все они умерли: один на службе в Сардинии, другой в младенческом возрасте в Пренесте, а третий, родившийся после смерти отца, — в Риме. Семпрония, родная сестра Тиберия, может подтвердить правдивость моих слов...

Выступила Семпрония, подняла руку:

— Квириты, клянусь богами, что все дети Тиберия умерли!

Но плебс отнесся к ней недоверчиво.

— Разве нобилям можно верить? — возбужденно роптали старики. — Сципион был против наделов, и теперь его вдова лжет перед лицом богов в угоду нашим врагам!

— Не верьте им, квириты! Не верьте! — вопил Сатурнин. — Они подослали Нонния, чтобы сорвать земельный закон!

— Убийца! — крикнул Метелл. — Пусть воздадут тебе боги за предательство!

И он, разгневанный, покинул форум.

Выборы консула происходили при невероятном шуме. Сенат выставил кандидатуру Меммия, и когда тот явился, окруженный магистратами, Сатурнин возвысил голос:

— Квириты! Взгляните на этого мужа! Он был популяром, потом изменил народу! Он добивается консульства, заискивая перед сенатом и перед вами!

— Люций Апулей Сатурнин! — воскликнул Меммий. — Боги слышат твои лживые слова!..

Голос его потонул в бешеном реве толпы. Главция взмахнул палкой.

— Достоин ли жить изменник? — воскликнул он. — Квириты, бейте злодея!

Произошла свалка. Меммий что-то кричал, пытаясь остановить озверелый людской поток; он воздевал руки к небу; лицо его было бледно, остановившиеся глаза тупо смотрели на занесенные над ним палки. И вдруг он побежал. Его догнали, окружили, палки опустились на голову, руки, спину, плечи. Он упал, и десятки ног с остервенением топтали его.

Сатурнин спокойно смотрел на кровавую расправу, думая, что жалеть и щадить врагов народа преступно, но когда услышал шутки Главции, содрогнулся.

Главция кричал:

— Вот лежит месиво из костей и мяса! Клянусь Эриниями: жена не найдет места, куда бы поцеловать его!

Никто не смеялся, и Сатурнин взвизгнул не своим голосом:

— Перестань тешиться шутовством! Не видишь, что сейчас не до этого?

Главция пожал плечами, усмехнулся:

— Крови испугался? Стыдись! Нужно быть стойким до конца. Нужно смотреть в глаза смерти с шуткой на губах и со смехом в сердце!

...Сатурнин твердо проводил Апулеевы законы — хлебный и колониальный.

— Цены на хлеб для столичного плебса должны быть понижены с шести и одной трети за модий до пяти шестых асса, — говорил он, и крики одобрения плебеев — горожан и ветеранов Мария — гудели над форумом. — Сенатские земли в провинциях, а также в Галлии, Транспаданской и Трансальпинской, должны быть нарезаны и распределены между ветеранами Мария, римскими и италийскими пролетариями, и ассигнации поручены консулу Марию...

Трибы голосовали, но сенаторы выступили против законов; они настояли, чтобы трибуны наложили veto, и растерялись, когда Сатурнин, не обращая на это внимания, продолжал отбирать голоса.

В это время глашатай объявил, что слышен удар грома. На лицах нобилей вспыхнула надежда.

Сатурнин злобно усмехнулся.

Он упал, и десятки ног с остервенением топтали его.

— Отцы государства хорошо сделают, если будут сидеть спокойно, — выговорил он с издевкой, — иначе вслед за громом может посыпаться и град!

— Замолчи, негодяй! — крикнул городской квестор. — Мало тебе римской крови?

И он приказал своим сторонникам разогнать популяров. В общей свалке бежали все: и Сатурнин, и Главция, и Сафей, и сотни других. Форум сотрясился от топота ног.

Сатурнин отступил к Капитолию и обратился с речью к ветеранам Мария, заклиная их разогнать приверженцев сената.

— Иначе Апулеевы законы будут отменены, — кричал он, — и вы не получите земельных наделов!

Рослые, крепкие ветераны оттеснили врагов и, угрожая им толстыми палками, дали возможность Сатурнину закончить голосование.

Апулеевы законы были проведены с оговоркой, что они будут утверждены сенатом в пятидневный срок. Марий, не выступавший на форуме (за него работали популяры), узнал о проведении законов и потребовал от сенаторов клятвы.

Те заколебались, но услышав о пени, ссылке и лишении воды и огня, готовы были согласиться. Но Метелл смутил их.

— Отцы государства! — гордо поднял он голову. — Неужели вы поддадитесь влиянию преступников, которым место в тюрьме?! Сатурнин, Главция и Сафей — это подонки общества, и вам ли бояться злодеев? Не давайте клятвы! Кимбрские земли не могут быть разделены, на это есть *senatus consultum*¹, и я заявляю твердо и непреклонно: клятвы не дам!

— Ты прав, благородный Метелл! — воскликнул Марий, хитро прищурившись. — Твоя мудрость равна военным заслугам, и римляне оценят это твое решение. Я присоединяюсь.

Сенаторы радостно вскочили и, окружив Мария и Метелла, превознесли добродетель обоих, жали им руки, называли столпами республики.

---

¹ Постановление сената. (Лат.)

— А как же плебс? — спросил кто-то. — Сатурнин ожидает утверждения закона...

— Пусть ждет! — засмеялся Марий и, закрыв заседание, распустил магистратов.

А на пятый день, созвав снова сенат, он возгласил, злорадно усмехнувшись:

— Благородные отцы и мудрые вершители судеб государства! Я побеспокоил вас по важному делу. Плебеи бушуют и грозят насилиями... последствия могут быть страшными... И я предлагаю принести клятву...

Пораженные, сенаторы молчали. Их возмущала эта западня, издевательство над властью, и сам Марий почувствовал, что зашел слишком далеко. Однако врожденная ненависть к нобилям взяла верх над благоразумием, и он продолжал:

— Отцы-сенаторы! Предлагаю вам отправиться в храм Сатурна, чтобы принести клятву...

— Нет! — резко крикнул Метелл. — Тебе, низкий муж, вечный позор и презрение! Глумиться над человеком постыдно, а глумиться над священной властью сената преступно. Я знаю, ты считаешь умение хорошо лгать и обманывать частью добродетели и ума. Неужели этому ты научился у Сципиона Эмилиана?

— Идите, — обратился Марий к сенаторам, не слушая Метелла.

Все встали.

— А ты? — повернулся он к Метеллу.

— Нет, — твердо повторил Метелл. — Не бывать, чтобы плебей навязывал свою волю оптимату!

Требуемая клятва была дана, и Сатурнин, вычеркнув Метелла из списка сенаторов, стал возбуждать против него плебс:

— Квиристы, пока вредный муж остается в Италии, вы не получите земель. Добивайтесь, чтобы консулы объявили поскорей об его изгнании!

Через несколько дней Метелл, проходя по форуму, услышал крик глашатая. Он спокойно выслушал постановление комиций об изгнании и направился домой, размышляя, куда ехать и какие вещи взять с собой в чужие страны.

Глава ХLI

Накануне выступления популяров против Меммия Марий пришел домой, сопровождаемый Сатурнином, Сафеем и Главцией. Вражда с сенатом, ненависть городского плебса и раздражение союзников (он был уверен, что Телезин и Лампоний считают его двуличным) — все это угнетало его.

Юлия заметила по лицу мужа, что произошли какие-то неприятности, но спросить в присутствии гостей не решилась. Она видела, что супруг удручен, Сатурнин мрачно-решителен, а Главция — весел.

Марий и Сатурнин молча уселись у имплювия, а Главция, засмеявшись без причины, воскликнул:

— Борьба начинается!

— Все это так, — пробурчал Марий, — но я, консул, нахожусь в странном положении: что прикажет сенат — я обязан исполнить.

Сатурнин пожал плечами.

— А ты не исполняй, — спокойно сказал он. — Созови ветеранов и опрокинь сенат...

Марий молчал. Предложение казалось заманчивым. Юлия начинала понимать; ей стало страшно. Неужели Марий поддастся подстрекательствам, пойдет против власти, освященной богами, и потрясет республику казнями, грабежами и убийствами?

А Сатурнин говорил:

— Таить, коллеги, нечего — шли мы скользкими путями: хитростью, обманом, даже преступлениями добивались своих целей. Сегодня все в наших руках. Прикажи созвать ветеранов, — настаивал он, обращаясь к Марию, — и мы опрокинем эту освященную богами власть, станем господами Италии. Мы уравнием в правах население Италии, создадим новую жизнь, а тогда... кто осмелится назвать нас негодяями? Мы запятнали свои имена во имя великой цели, и человечество поймет когда-нибудь, что если и были подкуп и убийство, то совершались они во имя священных идей...

Он вздохнул, обвел всех затуманившимся взглядом; лицо его казалось усталым, преждевременные морщи-

ны бороздили лоб, тонкой сеткой лежали под глазами. Все смотрели на него: Марий, Главция и Сафей, и им было жаль этого молодого человека, который, как подумал Марий, “горел как факел в трудной борьбе”.

— Не печалься, — ободрил его Главция, — перевес будет на нашей стороне!

— Я решил убрать Меммия: он добивается консулата, чтобы подорвать наше дело. Сенат, конечно, будет возмущен этим убийством, и враги бросятся снимать с меня голову, но я не боюсь.

— Разве у тебя нет верных сателлитов? — спросил Главция. — Выйди на улицу — они у дверей дома, выйди в перистиль, и ты увидишь их в саду...

— Зачем ты позвал их?

Главция нагнулся к Сатурнину и шепнул ему на ухо:

— Они пришли, чтобы провозгласить тебя царем.

— Царем? — вспыхнул народный трибун. — Это слово ненавистно римлянам, и стать царем — значит совершить величайшее преступление против закона.

— Идем. Нас ждут важные дела.

Когда они втроем вышли на улицу, Главция протяжно свистнул, и толпа сателлитов, вооруженных дубинами, с оружием под плащами, окружила их.

— Марий мне не нравится, — криво усмехнулся Сафей, — мой совет — не доверять ему.

— Что ты?! — вскричал Сатурнин. — Мы оказали ему немало услуг, и он весь наш.

— На его косматом лице я видел нерешительность, а в медвежьих глазах — трусливое колебание, а может быть, и предательство... Берегитесь, коллеги!

Юлия, находясь в таблинуме, слышала разговор Главции с Сатурнином и дрожала, не зная, как предупредить Мария. «Они погубят его, — думала она, — речи Главции о провозглашении Сатурнина царем — это посягательство на власть. Но Сатурнин отказывался. А если согласится?..»

Когда гости ушли, она схватила мужа за руки.

— Гай, взгляни! Скорее! — тащила она его к двери. — Видишь сателлитов? Они находились в нашем саду и на улице, охраняя своего царя...

— Какого царя? — удивился Марий. — Ты что-то путаешь...

— Нет, нет.

И она рассказала о случайно подслушанной беседе. Марий побледнел.

— Как, из популяров — в цари? — шептал он. — Да не может быть! Если сателлиты хотят провозгласить его царем, если мерзкий Главция уговаривает, то есть единое средство пресечь зло... О боги! Что мне делать? Не лучше ли притвориться больным и не выходить из дому?..

Размышления его были прерваны возгласом раба:

— Господин, какой-то калека желает тебя видеть. Марий нахмурился.

— Пусть войдет, — ответила за него Юлия.

И в атриум проник Виллий, в грязной тунике, висевшей на нем лохмотьями.

— Виллий?! — вскричал Марий.

— Прихожу к тебе, Гай, с дурными вестями...

— Родители?..

— Увы! — вздохнул Виллий. — Твой отец присылает тебе предсмертную эпистолу, а мать, умершая в иды прошлого месяца, — лучшие пожелания и последний поцелуй.

Слезы навернулись на глаза Мария, губы задрожали, но только на мгновение. Он овладел собой и принялся разбирать грубые, неуклюжие письма:

«Гай Марий-отец — своему сыну Гаю Марию, великому военачальнику и консулу.

Твоя мать, сын мой, сошла недавно в подземное царство Аида. Я и она всегда желали тебе удачи, славы, побед и благополучия. Но, ради богов, будь, сын, благодарен до гроба Метеллу Нумидийскому, который тебе покровительствовал и выдвинул тебя на государственную службу. А у нас в Цереатах слухи, что ты восстал против него, второго отца своего, и роешь ему яму... О, если это правда, — остановись! Проси у него прощения, умоляй на коленях, стань его верным слугою...»

Марий не дочитал, лицо его исказилось. Этот сильный человек, глядевший не раз в глаза смерти, не мог больше смотреть в эпистола и быстро отошел к ларарию, чувствуя, как приливает кровь к лицу.

«А я посягаю на его жизнь», — думал он. И вдруг обернулся, в глазах горела ненависть:

— Отец заблуждается. Метеллы — враги. Я ненавижу оптиматов, а еще больше — царей! Да, да — царей! И если Сатурнин...

Взглянул на Виллия и, кликнув рабыню, приказал отвести его в лаватрину, выдать новую тунику, а потом накормить и уложить спать.

Он ходил по атриуму и думал. В душе его происходила упорная борьба. Наконец он топнул ногой:

— Нет же! Зло нужно пресечь в корне! — выговорил он с жестоким выражением на лице и, подойдя к ларарию, принес вечернюю жертву домашним богам.

Глава XLII

Узнав, что городской плебс, подстрекаемый приверженцами сената и возмущенный убийством Нонния и Меммия, отправился на форум, чтобы умертвить Сатурнина, — Мульвий предупредил народного трибуна об опасности, и тот, окружив себя деревенским плебсом, приказал взломать двери темниц и освободить преступников. Он торопился, боясь противодействия сената, и, отпустив узников на волю, поспешно захватил Капитолий. Главция и Сафей ни на шаг не отходили от своего друга.

Вскоре стало известно, что сенат приказал консулу объявить мятежников вне закона.

Марий колебался, сожалея, что не предупредил популяров о последствиях бунта, и вооружал войско с такой медлительностью, что сенат, видя его “половинчатые” действия, приказал отвести воду, которая имела доступ в священную ограду Капитолия.

Осажденные едва держались, умирая от жажды, и Сафей, в отчаянии, предложил поджечь храм.

— Во время переполоха, — говорил он, — мы сумеем пробиться при помощи мечей. Мы поднимем союзников и начнем войну. Телезин и Лампоний помогут нам.

Однако Главция и Сатурнин, полагаясь на дружбу Мария, решили сдаться.

— Берегитесь, — отговаривал их Сафей, — этот деревенщина двуличен: он держался в стороне, когда мы боролись, и вел переговоры одновременно с нами, требуя нападения на сенат, и с олигархами о подавлении нашего мятежа. Ведь вы же сами, коллеги, отшатнулись от него, вы же сами...

— Пусть так, — сказал Сатурнин, — но плебей никогда не предаст борцов за плебс.

— Делайте, как хотите, — нахмурился Сафей, — а я подожду.

Сатурнин начал переговоры.

Послы мятежников вернулись. Они говорили, что видели на форуме вооруженных сенаторов во главе со стариком Марком Эмилием Скавром, и протянули Сатурнину навощенную дощечку, на которой крупным почерком Мария было выведено:

«Не бойтесь, я вас спасу».

Сафей засмеялся: он не верил.

— Не ловушка ли это?

— Юпитер верно лишил тебя разума! — возмутился Сатурнин.

А Главция прибавил:

— Марий даст нам возможность бежать.

— Идем! — вскричал Сатурнин. — А ты — как хочешь!

Он пошел вместе с Главцией по направлению к форуму. В глазах его сквозило беспокойство, но он старался быть веселым. Несколько человек присоединилось к ним. Сафей сначала медлил, но видя, что земледельцы уходят с вождями, решил разделить общую участь.

Когда они вышли из Капитолия, бешеный крик потряс форум:

— Смерть! Смерть!

— Молчите! — крикнул Марий, и голос его потонул в шуме.

— Отдайте нам их головы! — кричали нобили, потрясая оружием.

— Головы Сатурнина, Главции и Сафея!

Но Марий приказал ветеранам окружить сдавшихся вождей и обратился к народу, выигрывая время:

— Квириты, они сдались, им была обещана жизнь, и они подлежат судебной ответственности!

Форум загудел:

— Требуем казни!

— Консул, ты не заботишься о благе республики!

Наступила тишина, и вдруг твердый голос выговорил с насмешкой:

— Квириты, дело ясное: консул никогда не осудит тех, с кем он заодно!

Побледнев, Марий обернулся к обвинявшему его.

Это был Сулла. Глаза их встретились...

— Лжешь, рыжий вепрь! — зарычал он, но Сулла уже скрылся в толпе. — Квириты, дарованной мне консульской властью я отправляю трех мятежников в Курию Гостилию и поступлю с ними по закону! А Эквиция приказываю заключить в темницу.

— Меня, сына Тиберия Гракха? — возмутился фирманец и обратился к народу: — Квириты, слышите? Что же вы молчите?

В отдалении слышалось:

— Долой консула!

— Долой Мария!

Вскоре голоса приблизились, перешли в яростный вой — шли толпы земледельцев. Впереди шагал вольноотпущенник Марк Фульвий Геспер в старом пилосе. Он поседел со времени убийства его господина — белая паутина серебрилась в волосах, но глаза были те же: быстрые, живые, горячие.

Форум содрогался от топота ног и дикого рева:

— Плебей, а своих души!

— Батрак, а батраков притесняет!

— Долой, долой!

— Консул, отдай нам вождей! — крикнул Геспер.

Толпа напирала, и Марий, желая избежать кровопролития, отвел свой отряд к Капитолию.

В это время из Курии Гостилии донесся вопль:

— Убивают! Убивают!

Форум замер. Крик повторился. Земледельцы двинулись плотной стеной к Курии Гостилии. Но Марий уже опередил их.

— Открыть дверь! — распорядился он.

Свет проникал в Курию сверху — крыша была разворочена, и на мозаике лежали три убитых мужа, облеченных знаками своего достоинства. Лица их были бледны, остановившиеся глаза обращены к небу. Рядом с ними валялись тяжелые черепицы. Марий глянул вверх. Несколько черепиц падали прямо на него. Он отошел к порогу и, чувствуя, как сердце колотится в груди, глядел на мертвые лица Сатурнина и Главции, на раскроенную голову Сафея.

Крики толпы вывели его из оцепенения.

— Да здравствует Эквиций! — ревели сотни глоток, и Марий выбежал на форум: земледельцы несли Эквиция на плечах.

С обнаженным мечом, страшный, Марий бросился к караульным:

— Почему отпустили самозванца?

— Вождь, — ответил Петрей, — толпа опрокинула нас и сбила замки... Мы не виноваты.

— Приказываю убить Эквиция...

Толпа несла фирманца на плечах. Улыбаясь, он что-то кричал Гесперу, протягивал руки к плебеям, и Петрей, притаившись за колонной храма Кастора, не спускал с него настороженных глаз. Вот он поднял лук, натянул тетиву. Стрела взвизгнула...

Эквиций захрипел, пошатнулся. Кровь хлынула из пробитого горла — караульный начальник считался самым метким стрелком.

Толпа бросилась искать убийцу, но у храма Кастора было пусто.

А Петрей, стоя перед Марием, говорил, улыбаясь:
— Вождь, приказание исполнено: самозванец убит.

Война в Сицилии кончилась полным разгромом рабов: консул Манний Аквиллий, убив на поединке вождя Атениона, опрокинул неприятельские войска, а остатки их осадил в крепости и взял измором; затем последовали казни, наполнились тюрьмы; рабам было запрещено носить оружие. И в Риме победила власть: популяры были разгромлены.

Не имея вождей, одинокие, преследуемые, они не знали, что делать. Одни искали союза с врагами, заискивая перед ними, выполняя их поручения, лишь бы уцелеть для будущей борьбы; другие укрывались в Остии и соседних городах; иные бежали к царю Митридату, покорявшему царства Малой Азии и угрожавшему, по слухам, войной самому Риму.

Мульвий находился в Риме. Он не имел заработка и жил подачками Мария. Однажды, бродя по улицам, он встретился с Тукцией. Жизнь свояченицы опечалила его, а равнодушие, с каким она отнеслась к смерти Тициния и родных, возмутило. Он не удержался и упрекнул ее.

— Чего ты хочешь от меня? — удивилась Тукция. — Разве хоть один из вас пожалел меня? Все вы преследовали меня, как собаку... Я не говорю о Виллии: он одел меня и снабдил пищей на дорогу...

— Виллий в Риме. Он стал гончаром.

— Ты видел его?

— Он живет на улице горшечников, в доме Марка Фульвия Геспера.

— А имущество, домик? — вспомнила Тукция долину возле Цереат.

— Все продано за долги.

Мульвий поторопился уйти. Встреча с Тукцией была для него тягостна.

Глава XLIII

Шли годы. Могущество сената возрастало. Законы Сатурнина были отменены, раздача кимбрских земель прекращена. Марий, отошедший от дел, не желая видеть торжественного возвращения из ссылки Метелла

Нумидийского, уехал в Галатию под предлогом принесения обещанных жертв Кибелле, богине Пессинонта, а в действительности затем,

чтобы вызвать неурядицы на Востоке и получить назначение на войну. Он жаждал подвигов и богатств, мечтал о грабежах азиатских народов, и бездеятельная жизнь угнетала его.

В Каппадокии он встретился с Митридатом. Царь Понта — великан, в широких желтых персидских штанах и тиаре, усыпанной драгоценными камнями, — восседал на троне. Он хотел подкупить Мария, чтобы иметь могущественного сторонника в Риме, но этого ему не удалось.

Возбуждая Митридата против Рима, Марий сказал: — Царь, постарайся быть сильнее римлян или повинуйся их приказаниям.

Митридат побледнел от гнева.

— Если б эти речи я услышал не из твоих уст, великий Марий, голова смельчака валялась бы в пыли у моих ног! Но знай, что я не так уж бессилён, как ты думаешь. И если я не разобью Рима, то все же причину ему множество бед.

Возвратившись в Рим, Марий видел, как нобили выдвигали Суллу на должность претора, и старая вражда опять мучила его. Он еще больше возненавидел счастливого соперника, назначенного вскоре пропретором в Киликию, по слухам, для того, чтобы посадить на престол Каппадокии персидского вельможу Ариобарзана, а на самом деле затем, чтобы ограничить завоевания Митридата и устрашить народы могуществом Рима.

Известия от Суллы вызвали в Риме всеобщее ликование: с небольшим войском, увеличенным союзниками, пропретор достиг Тавра, разбил каппадокийские войска и преследовал их до самого Евфрата. Эпистола его кончалась словами:

«...Войска Митридата где разбиты, а где рассеяны. Сегодня римские серебряные орлы впервые закачались над широкой рекой: отражаясь в волнах, крылья трепещут, а клювы ищут, кого поразить».

Марий сходил с ума от зависти; он пытался опереться на популяров, чтобы добиться назначения в Азию, но кучка их, остававшаяся в Риме, не имела

значения и выжидала. Тогда отчаяние овладело им. Ненавидимый нобилями, презираемый плебсом за предательство Сатурнина, покинутый многими друзьями, потерявшими к нему доверие, он жил в мрачном уединении, почти ни с кем не видясь. И только изредка навещал Цинну, с которым его связывала долголетняя дружба и который некогда воспитывал его приемного сына Гая.

Дом, в котором жил Марий, казался опустевшим; жена и невольники ходили на цыпочках, боясь возмутить покой мрачного господина. Могильная тишина сменялась нередко взрывами необузданного гнева. Тогда рабы и вольноотпущенники разбежались — ярость и тяжелая рука Мария всем были хорошо известны.

Юлия, к которой он постепенно охладел, пряталась в кубикулуме и терпеливо дожидалась, когда муж успокоится. Только Гай выказывал неустрашимость и появлялся перед взбешенным отцом в красной тунике, с луком за плечами и копьем в руке.

Это был бледный юноша, с костлявым лицом, большими глазами, высокого роста; через полгода он мог уже надеть тогу.

В этот день Марий встал не в духе: военные успехи Суллы не давали ему спать спокойно. Он срывал гнев на рабах и даже Юлии сказал дерзость. Жена заплакала и скрылась в кубикулуме.

Когда побитые рабы разбежались, вбежал Гай.

— Кого думаешь бить? — спросил он, остановившись перед отцом. — Хочешь, я помогу тебе?

Марию стало стыдно. Он привлек к себе сына, а тот спросил:

— Ты видел кровь? Какого она цвета?

И, не дожидаясь ответа, свистнул. Вбежали охотничьи собаки, и юноша поразил копьем одну из них. Слушая визг издыхающего животного, он указывал отцу на кровь, разбрызганную по мозаичному полу атриума.

— Видишь, она не краснее человеческой. Дядя Люций разрешил мне убить провинившегося раба. Его привязали к столбу, и я выпустил в него двадцать семь стрел. Раб был весь в крови, и я помню хорошо ее цвет...

Марий стиснул зубы.

— Кровь нужно пускать не рабам, а нобилям, — грубо сказал он. — Дядя Люций был, наверно, пьян... Слышишь? Пьян, пьян!..

— Не кричи. Мы выпили одинаково, а он втрое больше меня...

На волосатом лице Мария появилась злоба.

— О, Цинна, Цинна! — прошептал он и, взяв юношу косматыми руками за плечи, вывел из атриума на улицу.

Через несколько минут они подходили к дому Цинны. Люций Корнелий Цинна был в это время куральным эдилом. К обязанностям своим он относился беспечно, и его надзор за жизнью и общественной нравственностью на улицах и площадях вызывал шутки молодых аристократов-бездельников.

— Все у него в порядке, — посмеивались они, — государственные здания, улицы и памятники содержатся в чистоте, только никто не заходит в писсуарни, а все мочатся у зданий и памятников (уж не возлияния ли это богам?); граждане строго охраняются на рынках от обмана торговцев — надзор за мерой и весом тщателен, только пеня почему-то минует обманщиков.

Однако Цинна не обращал внимания на насмешки. Он сознавал, что упреки справедливы, но закрывал глаза на безобразия. И его любили за это плебеи, всадники и блудницы. Даже сенаторы порицали редко. Жены и дочери их были без ума от разряженного и надушенного красавца, который непрерывно разводился с женами из-за “бесплодия” их (всем было известно, что его жены делали себе выкидыши).

Хозяин встретил их на пороге. Он был в белоснежной тоге с пурпурной каймой и собирался выйти на улицу.

— Слава богам, что друзья не забывают мужа, которого государственные дела отвлекают от веселой жизни! — засмеялся он. — Входите!

Он впустил их в атриум и, хлопнув в ладоши, приказал светловолосой рабыне принести вина и плодов.

Марий сел, быстро взглянул на друга.

— Я пришел ругаться с тобой, — сказал он и, видя недоумение на лице Цинны, прибавил: — Зачем ты потчуеть Гая вином?

Цинна рассмеялся:

— Вино, дорогой мой, дар Вакха!

— Но ты забываешь о возрасте Гая!

Цинна пожал плечами.

— Когда юноша сходит с ума по светловолосой де-
ве, — сказал он и захохотал, взглянув на вспыхнувшего Гая, — можно ли ему запрещать вино? Без Вакха и Венеры, дорогой мой, трудно прожить.

Вошла рабыня и поставила на стол вино, смешанное в кратере.

— *Наес est!*¹ — засмеялся Цинна, указав на затрепетавшую под его взглядом невольницу. — Гай без ума от нее, и он прав. Дева молода, приятна и вкусна.

Марий, не любивший разговоров о женщинах, спросил — как отрубил:

— Что нового в республике и соседних царствах?

Цинна поспешно рассказал, что Сулла выказал себя в Азии блестящим полководцем, разбил каппадокийцев и армян и возвратил престол Ариобарзану, а затем заключил дружбу и союз с парфянским арсаком.

— Подумай: он не побоялся поставить три кресла и сесть между Ариобарзаном и Оробазом, парфянским послом. Он беседовал с ними, а халдей, сопровождавший Оробаза, предсказал Сулле величие и славу...

Марий побледнел.

— Сулла — гордец, хвастун и дурак, — сказал он, заикаясь от волнения, — и неужели ты веришь этим басням, Люций Корнелий?

— А почему бы и не верить? Скоро Сулла возвратится в Рим, и я лично расспрошу его — правда ли это или выдумка?

Марий молчал.

Вдруг Цинна подошел к нему вплотную:

— Слышал? Оптиматы начинают борьбу со всадниками!

---

¹ Вот она! (*Лат.*)

— Не может быть, — покраснел Марий. — Кто тебе сказал?

— Поверишь, если я назову имя этого человека!

— Кто он?

— Сын предателя... один из убийц Гая Гракха...

— Кто же? — топнув ногой, вскричал Марий, и лицо его побагровело.

В голове промелькнули имена могущественных противников великого народного трибуна — он искал, и вдруг перед глазами всплыло неприятное лицо с тонкими губами.

— Марк Ливий Друз?

— Ты сказал. Он готовится к борьбе со всадниками, добивается трибуната. Говорят, его возмутило несправедливое осуждение всадниками Публия Рутилия Руфа. Сами взяточники, они обвинили во взяточничестве его, честнейшего человека.

Марий злобно усмехнулся: всякое лицо, добивающееся власти, внушало ему зависть.

Простившись с другом, он отправился домой, не замечая, что сын отстал от него и, озираясь, поспешно вернулся к Цинне.

Глава XLIV

Серебряная статуя Сципиона Эмилиана стояла в кубикюле на высоком треножнике, и заботливая рука Семпронии ежедневно сплетала венки из живых цветов, чтобы возложить на его голову. У подножия статуи стояли вазы с растениями, и молодая зелень тянулась стройными побегами, достигая груди Сципиона. А с пола подымались пальмы, кипарисы и пинии, образуя как бы шатер над его головой.

Целые дни просиживала Семпрония перед статуей, не сводя с нее влюбленно-тоскливых глаз. И, сложив набожно руки, молилась о прощении.

Она ни с кем не виделась, жила как бы взаперти, и выходила из дому только за покупкой цветов.

Перед сном она сама снимала статую с треножника и заботливо укладывала ее на свое ложе. А потом, обвив шею Эмилиана руками, прижималась к нему с неутоленной любовью, страстно ласкала его лицо, глаза, целовала губы.

— О Публий, — шептала она, тихо рыдая, — простишь ли ты меня когда-нибудь? Я истомилась без тебя, супруг мой, я устала жить... О, явись же мне во сне, скажи хоть одно слово!

Она засыпала в слезах и, проснувшись, начинала такой же день, как предыдущий. Голова ее, истерзанная угрызениями совести, была полна мыслей, и все думы были о нем, любимом, несравненном. Медленно тянулось время, не принося успокоения. А когда наступал день рождения или годовщина его смерти, она чтילה память покойника жертвоприношениями и нанимала за высокую плату гладиаторов, которые должны были биться насмерть. В сопровождении рабынь и вольноотпущенниц она отправлялась с кушаньями на его могилу, сама ставила у подножия саркофага чаши с водой, горячим молоком, оливковым маслом и жертвенной кровью, вазы с медом и солью.

Седая, тщедушная, сгорбленная, она спокойно смотрела на смерть гладиаторов, и губы ее шептали:

— О Публий, простишь ли ты меня когда-нибудь?..

Однажды она вернулась с могилы Эмилиана в приподнятом настроении. Там, у гроба, она пощадила поверженных гладиаторов и запретила добивать раненых лишь оттого, что услышала о смерти Метелла Нумидийского. В городе говорили, что он отравлен популярами.

Она скорбела о Метелле, которого считала последним отпрыском мужей древней доблести — добродетели, и, войдя в атриум, взглянула на статую. Ей показалось, что лицо мужа светилось иной улыбкой, более чем доброй, и она, упав на колени перед треножником, всхлипнула, простирая руки:

— И его, твоего ученика и последователя, они убили... Честный и неподкупный, как ты, он уже не будет защищать Рим, и квириты не увидят больше его суровых глаз, не услышат твердого голоса, бичующего пороки!

А затем, закрыв руками лицо, шепнула:

— О Публий, сжалишься ли ты надо мною?

Тишина звенела в кубикюле. Хлопнув в ладоши, она кликнула рабынь и, приказав возжечь благовония, улеглась рядом со статуей.

Снилось ей, что будто идет она по дорожке сада. Постройки виллы остались позади, а она идет, и бесконечен путь, как бесконечны ее страдания. И вдруг на повороте, у озера, она видит *его*. Он стоит, опершись на ствол

дерева, и лицо его лучится каким-то необыкновенным светом, а в глазах и на губах — прежняя добрая улыбка. Сердце ее бьется, и она плачет, упав на колени, прижимается к тоге Сципиона, обнимает его ноги, но он удаляется, как тень, и манит ее рукой. «Простишь ли ты меня, Публий?» Она видит его улыбку, его руку, зовущую, любимую, и кричит:

— Иду за тобой, Публий! Иду... Подожди...

Проснулась со страшным воплем.

Испуганные невольницы вбежали в кубикюлю. Второпях они зажигали светильни, но Семпрония не открывала глаз, надеясь, что видение вернется. А вместо него вставала жизнь, противная, ненужная, как грязь, выметенная из атриума. Она отпустила рабынь и, рыдая, прижалась к статуе. По лицу Сципиона пробегали быстрые блики — пламя светильен мигало — и ей казалось, что ожило это лицо, улыбается, а глаза щурятся.

— Я иду, Публий, — шепнула она и, вскочив, вбежала из кубикюля.

В ларарии был полумрак. Она нащупала что-то за статуей Юпитера и, зажав в кулаке, поспешно вернулась.

— Я иду, Публий!

На маленьком столике стояла чаша с медовой водой, которую она обыкновенно оставляла себе на ночь. Она разжала руку — тускло блеснул свинцовый пузырек, и несколько тяжелых капель упало в воду. Не колеблясь, она твердой рукой поднесла чашу к губам.

— Я иду, Публий!.. — хотела сказать она, но не смогла. Боли в желудке наступили почти мгновенно. Шатаясь, она добрела до ложа и улеглась, обхватив статую.

Огни светилен уплывали, становясь тусклыми искорками. Лицо Эмилиана заволакивалось мутной дымкой, а она целовала побелевшими губами его щеки, но как-то устало, с усилием, стоная и вздрагивая, и уже не видела дорогого лица — тело покрывалось липким холодным потом, жар сменялся ознобом, а потом надвинулась темнота.

Лицо ее почернело точно так же, как некогда у Сципиона Эмилиана, и багровые пятна побежали по обнаженным рукам; вскоре пятна потемнели, сливаясь в сплошную черноту. Искривленные губы еще шевелились, но вместо слов вырывался прерывистый хрип, искаженное лицо подергивалось последними судорогами. Тишина охватила кубикую. Только мигали светильни, бросая быстрые блики на черный труп, сжимавший в объятиях серебряную статую.

Глава XLV

В эти страшные дни неограниченной власти олигархов политическая жизнь, казалось, замерла. О популярях ходили слухи, что они скрываются в Риме, но выступить не в силах. И потому не было ни борьбы, ни пламенных речей, подобных тем, когда форум содрогался от страстного голоса Сатурнина, призывавшего плебс к восстанию.

...Марк Ливий Друз Младший. Он принадлежал к высшей римской знати, получил в наследство от отца огромное состояние и считался одним из нравственнейших молодых людей. По его понятиям, благородство происхождения налагало на человека известного рода обязанности. Его дом был построен таким образом, чтобы прохожие и соседи могли видеть жизнь обитателей. Умный, гордый, Друз пользовался большим влиянием в сенате и на форуме. И краснел, когда упоминали с похвалой имя его отца, считая, что это несправедливо.

Возмужав, он мечтал о деятельности народного трибуна, и ярким образом для него стала борьба обоих Гракхов. Земля? Она необходима земледельцу, как воздух... Хлеб? В нем нуждаются голодные. Всаднические суды? Они вредны: безответственность денежной аристократии за различные преступления, вымогательства и взяточничество доходят до наглости; судьи умеют замять дело провинившегося всадника или оправдать его. Права союзникам? В Италии никогда не будет длительного мира, пока враждуют сабельский бык и римская волчица.

Плебеи любили Друза: он никому не отказывал в пище, в деньгах, в совете и умел защитить клиента и пролетария от обид оптиматов. Когда он выставил свою кандидатуру на должность народного трибуна, плебс единодушно проголосовал за него.

Однажды вечером к нему пришел Мульвий.

— Трибун, охраняемый богами! — воскликнул он. — Ты борешься за благо народа, а я — плебей. Поставь меня в ряды борцов за справедливость!

И, рассказав Друзу о своей жизни, о поддержке Сатурнина, об измене Мария, он вымолвил дрогнувшим голосом:

— Трибун, как же это? Я не понимаю... Марий — плебей... а предал друзей, боровшихся за плебс...

Друз нахмурился. Презрительная улыбка не сходила с его губ. Он не ответил Мульвию, подумав: «Я, оптимат, сделаю больше, чем облагородившийся батрак».

Решив отнять у всадников их политические привилегии и привлечь к ответственности за беззакон-

ния, он совещался накануне проведения законов с Марком Эмилием Скавром и оратором Люцием Крассом.

Скавр был уже глубокий старик, но еще живой и подвижный. Со времени кимбрской войны он изменился. Когда в битве с кимбрами близ реки Афесы римская конница, разбитая наголову, бежала в беспорядке в Рим и сын Скавра Марк Эмилий, префект конницы, оказался в числе беглецов, отец, узнав об этом, послал сказать ему: «Я рад был бы видеть твои кости на поле сражения, нежели знать о твоём гнусном бегстве». Молодой Скавр пронзил себя мечом. Старик, получив известие о его смерти, несколько дней не выходил из дому. Он нигде не находил себе места: перед глазами стоял сын. «Зачем я сказал эти слова? — думал он. — Ведь это я, отец, убил своего сына!»

Выслушав Друза, патриций одобрил его намерение, а Люций Красс сказал:

— Ты заботишься о сближении всадников с сенаторами для исполнения судебной магистратуры... ты хочешь, чтобы часть всадников заседала в сенате, а судьи набирались из среды сенаторов и всадников... Ты намерен привлекать к уголовной ответственности взяточников и вымогателей...

— Все это хорошо, — нетерпеливо прервал Скавр, — но послушай, Марк, что говорит сенат. Вот его слова: «Как, он задумал возвысить всадников? Став сенаторами, эти золотые мешки будут действовать против нас, столпов отечества, и мы должны терпеть? Нет, никогда!» А всадники опасаются, как бы судебная магистратура не стала приманкой для сенаторов и те не захватили ее, вытеснив всадников...

— Пусть так, но я увеличу размер хлебной раздачи и привлеку плебс на свою сторону. Сделаю его грозным орудием на случай борьбы с торговым сословием.

— Чрезмерные раздачи хлеба окажутся не под силу республике! — вскричал Скавр.

— Почему же? Излишек потребных на это расходов можно покрывать выпуском медных динариев одновременно с настоящими, серебряными.

Скавр подумал, улыбнулся:

— Клянусь Меркурием, ты умно придумал! — сказал он с восхищением.

— Затем, — продолжал Друз, — необходимо распределить между колонистами нерозданные пахотные земли... Мой отец обещал это сделать, и мой долг как сына, — покраснел он, — исполнить его намерение.

— Ты, конечно, говоришь о сицилийских землях? — вскричал Люций Красс.

— О сицилийских и кампанских.

Скавр задумался.

— В борьбе с всадниками нам необходимо опираться на плебс, — сказал он, — и ты правильно поступил, задумав провести хлебный и колониальный законы. Благодаря этому к тебе примкнут пролетарии.

— Я не сомневаюсь в этом, но проводить закон о передаче судов сенату, а затем остальные законы — значит, ничего не достигнуть. Необходимо поразить купеческое сословие, а дать хлеб и колонии плебеям всегда успеем.

— Что же ты решил?

— Я хочу соединить эти законы в один и одновременно подвергнуть их голосованию. Люди, желающие хлеба и колоний, должны будут поневоле голосовать и за третий закон.

Скавр улыбнулся.

— И это умно, — согласился он, — но все твои законы, кроме судебного, напоминают *leges Sempronii*¹.

— Ну что ж? Хлебный и аграрный необходимы. Гай Гракх опирался на плебс и всадников, а я — только на плебс. И, конечно, для предотвращения смуты в республике аристократы должны раздать свободные земли и не оставить будущим демагогам для раздачи народу ничего, кроме уличной грязи и утренней зари.

— Хорошо сказано! — вскричал Люций Красс. — Ты, дорогой мой, хотя и стоишь за сенат, а не за комиции, лучший преемник и ученик Гракхов. Пусть помогут тебе всемогущие боги в твоих справедливых дерзаниях!

---

¹ Семпрониевы законы (название законов Гракхов).

Законы Друза, под названием Ливиевых, едва не были провалены общими усилиями разъяренных всадников и крупных землевладельцев Умбрии и Этрурии, опасавшихся, что у них отнимут казенные земли, которые они обрабатывали в свою пользу. Особенно мешал консул Филипп, приспешник всадников.

Он высказался против закона, и Друз приказал Мульвию, своему виатору, воздействовать на непокорного. Мульвий сжал Филиппу шею с такой силой, что у консула хлынула кровь горлом и носом.

— В тюрьму его, в тюрьму! — кричал Друз.

И Мульвий потащил упиравшегося магистрата с помощью толпы по улице.

Законы прошли при содействии италиков — мелких земледельцев.

Геспер и Виллий поддерживали Ливия Друза: они вербовали сторонников, убеждая отстоять народного трибуна. Особенно старался Виллий: невзрачный, хромоногий, он проводил свободное время на форуме и ревностно защищал идеи Друза. Геспер же несколько охладел; после стольких неудачных восстаний сомнение начало закрадываться в его сердце, а предательство Мария поразило его до такой степени, что он стал подумывать о продаже своей виллы, лавки и дома и об отъезде в Афины. Но его друг Люцифер отговорил его, намекнув на брожение среди союзников. Время шло — италики не восставали, и сомнения опять стали терзать Геспера.

Ливиевы законы ободрили колеблющихся, плебс усилился. Видя это, всадники стали подстрекать Филиппа к решительным действиям, и консул, выступая на форуме, заявлял, что управлять с таким сенатом невозможно, — республика погибнет, и нужно заменить собрание мертвецов людьми живыми.

Сенат, боясь объединения Филиппа с нобилями и всадниками, обвинил Ливия Друза в государственной измене (ни для кого не было тайной, что Друз ведет переговоры с союзниками, обещая им права римского гражданства) и решил возвратиться к прежним порядкам.

После отмены Ливиевых законов плебеи приуныли. Всадники торжествовали. Друз был спокоен. Друзья уговаривали его воспользоваться правом народного трибуна для отмены нелепого постановления, но он отказался, не желая идти против власти.

Смеркалось. Толпы плебса провожали его по многолюдным улицам. Дойдя до дома, он хотел было обратиться с речью к народу — и не успел: громко вскрикнув, упал перед статуей своего отца, смутно белевшей в темноте. Друзья бросились к нему. Он был в беспамятстве. В боку у него торчал сапожный нож. Его положили на ковер и внесли в светлый атриум.

Домашний врач, седобородый грек, искусно перевязал рану и привел Друза в чувство.

Открыв глаза и увидев столпившихся вокруг него друзей и слуг, народный трибун выговорил срывающимся голосом:

— Это он убил... он...

— Кто? — вскрикнули друзья.

Мульвий, стоявший у двери, подошел ближе.

— Он... отравитель Метелла...

Мульвий знал. Это был злодей, подкупить которого было не трудно; некогда популярен, потом сторонник Меммия, он после убийства своего господина стал наемным убийцей.

— Не беспокойся, господин, — вымолвил Мульвий дрогнувшим голосом, — ты будешь отмщен. Не успеет Веспер слететь на землю, как голова злодея будет у твоих ног.

— Ты все такой же, Мульвий! — вздохнул Друз. — Преданный, самоотверженный и честный...

И, обратившись к друзьям и родным, спросил:

— *Esquandone, propinqui amicisque, similem mei civem habebit respublica?*¹

Смерть приближалась. Друз еще боролся с нею, когда в атриум вошли Телезин и Лампоний.

Друз узнал их, слабо улыбнулся.

---

¹ Родные и друзья! Разве будет республика иметь гражданина, похожего на меня? (*Лат.*)

— Друзья, — зашептал он, — я умираю... А вам остается восстать и силой оружия завоевать права гражданства.

— Клянемся Марсом, что так и будет! — ответили союзники, подняв руки.

И, преклонив колени, они поцеловали свесившуюся с ложа бледную руку Друза.

Трибун отходил. Он метался, бредил. Склонившись над ним, родные, друзья и союзники прислушивались к его словам, но ничего не могли разобрать.

И вдруг прерывистый шепот заставил их насторожиться:

— Союзники... борьба...

Двое встали с колен, подали друг другу руки.

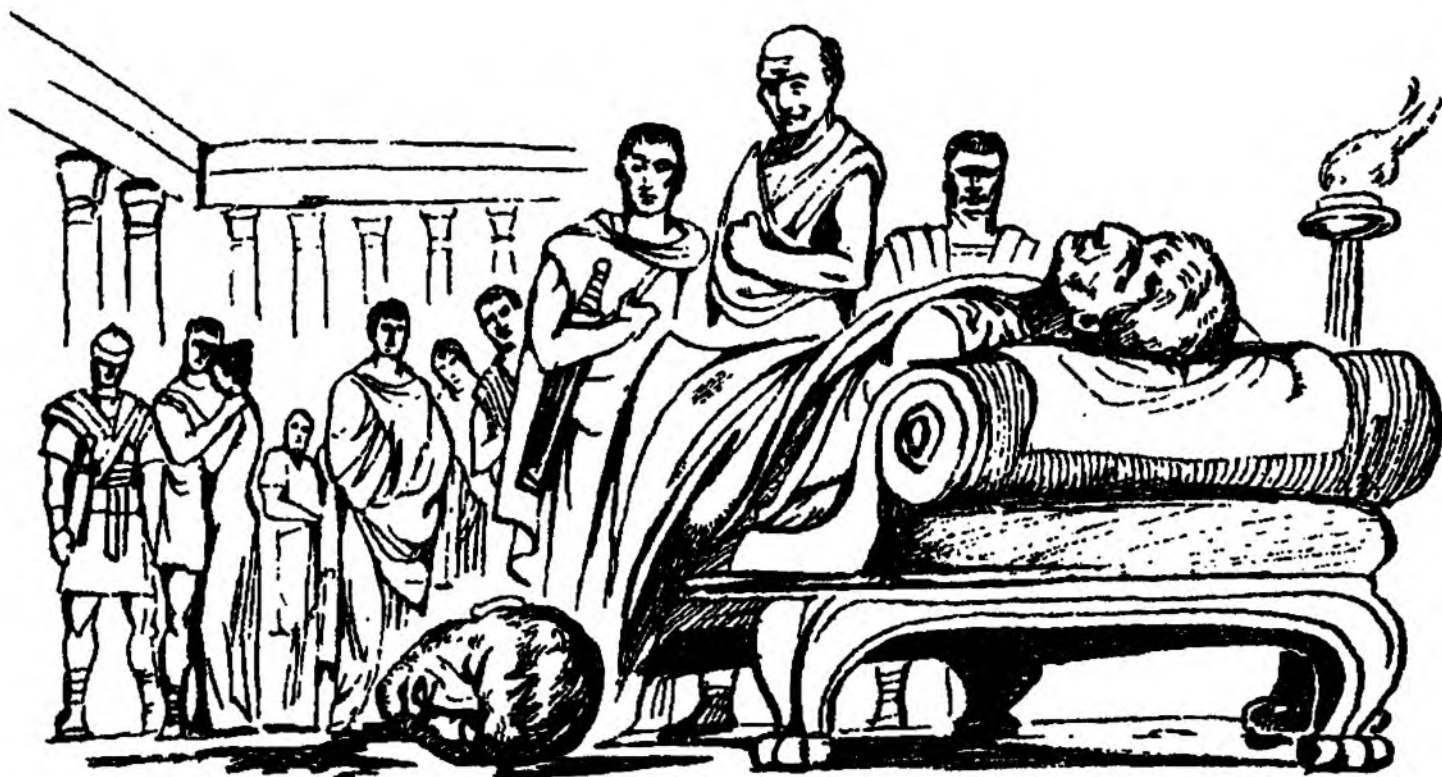
— Война, — сказал Телезин. — И лучше смерть в бою, чем жизнь под ярмом!

— Война! — повторил Лампоний, ударив по мечу.

Друз лежал в атриуме, плакальщицы выли, флейты звенели, толпы народа входили проститься с покойником, и у всех на устах было одно слово:

— Убийца — оптимат.

После третьей стражи к дому примчался Мульвий на взмыленной лошади. Толпа расступилась, и он, быстро спешившись, спросил:

— Жив?

— Умер, — ответил кто-то из толпы.

Мульвий стоял в раздумье, с кожаным мешком в руке, и вдруг решительно вошел в атриум, растолкал народ и выбросил из мешка окровавленную голову. Она покатилась по полу, пятная его, и, ударившись о ножку ложа, остановилась.

Мульвий поднял голову.

— Видишь, господин мой, Марк Ливий Друз? — прокричал он напряженным голосом. — Вот у ног твоих голова подлого убийцы...

И со злобой, исказившей лицо, он ударом ноги отбросил голову.

Глава XLVI

Весь Рим говорил о золотой статуе, воздвигнутой мавританским царем Бокхом в Капитолии. Литая, она ярко сверкала на солнце; Бокх указывал на коленопреклоненного полунагого Югурту, который со связанными позади руками находился перед Суллой, восседавшим на возвышении, окруженном легионариями.

Толпы народа валили на форум, чтобы взглянуть на фигуру поверженного нумидийца.

Марий, узнав о статуе, возвеличившей Суллу, заболел. Вызванный врач нашел у него сердцебиение и посоветовал лежать и пить настой каких-то трав. Но Марий грубо оборвал его речь и, взмахнув волосатым кулаком, вскочил на ноги.

Испуганный врач с криком выбежал из кубикулюма. Юлия догнала его в атриуме и, вручая серебро, извинилась за мужа. «Зависть», — подумала она, и ей захотелось смешаться с толпой, слушать речи о Сулле и смотреть на его лицо долго, долго...

Она стояла, не спуская глаз с отлитого лица Суллы. И вдруг вскрикнула: у статуи стоял сам Сулла и что-то говорил. Она протиснулась в толпе и ясно услышала слова, выговариваемые звучным голосом:

— Нас, римляне, было около шестидесяти всадников, а врагов больше тысячи, и когда нумидийцы вздумали отбить царя, я повел свой отряд и рассеял это стадо баранов...

Восторженные крики покрыли его слова.

— С боем, — продолжал Сулла, — я пробился сквозь многочисленное войско и доставил Югурту в римский лагерь...

Толпа простодушно верила каждому слову Суллы, но Юлия, понимала, что он, хвалясь, превозносит себя, и — странное дело! — это хвастовство не возмущало ее. Она продолжала смотреть на него с немым обожанием...

Сулла поднял голову. Его голубые глаза обратились к Юлии, и на лице мелькнула улыбка. Юлия, вспыхнув от стыда, бросилась бежать, опасаясь, как бы ее не узнали в толпе и не донесли мужу.

В слезах возвратилась домой. Страстно желала видеться с ним и не знала, как поступить: написать ему эпистоле? Искать встреч в домах патрициев? Ей было известно, что Сулла бывает у Метеллов, но те ведь могли не принять жену Мария. А муж способен на все: может оскорбить или ударить. Дома не было покоя — Марий, казалось, взбесился: он бросался на всех, ломал вещи, в каждом слове усматривал превратный смысл, в

каждом поступке — злой умысел. Повсюду мерещились ему козни Суллы, слышалась его хвастливая, насмешливая речь, и он ругал своего соперника, дикими выкриками пугая рабов.

По ночам часто просыпался, облитый холодным потом, зажигал свет и кого-то искал по углам... Напрасно Юлия успокаивала его. Марий орал, что весь Рим и италийские города в заговоре против него.

Друзья успокаивали Мария, пытались внушить ему, что один подвиг Суллы не может затмить многих дел Мария, но он подозрительно смотрел на них, ища в выражении лиц скрытую насмешку. Только когда Цинна предложил однажды свергнуть золотую статую, воздвигнутую Бокхом, настроение Мария переменялось, и он радостно ухватился за эту мысль.

Однако попытка потерпела неудачу. Клиенты и рабы, посланные ночью на форум, были жестоко избиты сторожами, преданными Сулле, задержаны и допрошены. И хотя ни один не выдал своего господина, Сулле все же удалось узнать от эдилов, что в этом покушении был замешан его враг.

Неудача повергла Мария в тяжкое уныние. Он не мог ни есть, ни спать, ни работать. Его настроение стало настолько мрачным, что Юлия настояла на немедленном отъезде за город. Но накануне отъезда с ней произошел случай, перевернувший ее жизнь.

Глава XLVII

В то время как Марий навещал друзей, чтобы проститься и заручиться их извещениями о событиях, которые могут произойти в его отсутствие в Риме, Юлия, приказав рабыням укладывать в сундуки женские одежды и украшения, прошла в сад. Деревья, заботливо посаженные Марием ко дню ее свадьбы, разрослись и теперь отбрасывали длинные тени.

Юлия села на мраморную скамью под дубом. Уезжать из Рима не хотелось. «Он, всюду он: и во сне и наяву. Когда же я освобожусь от этого наваждения?..»

Сзади слышался легкий свист. Она обернулась, но из-за листвы ничего не увидела. Встала и, обойдя дуб, подошла к туфовой стене. Свист повторился. Она подняла глаза и увидела человека, сидевшего верхом на ограде. Это был старый красноносый карлик с седыми волосами.

— Привет госпоже, хранимой богами! — сказал он, подняв руку, в которой держал эпистолу.

Юлия молча наклонила голову, сердце ее забилося. Навощенная дощечка упала к ее ногам. Юлия не решилась ее поднять.

— Торопись, госпожа!

Очнулась, вскрыла письмо. И, запыхав, шепнула:

— Иду.

Тихо пробралась в кубикую, переделалась и, сказав рабыням, что отправляется в храм Меркурия помолиться о счастливом путешествии, вышла на улицу.

У Мугонских ворот увидела карлика. Оглянувшись на нее, он пошел впереди; свернул в одну улочку, в другую и наконец остановился перед невзрачным домиком.

— Господин зовет тебя, — шепнул карлик и, распахнув дверь, пропустил ее вперед.

Она очутилась в небольшом, чрезвычайно чистеньком атриуме. Сулла сидел у водоема. Солнечные лучи, проникавшие сверху, освещали его лицо, зажигая волосы на голове.

При скрипе двери он встал.

— Я знал, что ты придешь, — просто сказал он, сжимая ее руки. — Ты не могла не прийти...

— Пощади меня...

— Юлия!

Она молчала.

— Помнишь нашу первую встречу? Юлия, ты тогда меня любила...

Юлия не знала, что ответить. В его глазах была необыкновенная суровость, испугавшая ее.

— Большая преграда разделяет нас, Юлия! Мы пошли разными путями. Ты — жена Мария...

— Зачем же ты позвал меня, Люций Корнелий? — упрекнула она его.

— Я позвал тебя, чтобы ты потребовала у Мария развода...

— А потом?

— А потом пусть свершится уготованное богами!

Она опустила голову. Вспомнились долгие бессонные ночи в думах о нем, вести из далекой Азии о громких победах над Митридатом, о переговорах с парфянами на берегу Евфрата. Он был величествен и любил похвалиться своим счастьем. Чем же она пленила этого полководца? Юностью? Улетела...

Они долго молчали. Наконец Сулла сказал:

— Помнишь, Юлия, ты была в моей власти, когда я спас тебя от пьяных всадников? И теперь ты тоже в моей власти...

— Тогда я верила в тебя, Люций!

— А теперь?

— Верю еще больше.

Он засмеялся.

— Кубикулюм готов для нас — ложе усыпано цветами... Пойдем...

Она вспыхнула. Сулла провел рукой по затуманившимся глазам и тихо вымолвил:

— Пойдем. Разве мы не любим друг друга?

Не дожидаясь похорон Друза, Телезин и Лампоний, в сопровождении Мульвия, помчались, загоня лошадей, в Аскулум, главный город области пиценов, где надеялись увидеться с вождями, готовящими племена к восстанию.

Вскоре города всколыхнулись, воинственный клич разнесся по всему полуострову, и союзники, поставлявшие в мирное и военное время конницу и пехоту для легионов, подняли оружие против Рима.

КНИГА ВТОРАЯ * ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Глава I

Марий, толстый, обрюзгший, слабосильный старик, чувствовал себя плохо: ревматизм не давал покоя, но идти нужно было в поход — Сулла мог вырвать из-под носа победу. И Марий отправлялся, проклиная свою жизнь, судьбу и более всего — гордого патриция.

Сулла, улыбаясь, смотрел, как грузного и одряхлевшего Мария подсаживали на коня, как он ехал, покачиваясь, хотя и старался держаться прямо.

— Где ему воевать! — громко смеялся Сулла в кругу друзей. — Клянусь Венерой, он даже не сладит со своей женой! Настоящая развалина! Куда они едут? — спросил он одного из вольноотпущенников и узнал, что Марий вместе с консулом Рутилием Лупом выступает во главе легионов в область вольсков.

«Это его родина, — подумал Сулла, — местность он знает, и победа над врагом обеспечена. Пусть так, но я должен затмить его своими успехами, чтоб говорили обо мне: «Вот он, слава и надежда Рима».

Уверенный в успехе, он весело прощался накануне отъезда из Рима с друзьями, бывшими женами и любовницами. Сначала он посетил свою первую жену Илию, от которой у него была дочь, и подарил обеим золотые сережки; затем Элию, и ей — фибулу, усыпанную хризопрасами, потом Клелию, с которой развелся из-за ее бездетности (он любил ее больше всех жен), и вручил ей золотой браслет, унизанный гиацинтами; приласкал Арсиною, вызвал эпистолой Юлию — жену Мария, и простился с ней (обеим подарил по цисте с драгоценностями), а затем отправился к Тукции.

В лупанарии он пробыл недолго. Узнав, что патриций уезжает, Тукция заплакала. Это растрогало Суллу, и он подарил ей горсть динариев.

Он видел, как на войну собираются Серторий, Цицерон, Лукулл, Цинна, Сульпиций Руф, Марий Младший, патрицианская и всадническая молодежь и волунтари — вольноотпущенники, составившие двенадцать когорт. Из вилл, деревень и городов стекались добровольцы; бедные и богатые, они шли, чтобы отстоять свои римские права, усмирить восставшие племена, которые посягали на гражданство и хлебную тессеру.

Геспер и Люцифер на войну не пошли: они считали преступлением идти против союзников, за дарование прав которым боролся Фульвий Флакк.

Этрусская вилла, подарок покойного господина, процветала под наблюдением Люцифера, да и сам Геспер часто наезжал из Рима.

За несколько дней до войны он беседовал с Люцифером о мергеле для удобрения пашен и утучнения лугов.

— Британский мергель действует восемьдесят лет, лучше его нет, — говорил Геспер, высыпая ему на ладонь серебристый порошок, — но купцы дерут за него втридорога, и я отказался. Сделаем так же, как соседи: для пашен я куплю аканумаргу, то есть негорький мергель, красноватый; он дает плодородие полям на полвека. А для лугов куплю глиссомергель сладкий, и тридцать лет скот будет обеспечен хорошей травой. Не забудь, что мергель употребляется с навозом; для сухой почвы жирный, для мокрой — сухой, а для средней — глиссомергель, состоящий из сукновального мела.

Люцифер кивнул и спросил:

— А олива и виноград?

— Оливковые посадки и виноградник будешь удобрять известью. Из нее же приготовишь замазку. Возьми свежей извести, погасишь ее вином, добавишь свиного сала и смоквы и будешь толочь, пока она не станет вязким тестом. Такая замазка тверже камня.

Уехав в Рим, Геспер вскоре вернулся с вестью о войне. Нужно было спасти имущество, и он приказал грузить на повозки все, что было ценного, а дом заколотил и людей отпустил.

— Конец всему! — хмуро сказал он, садясь на лошадь. — А ведь можно было бы избежать войны, если бы сенат принял закон Фульвия Флакка.

Он ударил коня бичом и поскакал по дороге в Рим.

Глава II

В Рим приходили известия о победах и поражениях римлян. Сенат, надеявшийся быстро справиться с союзниками, сразу увидел, что легионам придется бороться с врагом опытным, хорошо подготовленным.

Все знали, что душой восстания был Квинт Помпедий Силон, лучший друг Ливия Друза Младшего, и сенат старался узнать, куда девались и что делают остальные друзья убитого трибуна. Мысль об измене страшила отцов государства, и когда соглядатаи донесли, что большинство друзей, вместе с Сульпицием Руфом, отправились против союзников, сенат приказал учредить над ними надзор и в случае предательства убивать на месте.

Сульпиций служил легатом при консуле Публии Рутилии Лупе и был его любимцем. Муж знатный, богатый, с большими связями, он учился ораторскому искусству под руководством видных риторов, и когда вспыхнула Марсийская война — растерялся, не зная, на чью сторону стать: разделяя идеи и стремления Марка Друза, которого он любил и уважал, будучи сам патрицием и потому приверженцем олигархов, Сульпиций не мог примкнуть к угнетенным народам, считая это изменой родине, и после долгих размышлений отправился воевать.

Он видел поражения и гибель Рутилия Лупа, незначительные победы Мария, а когда приходили вести об успехах Суллы, и Марий бесился, Сульпиций пожимал плечами.

Однажды Сулла помог Марию разбить марсов и уничтожил более шести тысяч человек, укрывшихся в виноградниках.

Когда часть победы была присуждена войсками ненавистному патрицию, Марий упал духом: «Неужели я разучился побеждать? — думал он. — О боги, сжалятесь над стариком, любящим родину!»

Он сидел в шатре рядом с Суллой и слушал речь соперника, тормоша усы и сдерживаясь, чтобы не наговорить глупостей. Сулла спокойно говорил о необходимости выставить сторожевые посты вдоль латинокампанских берегов, упомянул об успехах Люция Юлия Цезаря при Ацеррах и Помпея Страбона в Пиценском округе и прочитал несколько слов из эпистолы римского друга:

«Сегодня торжественно хоронили Рутилия Луна и погибших патрициев. Рим в трауре, на лицах граждан скорбь. Сенат постановил, чтобы погибшие на войне не привозились больше в Рим, а хоронились на поле битвы, — мудрое решение! Разве вид похорон не может содействовать упадку духа граждан?»

Год борьбы уже на исходе, а римляне не постигли в боях существенных успехов. Народ приуныл. Все думают, что боги, недовольные квиритами, шлют им тяжкие кары. И только полученное на днях донесение о победах Цезаря и Страбона воодушевило римлян. Сражайтесь же храбро, друзья и наши защитники, и не посрамите орлов дорогого отечества!»

Марий был мрачен. Он тоже получил эпистолу, но о ней молчал: Юлия писала, что сенат порицает его за нерешительность и медлительность, а всадники и народ считают его одряхлевшим стариком.

«Ему шестьдесят шесть лет, говорят всюду и удивляются, что ты вздумал воевать. Я и друзья советуем тебе возвращаться в Рим. Из южных войск отзывают в Рим Люция Юлия Цезаря — не оттого, что им недовольны, а оттого, что он выбран цензором.»

— Гонец из Рима! — объявил караульный легат.
— Пусть войдет, — хмуро вымолвил Марий.

Взяв из рук гонца несколько эпистол, он хотел отложить их, но тот указал на свернутый в трубку пергамент с печатями:

— Срочное приказание сената.

Марий сорвал печати, и лицо его побледнело. Но, желая скрыть свое волнение, притворился довольным:

— Наконец-то сенат внял моим просьбам и освободил меня от военной службы! Я болен, друзья, и передам легионы Люцию Порцию Катону, как только он придет из Этрурии. А тебе, Сульпиций, сенат приказывает отбыть в страну пиценов, под командование Помпея Страбона. — голос его дрогнул...

— А известно ли вам, друзья, — сказал Сулла, — что я принимаю кампанские легионы от Цезаря? Я получил ночью приказание сената...

— Почему же ты молчал?! — крикнул Сульпиций. — Мы бы выпили за твое здоровье и успехи легионов!

— Выпить никогда не поздно. Итак, первый фиал — за Гнея Помпея Страбона, с которым я одерживал победы над пиценами! Второй — за его помощников Метелла Пия и Люция Цинну! А третий — за тебя, нового его сподвижника!

— Когда мы побьем марсов, — улыбнулся Сульпиций, — то принесем Марсу немало благодарственных жертв!

— Жертвы можно принести и теперь, — возразил Сулла, — но пока жив Помпедий Силон, дым от них будет горек...

Выпив кубок вина, он встал:

— Пора ехать. Помните, что враг не дремлет.

«Гней Помпей Страбон, консул и пиценский полководец — сенату и римскому народу.

Милостью богов Аскулум пал. Юпитер, Минерва и Беллона обещали победу римским легионам: так говорили авгуры, возвещавшие волю бессмертных, так сказали небожители, явившись мне в чудесном сновидении. Я видел, как отец богов метал молнии в бегущих. Копьедержательница поражала их, а Дева-лучница осыпала стрелами. Слава богам! Потери мои невелики, и я иду дальше, памятуя об отвоевании отпавших от нас земель и об усмирении непокорных племен».

Хорошее настроение Страбона увеличилось, когда поступили донесения от Квинта Метелла Пия и Гая Люция Цинны: оба помощника сообщили, что марсы сложили оружие, а Квинт Помпедий Силон бежал к самнитам. Эпистола Метелла кончалась словами:

«...Боги с нами, и да пребудут с тобой и с твоими легионами,»

а Цинны — проклятиями:

«...Пусть поглотит Тартар Помпедия, который, несомненно, возобновит борьбу!»

Глава III

По зеленой равнине, исчерченной серыми дорогами и берегами узкой, но глубокой Пескары, шли толпы народа — старики, женщины и дети.

Впереди белела Италика, недавно еще скромная и малонаселенная, а теперь шумная столица восставших племен. Здесь заседал сенат из пятисот человек, чеканилась серебряная монета, с надписями на латинском и самнитском языках, а на форуме происходили народные комиции, похожие на римские.

В этот день сенат сзывал в столицу горожан и земледельцев всей области, но пришли только старики, женщины и дети. Все мужи и юноши находились в легионах, и даже мальчишки собирались на войну. Несмотря на это, народу собралось много.

Небольшая площадь с возвышением, на котором стоял Квинт Помпедий Силон, не могла вместить всех прибывавших, и они взбирались на крыши зданий, на колонны портиков и храмов, чтобы услышать, что скажет любимый вождь.

— Братья, — звучным голосом заговорил Помпедий, — час нашего поражения еще не наступил, но уже близок. Хищная римская волчица терзает нас. Мы разбиты, наши когорты не в силах бороться, и наши мужи готовы сдаться на милость врагов. Мы стремились покорить римлян и основать новое государство. Мы — люди и жаждем человеческих прав и свободы. Кто желает бороться, пусть идет в легионы, а трусы, предпочитающие рабство, пусть остаются в городе и ждут кровожадных палачей!

— Веди нас! — закричала толпа. — Все пойдем!

— Останутся только старухи и дети!

— Веди!

Седобородое лицо Помпедия осветилось радостной улыбкой.

— Братья, враг приближается. Но прежде, чем мы отправимся, поклянитесь бороться до конца.

Он стал медленно произносить слова клятвы, а толпа хором повторяла их...

Сулла покорял Кампанию. Его легионы взяли и разрушили Стабию, потом пал Геркуланум, а Помпея сопротивлялась.

Полководец понимал, как важно овладеть ею: она была общей пристанью Нолы, Нуцерии и Ахерр. Объезжая городок, он смотрел на величественный Везувий, поднимавшийся над городами и деревнями, покрытый зелеными полями, поглядывал на Суррент и на мыс Сиренус, где возвышался храм Афины, сооруженный, по преданию, Одиссеем, и всюду глаз встре-

чал виноградники и оливковые посадки. Вспоминался Венафр, славный прозрачным, как мед, оливковым маслом; его долины и крутобокие белогрудые девы.

Взяв Помпею, Сулла двинулся на юг. Военное счастье сопутствовало ему: разбив союзников при Ноле, он вторгся в Самниум и, узнав от разведчиков, что римское войско окружено противником, перешел через дикие, почти неприступные горы, по крутым тропам, вьющимся над пропастями, и ударил самнитам в тыл. Помпедий отступил. Но даже после поражения при Авфиде, где силы союзников были почти уничтожены, он продолжал держаться, ведя свои легионы на приступ с неизменным кличем:

— За независимость!

Его любили, перед ним преклонялись. Весь Самниум говорил: «Пока жив Силон — у нас есть родина!»

Его многочисленные отряды состояли из стариков, мужей, юношей, женщин, девушек и мальчиков, знавших, за что они борются. И мысль о прекращении военных действий и подчинении Риму никому из них не приходила в голову.

Претор Метелл Пий, оттеснив самнитов в Апулию, внезапно напал на них. Битва продолжалась весь день и всю ночь. Самниты не устояли, и храбрый Помпедий Силон пал в смертельной схватке с Метеллом Пием. Рядом с ним рубился Понтий Телезин: он отогнал Метелла от раненого вождя, который говорил с усилием:

— Обещай, Понтий... до конца!

— Отец! — с горестью воскликнул Телезин. — Обопришь о мое плечо... Отец!..

Сдерживаясь от рыданий, он обхватил Силона и, продолжая отбиваться от напиравших на него римлян, вынес его из боя.

Вечерело. Солнце садилось за горами Самниума, и длинные тени их ложились на равнину. И по мере того как уходило солнце, Телезину казалось, что уходит и жизнь полководца... Зачем воевать? Кто поведет теперь воинов? Чей победный клич будет их воодушевлять перед жаркими схватками, во время боев и преследований врага?

— Отец!

Он положил его под развесистым деревом и смотрел на бледное седобородое лицо, сжимая меч. Из широкой раны в боку лилась кровь, и помочь было нельзя.

— Отец, скажи хоть слово...
Рыдание вырвалось из груди
Телезина. Упав на колени, суровый
воин коснулся рукой лица Помпедия.

— О, не уходи от нас, душа Самниума, сердце нашего народа! — шептал он. — Ты один способен повести нас к победам...

Глаза Силона открылись.

— Понтий, почему ты здесь? Твое место там...

— Отец...

— Иди, сын мой, борись и побеждай...

Голос его дрогнул, глаза сомкнулись, тяжелый вздох вырвался из груди.

Телезин нагнулся к нему, прижался головой к его сердцу. Не билось. Встал и, сорвав ветвь, бросил ее на труп. А затем, не оглядываясь, побежал туда, где кипел яростный бой.

Глава IV

Мульвий нашел Телезина и Лампония в шатре. Они молча сидели над остатками скудной пищи. Вести были нерадостные: Страбон подавил восстание в горах, Метелл Пий захватил Венузию и три тысячи пленных, Сулла отнимает у самнитов кампанские города...

— Не разделиться ли нам? — предложил Лампоний. — В Лукании и Бреттии можно еще продержаться.

— Хорошая мысль. Необходимо спасти войско.

— Я отойду в Луканию, а ты?..

— Я разделю свои легионы на небольшие отряды и буду тревожить римлян.

— Мульвия пошлем в Азию просить помощи.

Лампоний кивнул и вышел из шатра, решив немедленно выступить в поход.

Была лунная ночь, когда его легионы молча уходили в серебристую даль.

Лампоний ехал верхом впереди войска. Рядом с ним покачивалась на коне юная луканка с копьем в руке — его жена. Оба не сказали ни слова во время

всего перехода. А когда войско подошло к реке и Лампоний приказал бойцам расположиться на привал, она повернулась к мужу:

— Долго ли нам еще воевать?

— До самой смерти, — ответил вождь и протянул ей руку. — Видишь эти звезды? Они бессмертны, и так же бессмертна наша воля к борьбе.

Луканка легко спрыгнула с коня и, взяв его под уздцы, спросила:

— Мульвий с нами?

— Нет, остался с Понтием.

— Почему?

— Он едет в далекие страны просить помощи.

В следующие дни войска шли дальше. И чем больше приближались к Лукании, тем обширнее и пустынное становилась местность.

Однажды разведка донесла о наступлении римлян. Лампоний остановился, решив принять бой. Разбив лагерь на холме, он укреплял его несколько дней, поджидая неприятеля.

Римляне подошли ночью и, увидев спящий лагерь, бросились на приступ. Но не успели они приблизиться на расстояние полета стрелы, как лагерь ожил.

Лампоний различил смутные тени, бежавшие, пригибаясь к земле, по направлению к лагерю, и думал, как перехитрить противника. Он послал несколько когорт в обход наступавшему врагу, а сам приказал встретить римлян копьями и мечами.

После отчаянной схватки враг был отбит. Лампоний вывел войско из лагеря и стремительно ударил в растерявшегося противника. Уже светало, и широкая равнина окрасилась пламенем утренней зари. Обе стороны отчаянно рубились. Лампоний поскакал навстречу римскому военачальнику, призывающему громким голосом легионариев держаться.

— Стой, римская собака! — крикнул он, направляя на него коня. — Неужели ты побежишь перед варварами?

Центурион, презрительно взглянув, взмахнул мечом:

— Авл Габиний никогда не бегал перед луканскими лисицами, — ответил он и стегнул жеребца бичом.

Съехались. Военачальник искусно отражал удары, стараясь объехать Лампония, а тот пятился, притворяясь, что отступает. Габиний погнал на него коня. Лошадь Лампония взвилась на дыбы, и тяжелый меч упал на голову римлянина: блестящий медный шлем с конским хвостом, звякнув, свалился, и острое лезвие, вонзившись в левое плечо, рассекло грудь до самого сердца.

Увидев убитого вождя, неприятель стал поспешно отступать.

— Преследовать! — крикнул Лампоний.

Римляне гибли. Они спасались на обозных лошадях и мчались без оглядки из этих пустынных стран, населенных воинственными племенами.

Глава V

Наступала зима, и военные действия всюду почти прекратились. Пользуясь случаем, Сулла отправился в Рим, чтобы получить консульство. Он добился его без труда: союзническая война создала ему славу искусного полководца; рассказы о подвигах его украшались красивыми небылицами; патриции открыто восхищались им на форуме. Он стал кумиром женщин, но оставался спокойным и ко всему равнодушным.

Он подружился с Люцием Лукуллом, остроумным Сизенной и молодым щеголем оратором Квинтом Гортензием Горталом, который больше всего ценил в жизни красноречие, нарядную одежду и яства, а на плотские удовольствия смотрел как на приделки к ним, считая любовь естественным отправлением организма.

Зато Лукулл был полной противоположностью. Он происходил из знатного рода, был сыном сицилийского претора, который вначале удачно воевал с восставшими рабами, а потом был разбит ими, обвинен римскими магистратами в казнокрадстве и сослан. Метелл Нумидийский приходился молодому Лукуллу дядей со

стороны матери, гордой патрицианки Цецилии, знаменитой развратницы. Сам же Люций Лукулл, образованный, говорящий свободно на двух языках, тонкий ценитель красоты и в особенности эллинского искусства, был человек ласковый, обходительный, веселый. Побившись об заклад с Горталом, что изобразит Марсийскую войну, участником которой был, он описал ее греческой прозой, удивив друзей. Он вел строгую, нравственную жизнь, был небогат, горд, а с женщинами и девушками чрезвычайно робок и застенчив.

Сулла полюбил его и, стараясь привязать к себе, приучал к утонченному разврату, который ценил больше всего и который был, по его мнению, лучшим украшением мужа.

Посещая по-прежнему Метеллов, Сулла подружился и с Далматским, верховным жрецом, чья дочь Цецилия Метелла овдовела, лишившись строгого мужа Эмилия Скавра, и стремилась выйти замуж. Будучи прежде “зеркалом женской добродетели”, как ее величали в Риме, она после смерти Скавра вела распутный образ жизни, имела любовников и любовниц, и римляне шепотом называли ее *fellatrix*, а греки — трибадой. Это была еще не увядшая матрона, веселая, с мужественным лицом, твердостью в глазах и непреклонной волей, но крайне податливая в любви. Сулле она понравилась, он стал подумывать о женитьбе на ней, но опасался сплетен. Ночь, проведенная в ее объятиях, устранила всякие колебания, и он отправился переговорить с Далматским.

Метелл встретил его, как всегда, с радостью. Сулла заговорил о женитьбе на Цецилии и намекнул на ее поведение. Верховный жрец побагровел, еще мгновение — и готова была вспыхнуть смертельная ссора, но Сулла положил ему руку на плечо:

— Не обижайся на меня, прошу тебя — весь Рим говорит о вдове Эмилия Скавра как о проститутке, и не тебе, человеку честному, вводить меня в заблуждение. Боги свидетели, что я не хочу тебя обидеть. Она развратна, но понравилась мне, и я склонен на ней жениться. Однако на условиях, какие не замедлю сказать, лишь она появится здесь...

Метелл то краснел, то бледнел. Кликнул раба, написал несколько слов и приказал отнести табличку дочери. Заговорили о событиях в провинциях, о Митридате, который завоевывал Азию, и Сулла живо рассказывал о своих походах, о нравах и быте местного населения. Но Метелл его почти не слушал — мучила мысль, почему Сулла, консул, потомок древнего аристократического рода, желает жениться на развратнице: «Неужели влюбился? Нет, не может быть. Он не таков. В чем же дело? Может быть, он хочет унижить Цецилию в присутствии отца и обратить внимание сената и цензоров, что я, верховный жрец, не слежу за поведением дочери? Или же его прельщает большое приданое: земли, виллы, дома, слитки золота и серебра, множество рабов? Не понимаю...»

— Скажи, дорогой Люций Корнелий, — перебил он Суллу, — зачем ты хочешь жениться на немолодой женщине?

— Она мне понравилась. Она лучше многих матрон и девушек...

Ответ консула не удовлетворил Метелла.

— Пусть так, но, женясь на ней, ты не огражден от сплетен...

— Я не боюсь сплетен. Наше римское общество разлагается, как труп под африканским солнцем, и если Цецилия начала вести недостойную матроны жизнь, то лишь после смерти мужа. Ее заразили наши подлые нравы...

— Ты прав... А вот и она!

Цецилия вошла с улыбкой на губах. Она казалась значительно моложе своих лет: ни одного седого волоска, ни одной морщинки. Острый глаз Суллы сразу заметил, что она не румянится и не подводит сурьмой глаз, и это было приятно. Одета она была просто: стола из испанского полотна, роза в волосах, еще...

Больше не смотрел на нее, переведя глаза на Метелла.

— Садись, — сказал отец, не глядя на нее, — консул Люций Корнелий Сулла желает говорить с тобою.

Смеющиеся глаза ее скользнули по лицу Суллы, но тотчас же она склонила голову, и римская горбинка ее носа выделилась отчетливо.

— Цецилия, — сурово заговорил Сулла, и она с удивлением подняла голову, — твое поведение вызывает стыд Метеллов и сограждан... Думала ли ты об этом? Взгляни на меня: я, консул, пришел к твоему отцу не для того, чтобы унижать его и бранить тебя, а затем, чтобы сказать тебе: опомнись, Цецилия! Ты мне нравишься, и я хочу жениться на тебе... Но ты должна стать такой же добродетельной, как супруга покойного Скавра!

Цецилия сидела не шевелясь: по лицу ее катились слезы.

— Слышишь? — повторил Сулла.

Она подняла заплаканное лицо и, встав, протянула Сулле руки:

— Прости!

Но он не взял ее рук и сурово смотрел на нее.

Цецилия упала перед ним на колени.

— О господин мой, я все сделаю... Ты первый посмотрел на меня как на женщину, достойную любви!

— Встань! Те *amata cario!*¹

Метелл задрожал: это были слова, которые он говорил девочкам, когда выбирал их для служения Весте. И вот теперь это священное выражение повторял Сулла, обращаясь к его дочери... Но разве она достойна?

— Теперь, отец, освяти наш союз...

Но старик не двинулся с места.

— Дочь моя грешила во имя Венеры и пусть жертвами богине загладит свои грехи во имя чистой любви. И тогда лишь я смогу освятить ваш союз...

Старый, с трясущейся головой и близорукими глазами, он движением руки отстранил от себя дочь, низко поклонился Сулле и, взяв его тяжелую руку, прижал к своему сердцу.

---

¹ Беру тебя, возлюбленная. (*Лат.*)

Глава VI

Женившись на Цецилии Метелле, Сулла поселился в доме Эмилия Скавра не потому, что его привлекало богатство, а оттого, что супруга привыкла к роскоши и приучила к ней восьмилетнего своего сына.

Это был набалованный мальчик, и отчим относился к нему с равнодушием, но Цецилия, страстно привязанная к сыну, умоляла мужа полюбить его. В угоду жене Сулла пересилил себя: нанял для него учителей греков, следил за его образованием, играл с ним в мяч, чехарду, “цари”, “судьи”, “чет или нечет” и в монету. Подбрасывая вверх блестящий асс, Сулла спрашивал: «*Capita aut navia?*»²

Пасынок часто выигрывал, ласкался к отчиму и потом говорил матери:

— Отец очень добр...

Цецилия стала добродетельной женщиной, однако Рим, знавший ее прежнюю жизнь, не давал матроне покоя насмешливыми песнями, намеками, подметными эпистолами, которые злые люди незаметно подбрасывали на улице в ее лектику.

Тогда она плакала и жаловалась мужу. Но Сулла, равнодушно пожимая плечами, говорил:

— Не легко найти наглецов, которые занимаются этим? Но если же кто из них попадетя...

Он не договаривал и уходил в сад или на форум.

Однажды попался молодой человек. Он напевал, когда лектика с возлежавшей Метеллой медленно двигалась к толпе:

Много красивых,
Много веселых
В Риме толпится
Блудниц!
Всех же красивей
Наша Цецилия...

Помесь гетеры с ослом!

---

² Голова или лодка? (Лат.)

Невольник, шедший впереди лектики и расталкивавший народ, схватил певца за волосы и притащил к Цецилии, но плебеи шумели, и его пришлось отпустить.

— Выследить! — шепотом приказала Метелла.

И вечером молодой человек был снова схвачен.

Сулла ожидал преступника, прохаживаясь по атриуму. В руке он держал бич, униженный иглами и острыми крючками, вшитыми в кожу.

Увидев Суллу, певец упал на колени.

— Пощади, пощади! — закричал он в ужасе. — Накажи, как хочешь, но не бей, господин!

Сулла усмехнулся:

— Кто ты?

— Плебей.

— Чем занимаешься?

— Подручный скорняка.

— Кто научил тебя песне?

— Все поют, и я запел... Я не хотел оскорбить господа, клянусь Юпитером!

Сулла кликнул рабов:

— Раздеть его донага и завязать рот!

Певец вскочил:

— Господин, пощади, умоляю тебя именем твоей супруги!

Отчаяние исказило его лицо. Он растолкал рабов и бросился к двери, но Сулла загородил ему дорогу. Обезумев, плебей ударил консула в грудь с такой силой, что тот пошатнулся. Плебей распахнул дверь. Но тяжелый удар обрушился ему на голову, и он потерял сознание.

Очнувшись, плебей беззвучно зарыдал. Нагой, с туго зажатым ртом, связанный по рукам и ногам, с окровавленной головой, он лежал на полу атриума и смотрел сквозь слезы на консула, беседовавшего с супругой. Стоная от жестокой боли в суставах и напрягая все силы, он медленно переворачивался со спины на живот, опять на спину, пока не докатился до ног Метеллы. Она жалостливо взглянула на него и шепнула, повернувшись к мужу:

— Люций, не простить ли нам его?

Сулла засмеялся.

— Я не понимаю тебя...

— Он молод и глуп. Вот почему оскорбил меня.

— А меня, консула? Жена магистрата должна быть безупречна!

Она закрыла лицо руками и направилась в таблинум, но он остановил ее:

— Первый удар за тобой.

Побледнев, она взяла бич и легонько ударила плебея, но бич, казалось, прилип к спине; она рванула его, и крючки, вырывая мясо, закачались перед ее глазами.

— Как бьешь? — воскликнул Сулла и, вырвав у нее бич, взмахнул им изо всей силы.

Плебей, подпрыгнув на полу, привстал, но тотчас же грохнулся в беспамятстве.

— Эй, вы, — крикнул господин рабам, — облить его холодной водой и...

Задумался.

— ...освободить, простить, — подсказывала Метелла.

— Обезглавить, а труп бросить в Тибр.

Глава VII

Метелла больше всего любила удовольствия и наряды. На пиршествах она блистала баснословно дорогими одеждами, заказанными у лучших портных Эллады, и когда появлялась в них, сверкая драгоценными камнями и жемчугом в волосах, жены сенаторов и всадников сходили с ума от зависти. Красивая и привлекательная, она знала, что нравится мужу.

Сулла наблюдал за ней — развратница стала верной женой. Это радовало его, но он, холодный и равнодушный, принимал все как должное: и внимание жены, и ее любовь, и безукоризненное поведение. Никогда не вспоминал он ее прошлого, никогда не говорил с ней резко или грубо, и если иногда повышал голос, она подчинялась ему, стараясь угодить во всем, и целовала его руки, как рабыня, невзирая на запрет мужа.

Зная о пристрастии Суллы к пирам, Цецилия часто устраивала их, тем более, что и ее они развлекали.

Приближался день ее рождения, и в доме готовились к празднеству. Сулла решил пригласить самых близких друзей и знакомых.

В этот день Метелла обходила дом в сопровождении Ойнея, заведующего хозяйством. Это был лысый грек, раб-атриенсис¹, прослуживший в этой должности более тридцати лет при жизни Марка Эмилия Скавра.

Обширный атриум сверкал. Мифологические картины на стенах блестели свежей краской, кресла и биселлы были установлены на пушистых коврах, а в таблинуме столы, прикрепленные к стенам, устланы пурпуром с изображением нагих дев, напоминающих о молодости; вазы с дорогими цветами стояли на треножниках и круглых столиках. В кухне повар потел и суетился у огромного, ярко пылавшего очага, кричал и драл за уши медлительных помощников; эфиопы-истопники, переругиваясь, носили дрова; служанки-*delicatae* перекликались в кубикулюмах на варварских наречиях; брадобрееи, завивальщицы волос были готовы по зову господ к их услугам.

Метелла осталась довольна порядком, и, поблагодарив грека, протянула ему руку. Тот ее поцеловал, преклонив колено.

— Давно ты уже у нас, Ойней, — сказала госпожа, — ты верно служил старому господину, и я хочу наградить тебя...

— Госпожа моя, лучших хозяев, чем ты и твой покойный супруг, я не встречал в жизни...

— Я хочу отпустить тебя на волю...

Радость сверкнула в черных глазах Ойнея.

— Пусть воздадут тебе боги за твою милость, госпожа! — воскликнул он. — Но куда я поеду? Что буду делать? Родины у меня нет. То, что было, лежит в развалинах... Отечеством моим стал Рим...

— Чего же ты хотел бы от нас? — удивилась Метелла, не ожидавшая отказа.

---

¹ Слуга, в ведении которого находится атриум, *imagines*, картины, столовая посуда и пр.

— Госпожа, позволь служить тебе и господину до самой моей смерти!

Метелла молчала, потом тихо сказала:

— Ты, Ойней, честный и верный человек. Я посоветуюсь с господином, чем тебя наградить.

Она подошла к зеркалу, вделанному в стену: гладкая металлическая поверхность отразила лиловую тунику, вышитую золотом, надетую поверх второй, прозрачной, белую грудь и руки, как бы выточенные из мрамора; красные полусапожки с тесьмами, усаженными жемчугом, облегли ноги, а из волос, зачесанных в форме башни, торчали золотые и серебряные шпильки, сверкая рубинами и сапфирами.

«Понравлюсь ли ему? — подумала она. — А вот и он!» Сулла вошел в атриум и улыбнулся, увидев грека на коленях.

— Ты что, Ойней? Уж не влюбился ли в госпожу?

Атриенсис испуганно вскочил. Сулла, смеясь, хлопал его по плечу и повернулся к Метелле:

— Что случилось, Цецилия?

Жена объяснила.

— Да, да, наградить тебя нужно, — сказал Сулла. — Может быть, ты согласишься стать вольноотпущенником, если я подарю тебе лучшую лавку? Или доходный дом? Или виллу? Или дам денег на покупку лупанария?

— Воля твоя.

— Знаешь лупанарий у Целийского моста? Это лучший в Риме: он приносит большие доходы и славится самыми красивыми девушками... Но лено уклонялся от платежа налогов, и эдилы посадили его в тюрьму; лупанарий будет продан с публичного торга. И ты его купишь, Ойней!

— Воля твоя, — повторил грек, волнуясь: на лице его выступили красные пятна, а глаза жадно блестели.

— Я женю тебя на лучшей девице этом доме, — продолжал Сулла, — и ты будешь с ней счастлив. Хорошо?

Ойней упал на колени, схватил полу тоги и прижался к ней губами.

— О, господин! Ты добр не менее госпожи, и я всю жизнь буду молиться Зевсу-Громовержцу о вашем здоровье и благоденствии.

— Встань! Завтра получишь свободу и деньги, увидишь Тукцию. Она хороша и прекрасно знает свое ремесло. Иди.

Он остановился перед позолоченным изображением крылатой Фортуны, осмотрел статую Юпитера, Минервы, Нептуна, Аполлона, Дианы и Цирцеи — и остался доволен.

— Благодарю тебя, Цецилия, — улыбнулся он. — Прикажи подать на пиршестве абидосские устрицы и вина не сегодняшнего и не прошлого консулата, а также левкадское, лесбосское, тавосское, киосское, хиосское, кумское и родосское.

— А сколько будет гостей?

— Не меньше трех граций и не больше девяти муз. Это значило, что число собравшихся не превысит девяти человек и что они поместятся за одним столом.

— Кто же?

— Какая любопытная! Увидишь.

И он похлопал ее по щеке.

Глава VIII

За столом возлежали Сулла, Цецилия, верховный жрец Метелл Далматский, Люций Лициний Лукулл, консул Помпей Руф, молодой всадник Тит Помпоний, гистрионы Росций и Эзоп и канатная плясунья Арсиноя. Беседа велась о виллах, о лучших местностях в Италии, уготованных самими богами для отдыха, о морских купаниях, и Сулла утверждал, что его вилла близ Путеол, расположенная недалеко от морского берега, является чудом мира.

— Она находится в великолепном саду, — говорил амфитрион, — не уступающем садам Гесперид, а рядом шепчет солнечно-сапфировое море. И кругом тишина. Что может быть лучше для отдыха?..

— Конечно, твоя путеолская вилла прелестна, — сказал Росций, — но и Байи с их теплыми водами хороши. Вилла Мария...

— Да, прекрасна, — быстро продолжал Сулла, — но она не для плебея. Старый Марий уподобился женщине, и несколько дней в году, которые он там проводит, памятливы для окрестных жителей. Что он там делает? На песчаном морском берегу нежит, как боров, свою грузную тушу, и невольницы моют ее, выщипывая волосы; потом он купается и пьет из серебряного сосуда, употреблявшегося при служении Вакху...

— А я предпочитаю шумную жизнь Неаполя, — проглатывая устрицу, сказал Эзоп. — Люблю созерцать памятник сирене Парфенопе, гимназию, состязания эфэбов, посещать школы гладиаторов, участвовать в священных играх, которые происходят каждые пять лет: я состязуюсь в изящных искусствах, в ловкости метания диска, в беге и кулачном бою. Все напоминает о Великой Греции: и обычаи жителей, и язык, и греческие имена... О! Эллада, Эллада, мать искусства, философии и наук!.. В Неаполе нет недостатка в теплых источниках и купальнях, а подземный ход между Дикеархией и Неаполем — единственный в Италии: свет проникает на большую глубину через отверстия, пробитые в земле, и дорога для повозок и путников освещается ровным тусклым светом...

— Я забыл название — Дикеархия, — улыбнулся Сулла, — помню только Путеолы. Я люблю их: небольшой торговый пункт, стоянка кораблей, а за городом — Гефестов рынок...

— Ты говоришь о равнине, покрытой серой? — вскричал Эзоп. — Она печальна, как глаза этой невольницы...

Он указал на рабыню, наливавшую вино в бокалы.

— Это Рута, — сказала Метелла, — девочкой она была куплена Марком Эмилием Скавром в Заме... Подожди, Рута! Скажи, откуда ты родом?

— Госпожа моя, я из Иудеи, а попала в Африку случайно: родители мои умерли, а дед бежал от гнева синедриона и жестокостей Гиркана...

— Отчего ты грустна?

— Нет, госпожа, я весела...

Рабыня улыбнулась, но глаза ее по-прежнему были печальны.

— Земля велика и заселена множеством племен и народов, — сказал Тит Помпоний. — Иудея соприкасается со Счастливой Аравией, где живут эрембы, но ее угнетают жадные и безумные жрецы...

Сулла не любил за столом ни политических, ни чересчур умных бесед, предпочитая шутки, пение, смешные рассказы, игры и музыку.

— Твои познания делают честь твоему уму, Тит Помпоний, — заметил он, — но знаешь прекрасную пословицу: не засеяно поле — без забот хозяин. Так и ты: не сей мыслей за столом, чтобы не было забот хозяину...

Тит Помпоний пожал плечами:

— Если так, то позволь возразить тебе словами Менандра: маленькая выгода несет большой убыток. Разве было бы мало пользы от моих речей?

Но Лукулл шутливо захлопал в ладоши:

— Такая польза хороша для школьниц и для девочек, которых наставляют на путь Весты, не так ли, благородный Метелл? А мы далеки от школы и от весталок, как земля от солнца.

— Ты пьян, благородный Люций Лициний, — нахмурился Метелл Далматский.

— Оставь его, пусть говорит! — засмеялся Сулла.

По знаку госпожи вбежали танцовщицы, и флейтистки заиграли веселую песню. Хор девичьих голосов доносился из таблинума, и когда флейты умолкали, лиры строгими звуками сопровождали припев:

Слава жизни, песням, пляскам,
Слава девам, упоенным
И любовью, и вином!
Дионис, Дионис!

Слава доблестным героям
И эфебам из гимназий,
Гистрионам и борцам!
Дионис, Дионис!

Глава IX

Покорив Азию, Архипелаг, кроме Родоса, всю Грецию до Фессалии и народы, жившие у Понта Эвксинского и Эгейского моря, “Новый Дионис”, как величали Митридата эллины, проводил зиму в Пергаме.

Брак царя с Монимой, простой ионийкой, дочерью переселенца из Милета, возвысил Митридата в глазах демоса, хотя царь хотел первоначально купить связь с ней за пятнадцать тысяч золотых. Умная гречанка отказалась, и влюбленный Митридат принужден был предложить ей диадему, а ее отцу — управление Эфесом.

Празднества и увеселения продолжались в Пергаме всю зиму. Царь баловал молодую жену и был в хорошем настроении. Поручив своим полководцам — Архелаю и Неоптолему, дальнейшее покорение Эллады, он веселился, как легкомысленный юноша.

Мульвий прибыл в Пергам в дождливый день. Город показался ему пустынным, но когда Мульвий поднялся к акрополю, он увидел большую толпу народа, теснившуюся у дворца Атталидов.

С трудом добился он приема.

Митридат, окруженный вельможами, в дорогих эллинских и персидских одеждах, встретил его на пороге обширного простаса ласковой улыбкой и отошел к жертвеннику Гестии. Это был огромного роста муж, широкоплечий, порывистый, одетый в широкие желтые персидские штаны, расшитые красными узорами, и в пурпур; у пояса висел персидский меч с рукояткой, усыпанной драгоценными камнями. На красивом лице царя светились живые глаза, а длинные вьющиеся волосы прикрывали на лбу шрам, оставленный, как рассказывали, еще в детстве ударом молнии.

Царь только что принял сирийское посольство, предлагавшее ему корону Селевкидов и восторженно величавшее его продолжателем дела Дария и Александра Македонского, и поэтому был весел, со всеми ласков и доступен.

— Привет величайшему царю мира и полководцу, превзошедшему победами лучших стратегов, да сохранят его боги, — сказал Мульвий, наученный прибли-

женным царя, греком Каллистратом. — Шлют тебе привет и вожди римских союзников: отчаянно храбрый Понтий Телезин и отважный Марк Лампоний...

— Разве война с Римом еще не кончилась?

— Царь, мы держимся, но силы тают. Весь Самниум, Лукания и Бреттия обнимают твои колени и умоляют: «Величайший герой, пошли нам войска, помоги оружием и золотом: а мы поможем тебе обессилить и унижить Рим, обещаем союз всех италийских народов!»

— Друг, предложение твое заманчиво, но Рим, несмотря на его кажущийся распад, очень крепок...

— Царь, мы поможем тебе сокрушить его! Обессиленный, он отзовет легионы свои из Эллады...

Митридат наморщил лоб, губы его выпучились.

— Позвать Гермаиоса и магов, — обратился он к греку Каллистрату. — Послушаем, что они скажут.

Когда вошел главный жрец Гермаиос, старик в персидской одежде, а за ним — маги, Митридат спросил его:

— Отец, что написано на небе о борьбе моей с Римом? Следует ли вторгнуться нам в Италию?

Гермаиос глянул на Мульвия, и в глазах его сверкнул огонек.

— Великий царь, — медленно заговорил он дрожащим голосом, — о вторжении в Персию боги говорят так: «Путь твой не туда», а о завоевании Индии: «Великий Александр не покорил ее», о подчинении Италии: «Вспомни Ганнибала...» Поэтому, царь, отвергни предложение чужеземца и не искушай богов.

Маги поддержали Гермаиоса.

Митридат взглянул на Мульвия:

— Слышал, друг? Я только человек, а боги запрещают вступать мне на землю Италии...

Мульвий вышел со стесненным сердцем.

Два дня спустя он сел на торговое судно, отплывавшее в Брундизий, и, высадившись в Италии, тотчас же отправился к Телезину. Наступала весна, и вождь готовился к борьбе. Выслушав Мульвия, он вздохнул:

— Разве можно устоять против Рима? Но борьба необходима. Кто знает, что случится в будущем... Поезжай в Рим, свяжись с популярями. И если они придут к власти...

Не договорил. Мульвий понял. Простившись с Телезиной, он сел на коня и помчался по военной дороге, ведущей в Рим.

Путь был трудный. Десятки раз останавливали его стража, требуя предъявить пропуск, и он вынимал табличку с подписью и печатью Метелла Пия, которую добыл, убив в дороге сенатского гонца, возвращавшегося из лагеря Метелла.

Осторожный и осмотрительный, Мульвий вез в Рим сумку с донесениями сенату от римского полководца.

Глава X

После Союзнической войны (самниты продолжали бороться), когда вся Италия стала пепелищем и грудой развалин; когда сенат, обеспокоенный всеобщей нищетой, недовольством плебса и безвыходным положением земледельцев, не знал, как им помочь; когда войскам, ожидавшим отдыха, было приказано занять важные стратегические пункты на случай нового восстания рабов, — популяры внезапно появились вновь, как Минерва из головы Юпитера.

Мульвий пытался объединить нескольких товарищей, укрывавшихся в плебейском квартале, но они не знали его и боялись предательства. Когда же Мульвий узнал о возникновении нового общества популяров, он, не колеблясь, отправился к народному трибуну Сульпицию Руфу, на которого были обращены взоры всего плебса.

Сульпиций был человек смелый, дерзкий, готовый на отчаянную борьбу. Именитый и богатый, он отказался от патрицианской знатности и большого состояния, чтобы стать народным трибуном, потому что разделял стремление своего друга Ливия Друза и ратовал за спасение республики от развала, который готовили своими действиями и политикой всадники и сенаторы. Он уважал Сатурнина и старался подражать ему, но упрекал его в нерешительности, трусости и малодушии.

«Имей я столько же сторонников, как он, я заставил бы Мария провести законы: союзники и вольноотпущенники должны быть распределены по всем трибам и получить в них право голоса, — думал он, — а сенаторов, задолжавших две тысячи динариев, нужно лишить высокого звания... Поможет ли мне Марий? Говорят, что он — предатель. Хотел бы я знать, как поступили бы все эти болтуны, будь они на его месте!»

Окружив себя тремя тысячами сателлитов из среды пролетариев и плебеев, создав антисенат из молодых людей, принадлежавших к самым знатным фамилиям, Сульпиций решил провести ряд законов, но сперва хотел заручиться поддержкой влиятельных мужей.

Однажды, сидя на ступенях Капитолия, он беседовал с друзьями. Был вечер, форум опустел, и только несколько человек стояли у ростр; вскоре к ним подошел толстый, грузный, высокий Марий и, приказав следовать за собой, направился к Сульпицию.

— Привет народному трибуну!

— И тебе привет, великий Марий! — подняв руку, могучим голосом ответил Сульпиций.

— Боги, пекущиеся о Риме, надоумили меня встретиться с тобою. Распусти сателлитов по домам, а сам с друзьями зайди ко мне... О, кого я вижу! Телезин и Лампоний! Привет храбрецам...

Голос его осекся. Самнит и луканец молча смотрели на него с презрением.

— Друзья...

— Нет, враги, — ответил Телезин. — Вспомни Сатурнина, которого предал, вспомни войну, когда ты сражался против нас!

— И еще вспомни, Марий, смерть благородного Ливия Друза, — с ненавистью выговорил Лампоний.

Марий не сдержался:

— Я не понимаю, чего вы хотите! Сатурнин провозгласил себя царем, а на войну я обязан был идти — это долг римлянина. Друз же погиб не по моей вине...

— Лжешь! Ты обещал спасти трех вождей популяров — и обманул; ты, слабосильный старик, мог не идти на войну; Друза убили твои друзья — всадники, и ты не мог не знать об их замысле...

И, отвернувшись от него, оба вождя зашагали в сторону квартала, где жил плебс.

Отпустив сателлитов, Сульпиций указал Марию на молодого человека, стоявшего с ним рядом.

— Это мой друг Тит Помпоний, всадник, — сказал он. — Я пойду с ним к тебе.

Дорогой Сульпиций говорил, размахивая руками, как гистрион в театре:

— Не обращай внимания на речи Телезина и Лампония: оба — честнейшие мужи, но твои поступки не всегда казались им безупречными... Прошу тебя, не оправдывайся, — схватил он Мария за руку, — я верю тебе и недостойн выслушивать твои речи. Ты по-своему прав... Ну а я?..

Марий слышал о насилиях, производимых Сульпицием, об избиениях неугодных мужей и сказал со смехом в голосе:

— И ты по-своему прав.

Сульпиций захохотал.

— Мой антисенат еще не велик, но когда в него вступят шестьсот молодых людей из патрицианского и всаднического сословия, я начну действовать...

— Что же ты сделаешь? — с любопытством спросил Марий.

— Предложу ряд законов...

И Сульпиций начал с увлечением говорить о выгоде, какую получит плебс от этих законов. Но Марий слушал его рассеянно: он обдумывал, как начать беседу. Терзаемый честолюбием, он, вместе с молодежью, занимался на Марсовом поле гимнастикой, стараясь показать, что его тело достаточно гибко и руки способны владеть оружием легко и ловко; ездил верхом, пытаясь крепко держаться на коне. Но увы! Тучность его и неповоротливость бросались в глаза. Зная, что аристократы смотрят насмешливо на его соперничество с молодежью и говорят: «Тщеславие не дает ему покоя», он не обращал внимания на толки тех, кого презирал и ненавидел.

А Сульпиций сразу догадался, зачем он нужен Марию, и, войдя в атриум, спросил:

— Не хочешь ли помогать мне?

Марий притворно задумался.

— Я готов поддержать тебя, Публий, — медленно заговорил он, — но ты должен посодействовать и мне.

— В чем?

— В Риме ищут вождя, способного бороться с Митридатом...

— И этим вождем хочешь быть ты?

Марий кивнул.

— Не понимаю я тебя, — немного подумав, сказал Сульпиций, — ведь ты стар и не вынесешь трудностей похода... Разве в Марсийскую войну ты не отказался воевать по причине слабосилия?..

Марий нахмурился.

— Нет, меня заставили враги... Да и Союзническая война была непривлекательна для популяров. Мне не хотелось идти против братьев, — говорил он смущаясь (видел по глазам собеседника, что тот ему не верит), — а узнав, что Лампоний и Телезин, мои друзья, идут на меня, я не мог... Понимаешь?..

— Что же ты обещаешь мне за поддержку? — откровенно спросил Сульпиций. — Власть в случае победы популяров, или...

— Подожди, — прищурился Марий. — Власть почти в твоих руках, но я могу обещать побольше: когда мы восторжествуем и соберется новый сенат, ты будешь *princeps senatus*...

Вошла Юлия с цветами в руке. Приветствовав гостей улыбкой, она прошла к ларарию, чтобы увенчать домашних богов.

Давно уже она перестала верить в военные способности мужа, а успехи Суллы преисполняли гордостью ее сердце за любимого человека. Она считала дни и часы, когда опять увидится с ним (они встречались два раза в неделю — Юлия украдкой уходила из дому), и каждый раз, когда Марий бранил Суллу, она испытывала непреодолимое желание крикнуть: «Замолчи! Он способнее и величественнее тебя!» Однако мысль о позоре, расправе Мария и отношении к ней родных (Авл Цезарь недавно умер) удерживали ее.

Входя в атриум, она услышала обещание мужа и испуганно остановилась. Правду ли говорит Марий или хитрит?.. Находясь в ларарии, она прислушивалась к беседе. Вскоре разговор утих.

Когда она вышла, Сульпиция и Тита Помпония уже не было в атриуме. Марий сидел, занимая один почти всю биселлу, и его грузное, расплзшееся тело, большая мохнатая голова и крупные волосатые руки вызвали в ней отвращение.

Глава XI

Сульпиций убеждал народ в необходимости послать на войну с Митридатом искусного полководца, который мог бы разбить неприятеля и освободить захваченные им Вифинию, Фригию и области Азии.

— Такой военачальник есть, — говорил он, — это Марий, третий основатель Рима, — и, восхваляя его, намекнул на поддержку, обещанную Марием союзникам: — Он распределит вас по старым трибам, и во время голосования перевес будет на вашей стороне... Пошлите его проконсулом в Азию, и вы не пожалеете.

Речь Сульпиция обрадовала союзников и обозлила старых граждан. Те и другие стали оскорблять друг друга, угрожать расправой. В воздухе замелькали палки, полетели камни.

Сульпиций не пытался разнять римлян и союзников. Глядя равнодушно на стычку, он говорил Марию:

— В народном собрании будет еще не то, но я приму меры, и ты получишь начальствование над легионами и отправишься против Митридата...

— Да помогут мне боги! — воскликнул Марий, обратив взор к Капитолию. — Какой-то голос говорит мне, что я разобью Митридата и захвачу несметные сокровища...

— ...которые пойдут на ведение борьбы и улучшение жизни неимущих, — протянул ему руку Сульпи-

ций. — Взгляни: старые граждане оттеснили новых, и если так же повторится в комициях, ты, наверно, скажешь: «Дело проиграно». А я знаю, что не они, а мои сателлиты решат исход стычки.

Выступил глашатай, громко закричал:

— Объявляются, по приказанию консулов, ферии! День созвания комиций отсрочен!

— Это незаконно, — возразил Сульпиций и повысил голос: — Квириты, не обращайтесь внимания на решение консулов! Приходите завтра голосовать в комициях!..

И, повернувшись к Марию, прибавил:

— Клянусь Марсом, я ни перед чем не остановлюсь! Если бы пришлось даже перебить всех сенаторов и сжечь Капитолий, я бы пошел и на это!

На другой день сателлиты, опоясанные мечами, скрытыми под одеждой, отправлялись с Сульпицием на форум. Мульвий шел рядом с народным трибуном. Он знал, что Телезин и Лампоний, не доверяя Марию, отшатнулись от Сульпиция и уехали из Рима, но не примкнул к ним, потому что его захватила борьба в городе; он искал всюду очаги восстаний, надеясь втайне, что где-нибудь да удастся восторжествовать плебсу. Было время, когда бунт Тита Веттия, его победы и освобождение рабов уверили его в том, что начинается новая жизнь, созданная на братских началах, а потом понял, что силы были неравны, выступление преждевременно. Надежда на успех пробуждалась еще два раза: бунт Сатурнина и борьба Ливия Друза, казалось, должны были кончиться благоприятно. Но Марий предал, а Друза умертвил убийца, подосланный всадниками. Тогда Мульвий упал духом. Что было делать? Он сражался на стороне союзников против римлян, дважды был ранен и теперь примкнул к Сульпицию.

«Неужели и его ждет неудача? — думал он, шагая рядом с трибуном. — Сегодняшний день обещает быть горячим, и я помогу словом и мечом».

Он слушал, как Сульпиций яростно нападал в комициях на консулов Суллу и Помпея Руфа, проводивших ферии, обвиняя их в нарушении законов, требуя отмены празднеств, мешающих народным сходкам.

Поднялся шум. Выступил Сулла и спокойно объявил, что ферии не являются “средством замедлить брожение умов”, как утверждает Сульпиций, а мерой, вызванной необходимостью.

— Кончатся ферии, — закричал он, — будут созваны комиции, а теперь, квириды, расходитесь: нечего вам здесь делать.

Сульпиций взорвался:

— Слышите, пролетарии, подлую речь патриция? — закричал он, едва владея собой. — Долой врагов! Долой Суллу и Помпея!

Сулла огляделся — презрительная улыбка пробежала по его губам: коллега по консулату бежал, и теперь он один должен отвечать перед народом. Сателлиты Сульпиция окружили Суллу и, потрясая обнаженными мечами, требовали отменить ферии, но Сулла не растерялся.

— Квириды, — спокойно вымолвил он, — если вы хотите меня запугать, то ошибаетесь. Неужели я не видел мечей? Уберите их. В сотнях сражений они сверкали перед моими глазами, и я не терял хладнокровия, не склонял головы.

— Отмени ферии!

— Вопрос сложный и нужно его обдумать, — хитро проговорил Сулла.

— Обдумаешь в присутствии главного военачальника.

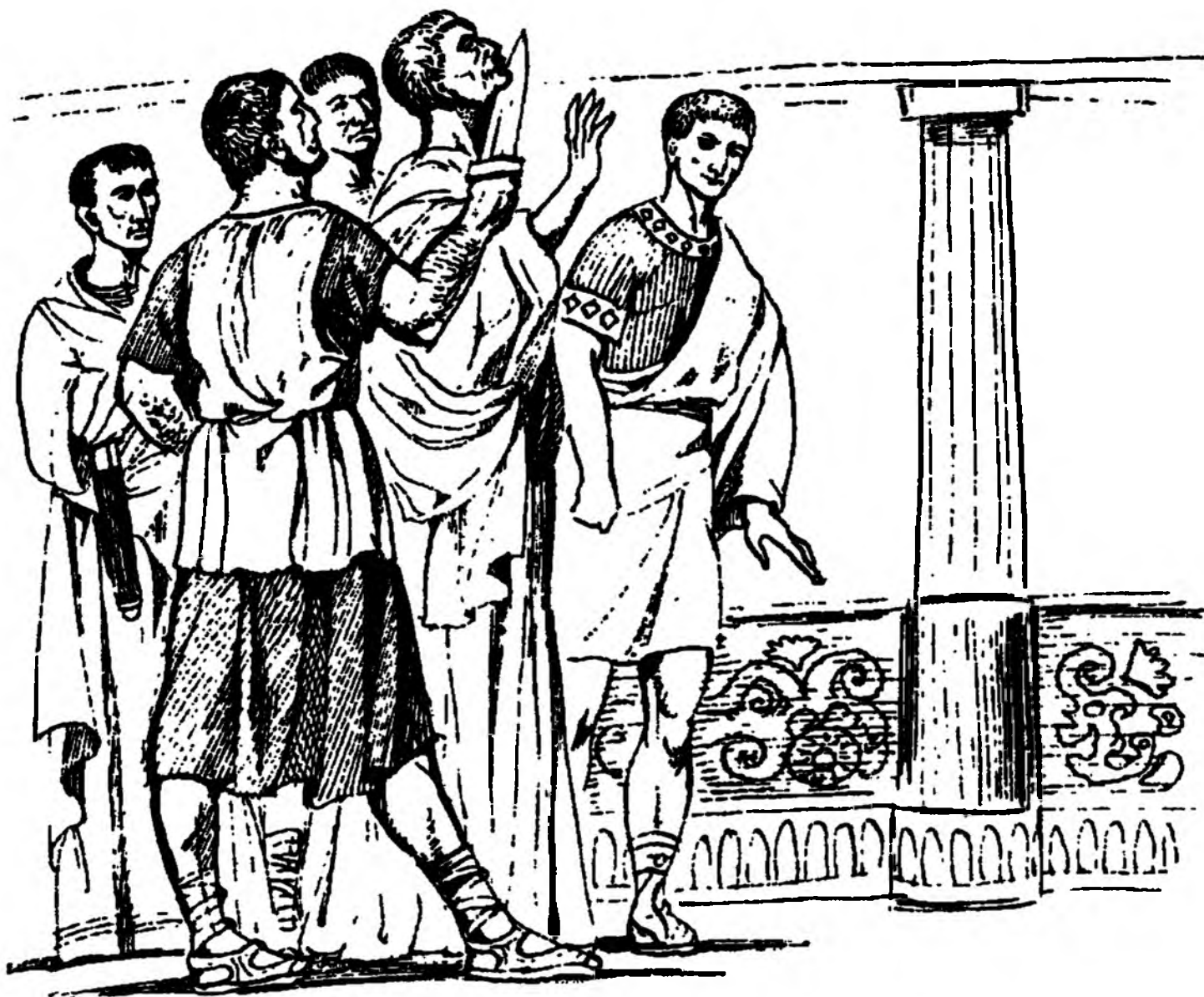
Приставив ему меч к горлу, они повели его к дому Мария. Сулла, окруженный сателлитами, вошел в атриум и приветствовал Мариа и Юлиа поднятой рукой. Марий побелел. Он надеялся встретиться с Помпеем, а перед ним стоял смертельный враг.

Вбежал Сульпиций, крикнул Сулле:

— Консул, ты отменишь ферии и не будешь препятствовать Марию отправиться против Митридата!

— Разве ты не знаешь, народный трибун, что сенат постановил передать мне эту должность? Я уже воевал в Азии, знаю местность, нравы жителей, и я, только я могу выиграть эту войну!

— Не хвались! Марий справится не хуже тебя! Отмени ферии... иначе я убью тебя на месте!

— Не угрожай, — стиснул зубы Сулла, — не забывайся перед консулом!

Марий с ненавистью взглянул на него.

— Мы не нуждаемся в согласии консула, — грубо выговорил он. — Что решат комиции, то свято. Пусть же он отменит ферии...

Сулла, улыбаясь, наклонил голову.

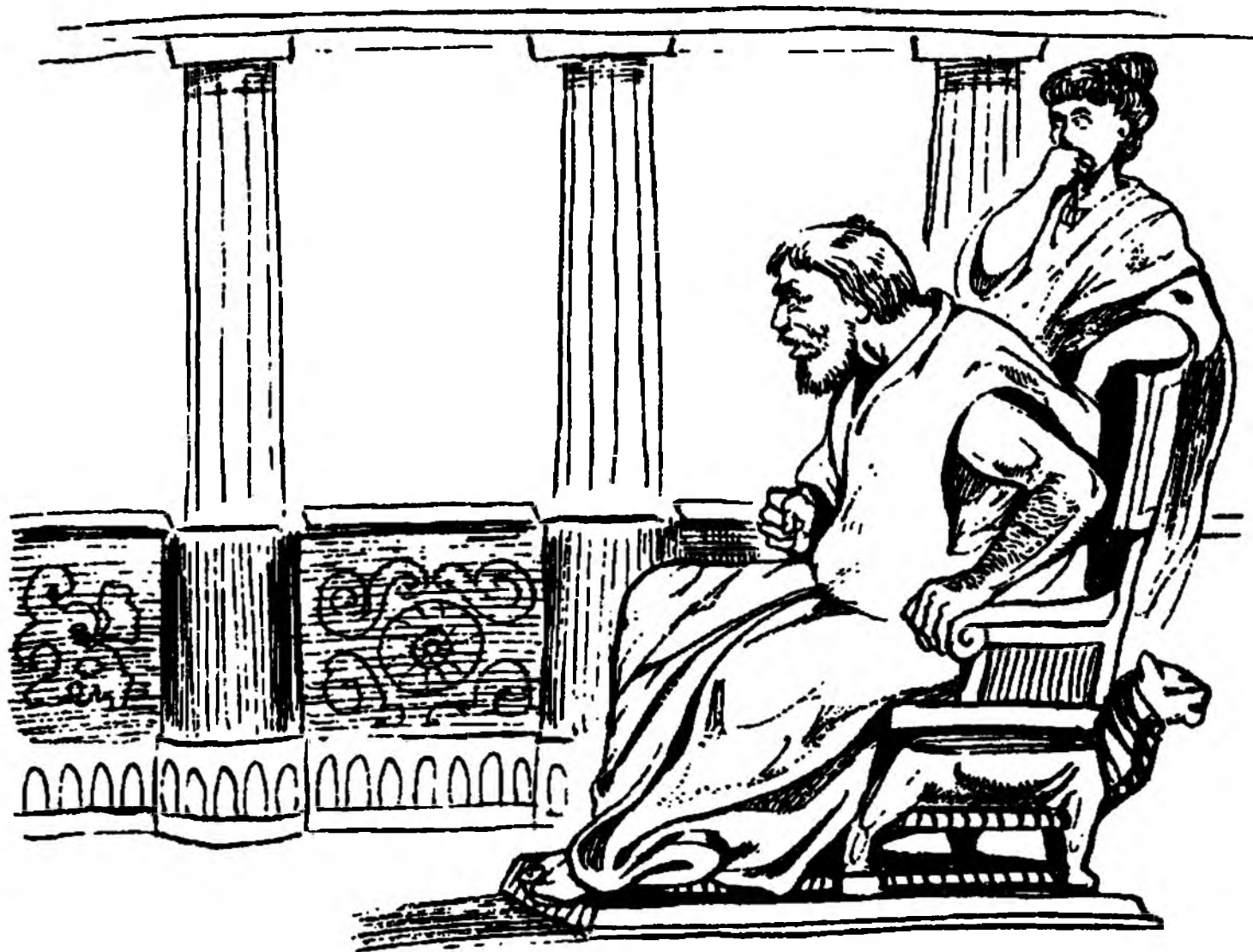
«Он что-то замышляет, — недоумевая, подумал Марий, — но что? Он бессилен против комиций... Чему же радуется?»

На форуме народ толпился возле ростр — у подножия лежал обезображенный труп сына Помпея, зятя Суллы.

— За что убит? — спросил консул.

— За дерзкую речь перед народом, — сказал Лукулл, приветствуя Суллу, — сателлитами Сульпиция.

Сулла исподлобья взглянул на телохранителей: «Зверские лица, жадные глаза, обогранные кровью

руки, — подумал он. — Нужно что-то сделать... Марий и Сульпиций погубят республику...»

Он повелел глашатаю объявить народу, что консул будет говорить, и, когда толпа замолчала, сказал:

— Вы хотите отмены ферий? Хорошо, отменяю.

И приказал глашатаям возвестить об этом на улицах и площадях.

Выборы полководца прошли бурно. Марий краснел и бледнел, слушая страстные убеждения Сульпиция, требовавшего, чтобы Марий, в звании проконсула, был немедленно отправлен на войну.

Голоса разделились: одни граждане стояли за Мария, другие — за Суллу.

— Марию ехать! Он великий полководец!

— Поезжай, Марий, в Байи, тебе нужны теплые ванны. Ты ослаб от старости и ревматизма!

Все знали, что он владел в Байях, близ Мизен, виллой, стоимостью в семьдесят пять тысяч динариев.

— Он живет, как гетера! — крикнул кто-то и громко захохотал.

Но Сульпиций взял Мария под свое покровительство и заставил замолчать насмешников. Их оттеснили, а сателлиты, соединившись со сторонниками Мария, голосовали за него.

— Теперь ты доволен? — спросил Сульпиций, провожая Мария до его дома. — Этот Сулла упрям, как осел, но неопасен. Скажи, с чего начнешь?

— Первым делом я пошлю для приема кампанских легионов двух военных трибунов, и когда войска будут готовы к походу, я придам им подкрепления и посажу на суда в Брундизии...

Глава XII

Сулла бежал из Рима. Он мчался по Аппиевой дороге, загоня лошадей, чтобы встать во главе легионов прежде, чем постановление комиций будет получено на месте. Он торопился узнать, как отнесутся к Марию легионарии и согласятся ли служить под его начальством. Лошадь, высекая копытами искры из широких дорожных плит, неслась, храпя и задыхаясь, но Сулла мало заботился о ней. В Ариции он пересел на другую и, не останавливаясь в Велитрах, помчался дальше.

Дорога почти упиралась в море, потом отходила от него и бежала вдоль берега. Он видел лазурные волны, облитые солнцем, чувствовал на разгоряченном лице мягкое дуновение ветерка и, остановив лошадь, дал ей отдохнуть и напиться из горного источника.

Солнце, шепот морских волн и ветерок разморили его — он чуть было не вздремнул, но превозмог свою слабость и поскакал дальше. В Формии опять переменял лошадь, доехал до Минтурн и прибыл в Капую, покрытый с ног до головы пылью, падая от усталости.

Здесь он нашел друзей, передохнул часа два и отправился в Нолу к легионам.

Он нашел их за городом в полном порядке. Военные трибуны, примипилы, центурионы и легионарии

сбежались, узнав Суллу, и приветствовали его радостными криками. Не сходя с коня, Сулла обрисовал им положение в Риме и закончил речь словами:

— Воины, сенат хотел послать меня во главе легионов против Митридата, и я радовался: богатая добыча сделала бы вас людьми состоятельными, тем более, что щедрость моя вам известна. А злодей Сульпиций передал ведение войны старику Марию, который поведет против Митридата другое войско, всю добычу заберет себе, а воины получают крохи со стола разбогатевшего плебея! Справедливо ли это?

— Не хотим Мария!

— Куда ему, дряхлому, на войну! Он с коня свалится, как ребенок!

— Ха-ха-ха! — загрохотали легионарии. — А кто будет у него нянькой? Я, ты, он — по очереди? Или военные трибуны и центурионы?

Воины злорадствовали. Они ненавидели Мария за скупость, жадность и суровость, за строгие взыскания и придирки.

Сулла разжигал злобу легионариев, хитрил, посмеивался над нерешительностью военачальников и окончил речь возгласом:

— Не сегодня-завтра сенат пришлет магистратов, которые потребуют от меня передачи легионов Марию.

Голоса оглушили Суллу. Потрясая оружием, воины кричали:

— Долой Мария! Смерть ему!

— Не пойдем с ним!

Сулла стоял среди воинов, опустив голову, притворно разводя руками:

— Чего же вы хотите, друзья и соратники? Есть одно средство: идти на Рим и разгромить бунтовщиков, но это невозможно. Я — консул и должен подчиняться сенату...

— Но трусливый сенат — не власть! — заметил кто-то в толпе.

— На Рим! Веди нас на Рим! — заревело несколько человек, и в ту же минуту здоровые глотки подхватили этот возглас, и легионы огласили окрестность города мощным, неудержимым криком.

— Это незаконно... — возражали трибуны.

Их не слушали — радостные крики заглушали ропот начальников:

— Да здравствует консул!

— Да здравствует Сулла, наш вождь!

— Слава, слава!

— На Рим! На Рим!

Но Сулла делал вид, что колеблется. Напрасно авгур, принеся жертвы и осмотрев внутренности животных, объявил, что боги шлют благоприятные ауспиции, — Сулла предложил подождать до утра.

— Послушаем богов: что они возвестят во сне, то и сделаем.

Мысли не давали ему покоя:

«Политическая слава достигается насилем, я усмирю Мария, и силой меча восстановлю единую древнюю власть».

На рассвете он вышел из претория и обратился к легионам:

— Воины, боги за нас! Я видел во сне Минерву, и она, вручив мне молнии, назвала по имени наших врагов — Мария, Сульпиция, их сторонников — и приказала поразить их. И когда я метнул молнии в злодеев, негодяи упали на землю и исчезли. Поэтому, друзья, боги пошлют нам удачу, и мы должны идти на Рим!

Войско готовилось выступить, но прибыли военные трибуны, присланные Марием, и потребовали у консула передачи легионов.

Сулла не успел ответить. Разъяренные воины, расстроив ряды, с ревом набросились на трибунов и растерзали их. Хлюпала под ногами кровь, обезображенные, раздавленные калигами лица стали неузнаваемы, а взбешенная толпа топтала неподвижные тела и выла в исступлении:

— На Рим! На Рим!

Сулла вскочил на коня, выхватил меч.

— Строиться в боевой порядок! — закричал он. — Вперед!

Легионы двинулись через Нолу. Путь лежал на изнеженную Капую, главный город Кампании. Дорога бежала между плодородных полей и холмов, знамени-

тых своей пшеницей, полбой и гречихой, среди увешанных гроздьями виноградников и прижималась к оливковым рощам.

Войска шли с песнями под музыку. Горячий конь Суллы, обеспокоенный голосами и топотом ног пуг-

ливо прыдал ушами, подымался на дыбы, но вождь крепко сидел на нем.

Свернув с дороги и остановившись на привал у реки Литерна, недалеко от гробницы Сципиона Африканского Старшего, Сулла обнаружил ночью бегство военных трибунов. Испуганные восстанием, они тихо уезжали из лагеря и говорили караульным начальни-

кам, что отправляются на разведку по приказанию консула. Сулле удалось поймать одного из беглецов. Не расспрашивая его о причине измены, полководец выхватил меч и срубил ему голову.

— Поднять легионы! — приказал он.

И когда загудели трубы и войска стали строиться перед преторием, он вышел к ним, строгий и решительный:

— Воины, могу ли я надеяться на вашу честность и храбрость? Ваши трибуны изменили мне и бежали, и только один не ушел от моего меча... Если хотите на Рим — так на Рим, а если боитесь...

— На Рим! На Рим! Смерть предателям!

Сулла поднял руку.

— Замените беглецов достойными! Я хочу, чтобы на этот раз выбрали командиров вы сами, хотя это мое право!..

Довольные улыбки пробежали по суровым лицам легионариев.

— Вы мои сподвижники, друзья и братья по оружию, — продолжал он, — и я доверяю вам больше, чем лживому сенату!

Окружив Суллу, воины подхватили его и принялись подбрасывать с радостными криками. Взлетая и опускаясь, он видел десятки рук, веселые бородатые лица, слышал смех и возгласы. «Вот она, власть, — толпились мысли в голове Суллы, — империя у меня в руках, и тот, кто посмеет пойти против, трупом падет у моих ног!..»

Глава XIII

Известие о движении Суллы с шестью легионами на Рим произвело на граждан потрясающее впечатление. Как, попораны дедовские законы, консул ослушался повеления сената и идет на город, вверенный власти? Осмеливается начать гражданскую войну?

Марий и Сульпиций возбуждали народ против нобилей. На форуме, на улицах, в общественных местах сторонники их кричали, что благосостояние республики под угрозой, а Марий указывал плебеям на дома Суллы и его друзей, и кричал:

— Грабьте имущество и убивайте оптиматов!

Он с удовлетворением смотрел, когда толпа бросилась к дому консула и проникла внутрь. Но там было пусто: бежали все, неизвестно куда, а все ценное было унесено.

Ярость овладела Марием: он собирался натравить толпу на Метеллу и насытить свой взор зрелищем избиения любимой жены противника, а она скрылась у верховного жреца, и напасть на жилище понтифика он не решился. Приказав поджечь дом Суллы, он злобно смотрел, как рушились стены и едкий дым заволакивал улицу.

— Проклятый патриций! — шептал он, — Кого умертвить, чтоб сердце твое лопнуло от злобы и горя?

Суровое господство Мария и Сульпиция заставило многих нобилей искать спасения в бегстве. Аристократов ловили, умерщвляли. Число жертв увеличивалось с каждым днем. Юлия не раз выражала мужу свое опасение за будущее, а когда убили старика Красса и его сына, а другой сын, Марк, бежал в Испанию, она не выдержала:

— Скажи, Гай, когда же кончатся эти убийства?

Марий, насупившись, взглянул на нее:

— Разве они несправедливы?

— Гай, но без суда, без следствия...

— Разве оптиматы не злодеи?

— Они люди...

— Нет, — сурово выкрикнул Марий, — это вши, сосущие кровь бедняков!

Сулла шел с развернутыми знаменами. Легионы пели воинственные песни в честь полководца.

Сенат послал ему навстречу двух преторов с приказом остановиться, но воины бросились на них, сорвали тоги с красной каймой, сломали фасции и, грубо оскорбив, выгнали из лагеря.

— Передайте гражданам, — крикнул им вдогонку Сулла, — что я иду освободить Рим от тиранов!

Сулла шел... Население встречало его враждебно (весть о борьбе Мария и Суллы облетела Италию), оскорбительные возгласы сопровождали войска, но полководец делал вид, что ничего не замечает, и притворялся веселым: шутил, рассказывал по обыкновению веселые случаи из жизни друзей и подмигивал, дружески задевая легионариев. И когорта хохотала, рассказ передавался из уст в уста, облетал легионы, и смех гремел раскатами.

Войска подходили к Риму — трубы ревели, заглушая слова песен, а впереди ехал консул, уверенный в победе. Он получил весть о выступлении Страбона Помпея против Мария, о недостаточном количестве войск в Риме и размышлял, как ворваться в город.

Вблизи Пикт легионы были встречены новым посольством. Сенат умолял Суллу не подходить к Риму на сорок стадий и обещал удовлетворить его справедливое требование (речь шла о походе против Митридата). Сулла ответил, что ему больше ничего не нужно, обещал остановить легионы и, созвав военачальников, приказал выбрать место для лагеря. Но лишь только посольство удалилось, он повелел двигаться вперед и занять городские ворота и часть стены на Эсквилине.

Один из военачальников ворвался в город, но был оттеснен гражданами, которые с крыш осыпали его отряд камнями и черепицами. Подоспел Сулла.

— Поджигать дома! — закричал он, выбежав вперед с зажженным факелом. — Базилл, прикажи лучникам бросить зажигательные стрелы да пошли отряд факелоносцев...

Вспыхнули здания. Крики огласили улицы.

На Эсквилинском рынке кипела яростная битва. Воины бросились на марианцев с такой храбростью, что Сулла, сражавшийся в пешем строю, на мгновение залюбовался ими. Обе стороны сражались мужественно. Но когда войска Суллы были отбиты, он схватил тяжелое знамя и, жертвуя жизнью, бросился вперед. «Им будет стыдно, что они покинули вождя, и на них ляжет пятно позора, если неприятель захватит знамя, —

думал он, придерживая одной рукой древко, а другой — работая мечом. — Я должен взять Рим или же пасть в бою. Я должен подавить смуту...»

Легионарии увидели, что полководец в опасности: силы покидали его. Встречный ветер дул в лицо, и полотнище, развеваясь перед глазами, мешало отражать удары.

— Вперед, вперед! — закричали воины и бросились ему на помощь.

Отразив неприятеля, Сулла приказал свежим войскам ударить в тыл противнику со стороны Субуррских ворот. Марий был отброшен к храму Теллуры; его резкий голос доносился до легионов Суллы — Марий заклинал рабов помочь ему и обещал свободу. Но Сулла внезапно опрокинул передние ряды и бросился преследовать разбитое войско.

— Бей, бей! — кричал он, вскочив на коня, и поскакал с обнаженным мечом за разбежавшимися пехотинцами.

Глава XIV

Эту ночь Сулла провел на улицах, поддерживая порядок. На *Via Sacra* он приказал схватить грабителей, расхищавших товары из лавок, и умертвить их; разогнал блудниц, соблазнявших воинов, а особенно надоедливых велел сечь прутьями на виду легионов. Страшнее всего была весть об Эфесской вечерне, распространившаяся по Риму: Митридат перебил в Азии более ста тысяч италиков и провозгласил всеобщую сейсахтейю.

Гонец говорил, стоя перед Суллой, о радости азиатского населения, о милостях, дарованных царем. Сулла молчал, обдумывая. «Подожду... время есть... нужно укрепить республику...»

На рассвете он созвал народное собрание и объявил, что занял Рим, желая спасти родину, и не помышляет о преследовании сторонников Мария и Сульпиция.

— Поэтому никто не должен предлагать законов без предварительного одобрения сената, — заключил он свою речь. — Так было с дедовских времен, и республика не испытывала потрясений. Голосование будет производиться не по трибам, а по центуриям, как установил царь Тулл Гостилий, и влияние на государственные дела будет отнято у незажиточных граждан и передано состоятельным. Надеюсь, квириды, порядок будет полный.

Народ возроптал. Голоса недовольных слышались громче и громче.

— Замолчите! — крикнул Сулла. — Вы были у власти, а что дали народу, вы, популяры? Смуту, грабеж, преступления. Ваши подлые вожди занимались только тем, что воевали с мирным населением, грабили и поджигали дома, издевались над республикой! Кто они, ваши вожди? Дряхлый Марий, предатель Сатурнина, Главции и Сафея, боровшихся за ваши нужды, — плебей! И богач. Он имеет роскошные виллы, рабов, теплые источники, золото и серебро, а много он помогал вам, пролетариям? С кем из вас делился?.. А, молчите? Я так и знал. И это ваш вождь! В то время как ваши семьи нуждаются, пухнут с голоду, он пирует, развратничает и расточает свои богатства! Разве это неправда, квириды?

Рев тысяч глоток прервал его речь...

Сулла продолжал:

— И вы доверяете ему потому, что он — плебей?

— Долой Мария! Долой!

— Смерть ему!

— А кто такой Сульпиций Руф?.. Патриций, отказавшийся от своей знатности и богатства, чтобы стать народным трибуном. Думали ли вы, почему он это сделал? Может быть, потому, что надоело жить хорошо? Ха-ха-ха! Какие вы простаки, квириды! А может быть, это обман, чтоб войти к вам в доверие и легче было предавать деятельных популярных?

Вой толпы оглушил его:

— Долой предателя! Долой Сульпиция!

Когда шум затих, Сулла сказал:

— Вот, квиристы, ваши вожди, которым вы доверяли и которых любили! Они заслужили смерть, но во время бежали... Я, же Люций Корнелий Сулла — патриций, говорю: заботясь о вас, я облегчу ваше положение, выведу новые колонии... Вы, наверно, думаете: «Почему патриций заботится о плебеях?» Да потому, квиристы, что я люблю отечество и желаю ему счастья и благоденствия! Итак, повинуйтесь же законам, ограждающим жизнь, собственность и спокойствие римских граждан!

Собрав сенаторов, он объявил, что принужден ввести в сенат триста состоятельных граждан и отменяет деспотическое могущество народных трибунов.

— Предложения их будут отныне рассматриваться сенатом и после одобрения его поступать на утверждение народа, — говорил он. — Долой Сульпициевы законы — постыдное посягательство на мощь республики! Мария, Сульпиция и двенадцать их сторонников объявляю врагами республики, лишеными крова, воды и огня. За головы их назначаю денежную награду. Ибо они совершили бунт, выступив с оружием против консулов, и призвали к возмущению рабов, пообещав им свободу.

Сенаторы, угодливо улыбаясь, молчали, боясь возражать против грубого нарушения Суллой древнего закона об апелляции. Только один Квинт Сцевола начал было спорить, но Сулла притворился, что не слышит, и, поспешно встав, вышел на улицу.

Однажды, проходя по форуму, он увидел Цинну, беседовавшего с плебеями, и, подойдя к нему, сказал:

— Я рад, что популярны, вождем которых ты состоишь, благоразумнее Мария и Сульпиция, оскорбивших консулов. Ты, кажется, умереннее двух этих головорезов...

— Я стоял и стою за справедливую власть, — не задумываясь, ответил Цинна. — Понимаешь, — за власть... как тебе объяснить?... За смешанную форму правления...

— И преимущество?

— Конечно, на стороне сената, — поспешил его уверить Цинна, насмешливо прищурив глаза. — Ты, ко-

нечно, согласишься со мной, благородный Люций Корнелий, что...

— Подожди, — прервал его Сулла. — Ты говоришь о смешанной форме правления, но кто же проповедовал охлократию?

— Охлократию? — удивился Цинна. — Первый раз слышу, клянусь Юпитером!

— Разве ты не знаешь, что Марий и Сатурнин некогда мечтали о господстве рабов и плебеев?

— Мне кажется, что ты ошибаешься. Марий подавил восстание Сатурнина.

«Глуп он или притворяется? — думал Сулла, следя за суетливыми движениями Цинны. — Ну, конечно, притворяется, я вижу его насквозь... Плебеи мешают моим племянникам получить магистратуру потому только, что я выгнал из Рима двух собак. Что ж! Они сильнее меня, да и не время ссориться с ними: меня ждет Митридат. Ну а Цинна? Хитрит и обманывает, но я усыплю сперва бдительность популяров, а потом посчитаюсь с ними...»

Из толпы выбежал раб и, бросившись к ногам Суллы, положил обезображенную голову.

— Чья? — спросил консул.

— Сульпиция Руфа. Он бежал в Лаврент и спрятался в лавровом лесу. Я его выдал, и он бросился на меч. Сулла подумал.

— За это обещана свобода, и ты ее получишь. А за предательство... Эй, Базилл! Надеть на него пилос и сбросить с Тарпейской скалы...

— Господин, я исполнил твое приказание! Никогда я не был предателем! — побледнел невольник.

— Молчи! Ты заслужил смерть. Сегодня ты предал его, а завтра предашь меня. Таким людям нет веры!

— Господин! — вопил раб, бросившись на колени. — Я буду самым верным твоим слугой!..

Но Сулла, не слушая его, возвысил голос:

— Слышал, Базилл, что я приказал? А голову Сульпиция воткнуть на шест и выставить на ростре.

Потом, повернувшись к Цинне, взял его под руку и пошел по улице.

Глава XV

Выступая против Рима, Сулла заранее обдумал, какие меры следует принять для подрыва власти популяров и какие законы отменить и провести, чтобы спасти, по его мнению, республику от деспотизма народных трибунов, тирании Мария и Сульпиция. Его гибкий ум, природная хитрость и коварство подсказывали, что надо делать.

Он понимал, что, привлекая к управлению государством самых состоятельных граждан, передает власть всадникам, “денежным мешкам” республики, и отнимает ее у незажиточных квиритов. «Нужно ослабить значение всадников, — думал он, — создать в их рядах недовольство и заручиться поддержкой плебса, хотя бы косвенной». Долго он размышлял, как приступить к делу, и наконец остановился на долговых обязательствах: «Если я сохраню их и высший процент не уменьшу — торгоши придут в ярость и отшатнутся от меня». Как рассчитывал, так и случилось: всадники выказали ему недоверие и стали выдвигать на должность консула, врага его, Цинну.

Сулла ехидно улыбался, следя за событиями: знал, что Цинна не сможет удержаться при поддержке всадников и ему, новому консулу, придется опираться на новых граждан и вольноотпущенников, добивающихся уравнивания в политических правах с римлянами.

«Пусть будет разлад и борьба, — думал Сулла, — а я отправлюсь против Митридата и, усмирив его, возвращусь в отечество, чтобы еще больше укрепить восстановленную власть аристократов».

Взяв Рим, он решил пока отомстить приверженцам Мария, которые преследовали и убивали его друзей и сторонников. Казнив нескольких человек, он оставался в Риме, как бы не помышляя о войне с Митридатом, и старался сблизиться с популярами, но это не удавалось, хотя он и способствовал избранию консулом Цинны.

Всадники и популяры недоумевали («Он идет против себя». — «Нет, он стоит за нас!»), и сам Цинна н-

знал, что думать. Враг Мария и Сульпиция не казался врагом плебса и сторонником оптиматов, а честным поборником права, законов, порядка; он любил родину, думал о ее благосостоянии — чего больше? И Цинна, взойдя на Капитолий с камнем в руке, принес присягу на верность Сулле.

— А если я нарушу клятву, — воскликнул он, — и стану предателем — пусть меня выбросят из города, как я бросаю этот камень! И он швырнул его в сторону Тарпейской скалы.

Сулла усмехнулся: он не верил Цинне. Он презирал его как человека, ненавидел как популяра. «Нужно привлечь на свою сторону хотя бы нескольких плебеев, — думал он, — а имея нескольких, я добьюсь большего: они приведут мне сотни, а потом и тысячи».

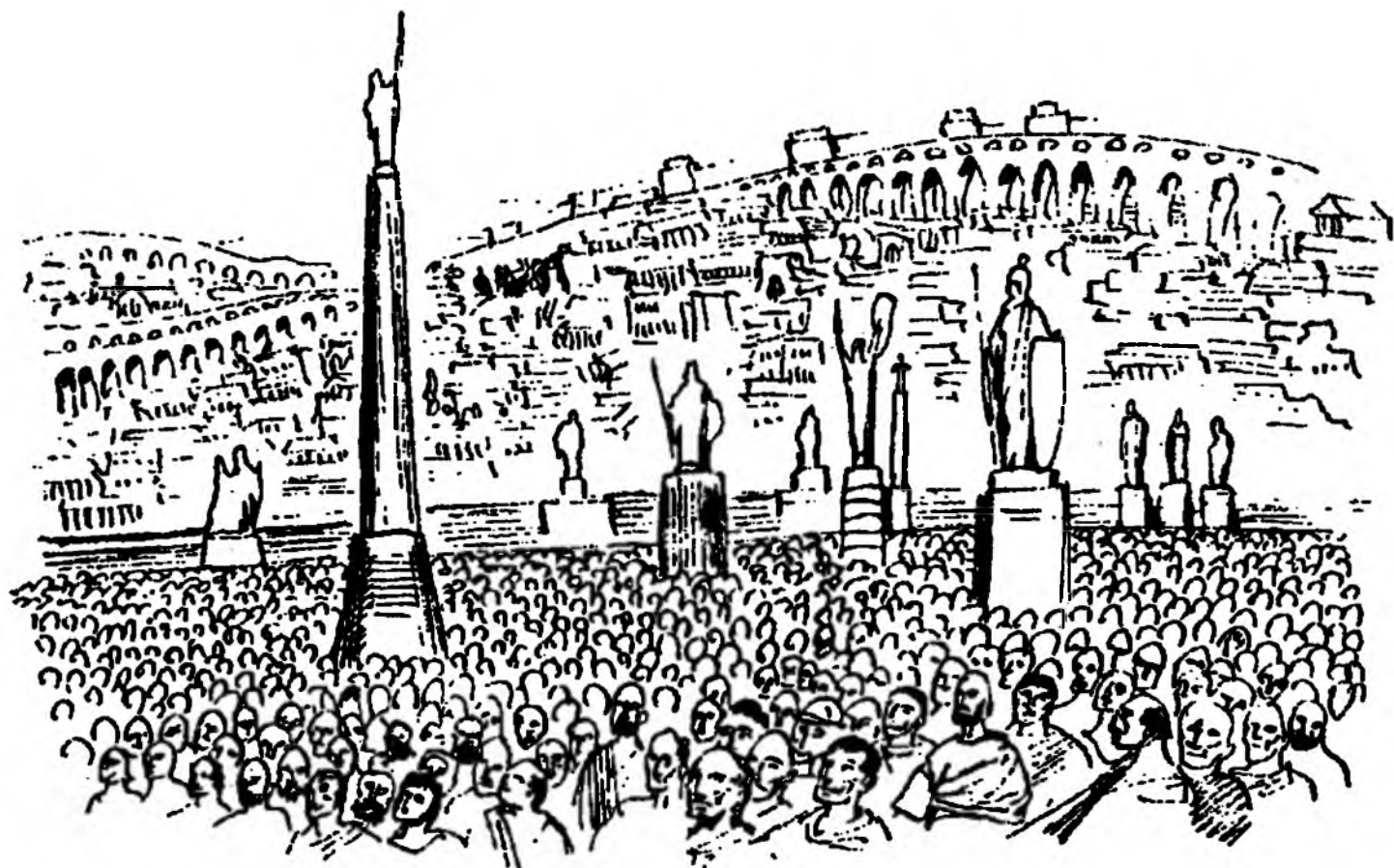
Однако надежды его не оправдались. Плебс не любил Суллу и боялся: эти холодные голубые глаза, равнодушно-невозмутимое лицо, презрительная улыбка, высокомерие патриция — все это отталкивало плебеев. Да и сам Сулла понял вскоре тщетность своих надежд.

Получив консульство, Цинна начал разрушать установленный порядок. Он требовал суда над Суллой и уговаривал народного трибуна выступить с обвинением. Но Сулла был спокоен: под рукой были легионы.

«Если вспыхнет мятеж, — думал он, — я не пощажу популяров и плебеев, сожгу и разрушу Рим, как некогда Сципион Эмилиан разрушил Карфаген».

При этой мысли лицо его становилось страшным, глаза дикими, и он хватался за меч, точно наступило уже время предать Рим огню, а плебс — мечу.

Встречаясь с Цинной, он делал вид, будто ничего не знает, острил и беззаботно хохотал, и Цинна думал: «Не понимаю, клянусь Вестой, глуп он, что ли?! Не знать,

что происходит в Риме! Или он слепо доверяет мне? Должно быть, так...» Сулла расспрашивал его о знаковых нобилях и всадниках. Узнав, что Тит Помпоний отплыл в Элладу, — опечалился.

— Остроумный человек, веселый собеседник, — выговорил он с сожалением. — Я полюбил его всем сердцем. А Цицерон? Слушает академика Филона, ученика Клитомаха? Счастливец! Клитомаха я люблю за прекрасную душу и красноречие. А Красс? Серторий?

Он улыбался, слушая Цинну, сжимая кинжал под тогой: «Убить гадину на месте или подождать? Пусть царствует, когда я уеду... Вернусь — легче будет выкорчевать гнилые пни...»

Ласково простившись с ним, Сулла ушел по направлению к храму Кастора. Ликторы шли впереди, расталкивая народ. Он любил бродить по городу, наблюдать за жизнью квиритов, посещать невольничьи рынки и любоваться нагими юношами и девушками, выставленными на продажу.

Подходя к катасте, прищурившись, ускорил шаги. Издали не мог разглядеть, был ли это нагой эфеб или нагая девочка: смуглое тело, тонкие руки, стройные ноги, приподнятая голова, покоящаяся на выгнутой шее, вызвали мысль о статуе, высеченной искусной рукой ваятеля. Сулла подошел ближе. Перед ним был эфеб. Он посматривал на римлян черными блестящими глазами, и Сулле показалось, что он взглянул на него с легкой улыбкой в глазах.

— Продаешь? — спросил Сулла подбежавшего купца.

— Продаю, господин мой!

— Сколько хочешь?

Грек назвал баснословную сумму.

— Один талант, — твердо сказал патриций, и лицо его побагровело. — Знаешь ли, с кем говоришь, презренная собака?

Кругом зашептались: «Сулла... Сулла...», и грек, побледнев, низко поклонился.

— Бери, господин, за один талант, — залепетал он. — Этот эфеб красив и неглуп — увидишь!

— Пусть оденется.

Сулла отсыпал купцу серебро и, взяв мальчика за руку, пошел домой.

Впереди них шли двенадцать ликторов.

Глава XVI

Купленный раб был грек, по имени Хризогон, грамотный, смысленый, родом из Эпидавра. Он знал наизусть отрывки из «Илиады», «Одиссеи» и хорошо пел. А пение Сулла очень любил.

Нередко в атриуме они пели вдвоем. Хризогон начинал строфу, а Сулла подтягивал низким голосом, и песня разрасталась, сопровождаемая тихими вздохами струн. Однажды они пели отрывок из VI песни «Илиады», и когда раб старательно выводил молодым, гибким голосом прощальные слова Андромахи:

«Гектор, ты все мне теперь: и отец, и любезная мать»¹,

Сулла внезапно умолк и, отняв у него кифару, сказал:

— Скоро я уезжаю воевать в Элладу... Не хочешь ли поехать со мною?

— С великой радостью, господин мой! — вскочил Хризогон, и глаза его засверкали. — Сердцу моему радостно взглянуть на возлюбленную родину... Клянусь Фебом-Аполлоном, что ты, господин мой, увидишь там много чудесного...

Сулла засмеялся:

— Увидеть, Хризогон, для меня мало. Эллада, конечно, прекрасна, но и Рим не уступает ей в божественной лучезарности. Сбегай переодеться: мы выйдем.

Сулла не любил лектик и по городу всегда ходил пешком.

Когда Хризогон появился в темной одежде невольника, консул зашагал по улице, сопровождаемый ликторами. Идя, он беседовал с Хризогоном об Эпидавре, о сапфирных водах Саронического залива и об Эгине.

— Я там не бывал, — говорил он, — но слышал не раз о храме Эскулапа, его дорических колоннах, исчерченных различными надписями: имена выздоровевших, средства для лечения болезней, благодарственные молитвы и даже объяснения в любви храмовых служителей с молодыми паломницами...

— Господин мой, я болел глазами и ночью видел самого Эскулапа, который обходил больных, спавших в храме. Он остановился возле меня... нагнулся надо мной и тронул мои глаза...

— И ты выздоровел? — засмеялся Сулла. — Но разувься, дорогой мой, это был не Эскулап, а жрец под личиною божества...

---

¹ Перевод Гнедича.

Хризогон растерянно взглянул на господина.

— Почему ты так думаешь? — шепнул он.

— Все в мире основано на золоте и обмане: и вера, и любовь, и дружба, и война, и даже смерть. Разве умирающему не кладут в рот монету, чтобы он заплатил Харону?

Он остановился у большого здания с колоннами и сказал проходившему магистрату:

— Я, Люций Корнелий Сулла, пришел по известному тебе делу...

Магистрат поклонился и провел Суллу и его спутника в квадратную комнату. За столами сидели скрибы и что-то писали. Когда консул и раб вошли, они с любопытством подняли головы, но тотчас же опустили их. Подошел магистрат.

— *Hunc hominem ego volo liberum esse*¹, — громко сказал Сулла и смотрел с нескрываемым удовольствием, как Хризогон задрожал и повалился ему в ноги. — Встань!

Магистрат ударил раба розгой по голове. Это был обряд, и Сулла, ухватив Хризогона за руку, повернул его кругом, повторив:

— *Hunc hominem etc.*

— Свободен! — возгласил магистрат.

— Теперь можешь надеть тогу, пилос и перстень, — сказал Сулла бледному от волнения Хризогону. — Ты свободен...

Грек поцеловал у него руку:

— Господин мой, всю свою жизнь буду служить тебе честно и верно... Никогда не оставлю тебя и, если понадобится, пожертвую за тебя жизнью...

Хризогон шел по улице с гордым видом. Ему казалось, что рабы знают об его освобождении и смотрят на него с завистью, а вольноотпущенники — с сочувствием. Весь мир возникал перед ним в иных формах, в ином освещении, и хотелось остановиться на форуме, крикнуть во все горло: «Смотрите, вот я, Хризогон, отпущен на свободу!»

На сердце его было радостно.

---

¹ Этого человека я хочу отпустить на волю. (Лат.)

Глава XVII

Мульвий бежал с Марием, а Юлия осталась в Риме, не желая скитаться по чужим странам.

Думая о Сулле, она втайне желала ему успеха, а мужу неудачи. Поражение Мария и бегство его казались ей завершением кровавых дней, пролетевших над Римом, и когда в город ворвался Сулла, она долгое время не выходила из дому. О событиях она узнавала от рабов и удивлялась, что мало казней, а когда ей сказали, что Сулла способствовал Цинне в получении им консулата, — растерялась. Суллу она знала иным, и поступки его казались немислимыми.

«Неужели он стремится примирить оптиматов с плебеями, — думала она, — неужели он не понимает, что плебс добровольно никогда не подчинится власти олигархов? Или же он хитрит, добиваясь своей цели? Да, конечно, лукавит, и Цинна, разгадав его действия, строит против него козни...»

От Мария не было известий. Даже Цинна ничего не знал о нем.

Передав ведение войны в Самниуме Квинту Метеллу Пию, назначенному главным начальником с проконсульской властью, и посадив в Брундизии свои легионы на корабли, Сулла, в сопровождении своих любимцев Лукулла и Хризогона, отплыл на восток.

Он знал, что Эллада восстала, послушная призыву Митридата, — Афины, Ахайя, Беотия и Спарта ожидают обещанных царем свобод, восстановления прежней мощи и широкой помощи в развитии наук и искусств, — а вспоминая о покинутом Риме, посмеивался: «Пусть ропщет плебс, недовольный отменой Сульпициевых законов, пусть волнуются союзники, раздраженные полууступками сената, пусть усиливаются популяры — не страшно: суровым судьей я возвращусь на родину».

Весной он высадился в Эпире с пятью легионами, состоявшими из тридцати тысяч человек, несколькими когортами и небольшим числом конницы.

«О небо Эпира, о солнце, взиравшее на великого Пирра, о радость будущих побед! — думал он, вглядываясь в голубые небеса и испытывая радость странника, попавшего наконец на родину. — Я должен разбить полчища азиатов, присоединить Грецию к Риму, обуздать могучего царя! И я сделаю это, или погибну вдали от отечества!»

Двигаясь в глубь страны, Сулла узнал, что легат претора Македонии, храбрый проквестор Бруттий Сура, бьет понтийцев.

«Нужно привлечь доблестного вождя на свою сторону», — решил Сулла и послал к нему Лукулла.

Ожидая квестора при въезде в деревушку, он уселся на придорожном камне. На душе его было светло, как и в природе. Он смотрел на белоруких гречанок в длинных подпоясанных хитонах, обнажавших плечи, на их походку и равнодушно позевывал. Солнце пригревало. Нагие дети валялись в пыли.

Задумался. Вот он в Эпире — без денег, без кораблей, без провианта! Как содержать войско? Чем платить ему жалованье?

К вечеру возвратилась разведка — впереди мчался румянощекий Лукулл. Увидев Суллу, он, не доезжая, спешился и, ведя лошадь под уздцы, направился к нему.

— Бруттий Сура признал твое главенство, консул! — сказал он. — Что прикажешь?

— Построить легионы — и в путь!

Полководец шел вдоль высококолесистого Пинда к его южным отрогам; отсюда он намеревался беспокоить понтийские полчища быстрыми налетами, разместив войска частью в Этолии, частью в Фессалии. Однако предположения его не оправдались. Неприятельские войска отходили к юго-востоку.

Запасшись продовольствием и деньгами, он приказал легионам, находившимся у Фарсалы, двинуться к Фермопилам, а сам выступил из Амфисы и, обогнув Парнас, вторгся в Беотию и занял Фивы. Города сдавались ему без боя, из Фессалии прибывали день и ночь посольства с изъявлением покорности, с дарами. Сулла требовал денег, новобранцев и съестных припасов для легионов.

Вот он в Эпире — без денег, без кораблей, без провианта!..

Разбив понтийцев у Тильфосской горы, Сулла обратил их в бегство. Вскоре пришли известия, что Архелай заперся в Пирее, а Аристион — в Афинах, решив держаться до прибытия великой армии из Фракии и Македонии. Сулла понял, что он должен взять Пирей и Афины как можно скорее, иначе его ждет гибель, и, собрав военачальников, объявил о выступлении.

— В Аттику! — приказал он. — В Пирей и Афины! А тебе, Люций, — обратился он к Лукуллу, — отправиться в Пелопоннес и держать страну в повиновении и порядке. Присылать частые донесения, чтобы я знал о положении твоих войск. Помните, что война лишь начинается.

Приказав одному военачальнику занять всю Фессалию вплоть до Македонии, другому — расположиться возле Халкиды, чтобы преградить путь войскам Неоптолема, находившимся на Эвбее, Сулла разбил лагерь между Мегарами и Элевсином.

— Отсюда я буду господствовать над Грецией и Пелопоннесом, — сказал он Лукуллу, — и руководить осадой Афин и Пирея.

Глава XVIII

Легионы подходили к Пирею.

Моросил дождь. Почва стала скользкой — люди, ругались, оступаясь и падая.

Сулла приказал воинам готовиться к приступу.

Заиграли трубы. Легионарии, обнажив мечи, двинулись, прикрываясь щитами. Шедшие позади них лучники осыпали стены стрелами — в воздухе слышался певучий звук их полета. А в это время воины поспешно засыпали рвы землей и хворостом, разрушали насыпи, подставляли лестницы и лезли на стены. Иные пытались взломать ворота. Сверху падали глыбы гранита. Люди валялись, деревянные лестницы ломались, увлекая за собой десятки воинов, а когда полились

кипяток, горящая смола и полетели факелы, пылающие головни — войско отступило. Сидя на коне, Сулла думал, что делать. Бросить войска еще раз на приступ? Или обложить город?

Созвав военачальников, он сказал:

— Я видел вашу храбрость и уверен в непобедимости римских легионов. Приказываю готовиться к осаде.

— Хвала деве Афине, подсказавшей тебе эту мудрую мысль! — сказал примипил. — За это время войны отдохнут, хорошо подготовятся к боям... Тогда легче будет взять Пирей.

— С одной стороны — так, а с другой — не так. — возразил Сулла. — А море? Кораблей у нас нет. Неприятель будет получать провиант, подкрепления. Если подойдет понтийский царь, трудно будет устоять против его полчищ...

Все молчали.

— Но иного выхода нет, — продолжал полководец, — приказываю поэтому сооружать осадный вал, строить рядом с ним передвижные башни: на верхних ярусах поместить баллисты и катапульты и устроить подъемные мосты, в нижних ярусах поставить тараны. Помните, что высота стен Пирея равняется сорока, а толщина — одиннадцати локтям¹.

На другой день он обратился с речью к легионам:

— Воины, братья и друзья, я привел вас в Грецию, которую мы должны завоевать, и если вы будете храбро сражаться, мы разобьем понтийского царя! Я обещаю вам самую богатую добычу, красивых гречанок, а по возвращении на родину — большие участки, сельскохозяйственные орудия, рабов в вечную собственность, царские подарки...

Ему не дали договорить. Громкие крики вырвались из тысячи глоток:

— *Vivat imperator, vivat!*²

Суллу окружили: ему целовали руки, бросались перед ним на колени, восхваляли, превозносили:

— Великий! Непобедимый!

---

¹ 18 и 5 метров.

² Да здравствует полководец-властелин, да здравствует! (Лат.)

Он благодарил легионариев за преданность и думал: «С ними я добьюсь могущества и славы! Я сломя Митридата, отниму у него Азию, а тогда... Рим, Рим!» Вечером, при свете факела, он писал эпистолу по-гречески:

*«Люций Корнелий Сулла, император —
Люцию Лицинию Лукуллу, проквестору.*

Волею Фортуны и бессмертных я провозглашен войсками императором. Знаю, дорогой мой, что ты порадуешься за меня и поздравишь от чистого сердца. Пусть и тебе покровительствуют боги так же, как и мне. Сообщи, есть ли у тебя золото, чтобы обратить его в монету? Легионам нужно платить жалованье. Поэтому чекань аигле¹ и динарии следующего образца: с одной стороны надпись: L. SULLA, справа — голова Венеры в диадеме, а прямо — стоящий купидон с пальмовой ветвью в руке, а с другой, между двумя венками, тоже надпись, с упоминанием, что я — император. А я приму меры, чтобы добыть сокровища и послать тебе на монетный двор.

Как живешь, дорогой Люций, и нашел ли наконец подругу себе по сердцу? Если нашел, прекрасна ли телом и душою? У гречанок эти оба качества соприсчастны — не так, конечно, как у наших римлянок, которые бездушны, а потому лишены мягкого обаяния, кротости и природной нежности. Несколько дней назад Хризогон привел в мой шатер двенадцатилетнюю девушку. Она оказалась стыдливой и неподатливой, но я сумел расшевелить ее, как Зевс — Леду. Ты спросишь ее имя? Не знаю. Она не говорит. Я назвал ее Миртион, потому что люблю это имя.

Не забудь написать подробно о военных делах, об отношении населения к римлянам, о соглядатаях, которых ты, наверно, вешаешь сотнями, а также о состоянии легионариев. Не будь так суров с ними, как ты привык! Напомни им, что, когда кончится война, они получают земли и рабов.

Прощай».

---

¹ Золотые. (Лат.)

Глава XIX

После отъезда Суллы жизнь в Риме стала напряженной. Консул Цинна и его друзья, заседавшие в сенате, рассмотрели прежнее предложение Мария о распределении новых граждан по старым трибам и о возвращении отнятых прав ссыльным.

На форуме происходили яростные споры. Плебс не хотел допускать союзников, получивших права гражданства, в свои трибы, и консул Октавий возбуждал народ против Цинны:

— Квириты, на ваши права посягает консул: он старается набрать побольше приверженцев, чтобы совершать насилия. Он стремится отнять у вас те маленькие выгоды и преимущества, которые отличали вас от варваров, и наделить ими союзников. Справедливо ли это? Сулла заботился о вашем благе, а Цинна, поклявшись соблюдать его законы, безбожно нарушает свое слово.

— Веди нас против клятвopеступника!

— Мы выступим, квириты, когда это будет нужно.

Удалившись домой, Октавий взял «Киропедию», но читать не мог. Беспокойство возрастало по мере того, как сторонники его прибегали с форума с различными вестями: одни говорили, что Цинна тайком вооружает своих приверженцев, другие — что новые граждане ждут только приказа начать резню, третьи — что они уже заняли форум, а четвертые — что народные трибуны выступили против Цинны, но должны были бежать, когда новые граждане с мечами бросились к рострам.

Октавий задумался.

— Отечество в опасности, — сказал он. — Достаточно ли старых граждан?

— Они ждут тебя на улице, но их гораздо меньше, чем приверженцев Цинны.

— С нами боги, право, закон и справедливость! — торжественно вымолвил консул.

Став во главе отряда, он по Священной дороге подошел к форуму.

— Расходитесь! — возгласил глашатай. — Так приказал консул Октавий во имя порядка и спокойствия в республике.

Форум задрожал от криков, полетели камни...

— Вперед! — крикнул Октавий. — Разогнать мятежников!

С громкими криками старые граждане набросились на новых. Произошла свалка. Мелькали копья, мечи, палки. Люди падали, подымались, бросались в бой. Топот ног и вопли не утихали. И сторонники Цинны стали отступать. Октавий приказал преследовать их и рубить беспощадно. У храма Кастора и Поллукса лежали груды трупов. Люди поспешно скрывались в кварталы плебеев, иные повернули к городским воротам, но их встречали дубинами, мечами и копьями.

— Бить
и преследовать! — в ис-
ступлении вопил Октавий и собственноручно рубил бе-
гущих граждан. К нему подбежал вольноотпущенник:
— Вождь, Цинна призывал на помощь рабов, обе-
щая им вольность... К счастью, никто к нему не при-
мкнул, и он оставил Рим, угрожая возвратиться с вой-
ском...

Созвав заседание сената, Октавий внес предложение об отнятии консульства у Цинны.

— Отцы, — говорил он, — разве Цинна — консул? Он оставил город в минуту опасности и обещал рабам свободу... для борьбы с властью!

Сенаторы зашумели:

— Верно! Это бунтовщик!

— Молчите! Цинна — лучший муж республики!

— Он ратует за справедливость!

— Молчите вы, разбойники! — воскликнул консул. — Мало получили? Будете помнить Октавиев день! На место злодея я предлагаю избрать Люция Мерулу, великого жреца Юпитера...

Сенаторы захлопали в ладоши.

— Это же беззаконие! — возмущались приверженцы Цинны. — Сулла способствовал назначению Цинны консулом.

— Если бы Сулла был здесь, — возразил Октавий, — он приказал бы умертвить его!

Октавий разослал соглядатаев в кампанские города, чтобы узнать о намерениях и действиях Цинны. Притворившись сторонниками бежавшего консула, они следили за каждым его шагом и, прибывая в Рим, докладывали в сенате:

— Цинна сломал свои фасции в присутствии капуанских легионов и плакал. Он говорил: «От вас, квириты, я получил магистратуру, а сенат отнял ее у меня без вашего согласия». Потом он разорвал одежды, сошел с трибуны, бросился на землю и долго оставался в этом положении, пока его не подняли и не посадили на консульское кресло...

— Гистрион или шут, — пробормотал Октавий.

— Потом принесли ему фасции, и легионарии кричали: «Действуй по консульскому праву! Веди нас куда хочешь!» А военные трибуны поклялись ему в верности.

Через несколько дней прибыли новые соглядатаи.

— Цинна объезжает города союзников. Он закликает помочь ему и кричит на площадях: «Граждане, я пострадал, защищая ваши права, и если вы не поможете, гнев богов обратится на ваши головы!»

— Города дают ему деньги и людей...

— Я сам видел многочисленные войска... Легионы, стоявшие у Нолы, присоединились к нему.

Сенат был встревожен. Узнав, что Цинна имеет уже в своем распоряжении более трехсот когорт, он заставил магистратов поклясться, что они будут молчать об этом: возникало опасение, как бы народ не перешел на сторону низложенного консула.

Однако Рим узнал о походе Цинны, и тысячи граждан тайком покинули город. Одни бежали к Цинне, боясь его гнева, опасаясь за свою жизнь и имущество, другие — потому, что сочувствовали борьбе, которую он начал, третьи — оттого, что были его сторонниками.

Известие о бегстве римлян застало сенат врасплох. Консулы Октавий и Мерула предложили принять необходимые меры для спасения республики. Сенат соглашался на все.

Начались спешные работы по укреплению города. Несмотря на дождь, шедший уже вторые сутки, мужчины рыли окопы, а женщины таскали на носилках камень, щебень и землю, превратившуюся в липкую грязь. Рабы, под наблюдением греков-строителей, укрепляли стены, устанавливали на них баллисты и катапульты. Сенат разослал гонцов во все города Италии, оставшиеся верными Риму, с требованием немедленной помощи.

Глава XX

Долгие месяцы Марий скитался, гонимый и преследуемый, как зверь: он блуждал с друзьями по морю, его корабль трепали бури, он умирал с голоду, бежал от погонь и скрывался в болоте возле Минтурн. Здесь был он схвачен, отведен к магистратам и осужден на смерть.

Были сумерки, и в кубикююме, где он лежал, запертый, предметы впадали в сгущавшейся темноте.

Вошел галл с мечом в руке, чтобы привести приговор в исполнение, но громовой голос, донесшийся из угла, остановил его:

— И ты, несчастный, дерзаешь поднять руку на Гая Мария?

Уронив меч, варвар выбежал на улицу с криком:

— Нет, нет! Я не могу его убить!

Собралась толпа. Зашумела:

— Как, убить Мария, третьего основателя Рима?

— Убить спасителя Италии?

— О, бессовестные магистраты!

Крики возмущения усиливались.

— Пусть уходит куда хочет, — предложил один старик, — пусть удар судьбы поразит его в другом месте, но да никто не скажет, что мы выгнали из своего города нагого и беспомощного Мария!

И граждане решили проводить его до моря.

Дорогу пересекала роца Марики, древнеиталийской нимфы, и ее нужно было обходить, но тот же старик крикнул:

— Нет священных и непроходимых дорог, если они могут спасти Мария! Давай, странник, вещи!

И он первый вошел в роцу, неся тяжелый груз.

Долго блуждал Марий по морю, прежде чем добраться до Карфагена, но и здесь не было старику покоя. Пропретор Африки велел ему убираться, пригрозив поступить с ним как с врагом римского народа. Марий тяжело вздохнул и сказал рабу, дожидавшемуся ответа:

— Скажи пропретору, что ты видел изгнанника Мария, сидящего на развалинах Карфагена.

В этот день высадился на берег Марий Младший, который бежал вначале с друзьями к Гиемпсалу, нумидийскому царю, и принужден был потом спастись от него, — Гиемпсал колебался, как поступить с ними, и только влюбившаяся в Мария царская наложница помогла им бежать из Нумидии.

— Беседовать будем потом, — сказал старый Марий, — не пора ли собираться? Нептун нам поможет.

Они добрались до острова Керкиры, где оставались до получения благоприятных вестей из Рима: консулы

опять начали между собой борьбу, и Цинна, изгнанный из Рима после уличного боя, собирал наспех войско в разных областях Италии, дабы возобновить войну.

— Слава богам! — воскликнул Марий и принес благодарственную жертву. — На Рим! На Рим! И теперь, думаю, уже навсегда. Рыжий пес отправился против Митридата, а Цинна — популярен и верный коллега.

Взяв с собой отряд, состоявший из мавританской конницы и итальянских беглецов, он сел с ними на корабль и высадился в Теламоне, надеясь значительно увеличить свое войско невольниками.

— Дарую свободу всем рабам, — объявил Марий и разослал гонцов в глубь области.

Слава его имени носилась над Этрурией, и земледельцы, пастухи и невольники сбегались к нему толпами. Отобрав наспех самых сильных, он приказал трибунам обучать их, а сам отправился собирать корабли.

— У нас сорок вооруженных трирем, — сказал он, возвратившись после долгого отсутствия, — и мы можем начать борьбу. Присоединимся же к нашему дорогому коллеге Цинне — да хранят его боги!

Он послал к Цинне Мульвия, повелев сказать, что признает его консулом и готов ему подчиниться.

Мульвий не замедлил вернуться с ответом. Цинна писал:

«Отправляя тебе фасции и знаки консульского достоинства, прошу тебя принять звание проконсула и немедленно ехать ко мне».

Марий засмеялся — смех семидесятилетнего старика, дикого, взлохмаченного, не стригшегося со времени бегства и одетого в рубище, был страшен.

— Мне, изгнаннику, фасции и все эти знаки? — прошептал он. — Мне, нищему, эти детские побрякушки? Видите, боги? Я жажду сурового возмездия, хочу упиться кровью подлых оптиматов, этих псов и свиней, и когда они будут уничтожены, я примусь сооружать новое здание — ха-ха-ха! — царство Сатурна, на страх угнетателям!

Он злобно сжал губы и, взобравшись с помощью Мульвия на лошадь, медленно поехал к Цинне, размышляя, как наказать римлян, не поддержавших его во время борьбы с Суллой.

Глава XXI

«Не остановлюсь ни перед чем, — думал Марий, сидя в шатре рядом с Цинной, — все разрушу, а оптиматов истреблю, как мышей и крыс! Сто раз ошибался, сто раз упускал возможность совершить переворот, но теперь не пожалею и жизни...»

Его сын сидел тут же, пил медленными глотками вино и беседовал вполголоса с Цинной.

— Итак, отец, — обратился он к Марию, — все сделано: твои корабли отрезали подвоз хлеба в столицу, много приморских городов занято, а Остия разграблена и большая часть населения перебита. Почему же мы медлим?

— Мы должны перекинуть мост через Тибр, — ответил Марий. — Работу закончат через два дня, а к этому времени подойдут самниты.

Марий и Цинна, согласившись удовлетворить требования самнитов, отвергнутые сенатом, ожидали обещанных подкреплений, и хотя Серторий находил притязания союзников чрезмерными, пришлось их принять. Переговоры вел сам Цинна. Он обещал Телезину, прибывшему во главе самнитского посольства, дарование гражданских прав, возвращение захваченной военной добычи, пленных и перебежчиков.

Самнитская конница появилась перед лагерем Цинны на третий день. Однако постройка моста затянулась, и легионы смогли выступить лишь спустя неделю.

В городе начался голод и моровая язва. Римляне гибли сотнями. Даже легионы Гнея Помпея Страбона, стоявшие у Колинских ворот, чтобы защищать Рим, подверглись опустошительной хвори: погибло около одиннадцати тысяч воинов и сам Страбон.

Накануне похода прибыло в лагерь сенатское посольство. Цинна в консульской одежде сидел в шатре на курульном кресле и занимался делами. Возле него стоял Марий, усердно счищая мохнатыми пальцами грязь со своей тоги. Выступил вперед старый сенатор. Заклиная Цинну богами, он просил пощадить жизнь граждан в случае падения города.

— Не довольно ли смут и кровопролитий перед лицом богов? Народ жаждет мира и спокойного труда, а борьба мешает земледельцам и ремесленникам. Будь милосерден, консул, к римлянам!

— Неужели отцы государства считают нас убийцами? Разве мы не стремимся к благоденствию родины? И я заверяю сенат, что не буду причиной чьей-либо смерти. — Цинна встал со своего места.

— Поклянись!

— Нет. Пусть успокоятся отцы государства и отправляются с миром в город Ромула!

Марий молчал. На его суровом лице мрачно вспыхивали медвежьи глаза, губы кривились в злобную улыбку. Послы смотрели на него с испугом.

— Ты сказал, консул, но твой коллега, — указал старший сенатор на Мария, — молчит. Может быть, и он заверит сенат в своем дружелюбии?

Цинна взглянул на Мария:

— Не желаешь ли, Гай Марий, успокоить отцов государства и граждан?

Марий молчал, потом медленно выговорил:

— Я успокою их завтра...

В его голосе слышалась угроза, и встревоженное посольство поспешно покинуло лагерь.

А на другой день Цинна, во главе пятнадцати легионов, вошел в город. Окруженный молодыми магистратами, разодетыми в дорогие тоги, он гордо ехал по улице рядом со своим другом Фимбрией, поглядывая на выстроившихся по сторонам граждан, и на лице его блуждала кроткая улыбка.

Народ приветствовал его громогласными радостными криками. Цинна кивал, оглядываясь поминутно назад. Он искал глазами Мария.

А тот остановился в воротах. Позади виднелась толпа бардиев — иллирийских рабов, ставших воинами.

— Я бедный изгнанник, — говорил он магистратам, вышедшим к нему навстречу, явно издеваясь над ними, — и мне запрещено законом возвращение на родину. Но если присутствие мое необходимо, пусть комиции отменят старое решение и попросят меня войти в город.

— Будет исполнено, — испуганно сказал старый магистрат и распорядился созвать народ на форум.

Но Марий, не дожидаясь решения комиций, приказал бардиеям вступить в Рим.

— Кому я не буду отвечать на поклон, — предупредил он их, — того убивайте.

И он поехал впереди. Лицо его было мрачно. Оглядывая народ, он не отвечал на приветствия оптиматов, и бардиэи сбивали их с ног и рубили мечами.

Ужас охватил толпу. Она побежала.

— Стойте, квириды, — закричал Марий, — я расправляюсь не с плебсом и не с рабами, а с вашими врагами! Стойте!..

Толпа остановилась.

А он ехал, и бардиэи убивали даже женщин, детей.

Марий догнал Цинну недалеко от форума. Кругом происходила резня. Цинна тоже мстил своим политическим противникам: его воины врываются в дома, убивали хозяев и грабили имущество, а обезглавленные трупы выбрасывали на улицу.

— Злодеи, — бормотал Марий, оглядывая исподлобья народ, — ответите за все: и за Марсийскую войну, когда я был унижен, и за мои скитания и беды...

Он подъехал к Цинне и спросил:

— Неужели пощадим проклятого Октавия?

Цинна смутился:

— Мы поклялись в его безопасности.

— Ну и что? Приверженец палача Суллы не должен жить!

И, подзвав Сертория, повелел:

— Разослать соглядатаев по всем улицам, на дороги, в виллы, в окрестные деревни! Пусть ловят беглецов и убивают их!

Коллега Мария по консульству Лутаций Катулл, лучший друг Суллы, ожидал в своем таблиниуме приговора. Он ходил взад и вперед, бросая рассеянные взгляды на папирус и пергамент: он прекратил работу над XII книгой своей истории и думал, что Марий непременно отомстит ему за дружбу с Суллой и за триумф над кимбрами.

Молодая эфиопка, делившая с ним ложе, вошла в таблиниум:

— Господин мой, некто желает тебя видеть.

Катулл вышел в атриум. Незнакомый человек, бледный, взволнованный, прерывисто зашептал:

— Марий сказал так: «Он должен умереть».

— Кто ты?

— Ойней, вольноотпущенник Суллы.

— Пусть боги воздадут злодею за кровь!

И повернулся к эфиопке:

— Вели отнести в кубикулум вина и разожги побольше угольев...

Эфиопка растерялась и, вдруг все поняв, заголосила, бросилась к его ногам:

— Мы упросим Мария, мы спасем тебя... Беги, господин!

— Нет, я устал от этой борьбы.

Прошел в таблиниум, собрал свои манускрипты и отнес в кубикулум; потом хлопнул в ладоши.

— Что еще пожелает господин? — молвила эфиопка, входя с жаровней в руке.

Синеватое пламя мигало неровными огоньками, и через несколько минут тяжелый угарный запах распространился в кубикулуме.

— Нaley вина в фиалы и уходи, — вымолвил Катулл, вдыхая полной грудью удушливый чад, — манускрипты отдашь консулу Люцию Корнелию Сулле. Помнишь его?

— Господин мой, умоляю тебя...

— Возьми мои книги... Постой...

Он задыхался. Сделав, по обычаю самоубийц, возлияние Меркурию, он опорожнил фиал и, обняв любовницу, тотчас же оттолкнул ее:

— Уходи!

Поудобней улегся на ложе.
Надвигалась тяжелая
дремота. Грудь
отяжелела, он
с трудом ды-
шал, кру-
жилась
голова.
Хотел

привстать, чтобы взять второй фиал, но мозг как буд-
то сжался в сверлящий болью комок, мысли, казалось,
иссякли, и только обрывки пролетали так быстро, что
он едва мог уловить их: «Сулла... легионы... медный
бык...» Сердце прыгало, как бы подбираясь к горлу, а
в ушах стоял звенящий шум: Катулл засыпал...

Глава XXII

Марий с сыном, Цинна, Фимбрия и Карбон находились все время на улицах и натравливали воинов на подозрительных граждан. Пять дней и пять ночей в Риме происходила страшная резня; затем она перекинулась на италийские города, виллы, деревни и несколько месяцев не утихала.

Мульвий нашел Мариа на форуме. Полководец смотрел, как бардиэи, поймав двух сенаторов, били их гибкими прутьями. Старики надрывно вопили.

Подбежал Гай Флавий Фимбрия. Это был молодой щеголь, жестокий, заносчивый, корыстолюбивый. Он мечтал о богатстве и власти, и жертвами его были преимущественно состоятельные люди.

— Друзья Суллы перебиты, — воскликнул он, — консул Октавий умерщвлен! Поверив окружающим его халдеям, что ничего дурного с ним не случится, он остался в городе и удалился на Яникул: рабы несли его на консульском кресле, и патриции из знаменитых фамилий окружали его. Октавию отрубили голову... Что прикажешь сделать с нею?

— Прикрепить к ростре... А скажи, все ли приверженцы Суллы уничтожены?

— Увы, большинство бежало! Но не сердись, мы их выловим...

— А Квинт Лутаций Катулл? — вспомнил Марий, и медвежьи глаза его злобно сверкнули. — Убит?

— Не знаю, — сказал Фимбрия.

— Идем поскорее, иначе он залезет, как клоп, в какую-нибудь щель! — крикнул Марий.

Они пошли в сопровождении нескольких плебеев. По пути к ним присоединился сын Мариа. Его одежда была испачкана кровью.

— Дом Суллы разрушен, — сказал он, — имущество расхищено, а Метелла с детьми бежала... Пусть гибнут все!

— Верно! — воскликнул Мульвий. — Пора, наконец, чтоб нобили уступили место плебеям! Помнишь, вождь, Мерулу, консулярного мужа и жреца Юпите-

ра? Мои воины, преследуя его, загнали в храм, и там он вскрыл себе жилы... А Марка Антония Оратора мы убили... Жаль, что сын его скрылся у понтифика!

— Не напасть ли нам на Метелла? — предложил Марий.

— Нет, нет! — испугался Мульвий. — Народ не потерпит оскорбления верховного жреца!

Они остановились у дома Катуллы и постучали. Никто не ответил.

— Мульвий, зови людей! — крикнул Марий. — Выломаем дверь...

— Он обезумел от страха и забился под туннику невольницы! — засмеялся молодой Марий. — Но мы вытащим его оттуда...

— Тем более, — засмеялся Фимбрия, — что медный бык, захваченный им у кимбров, не сможет укрыть его в своей утробе!

Когда через взломанную дверь они проникли в атриум, их охватил запах угара. Они остановились в недоумении, а вождь, зажимая нос, вошел в кубикулюм и громко крикнул:

— Ко мне! Тут темно. Огня!

Люди бросились на его зов. Факел шипел, потрескивая в руке Мульвия. Серый чад заполнял кубикулюм. На ложе находилось распостертое тело Катуллы с посиневшим лицом и выпученными глазами. Перед ним на круглом столе стояли фиалы с вином, на треножнике лежал зарезанный петух, чуть подалее дымилась жаровня.

— Злодей предупредил наш замысел! — заскрежетал зубами Марий. — О, проклятый...

— Предусмотрительный муж, — усмехнулся сын, — он, по примеру Сократа, посвятил Эскулапу петуха, а затем совершил возлияние, должно быть, Юпитеру-Освободителю...

Задыхаясь от дыма, они выбежали на улицу.

Глава XXIII

Сформировав из рабов и разорившихся земледельцев отряд Немезиды, Мульвий приказал нарисовать на знамени головы Гракхов и принялся истреблять нобилей. Он обладал особенным чутьем и хитростью: никто не мог от него укрыться, и головы каждый день выставлялись на роствах; иногда они там не помещались, и их приходилось ставить одна на другую. А тела казненных разлагались на улицах, заражая город трупным запахом.

Мульвий ожесточился. Он мстил за годы бесправия, нищеты и голода, за годы обманутых надежд, за развал семьи и убийство брата. Он не жалел матрон и детей, принадлежавших к знатым фамилиям, и ему казалось, что сама Немезида направляет его руку против злодеев.

Видя неистовство Цинны, жестокость Мариев и суровость Гнея Папирия Карбона, Мульвий неодобрительно посматривал на Сертория. Кривой на левый глаз, потерянный в Союзническую войну, с лицом женственным, несколько грустным, Серторий был гуманнее своих коллег: он не участвовал в избиениях и насилиях над гражданами и неоднократно обвинял Мариа в чрезмерной жестокости.

Недоброжелательство Мульвия зародилось после того, как Серторий, проходя однажды по улице, остановился перед домом, который грабили воины Мульвия. Серторий молча смотрел на расхищение. Но когда увидел рабов, истязавших малолетних детей, — не выдержал: выхватил меч и двоих уложил на месте. Остальные разбежались. Мульвий, бледный от гнева, готов был броситься на Сертория, но тот опередил его и спросил:

— Ты начальник? Ты? Так почему же допускаешь бесчинства?

— Это не бесчинства, — хмуро ответил Мульвий. — Злодеи должны быть уничтожены...

— Злодеи — да, но ты воюешь с женщинами и детьми! Стыдись!

Мульвий погаровел и выдавил сквозь зубы:
— Не тебе меня учить — милосердие —
удел женоподобных.

Серторий спокойно поднял меч.
— Еще одно слово — и я уложу тебя на месте, клянусь Минервой!

Мульвий смущенно опустил голову.

— Я еще проверю твоих людей. И если захвачу на месте преступления — пощады не будет!

Мульвий скрепя сердце подчинился, но недоброжелательство осталось. Он избегал Сертория, а когда тот однажды сказал: «Консул Цинна передал твой отряд и отряд бардиев в мое распоряжение», Мульвий, вскипев, побежал к Марию.

В атриуме было много гостей, а из таблиума доносился голос Цинны. Старик, терзаемый недугом, пил вино и слушал хвастливую речь центуриона, рассказывавшего об убийстве претора.

— А голова? — хрипло спросил Марий, когда вошел Мульвий.

— Вот она!

Марий взял отрубленную голову, с которой капала кровь, и смотрел на нее с торжествующей улыбкой.

— Вот где нам суждено было богами встретиться! — захохотал он. — Много лет назад ты обозвал меня, плебея, дерьмом, а теперь и я скажу тебе: «Ты, патриций, дерьмо и с дерьмом сгниешь». Центурион! Тело и голову бросить в нечистоты!

И, обернувшись, взглянул на Мульвия:

— Зачем пришел?

— Цинна передал Серторию отряд Немезиды и твоих бардиев...

— Лжешь! — крикнул Марий, и его жирная шея налилась кровью.

— Клянусь Немезидой!

Марий оглядел собеседников бешеными глазами.

— Люций Корнелий! Прошу тебя ко мне...

Голос его прокатился по атриуму, заставив всех насторожиться. И когда Цинна в сопровождении Фимбрии, вышел из таблиума, Марий закричал:

— Что это значит, Люций Корнелий? Почему ты передал моих бардиев Серторию?

Цинна, сильно подвыпивший, а потому более дерзкий и задорный, чем обыкновенно, сказал:

— Это значит... это значит, что так нужно...

— Люций! Разве бардиэи — не мои сателлиты?

— Я тебе дам других...

— Нет! Ты не посоветовался со мною, омрачил нашу старую дружбу. Ты...

— Я консул, дорогой Гай, и нахожу, что в республике больше не осталось тел, которые должно пробивать копьями. Скоро наступит *Saturnia regna*¹, и жизнь станет иной... Ты любишь детей, они называют тебя дедушкой, и не для них ли ты хочешь создать светлую жизнь? А если так, то пусть новую жизнь не омрачат больше убийства невинных.

Марий глубоко вздохнул. Да, он любил детей. Нередко на площадях он, старый, грузный, принимал участие в их играх, и тогда лицо его светилось смехом, а глаза юношески сверкали.

— Боги воздадут нам за наше человеколюбие, — улыбнулся Марий.

Цинна захохотал.

— Человеколюбие? Ха-ха-ха! Слышишь, Фимбрия? Оно известно всей Италии... Впрочем, ты прав. Во имя человеколюбия совершили мы страшное кровопускание римским оптиматам, ибо опасались, как бы полнокровие не привело их к удару. Сенат сильно поредел благодаря нашим заботам, и мы, с помощью богов, пополним его... Обдумай, кого из достойнейших хочешь ты выставить кандидатом, прикажи скрибам составить списки.

Марий задумался.

— А все же я прошу тебя, Люций, оставь мне моих бардиев...

— Если ты настаиваешь, пусть будет так. Но помни: насилия нужно прекратить...

— Конечно, тем более, что я согласен с тобою...

А сам подумал: «Он слеп, еще не все оптиматы истреблены, и не я буду Гай Марий, если не уничтожу злодеев».

Цинна отвернулся, заговорил о чем-то с Карбоном, но Марий перебил их:

— Еще одно слово, Люций! Как же отряд Немезиды?

— Он останется в ведении Сертория.

---

¹ Царство Сатурна. (Лат.)

— Почему? Вот начальник отряда Мульвий, которого ты ценишь...

Цинна быстро взглянул на Мульвия:

— Привет тебе! Рад, что ты пришел. Подчиняйся Серторию и полюби его. Это лучший борец за дело угнетенных...

Мульвий замолчал. В его сердце росло недовольство к вождю-консулу, который казался ему недалёковидным. «Разве Серторий не мягкий, слабовольный человек? Он испортит все дело, на которое ушло столько трудов и сил, и мы станем легкой добычей Суллы...»

А Цинна, как бы угадывая его мысли, прибавил:

— Ты не предполагаешь, какой душевной силой, волей и храбростью наделили боги этого мужа!

Глава XXIV

Тукция сидела на ложе и бранила рабыню за опоздание. Невольница должна была будить госпожу чуть свет, готовить для нее лаватрину, причесывать, одевать, потом убирать ложе и подметать кубикуюм.

Выйдя по настоянию Суллы замуж за Ойнея, она не испытала радостей супружеской жизни: грек оказался человеком хитрым и жадным, но слабовольным, и она с первых дней подчинила его себе.

Вначале ее радовало освобождение от постыдного ремесла, одна мысль о котором угнетала день и ночь, а потом, став хозяйкой, Тукция загрустила. Патриций, вытаскивший ее из грязи, не приходил, а образ его стоял перед глазами. Она ожидала, что он будет гостем на ее свадьбе, и внимание, уделенное ей, бывшей блуднице, возвысит ее в глазах всех присутствующих. Но он так и не явился.

Подчинив себе Ойнея, Тукция прибрала к рукам все хозяйство: пища для блудниц готовилась под ее наблюдением, одежды она закупала сама, а плату с гостей хотя и получал муж, однако он должен был давать ей точный отчет.

Она имела рабов, приобрела лектику, безделушки, драгоценности и появлялась на улицах свежая (опытный глаз мог бы заметить притирания и румяна), веселая, окруженная толпой блестящих бездельников.

Но это не удовлетворяло ее. Кровавые дни господства Суллы, а затем Цинны и Мария не отразились на ней. Она не понимала, чего хотят эти мужи, за что борются; но одно было ясно: гибнут люди.

Ойней был хитроумнее Тукции — знал, к чему стремятся Марий и Сулла, но подлая душа его искала извилистых троп, чтобы уцелеть. Когда Рим занимал Сулла, Ойней, чувствуя себя в силе, выдавал ему марианцев, пытавшихся укрыться в лупанарии или по соседству. А после захвата города Цинной принялся вылавливать сулланцев. Он сумел так ловко повести дело, что обе стороны считали его своим. Жадный, он старался заработать побольше (ему платили с головы).

Ойней перестал сидеть у входа в лупанарий. Теперь деньги с посетителей взимала Тукция и злилась, что муж пропадает. Она спорила с ним, обвиняя его в темных делах, требовала, чтобы он не уходил из дому, и грек обещал, клянясь троицей богов, но как только наступала ночь — незаметно исчезал.

Решив однажды его дожидаться, она не легла отдохнуть с утра, как это вошло у нее в привычку, а сидела, греясь на утреннем солнце, у водоема. Статуя Приапа, потрескавшаяся от зноя и почерневшая от дождей, стояла рядом. Бог плодovitости видел ее входящей в этот дом и теперь смотрит на ее благополучие. Но увы! Детей у нее нет: разве от этого лысого грека можно зачать? И вообще способна ли она стать матерью после пьяной, развратной жизни проститутки?

— Что не легла? — слышался веселый голос мужа. — Неужели захотелось взглянуть на румяноперстную Эос и поклониться златокудруму Фебу-Аполлону?

Тукция вскочила:

— Мне надоело это, понимаешь? Я не буду больше все делать за тебя! Клянусь Венерой — если ты не прекратишь своих тайных дел, я расскажу о тебе нашему господину, когда он вернется!

Ойней смутился, глаза беспокойно забегали.

— А сегодня, — продолжала она, — я посажу у входа девушку: пусть она получает деньги!

Жадность проснулась в нем.

— Что? Девушку? Чтобы обворовывала нас? Побывает сто посетителей, а она скажет — сорок.

Тукция схватила его за грудь и трясла с такой силой, что грек побледнел от бешенства. Что-то тяжелое упало к его ногам. Тукция проворно нагнулась. Это был кожаный мешочек: зазвенели монеты, когда она принялась его развязывать.

Но Ойней старался вырвать его из рук жены.

— Отдай, — шипел он, — отдай! Эти деньги мои...

Грек ударил ее по руке. Она, вскрикнув, уронила мешочек: серебряные динарии, звеня и прыгая, покатались по двору. Ойней подозрительно огляделся. Кроме него и жены, во дворе никого не было. Упав на колени, он принялся дрожащими руками собирать серебро, губы его шептали проклятия.

Бледная, Тукция смотрела на мужа.

— Ой, берегись, супруг мой, — тихо вымолвила она:

— Я не знаю, за что тебе платят, но боюсь этого серебра! Унеси его, куда хочешь, чтоб никто не увидел!..

Ойней овладел собой.

— Боишься? — скривил он губы. — А чего? Эти деньги я заработал...

— Где? Как?

— Не твое дело, — пробормотал он, пряча мешочек на груди. — Меня не будет дома еще две-три ночи, а потом вернусь... навсегда...

— Не верю! Твое место здесь! — перебила Тукция.

Она топнула с такой силой, что гладкие камешки, которыми был обложен водоем, посыпались, и, не глядя на Ойнея, вошла в лупанарий.

Глава XXV

Серторий решительно вошел в дом Цинны. Шагая грязными калигами по блестящей мозаике и пушистым коврам атриума и оставляя на них мокрые следы, он спросил раба, выбежавшего из перистилля:

— Консул здесь?

— Ты говоришь, — шепнул невольник, с испугом оглядываясь на дверь таблинума, — но господин занят и велел его не беспокоить.

Серторий пожал плечами и распахнул дверь.

Цинна вскочил. Ярость исказила его лицо.

— Я приказал никого не впускать! — крикнул он. — Я занят... Эй, атриенсис, двадцать плетей...

Молодой Марий и Фимбрия, полулежавшие за столом, сели на ложе, опустив ноги на пол.

— Раб не виноват, — сказал Серторий, — я вошел насильно... У меня важное дело, вождь, и я не мог ждать... Отпусти слугу, а затем выслушай меня.

— Говори.

— Прости, но я хотел бы беседовать с тобой наедине.

Молодой Марий криво улыбнулся.

— Изволь, — сказал он, — мы можем уйти, если ты считаешь нас лишними...

Марий и Фимбрия, нахмурившись, встали.

— Я ухожу, Люций Корнелий, и буду ждать тебя у отца, — сказал Марий. — Придешь?

— Только не сегодня. Обилие дел заставит меня просидеть весь день дома.

Когда они ушли, Цинна нетерпеливо спросил:

— Какие у тебя такие важные дела? Ты поставил меня в глупое положение...

— Вождь, бардиэи продолжают убивать, насилловать, грабить... Пора положить этому конец!

— Старик уверял меня, что преступления не повторятся...

— Они врываются даже в дома наших сторонников... И кто поручится, что сегодня или завтра они не нападут на тебя, консула, и иных вождей?

Цинна побледнел.

— Что же ты предлагаешь? — сдавленным шепотом вымолвил он.

— Я требую уничтожить этих зверей... А если ты колеблешься — пеняй на себя за последствия...

— Сколько их?

— Четыре тысячи.

— Пусть легион выступит после второй стражи к Коллинским воротам.

Цинна беседовал с Серторием, Фимбрией и Карбонем не о государственных делах, а об успехах Суллы. Слава о подвигах императора долетела уже до Рима, и его победы казались сказочными.

— Все это ложь, — говорил консул, — два-три удачных сражения возведены тайными приверженцами Суллы в крупные победы, чтобы вселить смуту в сердца сограждан. Но я постараюсь, чтобы злоумышленники понесли заслуженную кару...

Хлопнул в ладоши:

— Позвать Ойнея!

Грек вошел крадущейся походкой.

— Выловил врагов?

— Пока шестерых, вождь!

— Кто такие?

— Гай и Люций Юлии, Антилий Серан, Публий Лентул, Гай Нумиторий и Марк Бебий.

— Где они?

— Убиты на дорогах. Они пытались бежать, переодевшись рабами, но соглядатаи опознали их...

— Головы их?

— В кожаном мешке, который я оставил в саду...

Цинна взглянул на Карбона:

— Выставить чуть свет на рострах. Выдать Ойнею двадцать тысяч сестерциев.

Грек наклонил голову, но не уходил.

— Благодарю вождей народа за милость, — вымолвил он срывающимся голосом, — но прошу освободить меня от этих дел... Я устал, и силы покидают меня...

Цинна пристально взглянул на него.

— Тебе, прослужившему более тридцати лет у Скавра, известны все друзья его и Суллы, — резко сказал он, — и ты, только ты один можешь указать на них... Что дрожишь? Возвращения Суллы испугался? Но он не вернется. Ну, а если придет — весь римский народ даст ему отпор...

— Нет, вождь, не Суллы я боюсь, а упадка сил... я болен... Что мне в этом серебре?

— Я прикажу выдать тебе золотом...

— Вождь, все враги выловлены, и я опасаюсь — больше не найти. А ты подумаешь, что я укрываю их. И я не могу...

— Замолчи! Благо республики требует помощи от всех граждан!.. Я приказываю продолжать розыски.

Ойней молча ушел.

— Вот злодей, готовый за деньги предать и отца и мать! — воскликнул Цинна. — Но он полезен для блага народа...

Раб возвестил о прибытии обоих Мариев.

— А, это вы! — весело закричал хозяин, бросившись им навстречу. — Какой радости обязан я вашему посещению?

Но, взглянув на старого Мария, смутился.

«Знает, все знает, — мелькнуло у него, — будет ссориться... Но что сделано — сделано, и только одни боги способны возвратить к жизни преступников».

— Ты перебил, консул, спящих бардиев, — заговорил ворчливым голосом старик, — и я пришел с сыном, который возмущен не меньше меня (молодой Марий опустил глаза), спросить тебя, зачем ты пролил столько крови?

Цинна хотел ответить, но Марий остановил его:

— Я знаю, кто подстрекал тебя на убийство. Это он, он! — вскричал старик, указывая на Сертория. — И я требую ответить мне, кто я в республике — раб или... или магистрат?

Цинна дружески похлопал его по спине:

— Успокойся, дорогой мой! Я сейчас изложу тебе причины, толкнувшие нас на этот поступок, и если ты захочешь выслушать сперва Квинта, — кивнул он на Сертория, — ты согласишься...

— Никогда! — перебил Марий. — Я знаю, что скажет он, что скажешь ты! Убийства, насилия, грабежи?

— Но позволь, Гай Марий.

— Молчи! Кого они убивали? Сулланцев, врагов республики...

— Ошибаешься... Они стали умерщвлять неповинных граждан.

Не желая уступить, Марий упрямо проворчал:

— Не может быть! Все делалось для блага отечества. И когда я получу седьмое консульство, то я освобожу весь римский народ...

Цинна, довольный, что беседа свелась к охлократии, поддакивал старику и сумел так опутать его речами, что тот позабыл почти о своих жалобах.

— Царство Сатурна, — улыбаясь, говорил Цинна, — это мечта всего человечества: всеобщее равенство, счастливый труд в городе и деревне, плата человеку по усердию, количеству и качеству выработанных предметов... легионы, состоящие из римлян, союзников и рабов, и... множество других новшеств...

А сам думал: «Пусть помечтает, это его слабое место... Часто старик и ребенок не отличаются умом друг от друга».

Угрюмые глаза Мария повеселели.

— О, если бы мне дожить до этих дней! — вздохнул он. — Что я пережил, сколько перенес горечи в жизни, борясь с нобилями, и неужели все это тщетно... для того, чтобы пришел... он... и разрушил?..

Вскочил в бешенстве. Лицо побагровело, вспотело, седая грива и взлохмаченные брови зашевелились, и он забегал по таблиннику, грузный, тяжелый, неповоротливый, натываясь на кресла и биселлы.

— Он, он! Всюду он! — шептал Марий. — Победы над Митридатом, осада Афин — ха-ха-ха! А ведь он, злодей, отнял у меня... он...

Задыхаясь, опустился в биселлу.

— Не волнуйся, дорогой мой, — успокаивал его Карбон. — Победы его — ничто в сравнении с теми высокими идеями, какие ты хочешь привить республике. Недаром Посейдоний, умный историограф, не оставляет тебя своими советами. А оптиматов у нас почти уже нет. Мы выкорчуем остатки их, как трухлявые пни.

— Да, — вздохнул старик. — Но нельзя же спокойно спать и отдыхать! Нужно готовиться к новой борьбе. Он придет — я его знаю! А я устал от забот и трудов, меня мучает мысль о новых войнах и опасностях. Борьба будет упорная: это не война с Октавием или Мерулой, вождями всякого сброда! — Он помолчал. — Разве он не заставил бежать меня из отечества? Разве я не скитался, подвергаясь опасностям на суше и на море? И только счастливая случайность помогла мне возвратиться на родину и победить врагов с твоей помощью, Люций Корнелий!

Цинне не понравилось, что Марий приписывает победу себе, а его, Цинну, обходит, выставляя только своим помощником, и сказал, едва сдерживаясь от раздражения:

— Оба мы одержали верх над неприятелем, а чья заслуга больше и полезнее — оценит потомство.

Марий хрипло рассмеялся:

— Потомство, потомство! Оно заклеямит нас кличкой разбойников, палачей, тиранов, и я не желал бы пристрастного суда проклятых оптиматов! Я сам себе суд и знаю, за что боролся...

Встал и, ни на кого не глядя, направился к двери.

Глава XXVI

По Риму ходили тревожные слухи: «Сулла идет!»

Неизвестно, кто распространял их, но Цинна, уверенный, что это дела уцелевших от разгрома аристократов, требовал от Ойнея розысков виновных.

— А не найдешь — хватай матрон. Заставь их говорить, чем хочешь, и они скажут, — говорил он, нетерпеливо постукивая по столу. — За каждого злодея получишь четыре тысячи сестерциев.

Однако Ойней не радовался деньгам. Он уже нажился, а слухи, распространяемые в городе, доводили его до ужаса; он утратил сон, стал раздражителен. Тукция видела, что мужа грызет забота, но не знала, в чем дело.

Однажды, когда она дожидалась мужа, к ней подошел человек в пилосе, с виду вольноотпущенник, однако лицо, гордая осанка и величественные движения изобличали в нем переодетого аристократа.

— Ты жена Ойнея? — спросил он.

Она кивнула, пристально разглядывая его.

— Знаешь, чем он занимается?

— Он лено...

— Ты не поняла... Известно тебе, чем он зарабатывает деньги по ночам?

Сердце ее тревожно забилося.

— Нет, господин, — шепнула она. — Я спрашиваю его, куда он уходит, а он молчит... И если ты знаешь, научи меня, как заставить его сидеть дома...

Незнакомец молчал, раздумывая.

— А вот и Ойней! — воскликнул он. — Скажи ему так: «Берегись, предатель!»

И незнакомец бросился в ворота, надвинув на глаза пилос. Но как ни поспешно было его бегство, он столкнулся с греком и, прежде чем тот мог опомниться, ударил его в зубы с такой силой, что лено, завопив, покатился по земле. Тукция закричала. Прибежал сторож и помог господину подняться. Лицо грека было окровавлено. Он тихо выл, как побитая собака.

— Отведи господина в дом и позаботься о нем, — приказала Тукция.

Глава XXVII

С каждым днем Марий ожесточался. Ненависть к нобилям разъедала его сердце. Он запрещал хоронить трупы убитых, приказывая их волочить по площадям и улицам, а головы прикреплять к рострам. Злобно смотрел, как всадники, толпясь в базиликах, яростно оспаривали друг у друга имущество казненных — богатые виллы, земли, виноградники, дома, которые продавались за бесценок.

— Торгаши слетелись, как воронье на падаль, — говорили плебеи, показывая пальцами на всадников и оскорбляя их злыми шутками. — Обогащайтесь, пока еще головы на плечах!

А вечерами Фимбрия приходил к Марию и шепотом сообщал о состоятельных всадниках, приверженцах Суллы. И в ту же ночь летели головы, семьи изгонялись, а лучшую добычу Фимбрия захватывал для себя или делил между друзьями.

Старик не знал покоя. Слухи о возвращении Суллы тревожили его, хотя он знал, что вождь аристократов осаждают Афины. И все же он боялся, что его враг может оставить у Афин одного из военачальников, а сам внезапно нападет на Рим. И он приказал избрать в трибутных комициях двух мужей для охраны берегов,

Италии и отправить их помощниками к морскому префекту. По ночам ему грезились призраки, злые духи расстроенного воображения; вереницей проходили мимо ложа Лутаций Катулл, Марк Антоний Оратор... Они останавливались перед ним и хохотали, протягивая окровавленные руки.

Он вскакивал и будил Юлию.

— Они... они... — шептал он, дрожа всем телом.

Напрасно жена уговаривала его успокоиться — он не слушал ее:

— Смотри — прячутся по углам... О Геката, разгони злых духов!.. Ты, повелевшая изваять деревянную статую, сотворить тело из дикой руты и украсить его домашними ящерицами, а затем раздавить их вместе с миррой и благовониями и рассеять смесь по воздуху во время новолуния! Избавь меня от призраков, и я построю тебе жилище из ветвей распустившегося лавра и буду горячо молиться, чтобы видеть тебя во сне. О Геката, богиня волшебства!..

Юлия со страхом внимала бормотанию мужа.

— Спи, спи...

Он захрапел, но вскоре опять вскочил.

— Голос, голос, — шептал он, озираясь. — Я слышу его. О боги! Избавьте меня от позора скитаний, от руки ненавистного врага, занесшего меч над головой! Голос... голос... Слышишь, Юлия?

— Ничего не слышу, это шумит ветер...

— Голос... слышишь?

Страшно логовище льва, хотя в нем нет льва...¹

— Ты бредишь, Гай!

Он лег и заснул тяжелым сном.

Юлия сидела у изголовья. Она не любила мужа, но жалела его. Он был уже стар, ему нужна была спокойная жизнь, отдых.

Избранный седьмой раз консулом, он стоял на форуме и беседовал с народом. Его медвежьи глаза блу-

---

¹ Неизвестный поэт.

ждали по лицам людей, пытаюсь проникнуть в душу каждого, но плебеи радостно приветствовали старого героя — надежду новой счастливой жизни. Он успокоился и веселый возвратился домой.

А в день нового года, в январские календы, вступил в должность консула. Лицо его было сурово, и он подозрительно смотрел на народ, валивший по улицам.

Вдруг глаза его остановились на невзрачном человеке в одежде вольноотпущенника. Растолкав толпу, Марий бросился к нему и схватил его за плечо.

— Злодей, я тебя искал! — дико захохотал он. — Вот сторонник Суллы, переодевшийся, чтобы вредить народу!

Плебс безмолвствовал. Убить в этот день человека означало навлечь на республику новые бедствия.

— Что же вы молчите, квиристы? Неужели враг отечества достоин жизни?

— Смерть ему, смерть! — закричало несколько голосов, но толпа продолжала хранить молчание.

— Это один из тех, кто распространял ложные слухи о возвращении Суллы, — продолжал Марий. — Рыжий пес воет еще в Греции, и пусть боги пошлют ему смерть на чужой земле и Фурии растерзают его проклятое тело!

И, обратившись к Цинне, спросил:

— Какой смерти достоин злодей-соглядатай?

— Придумай сам, — ответил суеверный Цинна.

Марий решил:

— Сбросить с Тарпейской скалы.

Раздраженный нерешительностью плебса и вождей, он возвратился домой и во время обеда поссорился из-за пустяка с Юлией, а сына обозвал развратником за любовные похождения.

Всю ночь он не спал. Светильни горели, разгоняя мрак, которого он теперь не выносил. Бессонница стала ужасом. С вечера он приказывал приносить в кубикую амфору с вином и ночью пил, чтобы скорее заснуть. Это вошло в привычку.

По утрам он отправлялся к Цинне. Прежде всего ему хотелось обеспечить городской и деревенский плебс, сделать его существование безбедным, создать

когорты вольноотпущенников. Он обсуждал с друзьями, какие законы следует провести в первую очередь и как поступать с чужестранными купцами, ежедневно прибывавшими в Рим.

Однажды, чей-то голос вымолвил за его спиной:

— А знаешь, Сулла бьет Митридата! Пирей и Афины накануне сдачи.

Марий нахмурился, встал и, сославшись на болезнь, ушел домой. «А ведь эту войну мог выиграть я, герой Югуртинского похода, победитель кимбров и тевтонов! И все — славу, богатство, триумф — отнял у меня он! О, как я ненавижу и проклинаяю его!»

В тот день он слег. Большой, толстый, с лихорадочно блестящими глазами, он лежал на ложе и поминутно просил пить. Юлия подносила холодную воду из источника Эгерии, и он, сделав глоток, отстранял чашу. А на ночь требовал вина, разбавленного горячей водой. Александрийские врачи, греки и иудеи, осматривая его, покачивали головами. Одни говорили, что у него застарелая простуда, другие — что больное сердце, а иные утверждали, что походы, битвы и беспокойная жизнь подорвали его здоровье.

— Он прожил семьдесят лет — разве это мало? Он добился славы, могущества, богатства, был семь раз консулом, женился на красавице... Чего еще человеку нужно?

Накануне смерти начался бред. Потный, взъерошенный, Марий вскакивал с криком:

— Воины! Полчища Митридата не страшны для римлян! Вперед! Два легиона в засаду, остальным...

Он делал различные телодвижения, как в строю, отдавал приказания. И вдруг из его глотки вырвался военный клич. Вскочил. Его схватили и уложили. Он затих. И лежал неподвижно, шепча обрывки слов.

Цинна, Карбон, Серторий и Марий Младший прислушивались к его бормотанию, и никто не понимал, что хотел сказать старик.

Он умер внезапно — захрипел, вздрогнул, голова запрокинулась. Вожди плебса молча стояли над телом консула, популяра, посвятившего остаток своей жизни борьбе с ненавистными сословиями.

КНИГА ТРЕТЬЯ * СУЛЛА

Глава I

Осаждая Пирей и Афины, Сулла приказал греческим городам сосредоточить неподалеку в гористой местности десять тысяч мулов, необходимых для подвоза из Фив металла, машин и рабов: предполагалось рытье земли и выкапывание камня из обломков Длинных Стен. А когда понадобилось дерево, он повелел вырубить знаменитые рощи Ликея и столетние платаны Академии.

Смутился даже Лукулл, приехавший на день из Пелопоннеса, услышав это приказание, но противоречить не посмел. Глядя, как рушились густолиственные платаны, под тенью которых прогуливались некогда Платон и Аристотель, Лукулл чуть не плакал от жалости и досады. А Сулла как нарочно прохаживался взад и вперед, покрикивая на невольников:

— Руби как следует! Плетей захотел?

Или:

— Что заснул? Эй, декурион! Пятьдесят бичей этому плечистому! А отлежится, гони на работу.

Каждый день прибывали послы из храмов Олимпии, Дельф и Эпидавра, везя на мулах несметные сокровища, вклады частных лиц, деньги, сбереженные жрецами, и царские приношения. Все это Сулла брал займы с условием, что уплатит с процентами после войны.

Прохаживаясь мимо палаток скрибов, составлявших списки отнятых драгоценностей, он посмеивался: «Жирные тунеядцы ничего не получают. Пусть довольствуются тем, что унесут в целости на плечах свои головы». А услышав плач жрецов и амфикиононов, которые, по-видимому, прощались навсегда с храмовыми ценностями, он шутил:

— Где покойник, которого вы оплакиваете? Неужели боги лишили меня зрения?

Жрецы уверяли его, что они плачут, страшась гнева богов, храмы которых опустели, а он говорил:

— Жрецы, а не знаете воли богов. Сам Зевс-Громовержец сказал мне во сне: «Бери все и владей!».

И тут же приказал квесторам:

— Отправить все сокровища в Пелопоннес к Лукуллу, пусть отчеканит монету.

Целые дни он проводил между Пирейской дорогой и болотистой долиной Галипедон, наблюдая за работами. Здесь поднимали землю, поддерживая ее балками и облицовывая камнем, — возводили широкую насыпь, шедшую по направлению к валу, с которым она должна была сравняться вышиной. Воины, прикрываясь деревянными навесами-черепашами, работали усердно, но стратег Архелай, защищавший Пирей, мешал внезапными вылазками, лобовыми нападениями, метанием зажженных снарядов. Но ничто не могло сломить упорства Суллы: он исправлял повреждения с удивительной быстротой и расстраивал планы осажденных. И когда наконец насыпь была готова, Сулла приказал поставить на ней десятки катапульт и баллист и бросать каменные глыбы и бревна в город, а таранами — день и ночь бить в стены.

Но Пирей держался. Архелай упорно сопротивлялся: стремясь защитить свои деревянные башни от зажигательных снарядов римлян, он приказал покрыть их невоспламеняющимся веществом, вытребовал отряды из Эвбеи и с других островов, вооружил гребцов, и его войско стало многочисленнее римского.

Быстро прошло лето. Начинались дожди, и приступ, задуманный Суллой, был отложен. Отведя войска в укрепленный лагерь близ Элевсина, укрытый от налетов азиатской конницы глубоким рвом и холмами, тянувшимися до самого моря, полководец удвоил бдительность. Усилия Архелая перебросить обозы ржи в высокий город, где начинался голод, потерпели неудачу, а легат Суллы Мунатий, разбив полководца Неоптолема, пытавшегося прорваться в Афины с обозом продовольствия, отбросил его на Эвбею.

— Аристион выдает четверть хойнина¹ ржи на человека — это куриный завтрак. Голод усиливается. Тиран пирует, а тем, кто ропщет, сносит головы.

— А в Пирее лучше. Понтийские корабли заходят в Мунихию и Зею, снабжают город продовольствием... Архелая трудно, очень трудно победить.

Сидя в шатре, Сулла думал. И у него было, не лучше — тоже не хватало провианта.

«Что делать? Нужны корабли, чтобы разогнать понтийские суда, необходим хлеб, воины... Без кораблей я погиб».

Кликнул легата Мунатия:

— Снарядить гонца к Лукуллу.

— Эпистола?

— Готова, — сказал Сулла, дописывая ее, — пусть мчится, загоня лошадей.

Когда, несколько дней спустя, прибыл Лукулл, проконсул сказал, обнимая его:

— Поручаю тебе, дорогой Люций, объехать, с помощью богов, союзные республики и собрать побольше кораблей. А у нас их немного — всего шесть. Но Юпитер с нами, и я не сомневаюсь, что ты, дорогой, вернешься благополучно...

Сулла знал о событиях, происходивших в Риме.

Сидя с Цецилией Метеллой и легатами в шатре, он говорил:

— Друзья пишут из Рима, что кровожадный пес издох; Фимбрия ранил на его похоронах жреца Муция Сцеволу, а когда старик выздоровел, то Фимбрия привлек его к суду, обвиняя в том, что тот не дал себя убить. Наглый висельник! Его друг, молодой женолюб Марий, занял место своего отца-палача. Пишут, что он изощряется в лютости над аристократами... Горе тебе, проклятый Цинна! Ты ответишь мне за всю пролитую кровь!

Метелла вздохнула. Ей удалось бежать с детьми из Рима. В лагерь Суллы стекались сенаторы и нобили, и

---

¹ 27 центилитров.

число беглецов увеличивалось с каждым днем. Они величали Суллу “отцом” и “надеждой Рима”, терпеливо ожидая, когда он победит Митридата и пойдет войной на Рим.

— А что нового в Азии? — спросил один из легатов.

— Волнения. Народ недоволен правлением Митридата. Понтийский лев, притворившийся барашком, показал когти.

Метелла засмеялась.

— Боги за нас! — воскликнула она. — Азия будет первым камнем, о который царь споткнется.

Сулла пожал плечами:

— В настоящий момент меня не Митридат беспокоит, а Рим. Я должен победить или умереть, прежде чем популяры бросят на меня римские легионы...

Он встал и, накинув плащ, вышел из шатра, приказав подвести лошадь.

Лил дождь — зима еще не кончилась — было холодно и тоскливо. Сквозь сумерки смутно вырисовывались темные стены города. Сулла ехал с тяжестью в сердце. Лошадь, скользя копытами, часто спотыкалась, плащ намок, а мысли беспокоили: «Победить или умереть».

— Победить, конечно, победить! — крикнул он так громко, что легаты, ехавшие позади, вздрогнули.

И он погнал коня к Пирею, чтобы осмотреть выгодные места для приступа и сделать тут же, у стен, необходимые распоряжения.

Приступ не удался. Греки сбросили римлян со стен, и Архелай перешел в наступление. Пришлось отойти.

Сулла приказал делать подкоп, закладывая мины, начиненные паклей, серой и смолой. Работы шли под землей. Обе стороны встречались впотьмах и вступали в смертельный бой. Катапульты осыпали город зажигательными ядрами и стрелами, таран бухал в стены день и ночь.

Однажды, увидев, что греческая башня загорелась, Сулла приказал взрывать мины, заложенные в пробитые в стене отверстия, и сам повел воинов на приступ.

Он любовался доблестным Архелаем, шедшим в бой впереди греков, и в душе преклонялся перед мужеством полководца, десять раз отбивавшего нападения.

Приступ был отбит. А на другой день, идя во главе легионов, Сулла с изумлением смотрел

на стены: брешь была уже заделана.

Оказалось, что пробить ее не трудно, но за этой стеной возвышалась вторая линия защиты в форме полумесяца. Воины бросились в узкий проход, но ядра, сыпавшиеся сверху, нанесли сильный урон, и опять пришлось отойти с большими потерями.

Промокший, облепленный грязью, Сулла смотрел на стены. До его слуха долетали насмешки греков:

— Легче взять твою жену, чем Пирей!

— Метелла — перезрелая девочка, начиненная мукой! Ха-ха-ха!

— Сколько у нее любовников?

Сулла багровел, думая: «Возьму Пирей — расплатитесь за все оскорбления кровью!»

Соглядатаи и перебежчики сообщали, что в высоком городе начался голод и болезни: все животные съедены, медимн ржи стоит тысячу драхм. Люди варят кожу бурдюков и подошвы старой обуви, едят дикую траву, растущую на скалах Акрополя, и трупы; священная святильня Паллады погасла — нет масла.

Наконец в Афинах начались волнения. Жрецы и старейшины отправились к тирану, но Аристион приказал их выгнать. Однако положение ухудшалось, и он отправил в римский лагерь посольство, состоявшее из ораторов — мужей старых и гордых.

Войдя в шатер Суллы, они движением руки приветствовали проконсула и стали говорить о прошлом: о Тезее, персидских войнах, Перикле, Платоне и Аристотеле, но полководец оборвал их:

— Я пришел наказать бунтовщиков, а не слушать уроки красноречия. Скажите Аристиону, что ему остается одно — сдаться на милость победителя.

Глава II

Однажды соглядатаи Суллы, бродя возле Керамика, услышали беседу стариков, находившихся в цирюльне.

— Легкомыслие тирана преступно, — говорил один из них, — стоит Сулле узнать о незащищенной ограде, прилегающей к святилищу Гептахалкон — и мы пропали!

Соглядатаи поспешили к проконсулу. Тот отправился проверить правильность донесения. Укрывшись за каменной глыбой, он смотрел на стену: в западной

части города она проходила по легко доступному гребню и сливалась с холмом Нимф. «Прикажу разрушить стену между Пирейскими воротами на юге и Священными на севере и через эту широкую брешь ворвусь в Афины».

В полночь 1 марта 668 года от основания Рима легионы вступили в Афины. Пронзительно ревели

рога и трубы, заглушая крики разъяренных солдат. Глашатай, ехавший впереди легионов, вопил охрипшим голосом:

— Воины! Император сказал, что город — ваш! Не жалейте ни одного жилища!

Афиняне убивали друг друга, чтобы не попасть в руки победителя. Римляне пробивали себе путь с мечом в руке сквозь узкие улочки старого города, безжалостно убивая мужей, женщин и детей. Струи крови текли по Дромосу, от Агоры к Дипилу, заливая Керамик. Конь Суллы храпел, прядая ушами: его белые ноги, обрызганные кровью, казались пурпурными при

свете многочисленных факелов. Слушая вопли женщин и детей, Сулла равнодушно смотрел на вспыхнувший пожар. «Пусть погибнет проклятый город, как некогда погибли Троя, Коринф и Карфаген, — думал он, останавливая коня. — Что нужно этим грекам? Милости? Нет. Пусть все умрут!»

К его ногам бросились старики-эллинофилы.

— О величайший герой! —
восклицали они. — Сжалесь

над памятниками древнего искусства! Запрети губить статуи, картины, библиотеки... Пощади неповинных женщин и детей!

— Вы хотите, чтобы я оказал мертвым милость живых? — усмехнулся Сулла. — Пусть гибнут свободно-рожденные, если им это суждено, а пленные будут дедемвированы в Керамике, а рабы проданы.

Вдали пылал Одеон.

— Кто зажег? — спросил Сулла, указывая бичом на огненный столб, вздымавшийся к небу.

— Аристион. Он отступил к Акрополю...

— Осадить тирана, — приказал Сулла, — а грабежи прекратить! Отвести легионы к Пирею!

И он поехал, окруженный сподвижниками, через Агору и Священные ворота, мимо Керамика — по Пирейской дороге.

После взятия высокого города пала и гавань. Архелай мужественно отстаивал каждую пядь земли.

Легионы, ворвавшись в брешь, пробитую тараном, наткнулись на шесть стен, вновь возведенных защитниками. И только железная настойчивость Суллы преодолела все препятствия.

— Воины, — говорил он, оглядывая мужественные лица легионариев, — Афины взяты, теперь очередь за Пиреем. Там вы найдете красивых женщин, юных дев, золото, серебро, драгоценности. В один день вы станете богачами...

— Возьмем! — загремели легионы, и звон оружия показался Сулле приятнее звуков кифары.

Последняя стена не устояла. Архелай, пораженный мужеством римлян, воскликнул: «Эти люди — безумцы!» — и, оставив город, отступил на полуостров Мунихию, где в маленькой гавани находились его корабли. Там он считал себя непобедимым. Стоя на возвышенности, он смотрел на пылавший Пирей, один из красивейших городов Греции, и на лице его было отчаяние.

А легионы опустошали город: укрепления, стоянки кораблей, оружейный склад Филона, дома, театр, гимназия — все было объято пламенем.

Глава III

Оставив у афинского Акрополя сильное войско под начальством легата Скрибония Куриона, Сулла, невзирая на возражения сподвижников, опасавшихся азиатской конницы на беотийских равнинах, стремительно двинулся к северу. Там находился легат Гортензий, отрезанный понтийцами, занявшими Фермопилы и Фокиду. Сулла знал, что против него выступит Таксиль, военачальник Архелая, и удивился, когда перебежчики сообщили, что Архелай покинул Мунихию, посадив войска на корабли, и соединился с Таксилем у Фермопильского прохода.

«Начинаются решающие бои, — писал Сулла Метелле, оставшейся в Афинах, — если будет на то воля бессмертных, я рассею, как песок, Митридатовы полчища и вымету их, как сор, из Эллады».

Разгромив Архелая при Херонее, где Сулла выступил с пятнадцатью тысячами пехотинцев и полутора тысячами всадников против шестидесятитысячного понтийского войска, император получил известие о падении афинского Акрополя. Не мешкая, он отправился в Афины судить пленных.

— Привести бунтовщиков! — распорядился проконсул, восседая на площади.

И когда были приведены магистраты и стража тирана, он приказал провести их сквозь строй, а имущество отобрать в казну.

— Аристиона я оставляю для своего триумфа, — говорил он, — а афинянам возвращаю их земли и законы, но запрещаю народные собрания и избрания магистратов, пока существует это бунтовское поколение. Разрешаю чеканить, как и ранее, серебряную монету.

Из Рима пришли неутешительные известия: популяры отправили против Суллы консула Валерия Флакка, при котором находился его легат Фимбрия, префект конницы.

— Подлые плебеи посягают на жизнь доблестных легионов Суллы, — говорил император своим легатам, кончая описание Херонейской битвы в назидание потомству, — а забывают, что без моих трудов и геройства, Греция была бы потеряна для Рима и Митридат твердо укрепился бы в Элладе.

На рассвете он двинулся навстречу легионам Валерия Флакка, но в пути получил известие, что ему угрожает с тыла новое понтийское войско под предводительством Дорилая, военного министра и друга детства Митридата. Войско состояло из шестидесяти тысяч пехотинцев, десяти тысяч всадников и семидесяти колесниц с косами.

Соединившись на острове Эвбея с уцелевшими остатками войск Архелая, оно высадилось в Беотии и стало опустошать страну; города перешли на сторону Митридата.

Сулла появился в Беотии. Пройдя между гор и Копайским озером, он расположился лагерем в Орхоменской долине, недалеко от Херонейского поля битвы. Созвав вечером на совещание легатов и военачальников, проконсул приказал приступить к рытью широких и глубоких рвов, чтобы помешать наступлению пехоты и в особенности конницы.

— Только таким образом мы сможем восторжествовать над противником, — сказал он. — Легионариям работать посменно, а пока враг угадает наши намерения, мы кое-что успеем сделать.

К утру равнина была изрыта во многих местах: рвы, как щупальца, извивались к лагерю понтийцев и терялись в болотах Кефиса. Однако работы не были еще закончены, а понтийская конница бросилась уже на легионариев и обратила их в бегство. Прибывающие на помощь пехотинцы не могли остановить отступления.

Прискакал Сулла. Спрыгнув с коня, он схватил знамя и один бросился в свалку.

— Воины, — отчаянно закричал он, — если вас спросят, где вы покинули своего полководца, не забудьте ответить: «При Орхомене!»

Его слова остановили отступавших. Легионарии бросились на площадь к вождю и отбили атаку понтийской конницы.

— Продолжать рытье рвов! — приказал Сулла.

Все стремительные нападения Дорилая разбивались о движущуюся стену легионов, которая расступалась, пропуская азиатских наездников, налетавших, как буря, а затем смыкалась, преграждая им путь к отступлению. Битва становилась упорной. Сжатые со всех сторон, лучники, поддерживавшие понтийскую конницу, не могли натянуть луков и гибли, работая стрелами, как копьями.

Десять тысяч всадников и пять тысяч азиатских пехотинцев устилали взрытую землю. Сулла объезжал поле битвы под восторженные крики воинов. Он благодарил их за победу и хвалил за храбрость. Созвав легатов и военачальников, Сулла велел им бодрствовать всю ночь посменно.

— Дорилай, — говорил он, — попал в мышеловку — отступить некуда: позади него и справа — Копайсское озеро, дальше — болота, покрытые камышом, и сливающиеся реки Кефис и Мелас; впереди и налево — наши легионы и сеть рвов.

Легаты, ваша старательность и бдительность должны обеспечить победу!..

Весь день наблюдал он за работами, отбивал вылазки азиатов, мешавшие легионариям, и когда ров был вырыт, приказал войскам броситься на приступ.

На рассвете понтийцы обратились в бегство. Их настигали и убивали. А на берегу озера толпились легионарии, поражая стрелами и дротиками пытавшихся спастись вплавь.

Сулла подъехал на окровавленном коне и смотрел потемневшими глазами на волны, где качались сотни трупов, на болото и дороги, заваленные мертвыми телами, обломками копий, мечами и щитами.

— Кончено? — спросил он примчавшегося Базилла.

— Понтийское войско погибло, в плен захвачено более двадцати тысяч, а полководцы бежали или убиты. Как прикажешь поступить с пленными?

— Продать в рабство.

Базилл ушел. Император смотрел на Орхоменскую равнину, думая: «Митридат потерял Грецию и так же потеряет Македонию. Останется Малая Азия. Но что делать? Лукулл не возвращается, кораблей нет. А кругом — враги, враги и враги...»

Дав несколько дней отдыха усталым воинам, он отправился наказать беотийские и локрийские города, поддерживавшие Митридата; три гавани Эврипы — Галеи, Ларимны и Анфедон — разрушил, а жителей выселил внутрь страны. Затем двинулся в Фессалию, где остановился на зимовку и приступил в отчаянии к постройке кораблей.

Глава IV

Война кончилась, и Сулла, довольный, отправился в Делион на свидание с Архелаем. Ожидавший его раб у городских ворот, сошел с коня и, низко поклонившись, сказал:

— Господин ожидает тебя, император, в храме Феба-Аполлона.

— Едем.

На ступенях храма стоял Архелай. Продолговатое лицо его и быстрые глаза поражали необыкновенной живостью, со щек свисали длинные кудрявые волосы; небольшая черная бородка была едва заметна, усы выбриты. Он пропустил Суллу в храм и вошел следом.

Архелай

— Царь предлагает тебе, император, денежную и военную помощь для подавления популяров в Риме, — заговорил Архелай, не спуская глаз с Суллы, — при условии, что ты признаешь владычество царя над Азией.

Сулла усмехнулся:

— Если ты выдашь мне царский флот, то я обязуюсь сохранить за Митридатом Понтийское царство.

Побагровев, грек с негодованием крикнул:

— Ты шутишь или насмехаешься над нами?

— Молчи! То, от чего ты, побежденный, отказываешься, посмеешь ли предложить мне, представителю Рима, победителю Афин, Херонеи и Орхомена?

Архелай молчал, потупившись.

— Если ты договоришься со мной, — продолжал Сулла, — то я вознагражу тебя золотом и прикажу отсыпать тебе столько динариев, сколько ты будешь в силах унести. Ты умен и должен понять, что счастье Митридата закатилось, и когда ты вернешься к своему царю, он не пощадит тебя, обвинив в измене. Говорят, твоя жена — наложница Митридата (грек сжал кулаки, лицо его исказилось), поэтому ничто тебя не связывает больше с Понтийским царством.

Архелай, тяжело дыша, взглянул на Суллу:

— Твои условия?

— Царь должен отказаться от всех завоеваний, совершенных с 665 года от основания Рима, и я признаю

понтийские владения; он получит титул друга и союзника римского народа; покроет мои военные издержки, уплатив мне две тысячи талантов; выдаст семьдесят военных кораблей, с гребцами и пятьюстами лучниками; заплатит жалованье и доставит съестные припасы этим людям; обменяется со мной пленниками, заложниками, воинами-перебежчиками и беглыми рабами; объявит всеобщее прощение от имени Рима всем греческим городам Эллады и Азии, поддерживавшим его дело. Кроме того, — продолжал Сулла, видя, что Архелай морщится, — ты обязан немедленно вывести из Халкиса и иных местностей свои войска и выдать мне часть кораблей, пока не прибудет твой брат Неоптолем из Азии. Согласен?

Архелай молчал.

— В награду я обещаю тебе личный титул “друга и союзника римского народа”. Не сомневаюсь, что сенат утвердит его. И ты станешь неприкосновенным. Я видел твою храбрость в Пирее и дарю тебе, как лучшему военачальнику, имение в Эвбее и десять тысяч плектров прилегающей к нему земли. А для того, чтобы сделать тебе приятное, я нарушу наш договор и прикажу отравить твоего личного врага Аристиона... Согласен?

Архелай кивнул.

— А теперь будем добиваться вместе, — заключил Сулла, — утверждения царем нашего договора.

Весть о мирных переговорах с понтийцами возмутила легионы.

— Рим никогда не складывал оружия, не уничтожив своего врага, — роптали военачальники, — а император ведет переговоры с убийцей ста тысяч римских граждан!

Недовольны были и легионарии — они ожидали богатой добычи, надеясь на грабеж азиатских и понтийских городов, и хмуро встречали полководца, возвращавшегося из Делиона.

Сулла сразу заметил настроение воинов, но притворился веселым, скрыв свое беспокойство.

Он подозвал Базилла, шепнул:

— Трибун, извести военачальников, чтобы построили войска у претория.

И когда легионы, выстроившись, ожидали императора, он вышел к ним и сказал:

— Я рад видеть вас, непобедимые римляне! Участники взятия Афин и Пирея, орлы, взлетевшие над скалами и горами Херонеи и Орхомена, доблестные бойцы, увенчавшие себя бессмертными победами, вы жаждете еще битв и счастливого возвращения на родину. Но битвы еще будут, а ропот ваш несправедлив... Чего вы хотите? Войны с Митридатом? Да знаете ли вы, что для того, чтоб окончательно уничтожить понтийского царя, нужно еще несколько лет борьбы и невероятного напряжения сил? Хотите еще десять лет воевать в Азии? Но кто из вас тогда вернется на родину? Подумали вы об этом? Рим не поможет нам ни войсками, ни деньгами, наоборот, популяры выступят против нас, и нам придется бороться с римлянами и с понтийцами. Выдержим ли мы? Вернется ли хоть один из вас в отечество?

Воины молчали. Возглас Базилла всколыхнул их.

— Мир, мир! — кричал трибун. — И скорее в Рим! Император позаботится о нас на родине. Он...

Ему не дали договорить.

— Мир, мир! — подхватило несколько человек.

И вскоре тысячи голосов загревели вокруг:

— Веди нас, император, веди!

Сулла поднял руку:

— Воины, в Италии нас ждут жаркие бои, но на родине, где слышится римская речь и светит наше, италийское солнце, сражаться и умирать сладостнее, чем на чужбине. А кого сохранят боги живым, тот станет самым почитаемым человеком в отечестве!

Распустив легионы, он вошел в шатер и, сев на ложе, задумался: «Если Митридат договорится с Фимбрией — я пропал: оба они бросятся, как псы, на меня... А я должен сохранить свои легионы для римской олигархии — это наша последняя надежда. Лучше пожертвовать благом республики ради блага патрициев и сената, и если Митридат утвердит делионские пе-

реговоры — я получу мир, корабли и деньги, подавлю внутреннего врага, более опасного, чем внешний. Уничтожить Митридата хорошо, а повесить Цинну и Карбона еще лучше».

Дни и недели пролетали незаметно. Не доверяя Митридату, Сулла разослал разведчиков и соглядатаев, чтобы знать о положении неприятеля...

Посольство Митридата, прибывшее в римский лагерь, объявило Сулле о согласии царя на все делионские условия, кроме двух: выдачи семидесяти кораблей и очищения Пафлагонии. Было ясно, что царь нащупывает, с кем выгоднее договориться — с Суллой или с Фимбрией, и император был в большом затруднении. Но события, происшедшие в Азии, помогли ему: Пергамское царство было осаждено с двух сторон — на севере Фимбрией, а на юге Лукуллом.

Имея несколько памфильских и много родосских кораблей, Лукулл (ему помогал искусный наварх Дамагор) напал на понтийцев, и когда римские суда вошли в Питанейские воды, Митридат отступал уже перед Фимбрией.

Вести о победах Фимбрии, действовавшего с молниеносной быстротой, поразили Суллу: «Как жаль, что этот храбрый наглец не с нами! Мы бы давно кончили с Митридатом!»

Царь укрылся в Питанее, и Фимбрия просил Лукулла помочь ему осадить Митридата с суши и моря. Но Лукулл, больше аристократ, чем патриот, велел ему ответить: «Со злодеем, приверженцем Мария и убийцей консула Флакка, не буду иметь дела». И хотя вражда полководцев дала возможность царю бежать в Митилену, Лукулл не сожалел, что отказал Фимбрии в помощи.

Глава V

Сулла и Лукулл соединились в Геллеспонте.

Глядя на многочисленные корабли, приведенные квестором, Сулла, улыбаясь, пожимал ему руку.

— Друг, — говорил он, — как я рад увидеться с тобою! Расскажи, где ты был, что делал...

— Не осуждай меня, Люций, за опоздание, — вздохнул Лукулл, — боги свидетели, что я сделал все, чтоб помочь тебе... Был я на Крите, в Кирене, подвергся нападению пиратов, потом отплыл в Александрию, где Птолемей Латир принял меня как царя, но в кораблях отказал, не желая вмешиваться в борьбу. Дав мне до Крита охрану из нескольких военных кораблей, он...

— Но эти корабли...

— Это памфильские и родосские... я начал опустошать берега Азии и возбуждать города против Митридата. Хвала богам, что это мне удавалось...

Они беседовали до полуночи на палубе в присутствии наварха Дамагора.

На другой день Сулла получил известие, что Митридат желает увидеться с ним и дожидается его между Абидосом и Илионом.

Переправившись через пролив с четырьмя когортами и двумястами всадников, Сулла направился к Дардану, развалины которого четко выделялись впереди. Не доезжая, он остановился перед шатром, окруженным многочисленной пехотой, конницей и колесницами, вооруженными косами.

«Царь хочет перевесом в силе вынудить меня пойти на уступки, — подумал Сулла, — но — клянусь Геркулесом! — я уже достиг границы: дальше находятся честь Рима и мои нужды, через которые переступить невозможно».

Митридат поспешно вышел из шатра. Великан, в желтых персидских штанах и тиаре, усыпанной драгоценными камнями, с широким мечом у пояса, он удивил полководца своим величественным видом.

Не глядя на проконсула, он отпустил движением руки приближенных и спустился в долину. Сулла последовал за ним.

Остановились. Митридат, взглянув на римлянина, первый протянул руку, но Сулла “не заметил” того и спросил:

— Вижу ли перед собой друга или врага? И если — друга, то принимает ли великий царь делионские условия безоговорочно и без изменения?

Митридат молчал.

— Я не понимаю, царь, твоего молчания. Говорят побежденные, а победители молчат...

Митридат вспыхнул и стал рассказывать о своих прежних победах, но Сулла осадил его:

— Царь, я слышал о твоём красноречии и вижу, что оно не преувеличено. Но самые красивые слова — ничто перед действительным положением. Ты виноват во многом: бесчисленные козни против Рима, резня сотен тысяч римских граждан — разве этого мало?.. Так ответь же мне, царь, чистосердечно — да или нет?

— Да, — медленно выговорил Митридат, и в его прищуренных глазах мелькнула насмешка.

— Верю царскому слову, — поклонился Сулла и пожал протянутую руку. — Прикажи, великий царь, вывести двух изгнанников: Ариобарзана и Никомеда...

Гордый потомок Ахеменидов исполнил просьбу Суллы, и когда оба царя приблизились, он вежливо поклонился Никомеду, а от Ариобарзана отвернулся.

— Он не рожден в пурпуре, — сказал Митридат Сулле, — это не царь, а раб.

— Я беру их и полагаюсь на твое слово.

Митридат кивнул и молча пошел рядом с Суллой.

Хотя договор не был скреплен подписями, Сулла не сомневался, что Митридат выполнит все условия.

На другой день царь выдал семьдесят кораблей и отплыл в Понт. С ним уезжали греки, его приверженцы, предпочитая гостеприимство побежденного, чем сомнительную милость победителя.

Стоя на морском берегу, легионарии плакали от бешенства, видя, что Митридат, смертельный враг Рима, уплывает от них. Они ругались, проклиная понтийского царя, а Сулла спокойно стоял, опершись на меч, и в его глазах было удовлетворение.

— Что вы кричите и возмущаетесь? — воскликнул он. — Эта земля — не Италия, эти волны не смывают берегов родины, и разве вы не хотите вернуться к своим ларам, обнять близких, зажить спокойной жизнью, охраняя своего императора?

Глава VI

Узнав, что Фимбрия, оставленный войсками, бросился на меч в пергамском храме Эскулапа, Сулла вернул Вифинию Никомеду, а Каппадокию — Ариобарзану и отменил в азиатской провинции свободу рабов и уничтожение долгов, дарованные Митридатом.

Возмущенные города восстали, и Сулла жестоко подавлял бунтовщиков. Осада городов, взятие их приступом, грабежи, продажа жителей в рабство — все это стало обыденным явлением. Затем последовали кровавые суды в Эфесе, казни “каппадокийских сторонников”¹. А пираты грабили азиатское побережье, и Сулла не препятствовал им.

Римское войско зимовало в цветущих городах, пьянствуя и развратничая. Каждый воин, живший у горожанина, получал от него ежедневно по шестнадцать драхм, обед для себя и своих приглашенных, а центурион — пятьдесят драхм и две одежды: домашнюю и выходную. Население роптало, но воля императора была законом.

Сулла вел прежний образ жизни: устраивал пирушки, имел десятки любовниц. Базилл и Хризогон, любимцы проконсула, рыскали по городам, выискивая ему юных и красивых гречанок. А сам император жил в Эфесе, и его высокую фигуру часто можно было видеть на улицах. За ним следовали два-три легата, зорко охраняя его от возможного покушения (ненависть к императору увеличивалась с каждым днем), но Сулла, уверенный в своем счастливом будущем, казалось, никого не боялся.

Однажды он созвал нотаблей азиатских городов. Простас был ярко освещен. На столах красовались цветы. После речи проконсула ожидалось пиршество. Когда Сулла вышел из таламоса, нотабли встали и низко поклонились. Он приветливо кивнул и сказал:

— Я созвал вас, военачальники, по важному делу. Рим, в своем бесконечном милосердии, соглашается помиловать мятежные города на следующих условиях:

---

¹ Приверженцы Митридата.

немедленная уплата запоздалой дани за четыре года, общая пеня в двадцать тысяч талантов в покрытие расходов по войне и упорядочению провинции, а для того, чтобы облегчить взимание дани, я разделил провинцию на сорок четыре округа, по источникам дохода.

Нотабли молчали, только один из них, старик, осмелился возразить:

— Император, Азия не выдержит такой дани... Города вынуждены будут искать помощи у ростовщиков или отдать в залог театры, гимназии, портовые права. Народ обнищает... Сжался, император!

— Нет, — твердо ответил Сулла. — Вы поддерживали Митридата и заслужили наказание. Никто не посмеет сказать, что я несправедлив. Разве я не даровал нескольким городам свободу, не назвал жителей их “друзьями и союзниками римского народа”? Разве Илион не поднят из пепла и Родос не получил земель и данников? Сторонники Рима не ропщут, а радуются вместе с нами! А ты, старик, — обратился он к нотаблю, — позаботься лучше о своевременном внесении дани, иначе — клянусь богами! — тебе придется подумать об уплате мелкой монеты Харону!

— Воля твоя, — поднял голову старый нотабль, — но прошу тебя: освободи меня от грабежа народа!

— Как? Я не ослышался? Эй, Вазилл, объясни безумцу, что грабеж и наказание — вещи разные...

Побледнев, нотабли молчали.

Базилл, взглянув на Суллу, подошел к нотаблю.

— Если мой язык выговорил глупость, пусть император простит! Но я готов повиноваться воле... — крикнул старик.

Базилл посмотрел на Суллу. Взгляд императора был настойчив... и острый меч отсек старику голову. Нотабли вздрогнули.

— Успокойтесь, дорогие гости, — сказал проконсул, — и садитесь за стол. Ничего страшного не случилось. Старый болтун откусил себе язык.

Наступила тишина.

Во время попойки Сулла обратился к Лукуллу:

— Дорогой мой, дело мое завершено. Правителем Азии я назначаю Мурену, а тебя — квестором. Пора

мне в Италию. Лето кончается, корабли в Эфесе готовы к отплытию, и Нептун будет, наверно, милостив ко мне и к моим храбрым легионам!

Однако Сулла не попал так скоро в Италию, как рассчитывал. Когда войска его сели в Эфесе на корабли и, пересекши в три дня Архипелаг, высадились в Пирее, император почувствовал внезапное недомогание и решил остановиться в Аттике для лечения.

У него была подагра — он испытывал боли в суставах, онемение членов, тяжесть в ногах: пальцы распухали и болели. Врачи предписали ему купанья в Эдессе, находившемся на Эвбее.

Теплые серные ванны помогли. Оправившись от болезни, он разрешил войскам “запасть добычей” — начались грабежи. Сам император захватил богатую библиотеку Апелликонта и множество предметов искусства, которые предназначал для украшения римских храмов.

Устрашенные греки льстили “владыке мира”, величая его превыше всех героев и полководцев, установили в Афинах в честь его праздник «Суллею» и воздвигли много статуй на агорах, в театрах и гимназиях.

Однако он был равнодушен: «Подлые эллины ненавидят нас и презирают, — думал он, — но льстят, боясь меня и моих легионариев. Теперь они не посмеют восстать. А если восстанут...» Скрипнул зубами и приказал войскам двигаться на Патрас и Диррахион.

— В Италию! В Италию! — радостно кричали легионы, приветствуя императора, сидевшего на коне.

А он смотрел на этих мужественных ветеранов и думал: «С ними я пройду всю Италию и восстановлю поруганную дедовскую власть на вечные времена».

Он отправлялся во главе сорока тысяч человек и тысячи шестисот кораблей, оставляя после себя в Элладе полное опустошение.

Глава VII

После смерти Мария главой республики стал Цинна. Его законы были направлены к улучшению жизни народа, и за ним шли рабы, вольноотпущенники и большинство италиков. Цинне казалось, что кто-то ему мешает, а кто — не понимал.

Демократия, единая в ненависти к олигархам, но неустойчивая в своих целях, подчинялась сенату, который строил против нее козни.

Мульвию казалось, что все идет хорошо. Только слухи о возвращении Суллы, волновавшие Рим, беспокоили его.

Популяры не давали Цинне покоя, требуя принять меры для охраны республики от вторжения “врага отечества”, но консул, зная от соглядатаев о немногочисленной войске Суллы, говорил:

— Стоит мне только крикнуть, и весь Рим поднимется против злодея!

Однажды Цинна, находясь у Цезарей, поспорил с молодым Гаем, своим зятем, за которого вышла недавно его любимая дочь Корнелия.

Гай, сын брата Юлии, вдовы Мария, и жены его Аврелии, был еще молод, но уже выказывал большие способности: умный, образованный, он возразил тестю, когда тот повторил свое любимое выражение о готовности всего Рима выступить против Суллы:

— Не преувеличиваешь ли ты, дорогой отец? Сулла выдержал яростную борьбу против азиатских полчищ Митридата...

— Но не против римлян!

— Он разбил Фимбрию...

— Кто такой был Фимбрия? Пустой человек, хвастун, смелый любовник...

— И храбрый воин! Разве ты сам не превозносил его, посылая с Валерием Флакком в Грецию?

Цинна нахмурился. Он признавал, что зять прав.

«Но как помешать Сулле? — размышлял он, поглядывая на вдову Мария и думая, что она должна тотчас же выехать из Рима, лишь только Сулла высадится в Италии. — Берега охраняются плохо, и неизвестно,

где он бросит якорь. И, конечно, нужно ожидать его со стороны Остии или ближайшей гавани к Риму. Завтра побеседую с Карбоном, и мы подумаем, что делать».

Меры пришлось принимать срочные. Цинна и Карбон решили произвести набор войск, узнав, что сенат получил гордое послание Суллы. Перечислив, что им сделано в Югуртинскую и Кимбрскую войну, во время претуры в Киликии, в Союзническую войну, во время консульства и в борьбе с Митридатом, проконсул обвинял сенат в том, что его, Суллу, сделали проскриптом, друзей перебили, дом разрушили и его жена принуждена была с детьми спасаться бегством от палачей. Послание его кончалось словами:

«...Я отомщу за эти жертвы и за всю республику, невзирая на сословие виновных, их заслуги и магистратуру. Я — меч Марса-мстителя над непокорной Италией».

Сенат испугался и отправил к Сулле посольство с предложением мира. Только теперь понял Цинна, кто мешал правильной жизни республики: сенат! Нужно было раздавить его, когда они с Марием заняли Рим!..

Взбешенные поведением сената, Цинна и Карбон, провозгласив себя консулами на два года, решили посадить войска на корабли и направить их в Либурнию.

— Оттуда мы двинемся навстречу Сулле, — говорил Карбон воинам, — и нападём врасплох на него.

Переправив благополучно часть легионов, Цинна стал готовить остальных воинов. День был пасмурный, море беспокойно билось о берега. Легионарии неохотно садились на корабли. В полдень лазурное море потемнело, и войска стали роптать.

— Буря будет! Куда он нас ведет? — кричали легионарии. — Против победителя Митридата? Против его ветеранов? Не пойдём!..

— Разве можно устоять против Суллы? Не будем воевать с земляками, проливать римскую кровь!

Ропот разрастался. Воины решили самовольно возвратиться на родину. К вечеру легионарии высадились на берег и бросились врассыпную:

— Домой, домой! Не хотим больше воевать! Домой! Цинна выбежал из шатра с мечом в руке.

— Остановитесь! — закричал он. — Кто, как не вы, должны защищать республику от патриция, который угрожает нам и сенату жестокой расправой? Воины, вспомните времена Мария, боровшегося за плебс! Вспомните свое господство и подумайте, что несет нам Сулла! Кровь, насилия и грабежи!..

— Домой, домой! — прервали его легионарии, и рев сотен глоток заглушил речь консула.

— Ликторы, ко мне! — закричал Цинна и приказал хватать непокорных и расправляться с ними.

Ликторы выхватили секиры, и один из них стегнул легионария прутом по голове. Тот ответил обидчику ударом кулака в зубы.

— Схватить бунтовщика! — распорядился Цинна.

Но воины оттеснили консула, в него полетели камни.

— Что вы делаете? — закричал Цинна.

Но толпа с ревом окружила его. Он видел яростные лица, дикие глаза, слышал проклятия и понял, что с ним безжалостно расправятся, если он не сумеет овладеть этими взбешенными людьми. Пробовал говорить, но ему не давали, оскорбляя его. Тогда он бросился с мечом на мятежников. А потом побежал. За ним мчались разъяренные воины, скользя, падая в грязь, поднимаясь. Впереди был шатер, дальше простиралось поле и вдали на холме — деревушка.

«Погиб», — подумал он и обернулся.

— Стойте! Я, консул, повелеваю вам...

Но толпа не слушала его. И он опять побежал. Летели камни. Один задел ему плечо, другой попал в голову. Цинна пошатнулся. Набежали воины — сверкнули мечи, и он, почувствовав ноющую боль в теле, уронил обгаренное кровью оружие. Упал. А озверевшие люди набросились на безжизненное тело и долго топтали его грубыми калигами.

Насытив свою ярость, они стали медленно расходиться, собираясь по несколько человек, и шептались, сговариваясь о грабеже лагеря.

Карбон, узнав об убийстве Цинны, отозвал легионы из Либурнии.

Мульвий был очевидцем дикого убийства Цинны, но помешать не мог, и если бы вступился, разъяренные легионарии разорвали бы его в клочья. Не желая больше оставаться в восставшем войске, он в тот же день отправился в Рим.

Сидя у Геспера в атриуме и беседуя с ним и с Виллием, Мульвий покачивал головой:

— Идет Сулла, муж жестокий, и если мы не уничтожим его — быть страшной резне.

— Это так, — отозвался Геспер, — на моих глазах погибли Гракхи и мой господин Фульвий Флакк, которые боролись за плебс; затем Фортуна отняла у нас Сатурнина, Главцию, Сафея; погибли тысячи людей... Боги одни знают, что будет дальше.

— Ты сомневаешься в победе плебса? — вскричал Виллий.

— Нет, когда-нибудь плебс победит, сплотившись, а разрозненные выступления обречены на неудачу...

— По-твоему, — не унимался Виллий, — лучше было бы нам прекратить борьбу и сдаться?

— Нет, бороться нужно, но не так: без подготовки у нас ничего не выйдет.

Мульвий молчал, задумавшись. Слова Геспера разбудили в нем воспоминания о Союзнической войне. Италики готовились долго. Мульвий видел склады оружия, кузницы, где днем и ночью ковались мечи и наконечники копий, женщин, занятых пошивкой одежды, сапожников, точивших калиги для воинов, и толпы юношей, обучавшихся военному делу. Да, подготовка была нужна. А здесь?

Он вздохнул и собирался спросить Геспера, стоит ли бороться, когда надежд на победу мало, и обрадовался, услышав спокойные слова:

— С нами будут Телезин и Лампоний.

— Это храбрые мужи, и если они не одолеют жестокого патриция, кто же победит его?

Геспер сказал:

— Я почти старик, и то не откажусь от борьбы. Завтра мы с Виллием уезжаем к Телезину под личиной земледельцев. Дороги небезопасны, соглядатаи рыщут, и необходима осторожность.

«Куда же мне? — подумал Мульвий, и вдруг мысль о Сертории сверкнула неожиданно: — К нему, к нему! Цинна был прав, возвеличивая его... Кто из вождей может сравниться с ним? Карбон? Телезин? Лампоний? Все они отчаянно храбры, но ни один не обладает такой хитростью, упорством и изворотливостью, как Серторий!»

На другой день три человека, смешавшись с торговцами зеленью, выбрались из Рима, направляясь в разные стороны. Все они ехали на повозках, в которых лежали остатки непроданных овощей.

Глава VIII

Высадившись в Брундизии, Сулла двинулся на Рим. Много месяцев шел он с упорным боем, встречая на пути яростное сопротивление: против него действовало двухсоттысячное войско.

Предполагая вначале быстро овладеть городом, он увидел, что имя его внушает ненависть, но цель, к которой он стремился, была, по его мнению, священна, и он считал себя единственным мужем, способным восстановить поправленную популярными властью сената и аристократии. Поэтому нужно было усыпить внимание, привлечь союзников на свою сторону.

Области, через которые он проходил, были враждебны: племена не доверяли ему, поднявшему меч против республики, боясь, что права, добытые десятками тысяч жертв и потоками крови, будут урезаны.

«Умеренно-осторожное обращение с союзниками поможет мне одержать верх над демократами», — думал он и заставил своих воинов поклясться, что они будут обращаться с италиками, как с друзьями и римскими гражданами. А сам огласил воззвание: «Народы благословенной богами Италии! Признавая все права, завоеванные вами и полученные от популярных, призы-

ваю вас отречься от тиранов, губящих дорогое отечество, и помочь мне! За это обещаю вам большие милости. Брундизий, Мессалия и Апулия уже награждены по-царски».

Воззвание имело успех: до Самниума и Кампании сопротивления не было. Племена помогали легионам Суллы людьми, лошадьми, мулами, одеждой, продовольствием. Полководец шел впереди, зная от согладатаев, что этруски, самниты, луканы и иные племена поспешно вооружаются и спешат соединиться с легионами Карбона. Бои следовали за боями. Невзирая на кровопролитие, Сулла упорно двигался к северу. В его голове стояла мысль: «Неужели я, сломивший Митридата, должен погибнуть в Италии? Нет! Пусть страна станет пустыней, но Рим будет взят!»

Проходя через города, он собирал народ и пытался хитроумными обещаниями склонить его на свою сторону. Однажды на площади маленького кампанского городка он говорил:

— Квиристы, сам Юпитер явился мне во сне и, отдавая свои молнии, сказал: «Люций Корнелий Сулла, любимец богов! Иди на Италию, освободи мой народ от тиранов и восстанови порядок!» И я пошел, не смея слушаться. И всюду, где я прохожу, союзники мне помогают... Так и вы, квиристы, должны мне помочь! А я не только не посягну на ваши права, но еще осыплю вас милостями, если вы дадите мне новобранцев и провиант для легионов!.. Когда же Рим будет взят, я создам самую счастливую республику в мире, и вы станете нашими дорогими братьями!..

— Не верьте вождю олигархов! — донесся голос, и из толпы вышел старик. — Все это обман! Кто, как не ты, Люций Корнелий Сулла, притеснял нас в Союзническую войну и рубил нам головы? Кто, как не ты, взяв Рим перед войной с Митридатом, установил господство аристократии?

Сулла нагло засмеялся.

— А разве я не привлек в сенат популяров? Я помог Цинне стать консулом, а его приверженцам управлять республикой. И не моя вина, квиристы, что тирания всем надоела и его убили!

Толпа молчала.

— А ты, старик, выжил из ума и напрасно дурачишь верных сынов Рима! Так ли я говорю, квириты?

— Да здравствует император! — закричало несколько человек, и толпа подхватила возглас.

Однако на хитрость Суллы попадались единичные города, хотя он щедро разбрасывал обещания. И чем дальше он шел с легионами, тем было труднее: население выступало с оружием, происходили яростные бои, и полководец заливал кровью области.

Двигаясь, он надеялся на помощь нобилей и обрадовался, когда к нему присоединились Метелл Пий, подавлявший восстание союзников, молодежь из оптиматских семейств (выделялись Красс и Помпей), а затем малоспособные, но храбрые юноши, готовые пожертвовать за него своей жизнью.

Победы Красса над марианцами, подвиги Помпея, деятельность Метелла Пия, бегство Сертория в Иберию — все это радовало Суллу, а когда ему удалось победить консула Норбана, а Сципиона принудить к отступлению, — дорога на Рим после трехлетней борьбы была открыта.

Войска шли всю ночь. Посланная разведка донесла, что движутся огромные силы союзников.

— А впереди, — сообщил Базилл, начальник разведки, — идут самниты и луканы во главе с Телезином и Лампонием, вождями смелыми и отчаянными. Неприятельская конница рвется в бой, я слышал крики самнитов и луканов, требовавших разрушения Рима.

Сулла засмеялся.

— Разве не я разбил Норбана при Канузе, уничтожив у него шесть тысяч человек и потеряв только семьдесят? Разве воины бездарного Сципиона не перешли на мою сторону? А победы моих сподвижников? Пусть же враги кричат и требуют невозможного!

Пришло тревожное донесение: Телезин, имея против себя с правого фланга Суллу, а с тыла — Помпея, выступил ночью, чтобы броситься на Рим.

— Он едва не ворвался в беззащитный город, — говорил Базилл, — и сейчас находится в десяти стадиях от Коллинских ворот... Что прикажешь, император?

— Послать отряд конницы аристократов во главе с Аппием Клавдием...

На рассвете пришло известие, что Телезин изрубил конницу аристократов и Аппий Клавдий погиб.

— Послать Бальба с семьюстами! — распорядился Сулла и выступил во главе войска.

Рядом с ним ехали легаты Долабелла и Торкват.

— Пусть передние когорты завтракают и в бой...

— Ты не дашь отдохнуть утомленным воинам? — говорили, перебивая друг друга, Долабелла и Торкват.

— Самниты и луканы — смертельные враги Рима...

— Трубить бой! — крикнул Сулла, когда завтрак закончился.

Заиграли трубы, послышался топот лошадей, и правый фланг, поддержанный конницей, вступив в бой, опрокинул неприятеля после отчаянного сражения. Но левый фланг, теснимый противником, поддавался, и Сулла, боясь, что воины не выдержат натиска и обратятся в бегство, поскакал к ним.

Под ним была белая горячая лошадь, рвавшаяся вперед, и он, несмотря на быстроту скачки, выхватил из-за пазухи золотую статуэтку Аполлона Дельфийского (он носил ее на груди в сражениях) и, целуя ее, громко воскликнул:

— О, Аполлон Дельфийский! Неужели ты оставишь Корнелия Суллу в воротах его родного города, чтобы он погиб со своими согражданами после ряда сражений, дарованных тобою?

И, обратившись к отступавшим воинам, закричал:

— Вперед, непобедимые львы!.. А вы... куда вы, трусы, ставшие бабами?.. Стойте, проклятые, иначе мой меч продырявит ваши животы!

Так, одних возвеличивая, других порицая, а третьим угрожая, он заставлял бойцов возвращаться.

Однако все его старания оказались напрасными.

Телезин, объезжая самнитские войска, воодушевлял их криками:

— Наступил последний день Рима! Воины, мы должны разрушить город до основания! И пока не вырубим лес, проклятое логовище волков, свобода Италии будет под угрозой! Вперед!

Выехал Геспер, затрубил. Потом, взмахнув мечом, поскакал на римлян. Самниты обрушились на левый фланг легионов

Суллы с отчаянным

мужеством. Римляне не выдержали натиска. Началось беспорядочное бегство. Сулла, влекомый толпой, бежал в лагерь.

Казалось, что все было потеряно: и Рим, и Пренест, и сотни городов...

...В глубоком раздумье сидел император перед потухающим костром. Неужели боги отвернулись от него? В полночь предстал перед ним гонец:

— Император, твой помощник Марк Люций Красс разбил неприятеля и преследовал до Атемн. Враг почти уничтожен! Красс просит прислать ужин для него и легионов...

Радость вспыхнула на лице Суллы.

— Телезин? Лампоний? Мятежные вожди? — выговаривал он, задыхаясь.

— Телезин пал в бою, Лампоний и вожди бежали...

— Ловить! — свирепо крикнул он. — Возьми людей! Подожди... Базилл и Хризогон, в путь!.. Поймать мятежников...

Лицо его пылало. Повернувшись к подошедшему Метеллу Пию, он сказал:

— Слава богам: победа наша! Вели трубить поход...

Под звуки труб легионы двинулись по пыльной дороге, загроможденной трупами людей и лошадей.

— На Атемны! — приказал Сулла, выезжая вперед и прислушиваясь к песне в дальних рядах.

Она приближалась, как ропот идущего моря, превратилась в рокот, сменилась грохотом и докатилась раскатами грома до передних рядов — лошадь встрепенулась, беспокойно заметалась под полководцем, а песня гремела, радуя императора:

Славный, великий,
Равный титанам,
Равный героям,
Равный богам,
Люций Корнелий
Сулла, счастливый,
В битвах кровавых
Славу стяжал...
Слава, слава!..

Сулла подпевал, и пели трибуны, сотники, префекты конницы, декурионы, обозные и рабы.

Глава IX

Победоносный император, в сверкающем шлеме с черной крестом, с обнаженным мечом в руке, въехал в Рим на белом горячем коне во главе легионов. За ними шли под стражей сдавшиеся, обезоруженные самниты, которым была обещана жизнь. Их было несколько тысяч. Население встречало Суллу радостными криками: женщины и дети бросали к ногам его лошади цветы; мужчины приветливо махали шапками, называя его спасителем.

А он ехал с суровым видом, едва отвечая на приветствия. Позади него следовали верхом низкорослый Марк Красс и высокий, широкоплечий Гней Помпей, молодые, веселые. Они подмигивали римским красавицам, и, когда девушки и женщины смущенно улыбались, они посылали им поцелуи.

Сулла обернулся к ним:

— Загнать военнопленных в цирк и зорко стеречь, а сенаторам собраться в храме Беллоны! Приказать виаторам доставлять силой тех, кто будет медлить!

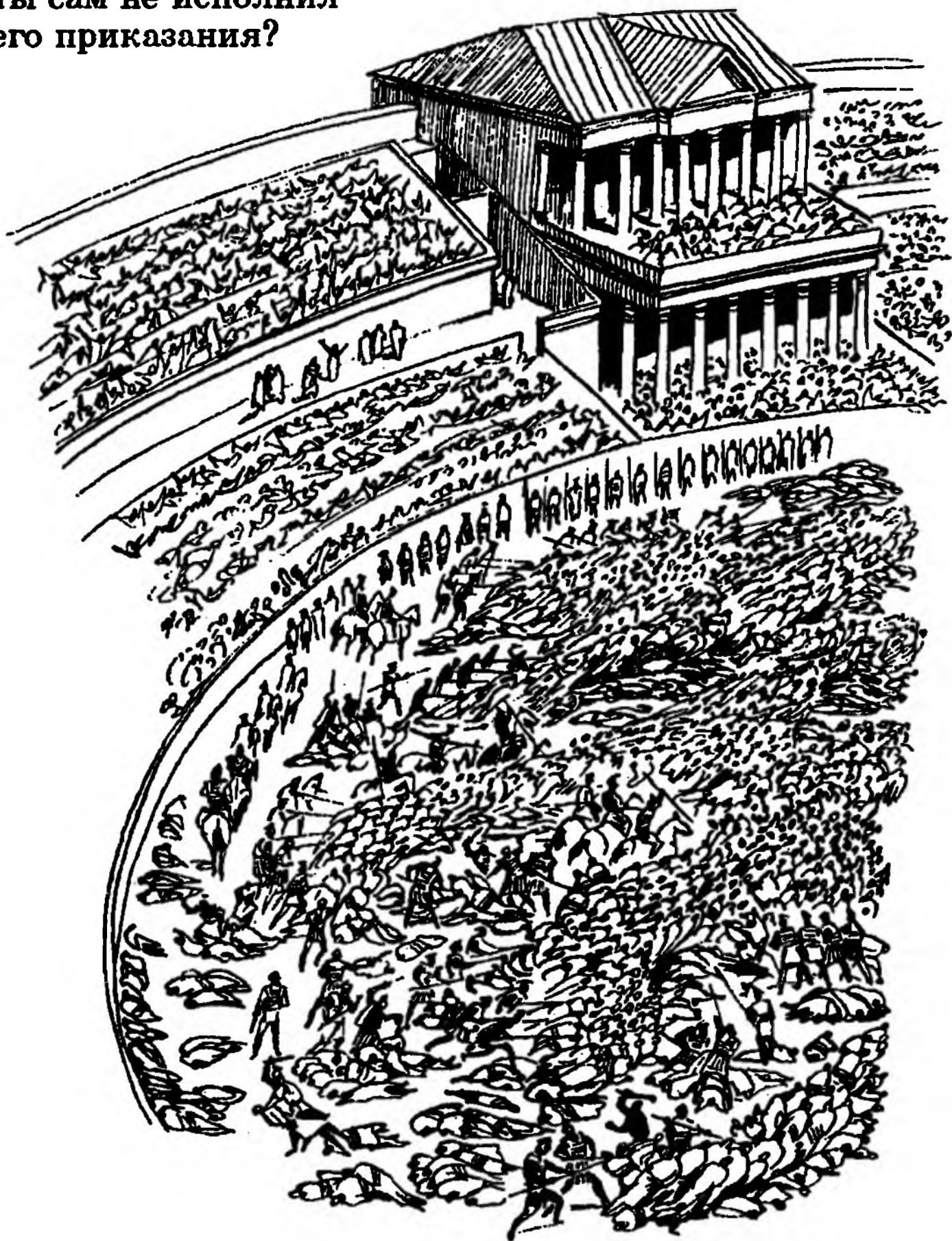
Сенаторы быстро собрались. Император стал говорить. Его речь гневно зазвучала под сводами храма:

— Отцы государства, где вы были и что делали, когда Марий заливал кровью Рим, казнил моих друзей, заставил бежать многих патрициев? Что руководило вами, когда вы молчали, терпя тиранию безумного старика? Вы трусили, отцы, вы опозорили римскую республику... И кто ответит мне честно, достойны ли такие сенаторы управлять государством?

Все молчали. Вошел центурион, охранявший пленных самнитов, нагнулся к Сулле. Император что-то ответил и, оглянув бледных сенаторов, продолжал:

— Сенат должен быть твердой властью, оплотом патрициев против посягательств алчных всадников и мятежных плебеев. А что было? Сенат стал игрушкой в руках Мария, который посадил туда своих приверженцев. Нет, впредь так не будет! Марий начал гражданскую войну, и его сторонники ответят за него кровью и жизнью...

— Ты говоришь о твердой власти сената, — слышался чей-то голос, — а что он мог сделать, если ты сам не исполнил его приказания?

Сулла вспыхнул:

— Полученное мной приказание исходило не от сената, поскольку его уже не было... Вместо него было глупое, растерянное стадо старых дураков, лысых трусов, упрямых, сытых и ленивых, ни на что не годных

уже ослов! Суровыми мерами я восстановлю порядок и спокойствие, создам такую власть...

Надрывный вопль прервал его речь.
Сенаторы в ужасе вско-

чили,
многие
бросились
к двери. Кри-
ки повторились.
Это кричали уби-

ваемые люди. Сулла поднял руку, лицо его было холодно:

— Пусть отцы государства внимательно слушают и не развлекаются посторонними вещами. И пусть не смущают их крики. Это учат, по моему приказанию, нескольких негодяев!

Но это было не “несколько негодяев”, а шесть тысяч военнопленных самнитов. Со связанными назад

руками, полунагие, усталые и голодные, они сидели кучками на арене цирка, охраняемые вооруженными легионариями, и переговаривались между собой в ожидании обещанной похлебки. Когда появился центурион, все повернулись к нему. Во взглядах пленников светилась надежда, и старый воин смутился. Вспомнив, однако, приказание Суллы, он крикнул легионариям:

— Император приказал перебить всех этих злодеев!

Самниты остолбенели. Но воины уже набросились на них: кололи копьями, сносили мечами головы. Вопли переходили в бешеный рев злобы, ненависти, бессилия. Связанные, пленники метались по арене, зывали о помощи к богам, проклинали Суллу, нарушившего обещание, — все было напрасно: мечи рубили, копья вонзались в тела, и груды трупов устилали цирк. Лужи крови, которой не мог впитать песок, хлюпали под ногами. Пленники сбивались в кучу, становились на колени, думая перегрызть веревки, которыми были связаны руки товарищей, но бессильны были зубы, да и времени было мало. Тогда отчаявшиеся люди бросились на врагов: они работали головами, как таранами, дрались ногами, и если удавалось сбить легионария с ног, яростно впивались ему зубами в лицо или шею.

Центурион вызвал отряд лучников.

Зажужжали стрелы, и самниты поняли, что все для них кончено. Но ни один не молил о пощаде.

— Проклятие предателю! — кричали они. — Проклятие палачу! — И падали под стрелами метких лучников.

Тысячи трупов, как деревья после бурелома, устилали арену, а легионарии и служители цирка добивали раненых, подававших признаки жизни.

Сулла вышел из храма Беллоны, окруженный сподвижниками. Он приказал разогнать толпы народа, которые теснились у входа, привлеченные воплями, и вошел в цирк.

Сопровождавшие его вздрогнули при виде крови, срубленных голов, исковерканных туловищ, развороченных внутренностей и бросились было обратно, но Сулла крикнул:

— Куда?

Остановились, взглянули на него. Лицо императора было равнодушно, а голос спокоен, когда он говорил с холодной жестокостью:

— Слава богам! Наконец-то я избавился от шайки разбойников, которая, посеяв смуту в республике, устремилась на Рим, чтобы разграбить его.

И, обернувшись к служителям, приказал:

— Тела бросить в Тибр, кровь засыпать песком!

Глава X

В Риме начались убийства.

Первым делом Сулла стал мстить приверженцам Мария. По доносам, без судебного следствия, граждан убивали на улицах, в храмах, в домах; умерщвляли мужчин, женщин, детей. Принадлежность к популярам, сочувствие им, слово, сказанное против Суллы, сожаление о временах Мария и Цинны — все это каралось смертью.

А император, окруженный сподвижниками, равнодушно смотрел на убийства, совершаемые любимым вольноотпущенником Хризогоном, на зверства Катилины, и кровь истязаемых квиритов не вызывала в нем жалости.

Катилина был молодой промотавшийся патриций. Он примкнул к Сулле тотчас же после вступления императора в Рим: приветствуя его на улице громким криком: «*Vivat liberator patriae!*»¹ — он заслужил любезную улыбку Суллы и приглашение вечером на пиршество, где выказал себя преданным его слугой. Сильный, как атлет, он задушил тут же, на глазах императора, одного всадника, осмелившегося преколовить новому владыке Рима, и ударом кулака уло-

---

¹ Да здравствует освободитель отечества! (*Лат.*)

жил на месте сенатора, отозвавшегося с похвалой о Марии. Сулла приблизил его к себе и поручил ему вылавливать марианцев.

Иногда император сам руководил налетами на их дома, сам рубил головы сенаторам, видным патрициям и всадникам. Багровый от гнева, с искривленным в ярости ртом, он кричал, работая мечом:

— Так наказывают боги моей рукой врагов отечества!

Однажды ветераны, рассыпавшись по улице, выволокли из одного дома женщину. Они глумились над ней, и крики их долетели до Суллы:

— Смотрите — это жена старого Мария! А, испугалась, подлая? Скоро мы и твоего сынка повесим на городской стене!

Это был намек на Мария Младшего, запершегося в Пренесте.

«Жена Мария?.. Юлия?» — задумался Сулла и, растолкав разнузданных воинов, подошел к побелевшей от испуга Юлии и поклонился. Ветераны разбежались. Почтение императора к вдове Мария удивило и испугало их.

Подбежал Хризогон и робко сказал:

— Прости, император, мы не знали...

— Иди, иди. Повели прекратить на сегодняшний день все преследования, — ответил Сулла.

Лицо его было не такое свирепое, как в эти дни, а мягкое, улыбающееся: глаза светились радостью.

Юлия стояла перед ним, опустив глаза. С тех пор как они виделись, лицо ее поблекло, в волосах появилась седина, но когда она подняла “горячие глаза прежней Юлии”, сердце его сжалось. А она молчала, не зная, как держать себя в его присутствии, и испытывала к нему какое-то смешанное чувство благодарности и презрения. Он опять защитил ее, но он палач: мстит, убивает, и разве можно уважать такого мужа?..

— Юлия, — упрекнул он ее, — почему ты не пришла ко мне сразу, когда я взял Рим? Тебя бы не оскорбляли эти презренные...

— Люций, — поникла она головой, — благодарю тебя за спасение, но... зачем эти убийства? Зачем месть?

— Что?.. Молчи, молчи!.. Твой муж первый начал резню... Он казнил моих друзей, и неужели я смирюсь? Проклятие ему и Цинне! Слава Богам, что они уничтожили Сатурнина и его приверженцев, Цинну и его злодеев. И еще большая слава воссияет над Римом, когда голова молодого Мария будет выставлена на ростре на посмешище толпы!

— О, умоляю тебя...

— Молчи! Я пощадил тебя во имя нашей прежней любви... Хочешь жить спокойно — не мешай мне.

— Разве я мешаю?

— ...не мешай своими речами. Иначе я не пощажу и тебя!..

Она опустила голову, но тут же подняла ее.

— Люций, я не боюсь тебя... Верно, Марий казнил, но он это делал во имя идеи, а ты... во имя чего убиваешь ты граждан, во имя чего преследуешь?..

Он улыбнулся, и эта улыбка показалась Юлии такой ласковой, что она схватила его руку:

— О Люций!..

— Не прикасайся ко мне после кровавых дел твоего мужа! Уйди! Я прикажу тебя не трогать! Я не хочу тебя видеть, пока все приверженцы Мария и все, сочувствующие ему, не будут уничтожены! Идеи Гракхов и Сатурнина должны быть похоронены навеки!

Юлия молчала, потом заглянула ему в глаза:

— Разве идею можно истребить, Люций?

Сулла не ожидал такого ответа. Он задумчиво смотрел, как рабы убирали трупы, и равнодушное лицо его принимало холодное выражение.

— Можно... — сурово сказал он, — Я восстановлю старые времена и расчищу путь для монархии. И Рим навсегда забудет ваши глупые идеи...

Он отвернулся от нее, злобно шепнул:

— Проклятый Платон! Сумасшедший старик! Это ты, ты, бородатый козел, виной всему!..

Увидев Хризогона у лавки торговца сладостями, он подозвал его:

— Этот дом и обитателей его не трогать, — приказал он, — поставить здесь легионария и предупредить его. В случае нарушения приказания ответишь, как за

измену. Вот тебе, госпожа, охранная дощечка, — протянул он ей табличку, — но ты не смеешь пускать к себе никого: ни родных, ни друзей — я запрещаю.

Она молчала.

— Иди...

Глава XI

Хризогон шепотом докладывал Сулле о поимке Ойнея в окрестностях города.

— Он жил в собственном домике, занимался огородничеством, и если бы не частые посещения им лупанария, куда он ходил за деньгами, его бы не найти. Вчера соглядатаи взяли его.

Лицо Суллы побагровело.

— Сопротивлялся?

— Нет, господин! Вот его слова: «Я верный раб диктатора».

Сулла засмеялся. О преступной деятельности Ойнея он уже знал, и мельчайшие подробности его предательства возникали в его голове в строгом порядке: друзья погибли, жены их обещены бардиэями, дети...

Встал:

— А жена его?

— Тукцию ты приказал не трогать...

Сулла топнул ногой:

— Взять! Обоих привести ко мне!

Лицо его пылало, и темная морщина залегла между бровей. Вспомнил Тукцию, ее лицо, глаза, тело и сморщился, как от боли.

— Плебейка, — шепнул он и зашагал, громко стуча калигами по полу.

Остановился перед картиной с изображением киклопов и долго смотрел на приветливое лицо Хирона. Потом взгляд его скользнул по восторженному лицу Леды, к которой прильнул лебедь, и когда Сулла обернулся, — в атриум входил Хризогон со стражей.

— Госпожа дома? — спросил Сулла.

— Нет, господин, — ответил вольноотпущенник, — она с детьми у Метеллов.

— Оставь нас одних.

В атриуме осталось три человека.

Сулла поднял глаза. Гнев его уже остыл.

«Постарели... все это было давно... Вольноотпущенник Ойней, любимец Цецилии... Тукция... Предатель и соучастница...»

Подошел к ним.

— Скажи, Ойней, сколько ты предал моих сторонников?

Лицо грека исказилось, стало землистым.

— Клянусь богами, меня оклеветали! — вскричал он, упав на колени.

— Верно, Тукция?

Женщина задрожала. Жалость к мужу боролась в ней с преданностью и любовью к полководцу. И, не зная, что сказать, она опустила голову, потом протянула к нему руки, готовая сознаться во всем и просить за Ойнея.

— Что же ты молчишь?

Взглянула на мужа и жалость победила.

— Верно, господин, он оклеветан.

В глазах Ойнея вспыхнула надежда. Он поднял голову, но Сулла, наблюдавший за ним, ударом калиги в лицо свалил его на пол.

— Подлый лжец и предатель! — крикнул он. — Отвечай, сколько человек предал?

Грек стонал. Тукция, растерявшись, размазывала ладонями кровь на разбитом лице мужа.

— А ты...

Сулла схватил ее за волосы и отшвырнул в глубину атриума.

— Будешь говорить? — повернулся он к Ойнею.

Тот приподнялся:

— Пощади... не был предателем... клянусь Громовержцем...

— Увидим. Эй, Хризогон, кликни Базилла...

Грек понял.

— Пытать будешь?

— Кости ломать...

Ойней вскочил.

— Нет, нет! — пронзительно завопил он. — Будь милостив! Боги, смягчите его сердце, боги... Ты не сделаешь этого... Тукция!..

Женщина вскочила. Растрепанная, простоволосая, она заломила в отчаянии руки и грохнулась на пол:

— Прости!

Вошли Хризогон, Базилл и два раба. По знаку Суллы невольники набросились на Ойнея, сорвали с него одежду и, связав ему руки и ноги, оставили на полу.

— Прикажешь? — обернулся Хризогон к полководцу.

Сулла кивнул, и Базилл поднял железный инструмент с широким зажимом, усаженным острыми зубринами.

— Ойней, будешь говорить?

Грек выл, что-то бормотал и опять выл.

Сулла махнул рукой. Затрещали кости, вой сменился надрывным воплем, и преступник затих.

Тукция вскочила, как безумная, бросилась к мужу.

Раб вылил ему на голову ведро воды.

Ойней открыл мутные глаза: они остановились на жене, и вдруг огонек сознания мелькнул в них.

— Тукция, — вымолвил грек, заплакав, — прости...

— Молчать! — крикнул Сулла и, подойдя к Тукции, схватил ее за руку. — Пусть он сознается. А может, ты знаешь об его делах? Говоришь, невиновен?

Твердо отступила, стиснув зубы:

— Невиновен.

— А ну-ка, Базилл!

Опять затрещали кости, и в вопле слышались прерывистые слова:

— Буду... буду говорить...

— Ну-у? — сказал Сулла, скользя калигами по залитому кровью полу.

— Господин, он в беспамятстве, — шепнул Хризогон.

— Базилл!

Палач отливал грека холодной водой, но не мог привести в чувство. Ойней лежал неподвижно, как труп, и так же неподвижно сидела на полу Тукция, обняв колени, и тихо смеялась. Сначала Сулла не обращал на нее внимания, а услышав смех, нахмурился, но тотчас же лицо его стало каменно-спокойным, и он сказал:

— Хризогон, ее голова... сними!

Меч дрожал в руке вольноотпущенника.

— Не могу, господин!

— Что? Разве ты не рубил голов в Афинах и Азии?

Хризогон опустил глаза.

— Слышал? Ты играешься, Хризогон, со своей головой...

Вольноотпущенник зашел сзади Тукции, и холодное лезвие коснулось ее шеи. Безголовое тело сидело несколько секунд, обняв колени, и, покачнувшись, мягко опрокинулось на бок.

Ойней очнулся. Он не слышал слов обращавшегося к нему Суллы и, когда увидел его перед собой, с ненавистью крикнул:

— Палач!..

Мускул дрогнул на щеке Суллы.

— Ломать кости, выколоть глаза, отрезать уши...

— А потом? — пролепетал Хризогон.

— Отрубить голову, — холодно сказал Сулла и сел в троноподобное кресло.

Глава XII

Во все города были посланы гонцы с приказанием вылавливать и уничтожать марианцев. Двинулись толпы соглядатаев, с льстивыми и ласковыми речами на губах и с кинжалами под одеждой. За ними следовали карательные отряды, которым было приказано убивать даже по подозрению, а имущество отбирать в казну.

Жизнь в Риме замерла. Никто не был уверен в завтрашнем дне: ни патриций, ни всадник, ни плебей, ни раб. Всем угрожала смерть. Несколько человек успели бежать в Альпы к варварам, на юг Италии и в Сицилию, иные — в области Галлии, не завоеванные еще римлянами, проклиная неблагоприятное отечество и па-

лачей за страшную жизнь. Некоторые отправлялись в добровольную ссылку, не ожидая решения Суллы, но он тотчас же приказывал убивать их, а имущество отнимать. Шла широкая раздача вилл приверженцам и земель — ветеранам.

Ужас бродил по улицам Рима, забирался в сенат. Магистраты дрожали, когда входил Сулла, и шепотом подсчитывали число убитых. А молодой Гай Метелл однажды не выдержал:

— Скажи, император, долго ли ты еще намерен наказывать злодеев? — спросил он, смело глядя в лицо Суллы. — Казни увеличиваются, все в страхе. Мы не просим тебя за тех, кого ты решил казнить, но мы желаем, чтобы ты избавил от страха и сомнений тех, кого не тронешь.

— Я еще сам не решил, кому оставить жизнь, — хмуро ответил Сулла.

— Тогда объяви, кого хочешь наказать.

Сулла привстал в кресле — лицо его исказилось от гнева. Все съежились, даже смутился Гай Метелл.

— Эй, Эпикад! — закричал император. — Подай мне список. Сколько человек?

— Восемьдесят, непобедимый император!

— Читай.

В гробовом молчании звучали имена осужденных. Возмущенные сенаторы перешептывались. Иные кричали:

— Я не виноват! За что меня?

— Палач римского народа!

Но кинжалы сулланцев сразу прекращали и жалобы и ругань. Не обращая внимания на вопли, Сулла говорил ровным голосом:

— Вывесить на форуме доски с именами проскриптов. Объявить проскрипции по всей Италии. Кто убьет осужденного — получит два таланта, независимо от того, убил ли раб господина или сын отца. Кто примет у себя проскрипта или спасет его, тот осуждается на смерть со всеми своими близкими: родители, братья и сыновья отвечают за преступное милосердие! Дети и внуки проскриптов лишаются гражданских прав, а имущество их переходит в казну.

На другой день на форуме было выставлено двести новых имен, на третий — столько же. По всей Италии прозвучали страшные слова Суллы: «Я занес в эти списки тех, кого помню, но многих я позабыл: имена их будут заноситься по мере того, как они будут приходить мне на память».

Граждане не спали по ночам и с утра бежали на форум, где толпился народ перед таблицами с именами проскриптов; каждый боялся увидеть свое имя. В городе шепотом рассказывали об одном нобиле, который, чуждаясь политики, сильно скорбел о несчастьях, постигших республику, и выказывал сострадание к проскриптам. Однажды на форуме он стал читать список и нашел в нем свое имя. «Горе мне! — воскликнул он. — Меня губит моя албанская вилла!» Не успел он пройти и нескольких шагов, как был убит ударом кинжала в сердце.

Созвав комиции, Сулла восхвалял себя как первого мужа, сумевшего навести порядок в республике, и сказал:

— Я хочу улучшить положение народа, но только при условии, если он будет мне повиноваться: буду править до тех пор, пока преторы, квесторы и военачальники, служившие моим врагам, не будут уничтожены.

И он спокойно объявил проскриптами сорок сенаторов и тысячу шестьсот всадников.

Это было неожиданностью для нобилей. Уверенные, что гнев Суллы будет направлен против плебеев, они растерялись, когда толпы ветеранов и головорезов Катилины и Красса начали расправу. Улицы почти обезлюдели. Толпы окровавленных злодеев шагали с дикими криками, неся воткнутые на копья головы, чтобы швырнуть их к ногам Суллы; тащили обнаженные трупы за веревки, привязанные к ногам, нанося мертвецам удары копьями, плюя и глумясь. Никто не посмел произнести ни слова.

— Я должен выкорчевать всякий намек на новую смуту, — говорил Сулла, — а человеческих жизней не жаль: женщины народят тысячи, и если мужчин истребить даже наполовину и приказать женщинам рожать по пять детей, убыль будет покрыта сторицей.

Он повелел обыскать всю Италию и сказал Хризогону, ведавшему сыском:

— Преследовать в городах, деревнях и виллах, вылавливать сторонников Цинны, Карбона, Мариа и подчиненных им лиц. Заподозренных судить за расположение к популярам, за гостеприимство, дружбу, за помощь деньгами, за путешествие вместе, за любовь к женам и дочерям злодеев, за сострадание к проскриптам. Никакого милосердия! Убивать во имя порядка, славы и могущества республики!

Он сидел в таблинуме, просматривал сочинение Лутация Катутла «De consulario meo et de rebus gestis meis»¹, доставленное ему Катилиной, и придумывал, какие еще принять меры, чтобы укрепить власть, а в атриуме дожидались военачальники, верные сторонники, жаждавшие обогащения каким бы то ни было путем: кровь — так кровь, ссылка — так ссылка, насилие — так насилие, — лишь бы побольше золота, сокровищ, земель и рабов!

Хризогон охранял дверь в таблинум и никого не пускал к господину.

¹ "О моем консульстве и моих военных подвигах". (Лат.)

Сулла вышел, остановился на пороге. Все закричали хором:

— Ave imperator!¹

Окинув быстрым взглядом собравшихся, он подзвал к себе Катилину:

— Родной брат твой, которого ты убил, внесен в список проскриптов как бы живой. Ты хотел, чтобы была соблюдена законность.

В голубых глазах Суллы сверкала насмешка: нагнувшись к Катилине, он шепнул:

— Ходят слухи о твоей кровосмесительной связи с девами Весты... Берегись, чтобы дело не зашло слишком далеко!..

— Это злые наветы врагов, — не смутился Катилина, и его блуждающие глаза остановились на лице Хризогона.

— Повторяю — берегись: сегодня Весталии...

И, повернувшись к приближенным, Сулла сказал:

— Я пришел к решению разрушить мятежные крепости (список передан Крассу), которые сопротивлялись моим легионам: срыть стены, наложить публичные денежные взыскания на заподозренное население некоторых городов и огромные пени на целые области (список передан Сизенне). Я поселю своих ветеранов под видом колонистов в городах и деревнях, чтобы иметь точки опоры во всей Италии, раздам им виллы, земли и дома проскриптов: ветераны будут довольны и поддержат нас в нужную минуту. Поэтому, дорогие друзья, вам надлежит с помощью богов поскорее взяться за дело.

— Кому прикажешь заняться размещением ветеранов? — спросил Хризогон.

— Тебе и Катилине. Списки получите у моего криба Эпикада. А теперь выйдем на улицу. Весталии, Весталии! — засмеялся Сулла и нагнулся к Катилине: — Кровосмешение карается смертью. Я говорю не о любви отца к дочери или брата к сестре, а о связи квирита с весталкою.

---

¹ Привет императору! (Лат.)

Катилина побледнел.

— Меня ненавидят, император, и стараются оклеветать, у меня есть обожаемая жена и несколько любовниц...

— Смотри. Я поворачиваю жизнь и историю к древним временам и не потерплю надругательств над верой и святостью обычаев.

Катилина позеленел.

— Император...

— Я сказал. Приказываю, чтобы таких слухов больше не было!

И, отвернувшись от него, Сулла зашагал по улице.

Впереди шли двадцать четыре ликтора с блестящими секирами, воткнутыми в связки прутьев, за ними император в пурпурной тоге триумфатора, в аттическом шлеме с черной гривой, развевающейся по ветру; вокруг теснились друзья, сподвижники. Народ остановился, приветствуя его криками, а он думал: «Остается сломить молодого Мария, запершегося в Пренесте; это сделает Офелла, а уничтожить притаившихся популяров, во главе с Карбоном, поручу Помпею; а когда кончу с мятежниками, объявлю всему миру: «Порядок восстановлен».

На форуме толпился народ, у храма Кастора и в прилегавших улицах происходили, по обычаю, пляски. Процессия босых матрон торжественно двигалась к храму. Они несли в руках блюда с простой едой. Храм Весты был открыт. Там публично молились о благоденствии римского народа и приносили жертвы в присутствии гражданок.

Сулла вошел в храм, оставив друзей у входа. В руке у него было блюдо с мясом. Старшая весталка, узнав императора, наклонила голову и взяла протянутое блюдо. Нарушая все обычаи, не обращая внимания на ропот женщин, Сулла пошел, громко стуча калигами, к очагу. Пламя, олицетворявшее богиню, ярко пылало. Весталки, в длинных белых одеждах с пурпурной каймой по краям, с белыми широкими повязками на головах, стояли у огня, охраняя выставленные напоказ священные предметы. Это были древние вещицы,

убранные ржаными колосьями: статуэтки Ромула и Рема, корыто, в котором они носились по Тибру, волчица, жертвенник, обломок камня из первой воздвигнутой стены.

Принеся жертву, Сулла опустил голову, как бы всматриваясь в пламя: глаза его скользили по лицам матрон и плебеек, искали на них выражения злобы, гнева, ненависти; взглянул на весталок: лица их были невозмутимы, и он подумал, что девушки оторваны от жизни и не думают о политике.

Выйдя из храма, он подозвал Хризогона:

— Останешься со мной. С Катилиной поедет другой.

— Воля твоя, император!

— Из храма будут выходить женщины. Приготовь людей, чтобы выследили, кто они и где живут. Пусть каждый соглядатай смотрит на мою руку; если она на мече — женщина подозрительна...

— Все?

— Подожди. Список этих женщин принесешь мне сегодня вечером. А потом получишь приказание.

Не моргнув глазом, Хризон подумал: «Они обречены. Прикажу рабам наточить мечи и кинжалы».

Глава XIII

Сулла следил из Рима за осадой Пренеста. Лукреций Офелла, в начале борьбы перешедший на его сторону (император не очень доверял ему), сообщал, что в городе страшный голод; люди пухнут и умирают, домашние животные съедены, мыши продаются на вес золота, по двести динариев каждая, и недалеко время, когда и мышей не станет; что Марий Младший, отчаявшись в спасении, уничтожает своих личных врагов и друзей Карбона, где попало, даже у алтаря Весты, невзирая на право убежища, и что Пренест скоро падет.

Сулла хищно улыбался, читая донесения, и нахмурился, когда Катилина вбежал без доклада.

— Чего тебе?

Оказалось, что Катилина выследил племянника Мария Старшего. Это был претор и любимец плебса.

Сулла востропнулся: лицо его стало страшным.

— Господин, ты хотел отомстить за Лутация Катуллу...

Сулла зарычал.

— Тащи его на могилу Катуллу, — вымолвил он срывающимся голосом, — пытать... сперва поломать кости... потом... содрать шкуру... а голову — мне! Жду тебя на форуме.

Катилина выбежал, а Сулла отправился на форум и, усевшись, стал дожидаться. Он молчал — и все молчали, затаив дыхание. Наконец появился Катилина: он бежал, задыхаясь, тога развевалась.

Остановившись перед Суллой, он протянул ему страшную, окровавленную голову, со сведенным судорогой ртом и глазами, выкатившимися из орбит.

— Брось!

Катилина уронил ее чересчур поспешно на землю и, подбежав к кропильнице, находившейся вблизи храма Аполлона, омыл в ней руки. А Сулла, насмотревшись на голову, приказал:

— Выставить на ростре! — и отправился домой.

У дверей дожидался гонец с известием о самоубийстве Мария Младшего и сдаче Пренеста.

«Приезжай, император, или распорядись, как поступить с непокорным городом. —

писал Офелла, —

...разрушать его жаль, щадить жителей я не вправе без твоего на то соизволения...»

Не дочитав эпистолы, Сулла решил ехать в Пренест, расположенный от Рима в двухстах стадиях.

Город храмов лежал, прижавшись к горному хребту, подобный мифическому зверю, выгнувшему спину, чтобы прыгнуть, и на горе, похожей на его горб, находился Акрополь. Киклопические темные стены окружали белые дома, теснившиеся на склонах горы, а над ними возвышался храм Фортуны, знаменитый оракулом.

Остановив коня и полюбовавшись несколько мгновений великолепным видом, Сулла воскликнул:

— О мятежный город, гнездо бунтовщиков! Достойн ли ты существовать под небом Италии?

Он ударил коня бичом и помчался к римскому лагерю, палатки которого виднелись в отдалении.

Подъезжая, он услышал крики: «*Vivat imperator!*», увидел выстроенные легионы и Офеллу, который в сопровождении нескольких военачальников выехал ему навстречу. Приветственные возгласы не умолкали, и Сулла принужден был обратиться к воинам с краткой речью: он благодарил их за доблесть, радовался вместе с ними победе и, пообещав всем награду, направился к воротам.

«Город пощажу, а население... как боги подскажут!»

Сперва он начал было судить виновных и наказывать, но, потеряв терпение (жителей было двенадцать тысяч), приказал всех перебить... Крики казнимых смешивались с песнями военачальников, которые угощали Суллу в шатре Офеллы и пели в честь его хвалебные песни.

— Я пощадил единственного человека — хозяина дома, в котором остановился, — говорил Сулла, поглядывая на собеседников, — остальные заслужили смерть.

— Увы, господин, но он сказал... — замаялся Офелла.

— Говори.

— Не смею, император! Это дерзкие речи...

— Говори, — повторил Сулла.

Офелла колебался и, опустив глаза, выговорил дрожащим голосом:

— Он сказал так: «Разделю участь граждан, которых губит палач».

— И он? — спокойно спросил Сулла.

— Он бросился, император, в толпу осужденных и погиб с ними.

Сулла засмеялся.

— И ты, конечно, одобряешь поступок негодяя?..

— Что ты, император? — испугался Офелла.

— Я заметил в глазах твоих злорадство...

«Погиб», — подумали все, с любопытством поглядывая на дрожавшего Офеллу.

— Император, более верного слуги, чем я, ты никогда не найдешь.

— Гм... может быть... посмотрим...

Он взглянул на Офеллу и улыбнулся:

— Я, наверно, ошибся. Благодарю тебя, Лукреций Офелла, за взятие города.

А в голове мелькнуло: «Если споткнется, я безжалостно убью его».

Глава XIV

«Зло всех зол — в существовании демократии», — говорил Сулла и, разгромив популяров, приказал Помпею преследовать их вождей. Вся Италия была наводнена верными ему ветеранами, мятежные города осаждены, а подозрительные заняты сильными отрядами. «Умиротворю страну, сотру с лица земли мятежные племена (Самниум должен стать пустыней) — и романизация Италии обеспечена. А затем примусь за Иберию».

Его беспокоила мысль о бежавшем в Испанию Сертории. Сулла знал его и, высоко ценя, опасался, как бы не вспыхнула новая междоусобная война и не вызвала брожения на Востоке. Дальновидный, он рассуждал так: «Будь я на месте Сертория — я связался бы с Митридатом, потребовал бы у него помощи, поднял бы всю Имерию и Галлию, при условии, что понтий-

ский царь повторит поход на Грецию и Македонию, на государства Азии и свяжется с Тиграном, царем Армении. Объединившись с Митридатом и Тиграном, я двинулся бы на Тринакрию и проник бы в Италию со стороны Брундизия, Остии и Генуи: Митридат избрал бы путь Ганнибала и одновременно, заняв кораблями Тирренское море, отрезал бы Италию от провинций, а Тигран высадился бы в Центумцелле и двинулся на Рим. Но Серторий — не Сулла и этого не сделает. На Рим он не пойдет, но может поднять Испанию и привлечь Митридата на свою сторону. Поэтому нужно уничтожить его, пока не поздно». И он приказал послать войска в Испанию.

Размышляя над внутренним состоянием республики, Сулла видел, что власть его казалась всем случайной, разбойничьей. Она не была популярна — часть населения пряталась, а часть молчала от ужаса; не было ни законов, ни выборов — все отмерло. И он предложил сенату рассмотреть его прежние законы и постановления. Сенат поспешил объявить, что все, сделанное Суллой во время его консульства, — вечно, и в благодарность за заботы о республике воздвиг ему на форуме золотую конную статую с надписью:

Корнелию Сулле, счастливому императору!

Она была поставлена против ростр, и народ толпился, глядя на полководца, который, сидя на коне, взвешенный на дыбы, указывал обнаженным мечом на Капитолий.

Он сам называл себя Счастливым и Эпафродитом, и льстецы величали его этими именами, а он, равнодушный, презирающий чернь, старался унижить ее, осмеять и держать в железном кулаке.

«Я властелин жизни и смерти, — думал он, — владыка римлян, потерявших величие и прежнюю доблесть. Пусть же они узаконят во мне своего господина».

Однажды он внезапно выехал из Рима в Тибур и послал оттуда приказание сенату выбрать *intercessio*¹,

---

¹ Возражение (*итал.*), — право народного трибуна отменить решение консулов, по существу являющееся юридическим основани-

а потом предложил избрать себя диктатором не на определенный срок, а до тех пор, пока в римской республике не утихнут волнения.

Выборы состоялись наспех — римляне, не имея законов, предложили Сулле диктатуру: они знали, что навязывают себе тиранию, но жизнь, не ограниченная законами, была подвержена произволу, и они соглашались получить законы, «какие император найдет подходящими для блага республики».

Став диктатором, Сулла разрешил провести выборы консулов и стал обдумывать законы. Он хотел вернуть жизнь к старым порядкам, передать главенство древним аристократическим родам, «достойным» управлять, и думал: «Нужно разредить аристократию, уничтожить бесполезных трутней, и ряды ее пополнить людьми, преданными мне... Права римского гражданства признать за всеми провинциалами, будь то даже варвары, чтобы легче провести романизацию Италии. Все должны быть римлянами — никаких племен, говорящих на своих языках!»

Запретив занимать претуру лицам, не служившим в должности квесторов, а консулат — магистратам, не бывшим преторами, он отменил раздачу дарового хлеба пролетариям, уничтожил комиции по трибам, а деятельность народных трибунов свел к нулю: освободив затем десять тысяч рабов, он даровал им права гражданства, назвал корнелиями, осыпал милостями; это были люди, готовые поддержать его на форуме, слепо преданная стража, всегда вооруженная, охраняющая господина и готовая как на подвиг, так и на любое насилие или преступление.

Проведя законы, Сулла приказал Хризогону разослать соглядатаев на улицы, в общественные здания и в кварталы плебеев. Он хотел знать отношение населения к законам и к нему, диктатору.

Через несколько дней Хризогон, бледнея и путаясь в словах, доложил, что плебс волнуется, кричит о беззаконии и прокликает Суллу, а магистраты недовольны постановлением насчет претуры и консулата.

ем для безграничной власти на время исполнения трибуном своих полномочий.

— Заметил этих мужей? — спросил Сулла. — Как поступил с недовольными?

— Прости, император, но тех и других было так много, что я не решился...

Сулла рассмеялся:

— Тебя испугало их количество? Пустяки! Прикажи корнелиям беспощадно убивать недовольных. Такую же меру провести во всей Италии.

— Будет сделано!

— Вменить в обязанность соглядатаям замечать выражение лиц квиристов...

— Прикажешь убивать таких недовольных?

— На месте же... Справишься с этим делом — получишь награду.

Хризогон опустился на колени и поцеловал руку Суллы.

— Я достаточно награжден тобой, император! Из грязи, из ничтожества вытащил ты меня железной рукой, возвысил, осыпал милостями... Я, как и десять тысяч корнелиев, готов умереть за тебя каждую минуту.

— Хорошо, — равнодушно выговорил Сулла, — иди и делай, что приказано.

Глава XV

Удрученные смертью Люцифера, погибшего в бою у Коллинских ворот, Геспер и Виллий тайком вернулись в Рим. Кровопролития, произвол ветеранов, бесправие народа — все это было страшнее бесчинств во времена Мария: теперь все делалось с холодным расчетом, было заранее обдуманно, и Геспер бессильно сжимал кулаки, беседуя с Виллием.

— Тиран обещал плебсу блага — и обманул! — злобно говорил он. — Где хлеб, где народные трибуны? Сколько людей казнено и сколько будет убито еще из-за угла, без суда и следствия! Мечь и борьба — вот

что нам остается! Все ненавидят его: и популяры, и вольноотпущенники, которым урезано право голоса, и клиенты, и дети проскриптов, и толпы разорившихся людей, и даже всадники!

— Привлечем ветеранов на свою сторону! — воскликнул Виллий. — Они плебеи и не должны выступать против плебса! О боги, вы видите? Человеческая жизнь ничего не стоит!..

— Не призывай богов, — усмехнулся Геспер, — они помогают только аристократам. Диктатор создал господство вооруженной силы и жадных своих клеветников. Разве расхищения, грабежи, обжорство, пьянство, мотовство и разврат не ведут республику к упадку?

— Зверя нужно убить, — с ненавистью вымолвил Виллий, — и я попытаюсь... ударить его ножом на форуме.

— Это не избавит нас от тирании, — вздохнул Геспер. — Его место займет другой, третий, десятый, двенадцатый зверь. Нужно объединить всех недовольных и нанести удар всей власти. Идем на форум, может быть, встретим там кого-нибудь из популярных...

На форуме былолюдно и шумно. Диктатор, окруженный друзьями, сидел в кресле у входа в храм Кастора и Поллукса и, прищурясь, смотрел на толпы народа. Он был в хорошем настроении и подшучивал над двумя военными трибунами, которые одновременно добивались любви у гетеры Флоры. Вдруг глаза его остановились на Хризогоне, который бежал, расталкивая народ. Вот он ближе... запыхался... поднимается по ступенькам... На лбу вольноотпущенника пот, в глазах — торжество.

Сулла привстал в кресле:

— Что скажешь?

Хризогон нагнулся к нему, что-то шепнул.

— А ты не ошибся? — побагровел Сулла. — Говоришь, набирает сторонников?

— Взгляни, император! Вот он, окруженный плебеями... Видишь?.. Смотри по направлению моей руки...

— О, собака! Я предупреждал его, а он ослушался... Как, не быв ни квестором, ни претором, добиваться консулата?!

Не отрывал глаз от Офеллы.

— Споткнулся, — пробормотал он и, кликнув любимого центуриона, приказал: — Убить!

Глаза тирана были устремлены на форум — холодные, равнодушные глаза, твердые, как камень; он видел, как сотник подошел к Офелле и, выхватив меч, пронзил его; слышал, как зашумела толпа...

Геспер бросился на центуриона, добивавшего Офеллу, и вырвал у него меч.

— Вяжите его и ведите к диктатору!

Плебеи остановились у ступеней храма. Пленник спокойным голосом требовал возвратить ему меч. Сулла встал — глаза его сверкали.

— Отпустить центуриона! — резко крикнул он и, когда толпа зашумела, топнул ногой: — Молчать! Он исполнил мой приказ.

Геспер и Виллий вернулись домой в подавленном состоянии.

— Палач, палач, — шептал Геспер, — убивать людей, как мух, даже сторонников! О боги! Было ли такое чудовище на земле?..

Глава XVI

По случаю второго консульства Суллы и Метелла Пия во дворце диктатора готовились к пиршеству. Палатин был загроможден тележками торговцев, доставлявших живность, овощи, плоды и все, что было лучшего в Риме. Рабы и вольноотпущенники везли из городов Италии вина, мед, рыбу, сыры, пряности, мирру и этрусские духи, любимые господином, — их острый, сладковатый запах тяжело дурманил голову. Из школ Кампании были вызваны знаменитые гладиаторы, победители во многих состязаниях; из Афин и Пергама — гетеры; из Спарты — самые красивые девушки, искусные в беге, борьбе и кулачном бою; эфебы из лучших палестр и гимназий; блудницы различных племен и народностей. И все эти люди толпились в садах, на улицах и в портиках, ожидая звонка, возвещающего время обеда или ужина.

В день пиршества обширный атриум был убран цветами и зелеными ветвями. Курильницы дымились на высоких треножниках, распространяя тонкий ароматный запах. Вольноотпущенник Хризогон, с красными щеками, похожими на куски сырого мяса, суетился, бегая по атриуму; громким голосом он прика-

зал сдвигать столы, ставить ложа, покрывать их пурпуром. Рабы и невольницы торопливо разносили дорогие глиняные блюда с сырами, холодным мясом и рыбой и ставили тяжелые серебряные тарелки с различными надписями, выведенными искусной рукой резчика: «Facitis voblissuaviters»¹; «Est ita valeas»².

Но Хризогон приказал унести сыры и ударил раба по щеке:

— Разве не знаешь, что они предназначены для попойки?

Он приказал раскрыть настежь дубовые двери, выложенные слоновой костью, а медный щит с висячим молотком повесить у двери, рядом с надписью: «Не забудь ударить», чтобы звенящие звуки возвещали о прибытии гостей.

Сулла вошел в атриум в сопровождении Лукулла. Он был по обыкновению в военной одежде и высоких калигах. Лицо его было озабочено. Он рассеянно осматривал атриум, думая о чем-то другом. Лукулл пытался развлечь его:

— Взгляни, Люций, на пол: скажешь, не подметен? И, верно, захочешь наказать нерадивого раба? А ведь кости, куски хлеба и мяса, разбросанные по полу, это искусное подражание Созу, работавшему на Атталидов.

Сулла смотрел тяжелым, немигающим взглядом на столбы из паросского мрамора, на стены, украшенные синеватым лесбосским мрамором, на пол, выложенный плитами ярко-зеленого лакедемонского мрамора и мелкими камешками, похожими на игральные кости. Пестрая мозаика напоминала ковер.

— В Пренесте, в храме Фортуны, я первый приказал сделать настил из цемента, цветных камешков и мрамора, — сказал диктатор, — и теперь мозаика вторглась во все богатые дома Рима.

Он сделал несколько шагов и остановился.

— Главное сделано: всадники низвергнуты с вершины их могущества и подчинены судебному наблюдению сенаторских родов; государственные откупы от-

---

¹ Радуйтесь. (Лат.)

² Пусть посчастливится. (Лат.)

менены, повинности провинции Азии превращены в постоянные налоги, ассигнации ветеранам укрепили мою власть, я запретил закладывать участки и отдавать в приданое, а земли освободил от оброка.

Звонящий звук возник у входа, расширился и медленно затих.

Собирались гости. Сначала пришел Метелл Пий, коллега диктатора по консулату, затем Марк Красс, Помпей, Катилина, а за ними стали появляться сразу по-нескольку человек друзья и любимые Суллой вольноотпущенники. Потом пришли всадники, матроны с красными волосами, дочери их в жемчужных ожерельях и десятки людей, которых император совсем не знал и даже не спрашивал, кто они такие. Все они низко кланялись, проходя мимо диктатора, и Сулла с любопытством искал в глазах их вызов, однако не находил ничего, кроме льстивого восторга.

Хризогон шепотом называл наиболее выдающихся мужей, и диктатор рылся в воспоминаниях, обдумывая, нет ли вины за ними, но не находил.

Он смотрел на белые тоги мужей, длинные столы матрон, похожие на дорические хитоны гречанок, на красные, пурпурные и фиолетовые одежды девушек, и глаза его скользили по лицам: женщины и девушки были нарумянены; у всех на висках как бы просвечивали искусно нарисованные голубые жилки, но красота римлянок не привлекала, а запах лука и чеснока, исходивший от них, несмотря на резкий аромат духов, вызывал отвращение.

Хризогон нагнулся к нему:

— Господин, соглядатаи обнаружили в Албанских горах Аниция, которого ты велел разыскать, и дочь его Лоллию. Они схвачены и доставлены в мой дом.

Равнодушное лицо Суллы оживилось, голубые глаза сверкнули стальным блеском.

— Аниций здесь? Как я рад! — вымолвил он, зловеще улыбнувшись. — Хризогон, почему же ты не пригласил дорогих гостей?

И, схватив его за ухо, он притянул его голову к своей и что-то шепнул.

Арсиноя

Атриум наполнялся нарядной толпой, и жужжание голосов долетало до сада, где дурачились шуты и мимы в ожидании, когда господин соблаговолит их позвать.

Хризогон велел поставить столы в таблинуме, перистиле и даже в саду, где наскоро устанавливалось освещение: льняные волокна на тарелках, смоляные факелы, фонарики.

Арсиноя, волнуясь, ходила по дорожкам. Она хотела видеть Суллу и передала через Хризогона краткую эпистола, но дик-

татор не ответил, и это ее опечалило. С некоторого времени она стала замечать, что Сулла охладел к ней: он не приходил в ее скромный домик, отговариваясь государственными делами, и когда она однажды упрекнула его в себялюбии, он, хмуро взглянув на нее, ушел, хлопнув дверью.

С тех пор она его не видела, а пришла на пиршество потому, что в числе приглашенных были шуты, мимы и канатные плясуньи.

— Арсиноя, — позвал ее Хризогон, — наш господин приказал тебе передать, чтобы ты не смела писать таких глупых эпистол.

Она опустила голову, готовая заплакать. Хризогону стало жаль ее.

— Я вызову его сюда под каким-нибудь предлогом, — шепнул он, — а ты не выдавай меня...

Через несколько минут вышел Сулла. Увидев Арсиною, он нахмурился и сказал Хризогону:

— Ты оторвал меня от беседы ради нее?

Вольноотпущенник, побледнев, бросился перед ним на колени, но Сулла грубо оттолкнул его.

— Презренный! Я щажу тебя за услуги, оказанные мне... за любовь твою...

— Господин и владыка! — вскрикнул Хризогон. — Сжался над рабом своим, сердце которого предано тебе до гроба!

— Встань!

И, повернувшись к канатной плясунье, он жестко выговорил:

— Подойди, Арсиноя!

Девушка, дрожа, остановилась перед ним.

— Я выдаю тебя замуж за Хризогона, — сказал он, не обращая внимания на ее побелевшее лицо, — надеюсь, ты довольна? Возблагодари же богов и меня за счастливую мысль!

Она молчала, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Что же не благодаришь?

— Господин мой, сердце мое в твоих руках...

— Хризогон богат, у него дворец на Палатине, сокровища, отобранные у проскриптов, веселая жизнь с плясками и играми...

— Ничего мне не нужно...

— Что-о? — вспыхнул Сулла. — Неблагодарная! Через три дня, клянусь Юноной, ты будешь его женой! Слышишь, Хризогон?

Вольноотпущенник, низко кланяясь, бормотал:

— Поистине ты добр и мудр, о господин! Твой выбор осчастливил меня...

Войдя в атриум, Сулла подал знак возлечь за столы. Хризогон сбился с ног, чтобы угодить во всем диктатору.

— *Quesumus demeresoleas!*¹ — громко крикнул он и приказал слугам подавать кушанья.

Сулла возлег на низком ложе, заняв хозяйское место; рядом с ним поместились Лукулл и Помпей. На среднем ложе находились Метелл Пий, Хризогон и Арсиноя, а на высоком расположились Марк Красс, Катилина и Сизенна.

Сначала появилась закуска (ее запивали напитком, составленным из смеси морса и меда): тибрские и

---

¹ Просим возлечь за столами (дословно: просим снять туфли). (Лат.)

иные рыбы, павлиньи и куриные яйца всмятку, салат, капуста, кампанский хлеб. Затем обед: жареные на кассинском масле фазаны, зайцы, кролики, свинина, печень, колбасы, ветчина, куры, почки вепря, цыплята, усыпанные мукой, утки и “троянская свинья”, начиненная мясом разных животных, подобно тому, как был наполнен вооруженными людьми троянский конь. Потом — печенье, тарентский мед, пирожные, сушеные плоды, тускуланские фиги, яблоки, груши, орехи, каштаны, виноград и оливки.

В доме стоял гул голосов, слышались смех, шутки.

Когда обед кончился, слуги быстро убрали блюда и стали надевать гостям на головы венки, пропитанные нардом, предохраняющим, как думали, от опьянения. Запах нарда резко распространился в воздухе от ног, освобожденных туфель.

На столах появились кубки из кархедонского камня и белого офита, испещренные листьями, цветами и плодами, рога для питья. Перед диктатором поставили кантарос, сделанный из электра, — бокал на золотой высокой ножке, из которого пивал, по преданию, сам Вакх и имели право пить лица, участвующие в шествии во время Вакханалий.

Хризогон обратился к Сулле:

— Прикажешь?

Диктатор кивнул и, повелев начать пирушку, предупредил:

— Пить по греческому обычаю.

Гости столпились у стола Суллы, где Лукулл, Метелл Пий, Красс и Катилина, бросая кости, избирали царя пирушки. Но всех постигла неудача, и только на долю Катилины пришелся ход Венеры.

— Шесть очков! — возвестил он со смехом, окидывая гостей взглядом победителя, и, сделав знак флейтистам начинать игру, объявил смесь вина и воды.

Не успел он договорить, как зазвенел щит, распахнулась дверь и вошли два человека: бородатый муж, в тоге всадника, с золотым перстнем на пальце, и толстая матрона, с тройным подбородком, уже пожилая. Сулла встал с ложа и с улыбкой пошел им навстречу:

— Как я рад, дорогой Аниций, увидеться с тобою! — вскричал он и, повернувшись к матроне, прибавил: — Какому счастью обязан я смотреть на Лоллию, прекрасную розу Рима?.. Хризогон, прикажи поставить лишний стол: мы будем потчевать дорогих гостей...

Гости смотрели со страхом на Суллу: всем было известно, что Аниций и Лоллия внесены в список проскриптов.

Не доверяя словам Суллы, Аниций сказал, бледнея от злобы:

— Часто собачий лай бывает ложен, диктатор! Но когда лжет рыжий пес со свиным рылом — лай ложен вдвойне. Поэтому не лицемерь, Люций Корнелий Сулла, тиран Рима!

Лицо Суллы стало цвета кирпича, — казалось, оно лопнет от прилива крови, но промолчал. Пот струился по багровому лицу, перед глазами мелькали желтые круги, он шатался, как пьяный. И вдруг очнулся.

— Пусть гости пьют, — загремел его голос, — пусть флейтистки играют, пока еще не все сыты. Аниций!..

Всадник не двинулся с места.

— Аниций, — повторил Сулла, садясь на троноподобное кресло, — помнишь, как некогда ты послал мне во время Сатурналий чашу с желудями? Ты, свинья, хотел, чтобы и я уподобился тебе. Хризогон! Кликни корнелиев да прикажи принести желудей!

— Сделано, господин! — сказал вольноотпущенник и хлопнул в ладоши.

Эфиопка внесла корзину с желудями, и вслед за ней вошли преданные Сулле телохранители. Было их шестеро; вооруженные мечами, они окружили, по знаку Хризогона, Аниция и Лоллию и, взяв корзину, поднесли ее всаднику.

— Ешь, — сказал Хризогон, — так велит господин.

Аниций ударом кулака выбил корзину из рук корнелиев, и желуди, прыгая, покатались по полу.

— Кормить силой! — приказал Сулла и равнодушно смотрел, как корнелии, сбив Аниция с ног, раздирали его сжатый рот и совали желуди. Аниций задыхался, лицо его посинело — он давился, глаза выкатились, жуткий хрип заставлял бледнеть людей.

Все молчали, оцепенев от ужаса. Лоллия, упав на колени, уткнулась лицом в холодную мозаику пола и не шевелилась.

— Задушить, — услышала она равнодушный голос Суллы и, вскочив, бросилась к корнелиям, растолкала их и, обхватив отца за шею, приникла к его лицу.

— Не дам, не дам! — кричала она в исступлении и вдруг, подняв голову, взглянула на Суллу. На нее смотрели холодные глаза: в них таилась скука, насмешка, презрение.

— О Люций, умоляю тебя, сжался! Вспомни, как ты некогда обещал исполнить любое мое желание... Теперь наступило время... О Люций!..

Она подползла на коленях к треноподобному креслу. Ухватившись за ногу диктатора, она прижалась лицом к грубой калиге и выла в смертельном ужасе:

— Пощады! Милосердия!..

Ударом ноги Сулла опрокинул ее навзничь.

— Подлая тварь, — выговорил он, сделав знак корнелиям покончить с Аницием, — не ты ль поносила меня в кругу всадников, похваляясь стать моей любовницей, чтобы поразить меня кинжалом в сердце? Не отец ли твой поддерживал сначала обоих Мариев, а затем самнитов, самых упорных врагов, подстрекая их против меня? Оба вы заслужили смерть. Аниций уже издох, — указал он на распростертый труп, от которого отходили корнелии, — а ты, Лоллия, умрешь прежде, чем пройдет вторая стража...

И, нагнувшись к Хризогону, шепнул:

— Немедленно снести ей голову и зарыть обоих, как собак, у стены Сервия Туллия...

Хлопнул в ладоши.

— Пить, петь, играть и плясать! — крикнул он на весь атриум. — А кто будет дрожать от страха — отнесет желуди в подземное царство Аида! Эй, плясать!..

Вернулся Хризогон и объявил, что корнелии повезли хоронить трупы.

— Катилина! Кантарос вина!

Катилина, блестя беспокойными глазами, сам налил греческого вина, смешанного с медом, и поднес Сулле кубок, высеченный из золотистого хризопраза.

— Пей, господин мой, вино хорошее: взгляни на тессеру, — возвестил он, протянув белую табличку с красной надписью.

Сулла усмехнулся, искорка сверкнула в его голубых глазах.

— *Rubrum vetus vinum picatum CIG «Marii»*¹, громко прочитал он и с удивлением взглянул на Катилину: — Откуда достал?

— Спроси у Хризогона, я выбирал самую пыльную амфору.

— Откуда?

Хризогон шепнул Сулле на ухо:

— Прислала Юлия, вдова Мария Старшего. Она поздравляет тебя с консульством и желает...

— Почему не пригласил ее?

— Прости, господин! Столько было хлопот в эти дни, столько...

— Что-о? — загремел диктатор, и лицо его исказилось. — Подлый раб! Который раз ты уже доводишь меня до бешенства?..

Хризогон побледнел, зубы его застучали.

— Неблагодарный! Я освободил тебя, возвысил, а ты не радеешь о своем господине! Ты...

Он размахнулся и ударил его по щеке с такой силой, что Хризогон опрокинулся навзничь.

— Прошу тебя, успокойся, — услышал диктатор спокойный голос Лукулла.

— Да, да. Налей еще, Катилина!

А потом Сулла тихо сказал:

— Хризогон, я погорячился... Знаю, ты привязан ко мне и любишь меня... Готовься же к свадьбе и объяви Арсиное, что о приданом я сам позабочусь.

Хризогон упал на колени и поцеловал его руку.

— Что же танцовщицы? — спросил диктатор.

Середина атриума была мгновенно освобождена от столов, пол устлан пестрым мохнатым ковром. Из-за колонн выбежали греческие, персидские, сирийские, египетские и армянские танцовщицы; они показывали свое искусство перед диктатором, стараясь вызвать его

---

¹ Старое красное вино, засмоленное в первое консульство Г. Мария.

одобрительную улыбку. Но бесстрастно было лицо Суллы: казалось, он не видел ни плясок, ни пиршества, не слышал звуков инструментов и споров за столами.

Пение Миртион оживило его. Он поднял голову, и легкая улыбка, появившаяся на его губах, вызвала на лицах певиц и танцовщиц зависть к счастливой сопернице. Песня взволновала его: вспомнил Азию, Траллы, удушливые ночи, знойную любовь и пожалел, что недолго пробыл в Азии после поражения Фимбрии, недолго тешился покоем. И ему захотелось бросить все, отречься от власти и удалиться подальше — жить, дышать полной грудью, наслаждаться любовью юных певиц и танцовщиц, писать воспоминания в надзидание потомству и, отдыхая от умственных трудов, прижиматься лицом к девственной груди.

Миртион пела, и припев глубоко волновал диктатора:

Веселись всю жизнь,
Не печалься ничем,
Ведь жизнь коротка,
Время к концу приведет.¹

— Чья песня? — вздохнул Сулла, и затуманенные глаза его ласково оглядели певицу.

— Сейкила, господин мой!

— Подойди ко мне, цветущий мирт! Рой вожделений кружится вокруг твоего пояса... Я любил твои песни в Афинах, а еще больше в благословенной богам Лидии.

— Я была счастлива петь тебе, император!

— Хочешь жить в моем дворце?

Певица опустила голову, как бы в раздумье, и ответила с непорочной улыбкой на губах:

— Твоя воля — закон.

Играли флейты, звенели кифары, цитры, мерно пели лиры, позвякивали систры, и голоса певиц выводили песнь на римском языке с греческим, сирийским, египетским и македонским припевом. Но Сулла почти не слушал: в его ушах застрял иной припев.

---

¹ Перевод автора.

«Что власть? Для чего она мне, прославившемуся навеки? Кончится жизнь, и даже слава станет излишней. Не пора ли отдохнуть? Самое главное в жизни — покой, телесные наслаждения и умственные удовольствия». Он прижал к себе Миртион и вдруг увидел умоляющие глаза Арсиной, заплаканное лицо и встал с удивлением:

— Что с тобой?

— Господин мой, ты не ошибся? Хризогон сказал...

— Ты выходишь за него замуж...

— Господин мой...

— Я хочу, чтобы ты успокоилась и была счастлива!

Он встал:

— А теперь пойдем в сад. Травля диких зверей будет показана завтра в амфитеатре, а сегодня вы увидите бой гладиаторов.

Глава XVII

Сулла презирал окружающих его магистратов, а они льстили и заискивали перед ним из страха и ради выгод. Он наблюдал за этой жадной, продажной толпой, теснящейся в его атриуме подобно клиентам, и насмешливая улыбка блуждала по его губам.

Он издевался над ними с утонченной жестокостью властелина, которому все дозволено: одних бил, других казнил, у иных отнимал имения, у отцов — дочерей, у мужей — жен, у женихов — невест, а зверства Катилины одобрял.

Он знал обо всем, что делалось в Риме. В школе, где учился его сын, мальчики называли Суллу палачом, и когда Фавст вступился за отца, Кассий ударил его кулаком по лицу; отрок Катон требовал у своего учителя кинжал, чтобы убить тирана, и тот обыскивал его каждый раз, как вести к Сулле (в праздничные дни детей водили к нему с поздравлениями). Цицерон вел процесс Росция; Красс отдавал серебро в рост,

ссужал под проценты, продавал имущество должников, скупал горящие дома, и его пожарные тотчас же тушили их, а греки-архитекторы на другой же день приступали к постройке обгоревших зданий.

Событий было много, а он спокойно наблюдал за всем, и легкая улыбка приподнимала уголки его губ: «Жизнь... Но что она значит перед моим величием? Я — единственный, перешагнувший через кровь и закон, сам ставший законом. Власть и народы — в моей руке. Был ли хоть один римлянин могущественнее меня? Всех связывали законы, а я не подчиняюсь им. Законы — это узда, сдерживающая страсть человеческого стада, чтоб оно не перегрызлось, а я, пастырь, буду только руководить волей и жизнью глупой толпы». Подумал о друзьях и презрительно пожал плечами: их не осталось, если не считать Лукулла. «Красс корыстолюбив, как купец: разве он не внес богатого бруттийца в список проскриптов без моего ведома, а теперь завидует Помпею и соперничает с ним из-за первенства. Я охладел к нему и не желаю пользоваться его услугами в государственных делах. Помпей горд, тщеславен и стремится к власти, но он молод, а глупости, совершенные в этом возрасте, простительны. Хризогон и Катилина? Соглядатай и палач, оба алчные до золота, они готовы на любое преступление. Но кто сделал их такими? Неужели я, Сулла? Нет, они такие по натуре, и случай помог им выказать свои кровожадные склонности. А я? Я делаю что нужно: я отбрасываю Рим к временам первых царей, чтобы плебеи выбили из своих голов вредные мысли о господстве или уравнении в правах с патрициями. Времена Тулла Гостилия или Сервия Туллия?.. Не все ли равно? Лишь бы Рим стал таким, как несколько веков назад: патриции — во главе государства, а плебеи — в подчинении!»

Он решил передать сенату проведение законов, распределение провинций, отнять у народа право выбора жрецов. «Пусть служители богов сами выбирают себе коллег. Не пристало плебеям совать носы в священные дела».

Вечером он беседовал с Лукуллом:

— Сенат пополнен тремястами богатейших патрициев. Это военные трибуны и вожди, отличившиеся под моим начальствованием. Они неприкосновенны и останутся пожизненно сенаторами: право цензоров удалять их каждые пять лет из Курии отменено. Неводелываемые и отнятые у городов территории разделены между двадцатью тремя легионами — эта мера даст мне возможность держать в руках всю Италию.

Я вбил в римский трухлявый дуб сотни клиньев и привил ему новые ветви; если пойдут ростки — мы одолеем врагов, а если рухнет дуб — все рассыплется. Кто возьмет после меня власть, чтобы продолжать мое дело? Ты, Люций Лициний? Но ты отказываешься. Разве не чувствуешь в своей руке силы, а в сердце — непримиримости? Красс? Но это золотой мешок, скряга, меркантильная душа: он стремится к власти ради денег. Помпей? Я люблю его за храбрость и военные дарования, и если он... Но, увы! Он нерешителен, а такой муж, даже великий, ничего не стоит... Кто же с железной волей? Кто?

— Такого нет, — вздохнул Лукулл. — Быть может, боги укажут нам его.

— Меня ненавидят, — сказал Сулла, — а за что? Ведь я хочу избавить Рим навеки от смут, поставить плебс на его прежнее место!

— Не много ли ты захотел? Сколько поколений сменилось, живя отвоеванными у нас правами (я говорю о плебсе), а ты решил сразу все отнять!.. Не вызовет ли это яростных сословных боев?

— Нет, народ укрощен. Но я желал бы, чтобы он восстал: тогда бы я одним ударом освободился от бунтовщиков и недовольных!

Лукулл

Лукулл с обожанием взглянул на Суллу.

— Пусть продлят боги твою славную жизнь! — взволнованно вымолвил он. — Пока ты жив, порядок в Риме не нарушится.

— Что слышно нового?

— Шутники называют твою власть отрицательным царствованием. Города ропщут и не желают давать денежную помощь...

Сулла вспыхнул, глаза его засверкали.

— А, ропщут? Не желают? Увидим. Завтра будет объявлен эдикт об отнятии у них земель, портов, бань, водопроводов... Я заставлю их подчиниться!

Встал:

— Созвать немедленно сенат! Эй, Хризогон, выловить шутников и представить мне списки!

Глава XVIII

Цецилия Метелла заболела на пиршестве, устроенном Суллой для народа. Таких пиршеств давно не помнили: обилие яств, сорокалетние опимианские вина, различные развлечения, гладиаторские бои, состязания колесниц на ристалище и лучших гистрионов, среди которых блистал Росций, в театре — все это удивляло народ. Рассказывали, что каждый день остававшиеся яства выбрасывались в Тибр, а на другой день готовились свежие.

Болезнь Цецилии, омрачившую празднество, считали, по обычаю, дурным предзнаменованием для главы республики, и когда Метелла, уходя домой, позвала с собой мужа, жрецы пригрозили ему гневом богов, указав на неблагоприятные ауспиции.

Суеверный диктатор нашел предзнаменования зловещими и, хотя любил Цецилию, не решился последовать за нею.

А жрецы нашептывали:

— Не лучше ли тебе развестись с нею? Может быть, эта жертва смягчит гнев богов...

Жена ждала его всю ночь и весь день, а он не приходил... Она посылала за ним рабов — ответ был один: «Занят». Наконец вошел Хризогон и вручил ей табличку.

— Наш господин повелел передать тебе разводную и просить, чтобы ты переехала в другой дом...

Она только вздохнула, и Хризогон, ожидавший слез и нареканий, пожалел ее.

— Прости, госпожа, — сказал он, — не нужно ли тебе чего-нибудь?

— Пусть перенесут меня поскорее...

Сулла справлялся каждый день об ее здоровье. Одинокая, она умирала в чужом кубикулуме, но мужа не винила: знала об обычае, молилась, а неизвестная болезнь истощала ее. Чужеземцы врачи лечили ее, предлагая каждый какие-то мутные настойки, но от лекарств было хуже, и она перестала их принимать за день до кончины.

Узнав об ее смерти, Сулла заперся дома и не выходил на улицу. Хризогон не оставлял его ни на минуту. Сидя в кресле, диктатор, казалось, спал, полузакрыв глаза. «Сошла в Аид... сошла... О боги! Зачем вы отняли ее у меня? И где я найду другое такое сердце, Юнона, и такую же любовь, Венера?.. Все мы уйдем, как предрешено, в подземное царство, но найду ли я твою блуждающую тень, Цецилия, чтобы слиться с нею воедино?»

Хризогон смотрел на спокойное лицо господина и, недоумевая, думал:

«Жалеет ли он ее? А ведь не плачет, не вздыхает. Мысли его далеко. А может быть, он заснул?»

Вышел на цыпочках из атриума и вскоре вернулся. Остановившись у кресла, он смотрел на лицо диктатора, не решаясь нарушить его сон или размышления. Наконец сказал негромко:

— Господин, пора хоронить госпожу...

Сулла очнулся.

— Пошли за Лукуллом и Помпеем, — приказал он и опять погрузился в размышления.

В атриуме было тихо, только вода булькала в клеписидре, да из сада доносились голоса сына и дочери.

Вошел Лукулл.

— Ты останешься со мной, — сказал диктатор, — а Помпей займется похоронами...

— Закон твой ограничивает расходы по погребению.

— Чьи расходы? Диктатора? Автократора? Его супруги? Да ты шутишь, дорогой Люций Лициний!

И приказал вбежавшему Помпею:

— Хоронить Цецилию Метеллу, как высокопоставленную особу. Не жалеть расходов...

— Но магистраты... закон...

— Молчать! Чей закон? Мой. Объявить, что он отменяется в эти печальные дни...

Помпей поклонился и вышел.

— А мы, дорогой Люций Лициний, утопим проклятое горе в вине, заглушим его песнями и музыкой, предадимся забвению в объятиях женщин!

Лукулл сжал ему со вздохом руку.

— Ты страдаешь?

— Разве я не человек?

— Ты крепок. Я никогда не видел горя на твоём лице.

Сулла усмехнулся.

— Не увидишь и теперь. Но оно здесь, вот здесь! — ударил он себя в грудь и крикнул: — Эй, Хризогон, пусть дом готовится к пиршеству! А я... я хочу взглянуть на нее последний раз...

— Но жрецы...

Злобно рассмеялся.

— Хризогон! Возьмешь с собой отряд корнелиев. Услышишь ропот жрецов или недовольство на лицах граждан — руби всем головы!

— Почему же ты, — спросил Лукулл, — не посмел послушаться жрецов, когда заболела твоя супруга?

— Тогда были дурные предзнаменования, а теперь я не хочу вопрошать богов.

Глава XIX

Год спустя Геспер примкнул к популярам, составлявшим только часть недовольных диктатором. А во главе заговора стоял бывший друг Суллы, патриций из древнего рода, консул Марк Эмилий Лепид, сторонник плебса.

Хотя народ был осторожен, боясь предательства, несколько десятков человек собралось у Геспера.

— Слыхали, тиран проводит романизацию Италии? Он расселил колонистов на землях, отнятых у проскриптов и беглецов... — говорил Геспер, покачивая седой головой.

— Я сам слышал, — прервал Виллий, — как пьяный Хризогон, беседуя с Базиллом на Палатине, говорил, что большинство колонистов осело в Этрурии, Кампании и окрестностях Пренеста, а Самниум стал пустыней: Сулла приказал уничтожить самнитский народ за то, что он боролся за самостоятельность.

— Я кое-что знаю об этом, — сказал Геспер, — тиран добивается, чтобы все союзники стали римлянами и говорили на одном латинском языке. Но ты забываешь, Виллий, что этрусские города Популония и Волатерры еще борются...

— Сегодня прошел слух, что они пали, — заметил один из плебеев, — и Сулла приказал вырезать всех защитников, хотя и обещал даровать им жизнь...

— О, хитрый, коварный палач! — вскричал Виллий. — Долго ль еще будем терпеть твои кровавые надругательства?

Геспер поднял руку.

— Слушайте, — вымолвил он, — нужно объединиться, быть наготове, но выступать еще рано. Мульвий пишет, что Серторий усиливается, и если он поднимет всю Иберию — ударим и мы. А сейчас тиран силен: чуть что — и полетят сотни голов... Ну, расходитесь, только тихо, поодиночке, в разные стороны...

Глава XX

Враждебная деятельность Сертория тревожила Суллу, и он послал против него проконсула Метелла Пия. Полководец твердый и храбрый, верный сторонник диктатора, Метелл отплыл в Испанию и начал военные действия, однако Серторий был неуловим — в бой не вступал, а тревожил легионы проконсула неожиданными налетами. Особенно удручал Метелла урон, наносимый неуловимой исанской конницей Мульвия, и полководец обещал за голову седоволосого префекта много золота. Мульвий появлялся всюду: и впереди, и сзади римских войск; он нападал на лагерь, производил ночной переполох и исчезал так же быстро, как и появлялся.

Метелл подробно писал Сулле о военных действиях. Диктатор хмурился, читая его эпистолы, и отвечал:

«Мульвия, подлого пса, поймать и содрать с него шкуру, каковую отослать в Рим, а популяра Сертория, хитрого киклопа, казнить: выколоть оставшийся глаз, отрубить голову и доставить мне».

Вести из Сицилии были утешительнее. Помпей доносил:

«Радуйся, император! Волею бессмертных мятежники разбиты. Перпенна, покоривший Тринакрию, очистил ее и бежал. Популяры Гней Карбон и Квинт Валерий захвачены и казнены. Головы злодеев посылаю в Рим. Мамертинцы, населяющие Мессану, отказывались подчиниться моим приказаниям, ссылаясь на прежние римские законы, и я, вне себя от гнева, крикнул: “Перестанете ли вы читать законы нам, опоясанным мечами?” Теперь они подчинились.

С жителями городов и деревень я обращаюсь мягко, и меня любят. Сегодня получил указ сената и твою эпистолу с приказанием отплыть в Африку против Домиция и уже сделал распоряжение снарядить корабли (военных у меня сто двадцать, транспортных — с хлебом, оружием, метательными машинами —

восемьсот), а легионам быть готовыми к выступлению на рассвете. Управление Сицилией поручаю моему зятю Меммию. Сейчас войска на отдыхе близ Гимеры. Когда получишь мою эпистола, я буду уже плыть в Африку. А после завоевания ее не замедлю вернуться в оберегаемый богами Рим».

Отложив письмо, Сулла задумался: «Цицерон бежал в Грецию, а Гай Юлий Цезарь — в Вифинию. Упрямый выродок! Не захотел развестись с Корнелией, дочерью Цинны, и если б не влиятельные магистраты, Цецилия Метелла, Юлия и весталки, просившие за него, голова наглеца была б уже выставлена на ростре! Глупый мальчишка! Ему не миновать грязных лап старого развратного Никомеда!»

Презрительно засмеялся.

— Только негодяи не ценят моей власти, — громко сказал он и прошел в обширный таблиниум, разделенный завесой на две части: первая, собственно таблиниум, была обставлена в греко-римском духе: четырехугольные и круглые низенькие столы из слоновой кости и бронзы, каждый о трех ножках, похожих на лапы зверей с когтями и копытами, поблескивали в полумраке. Ложа, с мягкими перинами, устланными разноцветными покрывалами, и с подушками, испещренными искусно вышитыми цветами, стояли у стен. Здесь диктатор полулежа обычно писал, читал, завтракал, иногда обедал, занятый государственными делами. На серебряных треножниках сверкали керносы с винами, ритоны, формой напоминавшие согнутые рога разных животных. Ониксовые, агатовые и алебастровые чаши — подарок Митридата VI — стояли на отдельном столике, а над ними возвышались кратеры и урны, сделанные из белого и разноцветного мрамора, из порфира и травертина; пестрел орнамент в виде плодов и цветочных венков, масок силенов, кубков и музыкальных инструментов.

Сулла отдернул завесу и вошел во вторую часть таблиниума. С потолка спускались на блестящих цепочках фонари-рога, внутри которых помещались лампы — фитиль, плавающий по маслу. Было светло.

Вдоль стен на полках лежали свитки папирусов и пергаментов, глиняные черепки ассиро-вавилонян, римские навощенные дощечки. Это была знаменитая библиотека теосца Апелликонта.

Несколько скрибов, работавших полулежа, встали не торопясь и поклонились господину, а вольноотпущенник Эпикад подошел и поцеловал у него руку.

— Взгляни, на чем мы остановились, — сказал Сулла. — Пусть скрибы приготовятся записывать.

Эпикад проворно развернул свиток пергамента:

— Остановились мы, господин мой, на словах: «Сулла приказал извлечь труп Мария...»

— Пишите.

Диктатор шагал взад и вперед, и голос его гремел:

— «...извлечь труп Мария из могилы, привязать к хвосту лошади и волочь мерзкую падаль по площадям и улицам, избивая палками и розгами, а затем оплевать и бросить в реку. Так наказал Сулла, любимец богов, злодея, поднявшего руку на отечество...»

Вошел Хризогон.

— Чего тебе? — нахмурился диктатор.

— Эпистола от Помпея!

— Положи ее на стол в таблиниуме. Сколько раз я приказывал не мешать!

— Господин, гонец ждет ответа...

Сулла побагровел.

— Вон!.. — крикнул он.

Хризогон опрометью выбежал из библиотеки.

Помпей доносил, что Домиций побежден, война в Африке окончена и на днях легионы отплывут в Италию. Прочитав эпистолу, Сулла задумался. Помпей оказал ему поддержку во время похода на Рим, был услужлив и предупредителен. Медлительный, важный, он торжественно выступал на улицах, любил обращать на себя внимание мужей, а особенно женщин. Сулла знал об этом и посмеивался:

— Молодость! Хвастовство! Тщеславие! И глупость! Конечно, он одарен военными способностями, он победил популяров в Сицилии и Домиция в Африке, но дать ему, молодому, триумф — это много. Пусть послужит, пусть пройдет ряд магистратур.

Он написал ему ласковое письмо, хвалил за подвиги, спрашивал, окончательно ли сломлен неприятель, но в триумфе отказал.

Прошло несколько недель.

Однажды утром, выехав по обыкновению на прогулку за город в сопровождении Лукулла, Хризогона, Катилины, Красса и нескольких молодых патрициев, Сулла остановил коня. По дороге навстречу им скакали всадники, вздымая клубы пыли. Уздечки лошадей, шлемы и оружия ярко сверкали на солнце.

Не доезжая нескольких шагов, верховые остановились, и Сулла узнал по высокому росту, круглому загорелому лицу и живым, блестящим глазам тучного, широкоплечевого Помпея.

— *Vivat imperator!* — громко закричал Помпей, и его спутники радостно повторили приветствие.

— *Vivat victor!*¹ — ответил Сулла, сходя с коня.

Сняв шапку, он поклонился Помпею. Помпей зажегся от радости и стыда, быстро спешил, поднял руку; сподвижники последовали его примеру.

— Что же мы? — сказал Лукулл спутникам диктатора. — Долой с коней!

Все покинули седла, все кроме Красса. Бледный, он с завистью смотрел на Помпея, думая: «Если бы не я —

¹ Да здравствует победитель! (Лат.)

Сулле никогда бы не взять Рима. В последней битве у городских ворот я разбил неприятеля на правом фланге и способствовал общей победе. Почему Сулла благоволит больше к Помпею, чем ко мне?»

Красс сошел с коня и стоял, опустив голову. Он был огорчен и считал, что диктатор несправедлив.

Помпей робко подошел к Сулле и, смущаясь, снял шлем и откинул назад длинные черные волосы.

— Император, эпистола твою я получил в пути. Легионы в нескольких стадиях отсюда. Что прикажешь?

Сулла взглянул на него:

— Государство благодарит тебя за победы... Ты, конечно, достоин награды, но триумф... Подумал ли ты о римских обычаях и законах?

— Император, он достоин! — хором закричали сподвижники Помпея. — Одно твое слово...

Сулла молчал.

— Император, ты могуществен, — сказал дрогнувшим голосом Помпей, — вознагради же своего верного слугу...

— Ты тщеславен, Гней Помпей, — усмехнулся Сулла, — ты любишь блеск, пышность, яркость, восхищение женщин и девушек. А ведь не это украшает война... Что ж, если ты так жаждешь — быть по-твоему!

И он протянул ему руку. Кругом зашептались.

Сверкающий шлем поник, криста, задрожав, свесилась, и гордый Помпей прижал руку диктатора к своим губам.

Сулла насмешливо взглянул на него.

— Это не все... Если ты за победы удостоен триумфа, то за подвиги, одержанные в боях, награждаю тебя прозвищем Великого...

Грудь Помпея порывисто вздымалась под блестящей чешуйчатой лорикой. Говорить он не мог, глаза затуманились, и он молча стоял несколько минут.

— Император, — вымолвил он наконец, преклонив колени, — прозвище Великого достоин носить только один муж — это ты! Зачем же ты лишаешь себя...

— Встань, Гней Помпей! Не подобает величеству пачкать колени в пыли, а я почти завершил свое де-

ло... Потомство назовет меня по заслугам. Остается только победить Сертория — и популяры сломлены... И если Метелл Пий, которого бьет Серторий, не справится, я пошлю Помпея Магна в Испанию!

И, кивнув ему, Сулла вскочил на коня.

Глава XXI

Диктатор отдыхал в кругу друзей.

Чувственные наслаждения уступили место умственным, а так как он после долгого перерыва приступил опять к работам над своими «Достопамятностями», то отдых его заключался в беседах с друзьями, выслушивании мнений по разным вопросам и в обсуждении деятельности выдающихся мужей.

Несколько человек полулежали за столом, на котором сверкали чаши с напитками, вазы с плодами и сладким печеньем. Тонкий запах вин, яблок, груш и гимметского меда, особенно любимого хозяином, наполнял таблинум, проникая в атриум, перистиль и спальни. Юная смуглотелая невольница гречанка, вывезенная Суллой из Афин, неслышно ступая по пушистым персидским коврам, наливала вино в чаши.

Беседа велась по-римски.

Император полулежал на низком ложе, занимая хозяйское место; рядом с ним находился раб-писец, записывавший высказывания Суллы и его гостей; третье место пустовало. Среднее ложе занимали Лукулл, историк Сизенна и греческий поэт Архий, а высокое Хризогон. Попивая вино, диктатор говорил громким голосом:

— Все попытки демоса поработить эвпатридов сводились к бесцельным кровопролитиям: господа страны всегда подавляли восстания. Не так же ль произошло и у нас? Владычество Мария и дерзания популяров во главе с его сыном кончились нашей победой.

— Твоей победой! — восторженно перебил Хризогон, преданно наклонив голову. — Если бы не ты, счастливый, великий...

— Молчи, — отмахнулся от него Сулла. — Если б не я, то — клянусь богами! — нашелся бы другой... Пути нашего владычества в руках Фортуны: что предначертано ею — никакие силы небесные, земные и подземные не изменят. Разве мы не видим, что все дерзания греческого демоса и римского плебса разбивались о волю меньшинства, нашу волю? История блещет тысячами примеров...

Он откашлялся, указал рабыне на пустой бокал, который она поспешила наполнить, и сказал, обратившись к Сизенне, лысому, худощавому нобиллю, с бледным лицом:

— Послушай, Люций, прежде, чем писать, я много передумал. Мысли мои обратились к Элладе. Я изучил Геродота, Фукидида, Ксенофонта и должен сознаться, что не согласен с Фукидидом, который считает слабовольного Перикла идеалом государственного деятеля. Не согласен я также с Ксенофонтом, потому что Агесилай и Кир Младший — мужи, которым было много дано, но которые не выполнили своего предназначения. Но зато я нашел действительно сильных мужей — это Агафокл и Набис, однако и они не могли утвердить господства черни, ибо пошли против течения... Вот причина бесславной их гибели...

— Я не согласен с тобой, Счастливый! — возразил Сизенна. — Не Фортуна назначает бег времени и жизни народов, а сами народы руководят своей жизнью и будущим. Ты говоришь, что борьба велась впустую и вожди погибли бесславно. Пусть так! Но не забывай, что борьба не утихает, а разгорается, несмотря на гибель единиц, десятков, сотен и тысяч. Вспомни, что было в Риме... И так будет продолжаться, пока плебс не добьется господства!

— Уж не марианец ли ты? — усмехнувшись, нахмурился Сулла. — Бунтовщики были и будут подавляемы! Я докажу это тебе на исторических примерах.

Лукулл сказал вполголоса, повернув голову к диктатору:

— Прошу, не утруждай себя, Люций, спорами! Си-
зенна подобно Фукидиду считает причиной историче-
ских событий не богов и не Фортуна, а самого челове-
ка. Кто прав: ты или он — трудно сказать.

— А я тебе докажу! — вскричал Сулла и повернул-
ся к писцу: — Записывай подробно. — И стал гово-
рить пониженным голосом: — Я не хочу осуждать му-
дрого Питтака, правителя Митилены, но его демокра-
тия ничего не стоила: примирить вечных врагов — де-
мос и аристократию — то же, что поженить волка с
овцой!

— Ты прав, клянусь Дионисом! — засмеялся мол-
чавший все время Архий. — А наказывать за преступ-
ление, совершенное в пьяном виде, строже, чем в
трезвом, — разве это не безумие?

— Если бы Агафокл и Набис продержались даже
сто лет, — продолжал Сулла, — то ведь это — минута
перед вечностью, и я убежден, что не им, а нам, отцам
народа, владеть и управлять странами... Ничто чело-
веческое не прочно. Власть рабов и плебеев? Она летит
вверх ногами. Власть оптиматов? Она тоже летит в
Тартар. Умеренное правление волка и овцы, подобное
правлению Питтака? Это дом, выстроенный на песке.
Борьба Агиса и Клеомена с эвпатридами? Смешная,
нежизненная затея. Поэтому я считаю, что из трех зол
лучшим есть наша власть — твердая, суровая и ра-
зумная... А это говорит, друзья, о бесполезности борь-
бы с Римом. Зачем резня? Лучше жить? Но жизнь —
не вечна...

— В чем же, по-твоему, цель жизни? — спросил
Лукулл, жадно следя за ловкими движениями гибкой,
стройноногой невольницы, которая, заметив его
взгляд, вспыхнула и потупилась.

Заметил и Сулла восторг на лице друга.

— Цель жизни написана на твоём лице! — засмеял-
ся он, забавляясь смущением Лукулла. — А я, верный
ученик Аристиппа из Кирены, скажу прямо: цель
жизни — в удовольствии, чувственном и духовном.
Оба удовольствия — величайшее добро. Аристипп го-
ворит: «Всякое средство для продления удовольствия
дозволено. Добродетель ценна, если ведет к удовольст-

вию, мудрость — если она господствует над удовольствиями и охраняет человека от излишеств. Как чувственные удовольствия являются высшим познанием добра и зла, так и умственные ощущения есть высшее определение лжи и правды».

«Не совсем, но приблизительно так, — подумал Архий, — Сулла умен и по-своему понимает Аристиппа». И он громко сказал:

— Аристипп, ученик Сократа, друг тирана Дионисия Сиракузского, любовник гетеры Лаисы, постоянный гость на купеческих пирах — это предпосылка. Определим сущность этого мужа: ученик Сократа — значит мудрец, сторонник духовных удовольствий; друг тирана — муж, равнодушный к страданиям людей, человеконенавистник; любовник — значит сторонник чувственных ощущений: любовник же гетеры — понятие, определяющее человека, предающегося тем и другим удовольствиям; гость на пирах — пьяница и обжора, а слово купеческий говорит о том, что он во всяком случае не сторонник демоса.

Сулла засмеялся.

— А так как, — продолжал Архий, незаметно улыбаясь, — Киренейская школа учит, что задача науки и философии сводится к искусству научить людей наслаждаться жизнью и приобретать такие знания, которые помогли бы из неприятных ощущений делать приятные, то я не понимаю, как, например, можно из неприятного ощущения убийства или казни сделать приятное, примиряющее человека внутри с самим собой и придающее ему веселое настроение?

— Для меня, война, ответ прост, — сказал Сулла. — В этом отношении я согласен с софистом Колликлом, который говорит, что право сильного есть естественное право и закон природы, а законы, ограничивающие это право, являются заговором слабых против сильных.

— Пусть так, — не унимался Архий, — но может ли право сильного вызывать всегда приятные ощущения?

— Да.

— Значит неприятного ощущения быть не может?

— Не может.

— Как же тогда можно из несуществующего неприятного получить приятное?

Озадаченный, Сулла молчал.

— Поэтому, — торжествуя, заключил Архий, — право сильного не всегда вызывает приятные ощущения, и ты ошибся, Счастливым, сказав обратное.

Несколько мгновений диктатор смотрел на него тяжелым, немигающим взглядом. Все затихли. Хризогон съежился и побледнел, Сизенна позеленел, и слышно было, как его зубы выбивали мелкую дробь; даже Лукулл несколько смутился; только Архий спокойно смотрел в глаза Сулле, разминая пальцами мягкую грушу.

— Цицерон защищал Росция, а Цицерон — друг Архия и Тита Помпония. Архий же бывает у Лукулла.

— Клянусь белым телом Анадиомены! — воскликнул по-гречески Лукулл, открыто взглянув на невольницу. — Я не могу больше ждать, хотя мужи, которых ты упомянул, глубокие почитатели эллинской красоты. А так как олицетворение ее не дает мне покоя, то позволь, о Счастливым, просить тебя об одной милости...

Сулла рассмеялся, и гости внезапно повеселели.

— Ты — лучший друг и тебе ль отказать? Подойди, Демарета!

Гречанка, опустив голову, остановилась перед диктатором.

— Я дарю тебя Люцию Лицинию Лукуллу, доброму господину...

— Воля твоя, — прошептала она, не подымая головы.

— Довольна ли ты?

Глаза Демареты сверкнули исподлобья.

— Рабыня, господин, всегда рабыня.

— Хорошо сказано. Эй, Хризогон! Пришли мне завтра взамен этой девушки Алкесту, только — смотри!..

Хризогон понял намек и улыбнулся.

— Будь спокоен. Но не хотел ли бы ты взглянуть на юных девушек, купленных мною на Делосе? Среди них есть даже тевтонки с голубыми глазами и золотыми волосами.

— Почем платил?

— Я, господин, купил оптом, но денег еще не отдал. Купец клянется, что все они девственны...

— А где ты их держишь?

— Они находятся на Палатине, но завтра я хотел отправить их в виллу.

Сулла встал.

— Довольно пустых бесед! — вскричал он. — Будем веселиться! А ты, Хризогон, веди своих девушек сюда! Но сперва вымой их как следует да наряди по-царски!

Глава XXII

Отбрасывая Рим на несколько веков назад, Сулла меньше всего думал о благе республики. Главной целью его было восстановление власти патрициев, сената и тех новых оптиматов, которые поддерживали его и в руках которых сосредоточились крупные средства и большие участки земли. Преград для него, казалось, не существовало. Человеческая жизнь? Она не стоила стершегося медного асса. Слезы и нарекания тысячей семейств? Раны уязвленных залечит Хронос, а кто не выдержит горя и раньше срока сойдет в Аид — значит так суждено. Тяжелое положение плебса, пролетариев и рабов? Это предопределено свыше: как среди божеств есть высшие и низшие, как в природе существует такое же разделение, так и среди человечества было, есть и будет ведущее сословие, которому должны подчиняться прочие, обреченные на подневольную жизнь.

«Разве охлократия не противоестественна? — размышлял он, — разве можно плебсу бороться с нами, полубогами? Все в жизни взвешено и определено заранее, все совершается по законам, как бег небесных светил, и если мне, Люцию Корнелию Сулле, суждено восстановить жизнь древних времен и освободить Рим

от сословных войн, так оно и будет. А если нет, то дело мое рухнет, как только я умру... Но и тогда оно будет примером для тех, кому придется воевать с восставшей чернью. Не щадить врага, добиваться главенства патрицианских семейств — священная обязанность мужей, родственников нам по крови, духу, воспитанию, образованию и способностям, какие недоступны низким сословиям, предназначенным быть слугами и исполнителями воли избранных».

Он был уверен в успехе не потому, что его любили или поддерживали единомышленники (все трепетали перед ним, а он презирал их), а оттого, что убедился в своем призвании, считал себя любимцем богов. В его груди билось каменное сердце воина и тирана, привыкшего к крови, а равнодушие ко всему вызывало жестокость и внутреннюю пустоту. И хотя его жизнь часто освещалась вспышками необузданно-шумных увеселений и утонченного восточного сладострастия, сердце его оставалось холодным.

Государственные дела утомляли. Все было сделано, и неужели еще работать на пользу бездушного сословия, которому суждено властвовать? Неужели положить для него до конца все силы и в итоге получить кличку “Кровавого”, а после смерти слышать в Аиде от душ, перевезенных Хароном, что на земле, в солнечной Италии, все радуются его смерти? Нет, он не будет больше трудиться для неблагодарных!

Вышел в сад и, скрипя красными высокими башмаками по египетскому песку, устилавшему дорожки, зашагал к мраморной скамье.

В саду пели, работая, невольники. Их голоса доносились из-за подстриженных кустов пестумских роз. Песня была галльская, и, слушая ее, Сулла вспоминал походы против кимбров и тевтонов.

Песня утихла. Прошли рослые бородатые рабы, за ними потянулись невольницы с носилками, наполненными свежей землей, с кожаными мешками с известью.

А он сидел, задумавшись, — пройденная жизнь казалась ему огромной, как Альпы.

Давно уже смутное решение тайлось
в глубине его сердца, вызывая

беспокойство, но государственные
дела заглушали его. Однажды, проснув-
шись, он созвал друзей и объявил, что отрекается от
власти.

— Сделано все: Рим укреплен, республика вознесе-
на на недостигаемую высоту, вредное движение плебеев
подавлено, государство будет процветать в спокойст-
вии и благоденствии.

Власть была целью, и она достигнута. И теперь мо-
жно было отдохнуть, пожить личной жизнью с краса-
вицей Валерией, дочерью аристократа Мессалы, на
которой он женился вскоре после смерти Цецилии Ме-
теллы. Друзья умоляли его остаться во главе респуб-
лики, рисовали картины восстаний и упадка сената.

— Пока ты стоишь у власти, — говорил Катилина, —
спокойствие обеспечено, но если ты отречешься —
Рим погибнет, и мы с ним. Не лучше ли тебе отдох-
нуть, а потом вернуться к государственным делам?
Разве тебе, Эпафролиту, не помогают боги?

Лукулл поддержал Катилину.

— Все мы за тобой, как за каменной стеной, — ска-
зал он, дружески сжимая руку Суллы, — а благо рес-
публики требует жертв...

Даже Марк Красс, которого как будто мало могло
занимать решение диктатора (его голова была занята
различными способами обогащения и темными торго-
вскими делами), присоединился к просьбам друзей:

— Умоляю тебя, всесильный и премудрый любимец
богов, не покидай кормила римского корабля!

Но Сулла был непреклонен.

— Друзья мои, я устал, у меня есть другие дела, но издали я буду наблюдать за государством и в нужную минуту приду на помощь. Он надел пурпурную тогу и позвал ликторов: двадцать четыре человека, все

в тогах, с фасциями на левом плече, гордо выступали перед диктатором. Шел, окруженный друзьями. Народ расступался: мужи, останавливаясь, снимали шапки, женщины и дети кланялись, всадники сходили с лошадей, обнажали головы. Сулла, улыбаясь, приветствовал народ. Он видел плебеев, сворачивавших при виде его в проулки, видел их хмурые лица и продолжал улыбаться, точно ничего не замечая. Форум встретил его шумными возгласами — в этот день собирались комиции, чтобы переизбрать консулов. Народу было так много, что казалось, пробраться было невозможно. Сулла взошел на ростры. Ликторы стояли тут же, охраняя диктатора.

— Римляне!..

Форум мгновенно затих.

— Я пришел сказать вам, что отказываюсь от диктатуры, отрекаюсь от власти и готов дать отчет о своих действиях...

Ошеломленный народ молчал.

— Ликторы, — продолжал Сулла, — вы свободны! И вы, корнелии, тоже, ибо человека, удалившегося к частной жизни, не принято охранять или воздавать ему почести.

Он сошел с роствра и стал прохаживаться с друзьями среди остолбеневшего народа.

Добровольное отречение было неслыханным делом.

В этот день весь город волновался. Нобили спрашивали друг друга: счастье это или несчастье для Рима? Плебеи и рабы уверены были, что это начало освобождения, начало борьбы, забывая, что сенат состоял из сулланцев и ставленников диктатора, что двести пятьдесят тысяч ветеранов императора находились в Италии на землях проскриптов, а десять тысяч корнелиев готовы были пожертвовать жизнью за своего господина. Однако слова Суллы, даже теперь, после отречения, было бы достаточно, чтобы поднять всю Италию.

Веселый, как будто помолодевший, Сулла возвращался домой, беседуя с друзьями. Дорогой к ним пристал молодой римлянин и не отходил ни на шаг.

— Рыжий пес! — кричал он с пеной у рта. — Палач римского народа! Вся Италия залита тобой кровью, в каждом доме траур, в каждом доме имя твое произносятся с проклятием! Пусть Немезида воздаст тебе за каждое убийство, пусть Юпитер поразит тебя молниями!

Катилина выхватил кинжал, обернулся к юноше.

— Замолчи! — крикнул он. — Не смей оскорблять спасителя отечества!

И, замахнувшись, он поразил бы юношу, если бы Сулла со смехом не удержал его:

— погоди, друг! Я только частный человек...

И он продолжал путь, не обращая внимания на оскорбления юноши.

Входя в дом последним, он задержался в дверях, шепнул Хризогону:

— Выследи... Голову доставишь мне вечером.

И, войдя в атриум, сказал:

— Такие оскорбления со стороны негодяев будут причиной, что ни один диктатор в будущем не откажется от власти. Впрочем, я ожидал оскорблений — и не утратился. Разве Люций Корнелий Сулла боялся когда-нибудь? Меня сопровождает громкое имя непобедимого императора, и его достаточно для моей личной и римского народа безопасности. Вокруг меня грозятся Херонея, Орхомен и Сигнион, и моих законов не смоют волны крови римского народа.

— Ты прав, — сказал Катилина, — но без верной стражи и без ликторов ты не можешь быть спокоен. Кто порукой, что не будет на тебя покушений?

Сулла рассмеялся.

— Дело мое сделано, чего же больше? А если у меня нет ликторов, разве стал я меньше Суллой? А покушения — пустяки: никто не посмеет. Ибо за меня сенат, право и законы...

На другой день он уехал с семьей в одну из вилл, находившуюся близ Путеол.

Глава XXIII

Друзья остались в Риме. Ни один не последовал за Суллой в Кампанию — так он приказал.

Его вилла находилась в нескольких стадиях от моря, а сады спускались до самого берега. С террасы виднелась мерно дышащая лазурь вод, гористый островок Энаррия, паруса рыбаков, биремы и триремы, бегущие к Неаполю. В жарком ливне лучей даль искрилась, прозрачный воздух, пропитанный морским ветерком и благоуханиями с полей Кампании, был живителен.

Первые дни пребывания в вилле Сулла проводил на берегу — купался, лежал на солнце, опять погружался в волны — и возвращался на террасу подремать в ти-

шине. Потом завтракал с женой и детьми и опять отправлялся на побережье. Усевшись в легкий челнок, он брал с собой сети, отплывал к островку и, закинув их, возвращался на берег. Рядом, за обрывистым утесом, купалась Валерия, а Фавста с невольницей и Фавст с рабами дожидались своей очереди: Сулла придерживался древнего обычая, что отец не может купаться с сыном, мать с дочерью, а зять с шурином.

Слушая визгливые голоса детей, которых рабы учили плавать, Сулла добирался до закинутых сетей и радостно возвещал издали об обильном улове. Он вываливал добычу на песок: серебряные рыбы, вздымаясь, бились и сверкали на солнце. Дети со смехом хватили скользких извивающихся рыб и пускали их в море.

Любил он и охоту: нередко пропадал дни и ночи, ходил в сопровождении рабов на горных коз и никогда не возвращался без добычи. Охотился он также и на зайцев: верхом на коне, с собаками, он загонял их и убивал ударом бича.

Потом он занялся хозяйством: наблюдал, как невольники работали в полях и огородах с двузубыми мотыгами в руках, как они обрезали лозы кривыми ножами, как жали траву и хлеба серпами и уносили колосья в корзинах. Он любил смотреть на молотьбу, простаивая часами на месте. Босоногие загорелые рабы с визгливыми криками прогоняли по колосьям, сваленным на току, крепких мычащих быков, и они вытаптывали из них зерна. Узнав же от вилика, что в Неаполе можно купить трибулу — тяжелую доску с железными выпуклостями, в которую запрягают быков, он сам поехал за ней.

Глядя на рабынь, веявших зерно на ветру, он нашел, что работа производится медленно, и велел приобрести несколько веялок. И когда зерно увозилось в сухие, проветриваемые житницы, установленные на столбах, он весело возвращался домой, считая труд земледельца самым счастливым.

Вскоре он уединился, принявшись за свои «Достопамятности». Сначала он писал их сам, однако медленная работа не удовлетворяла его, и он принялся диктовать их вольноотпущеннику Эпикаду.

Сулла ходил по таблинуму, громко произнося по-гречески, как учитель в школе, и мысли его уносились к незабвенным временам, когда он побеждал войска Митридата, наступая на него с маленькими силами.

Однажды, отпустив Эпикада, он описывал своих жен, любовниц и гетер, наделяя каждую отличительными качествами.

Раб возвестил:

— Господин, прорицатели из Этрурии.

Сулла отложил дощечки. Вошли белобородые мужи.

— Откуда вы? — спросил хозяин.

— С востока.

Сулла улыбнулся — прибытие с востока означало счастье.

— Я вас призвал потому, — сказал он, — что молния ударила в дорожку сада, когда я прогуливался.

В саду земля боковой дорожки была разворочена.

— Подобно тому как умерший должен быть погребен, а душа очищена, — сказал старший прорицатель, — так же необходимо похоронить и очистить огонь молнии.

— Делай, что надо, — заметил Сулла.

— А для этого, — продолжал старик, — прикажи сделать гроб, каменный или кирпичный, со стенками, залитыми цементом, выступающими над поверхностью земли, а затем принеси очистительную жертву...

— Какую?

— Двухлетнего ягненка.

Вечером предсказатели занялись наблюдением молний. Они различали одиннадцать видов их, по цвету и временам года, и когда кончили созерцание, пришли к Сулле глубокой ночью и разбудили его:

— Воистину ты счастлив, Счастливейший! Юпитер заботится о тебе: небесные огни были справа, ни одного не заметили мы слева. Венера любит тебя, и если ты все свои помыслы отдашь ей, она наградит тебя любовью самых юных и красивых девушек. А жизнь твоя будет спокойна, и ты завершишь все, что задумал...

Щедро наградив прорицателей, Сулла отпустил их. Он испытал суеверный страх перед этими людьми и боялся, как бы они не сделали ему зла.

«Кто их знает, — думал он, хмурясь, — подкупят их мои враги, и несчастья посыплются на мою голову. Пусть уезжают поскорее».

И когда они чуть свет отправились по дороге в Путьеолы, он вздохнул с облегчением.

Работая однажды над своими «Достопамятностями», Сулла услышал знакомый голос и вышел в атриум.

Навстречу ему шел претор Сизенна.

Они дружески обнялись.

— Давно из Рима? Что нового?

— Жизнь течет спокойно, благодаря твоим мудрым законам. Красс по-прежнему поджигает дома квиритов и скупает их, Катилина кутит день и ночь, Помпей занят любовными похождениями и враждует с Крассом из-за первенства, а Лукулла в обществе не видно: говорят, он занимается философией Эпикура, а досуг проводит в объятиях невольниц.

— Ну а ты?

— Я пишу, император, историю твоей жизни, походов, побед, завоеваний, диктатуры, мудрых законов и восстановления древней жизни.

— Когда я закончу свои «Достопамятности», ты сможешь ими воспользоваться, чтобы пополнить недостающие сведения.

— Благодарю тебя. Ну а ты, император, как проводишь дни, как твое здоровье, что читаешь?

— Живу хорошо, здоровье крепко, а читаю Аристотеля. Представь себе, я нашел у него мысль о летающей душе: человеческая душа существует в человеческом семени, которое состоит из эфирной воды. А если это так, что душа преходяща, она перешла в детей, может быть частица передалась жене, передается любовницам...

— Увы, — вздохнул Сизенна, — если человек и живет в своем потомстве, — он ничего не помнит о прошлом, и жизнь представляется не бесконечной, а конечным отрезком в определенное время. Доказательство бесконечного — в самой природе человека: разве нам не кажется, что мы всегда жили (начала жизни не осознаешь) и будем жить вечно, хотя и знаем о смерти? Поэтому жизнь — сон, нечто кажущееся, представление, как учил Ксенофонт, а действительно сущее — в мире идей...

— Не люблю Платона, — нахмурился Сулла и, оборвав беседу, задумался.

Вечером мимы разыгрывали непристойные сценки из жизни горожан. Игра мимов становилась все разнузданнее. Сулла хохотал, смеялась и Валерия. Только Сизенна хмурился, думая: «Император — великий муж, мудрый, образованный, и я не понимаю, как может его занимать и веселить такое зрелище? Мимы тешат обыкновенно грубую и темную толпу, но муж разумный должен выбирать изящную игру гистрионов, смотреть трагедию или пантомиму... А может быть, возврат к старине — возврат к грубым нравам?»

Когда игра кончилась, Сизенна спросил Суллу, возлегая с ним за столом:

— Скажи, император, как я должен упомянуть в истории о твоей любви к мимам? Возврат ли это к старине, или просто тебе по душе грубая сторона жизни, возбуждающая похоть?

— Ни то, ни другое, дорогой друг! Игра мимов обновляет душу, указывая на дурные стороны римской жизни. Вот он, Рим, гнездо пороков и разврата!..

Сизенна молчал.

«Император осуждает дурные стороны жизни, — думал он, — а сам находится во власти пороков и разврата. Может быть, величеству дозволено действительно все? Но нет! Все мы — квиристы, и над нами властвует один закон!»

Глава XXIV

Второй день чувствовал Сулла легкое недомогание, но так же, как всегда, вставал рано, прогуливался в саду, обходил хозяйство и требовал отчета у вилика. Нерадивых или ленивых рабов приказывал сечь плетьюми и сам присутствовал при наказании.

Он был озабочен и торопился закончить XXII книгу своих «Достопамятностей». Медленно шагая, он диктовал рабу греку:

«Люций Корнелий Сулла Счастливым и Эпафродит, диктатор и автократор, должен был прожить, по предсказанию халдеев, счастливо и умереть, успешно завершив все свои дела. Боги захотели, чтобы так было. Во время болезни явился ему во сне сын, скончавшийся немного раньше любимой жены Метеллы; одет он был бедно и так сказал отцу: «Я и мать скучаем по тебе, дорогой отец, а ты даже на отдыхе обременен многими заботами. Прошу тебя, успокойся. Пойдем вместе к матери, чтобы жить мирно с ней, не зная забот...»

Голос дрогнул, но Сулла тотчас же овладел собой и распахнул дверь в атриум.

Верные друзья, среди которых находились Лукулл, Катилина и Хризогон, дожидались его, перешептываясь. Они только что приехали, вызванные из Рима, и, увидев Суллу на пороге, встали, приветствуя его громким: «Vivat». Они знали уже о болезни властелина и, пожимая его горячую руку, подумали, что у него лег-

кая лихорадка и следовало бы принести жертвы богине Фебрис, чтобы умилоствивить ее, но сказать об этом не решились. Только один Лукулл воскликнул непри-
нужденно:

— Да сохраняют тебя боги, дорогой Люций Корне-
лий, для блага родины! Ты бы лег отдохнуть...

— А разве я так плох? — усмехнулся Сулла и рас-
сказал сон, виденный под утро.

Голос его был тверд, лицо спокойно, лишь блестели
глаза и румянец покрывал щеки.

— Друзья, я болен и скоро сойду в Аид, — говорил
Сулла равнодушным голосом, точно делал распоряже-
ния о государственных делах. — И потому я побеспо-
коил вас. Завещание уже написано: все свое состояние
я завещаю... Хризогон, позови госпожу, — прервал он
себя и, дожидаясь Валерию, заговорил о Риме, о похо-
де Метелла Пия против Сертория, и когда вошла Ва-
лерия, толстая, беременная, переваливаясь, как утка,
он улыбнулся. — Жена, я позвал тебя, чтобы объявить
о завещании: все состояние я завещаю тебе и детям, а
опекуном назначаю Люция Лициния Лукулла, лучше-
го друга...

Побледнев, Валерия рванулась к мужу.

— Люций, — вскрикнула она пронзительным голо-
сом, — что ты говоришь? Зачем торопишься со смер-
тью и с завещанием? Ты бодр телом и душою. Ты...

— Мужайся, — сжал он ее руку. — Друзья будут
свидетелями и подпишут завещание...

Не возражая, Валерия села в кресло и слушала с
тревожно бьющимся сердцем спокойную речь мужа,
смотрела, как друзья проходили, неловко задевая друг
друга, почти на цыпочках, в библиотеку и как выхо-
дили оттуда, взволнованные, с дорогими подарками. В
руках Катилины она увидела золотую пергамскую ва-
зу с изображенным на ней боем Тезея с Минотавром;
Хризогон надевал на палец перстень со смарагдовой
геммой, на которой был высечен Митридат, выдаю-
щий Сулле корабли, а печальный Лукулл нес две таб-
лички. Валерия подозвала его движением руки.

— Что у тебя, Люций Лициний? Все получили дра-
гоценные подарки, и лишь ты...

— Ты ошиблась, госпожа! Я получил куда большие сокровища, чем все друзья вместе. Взгляни...

На первой дощечке было выведено рукой Суллы:

«Посвящаю

двадцать две книги моих «Достопамятностей» лучшему моему другу Л. Л. Лукуллу, которого прошу выправить слог, дабы потомству легко было читать мой труд»,

а на второй начертана эпитафия:

«Никто не сделал столько добра своим друзьям и зла врагам, как Люций Корнелий Сулла Счастливым, диктатор, Эпафродит»

Валерия заплакала и вышла из атриума.

— Позовите Миртион! — донесся голос хозяина.

Хризогон бросился в глубь дома, расталкивая рабов и невольниц, столпившихся у двери. Сулла появился на пороге. Увидев слуг, он побагровел:

— Зачем собрались? Бездельники!.. Эпикад! — закричал он подбежавшему вольноотпущеннику. — Двадцать бичей каждому — здесь, в саду! Я сейчас...

И вдруг лицо его смягчилось, просветлело, в глазах затеплилась, как тихий огонек, ласка: из перистиля донесся нежный грудной девичий голосок, затем — легкие быстрые шаги, и веселая румянощекая Миртион, с завитыми локонами, в розовой тунике, появилась в атриуме.

— Я пришла. Что прикажет господин?

Он пропустил ее в опустевшую библиотеку, загроможденную свитками редкостных папирусов и пергаментов, задернул завесу.

— Миртион! — прошептал он, протягивая к ней руки.

Певица опустилась на колени, взяла обе руки господина, прижала их к своей груди.

— Я отпускаю тебя на волю, — медленно говорил Сулла, — и дарю тебе сто тысяч сестерциев. Будь счастлива. Спой же мне на прощанье песню Сейкила...

Глава XXV

На другой день Хризогон сообщил ему, что Граний, квестор ПUTEОЛ, ожидая смерти Суллы, не вносит в казначейство денег, пожертвованных всадниками на возобновление Капитолия. Сулла рассвирепел и приказал рабам схватить Грания и привести в свой дом.

Сначала он бил его по щекам, потом, свалив ударом кулака на пол, приказал задушить. Он смотрел, как рабы вцепились Гранию в горло, слышал хрип, видел посиневшее лицо и выкатившиеся глаза и кричал в бешенстве:

— Не жалейте вредного пса!

Подбежав к жертве, он топтал ее, не замечая, что задевает рабов. И вдруг, побелев, упал на руки Хризогона и Эпикада, — кровь хлынула горлом. Его отнесли в кубикулюм, привели в чувство. Прибежали Валерия, сын и дочь. Жена смотрела на бледное лицо мужа и думала, что вот лежит человек, гроза Италии и провинций, сильный, непобедимый, и его побеждает недуг.

Сулла привстал на ложе:

— Соберите друзей, кифаристок и танцовщиц, позвать Хризогона!

И не успел вольноотпущенник появиться на пороге, как Сулла сказал:

— Будем петь, веселиться. Отнесите меня в атриум.

Звенели сестры, пели кифары, заливались цитры, гремели кроталлы, кимвалы, и нагие танцовщицы медленно плыли, как видения, к ложу Суллы, а он равнодушно смотрел на смуглые гибкие тела и слушал пение Миртион. Казалось, девушка вложила в песню всю свою душу; припев грустно звенел, все были расстроганы, а Сулла не спускал глаз с продолговатого лица гречанки, с ее полных красных губ. И когда звуки затихли, он приказал перенести себя в кубикулюм и позвать певицу.

— Что еще прикажет господин? — выговорила она дрожащими губами.

Ей было жаль этого человека: он любил ее, отпустил на волю, подарил много денег, и она испытывала к нему чувство привязанности и благодарности.

А он гладил ее волосы, щеки и говорил:

— Я хочу вобрать в себя твою красоту, твою душу, твое сердце... Я хочу унести с собой в могилу формы твоего юного тела... О Миртион! Разденься...

Девушка расстегнула застежку, сбросила хитон и предстала перед Суллой, белея строгой наготой богини.

Всю ночь он спал беспокойно. Друзья и Валерия сидели попеременно у его ложа; врачи, астрологи, халдеи говорили противоречиво о болезни и предсказывали выздоровление. Но друзья не верили им: любимец богов знал больше этих жадных торгашей. Разве он не был мечом, посланным на землю, чтобы установить порядок, даровать римлянам законы далеких дедовских времен? Разве он не повернул железной рукой всю жизнь к старому, разве не пресек кровавую борьбу сословий?

Так думал Катилина, усаживаясь у ложа. Он только что сменил Лукулла и беспокойно смотрел на бледное лицо Суллы, стараясь угадать, умрет он или выживет, и чем больше смотрел, тем больше терялся, не зная, что думать.

Сулла вздохнул, приподнялся и упал на подушку. Катилина, застывши, смотрел на него растерянными, потемневшими глазами.

— Люций Корнелий Сулла! — громко сказал он, дотронувшись до его руки.

Сулла не шевельнулся. Он умер тихо, точно заснул.

Глава XXVI

«Поэт Архий — Марку Туллию Цицерону.

Спешу порадовать тебя, дорогой друг, неожиданной вестью: Сулла умер! Через несколько дней эти два слова облетят Рим и провинции, молва о смерти императора докатится до черной Эфиопии, до Кавказа, Армении и Скифии, за Альпы — от Галлии до Рейна. И весь мир вспомнит победоносного полковод-

ца. Одни подумают: “Слава богам, призвавшим палача рода человеческого, свирепого зверя!” Другие скажут: “Теперь республика отдохнет от его кровавого деспотизма!”

Что и говорить — грозный диктатор оставил кровавые следы, которые едва ли сотрет Хронос!

Несколько дней я бродил по городу, прислушиваясь к речам народа: всюду брань и проклятья; матери пугают его именем плачущих детей. Незавидная слава! Популяры требовали лишить императора почётногo погребения и предать земле в Путьеолах, но Помпей и сулланцы настояли на торжественных похоронах.

На колеснице, окруженной знаменами, запряженной шестеркой черных лошадей, покоилось набальзамированное и умащенное благовониями тело, покрытое пурпурной с золотом императорской мантией. Похоронный поезд следовал через Кумы, Минтурны, Формии, Велитры, Арицию. Впереди и позади колесницы шли двести сенаторов, много всадников, представители италийских городов, ликторы, римские легионы со своими орлами, тысячи корнелиев, музыканты, матроны в трауре и народ. А дальше следовали Фавст и Фавста, дети Суллы от Цецилии Метеллы, Валерия, племянники, родственники, вольноотпущенники, плакальщицы и опять музыканты. Тысячи ветеранов сбегались отовсюду, дабы проводить императора до могилы, отдать ему последний долг. Я видел седых, бородатых легионариев, которые плакали, корнелиев и вольноотпущенников со скорбью на лицах. Воины и граждане несли золотые венки — дары от городов, легионов и друзей. Затем шел жрец, чтобы заколоть у костра любимых животных покойника, а рабы вели боевого коня, лошадей, мулов и собак. Шествие замыкалось легионами, сражавшимися под начальством Суллы.

Глядя на патрицианок, несших на носилках ладан и корицу, благовония в алебастровых сосудах, самые дорогие духи, приятный запах которых распространялся по улицам, видя сенат в полном составе, весталок, магистратов, золотые знамена, сверкающее

оружие и трубачей в красных одеждах, слыша звуки длинных серебряных труб, я думал: “Кого хоронят? Тирана. И почему же никто не крикнет ему проклятья?” Сначала я недоумевал, а потом понял: страх перед корнелиями и ветеранами запечатал всем уста.

Колесница остановилась на форуме, против ростр. Один из уважаемых всеми римлян произнес надгробное слово, потому что Фавст был еще молод для этого. Сенаторы подняли тело и понесли на руках до Марсова поля, где погребались только цари. Ты удивлен, дорогой Марк Туллий, не правда ли? Боги, говорят, справедливы и воздают по заслугам. А ведь Сулла был безбожник: он не верил в богов, смеялся над ними и в то же время был суеверен. Как совместить это? И как совместить, что боги возвеличили безбожника, послали ему спокойную кончину и позволили приравнять его к царям? Признаюсь, я растерян — голова идет кругом. Одно для меня ясно: Сулла был царем. Диктатор, автократор!

О боги, чего же больше?

На Марсовом поле был сооружен огромный костер, возле которого поставили носилки с трупом. Валерия подошла к покойнику и, положив ему в рот мелкую монету, поцеловала в губы и сказала: “Прощай! Мы все последуем за тобою в порядке, предписанном природою”. Музыканты заиграли похоронный гимн, жрецы закололи животных и, смешав кровь с молоком, медом и вином, разлили вокруг костра. Потом приблизились женщины, принесшие благовония (Марк Красс утверждает, будто из дорогого ладана и корицы была сделана большая статуя Суллы и поставлена на костер), и началось возлияние ароматных масел. А толпа стала бросать венки — ими был завален не только костер, но и место вокруг него. Гладиаторы из школы Суллы вступили в бой и пали мертвыми вокруг костра.

Похороны совершались в сумрачный день, накрапывал дождик. Помпей взял факел из рук гробовщика и поджег костер. Когда подул ветер, вспыхнуло огромное пламя и охватило труп; благовония зашипели, распространяя запах. Костер догорал. Вскоре пошел

сильный ливень и разогнал народ. Но друзья и близкие остались. Пепел и кости были с воплями собраны в бронзовую урну с золотыми и серебряными инкрустациями и временно перенесены в храм Геркулеса-Победителя, пока не выстроят на Марсовом поле пышный мавзолей; говорят, Лукулл начнет строить эту гробницу на месте костра, и уже тысячи государственных рабов прибыли на Марсово поле, чтобы работать день и ночь.

Чуть не забыл сообщить тебе, дорогой Марк Туллий, о странном случае, взволновавшем город: Юлия, вдова Мария Старшего, узнав о смерти Суллы, приняла яд, но — слава небожителям! — не успела отравиться: рабы заметили судороги и отнесли ее к греку-врачу, который насильно влил ей в рот рвотное и очистил желудок. Говорят, она кричала: «Я не хочу, я не могу пережить императора!» Не знаю, сплетни это или правда. Лукулл что-то знает, но молчит. Он навещал Юлию, долго беседовал с ней и возвратился довольный. Думаю, что она была влюблена в Суллу, но безнадежно. Не слышал ли ты чего-нибудь об этом?

Не сердись, что я составил такую большую эпистолу. Читая ее, наверно, думаешь: «Вот бездельник! Не дает мне заниматься философией и риторикой!» Но я писал — клянусь богами! — лишь потому, чтобы доставить тебе удовольствие.

Прощай».

Глава XXVII

«Марк Туллий Цицерон — поэту Архию.

Эпистола твоя меня обрадовала. Слава богам! Тирани римского народа освободил вас от своего присутствия; Счастливый лишил вас счастья созерцать его счастье; Эпафродит не будет больше развращать римлянок. И жадный, бесстыдный Хризогон не будет

скупать за бесценок дорогих имений и лжесвидетельствовать, как это было в деле Росция. Но увы! Боюсь, что радость моя преждевременна: Италия переполнена, как сточная труба, нечистотами, его приверженцами: они всюду — в сенате, в городах, деревнях, виллах. Ветераны и корнелии, как соглядатаи, втерлись во все слои римской жизни. Честолюбивый Помпей и алчный Красс попытаются поделить наследство, оставленное палачом. Пусть перегрызутся, лишь бы не пострадала республика!

Знаешь, дорогой Архий, что Сулла, пытаясь отбросить республику к дедовским временам (это не удалось ему даже наполовину), губил ее. Пусть же сохраняют боги нашу родину в целостности и спокойствии!

Ты знаешь, что Суллу я ненавижу: разве я не бежал в Афины, спасаясь от его гнева? Тит Помпоний, друг наш, наследник всадника Муция Помпона, заразился у него эпикуреизмом и проводит время в обществе богоравных гетер. Он пользуется у них успехом, только на меня, тощего, как жердь, страдающего постоянно желудком, они не обращают внимания. О, я, несчастнейший из смертных, лишенный обаятельных ласк дев!.. Но всякому — свое.

Кое-какие слухи о любви Юлии носились по Риму еще при жизни Мария, но они передавались шепотом, потому что бешеный нрав Мария был всем известен. Любовь Юлии — величайший позор, оскорбление тени третьего основателя Рима.

Жизнью в Афинах я доволен и благодарю богов за их милость. Приехав сюда, я сначала слушал асклонца Антиоха и был поражен прелестью его речи: богатство сравнений и фигур сводило меня с ума. Он разошелся во взглядах со школой Карнеада, потому что, став стоиком, поверил в истину чувственного познания. Больше сочувствуя Новой Академии, я стал изучать философию на случай, если бы мне не удалось больше посещать форум.

Каждый день я занимаюсь гимнастикой, чтобы укрепить тело; обрабатываю голос; переписываюсь с римскими друзьями.

По совету Антиоха я стал упражняться в красноречии под руководством известного сирийца Деметрия и посещать знаменитых философов.

Друзья зовут меня в Рим. Не знаю, решусь ли поехать туда, где бродит тень кровавого Суллы. Но пусть это решат за меня боги — вопрошу дельфийского оракула.

Прощай».

СЛОВАРЬ АНТИЧНЫХ СЛОВ

Авгур — жрец.

Агора — площадь для проведения собраний.

Амфиктион — религиозный центр нескольких полисов, служащий хранилищем культовых сокровищ.

Атриум — внутренний дворик в римском доме.

Ауспиции — религиозный обряд, предсказания которого основываются на наблюдениях за полетами и поведением птиц.

Бирема — военный корабль с двумя рядами весел.

Виатор — служитель закона по охране порядка.

Вено — выкуп за невесту, вносимый женихом.

Велиты — легковооруженные воины, самые молодые и самые бедные в римской армии.

Вилик — управляющий римским поместьем.

Гаруспик — жрец, предсказатель.

Гинекей — женская половина в греческом доме.

Гистрион — комический актер античного театра.

Декурион — богатый человек, член городского самоуправления в Древнем Риме.

Децемвиры — члены коллегии из 10 должностных лиц или жрецов.

Децемвирование — обезглавливание каждого десятого в центурии, легионе.

Додранс — кубок, чаша.

Иды — слово этрусского происхождения, обозначавшее середину месяца.

Имплювий — открытое пространство во внутреннем дворике римского дома, окруженное крытыми галереями; бассейн для стока и накопления дождевых вод, расположенный под комплювием.

Календы — в римском лунном календаре первый день месяца.

Калиги — сандалии.

Катаста — место, где выставляли рабов на продажу для всеобщего обозрения.

Квестор — финансовое должностное лицо в Др. Риме.

- Квириты** — название римских граждан, употреблявшееся на народных собраниях.
- Кернос** — сосуд.
- Клепсидра** — сосуд, из которого жидкость равномерно перетекает в другой сосуд. В римских судах использовался по принципу песочных часов. В торговле как определитель нужного объема жидкости.
- Клиент (клиентела)** — форма социальной зависимости.
- Консул** — одно из двух высших должностных лиц в Римской Республике.
- Комиции** — народные собрания в Др. Риме.
- Комплювий** — открытая часть крыши римского дома, служащая для стока дождевых вод в имплювий.
- Краспеда** — одеяние жреца.
- Криб** — библиотекарь, писарь.
- Криста** — парадное украшение шлема из раскрашенных конских волос или перьев птиц.
- Кроталлы** — ударный музыкальный инструмент.
- Кубикулум** — спальня в доме.
- Лары** — древние божества, охраняющие дом и семью везде и повсюду, особенно во время путешествий.
- Легат** — назначаемый Сенатом посол или заместитель командующего армией.
- Легион** — основное подразделение в древнеримском войске, насчитывающее 4200 пехотинцев и 300 всадников.
- Лектика** — приспособление вроде носилок, в которых господа передвигались по городу, переносимые рабами или слугами.
- Лено** — владелец лупанария (дома терпимости).
- Ликторы** — должностные лица вооруженные пучками ивовых прутьев с воткнутыми в них топориками — фасциями, и исполнявшие роль палачей; сопровождали высших магистратов и жрецов во время телесных наказаний или казней.
- Лорика** — металлический нагрудный доспех.
- Манипул** — самое маленькое боевое подразделение в легионе (к описываемым событиям по 30 легионеров в каждом), возглавляемое центурионом.
- Нобили** — правящая знать в Римской Республике.

- Нотабль** — наместник в провинции.
- Оптиматы** — часть сенатской аристократии, поборники консерватизма, сторонники аристократической Республики.
- Охлократия** — крайняя форма демократии, вседозволенность.
- Патриции** — потомки царственного римского рода.
- Патрон** — держатель и защитник своей клиентелы.
- Пенаты** — домашние боги, хранители очага (в сегодняшнем смысле слова — родина, отчий дом).
- Перистиль** — окруженный колоннадой внутренний двор дома с бассейном.
- Пест** — металлический посох — оружие путника.
- Петас, пилос** — греческие головные уборы.
- Плектр** — палочка для извлечения звуков на щипковых музыкальных инструментах (кифаре, лире).
- Посессор** — крупный земледержатель.
- Преторий** — палатка, дворец полководца.
- Преторы** — высшие должностные лица после консулов, в ведении которых находилось городское правосудие.
- Префект** — начальник, командующий, титул высшего должностного лица из числа всадников и сенаторов в армии и на гражданской службе.
- Примипил** — самый главный центурион в легионе, стоявший во главе первой центурии (всего их в легионе две).
- Прицепсы** — во времена Римской Республики сенаторы, значившиеся первыми в списке и первыми голосовавшие.
- Проскрипции** — особые списки людей, объявленных вне закона, имущество которых подлежало конфискации в пользу государства, а самих их казнили.
- Простас** — приемная.
- Простибула** — занимающаяся проституцией.
- Ростры** — корабельные носы, снятые с вражеских кораблей в качестве трофеев, украшавшие ораторскую трибуну на римском форуме.
- Сателлиты** — телохранители.
- Симпосиарх** — распорядитель на пирушке.
- Систр** — трещотка для религиозного обряда.

Стоик — последователь учения Стои (стоицизм), жизненным принципом которого является непроявление своих эмоций при любых неприятностях.

Стола — верхняя женская одежда.

Таблинниум — средняя комната в римском жилище, служившая ранее спальней, а позднее столовой.

Тессера — ярлык на товар.

Триарии — самые лучшие, опытные воины римского легиона, стоявшие в третьем ряду и зачастую решавшие исход сражения.

Трибун — должностное лицо и офицер.

Триба — деление древних римлян по родовому признаку.

Трирема — военный корабль с тремя рядами весел.

Турма — в Римской Республике конный военный отряд из 30 всадников.

Филиппики — три речи древнегреческого оратора Демосфена, направленные против царя Македонии Филиппа II, отца Александра Македонского.

Центурион — командующий центурией, выбиравшийся из опытных солдат за свои заслуги перед отечеством и военное искусство.

Циста — корзина, использовавшаяся в религиозных обрядах.

Эдилы — члены городской магистратуры, помощники римских трибунов.

Эргастерий — ремесленная мастерская.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
--------------	---

ГРАКХИ

Книга первая * Тиберий

Глава I	10
Глава II	24
Глава III	38
Глава IV	48
Глава V	59
Глава VI	70
Глава VII	75
Глава VIII	80
Глава IX	87
Глава X	93
Глава XI	100
Глава XII	109
Глава XIII	124
Глава XIV	127
Глава XV	134
Глава XVI	137
Глава XVII	143
Глава XVIII	157
Глава XIX	162
Глава XX	170
Глава XXI	181
Глава XXII	190
Глава XXIII	196
Глава XXIV	205
Глава XXV	212
Глава XXVI	219
Глава XXVII	225
Глава XXVIII	234
Глава XXIX	236
Глава XXX	239
Глава XXXI	245
Глава XXXII	251
Глава XXXIII	260
Глава XXXIV	266
Глава XXXV	277
Глава XXXVI	282
Глава XXXVII	286
Глава XXXVIII	293
Глава XXXIX	296
Глава XL	298

Книга вторая * Гай

Глава I	300
Глава II	303
Глава III	306
Глава IV	312
Глава V	316
Глава VI	318
Глава VII	322
Глава VIII	325
Глава IX	327
Глава X	331
Глава XI	333
Глава XII.	335
Глава XIII	338
Глава XIV	342
Глава XV	344
Глава XVI	346
Глава XVII	356
Глава XVIII	360
Глава XIX	370
Глава XX	377
Глава XXI	383
Глава XXII	388
Глава XXIII	391
Глава XXIV	394
Глава XXV	398
Глава XXVI	401
Глава XXVII	403
Глава XXVIII	407
Глава XXIX	411
Глава XXX	416
Глава XXXI.	420
Глава XXXII.	422
Глава XXXIII	425
Глава XXXIV	431
Глава XXXV	436
Глава XXXVI	440

МАРИЙ И СУЛЛА

Книга первая * Марий

Глава I	443
Глава II	447
Глава III	449
Глава IV	455
Глава V	458
Глава VI	462
Глава VII	464
Глава VIII	479
Глава IX	482
Глава X	486

Глава XI	494
Глава XII	496
Глава XIII	497
Глава XIV	499
Глава XV	501
Глава XVI	507
Глава XVII	509
Глава XVIII	512
Глава XIX	517
Глава XX	520
Глава XXI	522
Глава XXII	525
Глава XXIII	526
Глава XXIV	529
Глава XXV	531
Глава XXVI	535
Глава XXVII	538
Глава XXVIII	541
Глава XXIX	543
Глава XXX	549
Глава XXXI	554
Глава XXXII	558
Глава XXXIII	562
Глава XXXIV	567
Глава XXXV	571
Глава XXXVI	575
Глава XXXVII	579
Глава XXXVIII	585
Глава XXXIX	592
Глава XL	595
Глава XLI	602
Глава XLII	605
Глава XLIII	610
Глава XLIV	615
Глава XLV	618
Глава XLVI	625
Глава XLVII	627

Книга вторая * Противостояние

Глава I	630
Глава II	632
Глава III	635
Глава IV	639
Глава V	641
Глава VI	645
Глава VII	647
Глава VIII	650
Глава IX	653
Глава X	655
Глава XI	659
Глава XII	664
Глава XIII	668
Глава XIV	671

Глава XV	675
Глава XVI	678
Глава XVII	681
Глава XVIII	684
Глава XIX	687
Глава XX	691
Глава XXI	694
Глава XXII	699
Глава XXIII	701
Глава XXIV	705
Глава XXV	708
Глава XXVI	712
Глава XXVII	714

Книга третья * Сулла

Глава I	718
Глава II	723
Глава III	726
Глава IV	730
Глава V	734
Глава VI	738
Глава VII	741
Глава VIII	745
Глава IX	751
Глава X	755
Глава XI	758
Глава XII	762
Глава XIII	768
Глава XIV	771
Глава XV	774
Глава XVI	777
Глава XVII	787
Глава XVIII	790
Глава XIX	793
Глава XX	794
Глава XXI	799
Глава XXII	804
Глава XXIII	809
Глава XXIV	814
Глава XXV	817
Глава XXVI	818
Глава XXVII	821
Словарь античных слов	824

Милый Езерский
ГРАКХИ
МАРИЙ И СУЛЛА

Исторические романы
(Для старшего школьного возраста)

* * *

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
ТОМ XXIV

Ответственный редактор В. Голубихин
Редактор Г. Губанов
Художественный редактор В. Никитин
Технический редактор В. Казбеков
Корректор О. Лозбинева

ЛР № 071669 от 26.05.98 г. Изд. № 0699286.

Подписано в печать 26.05.99 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Школьная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 43,68.

Уч.-изд. л. 43,2. Зак. 745.

Издательство «ТЕРРА».

113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

